184(2 Рос-Рус) 6
К 59

Сергей Козлов

Конь серый
бесконечно

Сергей Козлов

Ночь перед вечностью

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека
КО

ГИПП «Уральский рабочий»
Екатеринбург
2000

- 61495 - 3

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека
обязательный экз.

84 (2Рос=Рус) 6
К
ББК 84 (2=Рус)7
К 59

*Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения автора.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

Предисловие *А. В. Пивоварова*
Примечания *С. С. Козлова*
Оформление художника *А. С. Лященко*

Козлов С. С.
К 59 «Ночь перед вечностью»: Роман; Повести; Рассказы. Предисловие А. В. Пивоварова; Примечания С. С. Козлова. — Екатеринбург: ГИПП «Уральский рабочий», 2000. – 480 с.

В книгу талантливого тюменского писателя С. С. Козлова вошел роман «Отражение», повести «Русский Фауст» и «Репетиция Апокалипсиса», а также рассказы «Ночь перед вечностью», «Крик души», «Адиафора», «Метафизика любви» и другие.

ISBN 5-85383-166-6
© Козлов С. С., 2000.

«Ночь перед вечностью» — книга, которая читается на одном дыхании, но, как завороженного, возвращает к себе читателя вновь и вновь. Она многопланова и неоднозначна, каждый прочитывает в ней то, о чем шепчет ему мерцающее в просвете вечности подсознание. Труднее всего определить ее жанровую принадлежность, т. к. и форма, и содержание этой книги не принадлежат, а объективно существуют как художественная данность во времени и пространстве. Когда, с удивлением для себя, переворачиваешь последнюю страницу, остается много вопросов: что это — мистика, фантастика, гипоманиакальный бред или алогичное современное бытие...

Разумеется, критики найдут здесь множество недостатков и слабых сторон, но никто не сможет упрекнуть эту книгу в тоскливой скучности и бледноязычии.

Американские блокбастеры и наскоро слепленное российское аморальное чтиво вряд ли вызовут потребность задуматься о вечном и непреложном, в котором им, скорее всего, и не будет места. Разрекламированные «душераздирающие» однодневки... Но день на исходе. Приходит ночь. Ночь перед вечностью...

Александр Пивоваров
Член Союза дизайнеров России,
директор дизайн-ателье «Алекс Фанд».

ОТРАЖЕНИЕ

Как будто в мнимом бытии,
В существовании условном,
Проистекают дни твои
И нет конца и края оным.

И ты, как собственный двойник,
Чумной, беспомощный, неправый,
Бредешь в поваленный тупик
Через развалины державы.

И чуешь — далее нельзя,
И шиты белым злые козни!
Но сам собой, юля, скользя,
Вползает в мир порядок косный...

(Михаил Федосеенков)

ГЛАВА ПЕРВАЯ: ТАЙНА РОЖДЕНИЯ. СЕМЕН.

1

Путник замер на дороге, глядя в темную глубину неба. Медленно, будто тонула в стоялой воде, падала звезда и упала где-то за едва различимой грядой сосен и кедров на недалеком холме. В такую ночь даже звезды падают не на счастье, а от холода.

Еще некоторое время путник оставался недвижим. Прислушивался. В стылой лесной чаще сухими одиночными залпами отстреливались от мороза деревья, или, казалось, что кто-то сквозь бурелом, увязая по пояс в снегу, пробивается на дорогу. Да и дорога-то — петляющая просека: с обеих сторон, вспенивая на обочине сугробы, наступали на нее седые от мороза сосны и ели; а видна она была только потому, что текла по ней в эту ночь бледно-желтая лунная тоска.

Там, впереди, небо и ночь слились. Дорога будто бы и вела в раскрывшуюся между хвойными стенами пропасть космоса, куда-то в самую сердцевину мироздания, забытую Создателем в звездной пыли.

Ночь многозначительно вымалчивала свою великую тайну. А может, вся тайна и заключалась в том, что этой ночью центр мироздания располагался здесь, совсем рядом, стоит только немного сойти с дороги и углубиться в ночную мглу, в настороженно замерший лес, и нет для него более спокойного, более укромного и более скрытого от любопытных глаз места, чем одетая снегом и припудренная инеем величавая сибирская тайга. Или, может, так кажется любому, кто остановился в звездную ночь на лесной дороге, где ни встречных, ни поперечных, ни догоняющих; когда время, крадучись, замирает, чтобы услышать над своим приземленным течением размеренное на сотни световых лет дыхание вечности.

Белая сова метнулась быстрой тенью по лунной дороге, путник оставался недвижим. Он напряженно смотрел вперед, пытаясь что-то различить и услышать там, где зимняя ночь спаяла небо с дорогой. И едва уловимый скрип снега под чьими-то ногами донесся до его слуха. Этот кто-то шел навстречу, уверенно и ровно отмеряя шагами стылую ночную тишину. Звуки эти ни с чем другим спутать было нельзя.

Прошло несколько минут, прежде чем на доступном взгляду, освещенном луной пригорке замаячила человеческая фигура. И чем ближе она приближалась к ожидавшему, тем больше между ними обнаруживалось сходство. Начиналось оно с одежды, детально совпадающей на обоих, вплоть до складок и пятен на пуховых зимних куртках и царапин на одинаковой обуви. Но более всего поразило бы увидевшего эту встречу полное совпадение лиц – до мельчайших черт, словно кто-то из них встретился со своим зеркальным отражением. Да и заговорили они между собой одним голосом, с одинаковой интонацией, одновременно, слово в слово, задав друг другу один и тот же вопрос:

— Зачем ты пришел?

И только соприкосновение их взглядов могло навести на мысль, что на пустынной зимней ночной дороге встретились-таки две разные сущности. При одинаковом выражении лиц, чуть надменном прищуре глаз излучаемые ими взгляды были разными, точно имели разнополярные заряды.

Некоторое время они стояли молча, словно пытались переглядеть друг друга или заглянуть глубже. Ведь не зря толкуют, что глаза — это

зеркало души. Никто из них взгляда не опустил, просто пришедший на это место вторым отступил на шаг, деловито приосанился и изменил изучающее выражение лица на покровительственно-недоступное.

— Ты все равно ничего не сможешь сделать, ничем не сможешь мне помешать или навредить, так что шел бы ты, Семен, восвояси да подобру-поздорову. Махать кулаками нам не имеет смысла — предсказываю боевую ничью. Ты пораскинь мозгами: я же тебе не мешаю, живи себе, наслаждайся. Вроде как — нам даже на этой дороге не тесно. Все в прошлом, не так ли?

Сказано это было в настолько примирительном тоне, насколько он может звучать из уст недоверчивого человека. Тот, кого он назвал Семеном, смотрел теперь на него без какого-либо выражения, кроме усталости от всего на свете. Он снял перчатки и совершенно незначительным движением достал из кармана куртки пистолет, направив его на своего двойника.

— А так? — только-то и спросил он.

Но двойник даже глазом не повел.

— Это, конечно, выход, но с той разницей, что стрелять ты будешь одновременно в самого себя. Этакое необычное самоубийство. Самый тяжелый смертный грех. Так что валяй, жми курок. Или желаешь перед этим исповедоваться?

2

В длинной очереди на исповедь Семен никак не мог сосредоточиться, не мог отпечатать в уме стройную вереницу грехов, а надо было. Все путалось, одно наплывало на другое, и в результате он то рассеянно наблюдал за происходящим вокруг, то сосредоточивал взгляд на какой-нибудь из икон, то исподлобья следил, как отец Николай внимательно выслушивает многочисленных кающихся бабулек, чуть склонившись над Евангелием. Доносившиеся с амвона старушечьи грехи казались Семену наивными и даже смешными: плохо подумала на соседку, в воскресенье в храм не пошла — стирку делала, недобрым словом помянула покойную золовку, в пятницу ела скоромное... А ведь каялись и плакали! И для каждой из них терпеливый отец Николай находил слова наставления и утешения, и каждая уходила с просветленным сердцем.

Очередь двигалась медленно. В правом приделе уже заканчивалась утренняя служба, и другой батюшка удалился за царские врата, дабы совершить все необходимое для причащения многочисленных

мирян, получивших прощение у отца Николая. Семен посмотрел на часы и тут же устыдился своей суетности. Подумал о том, что и как он сам через несколько минут будет рассказывать отцу Николаю. Уж сколько ночей не спал, точно репетировал речь на Высшем Суде. И то раскаяние до слез, а слезы словно и не из глаз, а из самого сердца, которое нет-нет да и сожмется до боли и трепета, а то и ропот от обиды на все вокруг, или зазвучит вдруг с пафосом и всей подобающей помпезностью оправдательная речь невидимого и гордого защитника перед такими же невидимыми присяжными. А разум и сердце меж тем вступают в спор — кому быть главным судией в раздираемом противоречиями внутреннем мире Семена Рогозина. Страсти покипят и улягутся, но облегчение не приходит. В душе, как после шторма, этакая мертвая зыбь, и темно-серые тучи-мысли проносятся над мутной водой, что поднялась с самых глубин. А покоится на дне этого моря горькое рогозинское одиночество. И уж если представлять его, то представлять огромным монстром-осьминогом, время от времени выбрасывающим свои липкие и сильные щупальца на поверхность, чтобы утопить в морских пучинах то одно, то другое, то потянуть за душу, то резануть по сердцу, то перемешать все напрочь в буйной рогозинской голове. Давно ли буйная-то стала?

С чего начать-то? Родился, учился, женился, пора умирать? Долгая история получится, если подробно. Подойти бы к отцу Николаю и сказать тихо, что нуждаюсь, мол, в частной и долгой исповеди. Но Семен с детства стеснялся хоть о чем-то просить людей, даже если он имел на это право или острую необходимость. И если все же просить приходилось, даже если человеку исполнение его просьбы не составляло большого труда, пустяк какой-нибудь, у Семена непременно возникало навязчивое, месяцами не оставляющее его чувство обязанности по отношению к этому человеку. Больше всего он не любил просить у друзей.

Другое дело — Степан. Тому если надо — он выпросит, не выпросит, так выцарапает, не дадут — возьмет силой или украдет. И назовется Семеном.

3

Уже перед смертью мать рассказывала, что когда была беременна, простудилась сильно. А лечиться как? Восьмой месяц. Ни тебе антибиотиков, ни тебе аспиринов. Короче, никакой химии. Вот и привела к ней соседка Алевтина деда-знахаря. Для городов

да и во время развитого социализма это была большая редкость. Узнай об этом кто-нибудь на работе, засмеять не засмеяли бы, но на каком-нибудь очередном собрании могли выговорить. У них в городской библиотеке, где работала Татьяна Васильевна, такое любили. Мол, как же это так, Татьяна Васильевна, вы же должны нести свет просвещения советскому народу, знакомить его с лучшими произведениями классиков социалистического реализма, а сами до чего дошли? Это ж средневековье какое-то! В самой-то читающей стране! Вам доверили руководить читальным залом, вот и последние партийные решения у вас на стенде... Пожалуй, при хорошем разгоне да под горячую руку, да для идеологического воспитания коллектива могли и в должности понизить и выговор в трудовую впаять.

Врачи неотложки предложили срочную госпитализацию, но Татьяна Васильевна отказалась, о чем пришлось давать специальную расписку. Боялась больниц, в жизни не лежала. Была уверена — попадешь хоть раз на больничную койку, так и будешь там до самой смерти частым гостем. А больничных запахов и бледно-голубых стен на дух не переносила. «Скорая» уехала, а Алевтина, причитая, помчалась звонить знакомым, которые знали нужный адресок. Татьяна попыталась было возражать, но та отмахнулась: «Да не трясись ты за свою работу, что тебе беременной сделают?»

Дед Андрей (сам так велел себя называть) в дом вошел так, будто каждый день здесь бывал, да и с Татьяной Васильевной заговорил, словно она ему близкая родственница.

— Что, прихворнула, Танюшка? — были первые его слова, при этом он как-то необычно ласково потянул ее имя на первом слоге. А как глянул на ее огромный живот, так и похмурел.

Сел и долго молча покряхтывал, теребил бородку да позевывал, и Татьяна Васильевна совсем притихла, поняла, что скажет ей сейчас этот дед нечто важное, а, может, и не очень приятное. Дед же закрыл глаза и протянул над ней руки. Пошептал, позевал, даже, показалось, что заснул совсем. Но потом вдруг встрепенулся, откашлялся громко и посмотрел на нее приветливо.

— За весь век ничего такого не видел. Два человека в тебе, Танюшка, это точно. Два младенчика. Но душа у них одна на двоих.

— Да как же это? — всплеснула руками за его спиной Алевтина.

— Откуда же мне знать? Я ж не ведаю, а просто вижу.

— И что? — тихо спросила Татьяна Васильевна.

— Если б все как в математике было, сказал бы я, что один из близнецов при родах умрет. Но этого-то я как раз и не вижу. А уж как одно на двоих поделят — одному Богу ведомо.

Татьяна Васильевна облегченно вздохнула. Будет у нее двое сынишек, а уж кому души не хватит — она свою отдаст. Да и правда ли все это? Пришел полоумный дед, наговорил всякостей, нагнал тумана, а ты верь.

Дед Андрей улыбнулся:

— Оно, конечно, рентгену больше верят, — будто мысли прочитал, — но душу рентгеном не высветишь, не увидишь. А вот простуду твою мы быстро прогоним. Потеребил бороду и ушел на кухню, где стал кипятить воду, чтобы заварить-запарить травы.

Как бы там ни было, а уже на следующее утро после отвара, приготовленного дедом Андреем, Татьяне Васильевне враз полегчало. Только-то и осталась от болезни слабость после жара. Дед навестил ее и на другой день. Принес клюквы на морс и еще пошептал над ней, позевал, порассказывал байки. А когда пришла Алевтина, засобирался уходить.

— Ну, далее не моя компетенция, а если понадоблюсь — адрес знаете.

Денег не взял. И ушел, пошаркивая, позевывая да плечами пожимая.

А ровно через месяц Татьяна Васильевна оказалась в роддоме. И все было как полагается, и боли никакой сначала не почувствовала... Сначала. Это когда Семен на этот свет пробивался, да и не то слово — пробивался, легко шел, как по маслу. Никто ей не орал на ухо, мол, тужься. Так себе: разговоры вполголоса, даже слышно было как ходит туда-сюда под окном муж — совершающийся отец Андрей Георгиевич. И вдруг началось: резкая боль и первые крики врачей:

— Да как же это?!

— Он же обратно!

— Не может быть...

Понимала, что происходит что-то неладное, но что она могла? Только терпеть и ждать. А потом от боли и вовсе сознание помутилось. Когда стала приходить в себя, рядом с ней была только улыбчивая пожилая акушерка. Ее еще «наседочкой» в роддоме звали. Для таких, как она, рождение каждого младенца не работа, а праздник, оттого и была счастливее всех на свете. И казалось, что скрыта в ее лучистых глазах вечная тайна рождения. Добрая тайна. И нашептывала она эту тайну обессилившим роженицам. Вот и над Татьяной Васильевной шептала ласково:

— Все у тебя хорошо, милая... Два малыша-крепыша. Но один — забияка немножко. Старшего, видать, отпихнул, обязательно захотелось ему первым быть. Да у нас тут пока что места всем хватает. Врач-то наш за двадцать лет практики ничего такого и не видела! Во как. Он-то тебе, неуемыш этот, больно и сделал.

— Значит, оба живые? — прошептала Татьяна Васильевна.

— А как же еще могло быть? — подчеркнуто удивилась «наседочка». Лучше подумай, как звать их будешь. Щас-то не спутаешь, номерки у обоих, а потом?

Считать это обычаем, пожалуй, нельзя. Манера что ли какая-то — называть младенцев именами старших, прославленных, хоть и на уровне семьи, родственников? Голову они с Андреем ломать не стали, дали дедовские имена. У обоих на букву «С», да и имена, слава Богу, русские, без всяких там современных выкрутасов. Научных трудов о влиянии имен на судьбу человека они с Андреем не читали, святцев не знали. А отцы их были вполне достойными людьми: оба войну прошли, трудились честно, награды имели, всю жизнь дружили и даже похоронены рядом.

Близнецы были довольны, сладко чмокали грудь и против дедовских имен не возражали. Андрей им даже свидетельства показал — вот, мол, полюбуйтесь, это вам не пустышку грызть, Семен Андреевич и Степан Андреевич!

Уж когда выходила Татьяна Васильевна из роддома с двумя попискивающими кулями, подошла к ней «наседочка». Подошла без улыбки, вроде как маялась: сказать — не сказать, но все же сказала:

— Знаешь, Танечка, а Семен-то, когда родился, не дышал. Доктор наш — руки и голова золотые...

Наверное, Татьяна Васильевна очень побледнела, где-то в сердце оборвалось, в голову ухнуло.

— Да ты не пугайся, бывает ведь, будет зато потом о чем рассказать, подрастут когда, — заулыбалась опять «наседка».

Знала она или тоже чувствовала? Да и действительно, чего тут бояться: малыши живы, здоровы, и муж счастливый с цветами встречает.

4

Росли одинаково. Все делали одновременно: ели, пили, писались... А над тем, что Степан с младенчества требовал себе одежду как у Семена, Татьяна Васильевна сначала смеялась. Ну где еще

такое увидишь: если на одном близнеце ползунки красные, то и второй себе ревом неуемным такие же требует. Всю ночь будет орать, если что-нибудь у него не так, как у брата. С тех пор и повелось в семье Рогозиных покупать для сыновей все до мельчайших подробностей одинаковое. Накладно, конечно, но что поделаешь? А различать их не составляло труда: Степка свой характер вредный поминутно выказывал. Одну игрушку на двоих они никогда поделить не могли. Степка у Семы обязательно отберет или выревет, а тот сидит потом обиженный, но не плачет и к брату не лезет. Посидит-посидит, найдет себе другое занятие, но Степка и тут как тут. И друзья, и знакомые поэтому всегда им одинаковые игрушки дарили. На разные подарки в семье Рогозиных было наложено табу. Хочешь им неприятности доставить — подари мальцам разные игрушки.

В школу пошли не в один день. Степка вдруг приболел перед самым Первым сентября, а Семена, на удивление, болезнь миновала, и первую неделю он ходил в школу один. Но стоило Степану войти в класс, как разразился первый школьный скандал: он непременно хотел сидеть на том месте, где посадили Семена. Никакие уговоры учительницы на него не действовали, а от громкого рева в кабинет прибежал напуганный директор: думал, убился первоклашка.

Дальше — хуже: спросят на уроке Семена, Степан в слезы, мол, почему не меня, что я — хуже брата своего? И пришлось учителям волей-неволей принять рогозинские правила игры: к доске, так оба, если ставить оценки — одинаковые, если давать поручения — обоим, если наказывать...

А бывало чаще всего так: Степан напакостит, а назовется Семеном. Тому в дневник замечание пишут, он молчит, брата не выдает, но через минуту Степан сам свой дневник учителю приносит: напишите и мне, это мы вместе набедокурили. А у учителя ни желания, ни времени нет разбираться, кто насколько в каждой мелкой шалости виноват, но оставлять ее без внимания из профессиональных соображений он не может. Вот и пишет замечания обоим, а там уж пусть родители разбираются. Правда, года через три такие номера уже не проходили, учителя научились их различать. Да и сам Степан стал серьезнее. Даже захотел от своего брата отличаться: уж если не стандартной школьной формой, то хотя бы ботинками. И учиться пытался сам. Раньше все списывал у брата. Не потому что сам не мог выполнить задание, а потому что хотел, чтобы все у них одинаково было. Учителя могли себя не утруждать проверкой обе-

их рогозинских тетрадей. А тут вдруг вздумал Степан все делать по-своему. Не получалось — злился, замыкался в себе, уходил на улицу один, без брата, но упрямо добивался признания собственного «я», которое должно быть уж если и не лучше, то, по крайней мере, не хуже, чем Семино. Но в итоге все равно получалось, что ему оставалось только повторять достижения Семена. Обгонял он его только в уличных драках и прочих хулиганских выходках, потому что от природы был наглее и настырнее. Да и там, бывало, влезет в драку один против двух-трех, и Семен, сломя голову, бежит на помощь.

Между собой они дрались редко. Знали, что обречены на ничью. Хотя и здесь Степан иногда подличал. Уже помирятся, страсти улягутся, а он извернется, стукнет Семена и отскочит, лишь бы последний удар за ним остался. Этакая символическая победа. А Семен махнет на это рукой, отчего Степану только обиднее: нахохлится и уйдет на улицу, хлопнув дверьми.

Порой Татьяна Васильевна меж ними разрывалась, но старалась больше времени и ласки уделять Степану, пыталась помогать, учила с ним уроки, но тот принимал ее любовь за жалость к слабому и еще больше злился. Исходя из каких-то собственных, а то и дворовых соображений, он зачастую называл Семена «маменькиным сыночком». И все же до поры до времени в трудную минуту они были вместе.

5

— Мужчина, Ваша очередь на исповедь.

Семен встрепенулся. За плечо его слегка тронула стоящая за ним девушка. Он даже не заметил, как очередь подвела его к амвону. Затуманенным взором посмотрел Семен на девушку и сбивчиво то ли поблагодарил, то ли извинился:

— Ах да... Спасибо... Извините... Забылся... — шагнул на амвон. — Простите, батюшка, я не готов еще. Мог бы я прийти в другое время? Мне нужно многое рассказать...

Отец Николай пытливо посмотрел на мирянина. А Семен хотел прочитать в глазах отца Николая так нужное ему понимание. Священник был одного с ним возраста, может, лишь чуточку постарше. Пожалуй, каждый верующий в городе знал этого иерея, да и с ближних и дальних деревень съезжались к нему за советом и благословением. Самая длинная очередь на исповедь всегда была к нему. И Семен встал именно в эту очередь.

Говорили, что у отца Николая есть дар ясновидения, но внешне это никак не выражалось, разве что — одухотворенная печать на лице. Он всегда находил нужные слова для своих духовных чад, умел поддержать в минуты сомнений, и на исповеди самые скрытные и легкоранимые души безбоязненно раскрывались перед его внимательным и немного печальным взглядом. Но главное — вокруг него не чувствовалось, не сквозило ощущение рутинной работы, доведенной до автоматизма, что нередко сопутствует многим священникам в переполненных ныне храмах. Он не работал, он жил этим. Божья благодать есть в каждом священнике, но Божий дар — быть русским батюшкой, видимо, не во всех. У отца Николая этот дар был. Именно к нему ехал Семен в город своего детства, куда приезжал в последние годы только в отпуск или в командировки. И теперь что-то остановило его в двух шагах от престола, на котором лежали Евангелие и крест.

— Придите после вечерней службы в понедельник... Если сможете. — И взгляд отца Николая уже устремился к девушке, стоящей за спиной Семена.

— Хорошо... Я обязательно приду.

Выйдя из храма, Семен облегченно вздохнул. Утренний апрельский воздух и с детства знакомые улицы оживили воспоминания. На сердце было и радостно и грустно, и легко и тревожно, сердце звало. Куда?

Ах, город-город! Родной город. Как и десять, как и двадцать лет назад в конце апреля, пусть и не после коммунистического субботника, улицы и газоны чисты и опрятны. Стволы кленов и тополей окрашены у корня белой известью. Той же белизной сияют бордюры. И нет уже нигде грязных куч умирающего снега, в которых этикетками, пробками, окурками и прочей шелухой цивилизации оттаяло чрево прошедшей зимы. Газоны еще без травы и больше похожи на пограничную контрольную полосу, вдоль которой неровно волнятся следы метел. А небо над золочеными куполами немного пасмурное, будто весна с напускной суровостью вглядывается сверху — все ли готово к ее приходу. Не успевают, как всегда, грачи и галки, шумно суетящиеся в обнаженных скелетах старых тополей. Все остальные уже ждут. Ожиданием этим наполнен воздух, и как бы весна не пряталась за частые серые облака, за окна неумытых троллейбусов, не ускользала прохладным ветром в переулки, люди уже вдохнули ее неизменный, но каждый год по-своему тревожащий вкус новизны.

Семен бесцельно брел по старой улочке, ведущей на набережную. Там с обрыва можно увидеть проснувшуюся, но еще мутную, чуть помятую после зимней спячки реку. По этой улице они бродили, взявшись за руки, с Ольгой, и улица не кончалась. Тогда казалось, что вообще ничто не имеет конца, а движение времени, больше похожее на рывки, несет в себе добрую загадку бурного и многообещающего будущего. Именно добрую... И вот, кажется, еще рывок и ты — там! Теперь же можно лишь сесть на неокрашенную с тех пор лавочку, близ наступающего обрывистого берега и попытаться увидеть то, что, кроме несбывшихся надежд, унесла в себе тихая неторопливая река.

Снова, как в храме, кто-то дотронулся до рогозинского плеча.

— Простите. Вы обронили... — та самая девушка, что стояла за ним в очереди на исповедь, протягивала ему платок.

Точно! Он мял его в руках и поминутно вытирал пот со лба, в храме было многолюдно и жарко. Видно, обронил.

— Спасибо, но не стоило. – Семен теперь уже внимательно посмотрел на девушку.

Она была младше его, наверное, на целый курс средней школы. Легкий плащ скрывал худенькую девичью фигуру. Дунет ветер с реки сильнее и унесет ее. Длинные белые волосы с каким-то небесно-голубым отливом, точеное, как у греческой богини, лицо, и серые, очень внимательные глаза. Красивая, стройная, молодая, и таких сейчас много — так отогнал от себя мысль о том, что она ему нравится, Семен Рогозин.

— Вы в порядке? — как-то по-голливудски поинтересовалась она, но тут же обрусела:

— Что-то с Вами не так...

— Со мной — никак, — согласился Рогозин.

Из-за облака выглянуло солнце, и глаза ее из светло-серых стали вдруг пронзительно голубыми, а по распущенным волосам скользнули золотые искры. Почему он не заметил этого раньше? Ах да, в храме она была в косынке... Рогозин вновь поймал себя на мысли, что ему очень не хочется, чтобы она ушла в то «никуда», откуда так неожиданно, но уже во второй раз явилась.

— Мне кажется, я Вас уже видела раньше. Банально, но может быть, правда?

— Может быть. Я жил в этом городе. Долго и, наверное, счастливо.

— Да нет, мне кажется, я видела Вас по телевизору. В город я приехала два года назад, учусь в университете, на психолога.

— Лженаука, но зато модная, — сказал и тут же сморщился от своей занудно-циничной категоричности Семен. Нужно было прогнать с ее лица тень обиды и недоверия, и он прогнал:

— Психологам нельзя быть такими красивыми. При общении с любым мужчиной Вы будете находить в нем массу комплексов и прочих объектов для своих исследований, а полученные результаты не будут соответствовать действительности.

— Из-за меня?!

— Разумеется. Так что к окончанию вуза Вам необходимо превратиться в малопривлекательную среднестатистическую даму в модных очках и строгом костюме.

— У меня хорошее зрение, — улыбнулась она.

— Психолог без очков, как футболист без мяча. А зовут меня Семен.

— А мне почему-то подумалось — Сергей. Бывает так, смотришь на человека, и кажется, будто доподлинно знаешь его имя, будто на лице написано...

— Издержки постижения психологических дисциплин.

— А меня зовут Наташа.

— А мне почему-то поверилось, что Оля.

Еще минута, и она ушла бы, Рогозин, поверивший было, что сам Бог послал эту девушку в его жизнь совсем не для того, чтобы вернуть скомканный платок, уже мусолил стандартную мысль о приятном, но малозначимом эпизоде ее появления. И все же очень не хотелось, чтобы она исчезла вдруг навсегда в уличной суете. Но она и не уходила, хотя уже давно нарушила допустимые рамки общения с незнакомым человеком. Да кто их устанавливал, эти рамки?

— А Вы, если не секрет, чем занимаетесь?

— Не секрет, но долгая история. Сердце забилось только после ее вопроса. — В данный момент брожу по городу и питаюсь воспоминаниями. Но именно сейчас испытал жуткий приступ настоящего голода. Я три дня добросовестно постился. Даже курить бросил. Поэтому я предлагаю Вам составить мне компанию и отобедать в каком-нибудь жутко дорогом ресторане. Повод? Повод простой: я очень не хочу, чтобы Вы ушли сейчас в свое никуда, сославшись на массу причин, не позволяющих Вам продолжать наше знакомство, а в душе просто опасаясь немного странного и нагловатого незнакомца.

Лобовая атака. Ничего лучшего Семен не придумал. Слишком долго готовился в эти дни к искренности. Да и то не обошелся без витиеватого самолюбования в своей тираде.

- 61495 -
Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека
КО

— Вы похожи на благородного бандита.

— А Вы мне нравитесь. Очень.

Она смутилась. Также честно, как сказанная Рогозиным последняя фраза. Теперь она сможет уйти, и не будет ни малейшей зацепки, чтобы удержать ее.

— Ресторан? Как-то нелепо... После храма.

Да уж, ресторан... Ничего лучшего в голову не пришло. Слово «ресторан», как и «гастроном», и без того с детства вызывало у Семена малообъяснимое отвращение. Из-за своего утробного, чреворычательного «р» что ли? Теперь смутился Рогозин.

Но Наташа пришла на выручку своему новому знакомому:

— Может быть, просто погуляем, а перекусим в каком-нибудь кафе по пути?

— Кто будет гидом? — обрадовался Семен.

— По переменке...

6

Ольга. Она тоже ворвалась в жизнь Семена с весенним солнцем и распущенными по ветру волосами.

Это было еще в школе. Старшеклассники обычно курили на больших переменах в углу школьного двора, где размещались всяческие вспомогательные постройки: гараж, хозяйственный склад, трансформаторная будка. Подальше от суровых глаз военрука, берущих на заметку физкультурников, и укоризненных речей директора. Там же проходили школьные разборки и драки, туда приносили последние новости и анекдоты, там во время школьных вечеров потихоньку приобщались к спиртному.

От всего остального мира школу отделяла литая чугунная ограда, через которую можно было легко перемахнуть, чтобы добежать до ближайшего гастронома за пирожками и сигаретами. Именно сквозь витое литье этой ограды Семен впервые увидел Ольгу. Она бежала по залитой майским солнцем улице Володарского со стороны главной городской площади и бежала как-то смешно и неуклюже, отчего кто-то из десятиклассников показал на нее пальцем, а остальные дружно гоготнули. Смеялся и Семен. Откуда они могли знать, что минуту назад она во весь рост растянулась прямо возле памятника Ленину и здорово ободрала колени и руки. И уж тем более они не знали, что девочка по имени Оля из соседней школы бежит в больницу к брату, кото-

рый сломал ногу. Наверное, она так и убежала бы по своим неотложным делам, а память мгновенно упрятала бы ее развевающиеся волосы и чуть приоткрытый от сбитого дыхания рот под толщу других впечатлений, взглядов, выкуренных у этого забора сигарет, но провожавший ее взглядом Семен увидел, как что-то выпало из кармана ее плаща. Крикнутое вслед «эй, девушка» никакого результата не принесло, и ему ничего не оставалось, как перемахнуть через забор, чтобы подобрать потерянное. А потерянным оказался комсомольский билет. За утерю подобных документов в те времена хоть и не записывали во враги народа, но и по головке тоже не гладили. Взглянув мельком на фотографию, фамилию и имя, Семен положил корочки во внутренний карман пиджака, хотя кто-то из парней предложил тут же торжественно сжечь находку или хотя бы разрисовать фотографию. Но в школе прозвенел звонок, и ватага устремилась на очередной урок, сразу забыв об этом маленьком происшествии. Не забыл только Семен.

Семен позволил себе еще раз заглянуть в подобранный комсомольский билет, только оставшись с ним наедине: после уроков примостился на скамейке в дальнем углу городского парка и стал внимательно его изучать. Девушке, как и ему, было шестнадцать. Никитина Ольга Максимовна, член ВЛКСМ с... Семен рассматривал ее фотографию, и ему вдруг показалось, что он знает ее уже сто лет, точнее — знал всегда. А вот сейчас как будто заглядывает в ее жизнь с черного входа. Может быть, кто-нибудь и посчитал бы это недостойным занятием – сверлить взглядом чужую фотографию, желая через нее проникнуть во внутренний мир человека, но кто этого хоть раз в жизни не делал? Между «оплаченных» и «неоплаченных» взносами страниц была вложена типовая памятка, на которой аккуратным почерком был написан адрес владелицы. Будто знала, что потеряет.

К Ольге Семен пришел лишь через два дня. Все это время он собирался с духом и мыслями, а, говоря проще, искал повод, чтобы завязать знакомство. Он очень боялся прийти в ее дом и после возвращения утерянного документа получить дежурную благодарность, остаться ни с чем у закрытой перед носом двери. Чего он хотел? Пожалуй, точно определить он не мог, но взгляд девушки на фотографии пробуждал совершенно новое, еще не знакомое чувство, вкус которого он еще не понял. Ему и раньше нравились некоторые девчонки, но относился он к ним именно как к девчонкам. Не было, что ли, тайны, в которую, как в этот

взгляд на фотографии, хотелось бы проникнуть. Наверное, это даже можно сравнить с открытием другого мира, загадочного и манящего, в котором пока что живет всего один человек. Никитина Ольга.

Загадка пробуждения первого любовного чувства, его силы и чистоты — тайна, равная по значимости таинству акта сотворения. И Семен никогда и ничего не пытался объяснить для себя в этой тайне, познавая ее не умом, а сердцем. А может боялся, что вместе с тайной исчезнет и сама любовь? Он просто погружался в нее, как в течение великой реки, где, попадая в стремнину, уже не видишь не только берегов, но и не отличаешь воды от неба.

Дверь открыла мать — Елизавета Сергеевна — и посмотрела на Семена с явным недовольством и подозрением. Прежде чем позвать Олю, выяснила: кто, зачем, откуда. Сразу стало ясно — маме он не глянулся, а потом выяснилось, что ей вообще мало кто глянется. Колкий и холодный взгляд ее да еще воспитательный тон голоса заставили Семена отступить в глубину подъезда. Уже без всякой надежды он протянул суровой мамане подобранный им документ и после ее сухого «спасибо» шагнул на лестницу, но именно в этот момент появилась Ольга и почти силой затянула его в дом, попутно причитая о своей рассеянности и рассыпаясь в благодарностях. Так он оказался за чаем, у тарелки с печеньем, но не в своей тарелке.

А потом они пошли вместе в больницу к Ольгиному младшему брату, у которого был какой-то сложный перелом. Да Семен был согласен идти куда угодно и сколько угодно, лишь бы только рядом с этой удивительной девушкой. Всю дорогу она рассказывала о себе, о своей семье, о своей кошке. Семен слушал, подспудно осознавая, что таким образом он допускается в круг близких друзей и, конечно, предложил вместе сходить в кино.

Именно в кинотеатре, в полутемном зале, когда на экране происходило нечто душещипательное настолько, насколько были способны французский кинематограф и Ален Делон, их руки впервые встретились. Переживания героев фильма слились с их собственными, а может просто стали поводом для проявления первой в жизни Семена нежности по отношению к девушке. Через руку, ему казалось, он ощущал ее всю — и тело, и душу. И хотелось, чтобы эти ощущения не кончались вместе с фильмом. Слегка кружилась голова, и он парил в каком-то особом трехмерном пространстве, между реальностью, фильмом и незнакомым всепоглощающим чувством найденного счастья.

Потом был первый поцелуй в подъезде, долгий, но безвкусный, ибо само волнение было больше и выше всех других ощущений. Но именно этот поцелуй заставил их смотреть друг на друга совсем иначе. Именно тогда Семен определил для себя, что рядом с ним — самая красивая и самая близкая ему девушка на свете. Были еще поцелуи, был еще целый океан нежности, и была сумасшедшая июньская ночь на даче, когда, забыв о выпускных экзаменах, забыв вообще, что в мире существует что-то еще, кроме двух переплетающихся тел и тонущих друг в друге взглядов, они клялись в вечной любви и мечтали о долгой и счастливой жизни...

Оля пришла в дом Рогозиных уже после выпускного бала. Пришла специально, чтобы познакомиться с Татьяной Васильевной и Андреем Георгиевичем. Но первым, кого она увидела, был Степан. Он открыл ей двери и тут же был нежно поцелован в щеку, да еще и помаду ему со щеки платком оттерли. И лишь потом, запоздало, в прихожую вошел Семен. И только по взволнованному виду Семена Ольга смогла понять, кто есть кто.

— Ой, ты говорил, что вы близнецы... Н-но... Да вы просто копия друг друга!

— Можно я буду оригиналом? — улыбнулся Семен.

— А у вас нет копии? — с хитрым прищуром спросил Степан.

7

Родители, особенно Ольгины, легко отбили абитуриентам свадебное настроение. На семейных советах доброжелательно и с подобающим уважением отнеслись к их чувствам, но решено было, что сначала необходимо штурмовать вузы, отучиться хотя бы курс, а там будет видно. Тот, кто придумал, что чувства проверяются временем и прочими побочными неприятностями, может быть и философ, но далеко не любовник. Наверное, никудышный любовник. Чувства не проверяются, чувства изматываются. И иногда кажется, что окружающим это доставляет удовольствие.

Самым беспощадным был аргумент Елизаветы Сергеевны: «А на чью зарплату вы собираетесь жить?». Радуга не растаяла, ее разбивали вдребезги, и осколки, падая с головокружительной высоты, больно ранили влюбленные души. Вся эта бытовая сермяжная правда жизни была обрушена на них селевым потоком, и мир мгновенно посерел и съежился. Нет, никто не был против

большой и настоящей любви (ибо с этих пор Семену и Ольге стало казаться, что у всех остальных она какая-то поддельная, а у старшего поколения — просто привычка к совместному проживанию, не приносящая ежедневной радости видеть друг друга), все было подчеркнуто интеллигентно и порядочно, отчего несостоявшихся молодоженов с лица воротило. Они уходили по вечерам к реке, чтобы вдали не от посторонних, а от глаз родных жить в своем, наполненном мечтами и нежностью мире.

Это из сегодняшнего дня Семен улыбался над своей и Олиной наивностью, над юношеским порывом пойти наперекор всему. Улыбался и одновременно жалел, что не поступил так, как подсказывало ему сердце. Ведь только через кажущиеся безумными поступки влюбленных во всех прочитанных им книгах двое преодолевали все невзгоды и добивались своего романтического книжного счастья. Они хотели даже тайно обвенчаться и, если потребуется, выкинуть комсомольские билеты, хотя Семен был против. Батюшка в Знаменской церкви выслушал их так же внимательно и уважительно, как слушали их родители, порадовался их желанию заключить брак на небесах, но закончил печально и безысходно:

— К сожалению, дорогие мои, церковь отделена от государства, и я не могу повенчать вас до тех пор, пока не увижу документа о вашем гражданском браке. Да ведь вам еще и осьмнадцати нет... А храм посещайте чаще, на службы приходите, Бог вам поможет сохранить вашу любовь в чистоте и во времени.

Домой Семен приходил поздно, проводив Олю, еще умудрялся садиться рядом с братом за учебники.

— Ну что, жених, — ухмылялся всякий раз Степан, — невеста еще не передумала? А в салон для новобрачных нынче клевые ботинки привезли. Вот бы мы с тобой там подзатарились!

— Да иди ты! — отмахивался Семен.

— И почему девкам романтики, вроде тебя, нравятся? — искренне удивлялся Степан. — Мечтатели! Стихоплеты!

— Это кому как.

За этими пустыми, как казалось Семену, перебранками он не замечал главного: настоящей, давно будто бы ушедшей в детство, зависти Степана. А ведь читал «Двух капитанов» Каверина да смотрел по телику не раз, но ничего Ромашовского в Степане не видел. Это уж из сегодняшнего дня сравнивал.

Сколько не готовься к вступительным экзаменам, а времени все равно не хватит. Но Семену не хватило элементарного везе-

ния. Ольге, поступавшей на филологический, достался ее любимый Гоголь, а Семену, мечтавшему об археологических раскопках — народовольцы, о которых он смутно помнил, что ходили в народ да взрывали всех подряд, не щадя ни старых, ни малых. Так и сказал. А оказалось — это герои, борцы с царизмом, единственной ошибкой которых был социалистический утопизм. Семен с его бестроечным аттестатом остался за порогом вуза, а Степан без проблем поступил на экономический факультет. Причем принципиально, только бы подальше от брата. Но надо отдать ему должное, не злорадствовал, а переживал вместе с отцом и матерью, даже хотел пойти и забрать документы.

Елизавета Сергеевна и Максим Андреевич встретили неудачника весьма прохладно, хотя для приличия посочувствовали, поинтересовались дальнейшими планами. Планов не было. Максим Андреевич предложил свои услуги в вопросах увиливания от армии. Как главный врач одной из городских больниц он в этом смысле мог многое. Но в те времена «косить от армии» было не принято, более того, постыдно. И Семен не без возмущения отверг эти оскорбительные для настоящего мужчины предложения.

— А Оленька?! — ядовито, но вполне резонно спросила Елизавета Сергеевна.

А Оленька готова была ждать хоть вечность, и оставалось только найти до этой вечности достойное занятие. Не болтаться же с осени до весны на шее у родителей. Нужно было искать работу или по примеру других неудачников получать военную профессию в ДОСААФ.

На остаток лета и сентябрь Семен подрядился в археологическую экспедицию — недалеко от одной из таежных деревень университет проводил раскопки поселения древних ариев бронзового века. Как раз там у Семена развеялась археологическая романтика, когда ему вместе со студентами с раннего утра до позднего вечера приходилось работать нежным экскаватором. Это когда сначала дерн, а затем и остальные пласты земли все глубже и глубже надо снимать на треть штыка лопаты. А уж если напорешься на что-то мало-мальски интересное, тебя отодвинет в сторону преподаватель с совочком, тазиком с водой и кисточками. Интересного, правда, было мало. Несколько элементов украшений, трудно узнаваемый наконечник стрелы, а большей частью — черепки и кости животных, либо съеденных три тысячи лет назад, либо умерших на службе. К октябрю,

когда зарядили проливные дожди, работа в основном была закончена. Место раскопок было предупредительно накрыто здоровенными кусками полиэтилена, под которым угадывался многогранник древнего поселка. Ночное пение под гитару у костра и распивание алкогольных напитков в палатке со студентами романтики не добавили. Семен был разочарован. Кладов не открыли, зато состоялось близкое знакомство с тяжелым и кропотливым трудом.

— Ничего, — заметил ему проницательный профессор Матвеев, — денег чуть-чуть заработал, да и траншеи в армии копать будет сподручнее. А уж если надумаешь потом поступать к нам, я подстрахую.

Едва забежав домой, Семен кинулся к Ольге, вызвал ее прямо с лекции.

Дежурно поцеловав его в щеку, она выразила недовольство, что он не дождался конца занятий, а уже потом разглядела в его глазах накопившееся за два месяца разлуки томление, смешивающееся с обидой, оставила вещи в аудитории и пошла гулять с ним по городу.

В этот день Семен вдруг понял, что Оля теперь живет совсем в другом мире, в котором свои — новые правила, свой стереотип поведения, не допускающий наивных мечтаний и безумных душевных порывов. Жизнь там была целеустремленной и размеренной. Может, так ему показалось? Но Ольга играла именно такую роль. Даже смотрела на него как-то сверху вниз, так как его в этот мир не пустили! Он только что постучал в ворота, чтобы к нему допустили самого любимого человека. Так или иначе, Семен почувствовал незримую пелену, которая выросла между ними и чем дальше, тем больше уплотнялась. И неважно, Семен ли остался в детстве или Ольга с первых дней студенчества стала играть во взрослую жизнь. Он разорвет эту пелену в первую же ночь, когда всепобеждающая нежность уровняет их перед этим старым и безжалостным миром со всеми его условностями, писаными и неписаными законами, когда его неумелые и чуть дрожащие руки будут скользить по самому красивому в этом мире телу, когда вдруг услышит холодный и совсем неродной голос из того — этого мира:

— Сема, не надо... давай отложим до лучших времен, сейчас боюсь, надо хотя бы три курса спокойно закончить...

Вот так чувствуют себя корабли, затертые во льдах! Любовь и расчетливость — огонь и лед.

8

— Вот дом, в котором я прожил двадцать лет, — Семен вернул себя в настоящее будущее.

Голос дрогнул, какой-то спазм сдавил горло. Война не вытравила из него сентиментальности, а только добавила холодного цинизма. И то и другое прекрасно уживалось в одном человеке по имени Семен Рогозин.

Нужно было объяснить эту дрожь в голосе. То ли стало стыдно перед юной и обаятельной девушкой, которая решилась стать его спутницей в этот день.

— В этом доме умирала мама... Долго умирала. От рака, — ответил он на ее немой вопрос. — До последнего дня пыталась все делать сама и в сознании ни разу не застонала и не пожаловалась. Стонала иногда по ночам. В последние годы она стала набожной и считала болезни наказанием. Даже радовалась им: «Раз Бог наказывает, значит, не отвернулся от человека. Уж лучше я здесь помучаюсь, чем Там». Я видел онкобольных на последней стадии заболевания, когда мы забирали ее из больницы. Они худые и темные. А мама светлела. В последний день ее успели исповедовать и соборовать.

Некоторое время оба молчали. Теперь снова нужно было возвращаться в солнечный и отнюдь не печальный день.

— Я теперь каждый год в Татьянин день хожу в храм.

— А у студентов, вроде как, праздник...

— Умирать легко, если веришь, что на этом все не кончается.

— А ты веришь?

— Да. Иначе зачем тогда вообще жить? Чтобы всю жизнь бояться смерти и успеть ухватить как можно больше?

— Ты так говоришь, как будто умирал уже не раз.

— Дурное дело нехитрое, — опять в Семене проснулся видавший виды циник.

— А это уже другая философия.

— Это не философия, это правда жизни, которая подсказывает мне, что в такой светлый день, рядом с обаятельной девушкой не пристало говорить о смерти. Прошу прощения за несдержанность, воспоминания любят, чтобы ими делились.

— Наверное, нет ничего плохого в том, что ты рассказываешь о себе девушке, с которой только что познакомился.

— Наверное, нет, но очень уж это похоже на тщательно скрываемое стремление понравиться, сделать человека ближе, поиг-

рать умными мыслями, как мышцами, ненавязчиво вызвать к себе сострадание через эмоциональное изложение печальных событий своей жизни.

— Нельзя так, до костей, оголять человеческие отношения. Так во всем можно увидеть корысть.

Семен смутился, натянул на лицо доброжелательную улыбку:

— Тогда давай бескорыстно пообедаем где-нибудь!

ГЛАВА ВТОРАЯ: СТЕПАН

1

— Ты только посмотри, кто нас почтил своим присутствием! Степан из-за шторы смотрел в окно. — И даже не один. С ним очередная сострадалица. Наверное, он уже рассказал ей, как два часа стоял на противопехотной мине.

Ольга пришла из кухни и тоже посмотрела в окно. Затем с осуждением посмотрела на Степана.

— Никогда я еще не видела, чтобы два брата так ненавидели друг друга.

— Ты утрируешь, Оленька, он мне безразличен. В нынешней жизни он ноль без палочки. Ноль, набитый до самого своего диаметра устаревшими моральными принципами, героизмом, патриотизмом и прочей красивой лабудой. А как тебе девушка рядом с ним?

— Красивая...

— Я надеюсь, у него хватит ума не подниматься сюда, чтобы я не пожалел о том, что тогда на зимнике мои ребята не тронули его. Он даже трофейную «беретту» на меня достал. Да я знал, что в безоружного он стрелять не будет. Опять же – моральные принципы. Просто впечатление хотел произвести. Все играет. Пора уж в его возрасте амплуа менять...

— Перестань... Ты ему дорогу два раза перешел.

— Если ты — это первый, то я не согласен. Я тебя силой не воровал! Или у тебя до сих пор не все по нему выгорело?!

— Степан! — брови Ольги страдальчески изогнулись.

— Прости. Чем больше я о нем думаю и говорю, тем сильнее у меня рвотный рефлекс. Маменькин сыночек. И это не я в его жизнь лезу, а он — в мою.

Ольга тяжело вздохнула и ушла на кухню. Разговор этот не кончался с тех самых пор, как после многолетнего небытия в этой спокойной размеренной жизни всплыл капитан Рогозин. «Черт знает, какой армии капитан! — определил тогда Степан. — Теперь у всех военных и полувоенных хронический камуфляж».

Стремиться попасть на любую войну, чтобы тебя убили и чтобы самому убивать? А еще верующий!

Степан в церковь не ходил, но считал себя не менее верующим, чем брат. Уж кто-кто, а он обратился к Богу задолго до того, как брат вообще о Нем задумался!

Пятнадцать лет назад Степан смотрел по ночам в потолок, прошивая его взглядом до самого неба, и спрашивал у Творца (может, и не понимая, у кого спрашивает), почему его брат, с которым они похожи как две капли воды, лучше его. Лучше – и все тут! И дается ему все легче, и живется ему легче, и даже самая красивая девушка полюбила именно его — Семена Рогозина. И обидный раскольниковский вопрос — «Тварь я дрожащая или право имею?!» — самостоятельно и настойчиво вертелся в голове. После мучительных бессонных ночей Степан не выдержал и в первый раз в жизни пришел к матери за помощью. Он действительно не знал, что дальше делать. Безнадежно было ухаживать за Олей и еще больше не хотелось даже в этом повторять брата.

— Живи. Желай другим, а потом уж себе добра!

Ах, как просто это у матери получалось. Живи-желай! Какую тайну их рождения она носила в себе? И об этом спросил, и на это у нее нашелся ответ:

— Знаешь, Степ, вы как отражение одного и того же человека в двух разных зеркалах.

— Значит, мое зеркало похуже?

Мать только руками всплеснула, да на глазах выступили слезы. Это теперь Степан понял, что для нее они были одинаковы, не подыгрывала она в любовь к нему. Понял, да поздно. А Семен над этим вообще не задумывался. Он-то как раз жил себе, плыл по течению и радовался.

А ведь не везло именно ему, Семену! Если все по полочкам разложить, то вся его жизнь сплошные неудачи и препятствия, а он живет, как будто так и надо. Провалился на вступительных экзаменах в университет — раз, попал в армию — два, попал в такую часть, что сбежал оттуда в военное училище — три, пока там прозябал, потерял невесту — четыре...

2

В тот год, когда Семена призывали, весна была сумасшедшая. В городе было белым-бело от яблоневого цвета, как будто прошел снегопад. То стояли солнечные дни, то ураганом врывался ветер и носился по улицам, поднимая кучи мусора на высоту типовых пятиэтажек, срывая молодую листву и белые лепестки яблонь. Это была самая ароматная и самая нежная метель в Сибири. Лепестки яблонь сглаживали удары мусора и пыли, рвав-

шиеся в лица прохожих, а потом начиналась гроза. Сначала с артподготовки, где-то на дальних подступах к городу, а полчаса спустя в фиолетовом от собственной суровости небе начиналась такая пальба, словно все энергии мира схлестнулись в одной точке, будто закоротило какой-то главный кабель Вселенной. И в финале — всеочищающий ливень!

Вся эта стихийная драма была накануне вечером. Утром небесный режиссер отдыхал: тихо и нежно-пасмурно. Вчерашнее грозовище фиолетовой полосой висело на горизонте. Они стояли на вокзале у вереницы общих вагонов. Кругом суетились, весело галдели и грустно целовались со своими родными бритоголовые парни. Одним из них был Семен. С бритой головой, в стареньких джинсах и видавшей виды рубахе он выглядел сиротой-переростком из послевоенных фильмов. Худым и непривычно серьезным.

Постояв в обнимку наедине с Олей, поцеловав родителей, он подошел к Степану, протянул ему руку, а затем неожиданно крепко обнял.

— Береги Олю, — шепнул в ухо.

Сберег. Да-да, сберег. Сберег именно Ольгу, а ее любовь к Семену он сберечь не обещал. Сберег...

Красота притягивает не только поэтов и художников. Не прошло и двух месяцев с этого дня, а за Ольгой стал ухлестывать местный «авторитет» из криминальной молодежи — Вова Серый. Степан знал о нем немало: начинал как фарцовщик, сколотил вокруг себя сначала небольшую банду, держал в страхе округу, поговаривали также о валютных махинациях, отсидел, но недолго, зато появился вновь в ореоле славы лихого уркагана, гуливал по кабакам, организовал подпольное казино, а когда пришло время Горбачева, пришло время и Вовы Серого...

В первый раз Ольгу бесцеремонно затащили в его машину, где он внимательно осмотрел объект своего вожделения, предложил свое покровительство и красивую жизнь. Затем несколько раз присылал ей домой огромные букеты роз, а потом заявился сам. Милиция в подобном преследовании или ухаживании состава преступления не находила. Да похоже, он был вхож во всякие там РОВД и даже водил дружбу с крупняком из УВД. Боялся только чекистов и нарождающегося РУОПа.

И Ольга пришла к Степану. Вряд ли она тешила себя надеждой, что восемнадцатилетний первокурсник сможет ее защитить, но больше идти ей было некуда. Вряд ли она знала, что восемна-

дцатилетний студент к тому времени уже обзавелся своим «делом» и его «бригада» ни по численности, ни по дерзости не уступала банде Серого. И главная сила ее была в том, что о ней никто не знал! Не гнущие пальцы урки, обколотые и наколотые, а спортсмены и, как их называли, «умники» входили в его бригаду. Сам Степан считался и тем, и другим.

Чем они занимались? Пока что только искали, где применить свою силу. Их было человек тридцать, собирались они в спортивном клубе «Динамо». Не пили, не курили, не сквернословили, гопники назвали бы это тусовкой, но они называли это собранием. Вечерами: с семи до одиннадцати. Возраст: от 17 до 25. В основном — спортсмены. Разговоры вели о спорте, о мотоциклах и машинах, о том, что неплохо бы открыть собственный клуб... И готовы были принять вызов хоть от кого. Но никто ни белых, ни черных перчаток им не швырял, и от нечего делать они вихрем налетали на дискотеки, чтобы встряхнуть рокеров, панков и прочих неформалов, бивали и урок. Ни один из них в милицию не попадал. Стоило поблизости завыть милицейской сирене, они растворялись в ночных улицах и переулках, чтобы следующим вечером собраться снова. Строительство социализма буксовало, двойная мораль тихо умирала, чтобы уступить место полному ее отсутствию, они чувствовали, что скоро наступит их время. И чем ближе оно подходило, тем короче становились их спортивные стрижки.

— Знаешь, Оль, мне придется сказать, что ты моя девушка, — в тот момент Степан вовсе не думал о своем интересе к ней, этого требовали неписаные правила их собрания. За седьмую воду на киселе никто заступаться не пойдет.

Ольга не поверила и не верила до тех пор, пока Степан не привел ее в спортивный зал «Динамо», где громко представил всем и индивидуально афганцу Феде, который без всяких демократических выборов и голосований единогласно считался лидером. Его слово было непререкаемо, а благородство неиссякаемо. На второе делал ставку Степан. Федя недовоевал в своей разведроте, его хлебом не корми — дай заступиться за униженных и оскорбленных. Орденами он не бренчал, о личном героизме рассказывал редко, а вот под гитару пел часто, и слушала его братва с удовольствием. Когда Степан и Ольга подошли, Федя как раз теребил струны. Выслушал их, мурлыкая что-то себе под нос, и все время с интересом смотрел на Ольгу. Степан даже испугался, что вместо одного «ухажера» получит двух.

— Это хамство, — культурно определил поведение Серого Федя, — можете считать, что он «трехсотый».

Но сказать одно, а сделать...

3

Весь город знал, что Серый, при всем своем выпендреже, далеко не главная фигура в темном мире. Поговаривали, что его покрывает сам дядя Коля. А вот кто такой дядя Коля, подавляющее большинство горожан имело самое смутное представление, ибо большинству криминальный мир представлялся «доцентом», сидящим на нарах, и рыкающим на всю округу: «Пасть порву! Моргала выколю!». В собрании тоже не нашлось никого, кто лично знал бы дядю Колю, и даже не нашлось никого, кто хотя бы раз его видел. Но были ребята, кто знал тех, кто имел к нему хоть какое-то отдаленное отношение. Федя (он же — Старшина) принял решение, что на аудиенцию к дяде Коле должен идти Степан, как лицо, непосредственно заинтересованное. Для прикрытия ему дали молчаливого мастера спорта по дзюдо Юру Сбитня.

Стали нащупывать тропинки к дяде Коле, но стоило только носом повести в его сторону, и он нашел их сам. Как-то вечером к корпусу «Динамо» подкатила черная «Волга». Из нее вышли два вполне интеллигентных индивидуума, в модных тогда замшевых пиджаках, в солнцезащитных очках-каплях (это в сумерки-то!) и по-хозяйски вошли в спортивный зал. Без лишних расспросов подошли к Феде:

— Старшина, кто искал дядю Колю?

После немногословной беседы Федя подозвал Степана, и тому было велено (иначе и не назовешь):

— Поехали!.. — И чуть позже: — Фраерок.

Коттеджей в полном смысле этого слова тогда еще не было. Степана и Юру привезли на шикарную двухэтажную дачу в престижном загородном районе. Провели через ухоженный сад мимо баньки и впервые в жизни увиденного небольшого частного бассейна под открытым небом и оставили ждать в просторной гостиной, сплошь уставленной антиквариатом, роскошными предметами искусства. Через минуту один из сопровождающих вернулся со второго этажа и предложил Степану последовать за ним, а Юре велел сидеть и пить все, что понравится. Для этого был сервирован маленький столик-самокат.

Степан же оказался в кабинете, стены которого состояли из плотно уставленных книгами полок. У окна в кожаном кресле сидел с какими-то бумагами седой мужчина лет сорокапяти—пятидесяти и вкрадчивым голосом давал указания склонившейся над ним чрезвычайно смазливой девице в мини-юбке. Министр на отдыхе да и только!

— А вот и наша золотая молодежь! — ничуть не ерничая, поприветствовал тот, кого город величал дядей Колей.

Никаких тебе наколок по всему телу, вполне интеллигентное, немного усталое лицо. Белая сорочка, на шее шарф а-ля Андрей Вознесенский, огромный золотой перстень с каким-то драгоценным камнем и домашние тапочки. Серые внимательные глаза из-под густых бровей как рентгеном прошили Степана насквозь.

— Иди, Лора, а то юноша потеряет сознание, рассматривая твои ноги.

Девица, забрав папки и подмигнув Степе, покорно удалилась. Дядя Коля жестом предложил Степану сесть на один из стульев, продолжая его внимательно рассматривать.

— Меня зовут Николай Сергеевич. А тебя — Степан Андреевич?

— Так точно, — ответил вдруг по-армейски Степан и внутри себя смутился настолько, что на лбу выступила испарина.

— А че ты так волнуешься? — тут же распознал его Николай Сергеевич. — Чай, я не людоед какой. Мало ли обо мне слухов ходит, так о первом секретаре обкома не меньше. Что будешь пить?

— То же, что и вы.

— Хорошо. Лора, принеси нам с молодым человеком холодного клюквенного морса и по пятьдесят грамм «посольской»! За знакомство... — при этом он не пользовался никакими селекторами, а девица уже через полминуты вплыла, как пава, с подносом.

Выпили за знакомство, запили морсом, и дядя Коля перешел к делу:

— Значит, хочешь на Вову Серого наехать?!

— Ну... Не наехать...

— Подожди-подожди, дай старшему сказать. Понимаешь, Степа, у нас ведь не средневековье, чтобы из-за дамы рыцарские турниры устраивать, хотя при желании мы и это можем организовать. Вопрос здесь несколько интимнее и глубже, чем обычные отношения с дамами. Вова Серый зарекомендовал себя в обществе, скажем мягко, не с положительной стороны, но он умеет работать. Он приносит определенный дивиденд.

Степан не знал тогда, что такое дивиденды, но догадался.

— Если у Серого возникнут неприятности, они рикошетом могут ударить по вполне порядочным, респектабельным людям, которые являются моими друзьями. Значит, этот рикошет надо компенсировать. Согласен?

— Согласен.

— Чудненько! А что ты, юноша, можешь предложить взамен?

Слово «юноша» больно резануло по Степиному самолюбию. Он вдруг понял, что в этом кабинете решается не судьба Ольги, а его собственная судьба, и только от него самого зависит, останется он на всю жизнь среднестатистическим гражданином, обидно называемым обывателем, или ляжет в меченую, но козырную колоду. А ведь взамен-то этому обаятельному жулику Степан ничего предложить не мог, кроме... Кроме самого себя и тех, кто пойдет за ним. И не надо было долго думать, чтобы догадаться, что именно этого ждет от него дядя Коля, которому, может, самому поперек горла стоял Вова Серый с его устаревшим гуляйполем, посвистом да «век воли не видать». Старый волк хотел иметь молодую дисциплинированную стаю.

— Мы тоже можем работать! — выпалил Степан.

— А вот этого я не знаю, — потеплел взглядом Николай Сергеевич, — вот это еще проверить надо. Говорить мы все мастера, непыльную работу все любим, в отважных мужчин рядимся, а как до серьезного дела доходит — на биде надо бежать, подмываться!

— Банки, конечно, мы брать не умеем, — признался Степан.

Николай Сергеевич театрально выпучил глаза, но захохотал от души. Степану показалось даже, что хохочут телохранители в соседней комнате.

— Упаси Бог! Какие банки, юноша?! Вы что, к абреку в гости пожаловали? Может, мне, солидному человеку еще гоп-стоп припишете? Ну развеселил, Степан! Ты Ильфа и Петрова читал?

— Вроде...

— Так вспомни, о чем постоянно напоминал Бендер своим компаньонам по поводу отношений с законом!

— Тогда в чем будет заключаться наша работа?

— Хорошее слово – «наша». Подходящее... А работа несложная, но требующая определенных усилий, а главное — не трусливых ребят.

— Таких у нас и нет!

— Знаю-знаю, но безумной отваги нам не надо. Нужны четкие слаженные действия. Сначала, это будет в среду в трина-

дцать ноль-ноль, необходимо быть на товарной станции, чтобы помочь моим ребятам разгрузить несколько вагонов. Не волнуйся, — он опередил вопрос Степана, — это не грабеж государственных грузов, это грузы, которые придут именно на наше имя. Так вот, их нужно разгрузить и, разумеется, охранять. Затем в четверг нужно подстраховать моих ребят на вещевом рынке. Если возникнут проблемы, а они, скорее всего, возникнут, придется отстаивать наше место под солнцем, которое пытаются в нашем родном городе присвоить себе граждане и без того солнечных городов.

— Чурки?

— Ты что, воспитан не в духе интернационализма?

— Какой может быть интернационализм, если этих бездельников только на рынке и встретишь? Да еще и обдувают! Мы их уже пару раз воспитывали.

— Пусть так. Но в нашем случае это не драчка для развлекаловки, это — тяжелая и невидимая многим борьба. Но лучше пока не задавай лишних вопросов.

— Да я, вроде как, не задаю...

— На будущее... Да, и скажи Феде, что ему следует создать в нашем городе союз ветеранов-афганцев. Насколько я знаю, обещанную от государства вне очереди квартиру он так и не получил. Мы решим и этот вопрос.

— Я могу идти?

— Ты не спрашиваешь о заработной плате?

— Я должен спросить?

— Разумеется. Всем ребятам, которые согласятся помогать — двести рублей в неделю.

Брови Степана подпрыгнули. Месячная зарплата отца — в неделю?!

— Мало? — улыбнулся Николай Сергеевич.

— Думаю, хватит. И, подумав, добавил: — Все будут довольны. А еще бы решить вопрос с нашим спортивным клубом, динамовское начальство нас выживает, хотя мы исправно платим взносы.

— Не все сразу, юноша. Главное — не забывай хорошо учиться.

— Учиться?

— Если бы долдоны, которые стоят за этой дверью, умели бы еще что-нибудь... Не хватает умных и грамотных специалистов, ой как не хватает!.. А ведь грядут большие времена! Так что тройной завет Ленина и в нашем деле остается в силе. Ну, шагай. Увидимся на следующей неделе в это же время.

— А Серый?! — вдруг опомнился Степан. В конце концов, приходил-то он за этим.

— А справитесь?

— Надо попробовать.

— Ну так справляйтесь! Но на меня никаких ссылок!

4

Вечером на собрании Степан изложил ребятам предложения Николая Сергеевича, заодно заикнулся о спортивном клубе. Федя отнесся к ним с подозрением, но он же и сказал, обращаясь ко всем:

— Желающие уйти должны сделать это сейчас. Чует мой пламенный мотор, будет хорошая заваруха, будут легкие деньги, будут неприятности, но, екарный бабай, ни для того ли созданы мужики?! Наш летеха в таких случаях говорил: «Духов надо мочить от души!» Так что у кого душа не на месте — скатертью дорога.

Ушел один человек. На впервые проведенной поверке их оказалось тридцать пять. Степан автоматически становился вторым человеком. И кому-то впервые пришло на ум назвать их группу бригадой. А почему нет? Тридцать пять здоровых мужиков решили зарабатывать деньги и побеждать...

В среду, в назначенное время все были на товарной станции. Разгружать вместе с обычными, ничем не примечательными грузчиками под надзором двух замшевых пиджаков пришлось картонные нетяжелые коробки с импортными шмотками и аппаратурой. Пять вагонов. Встав цепочкой у каждого, они за каких-то три часа переместили их содержимое в подходившие КАМАЗы-фуры. Все прошло без каких-либо эксцессов, а после работы, соглядатаи от дяди Коли наградили всех, включая грузчиков, авансом в размере полсотенной купюры. Специально для этого прилюдно была вспорота новая банковская упаковка.

Ожидаемые «приключения» начались в субботу, когда товар перекочевал к разбитным теткам на толкучке. Пошли в продажу джинсы «Техас», кожаные куртки, те же замшевые пиджаки, обувь и двухкассетные магнитофоны. Бригада была разбита на тройки, за каждой такой тройкой была закреплена бойкая тетка. Задача одна — охранять.

С утра и до обеда все было спокойно. Нарасхват шли джинсы и кроссовки. После обеда к рынку подъехали несколько автомобилей, и в толпы зевак и потенциальных покупателей влились

прогулочно-хозяйским шагом кавказцы. Они ходили между прилавков, бесцеремонно щипали товар, приценивались, с некоторыми торговцами беседовали подолгу.

— Много у тебя джинсив? — спросил маленький коренастый парень у тетки, которую прикрывали Степан, Юра и Федя.

— Твою компанию одеть хватит! — резво ответила тетка.

— Ни-ха-ра-шо! — посочувствовал ей кавказец. — Я Юсиф! Разве не знаешь, что большие партия надо сдавать Юсифу по оптовый цена?

Степан было двинулся к наглому кавказцу, но Федя покачал головой: подожди.

— С какого это рожна я тебе, татарская рожа, должна свой товар отдавать! — громко возмутилась тетка.

— Э-э-э! — взвыл Юсиф, и с разных сторон к нему пробились трое помощников. — Ти грубишь, драная бабка! Канфискация тавара — знаешь?

— Ну ты, обрезанец, че глотку рвешь?! Тетенька за место заплатила, правил торговли не нарушает. Не хочешь покупать, отваливай. — Невозмутимый, как памятник философу, между прилавком и Юсифом появился Федя. Чуть в стороне маячил Юра.

— Ти кто такая?! — окончательно озверел от подобной наглости Юсиф, и далее длинно и скороговоркой выразился на своем языке.

— Азер! — определил Федя.

Между тем в других рядах компаньоны Юсифа тоже столкнулись с ребятами из бригады. Медленно, но верно назревал скандал. Милиция добросовестно исчезла с тех пор, как подъехали машины Юсифа и его сотоварищей. Ринг был свободен.

— Ти хочешь, чтобы тебя... — далее следовала густая смесь русского и азербайджанского мата, суть которой сводилась к жутчайшим последствиям, грозившим Феде и всем его родственникам по всем возможным линиям, если он не осознает, с кем в данный момент так нелюбезно разговаривает.

Данную тираду прервал не утерпевший молчун Юра. Он просто швырнул Юсифа вдоль торгового ряда и провел мастерскую подсечку ближайшему к нему нойону. Степану достался визгливый толстячок, вокруг которого пришлось изрядно попрыгать, прежде чем он ткнулся лицом в землю. Несмотря на свою внешнюю неповоротливость, он оказался довольно подвижным и резво махал своими жирненькими кулачками. Ситуация резко переменилась, когда один из людей Юсифа достал нож. Воспользо-

ваться им он не успел, потому как оказавшийся рядом каратист Веня тут же сломал ему руку, в которой тот был зажат. В этот момент уже вставший на ноги Юсиф трезво оценил расстановку сил и достал пистолет. Наган образца 1895 года произвел впечатление на всех, особенно на женщин, которые подняли жуткий визг. Перекрывая его, Юсиф прокричал Феде, в котором почувствовал главного:

— Ты от дяди Коли?!

— Не знаю я никакого дяди Коли! — невозмутимо ответил Старшина.

— Тем хуже для тебя, казел, сын шакала! Мы еще увыдимся! Сука! — крикнул что-то своим, и они поспешно стали откатываться в сторону выхода.

Только в этот момент к Феде подошли замшевые пиджаки. Все это время они где-то преспокойненько выжидали. Один из них уважительно протянул Феде руку:

— Роберт.

— Во блин! — вместо своего имени выпалил Федя. — Имя, как в кино.

— Я себе имя не заказывал.

— Стас, — протянул руку второй.

— Вы не братья? — вдруг спросил Федя.

— Братья, — ответил Стас.

В воскресенье торговля прошла без боя. Юсиф и его кампания легли на дно, проводили рекогносцировку в гостинице «Восток». Самым неприятным для них было то, что они не представляли себе, с какой силой столкнулись.

Зато бригада позволила себе не по-спортивному попировать. Правда, пили исключительно шампанское. «Работа» всем была по душе. Теперь они действительно ощущали себя силой. Федя вполне серьезно заявил, что им теперь понадобится оружие. «Это ж пять лет только за хранение», — впервые за несколько дней высказался Юра Сбитень. В этот вечер многие ребята пригласили в кафе своих девушек. Степан пригласил Ольгу...

5

Вова Серый с гоп-компанией появился в самый разгар веселья, когда изрядно захмелевший Федя терзал гитару, но пел не про Афган, а про любовь. На непривычно высоких для него но-

тах голос у него дрожал, и толпа поддерживала его аплодисментами и улюлюканьем.

...— Гляжусь в тебя, как в зеркало, до умопомрачения-ия-ия! И вижу в нем любовь мою, и думаю о ней!...

— Браво, браво, Старшина! Специальный концерт для зеленки даешь?

Серый сильно рисковал, с ним было всего пять человек. И в отличие от него они довольно настороженно озирались по сторонам, прикидывая, как массово им сейчас могут накатить.

— Садись, Серый, — прервал песню Федя.

— Прокурор посадит — сяду.

— Ну присаживайся, твою мать, или пришел праздник портить?

— Да не, че я — некультурный че ли? Забацай че-нибудь душевное, а я пока с фраерком одним тут покалякаю. Серый прямиком направился к столику, за которым сидели Степан, Ольга, Юра Сбитень и его Светлана.

Бармен испуганно потянулся к телефону.

— Не надо, — предупредил его Федя. — Все чисто, аккуратно, никакого шуму. Видишь, люди побеседовать пришли.

Бармен кивнул.

Серый приставил стул, и неожиданно галантно поцеловал руку Ольге. Было заметно, как ее пальцы подрагивают в его испоганенной татуировками руке. Без приглашения налил себе шампанского, выпил и брезгливо поморщился:

— И как они эту газводу хлещут?

Братва за его спиной услужливо, но не очень громко хохотнула. Только после всей этой процедуры Серый обратил свое драгоценное внимание на Степана. Надо сказать, что все эти театральные действия не произвели на последнего никакого впечатления, он сидел с каменным лицом и в упор смотрел на играющего в крутых оппонента. Юра Сбитень почему-то криво улыбался.

— Стало быть, ты у нас жених? — осведомился Серый.

Степан ответил выжидательным молчанием.

— Ну правильно, они культурные, в институтах учатся. Ты, значит, и к дяде Коле на поклон съездил? Ну-ну... Затем лицо его резко переменилось, в нем появилось выражение способного на все человека.

— А один на один со мной слабо?!

Ах, это были времена, когда даже бандиты не лишены были определенной доли благородства. А ведь было это незадолго до

того, когда беспредельщики начнут брать в заложники детей и прикрываться беременными женщинами.

— Устроим рыцарский турнир! Ась?! Че молчишь, рыбу съел?

Связь между рыбой и молчанием, конечно, прослеживалась, но Степан все же хохотнул.

— Где? Когда? — сквозь ухмылку спросил он.

— Сейчас, на ипподроме, при ней, до смерти или пока кто-нибудь не попросит пощады!

Степан задумался. Ипподром был местом, входящим в сферу деятельности Вовы Серого и его братвы.

— Ссышь?!

Но чуть в стороне Степану уже едва заметно кивал Федя.

— Давай.

Толпа оживилась и загалдела. Степан против Серого был действительно зеленым юнцом, и то, что он согласился на поединок, воспринималось всеми, как акт отваги, который всем и придется через некоторое время поддержать, чтобы не позволить Вове Серому растоптать их товарища. Ни у кого не возникало сомнений насчет массовой драки. Тем, кто знал школьный курс истории, ипподром быстро напомнил о гладиаторах. Отказывалась в этом участвовать только Ольга. Она требовала, чтобы Степан проводил ее домой.

— Ты пойми, — шепнул он ей, — лучше одним махом – одним страхом разделаться со всем этим, чем потом всю жизнь трястись. Не бойся, ребята в обиду не дадут.

Ипподром встретил их ярким светом прожекторов, будто кто-то собрался устроить здесь ночные скачки. Как и предполагал Степан, здесь людей Серого оказалось намного больше. На трибунах сидели несколько человек. Внимательно присмотревшись, Степан увидел среди одной группы знакомые замшевые пиджаки и затем самого дядю Колю. Тот в знак приветствия поднял руку. Что-то крылось за всем этим. Но пытаться объяснить для себя смысл происходящего не было времени. Приходилось сводить все к мысли, что сейчас начнется самая немыслимая в эпоху развитого и разлагающегося социализма драка за обладание девушкой. В какой-то момент Степану подумалось: а не для брата ли он все это делает?... Так или иначе — отступать было поздно.

Кроме дяди Коли на трибунах можно было различить не только ребят из бригады и братвы Серого, но и вполне респектабельных граждан в строгих костюмах. Чем-то они очень походили на секретарей горкомов и прочих начальников над обществен-

ностью и производством. Рядом с ними весело щебетали то ли жены, то ли гейши, предоставленные организаторами этого гладиаторского боя.

У Степана практически не было преимуществ перед Серым. Два года занятий боксом позволили ему иметь неплохо поставленный удар, но в большинстве случаев ему приходилось драться по правилам, уважая достоинство противника. Оставалось только догадываться, чему обучили Серого улица и зона. Степан тщетно пытался определить в себе количество страха перед поединком, все было в каком-то тумане, и это очень ему не нравилось. Нужна была ясная голова. Пусть будет обычный мандраж в кистях и коленях, но пусть только соображает голова. Пока что все вокруг проплывало, как в замедленном кино.

— Расслабься, — рядом появился протрезвевший Федя, — помни: правил никаких нет, и он умеет этим пользоваться лучше тебя. Он, блин, тебя жалеть не будет! Это главное! Ему что барана прирезать, что такого, как ты. Это главное! Помни — никакой жалости. Да следи, боксер, чтоб он между ног тебе не въехал, пропустишь — добьет...

Присутствие Федора добавило уверенности и спокойствия, но не ясности ума. Приятно было также наблюдать, как у выходов на ипподромное поле красиво выстроились ребята из бригады, преградив путь всякому, кто попытается вмешаться в естественный ход поединка.

Самым удивительным было появление рефери: в светлых брюках и безрукавке. Степану показалось, что он видел его раньше в спортивном клубе «Буревестник». Значит, правила существовали, но только не для сражающихся. «Е-мое, — вдруг подумал Степан, — мне тут прилюдно выпустят кишки, а этот серьезный дяденька поднимет руку Серого, как будто имеет дело с честным спортсменом». О том, что сидящие на трибунах респектабельные дяди делали ставки, Степану тогда в голову не приходило.

— Начинать только после моего сигнала! Раунд — три минуты! — объявил рефери.

— Какой, нах.., раунд?! — искренне возмутился Серый.

Видимо, и для него некоторые элементы спектакля были неизвестны. Значит, к режиссеру он имел отношения не больше, чем Степан.

— Вас предварительно обыщут на наличие оружия! — не дал Серому возразить рефери, и дюжие молодцы, не имевшие отношения ни к бригаде, ни к братве Серого, ловко обшарили бойцов

во всех потаенных местах и после этого с легкими и унижающими насмешками подтолкнули в сторону ипподромного поля.

В последний момент, перед невесть откуда прозвучавшим знакомым звуком гонга и взмахом руки рефери Степан понял, что верзилы посмеялись над Серым, который выходил на травяной ринг в джентльменском одеянии: костюме и туфлях на высоком каблуке. Степан был в кроссовках, но довольно тесных джинсах и тишотке.

Серый даже не удосужился снять пиджак, зато первым нанес мощный удар. За ним второй, третий, но уже не достигшие цели. С трудом соображая оглушенной головой, едва устояв на ногах, Степан начал защищаться, сразу осознав, что перед ним довольно серьезный противник, на счету которого бесчисленное количество драк, начиная с младенческого возраста.

Серый метелил с завидной скоростью, и Степану больше приходилось уворачиваться, чем самому наносить довольно неточные и слабые удары. «Он скоро выдохнется!» — с этой мыслью голова прояснилась и наконец-то соединилась с интуитивно двигающимся телом. «Нельзя думать только спинным мозгом», — вспомнил он слова тренера. Но из-за того, что слишком сосредоточенно думал головой, пропустил еще один приличный удар в висок. Теперь его состояние оживила бойцовская злость.

Между тем напор Серого несколько ослаб, и Степану удалось провести два неплохих прямых удара. Они были пристрелочными, но Серый на несколько секунд тоже потерял ориентацию во времени и пространстве, хотя и устоял на ногах. «Все-таки в драке один на один можно соображать!» — с этой мыслью Степан вгвоздил мощный апперкот в висок Серого, а затем добавил левой в открытое горло. Этого было достаточно, чтобы Серый оказался в состоянии грогги да еще похожего на рыбу, выброшенную на берег и беспомощно открывающую рот, не в силах вдохнуть. Удар в солнечное сплетение и на добавку — крючок снизу. Серый беспомощно распластался на травяном ковре, теряя сознание. Похоже, он так и не мог восстановить дыхание. Значит, решающим был удар в горло.

Только сейчас Степан услышал, как свистят и подбадривают его на трибунах. Перевел дыхание и склонился над поверженным врагом.

— Ну что, пощады?

В полуприкрытых глазах Серого, показалось, сверкнула молния сознания-ненависти. Он, только что обеими руками держав-

шийся за горло, вдруг неожиданно вскинул одну из них вперед и подпрыгнул всем телом. Острая, далеко не ударная боль ворвалась в бок Степана. И пока он сумел понять, что произошло, она повторилась. В руке коварного уличного бандита оказалось шило. Уж как его просмотрели верзилы на выходе, размышлять было некогда, Серый пытался встать. Боль была резкой, но терпимой, оставалось надеяться, что никакие важные органы не пострадали.

— Сученок — прохрипел Серый, едва встав на ноги.

В этот момент Степан понял, что тот действительно способен его убить, и в следующий раз шило воткнется в горло или висок. Вот уж когда действительно стало страшно: перед ним, чуть покачиваясь, стоял готовый на все человек. Боль же все больше напоминала о себе.

И тогда Степан провел самую элементарную подсечку, вихрем бросившись в ноги противника. Такого поворота Серый своим заторможенным сознанием не ожидал. Остальное было делом техники — захватить руку и, по примеру Вени-каратиста, легко сломать ее в локте.

Дикий крик вырвался из разбитой глотки Серого, но это не остановило Степана. Он еще некоторое время распинывал крутящееся по земле тело, и в конце концов наступил этому телу на горло. Чуть в стороне махал руками озадаченный рефери, давая понять, что кончились уже и первый, и второй раунды, но противники гонгов не слышали.

Это было какое-то опьяняющее чувство злой и жестокой победы, помноженное на уверенность, что его противник поступил бы с ним еще хуже. Он вдруг подумал: а что если Серый выживет? Ведь это сегодня он согласился на поединок, а завтра — просто воткнет нож в спину? Новая волна страха заставила Степана сделать следующее движение: он со всей силы наступил ногой на хрипящее горло.

6

В машине дяди Коли, где Степану заклеили бинтами и пластырем дырки в боку, Ольга долго плакала.

— Я думала, он тебя убьет, — и прошептала Степану в ухо это не с состраданием сестры, а с нежностью...

Ах черт! А ведь все, вроде как, было из-за нее! И вот она стирает пот и кровь с его лица, придерживает своей рукой раненый бок и

даже не интересуется, жив ли его противник, тем более не замечает довольной ухмылки дяди Коли в зеркале. В какой-то момент Степан скользнул губами по ее лицу, и она не отстранилась.

— За победу! — дядя Коля с переднего сиденья передал две походные стопки, наполненные коньяком. — И за любовь!

Только сейчас Ольга смутилась, но не отстранилась от Степана, который только сейчас понял, что имеет на нее больше прав, чем его копия, защищавшая где-то какое-то абстрактное отечество, в то время как в защите нуждалась именно Она!

Все, кроме молчаливого и чрезмерно серьезного водителя, выпили, а дядя Коля с тем же хитрым прищуром вдруг повел разговор о свадьбе. Мол, мы вам такой праздник отгрохаем, в Кремле таких не видывали. Спасая свои первые победы, Степан поторопился отказаться, сославшись на необходимость учиться. Ольга отмалчивалась, и разговор был отложен до лучших времен.

— А сейчас важно посмотреть твои раны, — закончил прения Николай Сергеевич, — чтобы никаких перитонитов и дырявой печени.

Машина остановилась у второй городской больницы. Знакомый врач дяди Коли после подробного осмотра пришел к выводу, что Степану повезло, но предложил его госпитализировать, чтобы избежать последствий внутреннего кровоизлияния. Степан категорически отказался, пообещав, что завтра его обязательно привезут для осмотра и перевязки. Дядя Коля сунул в карман белого халата купюру, и они удалились.

— Вот только как домой ехать? — вслух подумал Степан.

— Поедем ко мне, родители на даче, я с удовольствием буду за тобой ухаживать. — Это сказала Ольга, и в голосе ее не было и тени сомнения.

Николай Сергеевич одобрительно крякнул и спросил адрес для водителя. Степан молчал, у него закружилась голова.

У Олиного подъезда распрощались с дядей Колей. На прощание он шепнул Степану, что предстоит серьезный деловой разговор, сунул ему в карман несколько купюр «на цветы для прекрасной дамы» и хлопнул дверцей. Черная «Волга» с завидной и запретной скоростью вылетела из двора, оставив Степана и Ольгу выбирать свое будущее у подъезда.

Оказавшись на диване в гостиной, Степан пару раз застонал. Исходя из боли, в этом не было необходимости, но нужный эффект был достигнут: Ольга села на край дивана и стала гладить его по волосам. Теперь можно было стонать от блаженства, но

Степан притянул ее за шею к себе и смело поцеловал в губы. То, как она сопротивлялась, было больше похоже на нерешительность, чем на твердое «нет». И Степан тут же показал, чем он отличается от ненастойчивого, уступчивого брата. Утром Ольга сказала, что они используют одни и те же слова нежности, только интонация чуть-чуть разная. Сразу же договорились ни о чем не жалеть: жизнь, в конце концов, не счастливый роман, а обстоятельства порой сильнее, намного сильнее человека. Правда, Семену об этом решили ничего не писать. Пока...

С Николаем Сергеевичем встретились через три дня.

— А ведь ты убил Серого, — как бы удивился дядя Коля.

Степан же в свою очередь удивился, что тот использовал слово «убил», а не «замочил» или «пришил».

— Ну, волноваться не стоит, многие считают, что он этого заслуживал, — продолжал Николай Сергеевич (только через несколько лет Степан узнал, что Серый нагло замахнулся на место самого дяди Коли и давно уже утаивал положенную «обществу» часть доходов). И все же Степана не смутило, что сам он стал просто подвернувшимся орудием расплаты, ибо он от этого выиграл Ольгу и свое место под солнцем. — Его даже милиция искать не будет, а кто и вздумает искать — не найдут. Советский цемент, хоть и не самый качественный в мире, но достаточно прочный, чтобы хранить тайны. Ах, знал бы Серый о своем личном вкладе в строительство жилья для советских тружеников. — В этом черном юморе был намек и Степану: так мы поступаем с отступниками и наглецами, — досказали глаза дяди Коли.

— Я теперь что, повязан?! — прямо спросил Степан.

— Тьфу ты! Выброси ты из головы эту дурацкую криминальную романтику, если хочешь работать с солидными людьми и сам стать человеком. Разве на испуге можно заручиться настоящей дружбой? — Николай Сергеевич говорил искренне.

— А теперь мы должны поговорить о делах...

7

Андропова сменил Черненко, Черненко — Горбачев, и кончился похоронный парад «генсеков». Горбачева сменил первый секретарь Свердловского обкома партии и кончился социализм. В 91-м году Степан уже возглавлял отделение крупного в городе синдиката, который принадлежал Николаю Сергеевичу. У Степа-

на была юридическая фирма, которая специализировалась на взыскании долгов. Круговая порука неплатежей давала неплохую прибыль узаконенному рэкету. Большинство ребят из бригады работало в фирме Степана. Федор Старшинов стал одним из руководителей общества ветеранов Афганистана. Юра Сбитень владел спортивным клубом. Почти все были живы и здоровы. А Степан уже пять лет как был женат на Ольге, и у них рос сын Андрей.

На скорой свадьбе, кстати, настоял-таки дядя Коля.

К Ольге Степан относился бережно и предупредительно, над сыном благоговел. С точки зрения общества у них была образцовая семья: ни одного скандала, ни одного упрека, четкое распределение обязанностей и постоянная забота друг о друге. Степан построил коттедж в престижном районе, недалеко от особняка дяди Коли, но не бросал и квартиру родителей, где специальная бригада сделала ремонт. Да и получалось так, что всю рабочую неделю жили на квартире, а в коттедж переезжали на субботу-воскресенье. А то уезжали и дальше: в загородный терем, как называл его Степан, переоборудованный дом в деревне Каменка, в тридцати километрах от города. В смысле материальных ценностей в семье было все: груда бытовой техники, два автомобиля — «джип» и «Вольво», сотовый телефон у каждого...

Большинство бизнесменов гордится своими материальными достижениями, Степан же гордился Ольгой. После рождения Андрейки она расцвела. На вечерних приемах, презентациях и прочих цивилизованных пьянках деловые и просто мужики боялись на нее взглянуть, чтобы не изойти слюной. Уж что-что, а подать она себя умела. От нее исходило какое-то незримое сияние женственности. А уж о шарме и говорить нечего. Но для Степана важным было еще и то, что она умела ценить его заботу, с интересом, если это было необходимо, вникала в его проблемы и вместе с ним переживала все трудности. С его точки зрения (а может, с точки зрения большинства мужчин) она была идеальной женой.

Семен появился в городе только во время болезни матери. Капитан Рогозин играл в благородного безродного рыцаря. Поселился в гостинице и оттуда приезжал навестить мать в больнице. С Ольгой и Степаном он не разговаривал. Ему было невдомек, кто организовал матери лучшую больницу, лучшие лекарства, кто возил ее на консультацию за границу! Он даже при матери не скрывал своей ненависти ко второй половине молодых Рогозиных. И еще мужик называется! Аника-воин! О чем он ночи напролет разговаривал с умирающей матерью? Да все таскал ей

образки и свечи из церкви. Честно говоря, не понимал, не верил Степан, что человек вдруг, ни с того ни с сего начинает безропотно верить в Бога. Где же тут справедливость, если мать, ставшая в последние годы набожной, таяла на глазах, как свеча. Если отец следом получил инфаркт? Заслуживали они это?

Пытался, и не раз, Степан читать Евангелие, но не мог. Словно какая-то сила заставляла его закрыть Священную книгу, а каждая строчка в ней вызывала недоумение, непонимание. Разумеется, есть в этом мире нечто, вокруг чего вертится вся эта кутерьма, есть какой-то высший разум. Но так ли уж Он справедлив и любвеобилен? Если внимательно посмотреть, история человечества — сплошные Его наказания, несколько чудес и несколько пророков. Как-то спорил с батюшкой, а тот толковал ему о свободе, предоставляемой верующему человеку, но Степан так и не понял, что это за свобода, если человек может сделать неправильный выбор? Нет, атеизм, со всеми его выкладками, тоже смешон, хоть и стоит в дипломе пятерка по научному атеизму, но реальная жизнь не имеет ничего общего с этими наивными взываниями к Всевышнему, когда надо бороться и самому создавать. Так думал Степан. И чтобы окончательно решить для себя этот вопрос, он стал считать, что ему просто некогда над этим размышлять. Пусть решают и спорят богословы. И все же в храмы иногда заходил, и деньги на их восстановление жертвовал.

Похоронили мать: опять же, кто взял на себя все эти ритуальные проблемы? Уж, конечно, не наемник всех армий. А когда следом за матерью ушел отец, Семен даже не приехал. Тут уж даже Ольга изменила о нем свое мнение.

Семен появился в городе только для того, чтобы объявить Степану войну.

В одном из нефтяных городишек его однополчанин решил создать собственное предприятие: оживить умирающий зверосовхоз. Не понимают люди своим совдеповским умом, что такое нерентабельно! Кругом качают нефть, а он польстился на песцовые и норковые шкурки! Традиционное богатство Сибири? Это богатство еще надо накормить и вырастить, да так, чтобы мех приглянулся забугорным производителям. Нет же, начал играть в патриотизм, шкурки сдавал на отечественные предприятия. Вот и попал в замкнутый круг: они не платят ему — он не возвращает кредиты банку. И где только такие олухи берут гарантийные письма? Под медали и ордена что ли?

Банк обратился в безукоризненно работающую в этом смысле фирму Степана. Для ознакомления с делом поехали лучшие юри-

сты ну и конечно физическая поддержка. Вот она-то и поторопилась, переусердствовала. Сломали парню пару ребер, встряхнули мозги. Естественно, никакой связи ни с банком, ни с фирмой Степана официально у этого случая не было. Ну налетели какие-то хулиганы, покуражились, а мы-то тут при чем? Юристы между тем вели чисто психологическую обработку: предложили отдавать долг частями — заложить машину, квартиру, взять под общее руководство предприятие. Нет, не разоряли! А предлагали именно реальный путь, чтобы выкарабкаться. Кому нужен должник, который не может расплатиться?

В этот момент, когда практически все было решено, и появился поборник справедливости Семен Рогозин. Как из-под земли вырос. Мужики, мало знавшие о «копии своего шефа», честно говоря, предались мистическому ужасу. А Сема вернул цивилизованные переговоры к первобытным разборкам. При этом досталось далеко не «физкультурникам», а ни в чем не повинным юристам.

Недолго думая, Степан ринулся туда сам. Определенный интерес к происходящему затору в делах проявил и дряхлеющий дядя Коля. Но узнав о брате, махнул рукой: разбирайтесь сами.

Семен, навоевавшийся на всех возможных внутренних и внешних фронтах, насмотревшийся некиношной чернухи, лез напролом. Пришлось силой нейтрализовать его людей. А к встрече с самим Семеном Степан готовился тщательно: добыл себе одежду, точь-в- точь совпадающую с одеждой брата, и подстроил встречу на ночном зимнике. Ох и поморозил он кости и душу! Уж никак не ожидал, что братец достанет пистолет, и очень опасался, что не выдержит кто-нибудь из снайперов, укрывшихся в лесу, а то, чего доброго, и перепутать могут. Но расчет был верный: благородный рыцарь печального образа не стал стрелять в безоружного человека, но пообещал, что обязательно сделает это, если Степан и его шайка не отстанут от его друзей. Бесполезно было объяснять ему, что дело давно уже не в шайке, а в целой системе. Кой хрен объяснять дон Кихоту, что перед ним не ветряная мельница? И Степан ушел молча, все же чувствуя спиной неприятный взгляд двадцатичетырехзарядной «беретты».

Чтобы замять дело, пришлось нести убытки. Степан из собственного кармана погасил все расходы на операцию и долги зверосовхоза, а теперь — зверофермы. У братца все же хватило ума догадаться о том, кто выступил благодетелем для его патриотических экспериментов, и на счет Степана стали поступать небольшие суммы, означающие постепенный возврат долга.

Так бы и утряслась эта история, если бы не Его Величество Случай. Новые обстоятельства оказались сильнее кажущейся всесильности Степана. Его вызвал к себе дядя Коля.

— Я знаю, что ты уладил это дело по-своему, — сказал Николай Сергеевич, — и будь у меня брат, я поступил бы точно так же. За все эти годы я ни разу в тебе не усомнился, поэтому говорить буду прямо и честно. Землю, на которой находится звероферма и прилегающие к ней территории, купили. В Москве. Подожди, не торопись с вопросами. На многие из них я и сам не могу пока дать вразумительного ответа. Уж какие золотые зерна там посеяны, я тоже не знаю. Но, похоже, все банкротство этой фермы было подстроено. Платежи задерживались специально. Одно могу сказать точно: вопрос на контроле у очень сильных людей, от которых зависят наши дела. Это в милиции и прокуратуре родственников отстраняют от дела, я же, напротив, думаю, у тебя хватит и ума, и таланта, чтобы решить эту проблему с минимальными потерями для всех сторон. Знай, если брат твой пойдет против, его закажут...

И махнул бы на это Степан рукой, пущай заказывают, чтоб избавиться от назойливого дубля, но перед глазами стоял образ умирающей матери, шепчущей в бреду: «Берегите друг друга». Да как этого олуха беречь?! Ни семьи, ни дома порядочного!

Пришлось поломать над этим голову. И в конце концов Степан решил: во-первых, узнать, что кроется в клочке этой северной земли, во-вторых, зайти братцу в тыл.

ГЛАВАЯ ТРЕТЬЯ: СЕМЕН

1

Служить на границе — престижно, но служить в хозвзводе?.. Курс молодого бойца закончился для Семена неприятностями: хватило ума поспорить с капитаном Шарашкиным, а уж тот при распределении по частям приложил руку.

«В армии квадратное катают, а круглое носят» — из такого принципа исходил капитан Шарашкин, ставя перед солдатами любую, даже самую простейшую задачу, и усложнял ее до полного изнеможения рядовых. Чем-то по жизни обиженный, он срывал на солдатах злость, воспитывая у них не выносливость, а ненависть, не боевую выучку, а сноровку увиливать от службы. Ясно, что этому неряшливого вида капитану не доверили выполнение серьезных, боевых и учебных задач, зато позволили всласть отрываться на молодых. А уж помощников он себе отбирал по своему вкусу. В один из дней, когда вместо огневой подготовки солобоны работали на станции, рядовой Рогозин совершенно от чистого сердца предложил капитану Шарашкину слегка механизировать, а тем самым — немного облегчить для солдат разгрузку бревен с платформ. Он всего-навсего хотел сделать из стомиллиметровых досок скаты!

— Умник! — страшно обрадовался капитан. — Рационализатор?! Боишься пуп порвать? Для Родины? А, может, тебе еще в казарме автомат для чистки сапогов поставить?

— А почему нет? — решил наглеть до конца рядовой Рогозин.

— А мамину сиську на ночь тебе не надо?! А в женский батальон не хочешь? — и последовал специально приспособленный для советской армии русский мат, изобилующий военными приставками и суффиксами.

Покончив с неологизмами, капитан Шарашкин велел своим помощникам из сержантского состава «воспитать» рядового Рогозина так, чтоб служба медом не казалась, и отбить у него всякое желание думать и высказываться. Приказ выполнялся с особым рвением.

Зато Семен научился молчать и стал пользоваться уважением однопризывников. Молчал он и когда вместо заставы попал в хозвзвод, где боевым братством пограничников и не пахло. Пахло пригорелой кашей и жареным салом, которое благоверные мусульмане из среднеазиатских республик потребляли в неимовер-

ных количествах вместе с жареной картошкой. Видимо, заботились, чтобы их братьям в линейных частях не пришлось нарушать Коран. Но, что интересно, в боевых подразделениях тех и не было.

Теперь вместо утренней зарядки Семен грузил на машины бидоны с водой, мешки с кашей, коробки с галетами, а первые полдня проводил на свинарнике, где «помогал» сержанту Карпенко и рядовому Касимову облагораживать свинское житье. Оба старичка либо резались в карты, либо спали, либо ходили в соседнюю деревню за самогоном, либо отдавали приказы рядовому Рогозину. На вторые полдня находилась работа на кухне или вещевом складе, при лучшем положении можно было попасть в пекарню, где командовал младший сержант Мисакян и где можно было вдоволь наесться теплого свежего хлеба. Мисакян был спокойным и справедливым человеком. Единственное, что он требовал — точности в подсчете отправляемых по частям буханок. Он никогда не заставлял делать лишней и ненужной работы (по принципу лишь бы солобоны не сидели) и часто рассказывал про Сирию, где провел детство.

Через полгода всей этой кухонной маеты обязанностей у Семена поубавилось — пришло молодое пополнение. Больше времени появилось на раздумья. Рапорты рядового Рогозина с просьбой перевести его в боевую часть или даже направить выполнять интернациональный долг в Афганистан оставались без внимания. Зато вызвал к себе замполит.

— Ты что, Рогозин, считаешь, что то ответственное место службы, куда послала тебя Родина, тебя не достойно? А ты представь себе, если бы во время войны наших солдат не кормили, не одевали, не обували!.. Победили бы мы тогда?!

Наученный общением с Шарашкиным, Семен молчал.

— То-то! — победно провозгласил замполит, приняв молчание солдата за раскаяние и полное согласие с командиром. – Иди и с честью выполняй свой долг! Каждый из нас должен быть на своем месте и должен трудиться и воевать в полную силу, тогда нам не страшны никакие НАТЫ и прочая империалистическая скотина!

Вырваться из порочного круга интендантства не представлялось никакой возможности. Именно поэтому он не писал писем ни домой, ни Ольге. Ему было стыдно. Большинство же сослуживцев отменно врали о боевых буднях пограничных застав, о задержании нарушителей и даже о легких ранениях. Скажем, по письмам Касимова к его русской девушке, которые ему помогали

писать более смыслящие в русском языке «боевые товарищи», получалось, что за полтора года службы он участвовал в задержании трех нарушителей, хотя за это время на стокилометровом протяжении юго-западной границы было всего одно нарушение: пьяный румын не по той дороге возвращался со свадьбы. Касимов специально ездил на заставы, чтобы фотографироваться у собачьих вольеров, БТРов, пограничных столбов... И старательно готовил дембельскую парадную форму. Даже эполеты предусмотрел. Гусар да и только!

Выход рядовому Рогозину подсказал замотыл — поседевший и давно плюнувший на карьеру подполковник, который с солдатами общался мягко, наедине называя их по именам, словно каждый из них был его сыном. Поговаривали, что его родной сын был обычным ванькой-взводным и погиб в первый год войны в Афгане.

— Вот что, Сема, — как-то ни с того ни с сего заговорил с ним Батя (так прозвали солдаты Замотыла), — если не хочешь два года свиней кормить, пиши рапорт в военное училище. В этом тебе никто не имеет права отказать.

— А пограничное училище есть?! — загорелся рядовой Рогозин.

— Есть, а я уж в штабе за тебя замолвлю слово, чтобы время подготовиться дали. Не вздумай только в Рязанское вэдэвэшное подавать, конкурс сильно высокий, а у тебя вместо прыжков с парашютом свиная параша! А погранцы, сам знаешь, они структура кэгэбэшная, у нас и Генеральный секретарь нынче оттуда. У тебя с родословной все в порядке?

— Да вроде...

— Ну так не жуй сопли, пиши! Время-то идет! До весны ползимы осталось. Книги какие надо?

— Спасибо, товарищ подполковник.

— Не за что, сынок. Быть русским офицером большая честь и самая бесприютная работа.

Он так и сказал «русским», а вот насчет бесприютности тогда Семен не понял.

2

В ущелье было тихо и жарко. Солнце словно за что-то зацепилось и не хотело покидать точки зенита. Сначала лезли в горы — к черту на рога, теперь спускались прямо в тартар, и с обеих сторон высились обращенные в камень ифриты. А на плечах у

них могли оказаться вполне реальные моджахеды. В дремучем лесу, в царстве родного лешака чувствовал бы себя спокойнее.

Взвод шел в полном молчании, максимально рассредоточившись по узкому проходу между горами. У каждого был свой сектор наблюдения. Так и шли, задрав головы, готовые в любую минуту открыть ответный огонь. Но каждый из бойцов понимал, что ответить с этой тропы притаившемуся в скалах врагу весьма сложно. Вертушки здесь прикрыть не могли, а БМП — проехать.

Когда поступила команда пограничникам пересекать афганскую границу и отжимать душманов подальше от границы СССР, никто не представлял себе всю сложность выполнения данной задачи. Детально изученные карты на деле оказались непроходимыми тропами. Там, за Пянджем, земля была действительно чужой, горы встречали непрошеных гостей настороженной тишиной, иногда взрывавшейся пулеметными очередями и залпами гранатометов. И хотя серьезной войной здесь не пахло, потери были. Задачи же, поступавшие, скорее всего, из ГРУ, чаще сводились к поиску тайников с оружием и наркотиками. Местные таджики уже тогда с неодобрением смотрели на «боевые операции» пограничников.

Поиск очередного тайника занял у лейтенанта Рогозина уже трое суток. Двое потребовалось, чтобы дойти до этого ущелья. От всего живого на всякий случай шарахались. Принцип простой: не доверяй никому, кроме своего «калаша». Даже лояльные к кабульскому правительству афганцы, таджики или аймаки могли сдать отряд моджахедам. И не обязательно за деньги... Поэтому проводников не брали. Замполит учил интернационализму, а инструктор из ГРУ — никому не верить.

Утром на четвертые сутки вступили в ущелье. Парадокс: искать днем опасно, ночью — смешно. Искали небольшой отрог, в котором просматривались бы неглубокие пещеры — вот и вся наводка, вот и все ориентиры. От такого-то аула — столько-то, от поворота на такой-то дороге столько-то. Спросить не у кого и нельзя! Казалось, бы, никакой буйной растительности, но камни хранили свои тайны не хуже, а, может, и лучше. Так и до Гиндукуша можно доковылять.

Порой приходилось лезть на скалы, чтобы хоть немного осмотреться по сторонам. Из-под ног сыпались камни, и в сухой тишине ущелья отраженный многократным эхом шум заставлял солдат пугливо водить стволами из стороны в сторону, дабы не упустить тот миг, когда в какой-нибудь расщелине начнет прицеливаться снайпер или обладатель НУРСа.

Лейтенант Рогозин шел первым и думал, что в слове Памир есть слово мир. А замыкал движение старшина Пахомов, которому до дембеля оставалось каких-то два месяца. Рядом с лейтенантом шел единственный в его подразделении таджик да и то наполовину — мать у него была из уйгур. Отслужил он всего полгода, а звали его Дурды. По фамилии в связи с таким звучным именем его не называли даже на поверках. Именно он оказался ближе всех к командиру, когда тот понял, что наступил на противопехотную мину. Наступить на нее полдела, а вот сойти с нее — значит подорваться.

Поздно было ругать себя за то, что не научил смотреть один глаз вверх, а другой — под ноги. И хотя на мину Рогозин наступил первый раз в жизни, хватило ума оценить движение, произведенное подошвой, как вдавливание детонатора. Лейтенант застыл, жестом приказал всем остановиться и на всякий случай занять безопасную позицию. Обезвреживать мины его учили, но как сходить с них?

Никаких надежд на маленького и худощавого Дурды Семен не возлагал, и когда увидел, что тот ползет к нему, крикнул шепотом:

— Назад!..

Но Дурды словно не слышал приказа или не понимал, что командир стоит на мине. Пришлось крикнуть Пахомову, чтобы хоть он не лез, а в случае чего принимал командование на себя.

— Я знаю, как делать, — заявил Дурды, внимательно рассматривая ногу лейтенанта, стоявшую на мине.

— Как?

— Надо тихонько развязать шнурки, потом я буду нажимать, а товарищ лейтенант будет убирать ногу из ботинок.

— А потом?

— Потом положим камень. Товарищ лейтенант принесет камень — положим.

— А если не получится?

— Если не получится, мы про это знать не будем. — Вот и вся восточная мудрость.

— Дурды, малейшее движение — и рванет, а ты тут балет на мине хочешь изобразить. Вали за камни — это приказ!

— Товарищ лейтенант, саперы пять сутки ждать надо, нога и без мины отвалится.

Солдат был прав, но лейтенант больше всего не хотел, чтобы по его неосторожности пострадал подчиненный. Пока он раздумывал над этим, Дурды начал чуть дрожащими руками ослаблять шнуровку. Оба затаили дыхание.

Когда работа подходила к концу, а солдаты уже выкурили по одной сигарете, Рогозин вдруг услышал голоса. Они доносились с другой, противоположной их движению стороны ущелья. Лейтенант предупредительно поднял руку и дал знак Пахомову, чтобы взвод затаился. При этом он чуть не потерял равновесие и несколько секунд слышал только, как колотит в уши собственное сердце. Замер и Дурды.

Голоса обозначились снова и теперь Рогозин понял, что разговаривают на английском языке. Удивляться не приходилось. Вместе с душманами к тайнику могли идти инструктора из любой несоциалистической армии мира. Если, конечно, не боялись рискнуть. Разумеется, у каждого из них были документы от различных комиссий ООН или информационных агентств, даже от Красного Креста, подтверждающих, что никакого отношения к военным действиям они не имеют и забрели на территорию Афганистана, чтобы сделать заборы воды в колодцах или доставить населению американский аспирин с истекшим сроком годности. Но в сегодняшнем случае они могли нарваться на полулегальную группу советских пограничников, которая никакой ответственности перед мировым сообществом не несла. Ее, по официальным данным, просто не было! И это «не было» позволило лейтенанту Рогозину, находившемуся в крайне неприятном положении, дать приказ попытаться захватить англоговорящих субъектов, а при оказании сопротивления уничтожить.

Они шли какой-то верхней, неизвестной пограничникам тропой, но Пахомов и еще двое бойцов уже через минуту вскарабкались на ближний склон, и старшина махнул прикованному к земле лейтенанту — вижу врага, шесть человек: два европейца и четыре душмана. Вторая группа пограничников проскользнула по дну ущелья немного вперед, чтобы перекрыть врагу пути к отступлению. Еще пара минут потребовалась, чтобы убедиться, что врагов именно столько, сколько их видят пограничники. Еще через минуту они бы увидели стоящего в ущелье лейтенанта и лежащего у его ног Дурды. Они не стали бы думать над смыслом происходящего, а непременно открыли бы огонь на поражение. Поэтому Пахомов опередил их именно на эту минуту. Короткими очередями лучшие стрелки сняли с тропы четырех моджахедов. Европейцы залегли, но ответного огня не открывали.

Пахомов был тертый калач: он решил этих двоих взять живыми. Лейтенант не видел того, что происходит наверху, но от пахомовского «хендер хох» он едва устоял на ногах, сотрясаясь от без-

звучного смеха. С английским у лейтенанта тоже было не ахти, и он с трудом смог объяснить потенциальным пленникам, что если они не сдадут свои «ганы», то им придет полный «файтинг».

— Ферштеен? — продолжал свою версию Пахомов.

Через несколько минут двое белобрысых коротко стриженных мужчин в камуфляже стояли в пятидесяти метрах от Рогозина и с удивлением наблюдали, как солдат пытается освободить из смертельной ловушки своего командира.

— Товарищ лейтенант, можно ногу тихонько убирать! — доложил снизу Дурды. — Делайте шаг, я сильно давлю.

Семен медленно вытащил из ботинка онемевшую ногу и тут же устыдился за свой проносившийся несвежий носок. Через четверть минуты Рогозин сделал несколько шагов, стал искать подходящий булыжник. Но когда нашел, не знал, что с ним делать.

— Положите на мои руки, — попросил Дурды. — Кладите, не бойтесь, я дома гончар был, у меня руки хорошо трогают.

— Чувствуют, — поправил его Семен, осторожно укладывая камень.

Еще через три минуты руки Дурды появились уже над камнем.

— Вай, а как теперь товарищ лейтенант один нога босиком пойдет? — совершенно серьезно озадачился солдат, и тут уж пограничники от души полечили напряженные нервы хоть и негромким, но хохотом.

В найденном тайнике кроме «калашей», М-16 и прочих стреляющих и взрывающихся сюрпризов пограничники обнаружили русские ПТУРСы и американские «Стингеры». Все это было сфотографировано, каждой твари взяли по экземпляру. Погрустневшим «цэрэушникам», как определил их Пахомов, доверили нести ящик с их же родным «стингером». Оставшееся в тайнике тщательно заминировали.

Пленниками по возвращении в отряд занялись чекисты. Из Москвы за ними прислали специальный самолет, но прежде чем их увезли, Семен узнал, что оба они действительно были инструкторами моджахедов, а полковник Маккаферти даже имел полномочия планирования диверсий и боевых операций. Второй — Фил Притчард был лицом более гражданским и являлся специалистом по отравляющим веществам. Вполне вероятно, что имен у этих граждан мирового сообщества было несколько, но лейтенант Рогозин запомнил именно эти. Словно знал, что придется еще не раз встретиться...

Но в то время он не знал, что на Лубянке из них вытрясли максимум информации всего за одну неделю, а затем тайными тропами вернули на афгано-пакистанскую границу. Чтобы легенда, придуманная в Москве, больше походила на правду, более военный Маккаферти сбросил со скалы более гражданского Притчарда. Теперь он мог рассказать о счастливой случайности, спасшей его от рук шурави и оправдать потери: четыре плюс один. Действительно — это больше походило на правду и оставляло меньше места для подозрений.

Старшина Пахомов получил перед дембелем орден Красной Звезды, такой же награды был удостоен младший сержант Дурды, полковник Маккаферти получил огромную денежную компенсацию, медаль и повышение по службе: он стал главным специалистом по мусульманским военным формированиям. Лейтенант Рогозин стал старшим лейтенантом погранвойск СССР, но ненадолго.

Летом 91-го он похоронил мать, а зимой не смог приехать на похороны отца... Уже в госпитале с простреленным легким хоронил страну, которой давал присягу. Ранение лейтенант Рогозин получил не в бою, а на улицах Душанбе, где находился в командировке. Выстрел в спину пограничника прозвучал как раз 8 декабря, когда по всем каналам радио и телевидения звучало обращение беловежских соглашенцев.

Когда Семен пришел в себя, у кровати сидел его товарищ по отряду и земляк Алексей Павлов. От него он узнал об отце, от него же узнал о судьбе страны, а от врачей чуть позже узнал о том, что, скорее всего его комиссуют да еще и «наградят» инвалидностью.

Уволенный в звании капитана он долго обивал пороги медицинских учреждений и высшего начальства, доказывая свою боеспособность, но никто не хотел брать на себя ответственность по привлечению к службе «ущербного» воина да еще и с имперскими замашками. Похоже, в военных ведомствах уже никто ни за что не нес ответственности. Оружие со складов брали все, кому хотелось поиграть в войнушку и в суверенитет с соседями. Солдаты и офицеры не получали жалования, а техника — горючего.

Следом за Рогозиным уволился и Павлов. Вместе они помотались по стране. Повоевали в Приднестровье, в Абхазии, через Болгарию горной дорогой попали в обложенную со всех сторон санкциями ООН и преданную российским правительством Югославию.

3

— Теперь я вспомнила, где тебя видела! — прервала поток воспоминаний Наташа. — Вас показывали в программе Невзорова до того, как ее закрыли. Там как раз было про Югославию и наших ребят, сражающихся на стороне сербов. Афганцы, казаки... Там еще у одного казака был крест на груди, и у него Невзоров брал интервью.

— Вроде было, — задумался Семен, — ну и память у тебя. Наверное, мельком показали...

— Ага, но я запомнила, потому что ты сидел и курил так мечтательно, а потом жутко закашлялся! За что вы там воевали?

— Можно, конечно, назвать кучу причин и каждый за свое: кто-то за деньги, хоть и невелики они были, кто-то за братьев-сербов, кто-то за Россию... Да-да, не удивляйся, именно там за Россию. Югославия — это маленькая Россия, многие так думают. И самое интересное, что так думают и враги сербов. Знаешь, если говорить в переносном смысле, то представь себе, пока старший брат болеет, все, кому не лень, пришли бить младшего брата. Ну а по большому счету, даже те, кто этого не понимали, воевали там за веру... Почти все войны на этой планете были религиозными, и ни одну из них православные не начинали первыми.

— А в Чечне?

— Там война не за веру, а за деньги...

— У тебя, наверное, было много женщин? — то ли спросила, то ли озвучила свою мысль Наташа.

Детский этот вопрос заставил Семена улыбнуться.

— Для кого-то и одной много. А в моей жизни их было три, — честно ответил Семен. — Ольга... Но она теперь, как мираж. Где-то в другой жизни. Потом была медсестра в госпитале — Светлана. Красивый эпизод, но не больше. Она, наверное, больше жалела, чем любила. А скольких она пожалела до меня? Когда я уезжал, она даже не пришла попрощаться. И была еще Милица, в Боснии...

— А с ней что?

— Теперь уже ничего. Ее в этом мире нет.

— Прости...

— Да нет, ничего... Все равно этого никогда не забыть.

— Красивая?

— Это опять же кому как.

— У нее были черные, как смоль, волосы, ярко-карие глаза и легкое загорелое тело.

— Сербка?

— Да.

Нужно было ответить на немой вопрос Натальи, который из ложных, принятых в этом «мирном» обществе приличий, она боялась задать.

— Ей перерезали горло. Сербокосом. Это такой специальный кривой нож у мусульман. Да и хорваты такие позаимствовали. У них считается престижным сфотографироваться на фоне отрезанных голов.

— Не надо... Мне муторно...

Действительно, вздумал тоже рассказывать о войне без правил солнечным апрельским днем в тихом уютном кафе красивой девушке. Для всех в этом городе любая война настолько далеко, что они вообще не верят, что она возможна. И только для тех, кто был на ней, она не начиналась, она не кончилась, она — всегда! Для большинства же — это короткие сводки в программе «Время», к которым привыкли как к прогнозу погоды. Где-то убивают — это, конечно, страшно, это ужасно, но главное, что не у нас. О том, что это «где-то» может прийти сюда, мало кто задумывается.

Семен вдруг вспомнил, как носились по Сухуми сбежавшие из разгромленного питомника обезьяны. Как во время стрельбы они поначалу поднимали жуткий визг, от которого холодела душа, а потом привыкли. И даже с интересом наблюдали своими быстрыми глазками с ветвей деревьев за перестрелкой. Говорят, над многими из них проводили медицинские опыты. Может, даже заражали СПИДом. А теперь они свободно носились по городу и попадали в руки новоявленных зообизнесменов.

— Ты опять ушел в себя? Вот что, пойдем ко мне, я тут снимаю квартиру неподалеку.

Семен настороженно посмотрел на Наталью. Девушка в первый день знакомства приглашала его к себе. Может, он отстал от жизни?

— А это удобно?

— Я живу одна.

4

В отряде Милоша Ристича было пятьдесят человек. Из них пятеро русских. В других частях армии Республики Сербской и того меньше — один-два. Так что о тысячах добровольцев, как во

время русско-турецких войн на Балканах, говорить не приходилось. Хотя со времени Османского нашествия война эта не кончалась, а земля эта и без того была обильно полита русской кровью.

Сербы называли русских бойцов братушками. Вместе с Семеном тут были Леша Павлов, сержант-десантник Володя Климов из Латвии, которому в новом государстве не жилось, и два казака Олег и Гриша. Разговорчивый Гриша как раз и давал интервью, когда приехала невзоровская команда. Милошу же это не понравилось.

— Потом на весь мир будут трубить, что Россия дает Сербии оружие!

— Ну дает же, — вступился Леша, — хотя мало, конечно.

— Дает, — вздохнул Милош, — мало, конечно.

Оружие шло все теми же тайными тропами через Болгарию. И, разумеется, не от правительства. Дума вроде и пыталась что-то вякать о поддержке Югославии, об одностороннем снятии санкций, но более чем вяканьем это назвать было нельзя. Вот и шли по горным дорогам КАМАЗы-фуры, груженные гуманитарной и медицинской помощью (и по документам, и если даже разгрузить ближнюю к дверям часть мешков и коробок), но в чреве их таилось так нужное сербам оружие.

Ах, Милица, Милица!.. Долгое время Семену казалось, что Ольга будет преследовать его память и чувства, где бы он ни был. Так оно и было. Прошло уже больше десяти лет, а она являлась ему во снах, мерещилась на улицах городов и тревожила память несбывшимся счастьем. Простил ли он ее? Он ее ни в чем не обвинял! Просто пустоту, возникшую в душе, целиком заполнила боль. Романтика уступила место разочарованию, которое и пустило корни рогозинского цинизма. Семен не пришел к мысли, что все женщины ветрены и легкомысленны. Он помнил свою мать.

Светлана? Нет, ей не под силу было бороться с этим миражом. Она появилась именно в тот момент, когда Семен более всего нуждался в женской ласке, когда готов был принять руку от любого, кто захочет разбить, разбавить его одиночество. В ночи ее дежурств они сходили с ума на трех приставленных друг к другу кушетках, а то и на холодном полу, бросив на него пару байковых одеял. И этого им было достаточно, чтобы забывать обо всем в сладкой истоме и бросаться друг на друга, словно утопающие за глотком воздуха. Когда Семен пошел на поправку, несколько раз он побывал у нее дома. Стоило ему осознать свое вторжение в чужой мир, в предупредительный уют, почув-

ствовать всевозрастающую заботу Светланы, как в душе началось отторжение этого пресного спокойствия. Захотелось в офицерскую общагу, где порядок наводился только перед приходом замотыла. И более всего он опасался разочаровать Светлану, ибо не ощущал в себе ни единой нити, которую мог бы назвать привязанностью. И Светлана прекрасно понимала это и брала его столько, сколько могла взять...

Милица три года училась в МГУ и по-русски говорила даже лучше, чем некоторые российские журналисты. В отряде Милоша она была связной, медсестрой, а когда хотела чем-то удивить ребят — готовила вкусные и разнообразные обеды, давая отдых черногорцу Душану, который был когда-то коком на морском лайнере.

Милая Милица! Им достаточно было увидеть друг друга, чтобы уже не видеть никого вокруг. Они не говорили красивых слов, не давали обещаний, а просто при любой возможности были вместе. Ребята завидовали Семену, но никто и никогда не упрекнул его, даже «страдавший» от этой любви Леша Павлов, которому по ночам приходилось вместе со спальником перебираться из палатки под открытое небо. И еще хорошо, если место ночлега было безопасным и Милош разрешал разводить в лагере костры.

В этом мире Милица безумно любила трех человек: своего отца, Семена и Александра Сергеевича Пушкина. Часто в часы отдыха она рассказывала наизусть «Евгения Онегина», пушкинские сказки, знала десятки стихотворений и очень близко к тексту «Арап Петра Великого». А еще задушевно пела сербские песни, стоило ей затянуть «Там за горами, за морями, Сербия моя», и суровые воины клонили к земле головы, чтобы никто не видел наворачивающиеся на глаза слезы, и тихо, но очень стройно подпевали. И пела о Косовской битве, о Марке Королевиче, о князе Милоше... Семен открыл для нее Рубцова, а она ему Радована Караджича. По крайней мере, до того, как он услышал ее переводы, он не знал, что вождь сербов талантливый поэт.

Когда Семену дали положенный двухнедельный отпуск и «завоеванную» пачку динар, Милош без лишних разговоров отпустил с ним Милицу.

Пять дней они плескались на Адриатике и еще пять дней жили в Белграде у двоюродной тетки Милицы. Она водила его по старым и новым улицам, в библиотеку и национальный музей. Милица очень жалела, что не может показать Семену Дубровник, который находится в Хорватии.

— Лучше сейчас туда не ездить...

Но и того, что увидел Семен на этой земле, было достаточно, чтобы понять, почему сербы сражаются за каждую ее пядь. До этого он больше видел разрушенные города и селения, вереницы беженцев на дорогах, а здесь впервые в жизни почувствовал, что война далеко. Где-то в другой жизни.

Вдоль горных дорог, отличавшихся от российских своей экономной шириной и поразительной гладью, почти не прекращались сады, а в глубине стояли добротные белостенные дома, крытые красной черепицей. В одном из таких, на окраине Ужице, жил отец Милицы Александр Христич. Но встретиться с ним Семену пришлось уже после гибели Милицы.

В последнюю ночь в Белграде они не спали. Допоздна гуляли, а потом затопили уютный гостиничный номер нежностью, чтобы перед самым рассветом в сладком изнеможении мечтать о будущем.

— У нас будут красивые и сильные дети, — шептала Милица.

— Смесь кровей дает гениальность, — вторил ей Семен.

— Только пусть у них будут твои голубые глаза. Настоящие, славянские!

— Это у мальчиков, а у девочек пусть будут твои — обжигающе-карие.

— Ты возьмешь меня с собой в Россию?

— Обязательно... Правда, мне самому некуда там возвращаться. Леха зовет к себе на север...

— Я боюсь, что тебя могут убить. Эта война не кончается и не кончится...

Она боялась, что убить могут его. А он даже на миг представить не мог, что ее нежной шеи коснется варварский сербокос...

5

После того, как хорваты заключили перемирие с мусульманами, они с двух сторон навалились на сербов. Те ожесточились и подобно своим врагам стали нападать на колонны беженцев, врывались в деревни, ставили все мужское население к стене и заставляли спускать штаны — искали обрезанцев. Семену такая война стала не по душе. А тут еще подоспели голубые каски, да бросила дров в костер войны натовская авиация. Причем, бомбили только сербов. Как и в Багдаде, не очень-то целились, хотя заявляли на

весь мир, что бомбят исключительно военные объекты. В Гааге объявился международный военный трибунал, где опять же судили только сербов и их вождей.

На некоторое время Ристич приуныл, не поступало вестей и от Радована. Отряд, предоставленный сам себе, блуждал по тылам мусульман.

В один из таких дней Семен, Леша и Петр Маркович набрели на военный лагерь недалеко от Савы. Долго поочередно рассматривали его в бинокль, пытаясь определить, что он собой представляет. Когда очередь дошла до Семена, он жадно впился в окуляры, ибо с того самого момента, как взглянул на один из бараков, увидел рядом с ним знакомое лицо.

— Маккаферти, мать его! Жив, сукин сын!

— Кто? — спросил Маркович.

— Он из ЦРУ! Американец, — пояснил Леша.

— Да там у них целый батальон этих американцев, — рассказывал об увиденном Семен. — Есть склады с оружием и боеприпасами. Два вертолета. Джип. Пара Бэтээров... Что-то очень я соскучился по полковнику Маккаферти, а Леха?!

— Без приказа Милоша нельзя! — предупредил Петр.

— Оставлять эту сволочь в живых нельзя, — вступился Леша.

— Это опасно, братушки, но мне тоже хочется заимать американца, — признался Маркович.

Не сговариваясь, они поползли к колючей проволоке, которой была обтянута территория лагеря. Судя по всему, это был военно-учебный центр мусульман. Никакого плана у них не было, поэтому решили терпеливо ждать и наблюдать.

Суеты в лагере не было. Напротив, у складов прогуливались сонные часовые, на скамейках у бараков курили вояки разных возрастов, и только Маккаферти нервно и торопливо отдавал какие-то распоряжения. Именно поэтому ждать пришлось недолго. Прямо к его ногам подкатил джип и, прокричав еще что-то своим помощникам, он плюхнулся на переднее сиденье, на заднем — примостились два автоматчика.

Рогозин махнул товарищам, и они перебежками рванули к дороге, по которой через две минуты должен был промчаться джип американца.

— Шуметь у лагеря? — засомневался Павлов.

— Главное не повредить машину! — отрезал Рогозин.

Маркович только удивленно цокнул.

— Вы снимаете автоматчиков: Петр — ближнего, ты, Леша,

дальнего, я беру на себя водителя. Маккаферти берем живым. Петро, сразу садись за руль, жми на всю катушку. Ты тут дороги лучше знаешь.

— Здесь недалеко на Тузлу, — сказал Маркович.

— Лучше куда-нибудь в болото, — предложил Павлов.

Между тем джип уже выехал за ворота и помчался, набирая скорость. Маккаферти, как заправский Рембо, держал на колене М-16.

Три выстрела прозвучали почти одновременно, стреляли на счет «три». Джип вильнул и уткнулся в придорожную канаву, в кювет. Американец успел выстрелить только раз, и надо отдать ему должное, прострелил бок Рогозину. Тот выматерился и прикладом «калаша» врезал Маккаферти по челюсти. Пока главный специалист по Востоку считал разноцветные круги перед глазами, вытолкали джип на дорогу. В лагере завыла сирена.

— Даже с музыкой! — удивился Павлов.

— Могут поднять вертолет, — предупредил Рогозин, зажимая рану.

Трупы бросили в ту же канаву, забрав оружие и документы, Маккаферти связали и заткнули ему рот ветошью. Через минуту машина уже набрала скорость. Но еще через пять минут над лесом стал слышен рокот вертолетного двигателя.

— Интересно, почему наш друг поехал на машине, а не воспользовался вертолетом? — озадачился Алексей.

— Зато теперь погоня по всем правилам, — оглянулся Рогозин.

— «Апач», — определил Павлов.

Он нежно обнимал бригадного генерала Маккаферти, который до сих пор не пришел в себя — голова его болталась, как на шарнире. Пристроив американца поудобнее, чтобы на какой-нибудь кочке не выпал, Леха начал целиться в небо.

— «Муху» бы, бляха-муха!

Чуть впереди прилично рвануло, и Петр едва успел отвернуть от столба огня и свежей воронки. Далее все было как в кино, в котором главные герои не должны погибнуть. С солнечной стороны в небе вдруг загрохотало, словно опомнилась давно прошедшая гроза. В ту же секунду вертолет разлетелся на куски, полыхнув взорвавшимся горючим, а в небе осталась только белая полоса — след истребителя.

— Братушки! — обрадовался Петр.

— А ведь югославы в эту мясорубку официально не лезут? — задумался Рогозин.

— Двадцать пятый «Миг», — деловито определил Павлов.

— Я же говорю: братушки, — еще раз повторил Маркович.

— Ты хочешь сказать, что пилот русский? — наморщил лоб Семен.

— Наемник, как вы.

— Доброволец, — поправил серба Леха.

— Да-да! — поторопился извиниться тот.

6

Сначала Ристич вспомнил все ругательные слова как на сербском, так и на русском. Троица героев-авантюристов, улыбаясь, молчала. Надо было дать командиру отвести душу, чтобы потом ошарашить его главным сюрпризом, который тихо сопел под брезентом в кузове джипа. Семену в этот момент делали перевязку, и он был неприятно озадачен, что врачует его не Милица.

Увидев Маккаферти, Ристич оторопел. Вывел его из оцепенения старый серб из соседнего селения, принесший в лагерь свою сливовицу и продукты. Он тут же предложил расстрелять американца, что готов был выполнить собственноручно. Ристич испуганно отмахнулся:

— Его надо отправить к Радовану, чтобы весь мир знал...

— Ну, значит, опять выйдет сухим из воды, — заметил сквозь зубы Семен.

— Вы будете за это иметь большие неприятности, — промямлил на русском языке освобожденный из-под брезента Маккаферти и тут же получил кулаком в челюсть от Алексея.

— А ты уже имеешь! — прокомментировал Павлов.

— Пленных надо судить, — поморщился Ристич.

— А это по прошлым приговорам должок, — ответил Леха.

Маккаферти еще огрызнулся о международном суде в Гааге, Ристич ответил ему о сербском народном суде, а Петр просто пообещал выкрутить яйца. Семен все это время искал глазами Милицу.

— Где Милица? — спросил он у Ристича.

— Уехала с группой в Тузлу...

В сердце Семена что-то надорвалось, чувство неминуемой беды ядовитым ростком прорезалось в душу. Но именно в тот раз Милица вернулась, и несколько дней счастья стерли напрочь чувство опасности. Именно в эти дни они повенчались в маленькой сельской церкви.

В опустевшей, не раз обстрелянной деревне остались только те, кто не хотел покидать землю своих предков, в основном старики и старухи да молодой священник. Он совершал обряд торжественно, даже величественно, будто венчал Сербию России.

Воины Ристича, еще недавно подтрунивавшие над молодой парой, в маленьком сельском храме враз посуровели. Те, которые не были в наряде, но не смогли войти внутрь из-за тесноты, выстроились в две шеренги на выходе. Они осыпали молодых пшеницей, но кто-то из них подбросил над их головами чуть впереди горсть гильз...

Перед Богом Семен был женат всего девять дней.

В те дни по сербским отрядам прошел слух, что Милошевич скоро не сможет помогать Республике Сербской ни явно, ни тайно. На Югославию давили со всех сторон, а мусульмане и хорваты получали новейшее оружие и прощение международного трибунала. Изетбегович вслух мечтал о мусульманской части Европы. Именно тогда Семен заметил, что на русских смотрят так, будто это они виноваты в поражении без боя. И тем более вызывал кривые ухмылки миротворческий лепет посланцев из российской Государственной Думы и Министерства иностранных дел. Сербию предали и хотели растерзать, как агнца, чтобы потом всерьез взяться за русскую корову... Да вот сербы никак не соглашались становиться ягнятами.

Европейские газеты сопровождали появление российских миротворцев на Балканах обширными аналитическими статьями о разваливающейся российской экономике и военной немощи. Делалось это для сербов, чтобы знали — что помощи ждать неоткуда. И в голос им мычал российский президент, повторяя бесконечные клятвы верности курсу реформ, другу Биллу, другу Гельмуту и прочим «друзьям» обновленной России.

Именно в те дни Милица решила съездить к отцу, а Семена Ристич не отпустил — отряды потянулись к Сараево, где натовцы затеяли очередные переговоры. Уже тогда все знали, что Караджича хотят судить в Гааге, но все эти натовские спецназовцы даже сунуться боятся в сербские кварталы, потому что там их ждали не только профессиональные телохранители, но и те, кто готов умереть вместе с ним и за него. А таких было немало.

На счету был каждый человек, и Милица поехала одна. Ристича успокоило очередное перемирие, словно враг перестал быть коварным и жестоким. Тело ее найти потом не удалось.

Просто в одной из натовских листовок, кричавшей о звер-

ствах сербов, была фотография. Милицу на ней выдавали за растерзанную мусульманскую девушку... И первым, кому попала эта газета в руки, был Семен.

Захлестнувшие его ужас и горе были сильнее самих себя и обратились в безумную ярость. Уже утром следующего дня радио и газеты сообщили, что ночью были убиты два солдата миротворческой миссии, а один натовский офицер избит до смерти. А Семену очень хотелось найти Маккаферти. Дальше он воевать не мог, потому что желание убивать и мстить стало для него выше всякого другого смысла этой войны. Впрочем, как и для тысяч сербских воинов, чьих жен насиловали и убивали прямо в алтарях православных храмов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: ОЛЬГА

1

Иногда хочется повернуть время вспять, иногда хочется остановить его, а иногда ничего не хочется — вот и живешь по течению. Так жила последние годы Ольга Максимовна Рогозина. С каких-то пор, с какого-то упущенного мгновения она утратила чувство времени, и окружающая реальность сквозила вместе с его течением, как сон, на который она не в силах была повлиять. Если в нем что-то менялось, то Ольга безропотно принимала новые условия игры, подстраивалась...

Жалела ли она о чем-то? Задавалась этим вопросом часто и не находила ответа, но прошлое иногда все же тревожило ее. Упущенные возможности? Но кого, в конце концов, не посещают мысли о том, что многое в прожитой жизни можно было сделать лучше, правильнее?

Закончив университет, Ольга ни дня не работала по специальности. Филолог в ней просыпался лишь в те редкие мгновения, когда в полном одиночестве она прикасалась к томам огромной семейной библиотеки. Страсть Степана к книгам была огромной, но последнее время он читал мало, днями и ночами пропадал на работе, а всю интересующую его литературу доставляли на дом аккуратными упаковками. Ольга бережно расставляла новые книги на полки в его кабинете. Энциклопедии, справочная литература, классика и совсем немного современной. Современную литературу Степан недолюбливал. На чем свет стоит ругал писателей: они, мол, расквасили своими ноющими героями-интеллигентами народ, теперь запугивают его вездесущей мафией, что последней только на руку, а напоследок пытаются создавать фантастические образы народных суперменов, защитников униженных и оскорбленных. В результате — народ снова ждет, что придет Илья Муромец и накажет нехороших дяденек. Да так, мол, этому народу и надо! За темноту его, за все гражданские войны, за слепоту, за умирающее национальное достоинство...

Ольга никогда не спорила со Степаном. Наоборот, всегда пыталась понять, принять его точку зрения, даже если была несогласна. А он, со своей стороны, полностью доверил ей «гуманитарное» воспитание сына. Чтобы она не угасла в домашнем быту, Степан специально для нее открыл сеть магазинов женской одежды, где

она стала директором. Причем, подбор завозимого товара полностью возлагался на нее. Сама подыскивала партнеров в Москве и в Европе, сама производила закупки, и, если верить бухгалтерам, неплохо справлялась: магазины приносили небольшую, но стабильную прибыль. Бывали, конечно, и провалы, которые зависели от двух главных определяющих: налоговой политики государства и своевременной выдачи заработной платы его гражданам. Но Степан всегда быстро и сполна восстанавливал нужный баланс, называя это инвестициями в семейный бизнес.

Ольга прекрасно знала о делах Степана. Когда просил, давала ему советы. Особенно по женской части. Прекрасно знала, что теневой мир поделился на жуликов (в основном бывших спортсменов) и синявок (блатных, которые имели по нескольку ходок и отличались особой жестокостью в «работе»). Пару раз, когда война за сферы влияния была в самом разгаре, ей с сыном приходилось уезжать, чтобы исключить слабое звено, за которое могли ухватиться «конкуренты». За последние же два года страсти заметно поутихли. Большинство бригад легализовалось, успешно отмывали деньги, а лидеры превратились в раздобревших солидных бизнесменов. Но жить они продолжали по своим неписаным законам, и стоило «простому смертному» приблизиться к ним, то его тут же затягивало, как в воронку, и он волей-неволей вынужден был принимать их условия игры, плача или хохоча над всенародно принятыми конституциями и демократическими законами.

Ольга никогда не ставила перед собой вопроса, как относиться к делам мужа, это был ее крест. Тем более, что по первым ступенькам в эту пропасть они шли под руку. И теперь ей оставалось только украдкой бегать в церковь, чтобы ставить свечи всем святым, молить их, дабы уберегли Степана от бандитской пули. Его же самого она бандитом не считала, не принимала этого сердцем, не видела ничего такого в его поведении, в отношении к людям. Во всяком случае, ей было с кем сравнивать. И все эти годы она знала, что рано или поздно его убьют. Их всех рано или поздно убивали. А они настырно и жадно лезли в эту грязную кормушку, как слепые котята, отталкивая друг друга, чтобы примириться со временем на одной кладбищенской аллее. На этой охоте не было правил, а лицензии на отстрел выдавались по интересам. И, разумеется, народ не жалел их, даже радовался, в надежде, что когда-нибудь они перестреляют друг друга. Видимо, народ не знал закона сохранения дурной и злой энергии. Страх за Степана был первой болью Ольги.

За все эти годы он сумел доказать ей, что для него нет ничего дороже, чем жена и сын, но даже ради них он не мог бы выйти из игры. «Выйти» можно было только вперед ногами. Поэтому он просто старался играть лучше и лучше, а вместе с ним и вся команда. По крайней мере, Николай Сергеевич нарадоваться на него не мог. Вот уж кто никогда не пожалел, что поставил в свое время на желторотого студентика... И вот кого не брали ни пули, ни яды, ни время. Дядя Коля на этом шашечном поле был «в дамках» и одновременно был гроссмейстером.

Но была еще вторая боль... Тайная. Это был Семен. С тех самых пор Ольга несла в себе вину за его неудавшуюся, как она считала, жизнь. Она не определяла свои чувства к нему, просто сводила их к обычной жалости. Стоило ему браво появиться на горизонте, как за внешней его суровостью, за этой бравадой бывалого вояки, она начинала чувствовать неприспособленность к нынешней жизни. Иногда ей казалось, что он вообще ни к какой жизни не сможет приспособиться. Так и будет до глубокой старости воевать с ветряными мельницами. Исходя из всех этих соображений, внутри себя она стала считать его младшим братом Степана, которому тот должен всячески помогать. Ее мечтой стало их примирение. Она втайне строила планы их совместной жизни: Сему женим, вместе будем ездить отдыхать, проводить праздники...

Труднее всего ей было отвечать на вопросы Андрейки:

— Мама, а почему дядя Семен к нам не приходит? Он что, все время на войне? Его не отпускают? Я, когда вырасту, тоже стану солдатом!..

И надо было видеть, какими нежными глазами Семен смотрел на Андрейку, когда тот вместе с Ольгой приходил проведать в больницу Татьяну Васильевну.

2

Пакет «для Ольги Максимовны» принесли в ее директорский кабинет в магазине. Она так и не могла дознаться, кто положил его на стол поверх всей остальной корреспонденции. Секретарь утверждала, что она среди других бумаг его вообще не видела, а впервые видит только сейчас — на столе Ольги Максимовны. Получалось, кто-то мог прийти незамеченным в ее кабинет и оставить на столе большой конверт с надписью: «для Рогозиной Ольги Максимовны».

Приставленный к ней Степаном телохранитель Ваня, по прозвищу Супер, деловито суетился по офису, приставая ко всем и каждому с расспросами, словно играл в Шерлока Холмса и владел методом дедукции. На самом деле он обладал звериной интуицией и мгновенной реакцией, на сложные шахматные партии его голова не была рассчитана. Вскрывать подозрительный конверт, несмотря на протесты Ольги Максимовны, он решил в одиночку. Даже попросил выйти ее из кабинета. Мало ли что!

Через две минуты он вышел оттуда обескураженный, держа в руках пачку черно-белых фотографий формата А-4.

— Это что? Компромат на шефа? — спросил он скорее всего сам у себя.

Ольга взяла у него снимки, и наступил ее черед удивляться. На первом снимке были какие-то вояки, стоявшие на поляне у груды мертвых тел. Форма их была без опознавательных знаков различия, но одного Ольга узнала. Чьей-то «заботливой» рукой его голова была обведена красным маркером, как это делается во всяких там американских детективах. На фотографии среди прочих был Семен.

На следующем снимке были еще и еще растерзанные и убитые, и везде рядом с ними был Семен, обведенный красным маркером. Там же лежали две вырезки из газет о зверском убийстве в Сараево офицера миротворческих сил и двух солдат. Последним листом в этой пачке была ксерокопия статьи на английском языке о сербских военных преступниках. В длинной веренице имен та же рука выделила имя бывшего капитана российских вооруженных сил Семена Андреевича Рогозина. Розыском перечисленных лиц занимались в совокупности почти все европейские секретные службы, ЦРУ и Интерпол.

Ваня-Супер не знал о наличии близнеца-брата у Степана Андреевича и именно поэтому усмотрел в содержимом конверта компромат на него самого. Пока Ольга рассматривала фотографии и пыталась вникнуть в содержание статей, расторопный телохранитель успел доложить обо всем Степану. И тот немедленно выехал в магазин Ольги, приказав всем оставаться на месте и ничего не предпринимать.

Уже на месте, внимательно рассмотрев содержимое анонимного послания, он, как и Ольга, не смог прийти к сколько-нибудь разумному объяснению этих документов.

— Внешне — это не угроза. Понятно, что братец крупно вляпался в Югославии, и то, что его сейчас не ловят все эти спецслужбы, объясняется лишь их повышенной занятостью. Есть птицы и

покрупнее. Тот же Караджич. Но ясно и другое: если кто-то доставит его в международный трибунал, его с радостью засудят и посадят до конца жизни. Удивительно, что за его голову не назначено вознаграждение хотя бы в пару тысяч долларов.

— Удивительно другое, — перебила Ольга, — зачем этот конверт подбросили мне?

— Ну, может быть, потому, что о моих с ним отношениях...

— А о моих! — не дала договорить Ольга. — У меня-то с ним какие отношения?!

— Прости, Оля, но я в этой игре правил пока не знаю. Уж какой тут умысел? Пока что я заберу эти бумаги к себе, а рядом с тобой будет всегда усиленная охрана.

— Зачем?!

— Я так решил.

Спорить с ним не имело смысла, ибо принятые им решения не обсуждались, не изменялись, а исполнялись дословно. Ольга ушла в себя и серьезно задумалась о том, что Семена все же следует предупредить, независимо от того, как будет поступать муж.

— Значит, вашей встречей на зимнике все не закончилось? — спросила она.

Степан опустил глаза. Он явно был не готов к такому вопросу.

— Честно говоря, я пока сам не знаю и даже дядя Коля не знает. А тебе и знать незачем!

3

Так же, как когда-то Ольга разучилась чувствовать время, она разучилась радоваться весне, лету, первому снегу... Погруженная в созданный Степаном мир, как рыбка в аквариум, она тем не менее сама создавала себе природные и климатические условия, да и без труда могла поменять русскую зиму на тропическое лето — достаточно только купить билет на самолет. Но нынешний май заставил ее почувствовать свой вкус. По всей стране стояла пальба, падали самолеты, сходили с рельсов поезда, останавливались заводы, шахтеры ложились на рельсы... А май, как и десять, как и сто лет назад, колдовал молодой зеленью да легким ветерком. Он подкрался к скамейке в парке, на которой она сидела, и вдруг закружил зеленым ветром, полыхнул в глаза ярким, но не жарким солнцем, оправленным в бесконечную лазурь, перебил пресловутую французскую парфюмерию дыханием трав и

яблоневого цвета и поманил куда-то в поля, где и небо, и землю можно увидеть от края до края.

И Ольга, как очарованная, смотрела на мир, словно впервые видела его побежденным бушующим маем, и не замечала, как на соседних скамейках оберегают ее Ваня-Супер и еще двое, приставленных к ней охранников. Не замечала, как нелепо смотрятся в их руках сотовые телефоны, причем переговариваются они друг с другом, прогуливаясь по одной и той же аллее, словно просто нельзя подойти друг к другу и говорить сколько душе угодно. А они, как дети, играющие в войнушку — этакий стиль, будто сам их серьезный вид отпугнет любую опасность, и этим самым видом они доказывают своему шефу, что не зря едят свой хлеб.

А Ольга погрузилась в окружающий мир настолько, что уже и не замечала его. Вроде и думала о чем-то, а, может, мысли, не успев оформиться во фразы и образы, просто проносились вперемешку с майским ветром. Так бы и не заметила улыбающуюся пару, неторопливо шествующую по аллее, если бы не мужской голос, который разбудил бы ее даже от летаргического сна. И чуть было не окликнула его Степаном.

По аллее, увлеченно беседуя, шли под руку Семен и девушка, которую она недавно видела из окна вместе с ним у рогозинского дома. Девушка посмотрела на нее с нескрываемым интересом, а можно сказать, и так, будто знает ее не один десяток лет. Семен же смотрел на свою спутницу, и невооруженным взглядом было видно, что он изрядно очарован ею. Ольга улыбнулась.

— Неужели он действительно рассказывает ей, как стоял на мине? — вспомнила вдруг слова мужа.

— Семен! — позвала Ольга, а Ваня-Супер настороженно сунул руку во внутренний карман.

Семен остановился и посмотрел на нее как на воскресшую. За его спиной предупредительно вырисовался Ваня-Супер, ворочая от удивления глазами — он уже знал о копии шефа, но живое сходство было просто мистическим.

— Оля?! — словно спросил у кого-то Семен.

Минут пять они разговаривали молча — одними глазами, и успели сказать все. Так что Ольга могла без лишних эмоций переходить к делу. Но именно сути-то его она и не знала. Поэтому решила просто рассказать то, что ей было известно.

— Палачом я там не был, — ответил Семен на ее рассказ о фотографиях. — Но кому понадобилось посылать тебе это? — Что у вас было со Степаном?

— Да так... Просто столкнулись интересы.

— Поэтому ты его чуть не убил?

— Он пожаловался?

— Рассказал...

— Думается, его подручные со снайперскими винтовками тоже не на охоту туда приехали.

— Значит, ты и об этом знаешь?

— На войне, как на войне. Кое-чему научился. За то, что рассказала, спасибо. Мы с Лешей Павловым подумаем.

— Кто это Леша Павлов?

— Сослуживец. Мы с ним везде были. А теперь вместе работаем, на севере. У него звероферма, с нее-то все и началось...

Еще минуту постояли молча, искали слова. Чуть поодаль нервничал Ваня-Супер, который не мог оценить ситуацию. Два других охранника с кем-то разговаривали по телефону.

— Слава Богу, — мелькнула у Ольги мысль, — что это случайная встреча, не придется объясняться со Степаном. Девушка рядом с Семеном пыталась отстраниться, чтобы оставить их наедине, но он удержал ее руку. И хотя он всячески пытался изобразить на лице деловое равнодушие, Ольга легко читала в его глазах незажившую рану.

— Как Андрейка? — спросил он, и она была благодарна ему за этот вопрос.

— Спасибо. Все хорошо. Часто спрашивает о тебе. Мы ему английский, мы его в школу искусств, а он знай себе в войнушку играет. Пойду, говорит, в солдаты...

— Передавай ему привет.

И все. И словно не было майской вспышки. Думала, снимет камень с души, а его и не было. А вот чувство надвигающейся опасности наоборот усилилось. Забыла она о нем. Пошел Андрюшка в школу, появились новые заботы, новый смысл в жизни, и все страхи отступили в тень. Даже поверилось вдруг, что жизнь действительно так неизбывно солнечна и в ней больше радостей, чем печалей. А в ней, оказывается, больше борьбы, больше соли что ли? Поверилось, что в этой стране наконец-то налаживается нормальная жизнь, хотя Степан давно ей говорил, что желающих наворовать всегда больше, чем можно украсть. А уж безвестность всегда хуже явной угрозы. И ощущение этой безвестности, безысходности похоже на то, что из человека по сантиметру тянут нервы, по капле пьют кровь. А ведь с таким ощущением живет весь народ!

4

Уже вечером Степан подробно расспросил ее о разговоре с Семеном. О девушке, которая с ним была. И удовлетворенный ее ответами, в кои-то веки сел играть с Андрейкой в его любимые солдатики. Для этого у Андрюшки было целое поле с траншеями, миниколючей проволокой, блиндажами, танками и целыми батальонами вояк. В хорошем настроении Степан садился проигрывать сыну на игрушечном поле боя. А хорошее настроение у него было чаще всего, когда он начинал новое дело и считал, что обстоятельства складываются в его пользу.

Ольга так не считала.

Следующие несколько дней были обыденными и ничем непримечательными. Полдня Ольга отдавала работе, а еще полдня занималась домашними делами и сыном. Радовалась, что Андрюшке нравится ходить в обе школы (общеобразовательную и школу искусств), и при этом нагрузка пока что не сказывается. Степан настоял на том, что сын должен ходить в обычную среднюю школу и ничем не отличаться от своих сверстников, учиться по русскому букварю, а не по учебникам от Сороса с дурацкими Микки Маусами, Дональдами и прочими комиксами для будущих русских олигофренов. Правда, в школе искусств внимание Ольги Максимовны обратили на то, что ее сын, выполняя задания на свободную тему, рисует только войну, военную технику или учения. Даже в пейзажи он умудряется влепить замаскированный танк, а в небе вместо птиц нарисовать бомбардировщики. Истоки, мол, такого милитаризма надо искать в семье. А мы ведь знаем Степана Андреевича как очень интеллигентного человека и уважаемого в городе бизнесмена. И когда Андрейку спросили, почему у него везде военные, он совершенно серьезно ответил, что когда он станет генералом или маршалом, он еще покажет всему миру суворовских чудо-богатырей. Ольга на все эти претензии пожала плечами, рассказы о Суворове она купила ему сама. Да и рада была, что он предпочел эту книгу многочисленным тупоголовым бэтмэнам, суперменам и прочим. И все же не могла понять, откуда в нем эти «аты-баты»?

После получения конверта ее так и не оставляло чувство, что кто-то за ней наблюдает. Оно то утихало тихими домашними вечерами, то просыпалось казалось бы беспричинно на городских улицах, на работе или когда она забирала из школы Андрея. В такие минуты она готова была взорваться по любому поводу, представляющему хоть малейшую опасность ей и ее семье. При

этом она не мыслила ни о чем, кроме как об активной обороне. Представляла себя этакой львицей, но когда накал страстей и страха сам собой проходил, то ощущала жуткую усталость и начинала понимать свою природную женскую беспомощность. Без всякой надежды, с иронией смотрела на бравого Ваню-Супера еще, наверное, потому, что в один из таких дней поняла — опасность не будет явной, она будет тенью, идущей за ней, за Степаном и за Андрюшкой по пятам. Она будет выползать как гадюка из норы в самые неожиданные моменты. А укусит лишь тогда, когда они к ней привыкнут, будут загипнотизированы ее постоянным, как бы беспричинным присутствием, и тогда все эти груды мышц с их пистолетами и прекрасной выучкой ничем не смогут им помочь.

Степан, заметив ее угнетенное состояние, вспылил.

— Даже если что-то и случится, то только со мной! И вообще, пока что я не вижу никакого повода к тому, чтобы подписывать капитуляцию с твоими нервными болезнями. Я тебе честно скажу, Оленька, есть тут одно дело, из-за которого, возможно, и начался сыр-бор, но его подоплеки я пока не знаю. Одно могу тебе обещать твердо. С тобой и Андрюшей ничего произойти не может! Я принял все необходимые меры. Дошло до того, что заручился у всех местных авторитетов, которым раньше никогда не кланялся. Если кто-то и играет против нас, то это гастролеры.

Да какая разница — гастролеры, местные или инопланетяне!

Еще через день Андрюшка вернулся из школы с заговорщическим видом и сразу подошел к Ольге.

— Мама, у меня для тебя есть дело.

— Что?

— Тут один дядя попросил передать тебе письмо.

— Какой дядя? Какое письмо?

— Он в школе ко мне подошел...

Внутри что-то оборвалось, тело стало ватным. Гадюка снова выползла из своей норы и показала жало. Не понимая, что делает, Ольга стала торопливо ощупывать сына — цел ли, словно он только что попал в автокатастрофу или упал с большой высоты. Тот же серьезно смотрел на мать и вдруг спросил:

— А этот дядя твой любовник? Я в кино видел...

— Почему ты так решил?

— Он сказал, чтобы я папе ничего не говорил.

На этот раз был обычный почтовый конверт, к тому же неподписанный. Внутри — один лист с печатным текстом, вышедшим из чрева матричного принтера, коих в городе были тысячи.

— Уважаемая Ольга Максимовна, — начиналось послание. — Весьма жаль, что Вашему мужу стало известно о нашей первой депеше. Мы надеялись, что вы как самостоятельная, так и разумная женщина. Наша фирма располагает очень интересными материалами о брате Вашего мужа, но нашей целью вовсе не являлось нанесение какого-либо ущерба, включая моральный, Вам и Вашей семье. Хотя, при определенных обстоятельствах, данные на Семена Андреевича поступят к заинтересованным лицам. Мы просто рассчитывали на сотрудничество. И на то, что вы имеете определенное влияние на Семена Андреевича. Суть же данного дела довольно проста.

Семен Андреевич и его товарищи является в данный момент крупным должником нескольких финансовых структур. И хотя Ваш муж опрометчиво считает, что он из своего кармана погасил этот долг, речь давно уже идет о закрытии предприятия и передаче его со всеми фондами и землей международному консорциуму «IWC», о чем проведены необходимые консультации и переговоры с представителями российского правительства. В данный момент Семен Андреевич незаконно удерживает территории интересующего нас объекта, спекулируя на интересах местного населения, которому мы гарантируем переселение в любые города России на выгодных условиях. Ваш же муж пытается обозначить в этом деле собственный интерес, затрудняя работу наших представителей. Именно поэтому мы обратились к вам, Ольга Максимовна, рассчитывая на то, что Вы можете оказать влияние на обоих Рогозиных, которые, как мы знаем, даже между собой не могут наладить нормальных родственных отношений. Вместе с Вами нам удастся избежать многих непредсказуемых и неприятных последствий в случае силового решения этого чисто коммерческого конфликта. При этом мы, со своей стороны, гарантируем фирме Вашего супруга достаточную компенсацию, сумму которой мы можем оговорить на специальной встрече.

И в конце отдельной строкой вместо до свидания: «У Вас очень смышленый сын. Очень похож на братьев».

Прочитав письмо, Степан надолго ушел в себя. Закрылся в кабинете и весь вечер пил. Он никогда не напивался, но мог часами в раздумьях тянуть один и тот же бокал коньяка. Ольга в такие часы ему не мешала. К утру он объявил свое решение. Ольга как раз собирала Андрейку в школу.

— В школу он сегодня не пойдет. Собирайтесь, вы уезжаете.

— Степа, но Андрею нужно ходить в школу... Кончается учебный год. Это было больше напоминание, чем возражение.

— Я знаю, Оля. Надеюсь, это ненадолго. Может быть, это будут недельные, максимум двухнедельные каникулы. По крайней мере, мне нужно время, чтобы, не опасаясь удара в тыл, выяснить все до конца. Мне нужно время...

— Мне кажется, тебе нужно встретиться с Семеном.

— Да. Но это позже. Сначала я хочу, чтобы вы оказались в безопасном месте, о котором будут знать как можно меньше людей. — Степан обнял Ольгу. — Знаешь, у меня иногда возникает убежденность, что Семен и его появления в моей жизни приносят мне только неприятности.

5

— А может, это мы приносим ему неприятности, даже беды... — этого Ольга вслух не сказала. Об этом она раздумывала в здании аэровокзала, ожидая регистрации рейса на Москву. Рядом, как всегда, суетился Ваня-Супер. В зале ожидания было немноголюдно, хотя уже начался сезон отпусков. Дороги в небе подорожали, и к теплым морям люди добирались поездами, а большинство просто оставались дома или проводили время на дачах. Для Ольги и Андрюши Степан выбрал тихий островок в Тихом же океане, поближе к экзотике, подальше от новых или любых других русских. Долго наводил справки и наконец решился снять на две недели виллу. Из сопровождающих с ними поехал только Ваня, дабы как можно меньше людей знало о их местопребывании, а Суперу Степан доверял полностью, ибо тот был обязан ему жизнью.

Оставив Степана один на один с неизвестной опасностью, Ольга впала в какое-то полусонное состояние. Ее сознанию хотелось сузить мир до размеров небольшого кокона, плотно защищающего пространство вокруг нее и сына. Хотелось, чтобы как можно меньше людей прикасались к нему, не пытались ее окликнуть или втянуть в какие-то свои суетливые или малозначительные дела. Она настроилась ждать. Ждать лучшего и даже не возвращения на круги своя, а того, что называется обычной семейной жизнью: в стороне от политики, уличной стрельбы и бесконечной погони за деньгами. А из ожидания этого вычеркнула всех и вся. Не поддавался только Семен. Он так и шел по аллее где-то прямо внутри нее под руку с красивой девушкой. Да и пусть бы шел! Но почему ей вдруг показалось, что она завидует ему? Наивности и простоте что ли? Да так уж ли он прост? А как бы

все повернулось, если бы она все-таки стала его женой?.. Вспомнились слова Татьяны Васильевны: «Степану ты, Оленька, нужнее, но то, что мы называем женской душой, останется у Семена...» Чья душа у него останется? В чем отличие мужской от женской? Все-то Татьяна Васильевна притчами да загадками говорила, а нужного так и не сказала. Да и сама она до конца своих дней разрывалась между такими разными сыновьями. В первые годы их совместной жизни со Степаном и Ольге хотелось разделить себя на две равноценные части, чтобы наделить в равной степени обоих. Улыбалась своим фантазиям, но что-то в ней действительно еще долго тянулось к Семену, и только с рождением Андрюши она окончательно спустилась с неба на землю. Семья стала всем смыслом ее жизни. Все остальное она просто не принимала в себя. Но все же какое-то равновесие в огромной паутине людских судеб они нарушили. И не Семен приносит им несчастья, а посланная ими же волна ударилась о какие-то поставленные свыше скалы и покатилась обратно. А уж Промысел не переиграешь.

— Милая-счастливая, добавь немного...

— Что? — не сразу смогла посмотреть из себя наружу.

— Добавь сколько не жалко!

Перед ней стояли две женщины. Будущее обеих просматривалось через дно стакана, наполненного паршивой водкой и лишенной всякого смысла жизнью. Правда, у одной еще угадывалось прошлое: даже ее замызганные вещи были когда-то дорогими и модными, а в лице читалось усталое благородство, грусть и полное смирение перед обстоятельствами. Пожалуй, дать ей немного воли, она смогла бы еще вернуть себе былую красоту и шарм, остатки которых свисали грязными локонами, были заляпаны синевой под глазами и тысячей невыслушанных кем-то слов застряли в растрескавшихся губах. Вторая же была бечевкой со стажем, она и была просительницей. Заметив интерес к своей напарнице, она не преминула сообщить:

— Да-да, милая дамочка, и она когда-то такой же, как ты, была. Ага! Точно говорю? — ткнула под бок «бывшую». — А кабы не я, то ей давно бы уже каюк. Она даже на хлеб попросить не умеет. Графина кака, а? Но она погадать тебе может, ее как житухой шибануло, у нее таки таланты открылися!.. Ну скажи дамочке, Лизка! — опять ткнула ее локтем в бок.

Лизка смотрела на Ольгу и молчала.

— Ну скажи же, а то ведь маковой росинки с утра во рте не было. Давай же быстрее, пока менты не объявились...

Но Лизка молчала.

— Никак равную себе увидала, — разочаровалась в талантах подруги попрошайка, — ну так ты, дамочка, дай нам денюжку, какую не жалко, мы тебе благодарны будем. А тебе Бог воздаст.

Ольга, не сводя глаз с той, которую назвали Лизкой, выгребла из портмоне всю мелочь и даже несколько долларов. Теперь дар речи потеряла попрошайка и торопливо стала распихивать все по разным карманам. Надеялась, видно, что если будут отбирать да обыскивать, все не найдут. На Ольгу она даже перекрестилась, нашептала ей целую вереницу благодарностей и все пыталась увлечь теперь за собой подругу, которая по-прежнему смотрела на Ольгу.

— А я когда-то была такая же, как Вы, а теперь, как она... — наконец-то сказала Лиза.

— Ага, и водка-то нас сравняла! Эт не от бани все равные, а от водки! — уже нервничала и тянула ее за рукав.

— Только у меня муж был один...

ГЛАВА ПЯТАЯ: НАТАЛИ-НАТАША

1

Лет с пятнадцати на нее всегда оглядывались все мужчины, бросали взгляды украдкой или смотрели сально — с откровенной похотью. А ведь в детстве была гадким утенком да еще и троечницей. Не было в ней той кукольной красоты, как у многих девочек в младенческом и в ранне-школьном возрасте, не было и прилежности. На домашнего ухоженного котенка с хорошими манерами она не походила. Больше, наверное, на растрепанную дворняжку, что слоняется целыми днями по улицам и заглядывает в глаза прохожим да вынюхивает, чем поживиться. И в зеркало часами не пялилась — оттуда на нее смотрела несоразмерно большими голубыми глазами угловатая серенькая девчушка. Да и смотрела всегда с вопросом: ну чего ты тут не видела? А потом вдруг в одночасье, за одно лето брызнула из нее девица-красавица, из тех, что ныне по подиумам табунами ходят. Как бабочка из гусеницы.

Мать, которая воспитывала ее в одиночку, и давно махнувшая рукой — нехай растет что вырастет, теперь не на шутку испугалась. Вместо ничем не примечательной отроковицы, без устали полкающей по подворотням с ватагой ребят, в ее доме «поселилась» стройная голубоглазая блондинка. И сразу присмирела ее Наташка, про улицы забыла да за книги взялась. Другая бы нос кверху и мозги парням крутить. А эту словно подменили. Этого-то и испугалась Варвара Кирилловна. Никакого особого воспитания она к ней не прилагала, разве что готовить научила, сама-то целыми днями пропадала в торге. Все, что Наташа просила, покупала ей без заминок. В нарядах и сладостях отказа ей почти никогда не было. Наказание у нее было одно – мама обиделась. Укоряли ее — избалуешь. Она отмахивалась: человека не вещи портят и не их количество, а зависть, уж если хотите растить рассюсюканных вундеркиндов, то и растите, только у себя дома. И раньше-то лишний раз Варвара Кирилловна с расспросами да поучениями в жизнь дочери не вмешивалась, а теперь и подавно растерялась. Раньше вроде как некогда было, а теперь, получалось, уже поздно. Да и что ей скажешь? Лежит — читает, в магазин сходить надо — сходит, обед приготовить — приготовит, в квартире прибрать — приберет, но если пойдет куда — уйдет не спросит, чмокнет в щеку: мама, я пошла...

Наташа трепетно любила мать и преклонялась перед ее устойчивостью к ударам судьбы. За восемнадцать лет их «совместной» жизни та, обладая всеми к тому данными, не устраивала охоты на холостых и женатых мужчин, а если кто-то и был у нее, Наталья об этом ничего не знала. Но с букетами цветов Варвара Кирилловна приходила домой часто. Работа в торговле давала ей все необходимое для содержания небольшой семьи, а квартира их была обставлена не хуже, чем номенклатурные гнездышки. И ни разу за эти годы Варвара Кирилловна не пожаловалась своей дочери. А единственное, чем ее упрекала — это запойным чтением.

— В отца ты, Наташа, пошла, — не раз говаривала она, — тот тоже книжный червь был. Целыми днями по пыльным страницам пальцем водил, а потом мечтал все! А что толку мечтать? Чему его книги-то научили? Разве что правильному разговору, в любой компании мог умом блеснуть, зато гвоздя забить не умел, а платили ему в его НИИ жалкие гроши. И ты вот теперь туда же! Небось, про принцев читаешь, галантных кавалеров, а в жизни таких если и встретишь, то, превращаясь в мужей, они становятся такими же мужиками, со всеми отсюда вытекающими последствиями. Мужики нами пользуются! Так что лучше учись пользоваться ими, чтобы была полная взаимность...

Может, после очередной такой же тирады ушел когда-то отец. Когда-то Наташке был годик. От алиментов Варвара Кирилловна отказалась, но и к дочери его не подпускала. Тот в конце концов обзавелся новой семьей и затерялся где-то в житейском море, а со времени злополучной перестройки даже звонить перестал. Видать, совсем худо стало блистать умом.

На предложение матери поступать в институт торговли Наташа ответила усмешкой и подала документы в университет. Мать не спорила. «Может, хоть тебе толковый да богатый достанется. Со мной случись что, кто тебя такую красавицу в достойные оправы вправлять будет?» И случилось. Варвара Кирилловна, как большинство представителей торговли, участвовала в приватизации объектов, к которым они имели непосредственное отношение. В случае Варвары Кирилловны это была оптовая база «Роскультторга», где Варвара Кирилловна совмещала сразу две должности: первого зама и ведущего экономиста. И шло сначала все гладко, ибо работники базы, не взирая на постулаты об общенародной собственности, давно считали ее своей вотчиной. Во времена дефицита покупали себе и всем своим близким товары по-

вышенного спроса, а часть их почти гласно отправляли на толкучку, извлекая из этого дополнительную прибыль к своим и без того немаленьким зарплатам. А с тех пор, как было объявлено о рыночных реформах, они быстро расширили ассортимент и сделали базу опорным пунктом оптовой торговли в городе, куда стекались за товаром владельцы магазинов и киосков со всей области. И надо сказать, все были довольны: от грузчиков до руководителей отделов. Каждый получал соразмерно своей должности, но значительно больше, чем рабочие на умирающих заводах или врачи в нищающих больницах. Как положено, к ним пришли бандиты, которые возжелали оказать им свое покровительство, то бишь стать крышей. Мелочь они давно уже подмяли и теперь взялись даже за государственные предприятия и промышленные гиганты. База к таковым не относилась. Поэтому для бандитов без лишнего сопротивления (в тесноте да не в обиде!) был создан отдел охраны, который почему-то занимался не только охраной, но и получением кредитов и закупкой производственного оборудования (импортных автомобилей для так называемых охранников). На этом и погорели. Ушлый директор ЗАО «Оптторг» (как стала называться теперь база со всей ее инфраструктурой) вошел в сговор с начальником охраны, который в сущности был пешкой, поставленной другим нехорошим дядей. На пару они взяли огромный кредит и удалились за покупкой новой партии товара. Более в этой стране их никто не видел. Зато разгневанные кредиторы и бандиты тут же наехали на первого зама — Варвару Кирилловну. К ней приехали ночью домой и увезли в неизвестном направлении. Так Наташа познакомилась с Николаем Сергеевичем, которого все в городе называли дядей Колей.

2

— Ах, Натали, Натали, — причитал Николай Сергеевич, — обнимая ее за талию, — будь я хоть немного помоложе!.. – Как будто собирался жениться.

За свободу и здоровье матери Наташа заплатила своей невинностью не раздумывая, но это оказалось не единовременным пожертвованием, она попала в игру и была принята на службу для особых поручений. Поседевшая за неделю Варвара Кирилловна, заняв место своего сбежавшего шефа, начала возвращать долг, а Наташа оказалась в команде Степана Андреевича Рогози-

на. И такой поворот судьбы расценивала как дар, ибо благородный бандит (так она его называла) вытащил ее из постелей дряхлеющих паханов, где ее заставляли делать такое — от чего содрогнулись бы даже издатели порнопродукции. Дядя Коля не смог отказать любимчику, у него таких Наташ было... А в этой он, по своей традиции, ценил к тому же тягу к знаниям. Степан же без показного меценатства стал платить за ее обучение в университете, купил ей однокомнатную квартиру в центре. По этому ли поводу сказал тогда Николай Сергеевич?

— Отлично собираешь себе команду, сынок.

— Ваша школа...

И действительно, предать Степана мог только полный отморозок и беспредельщик. Почти все в его «фирме» были ему обязаны если не жизнью, то по гроб ее. И вот теперь он доверил Натали самое щепетильное дело – «опекать» своего брата-близнеца.

Даже больше, чем близнеца, напутствовал он. А она?

Оказалось, не все люди принимают жизнь такой — какая она есть. Толщи прочитанных романов не находили себе подтверждение нигде и никогда до тех пор, пока она не встретилась с Семеном. Вторая капля воды в соотношении с шефом, он словно был создан совсем из другого материала, или, по крайней мере, имел иную начинку. Такой же высокий и русоволосый, сероглазый, немного утяжеленная, широкая азиатская, как принято считать, нижняя часть лица, что придает ему благородно-геройский вид, прямой нос, даже стрижки у них совпадают до миллиметра, будто трудится над ними один и тот же мастер, выверяя длину и расположение каждой волосинки. И в прямом их проборе в одном и том же месте можно найти проседь. Обоим идет небольшая трехдневная щетина, у обоих огромные руки... Когда Семен впервые обнял ее, она тут же окрестила их загребущими. Пожалуй, внешне в мире не найти столь детально совпадающих близнецов. Но чем больше в них внешнего сходства, подтверждаемого на каждом шагу движениями, тем больше разница в наполняющем эти оболочки духе. Можно, конечно, найти сходство и там. Например, упорство, отчаянная смелость, преклонение перед покойной матерью, перед женщиной вообще... Но по своему духовному составу они как две песни на один мотив, но с разными словами, содержанием.

В Семене она вдруг увидела настоящего книжного героя, причем из многих прочитанных ею романов в одном лице. Шеф против него был прагматичным и дотошным работягой. Любой риск

он выверял до мельчайших подробностей, чтобы избежать потерь и возможных опасностей, свести их до минимума. Семен же был из тех, кто сначала ныряет в омут, а потом уже думает, как из него выбраться. И, надо сказать, до сих пор у него это неплохо получалось. Он легко вживался в любую ситуацию, мгновенно оценивал обстановку и, балансируя на самом краю пропасти, с помощью звериного чутья первобытного воина, помноженного на незаурядный интеллект, находил единственно верное решение.

Наталье следовало играть против него, а она незаметно для себя стала играть вместе с ним. Она боялась думать о таком слове, как любовь, боялась притяжения к этому человеку, ибо прекрасно понимала, что рано или поздно ее роль станет ему известной, и тогда он увидит в ней не романтичную студентку, которой с первого дня их знакомства, как Иванушка-дурачок, раскрыл душу, которую носил на руках и за несколько дней нашептал столько ласковых слов, сколько от другого мужчины не услышишь за всю жизнь, а увидит продажную девку, и никакие обстоятельства ее жизни, никакие объяснения ее зависимости от Степана Рогозина, не станут для него оправданием. Он великодушно простит ее, чтобы забыть навсегда или помнить о женском коварстве. Ибо Семен Рогозин не признает серого цвета, для него их только два — черный и белый, добро и зло.

Но то, что старалась не замечать она, мысли о чем старательно отгоняла, просто не думала об этом, не мог не заметить Степан Андреевич.

3

— Не хватало только, чтобы ты влюбилась в моего незабвенного братца! — метал молнии Степан Андреевич.

— Я бы не стала выражаться столь категорично...

— Что ты в нем нашла? Ах да, я и забыл, что он у нас непревзойденный воин, умеющий читать стихи и разбирающийся в философии! Этакая смесь супермена и поэта!

Нет, Степан никоим образом не напоминал ей о том, откуда он ее вытащил, не тыкал своими благодеяниями. Чего уж в нем было больше — тонкого расчета или элементарной воспитанности, замешанной на природном благородстве, которое ему не удалось из себя изжить? Он не попрекал. Он говорил с ней, как говорят о работе, будто бы она нарушила КЗоТ, а он не знает, как

поступить: ибо стоит перед выбором — наказать или помиловать ценного работника.

Пять минут назад она слила ему всю полученную информацию и попросила отставку хотя бы в отношении Семена Рогозина. А он называл ее дезертиршей и размазней.

Семен уехал на север, и второй Рогозин тут же вызвал ее для отчета. Еще утром она поцеловала на прощание одного, а второй уже через два часа требовал от нее сдать первого со всеми потрохами. Нет, если и была Мата Хари, то она была просто потаскухой.

Кроме того, по мнению самой Натальи, ничего особенного она для шефа не узнала. Конечно, Семен рассказал ей, с кем они встретились на аллее городского парка, а она, в свою очередь, передала суть их беседы Степану, утаив только ее молчаливую часть. Да, Семен Андреевич в этот же день позвонил своему другу Алексею Сергеевичу Павлову, просил поднять все документы, где прослеживался бы интерес к их ферме со стороны иностранных фирм. Сказал, что приедет сам, и они вместе прочешут поселок, ферму и все прилегающие к ним территории...

— У него преимущество, — задумался Степан Андреевич, — он может пока еще заниматься этим в открытую. Любого моего парня там вычислят в первую же минуту, ибо там все знают друг друга. И единственный человек, который может стать нашими глазами там — это ты. Но ты решила быть честным и добрым человеком, ты вспомнила о принципах! В наше-то сраное время! Хорошо еще, что тебе не пришло в голову раскрыться перед ним в первый же день! Ох уж мне эти рыцари! У меня тоже есть свои принципы, и если ты не захочешь, давить я на тебя не буду. Ты это прекрасно знаешь, и у меня осталась только одна возможность — просить тебя. Уверяю, я бы плюнул на это дело, в другое время я бы сам тебя за него просватал, хватит ему воевать, но не сейчас. Речь идет уже не только о деле, речь идет уже о моей семье. И, честно говоря, в этой игре я почему-то не доверяю даже дяде Коле, и ты первая, кто об этом слышит.

Потом он рассказал ей о письмах, о том, как пришел из школы Андрейка... Наталья хорошо знала Ольгу Максимовну, та часто одевала ее в своих магазинах, выводила в «высший свет» и всячески опекала.

За два года работы на Степана Рогозина Наталья в первый раз видела его таким взволнованным. Причем, он не пытался скрывать этого волнения, даже, можно сказать, своей слабости. И у

Наташи не складывалось впечатление, что делает он это играя, дабы любыми способами заставить ее и дальше опекать своего брата.

— Я обещаю тебе твердо: он никогда не узнает об этом нашем разговоре. То, что мы так или иначе связаны, скрыть надолго вряд ли получится. Но я не вижу в этом ничего крамольного?!

— Кроме того, что я не сказала ему об этом с самого начала... — еще минуту Наташа колебалась. — Но какую я найду причину, чтобы свалиться ему на голову в эту таежную глухомань?

— Вот в этом случае как раз ничего особенного придумывать не надо. Ты такая же романтичная натура, как и он. Он воспримет твое появление как должное. Вот увидишь, вопросов он задавать не станет, а радоваться будет, как ребенок.

— А Вы умеете так радоваться?

ГЛАВА ШЕСТАЯ: ЗЕМЛЯ ПАВЛОВА

1

К поселку вела разбитая, построенная еще в начале семидесятых бетонка. Из нее то тут, то там торчала арматура, дорога дыбилась или ныряла на болотах, плиты тонули в песчаной насыпи, но все же это была дорога. Сотни северных селений не имеют другой связи с Большой землей как вертолет, река и зимник. Да и эту дорогу по приказу Москвы неохотно проложили нефтяники, обустраивавшие поблизости месторождение. Кому-то на «партийном Олимпе» пришла мысль, что нефти, продаваемой за границу, может сопутствовать не только газ, но и мягкое золото Сибири — меха. Так возник Теулинский зверосовхоз. Если поселки, ставшие базами нефтяников и геологов, все же успели достаточно развиться, накопить инфраструктуру, то Теулино к началу девяностых превратилось в полуобитаемый остров посреди тайги: несколько облупленных типовых двухэтажных домов по три подъезда в каждом, несколько покосившихся изб, бетонная стометровка вдоль главной улицы, названной традиционно в честь вождя революции, поселковый клуб с кинозалом, в котором не осталось ни одного кресла, да проваленными танцорами и временем полами, опустевшая контора зверосовхоза, начальная школа, на трети окон которой вместо стекол — фанера, а вокруг непобедимое море грязи, штормящее весной и осенью. Из жителей в поселке остались только коренные, из тех, кто пришел сюда, когда здесь стояли еще остяцкие юрты, дети и внуки спецпереселенцев, да те, кто боялся или не хотел пытать счастья на большой земле. С севера Теулино «омывалось» болотом, что ощетинилось редколесьем, с юга — речушкой Вах, а с запада и востока было зажато хвойными тисками тайги. Бетонка, начинавшаяся на трассе, в Теулино кончалась, дальше на север можно было продвигаться только по зимнику или таежными тропами. По зимнику можно было сократить путь к большим городам, но с тех пор, как не окупавший себя зверосовхоз закрылся, его никто не прокладывал. Бульдозеры и вездеходы, таскавшие за собой тяжелые клинья, в полуразобранном виде гнили в ангарах и под открытым небом на территории автотранспортного предприятия, приданного зверосовхозу. И так было до тех пор, пока не вернулся в родительский дом Алексей Сергеевич Павлов. Год он потратил на обивание порогов, собирание документов и их оформление, на

штурмы банков и поиск специалистов. И случилось невозможное — звероферма Павлова начала работать и даже мало-помалу приносить прибыль. Часть ее, как это водится в российском бизнесе, Леша благополучно утаивал, чтобы хоть как-то развивать производство, достаточно платить работникам и даже ремонтировать заброшенные дома. Постепенно ему стали верить финансисты, да и чиновники не гнушались посетить Теулино, дабы внести его на карту преуспевающих предприятий, а заодно увезти с собой несколько шкурок – «показательных» образцов. В чуткой до денег Москве тоже вспомнили о Теулино и тут же предложили солидный кредит. Павлов не отказался. С тем и попал в долговую кабалу... Уже лежа в больнице с переломанными ребрами, он заново переосмыслил фразу классика о том, что все значительные капиталы нажиты нечестным путем. В России ее следовало записать золотыми буквами в конституцию и налоговое законодательство. Чтобы стать новым русским, надо иметь старую партийную или криминальную закваску. Ни к тому, ни к другому Алексей Павлов отношения не имел, да и термин «новые русские» не принимал ни в печатном, ни в озвученном виде. Он просто хотел, чтобы у этой земли было будущее.

2

Семен и Алексей уже сутки сидели, закрывшись в конторе зверофермы. Прежде чем встретить Рогозина на свертке с трассы, Павлов поднял все документы, начиная с семидесятых годов, выискал несколько старых карт района, просмотрел их, но не нашел за что зацепиться. Семен начал просматривать старые отчеты и договора еще в прыгающем по рытвинам «уазике» Павлова. В конторе он уже подробно изучал карты. К полудню второго дня электрический чайник, спасавший их от голода, сломался. Кончились засохшие бутерброды. А навязчивый интерес финансовой группы «IWC» на картах так и не проявился. Ни на первый, ни на второй взгляд не было его в болотах, которые еще тридцать лет назад облазили геологи, не было его на звероферме — даже при удачном стечении обстоятельств и продаже шкурок импортным производителям меховых изделий, чего добивалась Москва, звероферма не станет источником сверхприбылей, не определялся этот интерес в груде металлолома, называемого в прежние време-

на спецтехникой, ни в одном из теулинских закоулков, даже если продолжить их километров на пятьдесят в тайгу и болота, не было ничего, что, по мнению современного здравомыслящего человека, могло вызвать интерес крупной финансовой корпорации. Значит, было еще что-то, о чем ни Рогозин, ни Павлов, проживший здесь 18 лет, не знали.

— Я предварительно слазил в интернет, навел справки об этой «IWC», — поделился Рогозин, — на первый взгляд, ничего особенного. Руководители, разумеется, подставные лица. Большие дяди, которые ворочают большими деньгами, в ее махинациях светиться не хотят. Поэтому ни одной известной фамилии, но некоторые операции наводят на интересные мысли. Во-первых, корпорация эта свежеприготовленная, стаж у нее лет десять – не больше, а ворочает миллиардами. Спрашивается, откуда? Далее — сфера интересов — Восточная Европа, СНГ, Юго-Восточная Азия... Но эта география нам понятна, простор открылся как раз лет десять назад. Но я не смог найти ни одного упоминания об инвестициях этой фирмы в то или иное производство, знаю только, что она проводит закупки сырья и оборудования. И вот последний пункт как раз никак более не оговорен. Что, они у нас старые трактора скупают? Распиленные танки?

— Ну, может, цветные металлы?..

— Так я их в Теулино не вижу! Кстати, об их собственности на территории Западной Европы или США ни слова. Ни хрена нигде не мог найти. Зато с нашим правительством они за панибрата.

— Сема, только не называй это правительство нашим.

— Да как-то к слову пришлось...

— Знаешь, есть у меня одна мысль?!

— Не знаю, — отмахнулся Рогозин, у которого уже слипались глаза.

— Помнишь, я тебе рассказывал про старого ханты – Ивана Монина, что на отшибе живет? Сын у которого от водки сгорел?

— Ну.

— К нему надо ехать, уж кто-кто, а он здесь каждую травинку знает, еще при царе-батюшке промышлял в этих краях.

— Да ну! Среди них же нет долгожителей!?

— Ну вот и посмотришь.

— Шаман?

— Да не, просто лесной человек. Может быть, что интересное и узнаем.

3

Домик Ивана Монина стоял даже не на околице, а в километре от поселка. Дойти до него можно было только по тропе, петляющей меж болотных кочек. Бросив «уазик» у начала тропы, Алексей и Семен углубились в лес.

— Только бы он дома был, — переживал Павлов.

Семен удивился, когда увидел дом, стоявший посреди небольшого пруда на деревянных сваях. По шатким мосткам они добрались до лестницы и постучали в дверь, которая оказалась не заперта.

— А, Леша! Заходи-заходи! — встретил их маленький желтолицый старик. Семен ожидал увидеть этакое этнографическое чудо в национальной одежде с луком и стрелами. А перед ним стоял седовласый мужчина в мохеровом свитере, джинсах и болотных сапогах. В зубах у него была отнюдь не трубка, а обычная папироса. Он приветливо улыбался, и улыбка его терялась в сотнях глубоких и мелких морщин, бороздивших его круглое лицо вдоль и поперек. Бесцветные стариковские глаза-щелочки вспыхивали вместе с папиросой, когда он затягивался.

— Проходите, я как раз чай вскипятил.

Чайник кипел на самой обыкновенной буржуйке. Вся утварь в доме исчислялась самодельным столом, несколькими табуретами, скамьями, лежаком, на который были брошены шкуры, полками, заставленными нехитрой посудой и банками с крупой, и карабином, висевшим на стене. Помимо этого, в углах были развешены сети и еще какие-то невиданные Семеном доселе рыболовные снасти. Пока не сели пить чай, Павлов разговора по существу не заводил. Спрашивал об охоте, есть ли рыба, когда Монин в последний раз был в городе. Рогозин нетерпеливо ерзал и озирался по сторонам, хотя с первого взгляда все запомнил и мог перечислить окружающие предметы по памяти с закрытыми глазами. Заметив его беспокойство, старик спросил сам:

— Небось, искать чего в тайге вздумали? — брызнул хитрецой из глаз-щелочек.

— Да тебя, дед Ваня, и вопросом не удивишь, ты наперед знаешь, но сегодня мы сами не знаем, о чем спрашивать. Как в сказке: пойди туда — не знаю куда, найди то — не знаю что! Вот думаю, как тебе, дед, объяснить-то попроще?

— А ты себе не ломай голову, ты мне ломай. Я ж не первобытный и газеты читаю, — обиделся старик.

— Ищем мы, дед Вань, то, что могут у нас искать иностранцы. Богатые иностранцы. Ищем и сами понять не можем, на хрена мы им сдались? Хотят купить нас с потрохами!

— Землю нашу? — встрепенулся старик.

— Ага. Вот я и думаю, какое в ней золото еще зарыто, что мы не рыли? Старик согнал все свои морщины на лоб, уткнулся в кружку с кипятком и долго мелкими глотками отпивал. Павлов не торопил. Рогозин притих.

— А друг твой ко мне ни разу не заходил, — сказал старик, — а живет здесь уже много.

— Он, деда Ваня, мне помогает ферму обустраивать.

— Не из тех, что тебе бока намяли?

— Можешь ему верить так же, как и мне! Мы с ним на войне вместе были.

— Угу, — определился старик. — Зовут-то как?

— Семен, — улыбнулся Рогозин.

— А меня — деда Ваня, — старик протянул ему маленькую жилистую руку. — Значит, теперь знакомы будем. Так я вот что скажу, я, Леша, подписку давал! Государству! О том, что всю жизнь буду тайну соблюдать!

— Какому государству? — хитро прищурился Павлов.

— Как какому?! Се-се-се-эр!..

— Ну ты даешь, батя! Уж не знаю, что у тебя за тайна, но такого государства я нынче не знаю!

— И то верно, — согласился Монин.

— А нынешнее государство свои секреты в ЦРУ по факсу отправляет, чтобы их шпионы лишний раз время не тратили, — вставил Семен.

— Ну это ты врешь, парень, — отмахнулся старик, — просто так не отправляют, за деньги, небось! Рыночная экономика-то!..

— Ладно, не томи, дед, выкладывай! — не выдержал Павлов.

— Да я-то расскажу, но как бы беды не было...

— Больше беды будет, если сюда чужаки за твоими тайнами понаедут.

Придавая предстоящему рассказу да и себе большей значительности, дед с минуту помолчал, закурил новую папиросу.

— Я, конечно, расскажу, но, может, они и не то совсем здесь хотят?.. Ну, да ладно... Да это уж четверть века назад было, Петя мой еще жив был. Лето было и гроза сильная. Потому, наверно, никто, кроме меня, ничего и не видел. Да и сам я поначалу ничего не видел. Гроза и гроза! Ливень потом. Это ночью и утром непо-

года приключилась, а потом светло стало. Солнышко! Я и побежал быстрее, потому как на удочку люблю ловить. А уж заодно колыданы ставить, у меня и песчаный бережок был присмотрен. Место нехожее. Тама болотом идти надо, тропку знать. Верст семь отсюда. На хороших ногах часа два идти.

— Это по кочкарю-то?! — не удержался Павлов.

— Я же про хорошие ноги говорю! Вы, русские, только по дорогам ходить умеете, а на болоте любую тропу провалите. Вот, помню, охотился со мной Матвей Волков...

— Верю-верю, дед! — отмахнулся Павлов. — Ты уж говори о чем начал.

— Время не знаю сколько было, часов тогда не носил, — продолжил Иван Монин, — но если по солнцу — часов 10 утра. Тропа моя на поляну выходит. Там и бережок-песчаник. А вот к поляне той просека подходит. Что за просека? С версту длиной, ровная такая. Кто прорубал? Когда прорубал? Зачем прорубал?! Даже пней нет! Лес там не растет, трава только.

— Так это что, если сверху смотреть — ровный прямоугольник в тайге будет? — попытался представить Рогозин.

— Да не-е! Будет такая штука, которой глазной врач велит второй глаз закрывать. Я же говорю, просека на поляне и кончается. Вот и выходит — круг и прямоугольник. Я еще когда туда шел, слышу — вертолеты летят. Не один, два вертолета. В просвет я заприметил, что военные вертолеты. Думаю, учения начались, потом опять думаю, какие учения в тайге? Танки не пройдут, корабли не проплывут, пехота в трясине завязнет, только вертолеты и полетят. Пока думал, на поляну и вышел. Смотрю: оба вертолета там стоят, военные бегают. Значит, все-таки, думаю, учения. Хотел я было уйти, чтобы не мешать, а на просеке-то и увидел — самолет стоит. Целый. Истребитель, самый настоящий! Наверное, Як-38. Я про них читал. Всепогодный перехватчик. Другой в такую грозу не стал бы летать.

— Подожди-подожди, дед. Получается, современный истребитель на просеку приземлился? — удивился Павлов.

— На один бок он накренился, на крыле лежал, но целый.

Да ты не перебивай! А то вдруг что важное забуду. Так вот, гляжу я и уходить передумал. Может, думаю, помощь какая нужна. Тут-то ко мне и подбежал такой, какие сейчас повсюду в камуфляже бегают. И кричит на меня: «Ты какого хрена, дед, здесь делаешь?!» — «Рыбу ловить прихожу, — отвечаю, — раньше тут никаких учений не было, а если мешаю — уйду быстро». А он

мне: «Погодь-ка», — и зовет, — «товарищ полковник, тут местный вырисовался, че с ним делать?» Старший-то их тоже без знаков отличия, к себе меня подозвал, а перед ним два летчика стоят. Видать, с того самолета. Ну-у, — сам себе подтвердил дед Иван, — у них и комбинезоны красные были и шлемаки. Полковник меня и спросил, не замечал ли я в этих местах чего-нибудь необычного. А чего замечать-то! Рыба, говорю, хорошо здесь ловится, могу вам рыбалку устроить. В другой раз, говорит. А потом и говорит летчикам уже: «А вы, орлы, мне сказки рассказываете! Где это видано, чтобы самолет сам на посадку пошел да еще и посередь тайги!» Один из летчиков ему возразил: «Да я же говорю, товарищ полковник, сначала связь забарахлила, а в грозу когда вошли, на какое-то время определиться на месте не могли. Только собрались выше уйти, а то ведь молнии будто и не гасли кругом, тут я возьми и скажи, что будем здесь садиться. Пошутил, конечно, еще и непечатное добавил». «Непечатное и печатное ты мне в особом отделе напишешь! А как теперь самолет отсюда вытаскивать!? Или здесь его взрывать прикажешь?» Потом снова про меня вспомнил. Спросил, сколько до деревни, спросил, где ближайшая трасса, а потом и говорит: «Ты советский человек, дед?» — «А у нас здесь другие не живут», — я-то ответил. «О том, что ты тут видел, никому говорить нельзя!» — «Да не сойти мне с этого места!» А он посмотрел на меня как-то хитро: «Подписку дашь о неразглашении государственной тайны! Чуть что – сам понимаешь...» — «А я что, подпишу», — говорю, — «грамоте обучен». «Пойдем к вертолету», — говорит, я было за ним — да шагу ступить не могу! Крикнул я ему, что ноги у меня не идут, мол, Конлюнг-Ики меня морочит. Полковник не на шутку разозлился: «Еще ты мне тут будешь сказки рассказывать! Знаю я вас, у вас под каждым кустом леший!» Как он это сказал, сразу вся погода переменилась! Небо темное стало, ветер поднялся и давай во все стороны деревья гнуть. И впрямь, видать, лесных духов вояка потревожил. Так я на всякий случай и «Отче наш» прочитал, меня когда-то учить заставляли, и наши отговоры, какие знал... А второй летчик мне говорит: «Шел бы ты, дед, отсюда, пока и тебя в особый отдел не упекли, будешь потом доказывать, что ты не колдун!» Как он это сказал, ноги мои отпустило, пошел я скорее к вертолету, бумагу, какую надо, полковнику подписал да побежал обратно в село.

— А самолет? — спросил Рогозин.

— Я потом туда еще не раз ходил, ничего уже не было. То ли

увезли они самолет, то ли взорвали, как полковник говорил. Только на том месте воронки нет. И следов никаких нет. Я тогда вот как подумал: наверное, это непростая просека, коли на ней и деревья не растут и самолеты на нее падают. А еще вспомнил, как у меня ноги отказали и что я перед этим сам себе пожелал, да решил, что поляна эта желания выполняет. Сколько раз туда ходил: денег просил — не давала, удачную охоту просил — давала, счастья хотел попросить — да сам за целый век так и не узнал, какое оно, а однажды я на том берегу рыбу ловил да горевал, что Петро мой одной только водкой живет. Что это за жизнь, все время пьяным быть: спать и пить, спать и пить? Как будто и не живет человек! Домой пришел, а мой Петька мертвый лежит, угорел от водки. Я с тех пор туда на лов не хожу. Может, и вправду у этой земли какая сила есть. Недобрая... Дед Иван пригорюнился. На седых его ресницах блеснули слезы.

4

Бывальщина или небывальщина, но поляну деда Монина решили проверить. Старик согласился проводить, и потому с полчаса прикидывали, что может там понадобиться. Решили заехать домой за карабинами, компасом, картой, взять немного снеди, и Алексей решил еще захватить на всякий случай дозиметр. Когда «уазик» остановился у павловского подъезда, Семен не поверил своим глазам. На лавочке у крыльца сидела Наташа.

— Вот это да! — только-то и смог сказать он.

— Это к тебе? — удивился Павлов.

— Наверное...

— Ну ты даешь, Рогозин, обзавелся невестой и молчишь!

— Красивая, но, однако, не простая, — оценил дед Иван.

— С невестой ты, брат, поторопился, — смутился Семен, — я ее месяц только знаю.

— Так ведь дальние знакомые за полтыщи километров на свидание не ездят!

— Наташа?! — Семен свесил ноги из кабины.

Навстречу ему извиняющийся взгляд и та же улыбка, что была подарена на берегу реки в первый день знакомства. Степан был прав, Семену не требовалось никаких объяснений, немного ошалелый он подошел к ней, поцеловал, забрал сумку и без лишних разговоров пригласил в дом. Павлов пожал плечами, а дед Иван

крякнул. Дома пришлось еще раз чаевничать, угощая Наталью с дороги копченой рыбой, коньяком и пирогами с тертой брусникой, что всегда пекла на долю холостых вояк соседка тетя Поля. Павлов предложил Рогозину остаться да еще и хитро подмигнул при этом. Но Семен отказался.

— Вдруг на вас там столбняк найдет, — кивнул он на деда Ивана.

— А мне с вами можно? — этого от Натальи никто не ожидал, и она восприняла растерянное молчание за согласие и стала собираться.

— Пожалуй, женщин тама никогда не было, — то ли возразил, то ли предположил дед Иван.

— Значит, будут, — улыбнулась Наташа, развеяв последние сомнения мужской компании.

— На болоте много гнуса, намажь везде, где могут достать, — Семен протянул ей тюбик «редэта».

На тропу вышли, когда солнце уже покатилось на запад, цепляя там верхушки сосен. Дед постоянно поторапливал, желая успеть засветло. Ростом вдвое ниже и Рогозина, и Павлова, он ловко прыгал впереди с кочки на кочку, и Павлов, шедший следом, едва успевал запоминать, куда ставить ногу, чтобы не провалиться. Рогозин замыкал. А Наталья будто вышла на увеселительную прогулку, еще пыталась с ним разговаривать, постоянно оглядываясь. Дед Иван останавливался, поджидая остальных, и недовольно качал головой.

— Любовь дома делать надо, — порой бурчал он себе под нос.

— Куда же мы идем? — допытывалась Наташа.

— На одну очень интересную поляну, — Семен отвечал таким тоном, который не располагал бы к продолжению беседы на ходу. Но Наталья не унималась.

— И что там интересного?

— Честно говоря, мы сами пока не знаем. Толком не знаем. Большего сказать не могу. Это тайна деда Ивана. Захочет – сам тебе расскажет.

— Ну прямо «зарница»!

Дед Иван оказался прав. К заданной точке вышли только через три часа, один бы он дошел туда намного раньше. Но успели засветло. Первое, что удивило — песчаный, словно пляж, берег таежной речушки. Привычно видеть берега таких рек заросшими непролазной, а то и колючей зеленью. Берег и был краем довольно

большой поляны, от другого края которой начиналась просека в никуда. Павлов взял пробы песка, снимать дерн направились на просеку. Она действительно была необычной. На сколько охватывал взгляд — ни одного дерева, ни одного пня. По краям подлесок и густая сочная трава вдоль всей этой «взлетной полосы». Осмотрели то место, где, по мнению деда Ивана, стоял самолет. Ничего приметного. Рогозин даже попытался копать саперной лопатой.

— Вы тут только разговаривайте осторожно, — предупредил Монин.

— А мне здесь нравится: и простор, и сказка рядом! Никуда бы отсюда не уходила! — крикнула в сторону заката Наталья. Дед Иван погрозил ей пальцем и приложил его к губам. Чего, мол, разоралась, дуреха наивная.

— А ведь здесь и комаров нет! — заметила Наташа.

— Точно, — согласился Павлов.

— Может, просто продувает? — предположил Рогозин. — Надо бы побродить по лесу вокруг. Прочесать, конечно, не получится, но хотя бы присмотреться.

— Ага, — согласился Павлов, и как раз в этот момент все трое услышали гул приближающегося вертолета.

— А я думал, мне опять мерещится, — признался дед Иван.

— Давайте-ка в лес, от греха подальше, — скомандовал Семен и привычным движением передернул затворную раму карабина. Павлов скопировал его движение. Дед Монин, подыгрывая им, вогнал два картечных патрона в свою вертикалку. Наталья смотрела на них с испугом и удивлением. За какое-то мгновение она увидела, как на глазах изменились эти мужчины, и без того серьезные их лица наполнились какой-то непонятной ей отрешенностью и общим согласием. Даже общаться стали жестами. Рогозин вмиг из ведомого превратился в командира. Кивнул Павлову на кустарник на другом краю просеки, деду Монину определил ложбину у края поляны, а сам схватил за руку Наталью и рванул в густой подлесок.

— В случае чего, я первый! — вот и весь его разговор.

Минуты через две над просекой завис раскрашенный в военную зелень Ми-8. Повисев с полминуты, он опустился. Еще не остановились лопасти, а из чрева вертолета выскочили несколько человек. Двое были в военной форме, а двое в непривычных для прогулок в зоне субарктического климата черных костюмах, словно прибыли на деловую встречу или на фуршет. Еще двое в камуфляже стали настороженно водить по сторонам стволами «калашей». Единственный на всю компанию бинокль был у Семена.

Приложив окуляры к глазам, он, забыв о присутствии Наташи, смачно выругался и даже не думал извиняться. Военных он не знал, но двое в штатском!.. Первый был известный всей стране банкир и владелец львиной доли бывшей общенародной собственности Борис Осинский, тот, о котором вся страна говорила, что он покупает политиков со всеми потрохами и вокруг него вертится даже дочь президента. Вторым был Маккаферти. Вечно живой, нигде не тонущий и появляющийся в самых неожиданных местах Джеймс Олдридж Маккаферти.

— Чтоб ты, бля, подавился этим болотом! — еще раз не выдержал Рогозин и даже не заметил, что ласково поглаживает цевье лежащего под рукой карабина. Интересно, узнал ли его Павлов? Наверное, тоже в прицел эти морды разглядывает. С ними только главного военного — Паши Галкина не хватает. Вон, Осинский, будто родился в этой тайге, а не на Арбате, по-хозяйски руками разводит. Значит, действительно есть здесь что-то, что нельзя просто так руками взять, но очень им иметь хочется. Поэтому и хотят взять все целиком, вместе с ландшафтом. Наташа тоже пыталась рассмотреть лица «гостей» и даже попросила у Семена бинокль. Он, не раздумывая, отдал ей оптику, и она тоже удивилась, узнав Осинского, которого еще вчерашним утром видела дающим интервью купленному им самим бывшему государственному телеканалу. Во втором она хотела бы увидеть дядю Колю, но это был не он. Минут через двадцать, когда Осинский и Маккаферти вдоволь нагулялись вдоль просеки, военные их любезно подсадили в чрево вертолета, лопасти засвистели, и он взял курс на Север, в сторону окружного центра.

— А, может, и стоило отстрелить им... — но тут Семен вспомнил, что рядом все это время была Наталья.

— Неужели опять Маккаферти? — рядом появился Павлов.

— Однако большие люди прилетали, — заключил дед Иван. — Пора уходить, скоро ночь, трудно будет идти. Вот тут-то и началось. Несколько раз они пытались выйти с поляны на тропу деда Ивана. Вроде и находили ее, но стоило углубиться в болото, она исчезала буквально на глазах, обрываясь в трясине. Дед Монин сердито качал головой, бормотал себе что-то под нос и с упреком поглядывал на Наталью.

— Накликала, красавица, ночевать здесь будем.

— Не болтай, дед, — вступился Рогозин, — я тут одному пожелал захлебнуться в болоте, а он на вертолетике упорхнул.

— А я говорил, что не всякие желания сбываются, — обиделся дед.

— Пойдемте к реке, там и костер разведем, — предложил Павлов.

5

Поужинали бутербродами, вскипятили в котелке воду, заварили чай. Для Наташи соорудили зеленую лежанку, остальные разместились спать прямо на земле у костра. Наталья удивилась, что полной темноты так и не наступило. Просто потекло над лугом топленое молоко, да туманная дымка скользила над притихшей водой. Ветер запутался в высокой траве, и только плеск реки да ответный шепот ивняка на берегу тонули в густой тишине. Пару раз совсем недалеко крикнула иволга, но никого не переполошила. Костер лениво отпугнул ее последним всполохом и затаился в углях. Даже само время заянилось, как младенец, и свернулось калачиком где-то на той самой просеке. И слышно стало то ли потрескивание едва видимых звезд, то ли замирающие движения собственных ресниц. Никогда в жизни сон не наступал так вкрадчиво и мягко, и Наталья погружалась в него как в теплую рыхлую массу, и совсем из другой жизни каверзными и неуместными вопросами пытались удержать в своей власти сознание важные мысли, но растворялись бесследно в плывущем над землею, но под сомкнутыми веками топленом молоке. Надо все-таки сказать Семену... Самая обычная поляна и немного необычная просека... Она не на месте?! А кто сказал, что на месте это там, где нас устраивает? Может быть, есть еще что-то? Но вертолет прилетал именно сюда!.. А дядя Коля?.. А здесь так тихо и спокойно, здесь совсем нет времени... И не должно быть этих подчеркнуто деловых людей с их напускной суровостью, специально злящих себя изнутри... Поелику человек человеку волк... Здесь Иван-Царевич, похожий на Рогозиных, на сером волке... Что там они говорили про самолет? Ковер-самолет?.. Странно: спишь в лесу, а снится город. Несется сквозь тебя вся его бетонно-кирпичная масса, испещренная желтыми квадратами не спящих окон, галереями реклам и витрин, окаменелыми кобрами уличных фонарей, вспышками автомобильных фар... Смотришь вверх — и огни города будто отражаются в бесконечно далеком зеркале ночного неба. Огни... Огни... Наталья бежит в какие-то темные переулки, но они догоняют ее, фонари выстраиваются по цепочке, передают друг другу эстафету, и в спину дышат ядовито-желтыми лучами фары несущегося за ней автомобиля. Из окна, наплывающего вдруг непомерными размерами из пропасти неба, хитро прищурившись, грозит пальцем дядя Коля. Но Наташа пролетает сквозь стекло, как сквозь воду, и бежит дальше. Ей

нужно успеть сказать что-то важное. Там, во сне, она знает, что и кому. Но стоит взглянуть на этот сон со стороны, и это знание исчезает, стирается. И вдруг ослепляет ее яркая вспышка, от которой сжимается до едва ощутимого в груди комочка сердце, и уже не может разжаться, а образовавшуюся пустоту в грудной клетке заполняет вата, которая мешает вдохнуть. И вспышка — это уже остановленное мгновение, так похожее на смерть, но кто ж ее знает, какая она, пока не попробовал первый и последний раз? И только желание вдохнуть оказывается сильнее этого быстрого сна и этих огней. И когда вдохнула наперекор всему полной грудью, задней мыслью осознала, что во сне, сумбурном и необъяснимом, чуть не умерла. Или все это детские страхи? Огни... Огни... Знала бы, как выглядят огни святого Эльма! Огни плыли, висели в тумане над просекой. Фиолетовые и расплывчатые. Будто состоявшие из сгустков тумана.

— Ой, — выдохнула Наталья, и тут же рядом сложился Рогозин. Ствол его карабина осмотрел окрестности в поисках возможного врага. В глазах Семена не было даже остатков сна. Он тоже увидел огни.

— Испугалась?

— Наверное, нет, просто сон нехороший приснился. Семен протянул ей руку.

— Не стоит бояться необычного, — успокоил он, разглядывая блуждающие огни, — главное не совать туда голову. Вокруг нас много такого, что неподъемно для нашего разума. Наверное, каждый человек прочитал массу литературы обо всех этих явлениях и чудесах. Так вот, главное — держаться от этого подальше, — снова повторил он. — Если бы не эти зарубежные «гости», я бы вряд ли пошел сюда на экскурсию. Самое время «Отче наш» прочитать или молитву кресту.

— Никогда раньше не видел такого, — проснулся Павлов.

— Однако и я, — доложил дед Иван.

— Ни у кого нет желания потрогать это руками? — осведомился Рогозин. Все промолчали.

— Мне кажется, что и здесь без прогрессивной деятельности человека не обошлось, — задумался Алексей.

— Может быть... Может быть... Хотел бы я знать, какую выгоду хотят из этого извлечь в ЦРУ или в Кремле?

— Ты же знаешь, они сунут нос хоть в пасть к дьяволу, если там пахнет прибылью или новой адской машинкой. Иметь бы доступ к архивам КГБ и министерства обороны...

— Да уж. Пожалуй, в этом есть смысл. Мне, кстати, как и Наташе, тоже дурной сон приснился.

— И мне, — признался Павлов.

— А ко мне мой дед Аким приходил во сне, собираться велел, — доложил Монин, — а Петра-то моего там он не видел. Плохой сон.

— Надо ехать в город, что-то тут нечисто. Думается, и самолет деда Ивана здесь ни при чем. Помнишь, Леш, как над заставой НЛО кружил?

— Ага, а потом особист из мотострелковой дивизии задолбал со своими объяснительными...

— Вот я и говорю, эти-то обо всех таких непонятках сведения имеют. Как бы только к ним подобраться.

— А ты бы поговорил с братом, — вдруг вмешалась Наташа, — у него в областном управлении есть люди.

Только на секунду в глазах Рогозина вспыхнула ярость, будто два фиолетовых огня из тех, что висели над просекой. Он выпустил ее руку из своей, чтобы с обеих сторон сжать виски. И только это мгновение Наталья жалела о сказанном. По крайней мере, на душе стало в сто крат легче. Семен же больше не смотрел на нее, задумался о чем-то своем.

— Ну вот что, давайте досыпать. Завтра еду в город. — Это уже был приказ, не подлежащий обсуждению. Никому из них больше не снились ни плохие, ни хорошие сны.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ: ГДЕ ХОДЯТ ЧУЖИЕ?

1

Ну нет! В таких условиях в этой стране даже резиденту работать сложно. Полнейший бардак! Хорошо Маккаферти — он лицо официальное. Наворачивает черную икру с русскими банкирами и генералами, запивает прохладной водкой и ведет приватные беседы. А Майкл Кляйн должен делать черную работу. Собирай информацию? Да она тут под ногами валяется! Не разведчика надо было присылать, а дворника. В мусорных баках бывших закрытых НИИ информации больше, чем в головах русских ученых, думающих только о неполученной еще за прошлый год зарплате. Как они вообще еще живы, эти русские медведи? Живы, наверное, потому, что всей страной дают друг другу в долг. Этакий круговорот несуществующих денег.

Майкл прилично поездил по новой России, уже кое-что понимает. В Кремле жируют, в Москве живут, за пределами Садового кольца существуют, а на окраинах выживают. Был бы жив Ален Даллес, он бы ужаснулся такому скрупулезному выполнению своего плана по разрушению коммунистической империи. А ну как они совсем озвереют? Будем потом по новой второй фронт в Европе открывать.

Майкл Кляйн работал в России уже семь лет. Сносно говорил по-русски, имел неплохую сеть агентов и совмещал с журналистской работой, которая являлась прикрытием, написание романа о жизни современного разведчика. Писалось, надо сказать, с трудом. В отличие от своих коллег, он никак не мог освоить лихо закрученный сюжет, а пускался в совершенно неуместные в подобной литературе рассуждения и подробные описания мест действия. Сам себе жаловался, что сказывается влияние русских классиков. Но ничего поделать с собой не мог. В какой-то момент ему пришло озарение, что современная американская литература – большей частью кухонно-постельные страдания со стрельбой и извращениями. В русской же литературе он увидел и красоту слова, и подлинную душевную красоту положительных героев. Для американцев ведь достаточно написать, что он (она) стройный, высокий, красивый, серо-голубо-кареглазый, стреляет из всех видов оружия, немногословно любит

всю ночь напролет... И в тот момент, когда он хотел убедить американцев, что они читают книжки для слабоумных, русские вдруг с головой ударились именно в эти дешевые поделки. Ну как тут не впасть в депрессию!

А голодные и жадные до долларов агенты тащили ему информацию со всей страны. Майкл, почти не просматривая и не проверяя ее, сплавлял в центр. И вот — досплавлялся. Приехал бывший бригадный генерал Маккаферти, ныне отвечающий за всякие там летающие тарелки и перспективные виды оружия массового поражения, и подмял под себя всю работу. Как бы лениво это ни выглядело, но в конце концов именно Кляйн отправил информацию об испытании русскими нейролептонного оружия еще в 1978 году. Ну и что, что она была откопана в архиве. Русские резиденты в Пентагоне тоже не гнушаются по мусорным бакам лазить. Кто ж мог подумать, что оружие это такое перспективное и экологически безвредное?! Да и вообще: ну были испытания, ну известно где, но результат не то, что засекречен, а скорее просто уничтожен. Что-то там у «иванов» не сработало. Агент, добывший информацию, только руками развел. Их институт имел к этому самое отдаленное отношение. Вот и приперся Маккаферти копнуть глубже. А лопату отдал Майклу! Копай, Майкл, копай осторожно, выкопаешь — отдашь мне. А почему осторожно? Потому что, не дай Бог нынешние кремлевские сидельцы узнают, им же страсть как захочется попробовать это на собственном народе. Пригодится на случай очередной революции! Но кто сказал этому умнику Маккаферти, что они уже сейчас не используют!

Даже на кремлевском Олимпе многие с самого начала перестройки похожи на зомби. В окна выпрыгивают, в родственников стреляют, мелют перед камерами откровенную да еще бессвязную чушь, которую другие зомби разносят по всей стране, зомбируя остальное население. То ли дело было лет семь назад: Слава КПСС! Ум, честь и совесть нашей эпохи! И действительно — разогнали, и в новом демократическом правительстве ни первого, ни второго, ни третьего... Вот тебе и миру — мир, вёлду — пис, всем — всё! А в результате: каждому — не свое! Нет, тут, как говорят аборигены, черт ногу сломит! Без бутылки не разберешься! И с самого приезда Маккаферти, представлявшего какую-то дутую «IWC», Майкл Кляйн не просыхал. Благо дело, русские научили вовремя опохмеляться и превращать депрессию в красивые, пусть и пьяные, страдания.

2

И надо же было этому Маккаферти припереться именно в самое тяжелое утро, когда даже руки подрагивают. Вошел в гостиничный номер, будто он здесь хозяин. Майкл еще не встал с нерасправленной с вечера постели и, увидев новоиспеченного босса, потянулся к бутылке.

— Хватит пить, Кляйн! — гаркнул Маккаферти. — Пора делать настоящую работу!

— Вот, генерал, чем мы не в лучшую сторону отличаемся от русских: те хоть сначала опохмелиться дадут...

— Мне кажется, Вас пора отправлять в лечебницу.

— А мне кажется, что Вы ничегошеньки не поняли в этой стране.

— Ваше мнение никого не интересует. Зато в отделе интересуются Вашими непомерными растратами. Насколько я знаю, Вы зачастую водите своих русских собутыльников в рестораны.

— А как по-вашему я мог бы войти в доверие отринутых нынешним правительством людей? Многим из них плевать на наши с вами баксы, но вот чисто человеческое понимание они ценят куда больше! Я им говорю: «У Вас лучшие в мире самолеты!», а они мне: «Да у нас еще такое есть!» И рассказывают, какое...— и Майкл надолго приложился к горлышку. Все это время Маккаферти с отвращением морщился.

— Вы американец с немецкими корнями, пьющий водку, как самый последний русский, — сделал заключение генерал.

— Угу, — отер губы Кляйн, — и мой прапрапрадедушка по отцовской линии Отто Бисмарк часто говаривал для таких умников, как Вы: «Русские медленно запрягают, но быстро ездят».

— Вы еще и фольклор собираете?

— Это не фольклор, это крылатое выражение, имеющее огромную историческую ценность.

— Для нашей с Вами родины, Кляйн, большую ценность представляет информация, добываемая нами, и Вам следует сейчас же привести себя в порядок и отправляться на север.

— Вот уж хрен! — по-русски ответил Майкл.

— Да-да! Вам нужно будет взять пробы почвы, воды, короче, все, что потребуется для детального анализа. Вот – даже фотографии, любезно предоставленные нашим другом Осинским. А это фотографии со спутника. Я, кстати, уже побывал на месте...

— Какого горбатого Вы тогда не взяли эти пробы сами?

— Я был там не один, а по официальной версии для нашего друга Осинского и для всех других наших русских друзей мы собираемся там строить базу для экзотического отдыха солидных людей. Охота, рыбалка, мошкара... Короче, по полной программе.

— Среди Ваших друзей, генерал, по мнению народа, проживающего в этой стране, нет русских. Они их по меньшей мере называют выблядками, — криво ухмыльнулся Майкл.

— Я не собираюсь обсуждать с Вами человеческие достоинства российского руководства и ведущих предпринимателей, тем более что Вам, судя по Вашим корням, недалеко и до природного антисемитизма. Это сейчас в моде у русских патриотов.

— Ага, так же модно, как у евреев занимать все ведущие должности в российском правительстве.

— Вы уже зарываетесь!

— Скажите, генерал, когда мы сделаем эту страну послушным придатком нашей долларовой машины, а русских рабами, Вы не боитесь, что голодные рабы могут разнести в пух и прах наш славный цивилизованный мирок?!

— А кто Вам сказал, что они будут голодные? Нам нужны сытые рабы!

— Вы циник...

— Мой цинизм приносит ощутимую пользу моей стране, а Вы готовы, в конце концов, выполнять задание?!

— А у меня есть выбор? — и Майкл снова приложился к бутылке.

3

Придя в себя только через два дня, Майкл начал собираться в дорогу. Прежде чем отправиться в таежную глухомань, он справил себе все необходимые документы. Официально — он ехал составить зарисовки о Тюменском севере, обеспечить рекламу строительству будущего туристического центра для любителей экзотики. Разумеется, ФСБ давно о нем знала, но махнула рукой — нехай тешится алкоголик, такого всегда можно поменять (если возьмут), с шумом разоблачить (если понадобится), подсунуть ему дезу. Кляйн, в свою очередь, прекрасно понимал, что он под колпаком, поэтому работал нагло и почти в открытую. Расчет был прост: в России далеко не каждый

мог определить, что сегодня является государственной тайной, а что нет. Если раньше даже сортиры в воинских частях нельзя было фотографировать, то теперь американские вояки педантично считали, сколько распилили своих ракет русские, присутствовали при взрывах пусковых шахт и испытаниях нового оружия. Кляйн к тому же подозревал, что в ФСБ, возможно, давно уже используют нейролептонное оружие, этакими малыми порциями. Для «своих». Или, может быть, просто им было не до этого. Насколько он знал, новоиспеченные правители изрядно выпотрошили и КГБ и ГРУ, и начальниками там теперь случались даже пожарники и партийные функционеры. Поэтому в самых темных коридорах российских спецслужб подолгу выясняли, кто за кого, где свои, а где чужие, и кого таковыми считать. И хотя они в одну ночь могли прихлопнуть всю мафию в стране, но не делали этого лишь потому, что под эту метлу так или иначе попадал весь Кремль и половина наместников в провинции.

Майкл Кляйн, вернув бледноватому лицу улыбчивый вид доброжелательного и немного глуповатого репортера, сам направился в бывший закрытый НИИ, откуда получил информацию об испытаниях. Он даже не задумывался, как будет объяснять свое знание, да в этом бардаке вряд ли кто и поинтересуется. Либо пошлют, либо помогут. Он просто хотел получить намного больше информации, чем имеет ее Маккаферти. Для чего? Пригодится!.. Таких, как Маккаферти, следует периодически опускать, чтобы не зарывались.

Для директора НИИ Майкл приготовил красивую легенду, что посредством его журнала некая научно-изыскательская фирма в США ищет партнеров, проводящих аналогичные работы в России. Совместные проекты, финансирование... Мир! Дружба! Жвачка! Тампакс! Любому руководителю оголодавших НИИ, НПО и проч. от такого предложения шибает в нос пресловутой «зеленью». Доллар победоносно лишает армию работы!

И Кляйн не ошибся. Директор собственноротно заглотил наживку, затребовал из архива столько папок, что их пришлось доставлять в его кабинет на специальной тележке. Причем на многих из них стояли грифы «для служебного пользования», «секретно» и даже «совершенно секретно». Майкл не обрадовался: невостребованные идеи русских ученых на ближайшие несколько часов не входили в его планы. Хорошо, что этого не видят конгрессмены, они напрочь отказались бы финансиро-

вать разведку. Вместе с директором, рот которого практически не закрывался, восхваляя достоинства отдельных изобретений и научной мысли его подопечных в целом, они до вечера провозились со всей этой макулатурой. Помимо нужной ему информации, Майкл накопал еще уйму такого, отчего Пентагон будет нервно ерзать, раздумывая: «Хотят ли русские войны?» А если вдруг захотят?

Нужная папка лежала почти на самом дне. Майкл спокойно выразил буйный интерес (до этого он старательно выражал его раз десять по другим поводам, дабы впоследствии скрыть подлинный), а директор при этом сник.

— Эту работу мы делали по заказу КГБ и, к сожалению, она была неудачной. Тогда я не был директором и не имел отношения к отделу, который этим занимался. А КГБ — сами знаете...

— Знаю-знаю... — кивнул Майкл.

— Короче говоря, здесь речь идет о воздействии на человека, его мозг и психику особым родом направленной энергии. Насколько я знаю, тогда в качестве подопытных кроликов выделили целую роту солдат-добровольцев, и все закончилось какой-то жуткой трагедией в сибирской тайге. Ведь и место для этого выбирали особое. Ну знаете, всякие там аномалии и прочее. Чертежей прибора не осталось. Тут только характеристики различных вариантов воздействия. Я не вдавался в подробности, но понял, что они в основном отрицательные, суицидовызывающие... Депрессия, одиночество, подавленность, страх... Исключение, пожалуй, составляет только неуемная радость. Все эти воздействия к тому же вызывают различные внутренние и психические болезни, алкоголизм, которые бесполезно лечить обычными способами. Короче, синдромы вроде тех, которые в народе называют порчей.

Ах, Маккаферти, Маккаферти, а ты, дядя, целый год ползал по джунглям, кланялся на Гаити жрецам Вуду, уговаривал африканских колдунов позволить разместить в их хижинах и квартирах свои приборы... А русские и здесь нас обставили.

— А где остальные документы? Это же интересный материал для любого журналиста! Представляете, если кто-то все же создал это нейролептонное оружие!

— Да, конечно. Но все бумаги изъяли чекисты, у нас остался только один работник, который участвовал или имел к этим опытам какое-то отношение. Да и он не в себе. Пьет, знаете ли.

— Знаю, — подумал Кляйн, — я с ним пил.

4

Маккаферти провожал Майкла в аэропорту. Не забыл отчитать его за нерасторопность. Майкл вежливо улыбался, извинялся: мол, простите, генерал, потребовалось время, чтобы вернуть себе боевой вид, Вы правы — я злоупотреблял, но теперь готов выполнить и перевыполнить, как когда-то обещали все русские. Таким подобострастием Кляйн без труда искупил свою пьяную болтовню. Генерал же, оттаяв, окончательно вошел в роль гениального руководителя. Он показал Кляйну фотографию, где стояли обнявшись трое военных:

— В центре — серб. Командир отряда. Он Вас не интересует. Справа — владелец фермы, тот кому может не понравиться Ваше появление — Алексей Павлов. Слева — Семен Рогозин – этот вообще стреляет без предупреждения, а американец для него ругательное слово. Был бы Вам очень признателен, если после выполнения основного задания Вы сделаете лишнюю дырку в его голове.

— Я еду без оружия! У Вас с ним личные счеты?

— Да... Н-нет... Просто он всегда появляется там, где ему появляться совсем не надо. Ну хорошо, прижать его к ногтю мы еще успеем. Лица запомнили?

Майкл запомнил. И какого же было его удивление, когда он, прилетев в областной центр, уже в аэропорту натолкнулся на того, который был на фотографии слева. При этом ничего зверского в его лице не было. Прилично одетый русский бизнесмен да и только. И Кляйн, не задумываясь, решил испытать судьбу. С дурацко-благодушным видом он подкатил к этому человеку и, коверкая язык уже давно не привычным акцентом, спросил:

— Простите, Вы — мистер Рогозин?

— Да, — ответил Степан.

— Семен Андреевич?

— Да. Чем обязан?.. И Степан тоже решил испытать судьбу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ: ПОГОВОРИМ, БРАТ?

1

В город приехали вечером. Семен проводил Наталью. Расстались молча. Она потянулась было поцеловать его в губы, но он отстранился. Тогда Наташа чмокнула его в щеку, подмигнула и исчезла в подъезде. Семен с минуту постоял в нерешительности.

Уже через четверть часа он на такси подъехал к храму. Служба закончилась, неторопливо расходились миряне. В храме было нелюдно, веяло ладаном, кое-где у икон еще ставили свечи, произносили частные молитвы. Семен искал отца Николая. Спросил у старушки, она кивнула на церковный ларек, где торговали свечами, образками и книгами. Отец Николай как раз внимательно листал увесистый том.

— Простите, батюшка, я нуждаюсь в частной исповеди... Я уже приходил к Вам...

2

Ощущение времени и стоимость его исчезли. Батюшка отвел Семена в одну из небольших каморок, кои келейно выстроились в ряд возле храма. Там жили молодые дьяконы и несколько старушек, помогавших священникам в церковном хозяйстве и торговавших в ларьке. В одной из таких комнаток Семен Рогозин уже более двух часов раскрывал свою душу. Сначала говорил только он, а начал рассказывать, наверное, с детства. Отец Николай отпустил грехи, но к Причастию пригласил только на утреннюю службу. Потом батюшка стал задавать интересующие его вопросы. Беседовали за чаем, и со стороны могло показаться, что разговаривают два старых друга, уважительно называя собеседника на Вы.

— И с тех пор Вы даже в родительском доме не были?

— Нет. Не был. Почему? С одной стороны, обида давила, с другой — мешать не хотел. У них совсем другая жизнь.

— Обида — это от гордыни. Кому ж, как не близким прощать в первую очередь? И кому, как не Вам, помочь брату по-другому, через свет Христов увидеть мир сей?

— Мне иногда думается, что разум его сильней души, только

умом он принимает окружающую его действительность, да и погряз он в таких делах, что ни дай Бог!..

— А не сродни ли такая закоснелость отчаянию? В Сараево ночью, Вы рассказывали, не оно ли вело Вас? Вот и брата Вашего.

— Батюшка! До этого я убивал только в бою, а после этого уже не мог находиться в армии! — вспыхнул Семен.

— А Вы и до сих пор меч не опустили, — остановил его отец Николай. — Но я не к тому, что борьба уже кончилась. Судя по всему, опять разгорается. И праведному гневу как раз место в сердце воина. Да и как учит нас ересеборец Иосиф Волоцкий — не бойтесь обагрить десницу свою кровью врага Бога и богохульника. Но кроме меча, есть еще и Слово... — священник задумался.

На всем протяжении их беседы Семену казалось, что отец Николай и знает и видит о нем много большее, чем рассказал он сам. Но не это смущало его. Отец Николай, казалось Семену, не хочет и говорить об этом многом, да еще и как бы подспудно защищает Степана.

— Мало того, что он брат Ваш, — продолжил иерей, — он такой же русский человек, как и мы с Вами. С давних пор заражали Святую Русь лжемудрыми учениями, и не одним, не двумя, а целыми легионами. Посмотрите же ныне: сколько у нас мнений, сколько партий, и с каким слепым фанатизмом расходится народ, будто полками, за своими кумирами. Будто не научили ничему братоубийственные войны! Суть и цель у этой заразы, ложно называемой свободою, одна: разделяй и властвуй. Так и действует враг рода человеческого через детей своих! И теперь чем хуже мы живем, тем недалече до очередной «пугачевщины», да пойдут наши Емели не врагов крушить, а порубят друг друга.

Отец Николай снова замолчал. Впервые Семен видел в глазах священнослужителя столько боли и именно того — праведного гнева.

— Смирите гордыню свою, пойдите к брату. Примиритесь с ним и ради памяти матери Вашей. Вы же одно целое. Как же можно, чтобы правая рука не ведала того, что делает левая? Двумя же руками любое дело сподручнее осилить.

— Я уж собирался...

— И вот еще что... — взгляд отца Николая небольно, как бы вкрадчиво, но все же дотронулся до души Семена. — Тот, кого обидели Вы недавно совсем, не заслуживает того.

У Семена скрипнуло сердце. Наташа в дверях подъезда снова махнула ему на прощание.

— И берегите друг друга, война без потерь не бывает, — священник приподнялся, давая понять, что на этом разговор их окончен. — Приходите... Да Вы и сами знаете, что в храме почаще надо бывать. Не ждите от меня пророчеств, люди приписывают обычной проницательности сверхъестественное. Одно только скажу, что очень темное затаилось рядом с Вами, рядом с теми, кто Вам дорог. Храни Вас Бог!

Ночью в гостиничном номере Семену приснился короткий, но яркий сон. Он в храме. Венчается. Служит отец Николай. Думалось, что рядом стоит в подвенечном платье Наталья, но когда взглянул, увидел Ольгу. И Андрейка рядом. И какая-то растерянность охватила его прямо во сне. Оглянулся: за спиной улыбается Леша Павлов, дед Монин, Ристич рукой машет...

— Второй раз замуж выхожу, — шепнула ему Ольга, — а венчаюсь первый.

— А я венчаюсь во второй, а женюсь в первый, — ответил ей Семен.

И все хотелось еще раз оглянуться, найти взглядом Степана, он-то где? Как оно так получилось?..

3

Вечером следующего дня Семен в первый раз за несколько лет позвонил в дверь дома, где прошло его детство. Будто постучал в другую жизнь, и уж совсем из другой жизни маячили за спиной телохранители Степана, что дежурили в машине во дворе. Видать, совсем братец к обороне изготовился.

Дверь открыл дюжий детина, правда, с более осмысленным взглядом, да и возраст у него дотягивал до рогозинского. Юру Сбитня Семен не знал. Тот же, напротив, посмотрел на него как на давнего знакомого.

— Ну заходи, — и махнул рукой «дворовым», — идите на пост, здесь все под контролем.

Семен не узнал старую «хрущебу». Стальная дверь отделяла от остального мира кадр из американского фильма. Вот-вот уверенно выйдет навстречу какой-нибудь разулыбчивый Том Круз.

Прихожая была отделана красным деревом, не было стены между кухней и гостиной (которая в детстве называлась большой комнатой), правда остались две двери, ведущие в спальни. Одна из них была когда-то комнатой Степана и Семена. Теперь

за приоткрытой дверью там угадывался кабинет Степана, сплошь заставленный книжными полками и кожаной мебелью. Сам же Степан сидел за большим столом в гостиной в обществе какого-то изрядно подпитого мужика, старательно коверкающего русский язык. Мужик этот, увидев Семена, с выражением крайнего удивления на лице произнес:

— Вау! — и потерял на время дар речи.

Степан же смотрел на Семена с нескрываемым интересом.

— Ты, я надеюсь, пришел не свое обещание выполнять? — довольно горько ухмыльнулся он. — Помнишь, в детстве мы вместе смотрели фильм...

— «Поговорим, брат?» — продолжил Семен.

— Ага. Гражданская война, два брата по разные стороны баррикад, тайга, что там еще?

— Конец там печальный... Ну так поговорим?

— Поговорим... — Степан повернул голову к оторопевшему иностранцу. — Разрешите представить Вам, мистер Кляйн, моего брата Семена Андреевича Рогозина.

— А Вы? — выдавил Майкл.

— А я, стало быть, тоже его брат — Степан Андреевич Рогозин!

— Можно мне еще выпить? Я уж думал, у меня галлюцинации! — теперь Майкл говорил на хорошем русском языке, забыв про давно изжитый акцент.

— Конечно. Выпьешь, Семен?

— Нет. Я после причастия.

— Проклятый Маккаферти! — не выдержал Майкл. — Даже это ему доверить нельзя...

— Маккаферти? — в свою очередь удивился Семен.

— Да, — ответил за Майкла Степан, — и мистер Кляйн как раз представляет фирму «IWC», которая собирается строить недалеко от фермы Павлова туристический комплекс для богатых идиотов из развитых стран. И, разумеется, вся инфраструктура поселка нужна им, чтобы начать данное строительство. Заселить там дешевую турецкую рабочую силу. Не правда ли, мистер Кляйн?

После этого «не правда ли» Майкл спешно выпил еще одну рюмку. Два брата смотрели на него с одинаковым холодным недоверием, от этой удвоенной силы в душе похолодело, и Майкл подумал, что сейчас его будут пытать. По-русски подвесят на дыбу, а этот природный здоровяк, которого зовут Сбитнем, «вправит» ему на свой манер все суставы.

— Как Ольга? Андрюшка? — спросил у брата Семен.

— Пока ты там воевал с ветряными мельницами, им угрожала реальная опасность. Я отправил их подальше от всего... — Степан сказал это так, будто опасность его семье возникла из-за Семена.

— Наталья тебе еще не докладывала?

— Ну я так и думал! — приложил кулаком по столу Степан. — Ох уж эти женщины. Нет, еще не звонила. А что, ей есть о чем рассказать?

— Есть, но я сначала хотел бы поговорить по душам с этим мистером, как бишь его?!

— Меня зовут Майкл, можно — Миша... — с каждой секундой Майкл чувствовал себя загнанной в угол мышью все больше. И по-русски и по-английски он мысленно материл Маккаферти, призывая на его голову все проклятья. Не забывал ругнуть и себя за самонадеянность. Оставалось надеяться на природное благородство русских победителей.

— Еще мне хотелось бы узнать, за кого играешь ты? — продолжил Семен. — А то, может, я не по адресу?

— Честно сказать, партию начали без меня. А мне, прежде чем сдать, засветили все карты. Если я даже спасую, мне никто не поверит. Да и не привык я по углам крыситься, кто мне потом поверит? И так — и так по счетам платить.

Долго они смотрели друг другу в глаза. Будто в зеркало. Только не было понятно: кто из них чьим был отражением, или оба они были отражением этого смутного времени. И оба думали о том, что им предстоит отразить. Какую силу? Долгий этот взгляд вряд ли имел какое-то осмысленное значение. Может, где-то в космосе он и выражался слиянием двух однородных, но разнополярных сил. Словно запитывали они друг друга.

Сбитень даже смущенно отошел к окну. Знал, что братья не бросятся лобзать друг друга со слезами на глазах, они и не примирились вовсе, а вроде как соглашение о совместных действиях против общего врага подписывали. Взглядом.

Зато протрезвевший американский резидент удивленно смотрел то на того, то на другого, все больше поражаясь внешнему сходству и внутренней разности, которая и читалась в нити этого взгляда. Он в своей жизни впервые видел такое. И не собирался скрывать своей впечатлительности, как подобает разведчику. Он вдруг понял, что давно уже проиграл, но почему-то не питал ненависти к этим людям. Как не питал пренебрежения к тем, кто под пьяную лавочку, оплакивая свою державу, выбалтывал ему

ее секреты. Вспомни он в этот момент, как героические разведчики разжевывают ампулы с ядом, ему бы пришлось расхохотаться. Анахронизм!

Улыбнувшись сам себе, отчего близнецы посмотрели на него с некоторым недоумением, Майкл со спокойной душой начал излагать им тайну их же страны. По крайне мере все, что удалось узнать самому.

— В июне семьдесят восьмого года недалеко от селения Теулино проводились испытания аппарата, который получил название НИ-1, нейролептонный излучатель. Но сами изобретатели называли его «Сварожич». Это из языческой мифологии...

Рогозины одновременно кивнули: знаем.

— А я бы назвал его «Армагеддон», ну да меня никто не спрашивал. Для испытаний, как выяснилось позже, выбрали не лучшее место, которое и без того пользовалось у местных дурной славой. Попадавшие туда с трудом находили обратную дорогу, плутали, компасы показывали неверно. Там какая-то просека. Судя по данным геологов — еще допотопная. Мили полторы длиной. Первые испытания проводили на животных, в лабораториях – на мышах, уже в Теулино на хищных зверьках. Результаты были далеко не ошеломляющие для современной науки, но были. Это смотря с какой стороны! Например, у морских свинок подавили половой инстинкт, целый клан их просто вымер по соседству со «Сварожичем». У хищных удавалось повышать агрессивность или, наоборот, подавлять ее. Связь нейро- и физиологических процессов в живом организме, я думаю, вам понятна. Испытателям удалось, скажем, сохраняя агрессивность хищника, заставлять не помнить его о голоде. Представьте себе льва, который без счета давит каких-нибудь газелей, но при этом не ест их! Уже тогда определились и первые недоработки. «Сварожич» зачастую действовал избирательно, то есть возбуждал именно те клетки мозга, которые поддавались этому воздействию. Были менее защищены. Генная или природная предрасположенность, уж не знаю как сказать вернее, обусловили вызов той или иной реакции. И более всего это проявилось во время опытов на человеке. Были подобраны платные и идейные добровольцы. Детальные отчеты исчезли вместе с их именами где-то в архивах КГБ, а может и глубже. Ученые взялись было за совершенствование прибора, учитывая уже полученные данные. Вот-вот должен был появиться НИ-2, но какого-то начальника клюнул в зад жареный петух. Он захотел массовых испытаний.

— Родина сказала «надо» — комсомол ответил: «есть!» — вставил Степан.

— Да-да. Быстро нашли добровольцев среди военнослужащих срочной службы, пообещав кому ускорить демобилизацию, а кому просто повысить пайку, звания и тому подобное. Почти роту солдат привезли под Теулино, разбили специальный лагерь. По периметру его охраняли спецподразделения КГБ. Местные жители, если и заметили что-то, так это непривычную суету вертолетов. Самое интересное, что испытатели решили не предупреждать испытуемых о времени включения «Сварожича», для которого приперли автономную электростанцию. О времени «Икс» знали единицы. Не знали, конечно, и спецназовцы, затаившиеся в лесу и единственные, кто имел здесь оружие.

— Неужели такие данные «гэбисты» оставили в каком-то зачуханном НИИ? — изумился Сбитень, до сих пор молчавший.

— Кое-что оставили, но я беседовал с очевидцем, про которого просто забыли. Все эти годы он живет в страхе и никуда не может сбежать, полагая, что как раз лишние движения заставят их вспомнить о нем. Работает там же, притворяется дураком и неумеренно пьет.

— Вы так все рассказываете, что невольно возникают сомнения, — под взглядом Семена Майкл снова почувствовал себя неуютно. Этот точно сначала выстрелит, а потом спросит.

— Если у вас есть возможность, проверьте информацию.

— У Вас что — личные счеты с Маккаферти?

— А у Вас? — парировал Кляйн, и тут же понял, что удачно, ибо в глазах Семена Рогозина заискрила сталь, будто клинки сшиблись. — Во всяком случае, даже если я не пацифист, то мне не хочется встретиться с обладателями этого «Сварожича». В Америке такую штуку назовут ласково, как уже называли атомные бомбы, будет какая-нибудь «Тетя Сюзи» вправлять американцам мозги. У меня есть предположение, что русским уже вправляют.

— ??? — так на него все посмотрели.

— Просто он не на всех действует. Может быть, вы все же дослушаете мой рассказ до конца?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ: СВАРОЖИЧИ

1

Все эти годы Валерий Николаевич Попов... Годы? Дни и ночи! Сквозь каждый отпущенный ему час он прокрадывался как по вражеской территории! Он просыпался от шагов в подъезде, от порывов ветра, он шарахался от тормозящих рядом с ним машин, он избегал проходных дворов и подземных переходов... Это в Москве-то! Все эти годы Валерий Николаевич Попов испытывал страх и пил. Состояние перманентного опьянения уже давно не притупляло чувства страха, зато добавляло к нему такое же перманентное чувство стыда. Страх был всеобъемлющ и непобедим. Страх был везде и во всем: в утренней газете, в стакане с молоком, который каждое утро силой ему выпаивала рано поседевшая жена, в мусоропроводе, в переполненном автобусе, в шариковой ручке, которой Валерий Николаевич вел архивные дела института.

Его не выгоняли с работы, потому что никто не согласился бы за такие деньги целыми днями ворочать никому не нужные папки, схемы и отчеты. Он сам не мог никуда уйти, потому что боялся.

Валерий Николаевич уже приучил себя к мысли о насильственной смерти, но страх не проходил. Напротив, он легко доходил до состояния истерического ужаса, лишая Валерия Николаевича способности не только двигаться, но и осознавать собственное «я». В такие моменты он превращался в трепещущий организм, точно медуза, вынесенная волной на берег, целиком состоящий из нервных окончаний. И только алкогольное забытье позволяло ему выходить из этой комы, чтобы проснуться новым страшным утром. Парадокс, но именно страх не давал ему сойти с ума, превратиться в обычного забулдыгу или разразиться белой горячке. Он просто держал его в пограничном состоянии ко всем этим недугам.

С некоторых пор Валерий Николаевич понял, что именно «Сварожич» наградил его всеми этими страданиями. Но осознание этого не могло подсказать путь к избавлению, ибо к прибору он теперь не имел доступа. Мысли же о самоубийстве снова приводили к космическим «емкостям», заполненным страхом. Там тоже страшно! И это, как казалось Валерию Николаевичу, он знал лучше других смертных. Жене он сказал, что облучился, и не со-

врал. Не мог только объяснить, почему он не получает приличной пенсии и льгот, как пострадавший на полигонах советской науки. Успокаивало ее, что его не сокращают и не гонят с работы, хотя к вечеру каждого текущего дня он на полном автопилоте возвращался домой и, не раздеваясь, ложился на диван, поджав ноги к животу.

«Теулинский синдром» выражался у всех, кто остался жив, по-разному. Подавляющее большинство свидетелей уже давно погибли при невыясненных обстоятельствах, умерли от болезней без точного диагноза, исчезли еще в первые годы перестройки, о сущности которой знали больше, чем кто-либо другой в этой придавленной собственным величием стране. И то, что рыцари плаща и кинжала забыли рецептик достойного перехода в небытие для товарища Попова, объяснялось только тем, что он не имел высшей степени допуска. Но он все видел!

Он точно знал, что жив пока еще только один человек. Его друг и однокашник по баумановке Веня Смирнов. Но внешне и внутренне, можно сказать, у Вени «теулинский синдром» никак не проявился. Нельзя же обвинять человека в сумасшествии или малодушии из-за того, что он, бросив блестящую карьеру, скрылся от мира за стенами какого-то захолустного монастыря! И не стало Вениамина Александровича Смирнова. С новым именем, полученным при пострижении, он остался в этом мире только для Бога. Да приходил иногда во сне к Валерию Николаевичу. Это были единственные минуты, когда страх отступал. От Вени передавалось ни с чем не сравнимое чувство покоя. А сейчас он, наверное, вообще ушел в схиму. И уж его-то точно не достанут. Бог не попустит! И осознание этого было хоть каким-то утешением, когда по лицу Валерия Николаевича катились, как казалось посторонним, беспричинные или пьяные слезы, а на дне души его все больше и больше, подобно злокачественной опухоли, рос ледяной камень обиды и одновременно жалости к этим людям, которые похожи на стадо добродушных домашних животных. У пастухов же вместо хлыстов «сварожичи».

Последнее, на что решился через свой страх и немало выпитого в одночасье алкоголя Валерий Николаевич, было общение с американским журналистом Майклом Кляйном. Ведь даже самая ужасная тайна, а особо та, к которой ты уже не имеешь доступа, с невероятной силой просится наружу. Валерий Николаевич даже представить себе не мог, что он поведает когда-нибудь о «Сварожиче» журналисту-соотечественнику, ибо почти все они уже дав-

но не принадлежали себе. Дудели в дуду «свободы», превращая в рабов свой собственный народ. И правителям не требовался пока более мощный «Сварожич», чем Останкино. Валерий Николаевич решил хоть чем-то досадить своему страху и его повелителям. Он рассчитывал на алчных до сенсаций американцев, надеялся, что в ближайшее время во всех известных журналах появятся материалы, которые заставят содрогнуться мир. И в тихой ресторанной беседе чистосердечно облегчил душу, а потом подтвердил свои сведения ксерокопиями некоторых листов из папки «Сварожича». К его удивлению полупьяный американец пропустил сенсацию мимо ушей. Тогда Валерий Николаевич подумал, что у бывших соперников тоже есть подобные приборы, и этим их не удивишь. Журналисту, наверное, просто перекрыли воздух, напомнив, что свобода слова кончается там, где начинается свобода сильных мира сего. Так или иначе, Майкл Кляйн на некоторое время пропал, ничем более не проявляя своего интереса к информации Попова. А к страху Валерия Николаевича добавилось еще и состояние полной безнадежности.

Ворочаясь ночами на диване, он хвалил себя только за то, что не рассказал все. Не рассказал, как уже в восемьдесят шестом его вызвал к себе директор института, который, кстати, тоже умирал от непонятной болезни, буквально таял на глазах. Вызвал и приказал:

— Валера, возьми все документы, касающиеся «Сварожича», и сожги их во внутреннем дворике. Хорошо сожги! Пепел по ветру развей! Оставь только малозначительные отчеты и сводные данные воздействия.

Валерий Николаевич смотрел на него печально, и безысходность в их взглядах пересеклась.

— Я дам тебе справку, что все материалы изъяты конторой. И это будет официальная версия. Пусть потом сами у себя ищут. Я же буду единственным свидетелем, но и я скоро умру...

Огромный немой вопрос встал на пересечении их взглядов. Он стоял над безысходностью, но не требовал пространных ответов и объяснений, оба они знали об этом столько, что могли разговаривать молча.

— Они собираются «обкатать» его на собственном народе. Готовится что-то грандиозное и неохватное умом советского человека. По-моему, скоро стране... — директор тихо выматерился.

— Сожги это, Валера.

И Валера сжег. Сжег почти все, включая схемы почти готового

к разработке второго «Сварожича». Сжег труд десятков людей. Сжег, как вор, пугливо озираясь, и пепел развеял по ветру. А директор через месяц умер. А через четыре года страна разошлась по неровным швам...

Но американец все же пришел! И Валерий Николаевич испытал новую вспышку истерического ужаса. Сработало, или американец не тот, за кого себя выдает? Он все же согласился встретиться с ним еще раз и после второй бутылки «Смирновской» рассказал о том, что довелось ему испытать и увидеть. Терять уже было нечего. Слово — не воробей. Не рассказал только о ритуальном сожжении и об умершем директоре. Кляйн потом дотошно порылся вместе с новым, но глупым директором в никому не нужных теперь разработках и в выхолощенной папке НИ-1 и НИ-2.

2

Никто не знал о времени включения «Сварожича». В ожидании эксперимента солдаты слонялись по лагерю, играли в волейбол (для чего была специально натянута сетка), в настольный теннис, в карты, некоторые читали. Кормили их отменно, в рационе постоянно были фрукты и красное сухое вино, молоко. Именно поэтому они по простоте своей считали, что эксперимент связан с радиацией. Об этом постоянно читал им самодеятельные лекции матрос-подводник с атомного ракетоносца. Мол, у них там именно такое питание. Но он явно преувеличивал. Военнослужащих срочной службы никто и нигде так не кормил. Офицеры, спецназовцы и ученые питались отдельно, в специальной палатке. Чекисты на территории объекта не питались вообще.

Веня Смирнов отвечал за параметры работы прибора и поэтому находился в непосредственной от него близости, в особо охраняемой зоне, рядом с которой круглосуточно молотила электростанция. Валерия Николаевича сделали снабженцем. Непосредственное его общение со «Сварожичем» закончилось на стадии сборки, и теперь он больше был никчемным наблюдателем, обязанным по первому требованию прыгать в вертолет и доставлять коллегам и группе врачей все необходимое для работы: детали, медикаменты, диагностические приборы... Но большую часть времени Валерий Николаевич, подобно солдатам, слонялся без дела, стараясь никому не попадаться на глаза. У него уже тогда было нехорошее предчув-

ствие. Дни выдались пасмурные, и он боялся смотреть вверх, откуда сердито давило низкое северное небо. Часто моросил дождь, и нельзя было скрыться от вездесущей влаги и гнуса. Из-за мошкары и комаров лагерь буквально пропах «дэтой», но даже самый жирный слой этой мази не спасал людей от появления волдырей на всех частях тела. Утром и вечером врачи осматривали личный состав на наличие присосавшихся клещей. Но те, похоже, словно избирательно, на этой поляне не жили. А вот среди спецназовцев уже были двое пострадавших, которых усиленно кололи гаммоглобулином.

Кто-то же принял решение выбрать именно это место для испытаний? И умудрился выбрать из дюжины возможных вариантов самый экстремальный! На выбор места, ходили слухи, повлияли данные о том, что эта просека — подходящее место для запуска ракет. Будто в Кремле собирались закидать «Сварожичами» страны НАТО.

За время вынужденного бездействия Валерий Николаевич утвердился в мысли о том, что каждый здесь знает столько, сколько позволили ему знать, а суммированное знание всех известно только невидимой руке, которая манипулировала всей этой пляской вокруг отнюдь не безобидного прибора, чем-то похожего на пульт управления баллистическими ракетами.

Недели через полторы к Валерию Николаевичу подошел Смирнов. Он недавно сменился и собирался отоспаться. Позавидовал вслух только что вышедшему с помятым от сна лицом Попову и как бы вскользь обронил:

— Валера, прибор-то уж пять дней как работает...

— И ничего?! — изумился Валерий Николаевич.

— Может, это и ненаучно, но мне кажется, что территория, на которой стоит лагерь, буквально впитывает его невидимые лучи, копит в себе, трансформирует...

— А потом неожиданно выплеснет?

— Не знаю... Не нравится мне все это. Диапазон велели поставить на возбуждение нервных центров, отвечающих за чувство справедливости. Сегодня, пока ты проспал обед, один солдат уже заходил в офицерскую столовую и потребовал, чтобы меню полностью совпадало. Мол, все мы тут рискуем здоровьем.

— М-да... Так и революцию в таежном масштабе можно спровоцировать.

— Спать я хочу. Очень. — И Попов скрылся в палатке, оставив Валерия Николаевича раздумывать над сказанным.

— Нервные центры?.. Диапазон?.. Территория впитывает...

Бред! Фенология какая-то, — успокоил сам себя Попов.

3

Ночью Валерий Николаевич проснулся от беспорядочной пальбы. Стреляли одиночными, стреляли очередями, но стреляли со всех сторон. Осознание того, что происходит что-то ужасное и непоправимое, в тот момент не вызвало у него приступа страха, он сидел на спальном мешке, сжав ладонями виски. Он понял, что с этой минуты жизнь его повисла на волоске, и не столько потому, что его могут случайно пристрелить сейчас, но в мутном мареве этой белой ночи рождалась черная дыра будущего. И не только для Валерия Николаевича, а для многих и многих...

В палатку вбежал Веня и остервенело стал трясти его за плечи, пытаясь привести в чувство.

— Валера! Бежать надо! Бежать! «Сварожич» только что раскурочили, изрешетили к едреной матери! Солдаты захватили оружие, спецназовцы палят со всех сторон! Никто ничего не понимает!

— Революция таежного масштаба, — определил Попов.

— Какого лешего ты сидишь! У них там свой Ленин, но палят они во всех без разбору, вертолет сожгли, второй на базе. Надо двигать ножками!

— Но на нас лежит ответственность за проведение эксперимента! — попытался возразить Валерий Николаевич.

— Очнись, Валера! Ответственность? Через дырку в голове ее у тебя быстро выдует.

В этот момент в палатку ввалился с автоматом наперевес спецназовец в камуфляже и маске.

— Руки на голову! — дико крикнул он.

Но Смирнов в тот же момент выстрелил ему в грудь. Только сейчас Валерий Николаевич заметил в его руке пистолет. В палатке остались только шнурованные ботинки бравого бойца, тело от выстрела в упор выпало наружу.

— Веня? — изумился Попов.

— Ты хочешь быть под прицелом у сумасшедшего?

И вот тогда самый настоящий животный страх пронзил и разум и тело Валерия Николаевича, последнее же стало ватным и непослушным. Смирнов буквально взвалил это тело на свои плечи и ринулся с ним в сторону ближайшего подлеска. Над просекой струились нити трассеров, где-то жахнул гранатомет, ночь истошно материлась и стонала глотками раненых. Уже ближе к лесу они наткнулись на солдата с перебитыми осколками или пулями ногами. Он ползал на локтях, оставляя на серой ночной траве темный

кровавый след. Глаза его полны были безумия. Он цепко ухватил Валерия Николаевича за ногу и даже попытался укусить.

— Гады-ы... — то ли рычал, то ли стонал он.

Попов безуспешно старался стряхнуть его и даже упал. Неудачно упал, и безумные, полные бессмысленной одержимости глаза солдата оказались вдруг прямо перед ним. Полный кровавой пены рот издавал какие-то бессвязные звуки, полные упрека и страдания. Как раз в это время навстречу забежавшему чуть вперед Смирнову шагнул из-за дерева еще один спецназовец.

— Стой! Стрелять буду! — словно на карауле стоял. Видимо, ему запрещено было покидать свою позицию и «повоевать» ему еще не пришлось. — Решил смотаться, очкарик?! — но Смирнов никогда не носил очки. Так или иначе, боец передернул затвор АКМСа.— На землю! — скомандовал он. Руки на голову!

Застигнутый врасплох, Веня подчинился. А спецназовец неосторожно встал спиной к Попову и занялся банальным обшариванием задержанного. Валерий Николаевич в этот момент осилил невероятный рывок, освободившись из уже костенеющих рук обезноженного солдата, и совершил последний мужественный поступок в своей жизни. В кармане у него не нашлось ничего, кроме перьевой ручки, подаренной когда-то женой. Со всей силы, которую могло дать его руке содрогающееся от нелепости происходящего тело, он, как в масло, воткнул подарок жены между шейных позвонков караульного. Тот накрыл своим огромным телом лежащего на земле Веню и как-то всем телом задергался, ногами даже пополз куда-то.

— «Паркер»... — зачем-то сказал Валерий Николаевич, и задыхаясь от невиданного доселе приступа рвоты, упал рядом. Сквозь слезы, сквозь молочный туман ночи он видел мечущиеся силуэты и вспышки. Потом вспышки, словно в стоп-кадре, замерли и, превратившись в фиолетовые огни, стали парить, медленно опускаясь, над самой травой. Где-то совсем рядом пытался освободиться из-под тяжелого мертвого тела Веня. А потом...

Валерий Николаевич сам себе голову готов был дать на отсечение, уверившись, что виденное им не было галлюцинацией, что это не ужас пережитого поразил на какое-то время мозг, и без того расплавленный и беспомощный, не эффект от мощной концентрации страха, от которой онемели конечности. Серое низкое небо раскрылось внутрь себя, будто в нем есть для подобных случаев специальные окна. И из бездны, но отнюдь не черной, а слепяще-светлой устремились к земле ясноликие юноши в крас-

ных и белых плащах-крыльях, держа в руках огненные мечи. Именно мечи, именно огненные...

Может, была еще музыка? Трубы? Или это эхо пальбы в голове?

А небесные витязи между тем изничтожали всполохами огня, вырывавшимися из их коротких мечей, все, что было на просеке. Нет, оно не взрывалось, не горело, оно бесследно исчезало в каком-то бесцветном огне, охватывающем палатки, боевые машины (откуда только успели выкатить спецназовцы?), людей, в безумии своем стреляющих в небо...

— Господи!.. — рядом сидел, обняв колени Смирнов. — Господи! Прости нас грешных, ибо не ведаем, что творим.

Он, как и Валерий Николаевич, плакал.

— Ангелы? — догадался вдруг Попов, но они уже поднимались наверх, не оставив даже следа от дикой скверны, заполонявшей эту тихую поляну еще минуту назад, и окно в небе затянулось серой тканью низкого утреннего облака. И больше уже не было ничего и никого. Может, только такие же «сторонние» наблюдатели, как Смирнов и Валерий Николаевич.

Только на третий день, проплутав по болотам и непролазным чащам, в висящей лохмотьями одежде они вышли на бетонку, где шофер вахтовки принял их за заблудившихся геологов. И они не стали возражать.

4

— Валерий Николаевич? Попов? — как и положено — двое в штатском. Но с такими же короткими стрижками и толстыми жилистыми шеями, как у любого рассейского бычары-боевика.

— Ну наконец-то! — облегченно вздохнул Валерий Николаевич, и будто не было никогда червем выедающего душу страха. Только пьяная усталость.

Он как раз стоял напротив «Академкниги», пытаясь уловить в памяти что-то щемяще-дорогое сердцу и безвозвратно ушедшее. Счастливые минуты прошлого? Пожалуй, да. А что может быть лучше минуты, приравненной к вечности своим сосредоточенным покоем и целеустремленностью познания, когда рука и взгляд касаются страниц новой книги?

«А жена потом найдет меня уже в морге. Сердечный приступ на фоне прогрессирующего алкоголизма. Никто и не заметит. Зато я смогу заглянуть в это окно. Жену жаль... Очень...»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ: ТЕНИ ДЕМИУРГА

1

Рыхлая масса президента, облаченная в шорты и майку, с непривычным стаканом минералки в руке говорила медленно, уже совсем по-брежневски. Разве что внятно. Но, похоже, начиная высказывать мысль, президент к концу фразы плохо помнил, о чем он начал говорить. Поэтому он традиционно оканчивал ее каким-нибудь «надо решить проблему». Глядя на него ничего не выражающим взглядом, Борис Леонидович Осинский испытывал легкое отвращение и жалость одновременно и вовсе не испытывал желания стать президентом. Зачем? Он хоть завтра сделает для страны нового всенародно избранного. Вон он какой большой! Гора, которая ходит к Магомету! А в тени работается легче — голову не печет, и зад не потеет.

Осинскому не нравилось приходить на встречи с ним в элитный теннисный клуб. Заторможенный и напичканный медикаментами президент смотрелся здесь, как кусок протухшей говядины, как игрок инвалидной команды. Только жирноглазенький Гайдар выглядел хуже его, но тот хотя бы не брал ракетку в руки и вообще не распаковывал из костюма свое поросячье тельце. Но что делать? Приходилось приходить сюда, потому как президент «играл» и играл. Хорошо, что еще среди западных политиков не принято резаться в свободное от одурачивания народов время в хоккей. Увидев президента на коньках, народ умер бы не от голода, а от смеха. И пока телохранители обоих трепались в сауне или у входа (кому как повезет), Осинский терпеливо выслушивал первую ракетку Кремля, выдавливающую из себя пожелания, касающиеся своего окружения. Хоть бы раз попросил чего-нибудь для народа! Нет, каган забыл, как с просветленным лицом катался на троллейбусах и влазил на купленные Осинским броневики. Первые два года он был хорошим каганом, но потом начал уж слишком быстро деградировать. Знал бы он, что говорят о нем на улицах.

—...Понимаишь, да?.. — и улыбочка, посвященная народу. Телекамер-то нет, че лыбится?

— Понимаю, — кивнул Осинский.

Что-то он там мямлит про Чечню? Выкупить помощника? Ну так за это, батенька, платить надо. В том числе и сам Осинский от подобных операций имеет и процент,и политический капитал.

Да и рано еще. Пусть еще в горных аулах погостит. Местные нынче особенно гостеприимны.

Глядя на этого президента, Осинский невольно вспоминал другого — бравого кавказца с кошачьими усиками. Надо же — поверил в свою звезду! Захотел поиграть в национально-освободительное движение. Ему даже свои говорили, что нельзя хозяину освобождаться от рабов. Заигрался генерал! Ну да ладно, мавр сделал свое дело, мавр может уйти. И этому пора на покой...

— Борис Леонидович, — шепнул охранник, протягивая телефонную трубку.

Раз потревожил — значит что-то важное. И удалился в подобострастном полупоклоне. Учил же: никаких льстивых рож, никакой челобитной азиатчины, вы — солидные люди, но вы — мои машины для убийства. Вы — внешняя оболочка моего тела, которую я питаю лучше, чем внутреннюю! Но нет-нет да бросят леща! Ладно уж...

Осинский, не торопясь, приложил трубку к уху, извинительно посмотрел на президента. Тот шмякнул двойным подбородком себя по груди: понял, разговаривай, мы тоже люди деловые.

— Борис Леонидович? — сказала трубка голосом Маккаферти.

— Наш петушок попал в ощип.

— И где вы таких берете?

— В штате Юта...

— Берите в другом штате! В следующий раз. Но, как я понимаю, нас это устраивает?

— Вас, но мне бы хотелось получить пробы, я же здесь на работе.

— Это не проблема, генерал. Я вам обещаю. Мне же важно знать, что знают они! Особенно пошустрить местных. И как только все прояснится, не стоит задерживаться с планом «Б».

— Окей, — отозвалась трубка, и Осинский прервал связь.

— А Лифчик-то мне и говорит... — это уже президент о чем-то своем.

Вот мурло колхозное! Еще и матерится, как сапожник.

2

Никогда Джеймс Маккаферти не пытался разгадать загадок русской души, но в последнее время часто задумывался, как можно их использовать. Чем дальше выполнялся план гениального

Даллеса о победе доллара над Советами и над Россией в частности, тем больше приходилось думать в тайных коридорах Белого дома и Пентагона о том, как безболезненно удержать оголодавшего русского медведя на цепи. Но порой ситуация очень напоминала 1941 год, когда в сентябре на рабочих столах Гитлера и фон Браухича лежали сводки о том, что Красная Армия уже пять раз уничтожена. Скрупулезно изучавший военную историю Маккаферти даже помнил цифры русских потерь: 2,5 миллиона убитыми и ранеными, еще 2 миллиона в плену, 22 тысячи орудий и минометов, 18 тысяч танков, 14 тысяч самолетов... Даже если данные эти завышены в два, пусть даже в три раза, никакая другая армия не смогла бы восполнить такие потери. Ален Даллес тоже знал эти данные и учитывал опыт не только 1941, но и 1812 и даже 1480 года! Поэтому и решил победить СССР изнутри, долларом. И вот снова ситуация напоминала сорок первый год: «Русский медведь был мертв, но не хотел ложиться». Так очень точно охарактеризовал ситуацию того сорок первого военный историк Алан Кларк. И в нынешнем сорок первом характеристика эта была не менее актуальна. Хотя правительство России давно уже капитулировало, еще при Горбачеве. Капитулировало даже перед малоразвитыми африканскими странами, где запросто издевались над российскими гражданами.

И если ко всему населению России Джеймс Олдридж Маккаферти относился с едва скрываемым пренебрежением, то в свою очередь генерал Маккаферти не переставал поражаться выносливости и покорности русских солдат. Их американские коллеги, сунь их в полыхающий Грозный, уже на второй день отказались бы воевать в таких условиях, то бишь просто помирать за Родину да еще и на Родине! Американцы отучились быть пушечным мясом. Да и попробуй их покормить так, как кормят нынче русских солдат! Только ветераны Вьетнама могли бы потягаться с ними в умении жить и воевать в жидкой холодной (или горячей) земляной жиже, умирать под обстрелом собственной артиллерии и авиации и, ненавидя тупоголовых министров обороны и московских штабистов, любить и ценить младших командиров. Ванька-взводный, кажется так их называют в России. Вот эти-то взводные «ваньки» и есть пока еще самая боевая сила этой армии. Только на их похудевших плечах еще болтается латаная-перелатанная форма...

А спецназовцы? Они безудержно гогочут, обсуждая новые голливудские боевики, где их лощеные киношные коллеги крушат

всех и все, допуская самые грубейшие ошибки. Маккаферти был одним из немногих, кто мог сравнивать элитные подразделения разных стран. И мог сказать точно и честно: русские «альфы» значительно превосходили аналогичные отряды всех стран по выучке и смекалке. Даже после того как лучшие бойцы покинули их либо в поисках лучшей доли, либо по идейным соображениям, не желая воевать против собственного народа и выполнять приказы полнейших баранов в военной форме. И ветераны эти в большинстве своем пополняли армию телохранителей и охранников таких как Осинский. Многие из них считали, что там они смогут переждать сумасшествие власть предержащих. Но ожидание затянулось, а залезть по уши в грязь и выйти оттуда чистым невозможно.

Отправив Кляйна на задание, а по сути специально «засветив» его, Маккаферти последние дни вместе с бывшим российским майором из какой-то «Кобры», и фамилия у которого тоже была Кобрин, разрабатывал план нейтрализации жителей из маленького северного поселка Теулино. Он не без удовольствия наблюдал, как суровый и малоразговорчивый майор гоняет на подмосковном полигоне разношерстную армию Осинского, состоящую из бывших десантников, ветеранов Афганистана, Чечни и обычных уголовников. Для проведения операции они отобрали всего пятьдесят человек, которых считали лучшими. Майор планировал операцию так, чтобы обойтись без пальбы, но Маккаферти настоял, что одного человека следует нейтрализовать навсегда, ибо он начнет войну первым, как только команда на трех вертолетах коснется земли. Для выполнения этой миссии специально готовили двух киллеров. Но кроме Семена Рогозина, у них была еще одна цель (лично от Осинского) — Николай Сергеевич Егоров, которого в народе звали дядей Колей. О чем не смог договориться банкир с главным сибирским бандитом, Маккаферти не знал да и не хотел вникать. У него было две своих цели, которых он собирался достигнуть одновременно. В отличие от Кляйна, генерал не знал русских пословиц, а значит история с двумя зайцами ему была незнакома. Поэтому он кропотливо выполнял задание ЦРУ, подбираясь все ближе к истории нейролептонного оружия, доверив простоватому Кляйну только мизерную часть своих знаний и планов, а заодно преследовал свою цель — месть.

Месть, которая жгла ему все его генеральское нутро с того самого вечера в Сараево.

Ох и дурак был братец! Джеймс перетащил его в бывшую Югославию, дабы хоть немного продвинуть забуксовавшую

карьеру. Полковник Уильям Маккаферти всю жизнь играл в честного вояку. Ни капли изворотливости, сплошное честолюбие. Видимо, трехлетнего разрыва между их рождением родителям не хватило, чтобы накопить все необходимое для появления на свет полноценного человека. Билл был простоват, если не глуповат. И если бы не генеральская должность отца и постоянная забота Джеймса, быть бы ему по жизни капралом! Только блестящая выправка, дотошное выполнение приказов и командирская глотка позволяли ему удержаться на плаву. Да и роднила их с братом только форма. Внешне же они были совсем не похожи. Джеймс походил на мать, а Билл вышел в отца. И при всем этом он тихо недолюбливал брата, которого в душе считал хитроумным выскочкой, занимавшимся грязными делишками. Джеймс не обижался, он любил брата не меньше, чем любила его мать. А она, надо сказать, любила Уильяма даже больше, потому что видела в нем отца. Да и младшенький он был.

Был.

Надо же было так распорядиться судьбе, что в закоулках Сараево капитан русской или, черт побери, сербской армии Семен Рогозин натолкнулся именно на Уильяма, который в легком подпитии шествовал с приема при полном идиотском параде. Не любил Билли гражданскую одежду, его кормить не надо — дай орденами побряцать! Вот и добрящался. И когда Рогозин, одетый, между прочим, в гражданку, начал очень толково бить ему морду, у бедного Билли хватило ума только на то, чтобы выкрикнуть, что он полковник американской армии Уильям Маккаферти.

— Маккаферти! — повторил русский, и с удвоенной силой начал забивать незадачливого полковника до смерти.

Это уже в больнице кровавой кашей своего рта Билли рассказал ему о брате. И описал этого человека. Узнал его по фотографии. И умер от многочисленных разрывов внутренних органов. Вряд ли Рогозин знал, что отрывается на брате именно того генерала Маккаферти, а бил его, как бил бы любого американца, разве что добавил специально для фамилии Маккаферти.

Но это не меняло отношения к делу мести генерала Джеймса Олдриджа Маккаферти. Ему предлагали достать его из-под земли, обещали показательный международный суд, но у генерала были свои планы. Обычная смерть Рогозина, а тем более суд не устраивали его. Он хотел разрушить не только его тело, но и душу, и все, что размещалось вокруг них. Так он обещал матери, вытиравшей слезы американским флагом с гроба Билли.

3

Майор Кобрин застал генерала Маккаферти в тяжелых раздумьях. У Осинского майор научился смотреть на мир ничегоневыражающим взглядом, но на американского генерала, пусть и бывшего (майор и сам был бывшим), он не мог смотреть иначе как побежденный смотрит на победителя, ожидая скорого реванша. Во всем же остальном они прекрасно сработались. Специалисты.

— Генерал, Вы, кажется, хотели сами участвовать или наблюдать на месте? Завтра мы отправляем Рыжего и Скунса. Все необходимое уже доставлено на место исполнения. Для Вас господин Осинский готов предоставить собственный самолет.

— А они?

— Они полетят как обычные граждане. Документы у них в порядке. Даже лучше, чем у нас с Вами. Легенда железная. Они едут как курьеры. После выполнения миссии они просто заберут некоторые документы в конторах наших нефтедобывающих объединений.

— Вы решили оставить их после этого в игре? – удивился генерал.

— Если я буду устранять каждый раз исполнителей, то в скором времени мне не с кем будет работать.

— Логично. Но у нас...

— У вас может быть что угодно, — оборвал Кобрин. — Но я хотел бы сделать Вам небольшой подарок, генерал.

— Даже? Это любезно с Вашей стороны, — генерал расплылся в дружеской улыбке, забыв недавнюю грубость майора. Он знал: такие, как Кобрин, уж если дарят, то дарят.

— Мои ребята там, на месте, выяснили много важной информации, касающейся интересующего Вас лица.

— О! — напрягся Маккаферти.

— Во-первых, у него появилась девушка, но ее я Вам трогать не позволю, с нее уже хватит... Во-вторых... — майор выдержал паузу, любуясь нервным нетерпением генерала. — Во-вторых, у него есть брат-близнец, который работает под крылом цели номер один.

— Брат! — почти выкрикнул Маккаферти.

— Как две капли воды, — подтвердил майор.

— Но это в корне меняет дело!

— Они недолюбливают друг друга, если не сказать больше.

— А вот это уже неважно. Не все братья любят друг друга, но при этом остаются братьями, — многозначительно изрек генерал.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ: ГАМБИТ МАККАФЕРТИ

1

Маккаферти, конечно, знал, что Кляйн поделился с ним далеко не всеми знаниями, но планов менять не думал. К сожалению, информатора Кляйна — русского инженера Попова «выпотрошить» не удалось. Бессмысленно замучили. В последние часы своей жизни этот хлипкий пьяница вдруг обрел настоящее мужество, а его организм проявил невиданную устойчивость к наркотическим средствам и терпимость к боли. Он молча презрительно смотрел на своих палачей и последними его словами было: «За меня-то хоть помолятся...»

Кляйн оставил себе несколько козырей на случай провала, чтобы шантажировать начальство, если его потребуется вытащить из рук ФСБ. Но Кляйн, в свою очередь, не знал, что у Осинского давно есть свои люди и там, иначе он не был бы Осинским. Поэтому, бросая Кляйна на амбразуры вражеских дотов, как солдата штрафного батальона, Маккаферти рассчитывал выиграть время не только у Рогозиных, но и у Осинского. Давно генерал не играл в такие игры, и теперь, сидя в самолете в обществе двух русских киллеров, он мысленно потирал руки, чувствуя себя то кардиналом Ришелье, то магистром опутавшего своей паутиной всю землю тайного ордена.

Киллеры, выпив бутылку коньяка, преспокойно посапывали. Маккаферти нет-нет да и бросал на них полный любопытства и одновременно пренебрежения взгляд. Про Рыжего он знал, что тот первостатейный душегуб-любитель, упрятанный еще при советской власти в специальную лечебницу, где и нашел его заботливый папа Боря. Скунс был профессиональным снайпером, попавшим в плен к чеченцам. Его Осинский выкупил прямо у расстрельной стены, когда воины Аллаха продляли ему жизнь, темпераментно споря — расстрелять, отрезать голову и гениталии или повесить. Сумма, предложенная Борисом Леонидовичем, подсказала им четвертое решение. Маккаферти подозревал, что вся эта возня с расстрелом и выкупом была специально придумана хитроумным банкиром, дабы получить в свои легионы преданного, готового на все человека. Скунсом же бывшего старшего сержанта Рюпина прозвали за то, что горцы держали его в отхожем месте. И телохранители банкира долго воротили от него нос, считая, что тот перед собственной казнью элементарно наде-

лал в штаны, а историю с нужником придумал себе в оправдание. Именно поэтому Скунс и нелюдимый Рыжий сработались, учили друг друга каждый своему ремеслу и стали прекрасной парой для выполнения самых деликатных заданий. Говорят, они даже жили в одной квартире, а спали по очереди, чтобы всегда быть начеку.

Убедившись, что исполнители в этот раз спят оба, Маккаферти достал из кейса папку и, оглядевшись по сторонам, открыл ее. Здесь лежали вырезки из американских и русских газет за разные годы, начиная с середины восьмидесятых. Они были подклеены к разбитым красной чертой на две части листам, и можно было отследить смысловую параллель между текстами: ...полковник Броуди, намеревавшийся опубликовать разоблачительные мемуары о войне во Вьетнаме, застрелил свою жену, после чего покончил с собой... министр внутренних дел Пуго застрелил жену и себя... повесился в своем кабинете начальник генерального штаба, боевой маршал, прошедший Великую Отечественную войну... повесился в своем гараже бригадный генерал, принимавший участие в разработке операции по вторжению на Филиппины, участник Второй Мировой... выбросился из окна сотрудник ФБР... выбросился из окна сотрудник идеологического отдела ЦК...

В этой папке не хватало оставленных в сейфе отчетов о лабораторных и полевых испытаниях, но Маккаферти знал их наизусть. Из ряда вон выходящим был отчет о массовом воздействии русского нейролептонного излучателя. Там не было результатов, но было сказано, что достигнут значительный, но неуправляемый эффект. Речь шла об испытаниях в Теулино. Оставалось сделать предположение, что это был разовый эффект, полученный благодаря выбору полигона, имеющего определенные климатические и географические характеристики. Чтобы подтвердить или опровергнуть это, требовалось дотошно изучить данную территорию, провести на ней аналогичный опыт, для чего американцы готовы были под видом любого другого оборудования привезти сюда свой прибор. С русской стороны этот проект финансировал Осинский, который рассчитывал с помощью американских друзей обеспечивать в своих интересах избирательные кампании. Да уж, наличие такого воздействия позволило бы ему свести до минимума огромные рекламные затраты в средствах массовой информации, подкуп чиновников и членов избирательных комиссий. С такой штукой можно печь президентов и губернаторов, как пироги.

Но даже у такого всемогущего человека как Осинский не всегда и не все получалось гладко. Например, ни его деньги, ни «дружеские» связи не сработали, когда потребовалось завладеть этой самой теулинской территорией, а на базе поселка развернуть соответствующую инфраструктуру. И теперь Рыжий и Скунс летели наказывать непослушных.

Маккаферти со вздохом захлопнул папку и угловым зрением заметил, как мгновенно открылись глаза Рыжего (видимо, его черед сторожить), а в боковом кармане его костюма, откуда он почти не вытаскивал руку, шевельнулся ствол пластикового пистолета. Генерал откинул спинку кресла и закрыл глаза.

2

Тюмень встретила их раскаленной духотой и вездесущим тополиным пухом. У Маккаферти сразу же обнаружилась на него аллергия. Он беспрестанно чихал и хлюпал носом. Рыжий и Скунс смотрели на него с явной насмешкой. Маккаферти между тем на чем свет стоит ругал Сибирь, где зимой сорокаградусные морозы, а летом, как оказалось, бывает такая же жара. Да еще вместо снега летит тополиный пух.

В терминале их встретила группа подготовки. На нескольких автомобилях они двинулись в направлении города. Рыжий и Скунс внимательно выслушивали необходимую информацию, Маккаферти — только краем уха. Уши у него со страшной силой заложило при посадке Ту-154. Был же из Москвы рейс «Боинга», так нет — отменили из-за нерентабельности. Экскурсию для генерала никто не организовывал, поэтому он сам с любопытством смотрел на струящиеся мимо машины улицы. Вот еще бы глаза не слезились от внезапного аллергического насморка! К архитектуре генерал был равнодушен, да и какая может быть архитектура на родине ссыльных и бродячих казаков? Но чем дальше, тем больше ему приходилось удивляться. При общей невзрачности городского пейзажа взгляд его выхватывал ультрасовременные билдинги, великолепные купеческие особняки, золотые кресты монастыря-крепости на берегу реки... А еще Маккаферти знал, что где-то здесь ловят черную икру! Ни белых, ни бурых медведей на улицах ему встречать не пришлось. Поэтому генерал мысленно обругал американское образование, благодаря которому у него и многих других американцев складывался такой стереотип заоч-

ного восприятия Сибири. Во всяком случае он решил, что когда покончит с делами, обязательно осмотрит не только город, но и попросит, чтобы его свозили на рыбалку, хотя при воспоминании о теулинской просеке у него начинало чесаться все тело. Осинский же со своей деловой торопливостью не предоставил возможности осмотреть даже мельком хотя бы один населенный пункт. Самолет — вертолет — комары... Вот и вся прогулка.

Машина остановилась у одного из реставрированных особняков, который, к удивлению Маккаферти, стали называть офисом. Там был накрыт шикарный стол, рассчитанный явно на то, чтобы удивить американца сибирскими разносолами. Генерал был не только удивлен, но и до тошноты наелся соленой осетрины и маринованных грибов. При этом было выпито среднее (по русским меркам) количество водки. После обеда стало неумолимо клонить ко сну, но Рыжий и Скунс сказали, что встреча с целью номер один назначена на семнадцать, и если генерал собирается идти с ними, то необходимо ознакомиться с картами дома и прилегающей местности, где придется выполнять задание.

— А может генерал лучше отдохнет, девочек ему подкинут, а то ведь там, наверное, стрелять будем не только мы? — это сказал Скунс. — Совсем не обязательно присутствовать при нашей работе. Да мы и не любим, правда, Рыжий?

Рыжий кивнул, а Маккаферти довольно сильно обиделся.

— Сынок, — язвительно ласково сказал он, — еще за тридцать лет до того как тебя держали в чеченском толчке, я ползал по вьетнамским джунглям и меня обильно поливали напалмом.

— Ух ты! — искренне удивился Скунс. — А я думал, Вы только на бумаге воюете!

Старший из встречавших их в аэропорту, которого все звали уважительно Владимир Андреевич, развернул перед ними плансхему дома и приусадебного участка. Показал посты охранников, возможные пути отступления, где будет базироваться группа прикрытия и откуда в случае неблагоприятного стечения обстоятельств появится милиция. Рыжий смотрел молча, Скунс задавал вопросы, Маккаферти давал советы и заметил, что на него стали смотреть с уважением, ибо советы были толковыми.

— Слышь, Рыжий, ты только не нервничай раньше времени, — попросил Скунс, когда они на двух машинах двинулись к цели.

— Не знаю, как получится, — впервые за несколько часов ответил сиплым голосом Рыжий.

Дом Николая Сергеевича был довольно далеко за городом, и

на шоссе Маккаферти с облегчением высунулся в окно, чтобы подышать пусть и теплым, но чистым от тополиного пуха воздухом. Через полчаса их «чероки» затормозил у массивных железных ворот в пригородном поселке. Вторая машина предусмотрительно осталась на соседней улице. Из нее рассыпались на заранее отведенные позиции боевики. Маккаферти еще успел подумать: зачем было присылать именно Рыжего и Скунса, здесь и так неплохая организация? Между тем Скунс нажал кнопку звонка, вынесенную на толстостенный кирпичный высокий забор, увенчанный колючей проволокой.

— Кто? — спросил динамик домофона.

— От банкира, — ответил Скунс.

Через пару минут в воротах открылась калитка, гостей встречал немолодой охранник в замшевом пиджаке. Рыжий, все это время мерявший шагами длину ворот, тут же подскочил к нему и резким движением перерезал горло. В руках у него была опасная бритва.

— Ну вот, ты опять занервничал, Рыжий, — неодобрительно прокомментировал Скунс.

— Заткнись! — огрызнулся Рыжий, и от его голоса у бывалого вояки Маккаферти внутри все похолодело.

За забор Скунс шагнул уже с двумя скорострельными пистолетами в руках, и тут же загремели выстрелы. Без труда он расстрелял еще двух молодых парней в кожаных куртках, которые по-дурацки высунулись с обрубками «калашей» во двор.

— На заднем дворе еще один, — отметил Скунс и, прижимаясь к стене, стал огибать дом. Рыжий при этом рванул дверь на себя. Подумал, что заперто, психанул и пнул ее. Оказалось, что она просто открывается в другую сторону.

Действовали они слаженно, но Маккаферти было невдомек, зачем требовался тщательный план, если сейчас на его глазах киллеры на пятьдесят процентов импровизировали. Пока в холле Рыжий застрелил еще одного охранника и затем любовно исполосовал старичка, который, судя по белому халату, был либо поваром, либо официантом, Скунс уже вернулся.

— Остались еще двое. Один с пулеметом на втором этаже и один у дверей на третьем, — напомнил он.

Рыжий, который уже поднимался по витой лестнице, повернул к нему наполненное сумасшедшим восторгом от происходящего лицо и почти радостно выорал:

— Знаю!

Сверху на его слова загрохотал РПК, огромные ошметки штукатурки посыпались от стены, в которую упирался лестничный марш. Рыжий успокоился и сел на ступеньки.

— Дурак, — определил неизвестного стрелка Скунс, — выказал себя.

— Он напротив, в холле, — подтвердил Маккаферти.

Скунс достал из кармана рацию и вполголоса доложил туда:

— Второй этаж, окно над входом.

Еще через полминуты над их головами гулко ухнуло, лестничный марш тряхнуло, а вжавшийся в него Маккаферти оценил масштаб «разборок».

Они уже было поднялись на разгромленный взрывом гранаты второй этаж, даже успели осмотреться: стены в выщербинах осколков, горят шторы и ковер, у окна труп с пулеметом в обнимку... Но в этот момент раздался выстрел сверху, и ужаленный пулей Скунс схватился за ногу. Сквозь лестничный пролет стрелял последний охранник в таком же как у встретившего их в воротах замшевом пиджаке. Скунс и Маккаферти скатились на прежнюю позицию, а Рыжий все же успел проскочить в мертвую зону ведущей на третий этаж лестницы. После трех выстрелов с одной и единственного с другой Скунс и Маккаферти услышали его скрипучий голос:

— Не люблю стрелять! Пижон, блин...

Дядя Коля сидел в кресле. Одет он был в домашний халат и тапочки. Оружия у него не было. Усталым и отрешенным взглядом он встретил своих убийц.

— Прибыли, родимые. Ну так проходите. Дядя Коля стрелять не будет, устал дядя Коля стрелять.

— Ну так а че стол не накрыл, коли гостей ждешь? — хохотнул Скунс, который уже чувствовал себя хозяином положения.

— А это кто с вами? — кивнул старик на Маккаферти.

— Американский генерал, — с важностью в голосе ответил Скунс.

— О, как почетно! Ну вы, ребятки, дайте мне полминуты, я вам кое-что скажу для вашего босса. Да и вам полезно знать будет. Старик чуть дрожащей рукой взял со стоявшего рядом столика рюмку водки, опрокинул в блеснувший золотым оскалом рот и запил морсом. Потом еще более дружелюбно посмотрел на «гостей». — Тридцать лет я за свое место под солнцем спину гнул и кровь проливал. Едва-едва черножопые меня не одолели. И все потому, что то интернационализм у нас, то демократия беспре-

дельная. Вон пусть американский генерал на досуге вам расскажет, как у них с индейцами поступили, как неграми торговали...

— Ты быстрее давай, у нас тут не лекция, — ощерился Скунс.

— Вот-вот менты прибудут. Что хотел банкиру передать?

— А передай ему, сынок, что зря они Россию-матушку подмять вздумали, поперхнутся, пидоры. Со всей своей хитровысранной демократией, которая только для них самих. Думаю, и ему когда-нибудь ствол в жопу вставят! Да скажи ему, то, чего он хотел здесь, не только у него есть. Так и передай! Запомнил?

— Запомнил, — подтвердил Скунс и поставил три точки на седой груди старика. И еще одну для верности — на лбу.

Рыжий посмотрел на него с явной обидой, будто только что отобрали лучшую игрушку.

— Да ты, Рыжий, не нервничай, — начал оправдываться Скунс, — вот ты нервничаешь, а потом этой же бритвой щетину свою скребешь. А вдруг у них СПИД?! А? Я же с тобой из одного котла хаваю!

— Тише! — вдруг напрягся Рыжий. — Здесь еще кто-то есть.

Все трое замерли, но, видимо, только Рыжий слышал и чувствовал что-то еще, кроме начинавшегося пожара на втором этаже и гари, от которой начинало свербить в горле. Как и у ворот, кошачьим движением он подпрыгнул к большому стенному шкафу, едва различимому за рядами книжных полок. Скунс и Маккаферти двинулись следом.

— Десерт! — победно скрипнул оттуда Рыжий.

Среди костюмов и халатов в шкафу стояла девушка. Скунс сразу же узнал ее и попытался остановить Рыжего.

— Слышь, Рыжий, Кобра сказал эту не трогать!

— Она нас видела, — глухо прорычал Рыжий и в руках у него ненасытно сверкнуло лезвие.

3

— Да нет же! — Майкл уже забыл, что еще недавно боялся этих людей.

Спор его с Семеном Рогозиным продолжался уже больше двух часов, эмоции плескали через край. Семен пару раз влепил кулаком в стол, а Майкл жестикулировал как итальянец, который поссорился с женой. И только Степан был спокоен, он смотрел на них с полуулыбкой безразличного превосходства, как

смотрел бы мировой судья на двух хозяек, не могущих поделить единственную бельевую веревку во дворе.

— Не все американцы такие тупые бараны! – возмущался Кляйн.

— Да я не об американцах, а о той системе, которую вы создали, которой все у вас довольны! Штаты — это, по сути, страна-паразит! Ваши доллары давно уже ничем не обеспечены, кроме вашего же политического и финансового влияния. И если бы весь остальной мир в одночасье слил вам ваши баксы обратно, требуя за них эквивалент золотом, товарами, сырьем, Штатам пришел бы полный...

— Однако не сливают?! Потому что наступит крах всей мировой финансовой системы!

— А на хрена она нужна! Кому? Опять же только вам, чтобы удобнее было грабить весь мир. Я где-то читал, что один американец потребляет столько, сколько потребляют восемь — двенадцать человек в других странах.

— Это достижение нашей цивилизации!

— Достижение вашей цивилизации — это Уолт Уитмен, Эмили Диккенсон, Генри Лонгфелло, Курт Воннегут... А то, что ты имеешь в виду, это достижения вашей кровожадности, прожорливости и еврейской хитрожопости! Перед тем как строить по всей Северной Америке свои масонские темплы, вы практически сжили со свету уникальную цивилизацию индейцев. Ваш девиз известен всему миру: допустимо все, что выгодно!

— Ты так говоришь, будто Россия не покоряла отсталые народы? Не воевала с ними?

— Да это вы были и остаетесь отсталыми в духовном развитии. У Кнута Гамсуна о своей цивилизации читал? То-то! А мы, конечно, тоже воевали. Кавказ, Средняя Азия. Я тебе не буду подробно рассказывать о набегах на наши пограничные крепости, не буду долдонить о том, что часть местных вождей добровольно, а то и настоятельно просилась под десницу русского царя, дабы спасти свой народ от истребления как в братоубийственных войнах, так и от внешних нашествий. Об этом есть исторические свидетельства. Это мне в школе лапшу на уши вешали, что Россия была тюрьмой народов. Но ты мне скажи — в какой еще империи инородцы могли занимать высокие государственные посты? Где еще окраины вместо того, чтобы превращать в сырьевые придатки и эксплуатировать, застраивали современными предприятиями, поднимали уровень жизни. И подняли даже на более высокий уровень, чем в собственной средней

полосе! Может, английская королева рассматривала в равном значении англосаксов и индийцев? А? Я знаю, что вас всех там на Западе бесит — как могла возникнуть и удержаться такая держава, как Россия, если не на крови и не на голой силе? Вы этого своим мелким эгоистическим сознанием ни понять, ни принять не можете. Ибо давно уже разучились заботиться о чем-то еще, кроме своей непомерно растолстевшей задницы! Для вашего узкоденежного сознания неподъемны такие понятия как Божья Воля. Вот и воняете вы на весь мир: СССР — империя зла, в России, мол, вновь имперские амбиции! Купили нашу ожиревшую верхушку, ваши банкиры-иудеи договорились с нашими, осталось только начать строить вместо Божьих храмов масонские ложи. Осталось только окончательно одурачить народ, подменить истинные ценности на гнилые общечеловеческие, отравить его наркотиками, ширпотребом, голливудской порнухой, споить...

— А вы не пейте! — наконец-то нашел лазейку Майкл. За последние пять минут он стал на пару дюймов ниже ростом из-за нависающего над ним Семена Рогозина. — Ваш брат антисемит? — попытался он найти поддержку у второго Рогозина.

— Скорее, антисуннит или антишиит, или что там у них в Афганистане? А с евреями он не воевал. И с арабами тоже. Те ведь тоже к семито-хамитской группе народов относятся, – пожал плечами Степан.

— Но это же, как называют ваши газеты, великоросский шовинизм!

— Это Ленин такое название придумал, а прадедушку его, между прочим, Мойша Бланк звали.

— О! — удивился Майкл, у которого в знаниях ленинской генеалогии были существенные пробелы. Он почему-то считал его монголом.

— Да и вообще скажи спасибо, что он просто тебе морду не набил. — Степану уже надоел их не имеющий разрешения в ближайшем столетии спор. — Хватит митинговать, даже если вы глотку друг другу перегрызете, мир от этого лучше не станет. Есть дела поважнее, чем плакать об униженной России или считать колена израилевы. Пока вы тут горланили, у меня родились некоторые, как мне кажется, неплохие идеи.

Он выждал, пока страсти окончательно улягутся.

— Вот что, мистер Кляйн, раз уж ты влез, как кур в ощип, то и вариться тебе придется в том бульоне, который тебе предоставят. Есть у меня подозрение, что тебя подставили, чтобы у нас сложи-

лось впечатление, будто мы идем на шаг вперед. А это далеко не так. Поэтому, любезный, мы тебя прямо сейчас сдадим в ФСБ.

— Вау! — Майкл даже не знал как на это реагировать.

— Да-да-да, — довольно ехидно подтвердил Степан. – Мы тебя под белы рученьки туда и доставим. По-моему, чего-то такого от нас и хотели. Не понятно только, почему чекисты на тебя до этого сквозь пальцы смотрели?

— Я тоже думаю, что они обо мне знают, — грустно согласился Кляйн. — Но в русской тюрьме очень сидеть не хочется.

— Это ненадолго, — заверил Степан.

— А кто и когда меня оттуда вытащит? Маккаферти только рад будет. Менять меня не захотят, я же вам все рассказал…

— Вытащат. Я или он, — Степан кивнул на Семена. – Как только все это кончится. Не такая уж ты большая птица. Надеюсь, вся шпионская атрибутика у тебя есть?

— Есть.

Степан тут же взялся за телефонную трубку и набрал номер.

— Майора Дорохова, — попросил он, но суть дела изложить не успел. На том конце провода некто майор Дорохов, узнав его по голосу, успел сказать ему что-то раньше. Дав отбой, Степан внимательно посмотрел на Семена, будто раздумывая, сообщать ему услышанное или нет. За время этого молчания между ними опять разрядилась невидимая молния, комнату наполнило колдовство их мистического сходства, и Майклу на миг показалось, что сейчас они шагнут друг в друга и станут одним человеком.

— Поехали, — скомандовал Степан, ничего не объясняя.

Из кабинета появился что-то читавший там Сбитень. Вопросительно посмотрел на Степана.

— Дядя Коля отказался играть на их стороне, — ответил его взгляду Степан.

4

Возле особняка Николая Сергеевича Егорова суетились люди в различной униформе. Пожарники сворачивали брандспойты, санитары ждали, когда судмедэксперты закончат осмотр тел, следователи и оперативники сновали туда-сюда по саду и в доме. Из чернеющих глазниц второго этажа струился дым — последствия недавнего пожара. К машине Степана подошел человек в сером костюме, седовласый, но молодой, немного прихрамывая.

— Все, Степа, можешь заказывать грандиозную тризну. Дядя Коля отвоевался, — сказал он, протягивая руку.

— Кто еще? — спросил Степан.

— Семеро паладинов и девушка. А ведь я предлагал ему поддержку, предлагал сотрудничество, а он все за свои уголовные принципы держался. Гордый...

— Слышь, Дорохов, девушка — кто? — перебил его Степан.

— Да, вроде, из твоих... — чекист с интересом посмотрел на Семена, который при этих словах напрягся и подался в его сторону.

— Мы посмотрим? — кивнул на дом Степан.

— Пойдемте.

Следом за майором они вошли во двор, где санитары уже грузили на носилки четырех покойников — охрану дяди Коли. На первом этаже, мраморный пол которого был обильно полит кровью, еще работали судмедэксперты и следователи.

Семен вошел в дом, преодолевая сжиженный предчувствием беды воздух. Мир перемещался перед глазами, словно в замедленном кино. Сладковатый липкий запах смерти пробуждал задремавшие инстинкты воина. Мозг воспринимал окружающее сквозь сузившийся коридор взгляда, будто через триплекс смотрел, и где-то на задней его стенке размытыми силуэтами вырисовывалась картина происшедшего в этом доме.

Их было двое или трое. Третий просто шел следом. Наблюдал? Командовал? Значит, исполнителей двое. Стреляют прекрасно. Самоуверенны. Они относятся к этому не как к работе, а как к развлечению. Шоу. Один из них садист. Перерезал горло старому официанту именно для того, чтобы было больше крови. Пистолет держал в другой руке. Второй их догнал ближе ко второму этажу. Немного подождали, пока с улицы поможет гранатометчик. Дурковали-дурковали, но на РПК не поперли. Точно знали, куда идут. Гранатометчик влупил с крыши или с чердака особняка напротив. Они действительно игрались... В войнушку. Самоуверенность. Наглость. Она-то их и подведет. Чувство силы и превосходства. Ненависть к жертвам. Ненависть за деньги? Или просто ненависть ко всем? Этот в замшевом пиджаке поторопился стрелять, но, возможно, все-таки зацепил одного. Его убили, когда высунулся. Точно, в лоб.

Мимо на носилках пронесли тело девушки, прикрытое полиэтиленом. Он узнал ее, но тугое облако уже осознанной беды не позволяло проткнуть сердце острой болью, залить мозг непролитыми горячими слезами, как это случилось в Сараево. Почему-то вдруг подумалось: у нас даже нет специальных мешков на молни-

ях. Выносим тела убитых то под простынею, то вот под полиэтиленом. Словно манекен. Когда-то сквозь такую же пелену он рассматривал фотографию растерзанной Милицы, не в силах охватить разумом ни свершившееся, ни увиденное. Теперь Наташа... Слепая ярость или затаилась, или растратилась тогда в Сараево. А может отец Николай тихой и убедительной речью своей заговорил ее, загнал в самую глубь, в самый темный омут души? Но от разрастающейся вокруг пустоты никуда нельзя было уйти. Она росла, набухала, распирала стены, и казалось, пропахший гарью и смертью дом вот-вот лопнет по швам, пустота вырвется на волю и заполнит собой весь мир. И не будет уже ничего, кроме пустоты. В ней будут начинаться и кончаться дороги, в ней будут загораться окна пустых домов, и провода, сквозящие сквозь нее, будут гудеть заунывную ее песню. Наступит вечная осень, а пустота, заполнив собой все и вся, будет гулко дышать, шурша облетевшей листвой, прицеливаясь в беззащитную скорлупу неба, чтобы соединиться с той — пустотой космической, вечной и холодной.

— С-с-с-суки! — прорезал, проткнул пустоту Степан. Он вложил в звук «с» все возможное количество ненависти, которое можно поместить в полости рта и в легких. И это «с», как игла, нанизало на себя пустоту и слегка кольнуло Семена, который, точно сомнамбула, двигался за носилками.

Степан ухватил его за рукав, потянул в кабинет. Оттуда уже шагнул навстречу Дорохов:

— Твоя? — кивнул в сторону носилок.

— Его.

Дорохов опять с интересом посмотрел на Семена.

— Их было трое, — сказал ему зачем-то Семен.

— Здесь, в доме — да, — подтвердил Дорохов. Подошел поближе к Степану и продолжил шепотом:

— У нее в руках была записка. Убийца увлекся, не заметил. Там шифр какой-то. Я на всякий случай переписал. Может, ты без шифровальщиков это прочтешь? — Развернул лист на ладони.

— Конечно, прочту. Это номер счета дяди Коли в банке Осинского.

— Осинский? — удивился Дорохов. — Тогда дело дрянь.

— Может, в Москве и дрянь, — вмешался Семен, — но пусть сунутся к нам. Посмотрим.

— А остальные цифры? — спросил сам у себя Степан.

— Может, даты? — взглянул Семен.

— Похоже, — согласился Дорохов.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ: ТОРСИОННЫЙ ГЕНЕРАТОР

1

Возвращаясь из своей подмосковной резиденции, президент был в хорошем расположении духа. Любовался расцветающей за окнами лимузина природой, шутил с телохранителем и водителем, хвалил «свои» реформы, обещая, как это уже заведено в Кремле, догнать и перегнать все Америки. Но хорошего настроения хватило только до Садового кольца. Как ни старались целые отряды безработных, временно работающих на благоустройстве столицы, стирать надписи на заборах и стенах домов, посвященные нынешней власти, те, как по волшебству, уже на следующий день появлялись снова. Причем в еще более грубых и даже нецензурных выражениях. И всенародно избранному президенту было невдомек, за что его так не любит народ. Коммунисты подначивают! Уж, вроде, все их главные крикуны свой кусок пирога имеют, кроме Ампилова, так тот-то юродивый!

Очень после чтения всей этой похабщины хотелось подогнать в город танки, как в октябре 1993 года, и шибануть из всех стволов по этой краснопузой черни, не умеющей ни работать, ни свободу ценить. Ладно бы только коммуняки! Но и свои верные помощники и генералы морды воротить стали. Мало, видать, нахапали! Им, понимаешь, тоже президентской власти захотелось! В 91-м, небось, партийные билеты в нагрудных карманах грели на случай победы ГКЧП! Так ведь и любимый начальник охраны продал! Начал интриги плести. Книгу-то свою на горшке писал, вот и вылил все говно на своего благодетеля. Еще хорошо, что не успел ему маршальские звезды на волосатые плечи навесить.

Со всех родов войск недовольные генералы в политику поперли! Уже специальный батальон политиков создавать можно и на довольствие в министерстве обороны ставить. Сухпай, понимаешь, выдавать и наркомовские сто грамм. Один-то доорался! Радетель за народ и армию. Жена-психопатка пристрелила прямо на брачном ложе. И никаких тебе киллеров не надо. Чистая работа. Доорался! Читали мы это: народ и партия едины! Сколь же еще из них эту заразу вытравлять надо. Какой, на хрен, может быть патриотизм? Весь мир объединяется, а этим опять на русскую печь залезть хочется и валенками от всей планеты отстреливаться. Прав друг Билл, не созрели мы еще для интеграции, пони-

маешь. Так ведь мог бы и поболе пособить, а все только советы дает. У него, вишь ли, в ложе тридцать третий градус, а мы еще недоросли! Как же: мы и сорок и девяносто шесть градусов на грудь примем. Управители мира, созидатели вселенной, мать их! Играются все.

Я «Е.Б.Н. — ты нас ЗАЕБН!» — прочитал президент творчество своего народа, и жуткая злоба ударила изнутри куда-то в лицо, залила его красной краской, аж на лбу выступила испарина. Вроде привыкнуть пора, но вот Муссолини в свое время привык, а его все равно за яйца вместе с женой на мосту подвесили. И кто? Цивилизованные макаронники! Джузеппы всякие! Папы карлы!

— Набери мне Первого, — попросил президент телохранителя.

Тот спешно нажал нужные кнопки на трубке радиотелефона.

— Слушаю, господин президент, — сказала трубка, точно вытянулась по стойке смирно в его руке.

А все ж таки «господин президент» звучит куда как подобострастнее, чем товарищ! Да и какой я им товарищ!

— Ты мне, понимаешь, напомни, какие ты там подзорные трубы генералу Леве поставил?

— Торсионный генератор, — доложила трубка.

— Хорошая штука, — признал президент и потом две-три минуты силился вытолкнуть забуксовавшую в голове следующую фразу.

— А мы чего ее твоему-то бывшему шефу не поставили, чтоб ему писалось лучше, понимаешь?

— Понимаю. Так ведь она не на всякого действует.

— А усовершенствовать нельзя? Чтоб некоторых, кого надо, понимаешь, дрисня пробивала!

— Велись такие работы, даже опытный образец был, «Сварожич» назывался. Но что-то у них там не заладилось...

— И где он?

— Уничтожили.

— Расточители, понимаешь. А у Билла, как думаешь, есть такая штука?

— Ежели была бы, он бы в Сербии не вошкался да и от подстилок своих бы не бегал. Левинских всяких. У них даже торсионный генератор хуже чем наш.

— Может подарить ему?

— Кто ж его знает, каким эта Америка нам потом боком вылезет? Мы и так их шпионов прежде чем поймать, разрешения в ЦРУ спрашиваем.

— Ну ладно, отдыхай, понимаешь. Да скажи, чтоб про коммуняк на заборах тоже пакости писали. Уразумел?

Президент пихнул трубку телохранителю и попытался задуматься. Последнее время это получалось все хуже и хуже. Самому уж надо вместо мозгов торсионный генератор, понимаешь, ставить. Нет, сто пятьдесят торсионнных генераторов!

2

Одноместная камера в России — это роскошь. И даже то, что стены ее были покрашены в раздражающий глаза ядовито-зеленый цвет из фильмов ужасов, первоначально Майкла не смутило. Под потолком таким же ядовито-желтым светом тлела лампочка, одетая в мутноватый плафон, оправленный металлической решеткой. Обитые листовой сталью двери, нары, малюсенькая подушка с наволочкой в разводах от частой и недобросовестной стирки, затертое байковое одеялко и видавший виды матрас — определенно роскошь.

Стены и все это сдавленное ими пространство словно впитали мысли и чувства прежних обитателей и теперь давили со всех сторон на мозг Кляйна, или, казалось, они пытаются произнести одну беззвучную букву, которая заменяет весь алфавит и одновременно вмещает в себе огромный сгусток печальной информации. Если есть в мире беззвучный стон, то именно здесь его можно услышать. Все это тем не менее казалось Майклу даже интересным, даже романтичным.

На допрос его вызвали только раз, да и говорили с ним, будто он не американский шпион, а обычный уличный хулиган, разбивший по пьяни витрину и матерно обругавший участкового. И такой подход к его персоне несколько беспокоил Майкла. Как беспокоил его и глазок в дверях, где частенько, прерывая его раздумья, появлялось «всевидящее око», а может и несколько посторонних глаз пытались заглянуть ему в душу. Именно в душу, которая вместе с немой буквой витала где-то под сероватым потолком, пытаясь критически взглянуть на бренное и расслабленное тело Майкла сверху.

Между тем двумя этажами выше над судьбой этого тела и этой души висел дамоклов меч в образе лысого генерала в штатском. Листая досье Кляйна, он поминутно вытирал платком выступающий на бледно-розовом затылке пот, шмыгал носом-картошкой и бросал молнии-взгляды на стоящего перед столом секретаря.

— Осинский про него звонил? — спросил хриплым простуженным голосом генерал.

— Так точно! — выстрелил секретарь.

— Гу-гу... А, казалось бы, так себе — шестерка. Пятое колесо в телеге. И зачем он просил торсионник на него включить? Мы бы и так его в порошок стерли? Как думаешь, Сарычев?

Секретарь сделал порыв пожать плечами, но неожиданно для самого себя засветился пришедшей мыслью:

— Наверное, нужен он ему еще...

— Правильно думаешь, Сарычев, а если ему нужен, значит, он стоит дороже, чем мы о нем знаем. И с каких это пор вонючие банкиры знают больше нас?

— С девяносто первого года, — нашелся Сарычев.

— И это правильно, — буркнул генерал, не отрывая взгляда от досье.

Раздутая от простуды и мокроты в носоглотке голова генерала Стуцаренко отказывалась работать в нужном режиме. А ему очень хотелось почитать в этой папке между строк, так хотелось, что он изо всех сил напрягал глаза, пытаясь обозначить связь между ними и разбухшим мозгом, дабы проскочила по ней искорка озарения. И от этого в голове гудело, как в топке, а на затылке, покрытом испариной, можно было жарить яишню. Надо же было простудиться в июне! Осопливел, как подросток!

— Слышь, Сарычев, а из Москвы ничего не поступало?

— Никак нет, товарищ генерал. Разрешите высказать предположение?

— Валяй.

— Я думаю, в Москве не хотят делиться игрой, или, по крайней мере, там есть кто-то, кто играет на одну руку с Осинским.

— Тоже верно. Но на одну руку с Осинским там куча народу играет. Рука-то у него мохнатая и денежная. Он же половину наших спецов перекупил да в свои службы нанял.

— Я бы не пошел! — полыхнул честолюбием секретарь.

— Жрать захотел бы — пошел, — вяло отмахнулся генерал. — А уж охрана нашего всенародно избранного у него вся в кармане. Оттуда мне тоже звонили.

Стуцаренко еще раз пробежался по скупым строчкам кляйновского досье и закрыл папку. Красными слезящимися глазами внимательно посмотрел на лейтенанта Сарычева.

— Не пошел бы, говоришь?

— Не пошел бы, — опустил глаза лейтенант.

— Ну-ну... А торсионник, Олег, все же придется включить. Мы пока свою колоду придержим. Чужая игра — потемки. А в темную надо играть, зная расклад.

— Мы ж его, с тех пор как получили, еще ни разу не включали?!

— Вот и попробуем. Шесть лет пылится, государственные деньги в него вложены. Посмотрим, что этим комбайном накосить можно. Иди, Олег, давай команду.

3

И кто сказал, что на этих островах буйная дикая природа? Так себе — есть лианы, пальмы, песочек специально для богатых туристов подзолотили и разровняли, горы в центре... Вот только там, где океан сливается с небом, образуя клубящуюся по вечерам фиолетовую черту, — вот там, наверное, и есть край света. А здесь — забытый стараниями людей и Богом уголок, туристическая провинция высшего класса, специально для любителей сервированной экзотики.

Целыми днями Ольга сидела на берегу и смотрела на океан. Где-то за ее спиной резвились Ваня-Супер и Андрейка. При всей своей ограниченности телохранитель знал много подвижных игр и составлял Андрею отличную компанию. Купаться ходили в бассейн прямо на территории виллы. Другим «развлечением» Ольга выбрала посещение единственного маркета в городке, где кроме достаточного выбора товаров, находился небольшой ресторанчик, в котором к своему удивлению она обнаружила русскую официантку. Посещая его, Ольга заказывала не только обед, но и «выкупала» на час-два Айрен-Ирину, чтобы было с кем поговорить. Андрейка с Ваней садились в таких случаях за соседний столик.

Ирина за бокалом мартини охотно рассказывала о себе. Родом она была из Анджерки, районного шахтерского центра на Кузбассе. Отец и старший брат (сколько себя помнит) все время в шахте или рядом с ней, а если уж не в шахте, то на огороде. Трудоголики. В школе училась средненько: поднатужится — четверки, а тройки вообще без труда получала. После школы решила ехать в Новосибирск, подальше от родной угольной пыли, которая в Кемеровской области повсюду. Университет показался ей слишком высокой планкой, поэтому без особых хлопот поступила в торговый техникум. А тут грянула по всей стране перестройка. Интердевочки не только в кино, но и в гостинице «Обь»

почти в открытую работать стали. И пошла-поехала сексуально-социальная революция! Первым шагом к ней стали конкурсы красоты. От колхозно-районных до общесоюзных. Водку запретили, а народ еще круче пить начал. Выстроились по всей стране две очереди: одна за водкой, другая в «цивилизованный мир». Ирина во вторую пристроилась. Неделю перед этим себя голую в зеркало рассматривала. Подруги ей специально импортных журналов мод натащили, чтобы было с кем сравнивать.

— А ты действительно красивая, — сказала ей Ольга.

— А толку-то!? Если б я еще умела пользоваться этой красотой! Красивых у нас в России с давних времен больше, чем на всем этом тухлом земном шарике, а красотой их если не мужья-алкоголики пользуются, то пройдохи всемирного масштаба.

Нет, в ней не было и малой доли от эмансипированных прокуренных богемных дамочек, участвующих ныне в многочисленных ток-шоу. Но много было разочарования и обманутости. Вот и играла Ирина в житейскую мудрость, коей до сих пор не накопила. А недостаток ее восполняла за счет прорывающейся через эмоции и речь накипи.

— Вот и я думала, что ничем не хуже красавиц заморских. Ноги не короче, а то и стройнее, личико милое, грудь – две дыньки-колхозницы, а соски, что малинки-ягодки… Вот и рискнула на конкурс красоты объявиться. Специально для этого на достойный купальник деньги у всех занимала. Сначала районный на ура проскочила! Там его комсомольские функционеры проводили, так им от меня никому не обломилось. Думали, что я вообще полная дура. В сауну после конкурса пригласили. Фигу! Они у нас специалисты по комиссарским телам. Правда хотели мне на областном подгадить, да не вышло. В жюри тоже похотливые особи сидят. Вот так и вышла я в купальнике за пятьсот баксов в люди! Смешно?

— Отнюдь…

Потом на Ирину посыпались предложения от разного рода бульварных изданий, сулили деньги большие и малые, иностранные и советские… И понесло ее… Приехал, правда, отец, пытался неумелым своим языком вразумить дочь, даже мозолистую ладонь к щеке приложил да потом понял, что дочь его уже совсем в другом мире живет. Выпил бутылку водки, прослезился напоследок и уехал со словами: Бог тебе Судья!

Из всех предложений быстро и легко заработать демонстрацией своего тела в различных обрамленьях и без них Ирина выбрала для начала ненавязчивый контракт некого Стасика — менед-

жера международного агентства топ-моделей. Уж такие у него были документы. Тот предложил сначала не работу, а отдых. Средиземноморский круиз, пробные фотографии, обучение прямо на лайнере... Да и не донимал. Появился всего раз, оставил визитку. Уверен в себе, вежлив, никаких сальностей, деловой стиль. Вот и клюнула.

На теплоходе (довольно третьесортном) все спрашивала про обучение, а Стасик отмахивался — отдыхай покуда. И все в бар девчонок водил, рассказывал о сложностях работы модели, о режиме дня, о диетах... Толково рассказывал. Не с потолка брал и не шапок нахватался. Потому и верилось ему. Вот и грезили ночами в каютах о подиумах и обложках красивых журналов.

Опомнились в Турции. На «специальной» экскурсии, которая закончилась в настоящем зиндане. Продал их всех пятерых Стасик за хорошие деньги, и никакая Советская страна их потом не искала. Загуляли, мол, девки под покровом беспредельной демократии, остались добровольно на Западе или Востоке — кому какое дело?

Турки, у которых бизнес торговли наложницами был отлажен четко, распорядились ими по-разному. Кого сразу «в расход» пустили, как товар невысокого по их мнению качества. Тешились, что называется, от души. Кама сутра — детский лепет по сравнению с их забавами. Некоторых, в том числе и Ирину, берегли. Только сфотографировали в обнаженном виде со всех сторон. Видимо, для своих рекламных буклетов. Кормили сносно, но держали взаперти. Не били, но наказывать тоже умели. Провинилась — можешь остаться на сутки-двое без жидкости: воды, сока, вина, а то и наручниками к кровати за руки и за ноги прицепят. Ирина не дергалась. Ждала. Ждала и верила, что придет и час освобождения и час расплаты. Думала, что вот-вот появятся неустрашимые кагэбешники, наворочают туркам по их кельдымам, приведут заплаканного Стасика в «браслетах» на народный суд. Но у чекистов хватало других дел, чем беспутных дур по всему миру выручать.

Через месяц Ирину продали арабскому шейху. Настоящему. У которого и дворец, и гарем, и миллиарды во всех банках. Привезли ее туда самолетом, и никакая таможня их не проверяла.

Омар (так звали шейха, или так он хотел, чтобы называла его Ирина, или только одно это из его многочисленных имен она запомнила) сносно говорил на русском языке, и в его гареме она была не первой русской. Кроме того, Омар говорил на англий-

ском, французском, немного на испанском и поэтому «находил общий язык» со всеми своими наложницами и женами.

Ирина, поняв, что отсюда просто так не сбежать, приняла новые правила игры. Шейха ублажала старательно, играла в полное смирение, как деревенская дурочка радовалась его подаркам и ругала свою прежнюю жизнь в России. С ее слов получалось, что ее не в рабство продали, а в райские кущи.

Но совсем другое происходило в ее душе. И хотя Омар весьма по-джентельменски относился ко всем своим женщинам, у нее все равно оставалось чувство, что она всего лишь одна из картинок в большой колоде карт. Захотел хозяин поиграть — вынул нужную. С большой помпезностью шейх каждую неделю выдавал своим наложницам подарки. Всем разные. Не жалел денег и на наряды.

— Но какая русская баба согласится быть просто отхожим местом для похоти? — возмущалась Ирина. — Если и скажет, что согласна, так это только для того, чтобы потом потихоньку свои права на своего же хозяина предъявить! Ты себе не представляешь, с каким победным видом заходил этот передовик-многостаночник в наши покои!

И они улыбались ему навстречу. Улыбалась и Ирина. Старательно подыгрывала его постельным причудам, и косилась на четырех официальных жен. Уж те если заметят, что какая-нибудь резвая красавица стала больше других занимать сердце и другие важные органы их муженька, то со свету сживут быстро и надежно. После ужина почувствуешь сухость во рту, головокружение, начнешь задыхаться, а то и сразу кровавой слюной запузыришься.

А ему что, он себе новых купит. Восток дело отнюдь не тонкое, а простое, как газета «Пионерская правда».

И все же Ирине удалось оттуда сбежать. Когда примелькалась она своему «шефу» (его постоянно заботили «новые покупки»), у нее появилось свободное время. Тратила она его на изучение языка, запоминание расположения комнат во дворце, парадных и запасных выходов, времени приезда служебных хозяйственных машин, а также на заигрывание с телохранителями. Последнее было не менее опасным, чем перейти дорогу женам, но этим занимались почти все европейки в гареме. Ожидание нерегулируемой очереди в спальню шейха многих не устраивало. Внешнедрессированные «янычары» (как называла их Ирина) тоже были не прочь в периоды отсутствия шефа позабавиться с белотелыми

красавицами. Делали это скрытно не только от всех, но и друг от друга. Вот вам и Восток, вот вам и пуританские нравы.

Ирина выбрала самого молодого, близкого ей по возрасту. К тому же, как потом выяснилось, он был дальним родственником шейха. И употребила все чары, которые даны красивой и не совсем глупой женщине, чтобы вызвать в нем не просто похоть, но и настоящую страсть. Арабский мальчик вывез ее сначала из дворца, а уж потом и из страны пустынь и нефтяных королей. И проехала она с ним через Индию, Непал, Бирму... В Японии от него сбежала, и вот уже пять лет работает в этом ресторанчике и ничего другого от жизни не хочет.

— В Россию? — ответила она как-то на вопрос Ольги. — После того, что меня ни разу не искали, после того, что ты мне о ней рассказала, нет, не хочу. Даже богатой там жить не хочу. Знаешь, гарем научил меня жить в маленьком замкнутом мирке, а этот остров как раз то, о чем мечталось в далеком детстве. Россия отсюда мне кажется большим котлом, куда навалили всего, что под руку подвернулось, приправили всякой заразой, со всего мира собранной, и теперь кипятят на медленном огне. Отец мой и брат, небось, вместо отбойного молотка касками на Красной площади стучат...

Последний год Ирина жила с разорившимся русским коммерсантом, которого очередной кризис в родной экономике застиг врасплох именно на этом острове. Коленька (как называла его Ирина) обратно ехать не решился, ибо опасался быть растерзанным кредиторами. Попив с месяц горькую, устроился работать техником в местном аэропорту для малогабаритных самолетов и имел там отличную репутацию. На жизнь и нехитрые развлечения им двух зарплат хватало.

Правда на Ольгу Коленька, изредка появляясь в ресторане, смотрел с недоверием, даже, казалось, с презрением каким-то. Словно она была виновата в том, что он разорился, или хотя бы в том, что вместе с ним не разорилась она или ее муж. Но именно Коленька первым предупредил Ольгу об опасности.

Как-то после обеда, когда Ольга и Ирина засиделись дольше обычного, Николай подсел к ним с видом заговорщика и впервые за долгое трезвое время заказал себе виски. Он приехал из аэропорта на своем стареньком «додже» и прямо в засаленном синем комбинезоне, словно пришел в рабочую столовую, без разрешения сел за их столик. Выпив первую порцию, он обратился к женщинам, глядя при этом почему-то на дно своего бокала:

— Ну что, тетки, влипли?

Чем можно было ответить на подобный выпад, кроме вопросительного молчания. И растерянность их тут же назначила Николая негласным командиром. Он видел, как напрягся за соседним столиком Ваня-Супер, понимающе замолчал неугомонный Андрейка, и напустил на себя еще пущей важности.

— Пока вы здесь курлычете, на наш тихий островок прибыли два очень интересных дяденьки. И, по-моему, по вашу душу, Ольга Максимовна. Откуда я такой вывод сделал? Так они между собой по-русски разговаривали, меня не стесняясь. Откуда они могли знать, что на этом завалящем аэродроме работает русский техник? А с местными они на английском якшались, выспрашивали о климате, о природе, бывают ли тут русские. А когда им сказали, что тут отдыхает одна богатая русская дама с сыном, они аж прослезились от радости. Один другому на чистом русском языке и говорит: «Ну что, Саня, просто пришьем, или, как велели, торсионник запустим?» На что Саня ему, сладко потягиваясь, ответил: «Для чего ж мы тогда целых два кофра таких тяжелущих тащили? Нам торопиться некуда, ты смотри, природа какая, девочки есть. Может, и наша дамочка ничего...» Он это сказал, я запомнил, и решил вас, тетки, оповестить. А вам, Ольга Максимовна, придется, видимо, с нами поделиться — кто это за вами охотится и что такое торсионник? Можете, конечно, отмолчаться, если в нашей помощи не нуждаетесь.

4

Под конец недели Майкл стал чувствовать себя отвратительно. И не то чтобы приболел, но хандра навалилась страшнейшая. Он целыми днями лежал, глядя в серый потолок, периодически отказывался от еды и не хотел ничего, кроме как уснуть и не проснуться. И только где-то в самой глубине мозга, в самой недосягаемой трясине его серого вещества вспыхивала порой, как искорка удивления тревожная мысль: «Что-то не то со мной. Не должно так быть». Но как еще должно быть в тюрьме, он не знал. И чем дальше, тем реже вспыхивала эта искра сопротивления непонятному его «увяданию». Собственно говоря, и мыслей-то никаких тревожащих и тяжелых не было. И вообще их все меньше становилось. Они уступали место страху, тихому и въедливому, от которого хотелось свернуться на нарах калачиком, принять

позу эмбриона, и очень хотелось, чтобы вокруг на миллионы километров не было ничего и никого, кроме непроницаемой толщи защиты.

Постепенно это состояние обострилось настолько, что звук откидываемого оконца или скрип замка отражались где-то на стенках опустевшей черепной коробки дикой болью. Звоном, пронизывающим все тело, заставляющим выпрыгивать испуганное сердце. И он бы поверил, что сходит с ума, если бы не единственная еще «живая» мысль – «хорошо бы тихо и быстро умереть». Тихо и быстро, ибо ни о каких актах насилия над своим тщедушным телом Кляйн даже помыслить не мог. Оно и так превратилось в сплошной оголенный нерв, которому не то что рукой, дотронувшись звуком или мыслью, можно было причинить боль.

Он даже не понимал, когда его вели на допрос. Не понимал вопросов, которые задает ему лысый человек в штатском. И если б мог понять, то заметил бы, что тот даже рад этому младенчеству, в которое впал американский разведчик. На вопросы Майкл отвечал односложными ответами, путая языки, а то и просто мычал, качая головой. А в один из дней рядом с лысым появился человек в белом халате, который тоже задавал вопросы и, что очень не понравилось Майклу, стал его трогать за разные части тела, видимо, не представляя себе, какую он боль и какие неудобства он ему причиняет. А Кляйн смотрел на них сквозь какую-то пелену, вяло, как детский робот, у которого подсели батарейки, выполнял их указания и даже брал, когда заставляли, ручку, знал, для чего она служит, но ничего не мог написать.

— И это только две трети мощности? — удивлялся белый халат.

— Да, это только две трети мощности, — подтверждал лысый, заботливо рассматривая Майкла, — боюсь только, не помер бы раньше времени.

— Убавьте чуток, — посоветовал белый халат, — а то это уже не депрессия, а полная деградация. Я вижу, что ему больно только по зрачкам, но он не в силах даже реагировать на боль. Хотел бы я знать, что происходит сейчас с его мозгом.

— Патологоанатомы потом покажут, — хохотнул лысый, но белый халат его не поддержал.

Майкл знал, что когда приносят еду, нужно есть. Даже если это больно и совсем не хочется, питаться нужно. И через огромное отвращение к еде он подносил к потрескавшимся искусанным

губам ложку-другую похлебки, с удовольствием выпивал только чай какого-то удивительного темно-синего цвета с привкусом затхлости. Ел он не потому, что боялся умереть, а потому что тело его «думало», а может просто выполняло по инерции то, что положено ему делать.

Еще через пару дней он окончательно забыл, кто и зачем обещал его отсюда вытащить. В камере же он чувствовал себя в относительной безопасности и хотел только одного: чтобы его поменьше трогали. Посмотри на него какая-нибудь русская бабка-знахарка, уж точно сказала бы: навели на мужика порчу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ: ALTER EGO-2

1

— Наваждение какое-то... Я уверен, Маккаферти где-то рядом. — Семен будто гадал на коньячной гуще, он безотрывно смотрел в бокал, который держал обеими руками.

Они сидели втроем — он, Степан и Сбитень за столиком уличного кафе. Разговора как такового не получалось. Настроение у всех было подавленное. Едва скрываемый гнев искрил во взглядах, если они поднимали их на окружающих. Фразы не цеплялись одна за другую, словно каждый из них произносил собственный монолог, состоящий преимущественно из многоточий и незначительной мимики.

— Надо бы собрать ребят, — сам себе сказал Сбитень.

Степан, который как никогда вдруг ощутил в себе боль своего брата, больше молчал. Они оба одинаково чувствовали каждый свою вину за гибель Наташи и не в силах были посмотреть друг другу в глаза. О ней не говорили. Просто пили без тостов, не чокаясь и не пьянея. Гнев впитывал в себя спиртное, как губка, трансформируя его в потенциальную месть. Думая об одной женщине, они невольно увидели внутри себя другую...

— А Ольга?.. — выплеснули опасения одновременно, сказав одно и то же, и в этот момент наконец посмотрели друг другу в глаза.

От озвученной синхронности рядом встрепенулся Сбитень. Уж должен был привыкнуть к такому «раздвоению личности», но очень это порой неожиданно у них получалось.

— Нет, не должны найти, — сам себя успокоил Степан. — Неужели все настолько серьезно?

— Маккаферти не бывает там, где несерьезно. Большие деньги, большая и грязная политика — вот сфера приложения его незаурядных способностей.

— А ты в Югославии здорово накуролесил? — спросил вдруг Сбитень.

— Всяко было, — ответил Семен.

— Здесь рядом есть междугородная телефонная станция, позвоню-ка я оттуда. Из дома могут засечь. — Решил Степан.

— Ольге? — понял его Семен. — Может, тебе лучше поехать туда?

— Да теперь каждый шаг, как по минному полю. Кто ж знает, как лучше? Но позвонить надо, на душе как-то муторно. Подождите меня здесь.

Степан и Семен сидели спиной к уличному движению. Сбитень сидел напротив, занимая своей массивной фигурой целую сторону стола. Но именно Семен почувствовал опасность (наверное, еще потому, что предназначалась она ему), когда Степан встал и повернулся лицом к находившейся за их спиной автомобильной парковке.

Дверцы черного джипа распахнулись, из кабины в обе стороны стремительно шагнули два парня с пистолетами, направив стволы в грудь Степана. Семену было достаточно чувства опасности, чтобы, не задумываясь над тем, как это выглядит со стороны, начать движение по касательной к этой опасности. Он бросил собственное тело, закрутив его вокруг своей оси, на землю, и ногами, как ножницами, зацепил ноги Степана. Во время падения второго в ускорившемся движении времени хлопки выстрелов расставили многоточие. Одна из пуль крепко зацепила Сбитня, разорвав его тело десятью сантиметрами ниже правого плеча. Здоровяк-Юра только качнулся на легком пластиковом, но устойчивом стуле и, принципиально сохраняя достоинство и презрение к любой опасности, весьма недоброжелательно посмотрел в сторону стрелявших. Во взгляде его можно было прочитать, что он сделает с покушавшимися, достань он их оставшейся здоровой, пусть и левой рукой. Но это был не художественный фильм, где герои позволяют друг другу обменяться перед смертельным поединком выразительными взглядами. Скунсу и Рыжему было наплевать, как на них смотрят. Они палили, не останавливаясь, и каждая секунда промедления могла стоить Сбитню жизни. Никто лучше Семена этих правил не знал. Прокрутившись по земле, он выбил ногами стул из-под Юры, и уже в следующий момент нырнул в аккуратно подстриженный кустарник, зеленым бордюром окружавший кафе.

Суматохи и визга вокруг не получилось. Несколько женщин вскрикнули и попадали под столики, а многие мужчины совершенно спокойно наблюдали за происходящим, словно находились в театре, а не поблизости от линии огня.

Ошибка Скунса и Рыжего оказалась не тактической, а стратегической. Столичная наглость криминальных разборок в северных городах еще не прижилась. Здесь стреляли чаще по ночам или в безлюдных местах. И уж совсем не рассчитывали исполнители на участие в перестрелке милиции.

Никто из них не обратил внимания на тщедушного младшего сержанта, покупавшего газеты у лоточницы на другой стороне дороги. Тот же при первом выстреле удивленно оглянулся, но уже после попадания в Сбитня занял позицию за стволом ближайшего клена. Отсутствие интереса к нему со стороны бандитов позволило сержанту старательно прицелиться из табельного «макарова» и даже прищучить любопытных прохожих. И разумеется, он не видел крайне изумленного лица Скунса, когда пуля, выпущенная из его пистолета, со страшной силой неожиданности толкнула его в спину в области сердца. Мгновение постояв с удивленным, но уже мертвым лицом, Скунс воткнул это удивление в асфальт. Рыжий среагировал мгновенно: в руках его появился второй пистолет, из которого он несколько раз выстрелил в кленовый ствол, защищавший сержанта. Между тем из пистолета в другой руке он почти не целясь, размозжил для верности голову своего павшего товарища. Садясь в машину, он продолжал палить в обе стороны, откуда ждал ответного огня.

Сержант предпочел больше не высовываться, а Семен засунул обратно во внутренний карман свою «беретту». На молчаливый вопрос брата он ответил:

— Зачем лишний раз светиться? Да и вообще уходить отсюда надо...

— Юра, ты как? — Степан склонился над Сбитнем.

Тот попытался сказать что-то бодрое, но на губах выступила кровавая пена, и он потерял сознание.

— Задето легкое, — определил Семен, — жить будет, но надо поскорей в больницу. Надо откачивать из легких жидкость...

Черный джип, визжа покрышками, рванул с места по опустевшей улице. Милиционер несколько раз выстрелил ему вслед, а Степан и Семен с огромным трудом оторвали Сбитня от земли и потащили его к машине. И пока сержант обратил свое внимание на них, они тоже запустили двигатель и помчались в противоположную сторону. Сержант вынул из пистолета пустую обойму и, осмотрев по-хозяйски место происшествия, сделал заключение:

— Беспредел, вашу мать...

2

В больнице, после того как Сбитня отвезли в реанимацию, Степан зашел к своему знакомому доктору. Маленький худоща-

вый хирург готовился к операции, но Рогозиных встретил радушно. По какой-то своей надобности он только что вымыл голову и старательно расчесывал короткий ежик седых волос перед зеркалом. Здесь же в кабинете его ожидала сестра, приготовившая все необходимое для «боевого» облачения. Увидев братьев, он безошибочно, что очень удивило Семена, определил нужного и раскрыл свои неширокие объятья:

— Степан Андреич! Сколько лет! Сколько зим!..

— Да уж, Михаил Николаевич, давненько, Слава Богу, на Вашей территории не был.

— А сегодня что? — насторожился доктор.

— Друга привез, с пулевым ранением. Легкое задето...

— Вытащим, — уверенно заявил доктор и с интересом посмотрел на Семена, — а это, стало быть, Ваш брат, воевавший на всех войнах?

— Да не на всех, — смутился Семен.

— А вот скажите мне, любезный близнец, серьезные ранения у Вас были? — с какой-то лукавинкой посмотрел ему в глаза Михаил Николаевич.

— Бог миловал.

И еще не успел доктор задать своего вопроса Степану, тот с улыбкой опередил его:

— И у меня не было. С тех самых пор как Вы мне дырку в боку залатали.

— А я ведь тогда переживал очень, что рядом печень. Вы же даже на прием не соизволили объявиться.

— Можно сейчас, — хохотнул Степан и с готовностью задрал край спортивной куртки.

Сантиметров на семь ниже правого подреберья у него был небольшой шрам. Доктор кивнул, мол, помню, но в этот момент то же самое проделал Семен, и хотя его шрам был чуть побольше в диаметре, но располагался на том же самом месте с точностью до миллиметра.

— Так и подмывает сказать, что Вы себе специально такой же сделали, — изумился доктор, а медсестра, которой позволял возраст и воспитание, даже присвистнула.

— Не специально, — будто бы обиделся Семен.

— А по времени эти ранения не совпадают? — еще больше заинтересовался доктор.

— Нет, — ответил за брата Степан, — у него позже, но он и младше...

— И тем не менее... — задумался доктор. — Вот оно, живое воплощение «Альтер эго»! Вы, братцы, «второе я» друг друга.

— Мы разные, — возразил Семен.

— А кто Вам сказал, что второе я должно быть абсолютной копией, особенно если речь идет о внутреннем содержании?! Напротив, они даже вступают в противоречие. Эх, если бы мне соответствующую научную аппаратуру да инфраструктуру, я бы с удовольствием за вами понаблюдал...

Братья насупились.

— Знаю-знаю, что вы не из любителей больничных коридоров! — поспешил успокоить их доктор. — Николай-то Сергеич, царство ему небесное, тоже не из таких был. Мало кто знает, что он от рака страдал. Не убили бы его, все равно месяца два-три оставалось.

— Вот как?! — искренне удивился Степан.

— Да-да. Именно так. Саркома. А он молодцом держался. И от лечения отказался.

— Почему? — в голос спросили оба.

— Он считал эту болезнь наказанием за все свои грехи, вот и держался, терпел, как мог...

— Да уж, ни за что бы не подумал, — признался Степан. — Но Вы, Михаил Николаевич, главное нам Сбитня на ноги поставьте.

— Его уже готовят, — опомнился хирург, — Мила, одеваться!

И завороженная близнецами медсестра тут же подскочила к доктору с ворохом хрустящей от собственной чистоты спецодежды.

Выходя из больницы, Степан напомнил Семену:

— Пора вызволять Кляйна, игра, похоже, пошла в открытую.

Семен у самой машины вдруг остановился в раздумьях и внимательно посмотрел на Степана.

— В чем дело? — удивился тот.

— Да наврал я твоему доктору. Жаловаться не хотелось. Ранение серьезное было. Помнишь, к отцу на похороны не приехал... Пару сантиметров от сердца...

3

Ваня-Супер и Коленька быстро договорились о совместных действиях. Авиатехник, используя свои темные островные связи,

за каких-то два-три часа раздобыл целый чемодан оружия, чем очень гордился. Видимо, он решил отомстить, отвоевать за все свои прежние страхи и унижения.

— Никого я так сильно не ненавидел, как соотечественников, на этом сказочном островке, — признался он, любуясь стального цвета «магнумом». — Интересно, а у этих дяденек что-нибудь подобное есть?

— Скорее всего, пластиковое, самолетом, небось, летели, — со знанием дела предположил Ваня-Супер.

— Это что у них, выходит, и пули пластмассовые?

— Выходит. Но заходят они тоже неплохо. Дырку в черепе — запросто!

К вечеру все вместе собрались на вилле. Сидели в небольшом каминном зале. Ольгу знобило, она куталась в плед и была рассеянной. Андрейка сидел у камина, наблюдая за огнем. Ирина, поколдовав на кухне вместо отпущенной прислуги, угощала всех коктейлем и горячими бутербродами. Ваня-Супер и Николай обсуждали планы возможных действий, не забывая просчитывать ходы так, чтобы не вступать в конфликт с местной, пусть и немногочисленной полицией.

— Мне бы не вид на жительство, а гражданство! — переживал Николай. — Чуть что не так, отправят на родину, а дым отечества мне противопоказан.

— Аллергия? — понимающе ухмыльнулся Ваня.

— Смертельная, — подтвердил Николай.

Между тем Ольге с каждой минутой становилось все хуже.

Она уже не могла скрывать дрожь и даже пожаловалась на сердце.

— Стучит что-то...

— У всех стучит, — попытался успокоить Николай, — не стучит только у мертвых. — И сам смутился сказанному, слишком мрачно прозвучала шутка и зависла в общем молчании, отразилась от стен комнаты, которая к тому же была отделана под такое мрачное средневековье. В подобных каминных залах алхимикам каким-нибудь колдовать.

— Я до сегодняшнего дня вообще не чувствовала, где оно находится, — попыталась улыбнуться Ольга.

— Не нравится мне все это, — прищурился на нее Ваня-Супер. — Вы если, Ольга Максимовна, не возражаете, я тихонько вокруг дома прогуляюсь. Осмотрюсь.

— Не возражаю. Только недолго, а то мы за тебя переживать будем. А мне бы прилечь...

— Торсионник, говоришь? — переспросил к чему-то Ваня-Супер у Николая.

— Ага, — кивнул тот.

— Ты с ними побудь, открывать будешь только по такому стуку, — и Ваня постучал по креслу-качалке, в котором до сих пор задумчиво раскачивался, подражая, вероятно, героям фильмов о мафии, коих пересмотрел несчетное количество.

Из дома было два выхода, но Ваня предпочел воспользоваться узким окном из подвала. Более того, до решетчатой в человеческий рост ограды он полз по-пластунски, будто шел в разведку. Ваня, как и многие другие, побывавшие на войне, чувствовал опасность. Достаточно ему было посмотреть на Ольгу, как он ощутил неприятный холодок в груди, а натренированное тело потребовало немедленного действия. При этом поступал он в таких ситуациях больше инстинктивно, нежели осознанно.

Возле ограды он затаил дыхание и стал прислушиваться. Недалекое дыхание океана, музыка из недалекого бара, голоса... То же наитие подсказало ему, что искать надо со стороны окон каминного зала. Если бы Ваня-Супер был романтиком, он по достоинству оценил бы зловещий вид виллы на фоне темно-фиолетового с набежавшими тучами неба, когда зелень вокруг тревожно мечется вслед за порывами ветра, а ядовито-желтая луна в просвете туч доливает в пейзаж мистического света. Выстроенный же из серого камня дом с четырьмя башенками на крыше напоминал средневековый замок. Ваня не читал, к примеру, Вальтера Скотта, потому что вообще не читал, да и не смотрел исторических фильмов, все больше боевики, но именно это подпитывало его интуицию воина. Все, на чем строится место действия в подобного рода книгах и фильмах, для него отсутствовало. Он всматривался в кусты за забором, как в возможное гнездо снайпера, он использовал наплывающие на луну тучи, чтобы переползти на новую позицию. Мистический ужас был ему незнаком, зато он знал, как у человека, попавшего ночью в засаду, под перекрестный обстрел, начинает, сбившись с ритма, колотить сердце, точно рвется во все части тела. И только бывалые вояки способны загнать собственное сердце в отведенный ему угол и уже больше не замечать в пылу боя. До времени...

Но есть люди, которые любую засаду начинают чувствовать еще за километр-два. В разведроте, где Ваня остался на сверхсрочную, таких людей было двое — он сам и командир. Подобные способности людей находятся на грани мистического, изучаются

разного рода медиумами, парапсихологами, о которых Ваня и другие воины от природы знают только понаслышке или читают в бульварно-сенсационных газетах. Но вряд ли кто из этих экстрасенсов смог бы объяснить солдатам, почему это чувство подвело однажды умудренного опытом командира, а к мнению старшины Ивана Супракова он не прислушался. И с тех пор Ваня «ползает за линию фронта» в одиночку, а командир и половина вверенной ему роты могут целую вечность гадать — армянская или азербайджанская пуля остановила их навсегда. «Советская», — определил для себя Ваня-Супер. И еще он усвоил, что не всегда следует доверять знаниям и опыту, если есть чувство, его не грех и проверить. Именно этим он и занимался, обползая виллу по внутреннему периметру невысокой чугунной ограды. И было ему глубоко наплевать, если вдруг неожиданно наступит день, и прогуливающиеся по аллеям импортные толстосумы увидят его лежащего ничком в экзотической растительности или уже вставшего в полный рост, чтобы с привычным сожалением осмотреть заляпанную травяным соком и землей одежду.

Но сейчас подниматься на ноги было еще рано. Выплывшая в просвет туч луна позволила ему уловить подозрительный блик в густом кустарнике как раз напротив горящих окон второго этажа, где остались Ольга, Ирина и Николай. И теперь предстоял неприятный путь обратно на задний двор, чтобы там незаметно перемахнуть ограду. Увиденный Ваней блик очень походил на снайперскую оптику, но уж слишком откровенно она торчала из листвы, да и диаметр ее был великоват.

К тому же месту, но уже с другой стороны забора Ваня приблизился только минут через пять. Увиденная им картина больше напоминала задремавшего астронома, нежели спецагента на задании.

На небольшой полянке в раскладном деревянном кресле дремал одетый в спортивный костюм мужчина, рядом — аппаратура непонятного назначения: черный металлический куб с идущим от него кабелем к какому-то подобию телескопа, направленного на окна виллы. От черного куба кабель шел к стоявшей поодаль машине. Двигатель не работал, но Ваню смутило другое — он нигде не видел напарника «астронома». Выждав еще несколько минут, Супраков подкрался к беззаботно почивавшему наемнику, левой рукой резко вскинул его подбородок, а правой начал душить, сгибая ее в локтевом суставе. Через полминуты все уже было кончено, но тело «астронома» Ваня-Супер оставил в том

же положении, в котором его нашел. Предусмотрительно отключив кабель от черного ящика, он залег в кустарнике.

Второй появился только через полчаса. Он был изрядно выпивши и беззаботно размахивал початой бутылкой, к которой ежеминутно прикладывался. Он разговаривал сам с собой о девицах из бара, а подойдя ближе, окликнул «астронома»:

— Саня! Прикемарил?! Я уж думал, эта сучка давно в окно выбросилась... Виски будешь?

Саня, разумеется, ему не ответил, и напарник, поставив бутылку на землю, начал мочиться на колесо собственного автомобиля.

— Аккумуляторы еще не сели?! — это последнее, что он успел сказать до того, как на его голову опустилась рукоятка пистолета.

«Может быть, важно знать, кто его послал?» — подумал Ваня-Супер, уже нанося второй удар лежащему на земле напарнику некоего Сани. Убедившись, что и этот мертв, Супраков позволил себе расслабиться и приложился к бутылке виски, доставшейся ему в наследство. «Астронома»-Саню он аккуратно усадил на заднее сидение автомобиля, а его напарника упаковал в багажник. Бережно собрал их аппаратуру и даже кресло.

На условный стук двери открыл Николай. Увидев за спиной Вани автомобиль, он удивился.

— Катафалк, — опередил его вопрос Супраков, — лопаты есть?

— Зачем лопаты? Рядом океан...

Все также кутаясь в плед, спустилась Ольга.

— Что там, Ваня? — выглянула она за дверь.

«Ничего, мэм», — хотел по-американски отрапортовать Ваня, но вдруг в сердцах даже сплюнул: тоже мне, кадр из фильма!

— Как Вы себя чувствуете, Ольга Максимовна? — ответил он вопросом на вопрос.

— Уже лучше, даже странно как-то...

— Ничего, скоро будет совсем хорошо, — заверил Ваня.

— Ты кого-то убил? — испугалась Ольга.

Супраков не ответил, он молча выгружал из машины непонятную аппаратуру.

Убил? Да, убил. И не испытывал при этом никаких там мук совести. Из всего, чему его учили, старшина Супраков на первое место ставил главное: только мертвый враг не приносит вреда. «Убей, чтобы не убили тебя», — так, кажется, напутствовал их перед первой операцией комроты. И еще Ваня знал точно, что жизнь его хозяйки, а тем более его собственную остывающие в

машине «астрономы» ни во что не ставили. Их подвела наглость и самоуверенность. Такие забивают людей прямо на автобусных остановках или в других общественных местах насмерть, уверенные в своей силе и безнаказанности. И довольно часто в наше время им это сходит с рук.

— Надо переезжать отсюда, — сказал Ваня-Супер Ольге и услышал в своем голосе тон командира роты.

4

Майкл и не подозревал, что его вывели на свет Божий...

Семен и Степан ничего у него не спрашивали, потому что онемели от увиденного. Худущий, какой-то скукоженный старикашка вышел за ворота специзолятора. Провожавший его прапорщик передал братьям сумку Кляйна и посоветовал:

— Вы его поддерживайте, а то он на землю садится, идти не хочет. Сидит себе, медитирует. А тронешь — ныть начинает. Бежать от такого нытья хочется.

— Мне кажется, мы его подставили, — уже в машине сказал Семен.

— Что они с ним делали? — Степан внимательно смотрел в глаза Майкла. — Глаза... — он не договорил.

Бледность лица подчеркивала их особую просветленность. Майкл смотрел в одну точку где-то за лобовым стеклом. Окружающее его не интересовало. Он смотрел не наружу и даже не внутрь себя, а в какой-то совсем иной мир. И обесцветившиеся его глаза без всякого другого выражения на лице улыбались. Будто он знал внутри себя нечто такое, что недоступно земному пониманию. Какие райские кущи он видел?

— Глаза, как у ребенка, — определил Степан. — Наверное, для него требуется специальное лечение?

— Мне кажется, есть человек и есть место, где ему смогут помочь, — задумался Семен.

— Сядешь за руль?

Отца Николая они застали выходящим после службы из ворот Знаменского собора. Увидев близнецов вместе, он нисколько не удивился.

— Я ждал вас... — и тут же обратил внимание на Майкла, который осторожно вышел из машины и подсел к стае прикормленных у храма воркующих голубей.

— Это иностранец, Майкл Кляйн, — объяснил Семен.

— Он что, побывал в аду? — спросил отец Николай.

— Во всяком случае — где-то рядом, — ответил Степан.

— Я хотел бы заказать сорокоуст... За упокой... — Семен потупился, до крови закусив губу.

— Девушка? — догадался священник.

Семен кивнул и отвернулся, чтобы скрыть подступившие слезы.

— А этого, — Степан кивнул на Кляйна, — если можно, мы хотели бы на время оставить у Вас. На время. Мы заплатим...

— Вы уже достаточно заплатили, и кто знает, сколько вам придется платить еще, — отец Николай пристально посмотрел на Степана.

Тот не выдержал его взгляда и отвел глаза, опустил голову. Священник подошел к сидящему на корточках Майклу и положил ему руку на плечо. Тот встрепенулся, словно его слегка ударило током, и с интересом посмотрел на отца Николая. Выглянул из другого мира, даже, показалось, осмысленно. Но нет, снова повернулся к голубям и стал наблюдать за их возней вокруг кормушки с крупой и хлебным крошевом. Правда, не начал ныть, как обещал прапорщик.

— Я попробую ему помочь, — сказал отец Николай, — хотя он сейчас, может быть, ближе к Богу, нежели я.

— И все-таки нам он нужен в этом мире и в своем уме, отче, — заметил Семен, — если воспользоваться аллегорией, то можно сказать, что он знает, в чьих руках ключи от врат ада и с каким секретом там замок.

Когда братья уже садились в машину, отец Николай, все так же стоявший рядом с «медитирующим» Кляйном, смотрел им вслед.

— Как думаешь, — обратился он к Майклу, наверное, не рассчитывая на ответ, — это двое из одного или один из двух?

— Это не Каин и Авель, — ответил вдруг Майкл, не поворачивая головы.

Священник удивленно посмотрел на него, покачал головой, соглашаясь, поглаживая бороду.

— Но это и не Пересвет и Ослябя... Времена другие...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ: ЗЕМЛЯ ПАВЛОВА-2

1

«Боеспособных» теулинских мужиков собралось немного — вместе с Павловым, Семеном Рогозиным и дедом Мониным еще пять человек. Но эти пятеро, как и Монин, были прирожденными охотниками, для которых тайга была родным домом. И долго им объяснять суть и смысл боевой задачи не пришлось. Только самый большой, но одновременно самый добрый пятидесятилетний Егор Корчагин нет-нет да спрашивал, а может и настраивал себя таким образом:

— Неужто придется в людей стрелять? А то погоняли бы их просто так, взяли бы по дрыну — и ну по спинам окучивать?

— Нет, Егор Васильевич, надо будет стрелять, и стрелять надо будет метко. Ты их пожалеешь, они же тебя — никогда. Это тебе не на танцах мужиков с соседней деревни веслом гонять...

Все хохотнули, ибо случаи такие в корчагинской молодости происходили довольно часто — выходил Егор Васильевич один против двух-трех десятков мужиков и всегда же выходил победителем. А драться ему приходилось в основном за свою будущую жену — красавицу Валю. Кулаком не бил, боялся зашибить насмерть, в основном раскидывал по сторонам, а надоедали шибко – хватал дрын или весло, или деревцо какое выкорчевывал — и айда толпу гонять. А после того обычно проходили объяснения с участковым, где Егор Васильевич печально вздыхал, ибо закон он уважал и всю вину брал на себя. Погорячился, мол...

Дав мужикам отпустить пару добрых шуток в адрес местного силача, Павлов продолжил инструктаж.

— Главное помните: если мы дадим им рассредоточиться — нам туго придется. Там не просто бандиты, там хорошо обученные бандиты.

— А может, их по ногам стрелять? — предложил дед Монин. — Нам ведь тоже отвечать придется, ежели мы первые палить зачнем.

— И то правда, — поддержал Семен.

Степан сидел в углу, как будто все происходящее его никак не касалось. Мужики украдкой косились на него, поражаясь его сходству с Семеном. А он смотрел куда-то в одну точку на потолке, думал об Ольге и Андрейке. Еще вчера утром Семен отговорил

его брать с собой ребят из города, уверял, что деревенские справятся сами, а все сегодняшние разговоры вызывали у него чуть ли не пренебрежение к этим гуманным простакам. По ногам они будут стрелять! А те? Господи, да где это вообще все происходит?! Неужели в стране, где он родился и вырос, до сих пор не кончилась гражданская война?! Это ж не интервенты какие-нибудь прилетят сюда захватывать поселок. А может, они и есть интервенты? Чужие на своей земле. И когда-нибудь все равно придется отражать это нашествие, иначе темнота окончательно сгустится, охватит своими слизкими лапами всю Рассею-мать, и не прокричать будет ее ни через какие там парламенты-думы, ни через какие газеты, которые еще говорят с народом на его родном языке... А ведь готовился к этому Степан Андреевич! Не зря же сыну репетитора по английскому языку нанял, поставил в его комнату последнюю модель компьютера и даже к Интернету прицепился, дабы не отставать от мирового сообщества.

Может быть, прав Семен? И не ветряные мельницы это вовсе, а самые настоящие враги. Страшные, как зомби, которых и убить-то непросто, убьешь одного — два на его место приходят, будто головы у Змея Горыныча вырастают. И чтобы победить их, нужна какая-то чистая святая молитва, которую всяк на своем месте по всей стране одновременно произнести должен.

— Для них оправдано все, что выгодно! — объяснял Семен мужикам, словно думал о том же.

Потом стали прикидывать огневую мощь теулинского отряда. Выходило не так уж плохо: у Рогозиных по карабину «Тигр», «Калашников», два пистолета, у деда Монина старенькая, но надежная вертикалка «Зауэр», картечь и медвежьи пули, у Корчагина — «Сайга», у Павлова — СКС, у низкорослого Тюлина — ТОЗ-16, у чернявого хохла Денисенко — тоже, Филиппов откопал где-то в дедовском сарае винтовку Мосина, которая с той самой гражданской войны не дострелялa, и оглядевшись по сторонам — нет ли посторонних — победно выложил на стол две «лимонки»...

— Мужик, у которого брал, побожился, что они боевые, — объяснил.

Павлов и Рогозины хохотнули. А два кума Фоменко и Ковтун расчехлили целых четыре «ижа» разных калибров.

— У них могут быть гранатометы, да вообще все что угодно, — высказался наконец из своего угла Степан.

Мужики понимающе кивнули, мол, не совсем еще тут в лесах одичали.

Семен достал из стола самодельную карту, где была нанесена злополучная поляна и ведущая к ней тропа, и стал наносить карандашом диспозицию, попутно объясняя теулинским ополченцам задачи для всех и каждого, а также возможные варианты развития событий.

— Только бы поляна чего-нибудь своего не учудила, однако, — задумался под конец дед Монин.

— Неужели то, что Кляйн рассказывал про нее, правда? — усомнился Степан.

— Еще как! — в голос ответили мужики.

— Главное, чтобы его предупреждение о десанте Кобрина не было бредом сумасшедшего, — Павлов внимательно посмотрел на братьев, словно надеялся увидеть на их лицах опровержение своим словам, — все-таки не верится, что пусть даже беспредельно богатому банкиру придет на ум, никого не спросясь, захватить целый поселок и прилегающие к нему территории. Да и в аппарат я этот не очень-то верю...

— Жаль, ты Кляйна не видел, — перебил его Семен.

— Все свое детство мечтал на войне побывать, фашистов бить, — признался вдруг Егор Корчагин, — а до седых волос дожил и вся страна в плен попала. Ах, яти их!..

— Ничего, — недобро зыркнул исподлобья Тюлин, — земля у нас большая, есть ишшо куда отступать, да и похоронить их всех места хватит.

Все замолчали и как-то одновременно посмотрели в окно, куда потянулась напряженная, как ток в высоковольтных проводах тишина, где еле заметно густели сумерки, словно напитывались от вечно не просыхающей грязи на проселках. Пасмурный вечер обещал прохладную ночь, а уж что будет завтра — одному Богу ведомо...

2

Ах, не по душе Кобрину была последняя задача, поставленная Осинским. Куда-то в тайгу — дюжина вооруженных до зубов бандитов, армейский вертолет... Маленькая горячая точка на севере?

— Ты там местным старикам и старушкам скажи, что охранять их прилетел, — насмешливо успокоил его накануне Осинский. — Мы их всех в хорошие места и благоустроенные дома

переселим. Обеспечим беззаботную старость, все будет, как полагается. Так что пусть твоя солдатская совесть тебя не ест!..

Как же — не ест! У самого Кобрина жила в такой же заброшенной деревушке под Воронежем мать. И почему-то ярко представилось ему, как садятся за околицей вертолеты, и одетые в камуфляжную форму боевики рассыпаются по деревенским улочкам, вваливаются в незапертые дома и выгоняют на улицу удивленных и напуганных стариков... Фашизм какой-то! Он представить себе не мог, что бы он сделал с человеком, который грубо толкнет его мать в спину, выгоняя ее из собственного дома! И пусть даже ей предложат, как обещал Осинский, благоустроенную квартиру, в чем Кобрин очень сомневался, он рассматривал бы это, как покушение на дом своего детства.

А тут еще в последний момент навязался в их группу этот самовлюбленный кисломордый американец. Везде лезет со своими советами, ревностно следит за каждым шагом Кобрина. Видать, не накомандовался у себя дома. Спец он, может быть, и неплохой, советы порой дельные дает, но с такой вечно недовольной мордой ему лучше бы в платном туалете кассиром работать. Зашел, глянул на такого, и сразу в кабинку!.. Все равно как-нибудь да вывернет.

Уже в вертолете Кобрин внимательно присматривался к каждому из своих бойцов. Те старательно выдавливали из себя наружу каменные лица. Насмотрелись голливудской стряпни о суперменах в камуфляжной форме, теперь стараются — играют под крутых. Того и жди, начнут орать: «Так точно, сэр, никак нет, сэр!» Вот уж когда Маккаферти расплывется в счастливой улыбке. А может наоборот скорчит такую же каменную рожу и пролает что-нибудь командное. На плечо!.. Тьфу, через плечо ему...

Половину этих парней обласкала бы армия, если б в силах была. Пока что ее ласки только для русских Маккаферти и хватает. Да наверное половина из них «осиротели», покинутые отцами командирами, уйдя из разведрот и спецназов, где по полгода, а то и больше не выплачивали денежное довольствие. Ельцин же только и подкармливает дивизию Дзержинского да Кантемировскую. Вдруг ему опять придется неуемных москвичей вокруг Останкино отстреливать. Говорят, когда готовился арест Берии, Жуков нагнал под Москву и в саму столицу части из провинции, хваленым гвардейцам не доверял. Вот уж кто мог, как Минин, кликнуть, и вся армия за ним бы пошла. Вымел бы на хрен всю заразу из Кремля. Никита хоть и дурак был, но тоже до этого

додумался, и отправил прославленного маршала командовать Уральским военным округом...

Вертолет завис. Рядом засуетился Маккаферти, пытаясь вылупиться в иллюминатор за собственной спиной.

— Это есть та самая поляна? — спросил он.

— Мы же вместе с Вами здесь были, — недовольно ответил Кобрин.

— Тайга везде одинаковая, трудно запоминать, — пожал плечами генерал и тут же перешел к советам. — Я думаю, не надо садить вертолет на землю, всем прыгать с небольшой высоты, а вертолету быстро улетать. Когда мы проверим территорию, мы вызовем его по рации.

Кобрин и сам подумал об этом, но сейчас его буквально передернуло от очередного совета. Бросив на американца пренебрежительно-насмешливый взгляд, он съязвил:

— Что, боитесь русских дедушек и бабушек со «стрингерами»?

— Я думаю нас тут будут не хлеб-соль встречать, — спокойно ответил Маккаферти и, чуть подумав, добавил: — Вы еще не знаете этого Рогозина. Это дьявол! Он появляется везде, где пахнет порохом.

— Вообще-то, операция готовилась тайно...

— Предосторожность никогда не мешает, — увидев, что Кобрин побагровел от внутреннего раздражения, Маккаферти переменил тон, — нет-нет, я не командовать, я просто давать нужный совет, Вам сейчас надо думать об очень многом, — даже с акцентом заговорил.

— Зае... ты со своими советами, — хотел сказать Кобрин, но только вздохнул и буркнул куда-то в сторону, — заелись вы там в своей Америке.

Между тем, сделав круг над поляной, вертолет пошел на посадку. Кобрин нашел компромисс между самолюбием и советом Маккаферти и заглянул в кабину пилотов.

— Двигатель пока не глуши. Только по моей команде... – и первым, когда до земли оставалось еще метров пять, выпрыгнул из салона.

Упав на носки, завалился на бок, пружинисто покатился по траве, чтобы амортизировать удар о землю и одновременно не быть мишенью. Кто его знает, может и прав этот американский вояка. Тайга, она и в Африке джунгли...

Следом за Кобриным посыпались его ребята. Маккаферти был последним. Вертолет уже коснулся земли, а генерал, присев

на корточки, пристально глядел по сторонам, всматривался в окружающий, как ему казалось, очень не дружелюбный лес.

И стоило американцу ступить на землю, как лес этот ожил разнокалиберными залпами со всех сторон. Уже откатываясь в сторону, Маккаферти угловым зрением заметил, что местные робин гуды несколько раз попали в мотор, и он задымил. Тут же на землю вывалились, матерясь, пилоты. Кобрина нигде не было видно. Осторожно переползая с места на место в необычайно густой и высокой траве, Маккаферти определил «пробелы» в кольце окружения. К одному из них он и пополз...

— Братва! Всем рассредоточиться и лежать! — раздался наконец-то голос Кобрина. — Ответного огня не открывать, сразу срисуют! Расползаемся в радиусе двадцати метров, а то вертушка может рвануть! Мы работаем по рации! Против нас работают охотники!..

Только он выкрикнул последнюю фразу, лес огрызнулся длинной очередью из «калаша». Она скосила траву над головой Кобрина, перепрыгнула на фюзеляж вертолета, из кабины пилотов брызнули стекла.

— Серьезные ребята, — уже самому себе тихо сказал Кобрин.

Ему вдруг подумалось, что вот так и нужно защищать свою землю, не давая врагу даже подняться. И очень хотелось не отстреливаться, а пожать руки этим неизвестным защитникам. Там, в Москве, где ему приходилось воевать со свинячьими мордочками (как он называл денежных и политических воротил), он делал это с удовольствием. Он искренне помогал им убивать друг друга. Он не испытывал угрызений совести и не содрогался от сострадания, когда они с Осинским посещали похороны павших в борьбе за ограбление народа товарищей и конкурентов. Он стоял со скучающим видом за спиной босса, которому приходилось вымучивать из себя скорбное лицо, наблюдая, как увешанные изумрудами, бриллиантами и золотом вдовушки с воплями падали на гробы, а товарищи по оружию давали клятвы найти и отомстить. Никто никого не искал. Никто. Товарищи тут же делили порцию павшего между собой, если ее не забирал еще более сильный целиком. А вдовушки уезжали развеяться куда-нибудь на Карибы, где их облизывали бронзовые мальчики-альфонсы и где их предусмотрительные мужья откладывали баксы на черные деньки, если вдруг народу опять что-либо не понравится.

Стоишь над гробом такого вот «товарища», как на скотобойне, и вспоминаешь, каким еще три дня назад он был крутым.

Он был ХОЗЯИНОМ ЖИЗНИ! Причем хозяином жизни всех, так он считал. Но на поверку оказалось, что даже своей жизни он не хозяин. И какой бы шикарный памятник ему не поставили на самой дорогой и престижной кладбищенской аллее, о нем уже через год, а то и раньше никто не вспомнит. Даже родственники.

Ах, как хотелось бы Кобрину взглянуть на тех, кто сейчас «партизанит» из леса! И пока он задумчиво смотрел на рацию, прежде чем отдавать команды по номерам, кому какой подавить сектор обстрела, куда жахнуть из гранатомета, за спиной жахнул вертолет! Огненными брызгами и кусками искореженного металла машина последний раз поднялась в небо, а здоровенный кусок одной из лопастей очертил на небольшой высоте невообразимую, какую-то спиралевидную дугу и срезал вершины нескольких елей. Там и упал, где-то у края поляны. Вот, наверное, Маккаферти сейчас злорадствует. После взрыва вертолета Кобрин понял, что «партизаны» живыми их отсюда не выпустят. И мысли его тут же нашли подтверждение, когда один из его бойцов не выдержал и, согнувшись пополам, побежал в сторону леса. Точный снайперский выстрел тут же уложил его обратно в траву. Стреляли, правда, как показалось Кобрину, не на убой — в плечо. Или уж показалось?

— Не высовываться! — крикнул он в рацию.

— Первый, что дальше?! — позвал его кто-то, и в этот момент наступила тишина.

— Не стреляйте покуда! — наверное так звучали иерихонские трубы.

Но это был голос человека, который, поднявшись во весь рост, шел к центру поляны со стороны опушки. Огромный седовласый здоровяк, будто ожили былинные богатыри.

— Не стреляйте, сынки, разговор есть! — трубил он.

Кобрин опомнился и тоже буркнул в рацию:

— Не стрелять, говорить с ним буду я. Доложите, как поняли.

Стали отзываться по номерам. И Кобрин старательно считал их. Вроде, все живы. Молчат только двое. Видимо, тот нервный, которого зацепили, и... Маккаферти. В том, что он жив, Кобрин не сомневался, но что ждать от него?

Егор Васильевич Корчагин, размашисто шагая к центру поляны, где дымили останки вертолета, Маккаферти не заметил. А у того чуть не остановилось сердце, когда в двух метрах от него проследовал человек, у которого и рост и ширина в плечах были одинаковые. Он даже забыл, что у него есть подаренный Осин-

ским «стечкин». «Это что, особая сибирская порода русских?» — с ужасом подумал он, представив себе, что это не единичный экземпляр. И все виденные им по всему миру «качки» разом померкли в его глазах, отказывавшихся верить природным габаритам сибирского лесоруба.

На своем месте крякнул от увиденного и Кобрин. Но ему, в отличие от Маккаферти, необходимо было подняться навстречу гиганту для ведения переговоров, что он и сделал, ощущая на себе скрестившиеся невидимые лучи оптических прицелов.

— Здравствуй, сынок, — дружелюбно поприветствовал бывшего майора Егор Васильевич.

«Здоровей видали», — хотел по привычке задиристо ответить Кобрин, но не смог, потому что здоровее-то он как раз и не видел.

— Будь здоров, батя, — это он постарался сказать ничегоневыражающим, этаким беззаботным тоном.

Мог он, конечно, шепнуть своим, чтобы пока идут переговоры, расползались в этой густой траве и тихонько делали свое дело, но не стал. А вот почему не стал, самому было непонятно.

— Че ж вы, ребята, свою собственную землю воевать приехали? — продолжал Корчагин. — Какой вас Гитлер сюда послал?!

И голос его злосчастная поляна каким-то неимоверным образом усиливала. Слова неслись со всех сторон, точно отражались от зеленой стены леса или вокруг поляны стояли многомощные невидимые динамики, а где-то в кустах припрятан ревербератор, потому как каждая фраза сопровождалась гулким эхом. Самого Корчагина такой эффект нисколько не смущал. Вышел, что называется, дедушка Святогор из сказочных лесов поговорить...

Ох и корил их Егор Васильевич на чем свет стоит. С абстрактной точки зрения да в лишенной нынешнего контекста ситуации могло показаться, что вышел раздосадованный батяня поунять разгулявшихся сынов. И Кобрин сам не заметил, как опустил глаза в землю.

— А нам-то каково? Нешто нам в удовольствие молодых ребят отстреливать? Сколько можно нам друг в друга стрелять на радость врагам нашим? Это ж, почитай, с семнадцатого года уняться не можем! В Москве-то вашей уже давно одни неруси правят! И вы этих нерусей слушаете?!..

Корчагинский пафос до Кобрина уже не доходил. Он вдруг подумал, что в очередной раз остался без работы. И испытал от этого осознания огромное облегчение.

— Да у нас тут работы непочатый край!.. — Словно прочитал его мысли былинный дед.

«А что теперь сделает Осинский? — думал о своем Кобрин, — чеченов пошлет? Те, если полные дураки, согласятся, но тут им все Буденновски припомнят...»

Кобрин привыкал к давно забытому чувству неопределенности и пустоты, ожидающих его впереди. Он прислушивался к ним и сверял самого себя с самим собой. А не прорвется ли из какого-нибудь закутка души равнодушная злоба? Вроде прижилась за последние годы. Нет, только пустота и усталость...

Он поднес к губам рацию:

— Всем медленно подниматься, оставив оружие на земле, руки на голову...

И не было никакой обиды, что переиграли его какие-то деревенские мужики.

3

Увидев, как сдаются боевики Кобрина, Степан Рогозин не поверил своим глазам. С тех пор как Корчагин, нарушив все инструкции, пошел на врага «с открытым забралом», Степан предполагал самое худшее развитие событий. Он ждал, что вот-вот у края поляны появятся парни в камуфляжной форме, каждый из них уже давно получил на уничтожение свой сектор обстрела. Ждал, что вот-вот их командир предательски выстрелит в широкую корчагинскую грудь, а сам мгновенно упадет в высокую траву, где пули и картечь деревенских мстителей его не достанут. Но кобринские бойцы поднимались без оружия, подняв руки...

Этому отказывался верить весь предыдущий «боевой» опыт Степана. Такого просто не могло быть! Людям, которых привел с собой Кобрин, уже давно наплевать, где и в кого стрелять. Они избалованы деньгами и безнаказанностью, они повязаны кровавым братством, они не признают никаких законов, кроме права силы... И уж какое особенное слово сказал им Егор Васильевич? За какую последнюю извилину в их мозгах оно зацепилось? Удивительно, правда, было, как звучала речь Корчагина над этой проклятой поляной, и все это время казалось, что и дальше начнет происходить нечто удивительное или чудесное. Но капитуляция московских головорезов выходила даже за рамки удивительного.

Степан даже встал из своего укрытия в полный рост, пытаясь получше всмотреться на происходящее в центре поляны. С расстояния в полторы сотни метров он мог видеть, как поднялись из густой травы одетые в камуфляж парни. Понурив головы. Кто держал руки над головой, а кто за головой. Между тем, их командир продолжал о чем-то беседовать с Корчагиным, правда голос Егора Васильевича теперь уже не был слышен, словно трубный глас с неба. Двое делали перевязку раненому...

Вдруг с противоположной стороны поляны прозвучал выстрел. Все встрепенулись, камуфляжники, казалось, готовы рвануться с места — назад к оружию. Но из них никто не упал. Зато появившийся на краю поляны Тюлин с этой стороны едва был заметен. Он старательно махал стволом своего ружья, показывая, что все нормально. Объяснения его еле достигли ушей Степана.

— Рыжий какой-то зарезать меня хотел!.. — кричал Тюлин. — Так что я самооборону применил! Нафаршировал я его! Ага!.. А че делать было!? Глаза-то у него бешеные...

— Да он и есть бешеный, псих, садист, — определил Кобрин.

— Не есть, а был, — поправил Тюлин, стараясь держаться так, будто ему ежедневно приходится отстреливать садистов.

— Ты бы пересчитал своих, — посоветовал Корчагин.

— Да вроде все, одного только нет, но он не мой...

Этого разговора Степан не слышал. Павлов, Семен и другие мужики уже стягивались к центру поляны. А он почему-то не чувствовал общей наступившей разрядки. Наверное, для этих мужиков война уже кончилась. И если сделают по-умному, то заныкают где-нибудь в теулинских сараях целый склад оружия на случай повторной экспансии от сильных мира сего. Это не город, где зажатый бандитами в угол обыватель судорожно вспоминает, под какую ему «крышу» кинуться. А ведь прав был Семен... Сами-то они не хуже управились. Может, бросить все, забиться в этот таежный угол, отстроить его, привезти сюда Ольгу и Андрейку?.. Да нет, привыкли уже к цивилизации. Но погостить можно. Что же дальше-то будет? Может ли быть в этой стране «нестреляющее» будущее?

— Мистер Рогозин? — услышал Степан за своей спиной. — Поворачивайтесь медленно, карабин положите на землю.

Выполнив требование, Степан повернулся.

— Давно не виделись.

Метрах в пяти от него стоял седоватый мужчина в такой же камуфляжной форме, как и у боевиков на поляне. Его «стечкин»

был нацелен в грудь Степана. Что-то резко отличало его от всех виденных им крутых. Какая-то особенная стать. Интеллигентная, чисто выбритая морда? Вот только ненависти во взгляде даже больше, чем у любого отморозка. «Еще один псих, — подумал Степан, — только в годах». И еще пытался думать о том, как добыть из-под спортивной куртки «макарова». Почему-то не думалось. Зато была уверенность, что седой через несколько секунд выстрелит. И холодно было в груди и обидно, что ничего уже нельзя сделать.

— Тебя ж здесь загонят, как зайца. — Единственный аргумент против пули нашелся у Степана.

— Я есть иностранный гражданин, — уже специально коверкая слова, углубляя акцент, ответил Маккаферти. — Меня надо будет судить. А я делать вид, что защищался. В моей стране не принято бросать своих граждан на территории стран третьего мира!

— Ах ты сучара американская! — не выдержал Степан. — Доберемся мы еще до вашего вертепа...

— Узнал, — скривился Маккаферти.

«Семина пуля-то», — улыбнулся последнему повороту судьбы Степан Рогозин.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ: ALTER EGO — 1

1

Мужики стаскивали в одну кучу оружие «гостей». Корчагин и Кобрин спорили о чем-то, как старые друзья.

— А Степан-то где?! — опомнился вдруг Семен, и тут же на северо-западном краю поляны грохнул выстрел. Откуда-то изнутри ударило в грудную клетку, а потом сдавило так, что не продохнуть. Вот-вот, казалось, лопнет от такого напряжения старый шрам. И досада, и боль, и гнев — одновременно. — Маккаферти! — прохрипел Семен, и на этот хрип оглянулись все.

Все, кроме самого Маккаферти, ибо двух Рогозиных его разум воспринять не мог. Он уже бежал, не разбирая дороги, куда-то в чащу.

Семен же быстро оправился и твердым голосом напомнил о своих командирских полномочиях:

— Павлов и Тюлин со мной! Остальные присмотрите за ребятками.

— Там болото, Сема, я его знаю, — остановил его дед Монин, — а бегаю я не хуже вас молодых.

— Взял бы и меня, — зыркнул исподлобья Кобрин.

— Пошли, — махнул стволом «калаша» Рогозин и первым ринулся к опушке, рассекая травяное море.

Степана он увидел сидящим под кедром. На спортивной куртке слева выступило большое пятно крови. Брат был бледен, но еще дышал, прерывисто и хрипло. На губах тоже выступила кровь.

— Поговорим, брат, — прошептал он, не открывая глаз.

— Побереги силы...

— Отсюда ты никуда меня не успеешь довезти...

Семен, лишь бы что-то делать, прикладывал к ране на груди куски бинтов, лишь бы что-то говорить, обещал брату, что тот обязательно поправится, что еще и не такое бывает. Бывает, но не в трехстах километрах от ближайшей больницы. И ничего не мог поделать со слезами, которые нельзя было удержать никакой волей.

— Там еще кусок спины вырвало, — прошептал Степан, — так что уймись, дай главное сказать...

И Семен замер, держа в своей руке руку брата.

— Похорони здесь, в Теулино. Где-нибудь под елочками, но чтоб небо было видно. А вот это возьми, — протянул бумажник с документами. — На кресте напишешь: «Семен Андреевич Рогозин»...

— Упаси Бог!

— Это последняя воля... Ради Андрейки...

— Ольгу не обманешь...

— А ты и не обманешь. — И просто перестал дышать.

И Семен почувствовал как его собственное дыхание тоже остановилось, не в силах пробиться через комок, вставший в горле. И ни зарыдать, ни крикнуть, ни с места двинуться...

— Надо делать, как он сказал. Как Семен перед смертью велел, — за спиной стоял вездесущий Иван Монин.

И какая-то вязкая серая хмурь вдруг неожиданно закрыла все небо, да вырвался из-под таежных замков на свободу ветер и рванул в одну сторону все ветви и лапы. Потемнело. И от того, что происходило и внутри и снаружи, вдруг расхотелось быть сильным мужиком, тело обмякло, свернуться бы калачиком и уснуть, и чтоб мать по головушке гладила да шептала чего-нибудь ласковое.

Кто там сказал, что умирающие видят всю свою жизнь, как в ускоренном кино? Некогда им... А вот те кто рядом!.. И что-то давно забытое, но всегда бывшее поблизости, в потаенном уголке души что ли, все не может прорваться наружу, а еще жуткое чувство, что все это уже где-то и когда-то было. А груза на душе стало в два раза больше.

2

По указанной Мониным тропке Кобрин все же настиг Маккаферти. После короткой перестрелки у того кончились патроны, и теперь американский генерал тихо лежал за кочкой, уткнувшись лицом в мох. Кобрин и Тюлин постреливали над его головой, когда он пытался осмотреться, чтобы выбрать пути для дальнейшего бегства. И хотя очень хотелось Кобрину продырявить эту полную советов голову, он терпеливо ждал, когда появится Рогозин. Как Маккаферти посмотрит в живое лицо только что убитого им человека? Сразу рехнется или завопит о неприкосновенности иностранных граждан, как это у них заведено?

Мужичок Тюлин тоже принял правила этой игры и щедро посыпал дробью кусты и стволы деревьев вокруг генеральского логова.

Наконец, на тропе появились Павлов и Монин. За ними с отсутствующим видом шел Рогозин.

— Маккаферти! — крикнул он так, что по всей округе поднялись кулики, а ветер на несколько секунд утих, словно это его окликнули.

И Джеймс Олдридж Маккаферти поднял голову. Встретились два обезумевших взгляда.

— Дьявол! — сказал Маккаферти, поднимаясь на ноги, и еще что-то затараторил по-английски.

— Дьявол — это по твоей части, — медленно наступал на него Рогозин.

Генерал пятился, не разбирая дороги. Тропа осталась чуть в стороне. Его закачало на зыбкой трясине, и со следующим шагом он провалился сразу по пояс.

— Шщит! Фак оф... — и еще зачем-то наставил на Рогозина бесполезный пистолет, в последние минуты он думал, какой пулей можно застрелить отражение убитого только что человека. Дернулся пару раз и сразу увяз по грудь.

— А ведь желал ему Сема захлебнуться в болоте, — вспомнил вдруг дед Монин.

— Кто с дерьмом к нам придет, тот в дерьме и утонет, — перефразировал Кобрин, плюнул в сторону Маккаферти и пошел обратно на поляну.

За ним направились Тюлин и Павлов. Попричитав чего-то, засеменил следом Монин.

Подступающая к горлу Маккаферти смерть не радовала Рогозина, он наблюдал за происходящим, как наблюдал бы за ползущей по ветке или листу гусеницей. Генерал же изо всех старался умереть генералом и рычанием загнанного в ловушку зверя пытался подавить в себе крик о пощаде и о помощи. Ему уже пришлось запрокинуть голову, чтобы не хлебнуть болотной жижи секундой раньше положенного срока. И в этом положении вместо «помилуй, Господи» он еще успел прохрипеть:

— Варварская, рабская страна! Все равно ей...

— Да уж, все мы рабы Божии, — согласился с выступившими на поверхности пузырями Рогозин, — а на счет того, что «все равно ей» — это мы еще посмотрим. Это тебе не Москва, это болото теулинское, — и плюнув подобно Кобрину, пошел восвояси.

Правый карман куртки оттягивали документы Степана, его пистолет. И все не выходили из головы его последние слова. И Монин, тут же их «верно» истолковавший. В детстве Степка все

норовил отобрать судьбу у Семена, а теперь вот, выходит, свою отдал. Ох и тяжелый это «дар» был.

Не дойдя до поляны, Семен присел под тем же самым деревом, где недавно умер Степан. Тело его унесли мужики на плащ-палатке. Достал из кармана бумажник, раскрыл. Паспорт, доллары и рубли, кредитные карточки, права, фотографии Ольги и Андрейки, зеркало... И нисколько Семена не удивило, что не увидел он в этом небольшом зеркальце своего отражения. Как же его увидишь, если лежит оно простреленное на этой странной поляне и уже не дышит.

Он посмотрел в небо. И вдруг понял, что остался с этим огромным серым небом один на один. И даже если Ольга захочет с ним остаться, и Андрейка ничего никогда не узнает, и даже если подойдет сейчас Леша Павлов и по-дружески за плечи обнимет — Семен Рогозин с этим небом один на один.

3

Нагнав туч, ветер неожиданно затих. Будто и не было его. Лег в траву и еле там шевелился. И непонятно было: то ли затишье перед грозой, то ли опять что-то неладное творится на этой поляне. Грозу обещали всполохи зарниц на востоке, а о неладном говорила вязкая, точно из пластилина, тишина. И опустился вдруг сумрак, воздух стал темно-серым и малопроницаемым. И когда поплыли над поляной огни, которые в океанах называют огнями святого Эльма, мужики зачарованно уселись на траву, забыв о взаимном недоверии и об оружии. Кобринские бойцы вполголоса переговаривались, поругивали Осинского, некоторые вспоминали истории из своего армейского прошлого, связанные с подобными чудесами природы. Из местных говорил только дед Монин.

— Я этта много раз видел. Да-да. Одни старики говорили, что здесь нехорошее место, другие старики наоборот говорили, а я так думаю — просто не нашего это ума дело. Одни старики говорили, что это души умерших, а другие — неродившихся, а я так думаю — это какие-то знаки с неба, и кто их прочитать сможет, тот большое знание иметь будет.

И замолчал. Притихли и все остальные.

С края поляны, откуда недавно вернулись Павлов, Кобрин, Монин и Тюлин, шел Рогозин. И все увидели, что пространство

как-то невообразимо вытянулось именно в ту сторону, и получалось, что горизонт сливается с верхушками сосен именно там, где кончается поляна. И не просто сливается, небо и земля образуют не внутренний угол, обращенный к зрителям, а внешний. Точно угол этот вывернули в обратную сторону. И небесная сторона этого угла стала вдруг отражением земной в такой же обратной перспективе. И видавшие виды охотники, солдаты и теперь уже бывшие бандиты видели то, чего не видел неторопливо шагающий по поляне Рогозин. А не видел он точно такого же Рогозина, уходящего в небо, где отражалась и высокая трава и неровная хвойная гряда. И чем ближе подходил Рогозин, идущий по земле, тем выше поднималось в небо его странное и почему-то несинхронное отражение.

Метров с пятидесяти он даже сквозь сумрак увидел или понял, что все взгляды прикованы к нему, и остановился. Медленно, словно почувствовал неладное, начал оглядываться. Но тот, уходящий в небо, обернулся первым. И каждый из находившихся тогда на поляне мог в этом поклясться.

Какое-то время (если оно не остановилось) они внимательно смотрели друг на друга. И уж улыбнулся уходивший в небо, или это всем одновременно показалось, но только он первый повернулся и медленно пошел дальше, исчезая в клубящемся и вспыхивающем эхом зарниц мареве туч. И блуждающие над поляной огни потянулись следом.

— Кто бы рассказал, в жизни бы не поверил, — прошептал сам себе Кобрин.

— Часовню здесь поставить надо, — отозвался Павлов.

— Господи! Двое нас или один я? — спросил в небо на своем месте Рогозин.

И показалось ему, что слышит он где-то поблизости голос отца Николая: «Теперь, сыне, один за двоих, поелику от века на Руси так стало — после всякой брани и всякого мора один за двоих труждался, а сих бед на Руси нескончаемое множество... И те, кто ушли, молят за нас грешных на небе...»

И те же самые слова повторил ему отец Николай уже в городе. В той же келье, где они когда-то чаевали, Семен рассказал ему обо всем, что произошло с ним и его товарищами за это время.

— И все никак понять не могу: то ли оторвали от меня часть, то ли наоборот прибавили... Да и как теперь с его последней просьбой быть? Я такую ложь не то что носить в себе не смогу, но даже помыслить!..

— Положись на Промысел Божий, — прервал его священник, — а что касается прибавилось или убавилось, то уж не мне тебя учить: если где-то берется, то в другом месте прибавляется. Но крест у каждого из вас свой был.

— И все же в нашем рождении какая-то мистика...

— Но при абсолютном внешнем сходстве внутри вы совсем не походили друг на друга, и я подумать боюсь, что было бы, если б качества обоих сошлись в одном человеке. Вы ведь даже любили по-разному.

— Говорят, близнецы очень чувствуют боль друг друга. А я только его последнюю боль почувствовал. И досаду. И еще говорят, что один близнец другого надолго не переживет.

— А вот тут уж тем более Воля Божья, — нахмурился отец Николай, — меньше думай о том.

Дверь кельи открылась, и с порога прозвучало:

— Отче, там насчет венчания пришли!

Это был Майкл Кляйн. Посвежевший. С осмысленным взглядом, но совсем другой заботой на лице. Он подошел к Рогозину и протянул руку:

— Михаил.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ: ТАЙНА БЕЗЗАКОНИЯ

1

Осинский узнал о провале теулинской операции, находясь в деловой поездке по Средней Азии, где договаривался с местными лидерами о совместном использовании природных ресурсов новоиспеченных государств. Полученное им сообщение на целых полчаса вывело его из рабочего ритма. Он закрылся в гостиничном номере, дав команду телохранителям никого не впускать. Пришлось даже немного выпить.

Представляя собой гибрид крупнейшего банкира и политика, Осинский весьма редко сталкивался с трудностями воплощения своих проектов, но все же сталкивался... С Кобриным он работал уже шесть лет и никогда не поверил бы в то, что тот не справился с боевой задачей. Он готовил для Осинского лучших телохранителей и исполнителей, детально и безупречно продумывал и выполнял любые операции, да и в его армейском досье не было ни одного поражения. Не на шутку испугался Осинский, когда Кобрину вздумалось повоевать по контракту на Кавказе. Удержать его не было никакой возможности, и пока тот удовлетворял свою внутреннюю потребность защищать Родину, ползая по горам во главе разведроты таких же головорезов, отрезающих для счета уши гордых абреков, Осинский вынужден был следить за ним из Москвы и даже приплачивать своим людям с той стороны, чтобы его главного военного специалиста не подстрелили. Но, похоже, Кобрин им такой возможности так и не предоставил, а полевым командирам с громкими именами больше нравилось воевать с недавно призвавшимися юнцами, беременными женщинами и какими-нибудь строителями, приехавшими в горячую точку восстанавливать мирную жизнь. И вот личный Суворов банкира дал неожиданную осечку. Ох уж эти душевные порывы!..

Первым делом, разумеется, пришла мысль о повторной акции и одновременной мести всем, кто позабыл о суммах своих гонораров и о том, что совесть их давно уже выкуплена и в виде безупречно составленного контракта лежит в сейфе. Даже мелькнула мысль о тех же чеченах, которые «подрабатывают» на многих северных дорогах рэкетом и грабежами. Но долгий путь наверх научил Осинского, что многое, но далеко не все покупается

за деньги и берется силой. На силовом же методе в случае с теулинской территорией настоял Маккаферти. Кормит, небось, теперь гнус в каком-нибудь сарае или, может, к сосне его голой задницей привязали. А ведь хотел Осинский сначала, как положено, продавить это дело через все ветви власти, включая местную. Процесс, конечно, отнял бы больше времени, с чем и не был согласен Маккаферти, но это был бы «цивилизованный способ». Да и по затратам он обошелся бы не дороже.

Шума не хотелось. Даже маленький скандал мог навредить образу политика-банкира-миротворца Осинского, батальонами вызволяющего русских солдат из чеченского плена. Образ этот вырабатывался без сопливых имиджмейкеров из ведущих рекламных агентств. На фоне дряхлеющего и впадающего в беспробудный маразм президента, не владеющего уже по сути никакой властью (даже в собственной семье), новый человек должен был выглядеть как держащий в своих руках все нити, все штурвалы, обладающий реальной властью, способный накормить, примирить, дать работу, а после работы вовремя дать зарплату... Нет, Осинский о президентстве в данный момент не помышлял. Сейчас начнется мышиная возня давно скомпроментировавших себя партийных лидеров и общественных движений. Пусть они берут эту аморфную власть, пусть проглотят ее сколько им влезет, пусть еще раз обанкротятся перед всем народом, покажут свою полную неспособность навести порядок, будь то хоть патриоты, хоть махровые демократы. И лишь когда наступит полный беспредел и безысходность, когда определенная в работах классиков марксизма-ленинизма революционная ситуация наберет силу, сметающую на своем пути все и всех, да еще выплеснет ее на фоне каких-либо больших и малых внутренних и внешних войн, эпидемий и бандитского разгула, вот тогда потребуется человек, который предложит всемирный покой и благоденствие. Предложит всем и каждому ту неотъемлемую малость, за которую они согласятся пахать с утра до вечера на условиях, предложенных «освободителем и примирителем». И лишенные хоть какого-то народного духа, хоть какой-то гордости, национального самосознания народы уже не будут осознавать своего рабского состояния, а только радоваться, что есть законы, есть хлеб, нет войны и нет гладов и моров. Те же, которые задумаются... А вот для них-то и нужен «Сварожич». Не к лицу всемирному благодетелю строить новый ГУЛАГ или оставлять выщербины на расстрельных стенах.

Но что-то с этим аппаратом не ладится. Маломощные торсионники действуют, а вот большой «Сварожич»... Нанятые Осинским инженеры и физики в специальной лаборатории уже раз пять разобрали и собрали его заново. Но нужного эффекта прибор не давал. Выдвинули предположение, что кто-то еще во время проектирования специально допустил ошибку, но сколько не искали ее — никаких результатов. Вроде бы все так и должно быть. Просчитывали, пересчитывали... А в итоге сумма вложенных средств увеличивалась, а результат вот уже в течение шести лет был нулевой. То ли дело — Останкино! Правда и там последнее время допускалась топорная работа. Или жители этой страны уже научились определять ложь и подлог нутром? И все же лучшие, скупленные Осинским журналисты с большим эффектом воздействовали на мозги, чем любое нейролептонное оружие. Вот уж надежные агенты влияния! Даже если половина населения им не поверит, то пока она будет спорить с другой половиной, можно свернуть горы и последние оазисы превратить в пустыни. А они, даже увидев это, будут выяснять между собой, кто из них виноват.

Не получилось в Теулино? Но в сейфе лежит список территорий, предложенных для испытаний. В конце концов необходимо, чтобы аппарат работал не в каком-то определенном месте, где при большом желании его могут захватить какие-нибудь красно-коричневые, а в любом, где того пожелает Осинский. А до Теулино еще дойдут руки. Потребуется оттуда запускать ракеты — будем! И все эти местные партизаны еще в обслуживающий персонал попросятся. Нужники чистить.

Теулинский синдром придется замять и временно забыть. Не более чем тактическое поражение. И все из-за этой самоуверенной англосаксонской рожи... На всякий случай следует отвлечь внимание обывателей... Кстати, а как там продвигается дело с покушением на господина Осинского? Неужели так сложно купить трех-четырех чекистов, у которых нелады с начальством? Журналюги давно уже ждут команды «ату»...

— Борис Леонидович, простите... — в дверном проеме появилась очень извиняющаяся стриженая голова охранника.

Можно было на него гаркнуть, но Осинский со своими телохранителями был чрезвычайно обходителен. Даже отец с родными сыновьями не разговаривает так нежно.

— Что, Саша? — уж если отвлекли, значит, действительно нечто важное...

Из-за двери появилась сашина рука с мобильным телефоном.

— Ислам Каримович...

Ну вот, еще один пуп земли с президентским званием. Наплодили президентов, как кроликов. И каждый из них играет в отца нации. Фигня! Выиграет тот, кто сыграет в отца всех народов. Стальному Иосифу это удалось, вот только играл не по правилам, да и не для него титул готовили. Не по наследству попал.

— Слушаю, Ислам Каримович, вуалейкум ассалям... – даже собственным ушам не поверил: настолько внешний голос отличался своей обезоруживающей собеседника вкрадчивостью от внутреннего. Тем не менее в нем присутствовали необходимая уверенность и твердость. Голос доброго, правильного человека? Но был ли это голос Бориса Леонидовича? Внутри себя со всей вселенной Осинский разговаривал совершенно иным голосом. Или, может, этот внутренний голос сам говорил в нем, в том числе с самим Борисом Леонидовичем. Голос этот мог принадлежать, по мнению Осинского, держателю всего и всех.

2

Крепостная стена монастыря и возвышающийся над ней купол всехсвятской церкви отражались в неспешном течении реки. Звонили к заутрене и, казалось, звон тоже отражается в воде бликами и переливами лучей поднимающегося над восточными холмами солнца. Пятьсот лет река просыпалась, отражая белые стены и взметнувшиеся над ними золоченые кресты. Время и река сливались на этом берегу воедино и несли в голубеющую на горизонте вечность трезвоны, перезвоны, благовесты, золотые купола и всю эту белокаменную лепоту, поддерживаемую молитвами и трудами монахов и послушников. И тишина здесь была особенной. Проникновенной. Она раскидывалась по всей округе умиротворенностью и покоем, и лишь тиканье кузнечиков на обочинах проселков отсчитывало несуетные минуты, да кукушка на другом берегу реки сбивчиво считала годы. Никто ей здесь не загадывал, вот и считала сама себе.

А летними звездными ночами, если выйти в поле с другой стороны монастырской ограды, лечь в траву, глядя в мерцающий мириадами миров купол неба, забыть обо всем, что разрывает душу на мелкие кусочки повседневных стремлений и желаний, забыть о прошлом и настоящем, не думать о будущем, стать созерцающей

частью такого земного и одновременного космического пейзажа, то освобожденная от суетности и бесцельных порывов душа вытянется прямо из сердца невидимой дланью на тысячи световых лет и едва ощутимо заноет от проходящего сквозь нее тока вечности, разум же почувствует нечто главное и всеутверждающее, но так и не сможет ни понять, ни охватить это нечто, а только испытает ни с чем не сравнимое наслаждение от прикосновения к тайне.

В былые времена монастырские стены с узкими бойницами защищали монахов и жителей окрестных деревень от незваных гостей, а сегодня — от обступающего со всех сторон почерневшего от собственной копоти и гари мира. Но не только с четырех сторон, а и сверху давил он. Вот и сейчас белохвостой стрелой разорвал синюю гладь самолет...

Отец Феодор (бывший когда-то в миру Вениамином Александровичем Смирновым) встрепенулся от дум, перевел взгляд с реки на небо. Нужно было идти в храм, но как будто мешала испещренная деталями плата, которую он держал в руках. Вчера он забрал ее у архимандрита, где долгое время она находилась на хранении в полнейшей тайне от всей братии и тем более от внешнего мира. Именно оттуда, из оставленного и казалось бы забытого мира пришло известие о смерти Валерия. А значит, следом за ним могли объявиться и его убийцы. Те, кому нужен был исчезнувший Вениамин Смирнов, эта плата или на худой конец ее принципиальная схема. Схема, в которую была вложена вся жизнь и все таланты инженера Смирнова и которую отец Феодор никак не мог забыть. Все думал: власть поменяется, может, и для добрых дел сгодится. Но там, за монастырскими стенами, делалось только хуже и страшнее. Казалось, на всех и вся направлен невидимый луч «Сварожича». Затхлый туман принес на Русь западный ветер, и только купола православных храмов и светлые лучи молитв то тут, то там пронизывали его.

— Ты должен сделать это сам, — ответил на просьбу Феодора архимандрит Макарий.

И пять лет назад он сказал ему то же самое. И вчера.

Тут бы ночь провести в молитве, ан нет, вернулась вдруг с валериной смертью оставленная за монастырскими воротами жизнь. Вернулась и застучала в сердце и в висках, разбередила казалось бы успокоенную душу. А с ней вернулся и страх погони. Нет, не страх смерти, а именно погони. Уж думалось, отстал этот мир с разноцветными его скоростными лимузинами, наперегонки везущими в ад своих седоков. Им-то совсем в другую сторону. Но если их бес ведет, то и тебя в покое не оставит.

Со страхом отец Феодор подумал о том, по какому следу пошла бы эта погоня, будь у него в миру родственники и близкие. Но никого не было, кроме детдома и теперь уже далекой, выбравшей роскошь и непостоянство любви... Пусть ищут Вениамина Смирнова, а отец Феодор тем временем...

И уже не раздумывая, бросил в скользящую гладь реки драгоценную плату со всеми ее полупроводниками и золотосодержащими деталями. Архимандрит Макарий давно ему говорил, что не всякое творение человека на алтарь Бога приносится. А такой прибор вряд ли на доброе дело сгодится. И не то чтобы сомневался, но все ж жалко было долголетних трудов. Нет-нет да приходили мысли о применении его «в мирных целях», пока не вытеснили их молитвы и монастырские труды.

На службу припоздал чуток, и уже в притворе почувствовал на себе укоризненный взгляд игумена, и взгляд этот был намного суровее и тяжелее, чем печальный взгляд друга Валеры, который последнее время приходил к нему во сне. Приходил, но не говорил ничего. Просто ждал чего-то. Сидели они с ним вместе: один в рясе, другой в вечном своем потрепанном костюмчике-тройке. А однажды за Валерой пришел ангел, и только тогда он попросил, чтобы Веня отдал ему с собой злосчастную плату. И там, во сне, отец Феодор побежал к архимандриту, чтобы взять ее, а когда вернулся, Валеры уже не было. С тем и проснулся, чтобы через три дня узнать о его смерти. Упокой, Господи, душу раба твоего, упокой, Господи, всех невинно убиенных в это страшное время...

И пошел к архимандриту.

И сейчас на душе легче стало, и даже собственный голос перестал слышать отец Феодор в общем хоре. И понял вдруг, что общая эта молитва много сильнее, чем невидимые дьявольские лучи смерти, чем отчаянный бой героя-одиночки, чем боль и отчаяние... «Внезапу Судия приидет, и коегождо деяния обнажатся, но страхом зовем в полунощи: свят, свят, свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас...»

3

Вечерело. Семен остановился в реденьком подлеске на краю поляны. Несколько дней назад он лежал здесь в засаде и сейчас не мог себе объяснить, что привело его сюда снова. Посреди луга чернел обгоревший остов вертолета, еще недавно примятая тра-

ва уже поднялась. Все тот же туманный лес вокруг, все та же тишина, даже птиц не слышно. Только ветер копошится в кустах шиповника неподалеку.

Подумал вдруг, а что если на этой странной поляне встретится с призраками Рыжего и Маккаферти? Один в болоте на другой стороне (брусники, кстати, там осенью навалом будет), а Рыжего оставили «почивать» в неглубокой могиле здесь же в подлеске. Даже крест не воткнули, да и не заслуживает он креста, холма могильного и то не заслуживает... Разве что кол осиновый.

Как-то едко стало на душе от таких мыслей. От плеча до плеча передернуло.

Не спеша дошел до центра поляны, побродил вокруг скелета винтокрылой машины. Удивился, что на полностью обгоревшем фюзеляже сохранилась, не выгорела красная звезда. Долго смотрел на нее, вспоминая армейское прошлое. И навалилась вдруг жуткая тоска, такая что и руки к земле тянет, и горло как петлей давит. Попытался встряхнуться, отогнать с души хмурь, но стало еще хуже. Как будто из серого пасмурного неба потянуло на него безысходностью, безнадегой. Будто ничего уже в жизни не будет светлого и радостного. Даже показалось, почувствовал приторно-сладкий запах смерти, который только на кладбищах и в моргах обретается. И прошлое увиделось вздорным и напрасным, и будущее бессмысленным. Присел на траву, положив голову на колени, и еще сверху руками закрылся. Какое-то время смотрел на островок — кустик кассандры посреди сочного осокового моря, и уже не заметил, как стал засыпать.

Да и не сон это был, а наваждение какое-то... И все это вертелось вокруг чувства, что не оставляло Семена последние дни: с момента гибели Степана все казалось не таким, как должно быть, все было как-то не так — и внутри, и снаружи. И даже после разговора с отцом Николаем оно хоть и приутихло, но все-таки осталось. Семен сторонился зеркал, боясь увидеть в собственном отражении Степана. Не брился, смирившись с неровной недельной щетиной. Пожалуй, только в тайге такой бородой никого и не испугаешь. И свербело в душе оттого, что вот-вот приедет Ольга, которая ничего еще не знает. Простит ли она им это?

Вот и пришел на поляну, словно здесь можно было встретить Степана, поговорить с ним по душам (так ведь и не успели), будто что-то можно изменить, вернуть назад, исправить. И хоть клял себя размазней, плевался от всей этой потусторонщины, да ноги сами несли. И денег на обратную дорогу в Теулино не пожалел, хотя через три дня надо будет встречать Ольгу и Андрейку.

А тут так прижало, что впору разреветься, отогреть душу горючими слезами, да слезы не шли. Только тоска. От нее и сморило.

Увиделся почему-то сначала Кобрин, но уже в Москве. Вернулся-таки в самую пропасть. И несколько дней, а то и месяцев уложились в рогозинском сне в пару мгновений, но во втором Кобрин был уже мертв. И хоть дорого отдал свою жизнь, но лучше бы такому воину оставаться живым, пусть и в тайге. Прямо во сне так и подумалось: мало ли какая еще война случиться может. А стоящих вояк по всей стране — раз-два и обчелся. Остальные только собственные пальцы по кабакам гнуть могут.

И привиделся тут же Осинский. Глазками-буравчиками заглянул в спящие глаза Рогозина. Странные глазки — ничего в них прочитать нельзя, кроме тьмы. И глядя на него со стороны собеседника, Семен не мог знать, с кем он говорит.

— Я так и подозревал, что ваши структуры опробовали генератор еще на Брежневе. Хороший, вероятно, суррогат получался. С одной стороны наркотики, с другой – пронизывающие склеротический мозг лучи. Тут не то что зашамкаешь, пузыри пускать начнешь. А Андропов?

— Он знал об этом, но в него целили с другой стороны. Там все же сказалось ранение...

— Знал?

— Да, но у него были свои планы, они, правда, шли в разрез с нашими общими. Он хотел подновить, а надо было кончать с этим. То ли дело Горбачев — выше своего градуса не прыгал и делал все точь-в-точь. Единственный недостаток — себя больше дела любит.

— Если бы себя не любил, пришлось бы перебрать на эту роль множество других... — только после многочисленных «р» в этой фразе Семен услышал, что Осинский едва заметно картавит. Словно лечился от этого в детстве или долго тренировался.

— А как наш всенародно избранный? — с легкой, но очень дружелюбной ухмылкой поинтересовался Борис Леонидович.

— Периодически... Как и положено. И на месте сидит и работе не мешает.

— Ну, прекрасно, а деньги я, как положено, переведу в срок, и Давид Коган тоже. Но ему там в Штатах сейчас даже сложнее, чем нам. Надо заканчивать игру с Биллом...

— А как большой «Сварожич»? — спросил вдруг собеседник Осинского.

— Последнее время мне этот проект все более кажется беспер-

спективным. Проще производить торсионные генераторы. Люди, создававшие его, исчезли вместе с краснознаменной эпохой. А новые нашими же стараниями несколько поослабли умом и талантами. Так что лучше расскажите мне, как там дела с очередным покушением на Осинского...

Потом Семен увидел какого-то монаха, задумчиво сидящего на берегу реки у стен монастыря. Его он не знал, но все же понял, что и он имеет какое-то отношение к событиям последних месяцев. Еще и еще были люди и лица... Один сюжет (или сон?) накладывался на другой, а то вдруг, как на нескольких экранах, виделись два-три сразу.

Видимо, все же сон: потому как увидел стоящим себя в храме под венцом, а рядом Ольга. Таинство совершал отец Николай. Оглянулся — за спиной стоит Андрейка, Сбитень с подвязанной к шее рукой, Леша Павлов, дед Монин, еще многие...

И вдруг увидел идущую к нему сквозь людской коридор мать. И всем существом, каждой клеточкой ощутил, что сейчас она подойдет и скажет что-то самое важное, что-то такое, отчего отступят и тоска и безысходность, и перестанет душу рвать на клочки. Вот-вот — несколько шагов ей осталось... Сердце только зашлось вдруг, рвануло куда-то из груди... Поплыло все перед глазами — не упасть бы. Но дед Монин первым подскочил, поддержал... Стал по щекам бить.

Семен очнулся. Над ним действительно стоял дед Монин. Вид у него был испуганный.

— Нашел место, где спать!

— Ты же спал, — вспомнил Семен.

— Это я! А у тебя сердце сейчас останавливалось!

— Да ну!

— Ну да! — закивал Монин, и на всякий случай припал ухом к груди Рогозина. — Сичас-то стучит, а я пришел — ты такого цвета как небо был.

Семен посмотрел в смуреющее небо.

— Такое увидел, не знаю — правда или нет.

Дед Монин взглянул на него чуть ли не с укоризной:

— Много будешь знать — и помирать скоро будешь. — Но потом продолжил уже заговорщическим тоном. — Я когда здесь спал, тебя видел. Хотел сына, а видел тебя. Вы с Лешей ко мне пришли — я все равно не поверил.

— Я тоже хотел Степана увидеть, а увидел маму...

— Ну-ну, — оживился старик, — пошли-пошли отсюда быстро. Все равно здесь долго нельзя. Пойдем, у тебя еще дел много.

НАЧАЛО ГЛАВЫ СЕМНАДЦАТОЙ

В здании аэровокзала было не людно. Семен и Леша Павлов сидели в зале ожидания. Сбитень и ребята Степана все же напросились следом, но ждали в машинах на улице. Внутри Семен чувствовал себя уверенно — сам себя убедил: чему быть, того не миновать. Вот только в костюме Степана было неуютно. На костюме настоял дед Монин. Как банный лист пристал: одень обязательно, мол, я тебя таким и видел. Почему-то поддержал его и Леха, хотя Семен настроился сказать Ольге правду.

Вроде не нервничал, но минуты ожидания были тягостными, и руки все никак не находили в них покоя. Потому, наверное, встал и подошел к одетой в зеркала и мрамор стене у выхода из накопителя. Ухмыльнулся гладко выбритому дельцу, который смотрел на него с той стороны стеклянной глади. Тот тоже улыбнулся, и сразу стал похож на этакого простака в костюме с чужого плеча. Манеры не те...

— Шеф! Командир! У нас все получилось! — из накопителя первым выскочил спортивного вида парень, в котором Степан узнал бы Ваню-Супера. — Я тут такую интересную штуку под видом телескопа привез...

И уже из-за его спины появилась Ольга. Взгляд ее был тревожен и подозрителен. Семен опустил глаза, вся решимость куда-то исчезла.

— Оля... Тут знаешь...

— Знаю, — ответила она и прикоснулась губами к его щеке, потом прижалась щекой и обняла. Плакала она, закрыв глаза, и так и стояла, обняв Семена. Тот лишь слегка поддерживал ее за плечи. Себя он уже не слышал ни внутри, ни снаружи. Но еще один голос он не мог не услышать. Голос, который все решил за них.

— Папа, а Тихий океан, оказывается, совсем не тихий! — Андрейка обнимал его за ногу.

Мужчина и женщина, на которых украдкой бросали взгляды немногочисленные пассажиры и встречающие, вдвоем подняли на руки улыбающегося мальчика. Странным окружающим, наверное, показалось, что взрослые плачут, а ребенок улыбается и о чем-то рассказывает. И рядом еще двое: озадаченный и от этого имеющий глупый вид телохранитель и Леша Павлов, который губу прокусил до крови, чтобы глаза не слезились. А, может, странным им показалось то, что за спиной мужчины в зеркале отражается он сам, но так, будто стоит к зеркалу лицом. А, может, это им только показалось...

декабрь 1997 — февраль 1999

РУССКИЙ ФАУСТ

...Будьте не мертвые, а живые души...

Н.В. Гоголь. Духовное завещание

Душа озябла.
Страшно, когда наступает озноб души.

В.В. Розанов. Опавшие листья. Короб первый

ЗАПИСКА ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я, Джон Линк, нахожусь в здравом уме и твердой памяти. Меня угораздило родиться в 1966 году в штате Канзас. О России до сего дня я знал только то, что это страна снегов, что она помогла нам воевать с Гитлером и что до недавних пор там правили кровожадные коммунисты, которые держали большой зуб на Соединенные Штаты.

При чем здесь Россия? Да, собственно, ни при чем, особенно если Вы работаете на бензоколонке сквалыги Пиллиджа, а эта бензоколонка — единственная на сто миль пустыни. И если Вы несколько лет ничего, кроме буйволовой травы, забегаловки аккуратного Хауза и 19267 автомобилей, не видели, а тут Вам в руки попадает пачка листов, отпечатанных на машинке. На русской машинке, черт ее подери! Так как же Вы себя поведете?

Лично я отнес эту рукопись школьному учителю Стиву Макгрегори, с которым меня связывает настоящая мужская дружба. Он-то и растолковал мне, что это есть записи русского парня, сделанные им на том свете или, по крайней мере, где-то между тем и этим. Да нет, только не подумайте, что я наелся «Белой лошади», спросите у Хауза, мы с Макгрегори целую неделю у него не были, потому что читали эту рукопись. Но про Россию я так ни хрена и не понял — хорошо там или плохо.

Мы с Макгрегори все же отправили письмо этому русскому поэту Белову в Сибирь, хотя и думали, что адрес вымышленный. Но за спрос, как говорится, даже в Америке денег не берут. «Мало

ли какой идиот написал роман на русском языке, присобачил к нему адрес и еще несколько стихотворений малоизвестных русских поэтов, а потом подсунул его мне?» — так думали мы, но письмо все-таки написали. И ответ пришел! Через месяц. Этот Андрей Белов уговаривал нас переслать ему рукопись. По его словам, тот, кто написал этот роман, действительно погиб. И все факты из этой рукописи, которые мы упоминали в письме, — правда. Я бы подумал, что русские рехнулись, если б не помнил, как мне досталась рукопись, и собственными глазами не видел, что оставили эти двое русских после себя в Хеллоуин. В особняке исчезла стена, напротив нее на расстоянии трех миль — невообразимая пустота. Как будто там и трава не росла и дорога через штат не проходила. Видок такой, будто прерию несколько катков утрамбовывали.

Оказалось, что рукописи через границу возить нельзя. Наверное, поэтому меня и Макгрегори взяли на заметку в ФБР. Но мы все-таки передали рукопись Белову. Об этом можно написать отдельный бестселлер. Но кто бы мог подумать, что это повлечет за собой такие последствия? Однажды я пришел домой и увидел, что все в моей конуре перевернуто вверх дном. То же самое было с квартирой Макгрегори. Потом появились эти парни с их здоровенными маховиками, с помощью которых они стали интересоваться о том, где мы прячем русского и его прибор. И как этим придуркам объяснить, что они ведут войну с русским привидением. Напоследок явились гориллы из ЦРУ и задавали те же самые вопросы тем же самым способом.

Да я видел этого русского всего только раз! Они подъехали на несвежем «линкольне» (19250, потому и запомнил, я каждую пятидесятую машину запоминаю), за рулем сидел черный детина, которого русский называл то ли Бартоломью, то ли Варфоломей. Я заправил их, немного подшаманил карбюратор, а потом русский попросил отправить эту злополучную папку по указанному адресу и дал приданое за ней три тысячи долларов. Я за такие деньги отправил бы ее хоть в Антарктиду. Но я собственными глазами видел, как их «линкольн» буквально исчез, испарился, не отъехав и мили от бензоколонки Пиллиджа. Я так и подумал, что это или инопланетяне, или новое оружие русских. Белов выслал мне фотографию своего друга, но, наверное, я так и не узнаю — он это был или нет, потому что не испытываю желания еще раз встречаться с ублюдками из ЦРУ, ФБР или еще откуда-нибудь. Мы с Макгрегори решили уехать.

Макгрегори сказал, что души умерших, прежде чем предстать перед Судом Божьим, три дня находятся на земле — прощаются, потом недельку смотрят, как там живут праведники, а затем на целый месяц погружаются в ад, «где будет стон и скрежет зубов». Так вот, Макгрегори считает, что нашего русского сослали на Землю вместо ада. Что-то он тут должен был сделать. И вместо агонизирующей России его отправили в процветающую Америку. Макгрегори сам себе возражает: если Земля — это и есть ад, то половину людей можно отсюда и не забирать. Я с ним не согласен по двум причинам: во-первых, моя мама всегда говорила, что хороших людей больше, просто глупых — не меньше; во-вторых, я даже представить себе боюсь, что русский прибор валяется сейчас где-то в прерии, думаю, что русского послали «прибрать за собой». Но вы теперь разбирайтесь в этом сами. За мной заехал Макгрегори.

Джон Линк.
Канзас,
июнь 9, 1994 год.

ЧАСТЬ I

1

Бросив учительствовать, я метнулся за большими заработками, пытаясь догнать ушлых и деловых людей. Но получалось, что я или мелко посредничал, или ненадолго прилипал к какому-либо предприятию. Так и несло меня в хвосте этой неожиданной скачки за личным благосостоянием, за призрачным всеобщим благоденствием. А круговорот затягивал все сильнее и сильнее. Частые пьянки, непрекращающиеся телефонные звонки, беспрестанная беготня и лавина информации, вертеп в купленной с трудом однокомнатной квартире, десятки тренированных для такой жизни женщин, передвижная гордость — зачуханный «мерседес», использование половины словарного запаса на разговоры о деньгах и ценах — вот он, непосильный труд русского коммерсанта. Зато с каким сознанием собственного трудолюбия, ощущением усталости я мог выкрикнуть в лицо каждому: «А ты попробуй, заработай!» И вечером можно войти в свой дом или в дом любого другого себе подобного, вокруг будет клубиться богема и пениться полноводными реками шампанское.

Иногда я читал или слышал, что есть среди нас какие-то страдающие принципами и заботами о судьбах страны. Даже писать-то такое коробит! В жизни, я вам скажу, таких встречать не приходилось. Бывало, при непосвященных, кто-нибудь и заводит разговор о благотворительности и созидательной деятельности, так это только для того, чтобы выглядеть лучше и не выпячивать, как молодежь, воспитанного в краткие сроки, личного эгоизма. Или какой-нибудь дурак вложил деньги в музыку или театр, крупно подзалетел и все убытки назвал меценатством и благотворительностью. Если же кто-то и отстегнет чуть-чуть на задрипанную больничку, детдом или детсад, даже если из чистосердечных побуждений — деньги некуда девать, совесть ли зашевелилась — так эти деньги в свое время у этих же больничек, детдомов, детсадов и «оттенили».

«Деньги — это не цель, а средство», — говорили мы, а получалось, что это и цель, и средство, и оправдание, и смысл, а для кого-то — итог жизни. И плюньте в это зеркало, если я в общем и целом не прав. Ведь мы измеряли деньгами величину собственного достоинства…

Да нет, я не мораль собрался читать, тем более что в «нашем» случае это дело безнадежное. Я о себе. Может быть какой-нибудь горе-коммерсант, похожий на меня, прочитав и переварив мою писанину в своей голове, помыслит о чем-то другом, а не только о деньгах, которые, кстати, на Том Свете никому не нужны... Вот ведь парадокс: денежные воротилы Нового Света научили нас грабить ближнего, а тысячелетних истин с Того Света мы не слышали, а может просто не хотели слышать. Я, конечно, задумывался о том, зачем я живу, но, не найдя толкового ответа ни в какой из человеческих философий, продолжал жить по течению, а значит, в большей степени, для себя. Нет, иногда, разумеется, хотелось помочь ближнему, но это — как позабытый инстинкт.

Это теперь, потому что я умер, мне все равно — «мерседес» у меня был или «запорожец», однокомнатная «хрущевка» или коттедж, миллион или медные гроши... Теперь важно — с чем я попал Сюда. Подойдет моя очередь, и Вы этого никогда не узнаете!

Вы-то задумывались, зачем родились и зачем умрете? Или, подобно мне, пока жив — жизнь должна быть в кайф. А вы спросите об этом умных дяденек из академий, телепередач и толстых журналов, — а на хрена мы живем?! И ничего вразумительного в ответ не услышите. Они вам навешают научной лапши на глухие уши, а сами элементарного знать не знают. Вы у них, например, спросите: почему водород горит, а горение не поддерживает, кислород не горит, но поддерживает? Почему из них вода получается? Прогундят что-нибудь про аксиомы природы и все. Даже если сильно задумаются, то изобретут очередную водородную бомбу, чтобы всю матушку-Землю разом рвануть. А Кто эту природу так устроил, этого они не знают и знать не хотят.

Ну да бес с ними! У меня и так времени в обрез. Фабула требует движения.

2

— Борисы у власти — одни напасти! — так говорила учительница, с которой я работал в одной школе. — Что безбородый Годунов, что наш — с безнадежно-равнодушным лицом. Действительно, пора вывести из этого закономерность. Жуткое сходство: первый убил последнего Рюриковича — царевича Дмитрия, второй стер с лица Земли дом, где убили последнего Романова. Далее — смута...

Вы и без меня знаете, как лихорадило страну при «нашем» Борисе и его прикоколдышах. За что не возьмешься, все из рук валится, даже если они из правильного места растут. Значит, нужно браться только за то, что сразу обращается в деньги. Но меня, как и многих других, к этому не допускали: не лезь, мол, в калашный ряд. В конце концов я уже не мог покупать бензин своему росинанту — «мерседесу», питался консервами и одного за другим терял «лучших» деловых друзей. Таким образом я начал в полную силу ощущать все прелести перехода из развитого социализма в умственно недоразвитый капитализм. И если раньше я выпивал в удовольствие, то теперь пил с горя.

Вокруг меня остались трое: первая любовь да два старых друга. Но в то утро никого из них рядом не оказалось.

В то утро я проснулся трезвый и подавленный. За окнами серо-синяя январская оттепель, неизвестно, который час, какой день недели и число месяца. Под окном — «мерседес» без колес. Вечером я засыпал трезвый, поэтому с уверенностью могу сказать, что вчера они были. Где-то в городе гулко ухнуло, и в ответ что-то оборвалось в груди. С ближайших крыш и деревьев сорвалась в небо стая галок, настолько огромная, что воспаленным моим глазам показалось, будто обильно поперчили нашу грешную землю откуда-то сверху. Так я стоял у окна, глядя спиной на захламленную комнату, батареи пустых бутылок и груды грязной посуды на столе. А еще было непонятное, едва уловимое чувство, что за окном время движется, а здесь, в комнате, оно замерло, затаилось, а то и вообще издохло! Протухло... Заспиртовалось. Не направленная, а всеобъемлющая обида на всех и вся, не исключая себя самого, выглянула из-за плеча в окно, потянулась шлейфом в открытую форточку, вдруг захотелось следом за ней. Как-то в один миг все опостылело, надоело и стало до умопомрачения безразличным. И я бы не знал, чем мне убиться в такое утро, если даже не захотелось выпить. И тогда зазвонил телефон.

За последние три месяца я вообще забыл, что он есть в моей квартире. В последний раз мне звонили из домоуправления, чтобы напомнить, как давно я не вносил квартплату. Но вот он зазвонил снова резко и въедливо. И надо же быть такой сволочью, так настырно звонить, когда человек выбирает оружие, чтобы сразиться на честной дуэли с собственной жизнью.

— Алло! — выорал я обратно в трубку накопившийся зуд звонка.

После некоторого молчания трубка совершенно спокойно спросила приятным мужским голосом:

— Сергей Иванович? — прозвучало в ней с легким акцентом.

— Да... Я за него... — в общем, как-то я ответил.

И голос очень оживился, спросил о моем самочувствии, не поняв слова «хреново», пособолезновал по поводу украденных колес (я даже не успел удивиться такой осведомленности), посоветовал отложить черные мысли о смерти, напротив — порадоваться жизни, в которой так много приятного и неожиданного, что я даже представить себе не могу и как раз в тот момент, когда я собирался послать этот слащавый голос куда подальше, он спохватился:

— О, сорри, я забыл представиться — Сэм Девилз, компания «Америкэн перпетум мобиле». Мы хотим заключить с Вами контракт. Тысяча долларов в день для начала Вас устроит?!

Я офонарел. Электрический ток ко мне уже подключили, меня распирает от энергии, но еще нигде ничего не загорелось.

— Если Вы хотите больше, мы можем обсудить этот вопрос при личной встрече.

— Если это не бред и не дешевая шутка, то где и как вас найти? — спросил уже я, ожидая подвоха. Сейчас кто-нибудь из старых друзей возьмет трубку и пригласит на очередную пьянку. Но в ответ прозвучало другое:

— Лучше мы приедем к Вам. Когда это будет удобно? Да! Вы не будете возражать, если наш офис частично будет располагаться в Вашей новой квартире, для Вашего же удобства?

3

Двадцать минут на душ. Двадцать минут на упорное бритье тупым лезвием и электробритвой «дергун» попеременно. Час на косметическую уборку квартиры. Двадцать пять минут на поиск чистой сорочки, двадцать минут гладил брюки... И ни на минуту не сомневался, что надо мной подшутили. Или не хотел сомневаться.

Без двадцати час я сидел в кресле и искал глазами что-нибудь неприятное взгляду иностранца, чтобы выбросить это «что-нибудь» из квартиры.

Тысяча долларов в день! Офис! Буду ли я возражать? Не дождетесь! Ни за какие коврижки!

Встречу я назначил на час и последние резиновые двадцать минут думал о том, какая именно работа может быть предложена русскому коммерсанту-неудачнику с высшим гуманитарным образованием. Почему именно я? Но тут меня поддерживало и

тешило уважение к собственным способностям и вера в какое-то провидение. Не все же черная полоса!

В тринадцать ноль одну я начал волноваться. В тринадцать тринадцать (чертова символика!..) в дверь позвонили.

Их было двое. Почти близнецы. Только один — блондин, другой — брюнет. Одинаковые деловые костюмы, утепленные плащи, шляпы, галстуки... Одинаковые стрижки, манеры, мимика. Пожалуй, они только двигались не синхронно и не перебивали друг друга. Иногда казалось, что они только что сошли с телеэкрана, из какой-нибудь программы о деловых людях.

Спрашивать я не успевал. Словно читая или уже прочитав мои мысли за прошедший час и более, они сыпали подробностями, адресами, визитками, суммами, цифрами и премиями. За главного все же был брюнет — Сэм Девилз, который говорил больше и оказывается был директором филиала «Америкэн перпетум мобиле», которая имеет отделы во многих городах России (список прилагается). *И вот мне предоставляется честь возглавить отдел америкэн перпетум мобиле в нашем славном сибирском городе меня вычислили на компьютере у них всех так вычисляют проверяют я очень подхожу в КГБ не работал из комсомола выгнали генсеков гомосеков и президентов не люблю вообще мало кого люблю а именно это им и надо кстати мы вам дома уже сегодня установим компьютер и факс будет секретарша и очень даже...*

— И что же я должен делать за тысячу долларов в день?! — наконец-то прорвало мой нарыв.

Сэм Девилз осекся. Он словно еще не был готов ответить на прозвучавший вопрос. Поэтому снова начал откуда-то издалека:

— Тысяча долларов в день — это не предел. Хочу Вам напомнить, что в Соединенных Штатах не каждый специалист высокого класса получает такую зарплату. Вы же, кроме стабильного оклада, будете получать проценты от каждой заключенной Вами сделки, а сейчас, разумеется, аванс, подъемные — все, что полагается. Да! Чуть не забыл. Вы не будете возражать, если водителем Вашего автомобиля будет негр? Уверяю Вас, Варфоломей — прекрасный водитель и исполнительный работник...

— И все же, что я должен буду делать за тысячу долларов в день, секретаршу, компьютер, лимузин и негра-водителя?!

— Последние за себя все сделают сами, — улыбнулся Сэм Девилз.

— Так что же я должен делать?!

— Ничего особенного. Покупать у индивидуумов их биоэнергетические субстанции для нашей фирмы.

— Чего?

— Биоэнергетическую субстанцию.

— ???

— Я понимаю, это звучит несколько фантастично, но подобную работу наша фирма проводит во всех частях Старого и Нового Света уже очень давно. Все просто: после смерти от человека остается разлагающееся тело, которое вскоре превращается в пожелтевший скелет, и биоэнергетическая субстанция, с которой ничего не происходит, кроме...

— Вы имеете в виду душу? — наверное, я привстал.

— Ну-у... Это как-то до неприличного буквально. В конце XX века не стал бы употреблять таких понятий. Вы же начитанный, образованный человек.

— А контракт мы будем подписывать кровью? — скривился я.

— Вовсе нет. — Он был невозмутим. — Я тоже читал «Фауста», Сергей Иванович. Но все же попрошу Вас дослушать меня до конца. Перпетум мобиле...

— Вечный двигатель?

— Да! Речь идет именно о нем. Представьте себе, что на Земле кончились запасы энергоносителей. Остановились все машины, механизмы, заводы!.. Обмелели реки и не в силах вращать турбины. Цивилизация под угрозой!

— Ничего, изобретут что-нибудь новенькое.

— А зачем изобретать?! Зачем изобретать велосипед?! Вот тогда и понадобится уже изобретенный и запатентованный нами вечный двигатель. Вечный двигатель прогресса и счастья человечества! Но для такого двигателя, понятное дело, требуется вечное топливо, которым, как Вы уже догадались, выступает биоэнергетическая субстанция человека. Без нее человек не существует, хотя сейчас исследовательский отдел нашей компании уже доказал, что некоторые индивидуумы могут прекрасно обходиться и без биосубстанции. Но пока только некоторые... Тем не менее, после смерти тела происходит высвобождение этой энергии, и этому телу, существовавшему в оболочке человеческому «Я» абсолютно наплевать на сгусток этой биоэнергии. А почему бы человеку при жизни не получить свою долю материальных, а то и духовных благ за счет сгустка собственной энергии, которой, пока он жив, его никто лишать не собирается? Почему не порадоваться жизни немного больше чем якобы предопределено. И главное: большинство людей, особенно в Вашей стране, сейчас с радостью и легкостью продают нам свою субстанцию и даже приводят друзей и

родственников. Я бы сказал, что порой это принимает повальный характер.

— Некоторые принимают нас за сумасшедших иностранцев или полагают, что под таким видом мы раздаем избранным гуманитарную помощь, — вставил блондин.

— Не стоит останавливать на этом внимание Сергея Ивановича, Билл, — оборвал его Сэм Девилз. — Лучше приступай к технической стороне вопроса и объясни весь механизм приобретения субстанции.

Билл послушно раскрыл кейс и достал какой-то прибор с двумя лампами: красной и зеленой.

— В последнее время мы значительно облегчили работу нашим сотрудникам. Это индикатор биоэнергетической субстанции. Он крайне прост в обращении: если горит красная лампа, значит энергетическая субстанция человека уже приобретена нашей фирмой, если горит зеленый — Вам и карты в руки! Значит, человек располагает субстанцией, при этом чем ярче горит зеленая лампа, тем больше ее заряд. Приобретая субстанцию, Вы вправе предлагать продавцу-клиенту от нашей фирмы все: деньги, услуги, продвижение по служебной лестнице, любовь, признание, успех... Все, что ему заблагорассудится. В особых случаях Вы должны связываться со мной или мистером Девилзом в Москве. Попробовать вы можете уже завтра, пока нашим ребятам понадобится время, чтобы оборудовать офис и обставить Вашу квартиру. И там и здесь мы установим компьютеры, связанные между собой, в любой из которых вы будете заносить имя, фамилию, отчество и год рождения наших клиентов-продавцов, а также данные о выплаченном вознаграждении. От клиента Вам необходимо только устное согласие. Никаких документов.

Бред какой-то. Я почти не воспринимал того, что говорил мне Билл. Все его указания и объяснения сами срывались и падали в пропасть моей памяти, втискиваясь между инстинктами, рефлексами, воспоминаниями.

— Особой секретности в деятельности не требуется, она разрешена на уровне правительства, поддерживается и контролируется многими научными учреждениями. Следует Вам сообщить, что прибор никак не реагирует на сотрудников «Америкэн перпетум мобиле». С момента, как Вы поставите свою подпись в контракте, ни одна из двух ламп индикатора не будет на Вас реагировать. А сейчас взгляните!...

Он направил прибор на меня, ярко загорелась зеленая лампа.

— Еще раз о моральной стороне вопроса. Вы, надеюсь, знаете, что многие продают или завещают свое тело или отдельные органы после смерти на благо науки, это делали даже знаменитые люди. Биоэнергетическую субстанцию можно тоже рассматривать как один из органов человеческого организма. При этом к патологоанатомии Вы не будете иметь никакого отношения. Естественно, могут возникать разного рода неприятности, затруднения, но это как и в любой другой работе...

4

В ночь я провалился сначала, как перо в чернильницу. Но потом часто просыпался в холодном поту и не помнил, что мне снилось. Так бывает всегда, когда выходишь из долгого запоя. Ночь была не январская, а словно заплутала и пришла не в свою очередь апрельская. Так и осталась в городе до утра, отсчитывая время каплями с крыш. Я даже выходил на балкон вдохнуть весеннего ветра.

Под утро снился портрет Гоголя в кабинете литературы. На доске — дурацкая тема сочинения: «Чичиков — символ бездуховности и авантюризма». Я не читал «Мертвых душ», и Гоголь смотрел на меня с явным сочувствием. Рядом сидел Митька-математик и уже заканчивал свое сочинение, доказывая актуальность борьбы с «чичиковыми» с точки зрения идеологической работы комсомола и КПСС. На мою кривую усмешку он отреагировал невозмутимо, почти по-философски:

— Я бы тоже торганул мертвыми душами, чтобы купить себе хорошую аппаратуру, а значит, — Чичиков актуален. Тем более, что души-то все равно мертвые.

С передней парты обернулся Андрей и совершенно серьезно спросил:

— Кто-нибудь объяснит мне, как душа может быть мертвой? Эй, Серега, ты чего уставился на Гоголя, ты спишь?! Просыпайся, просыпайся, давай! Да быстрее, а то этот Кинг-Конг мне руку оторвет!!!

Я открыл глаза. Лицо Гоголя расплылось, почернело и превратилось в объемную короткостриженную голову негра на толстой шее. Голова открывала рот, называла меня «сэром», себя — Варфоломеем и спрашивала, что ей делать с этим молодым человеком, который потревожил мой сон, открыв дверь собственным ключом, после чего и был задержан.

Вы спросите: как я все это воспринял? А вас когда-нибудь будили негры?

И тут «призраки» из вчерашнего дня вынырнули из моей памяти, чтобы вновь завладеть моим сознанием. На столе лежал прибор-индикатор, конверт с пачкой долларов, мой экземпляр контракта с «Америкэн перпетум мобиле» и еще какие-то документы и рекомендации.

— Варфоломей? —утвердительно спросил я, и мгновенно войдя в роль, повелел: отпустите его.

Поэт Андрей Белов был настоящим другом, не «заслуженным», но милостью Божией — поэтом, по причине чего имел ключи от моей «хрущевки». Он мог прийти и днем и ночью, когда улетучивалось вдохновение, появлялось желание выпить и заканчивалось терпение у его жены. Работая одновременно сторожем и дворником в детском саду, он едва сводил концы с концами и часто жаловался на то, что его жена, «отбывая рабочее время» в еще не закрытом проектном институте, получает больше его. Издав маленький сборник стихов в «эпоху» перестройки, на второй он не смог собрать денег. Стихи, как Вы знаете, нынче не в моде. Меценатов не находилось, а я меценатом стать не успел.

Не знаю зачем, но я направил на Андрея индикатор. Вспыхнула зеленая лампа, и я мгновенно испытал сильное искушение заключить с ним устный контракт на приобретение биоэнергетической субстанции, но прежде все же заставил себя пойти умыться. Негр встал молча у входной двери, как часовой, и только движение широких ноздрей говорило о присутствии жизни в его могучем организме. Пройдя мимо его, я заметил, что едва достаю ему до плеча.

Пока я приводил себя в порядок и одевался (кстати, Варфоломей привез мне новый костюм, стопку сорочек, груду галстуков, плащ, как у Сэма Дэвилза и даже престижную авторучку), Андрей, сидя в кресле, пробовал виски различных марок, которые невесть откуда взялись на моем столе. Выпиваемые рюмки он перемежал вопросительной болтовней: ограбил ли я банк, получил ли наследство за бугром, на какую разведку работаю, почем продался, откуда у меня в квартире Майк Тайсон, глядя на Варфоломея, где нарубил капусты, глядя на приоткрытый конверт с пачкой долларов…

— Мы должны куда-то ехать? —осведомился я у водителя.

— Да, сэр. Отвезем Вашего приятеля куда он пожелает, и я покажу Вам офис.

Варфоломей говорил без малейшего акцента, и я подумал, что есть, наверное, специальные русские негры.

Прилично захмелевший Андрей попросил, чтобы его отвезли домой. Всю дорогу мне казалось, будто он что-то хочет сказать мне или спросить. Но слова эти, видно, еще не созрели, и он угрюмо хмурился, глядя в окно. На пороге своего подъезда он оглянулся, с каким-то сомнением окинул взглядом лимузин, но так ничего не сказал.

Потом мы петляли по узким улочкам исторического центра, где стоят вперемешку деревянные и каменные особняки, взирающие на день сегодняшний со степенностью и усталым безразличием. Машина остановилась у дома под номером «22», на улице Дзержинского. Сморщенное серое лицо старика — вот что напоминал фасад этого дома. Крашенная за последние тридцать лет только дождями штукатурка кое-где отвалилась пластами, обнажив красную кирпичную кладку. Мутные сонные окна, казалось, больше смотрят вовнутрь, чем наружу. Зато на заборе размещалась яркая голубая табличка, извещающая о расположенном здесь представительстве компании «Америкэн перпетум мобиле». Варфоломей сказал что-то о предстоящем капитальном ремонте, и мы вошли в дом.

Внутри оказалось просторно и даже уютно. Большая прихожая-коридор шла мимо четырех дверей и упиралась в одну — двустворчатую, на которой висели три таблички: «Приемная», «Директор филиала» и пустая — место, куда вероятнее всего, планировалось поместить фамилию и инициалы будущего шефа. Так как шефом был я, то прошел прямо, по-хозяйски распахнул дверь и остановился на пороге. У светящегося экрана компьютера сидела очаровательная девушка лет двадцати пяти, которая, увидев меня, а за моей спиной Варфоломея, тут же встала и представилась:

— Гражина, секретарь-референт — делопроизводство, оргтехника, машинопись...

5

Водитель — негр, секретарша — полячка, начальник — неудачливый российский коммерсант. Хорошая компания! В этой компании уместными мне казались только длинные стройные ноги Гражины. Подробно изучив их визуальные достоинства, я бодро встряхнулся и, потерев руки, деловито спросил:

— Ну, что у нас на сегодня? Как меню в столовой.

Гражина также деловито открыла лакированную папку и зачитала неожиданно длинный перечень посещений и приемов на сегодняшний день. Список посещений был особенно странным: от распивочной забегаловки на вокзале (где мы часто бывали с Андреем) до посещения заместителя главы администрации какого-то там Чуфылдинского района. Переварив все это и получив в руки специально подготовленное расписание с подробными инструкциями и разъяснениями, я уже мчался на вокзал, задумчиво развалившись на заднем сидении нового служебного «линкольна». Отбросил папку с пояснениями и решил предаться вольной импровизации. На мгновение, как молния, меня пронзило некое подобие интуитивного сомнения, чувство опасности, испуг перед таким головокружительным разворотом событий, но посудите сами, какая хорошая начиналась жизнь! Кто бы из вас отказался?

— Что я должен делать в этой забегаловке? — спросил я у Варфоломея на вокзале.

— Пойдите и чего-нибудь выпейте, сэр, — четко ответил он. — У Вас будет несколько возможностей заключить контракты. И неодобрительно посмотрел в сторону оставленной на заднем сидении папки с инструкциями.

Я уверен, что только благодаря своему пижонскому одеянию испытывал в тот день невероятное отвращение к подземному вокзальному буфету, где нередко, бывало, напивался до чертиков. И какими липкими мне показались пол и стены, какими немытыми — стаканы, и какими отвратительными — лица посетителей! Заказав привычную «сотку» и бутерброд, я встал у столика в углу, за которым боролся с бутылкой одинокий мужчина лет пятидесяти, судя по одеянию — бывший (загнанный перестройкой в это подземелье) интеллигент. Окинув меня мутным изначально неприязненным взором, он напрямую спросил:

— Неужели и такие здесь опохмеляются?

— Я — завсегдатай, — ответил я, залпом опрокинув стакан для вящей убедительности. Водка была теплой и противной.

— А я здесь в первый раз, — сообщил мужчина и плеснул в мой стакан из своей бутылки. — Петр Петрович, — представился он и, подняв свою емкость, предложил: — Выпьем, чтобы наши дети не были такими сволочами?!

Я согласился, и мы выпили. Потом выпили еще. И еще. Я купил вторую бутылку, а Петр Петрович стал клевать, все же пытаясь рассказать о своей беде.

— Ты не поймешь. Вот будет у тебя сын-сволочь, тогда поймешь... Не дай Бог, конечно, но опять же: чем черт не шутит... От «адидасов» и «панасоников» до сволочизма один шаг, ша-а-аг!!! Я, блин, инженер по специальным спе-ци-аль-ным средствам связи, я ему все отдал, а он такое... Мать лет десять назад умерла от рака, а я усирался на работе, чтобы эти самы «адидасы» у моего Ромочки бы-ы-ли... Но ведь теперь хоть лоб разбей, не угонишься... Опрезидентили страну!!! Мозги не нужны стали, а у Ромочки мозг ком-м-мерчески устроен стал... Понимаешь? Бабка с нами живет, мать моя, в-восемьдесят лет ей, едва ходит, всю войну прошла, теперь еле ходит, еле соображает, медали целыми днями перекладывает да фотографии старые, но ведь это не значит, что ее убивать надо! Д-да у-би-вать!!! Эт Ромочка... Бабуленька его с пеленок нянчила, а теперь своим существованием досаждает, он говорит: «Давай, батя, застрахуем бабу Клаву на десять лимонов, а она в ванной поскользнется и об уг-гол виском. Деньги, говорит, для страховки найду, только п-проценты п-потом вернем, а так, мол, тот же лимон на похороны понадобится...» Ты не думай! Не думай, слыш-шь!!! Я Ромочке хотел Тараса Бульбу показать: я тебя породил, я тебя и убью, но он мне своей «адидасиной» так промеж ног заехал, едва до сюда доковылял, здесь и упаду... А напоследок он еще мне сказал: «Д-думай старик, а то впустую небо коптишь, не лучше бабы Клавы, та-то хоть не соображает, а ты... ты — жертва коммунизма». Во как! Ж-жертва! Тут Петр Петрович зашелся навзрыд.

Я вдруг понял, что от меня требуется. Пьяные мои мысли подло нащупали беззащитную цель, и я лупанул прямо из пушки:

— Хочешь десять миллионов, Петр Петрович?

Он даже не отреагировал. Потом было промямлил что-то про издевательство и уже хотел упасть под стол, но я почти закричал:

— Я куплю у тебя биоэнергетическую субстанцию!

Какая вам разница, как я ему объяснил, что от него требуется. Он готов был продать и душу. Когда я записывал в блокнот: «Полуэктов Петр Петрович, 1946 г.р. и т. д.», Варфоломей за моей спиной уже держал туго набитый конверт. Я даже позавидовал тому, что он за один день заработал столько, сколько даже в лучшие свои коммерческие времена я не мог заработать за две недели. Кстати, Варфоломей благополучно доставил его домой, к Ромочке. Я же вернулся к рюмочке и услышал, как за моей спиной двигался приглушенный ропот, а для беседы со мной созрел новый клиент...

Расценки в этот день были разные: от бутылки до десяти миллионов. Видно, Петр Петрович определил потолок. Никто не спрашивал, что за зеленая лампочка почти не гаснет у меня в руках, никто не спрашивал, что такое биоэнергетическая субстанция и на хрена она мне нужна (зато именно об этом велись пьяно-научные разговоры за другими столиками). Это то, что я помню. А вот как я отдал маленькой женщине двести долларов просто так (потому что ее больному ребенку необходимо дорогое лекарство), я не помню. Был провал. Смутно и размыто: маленькая женщина со слезами на глазах. У нее слезы, у меня слезы. И дал эти паршивые двести долларов просто так. Я даже не подумал, что с нее следует стребовать биоэнергетическую субстанцию. После нее на очереди оказался какой-то бугай, направив на которого, я с трудом разглядел, что не горит ни одна лампочка. Это был Варфоломей.

— Вам нельзя столько пить на работе, сэр. Это может отразиться на Вашей карьере, сэр. Могут быть вычеты и штрафы. И главное, мистер Билл, вероятно, забыл Вам объяснить, что когда Вы не используете возможность заключения контракта, оказывая при этом услуги за счет фирмы, Вы теряете свою биоэнергетическую субстанцию. Хоть и незначительно — в микродозах, но нельзя быть таким сентиментальным, я понимаю Ваши чувства к этой женщине, они обострены алкоголем, я отвезу Вас в офис, сэр, где вы сможете отдохнуть и принять специальные таблетки от алкогольного опьянения, Гражина Вам поможет, а пока отдыхайте здесь, сэр... И я провалился с его огромных рук на заднее сиденье автомобиля.

Что-то я тогда хотел у него спросить насчет своей биоэнергетической субстанции, сказать ему, что он хороший мужик, но наползающая бессмысленная темнота была сильнее.

6

Гражина разбудила меня после двух. Я в одних трусах лежал на диване, подпирая головой маленькую упругую подушку. После несколькочасового сна и горсти таблеток я почувствовал себя лучше и отрезвел. Умывшись, я вновь облачился в «спецовку» и выслушал от Гражины расписание на вторую половину дня. Честно говоря, я уже думал о вечере и о том, куда дену сегодняшнюю тысячу долларов. Представьте себе: тысяча долларов за один день, а завтра будет столько же! Да еще я не считал выданных мне

вчера подъемных. Поэтому, поглощая кофе с бутербродами, я ломал голову над предстоящими затратами, вспоминал долги и даже не помышлял о каких-то там посетителях. Но вошла Гражина, и поезд тронулся дальше...

Первым был нагловатый молодой человек в джинсовом костюме. Не расшаркиваясь особо у входа, он ломанулся к моему столу и кинул на полированную поверхность цветастую визитку:

— Ваша?

Визитки я раздавал сегодня в забегаловке на вокзале, и мне, не взирая на стыд из-за пьяного состояния, пришлось сознаться.

— Моя.

— Я Рома, — сообщил молодой человек. — Вы моему пахану десять кисленьких на вокзале отвалили. Так вот, я и мои три друга готовы продать Вам наши... Как их там?..

— Биоэнергетические субстанции.

— Да, биоэнергетические субстанции. Но, учитывая оптовую поставку, мы желаем иметь тридцать пять лимонов.

Кое-как я сдерживал тошнотворную неприязнь, перебирая в голове матерщину в девятнадцать этажей, но вынужденное профессиональное отношение к клиенту заставило меня холодно, но весьма вежливо ответить:

— Во-первых, молодой человек, оптовые цены, по законам рынка, всегда ниже розничных. Во-вторых, биоэнергетическая субстанция Вашего отца значительно качественнее, тем более прошла обработку временем (под столом я уже любовался зеленой лампочкой индикатора, которая и впрямь была тускловата), поэтому могу предложить Вам только по пять миллионов рублей, что в сумме на троих составит... я с достоинством воспользовался калькулятором, чтобы совершить эту сложнейшую математическую операцию... пятнадцать миллионов рублей.

В моих глазах, видимо, было столько сонного безразличия, что Рома, оглянувшись на дверь, решил посоветоваться с друзьями. Я знал, что они согласятся. И когда контракт был заключен и Гражина заносила данные в компьютер, я смотрел в окно, где трое молодых людей перепрыгивали сугробы и попеременно крутили пальцем у виска.

— Прекрасная работа, сэр, — услышал я за спиной одобрение Варфоломея и, подмигнув ему, вернулся в кабинет.

Следующим посетителем был лысый круглый и неприятный толстяк. В руках его была папка, из которой он извлек листы с длинными списками фамилий и дат.

— Вот, — ответил он на мой немой вопрос. — Это списки работников моего предприятия, их биоэнергетические субстанции в Вашем распоряжении. С тех пор как я с помощью Вашей замечательной фирмы сохранил за собой управление заводом и получил новые материальные перспективы, я решил, что имею полное право, нет, даже обязан предложить Вам биоэнергетические субстанции моих подчиненных.

— Они все согласны? — спросил я.

— Разве их следовало об этом спрашивать? — возмутился он.

— Без их согласия я не могу заключить с Вами контракт. Под столом горела красная лампа.

— Но я не прошу многого! Человеку просто необходим дальнейший рост!

Его возмущение насмешило меня.

— Когда-то Вы уже воспользовались услугами «Америкэн перпетум мобиле» и сами назначили цену за свою биоэнергетическую субстанцию. Продавать же чужую, даже ради общественного, в Вашем понятии, блага, Вы не в праве. До свидания.

Уходя, он пообещал пожаловаться президенту Соединенных Штатов и в ООН. «Вы еще услышите вой русских бомбардировщиков, Вы еще вспомните шведов под Полтавой!»

Потом в кабинет вошла тихая совершенно седая старушка с хозяйственной сумкой в руках. Примостившись на самый край стула, она некоторое время молчала. Смотрела на меня так, будто хотела заглянуть в душу, а может наоборот, — раскрыть свою.

— Это, конечно, нельзя, — наконец начала она, но я все же зашла спросить: можно ли вернуть социализм? Хоть какой, хоть сталинский, хоть развитой, хоть застойный... Ненадолго, чтобы я успела умереть.

Даже зная, что за моей спиной вся мощь «Америкэн перпетум мобиле», я не решался ей ничего ответить.

— Я отдам Вам эту самую субстанцию и половину пенсии буду приносить каждый месяц...

Я схватил трубку и попросил:

— Гражина, соедините меня с мистером Биллом.

И почти сразу услышал его тихий, но уверенный голос:

— Я знаю, у Вас проблемы с пожилой леди. Это как раз тот случай, те трудности, о которых мы Вас предупреждали. Дело в том, что из социализма за семьдесят лет мы уже взяли всю возможную и невозможную энергию. А последний горбачевский период был просто небывало урожайным. Так что поворачивать исто-

рию вспять ради сентиментальных воспоминаний этой женщины не в наших интересах, но не все потеряно. Предложите ей коммунизм для отдельно взятой личности. Ведь хотели сначала построить социализм в отдельно взятой стране?! Так и мы: предлагаем ей сразу же коммунизм, только для отдельно взятой личности. Бесплатное питание, одежда, проезд на транспорте, забота школьников, статьи в газетах о пройденном трудовом пути... — словом, все, что она связывает с понятием «коммунизм». Но сами понимаете, ее биоэнергетическая субстанция особенно ценна!..

Старушка печально глядела в окно и поминутно вздыхала. Руки ее перебирали затертые лямки авоськи. Мистер Билл еще говорил о различных способах воздействия на ее сентиментальное сознание, когда она вдруг встала и, смущенно сказав «извините», вышла из кабинета. Я в растерянности положил трубку, в дверь заглянула встревоженная Гражина:

— Что-нибудь нужно, Сергей Иванович?

Я хотел, чтобы старушка вернулась, но этого Гражина сделать не могла. Я хотел помочь старушке просто так... Гражина, закрывая дверь, предупредила:

— Нельзя так волноваться из-за каждого клиента, Сергей Иванович.

Следующая клиентка требовала продолжения очередного телесериала не менее чем на год. И хотя меня уже тошнило от иностранных мыльных опер, я с удовольствием заключил с ней контракт, пообещав завтрашним вечером первую серию.

Под конец дня мы выехали с Варфоломеем в Чуфылдинский район, где ожидал нас заместитель главы администрации. Первоначально он показался мне человеком серьезным и озабоченным. Представившись Иваном Юлиановичем Остапчуком, он с небольшим малороссийским акцентом заговорил о сложном международном положении, о небывалом за последнее десятилетие возрождении российско-американских отношений на уровне вверенного ему Чуфылдинского района. В то время как Глава администрации следит за исправностью кочегарок, ремонтом комбайнов и сенокосилок, его заместитель настойчиво создает совместные предприятия, даже в небольших и неприметных деревнях. Если присмотреться к российской глубинке, оказывается и там можно найти интерес для иностранных инвесторов. Тем самым Иван Юлианович подготавливает быстрое и безболезненное присоединение Чуфылдинского района к мировому сообществу, и даже, если потребуется, вхождение его в НАТО в качестве полигона для

проведения широкомасштабных учений в условиях российского бездорожья. Учитывая свой скромный вклад в развитие международных отношений и экономики района, Иван Юлианович полагал, что на следующих выборах он... Я достал индикатор и вдруг подумал, что никогда не верил в правдивость публикуемых результатов выборов и переписей.

7

Поздно вечером я сидел в кресле у себя дома и пил дармовое виски. Ни о каких развлечениях думать не хотелось. Стоило только закрыть глаза, как начинали плыть в темноте зеленые лица американских президентов на долларовых купюрах различного достоинства. Но как я не силился, не мог вспомнить ни одного лица прошедших за день через мои руки клиентов. Зато отчетливо вспомнил ту маленькую женщину на вокзале. Я так и уснул бы в кресле от усталости и тошноты, но стук в дверь помешал мне. На пороге стоял Иван — второй друг детства — в форме старшего лейтенанта милиции.

Когда после университета пришлось выбирать между школой и милицией, он предпочел Школу милиции. Разницу в наших школах он определял так: «У вас образование общее, а у нас — астрологическое, ориентируемся по звездам на серо-синем суконном небе».

— Земля слухами полнится, — сказал он, перешагнув через порог.

— Ты встретил Андрея?

— Нет, — продолжил он уже после первой рюмки. — Знакомый опер из безопасности сообщил, что мой друг открыл филиал богатой американской компании и сыпет долларами направо и налево в обмен на какую-то туфтовую биоэнергетическую субстанцию. Цитирую документ: «Америкэн перпетум мобиле» содействует дальнейшему развитию российско-американских связей, а также являет собой пример достойного инвестирования в отечественную экономику». Что скажешь? Но, между прочим, они там подумывают, не пришить ли тебе дело о подрывании российской экономики. Даже доллары твои на вшивость проверяли...

Я слушал его вполуха, демонстрируя наплевательское отношение к силовым структурам нашего государства. Старший лейтенант милиции напротив меня хлестал виски и закусывал их кон-

сервированной германской ветчиной. Что-то он там говорил об отупевшем спивающемся народе, о том, что пора позаботиться о себе и своей семье. Мол, в этой жизни у нас и так мало хорошего.

— А для меня семья — главное, Серега.

Нет, он ни о чем не просил. Не таким был Иван. Но я уже сонно читал подстрочник его слов и достал индикатор, хотя прекрасно знал — ярко загорится зеленая лампа. Почему-то я испытал приступ ненависти к этому заморскому прибору и швырнул его на диван. Заметьте, ограниченный приступ ненависти! Осторожный такой! Самому себе показушный. Я ведь не на пол его бросил, где он мог разлететься на части, обнажив свое хитроумное нутро.

— Ты составил список своих пожеланий, Вано? — спросил я, раздраженно перебив друга.

— Ну, в принципе, я всегда знаю, чего хочу.

— Знаешь?! Так вот перечисли все это в своей ментовской башке и забудь навсегда. Мне в твои «один раз живем» не уложиться. Не буду я у тебя биоэнергетическую субстанцию покупать. Нутром чую, еще спасибо скажешь. Не знаю, правда, когда. Капусты, Вань, я тебе на любое материальное благополучие дам…

— А мне подачек не надо, — сказал старый друг и, опрокинув адцатую рюмку, стал застегивать шинель.

Я даже не смогу Вам передать, как мне стало хреново. Просто больно где-то внутри и тупо. Я видел, что ему хочется потрясти меня-хапугу за грудки, но мой заквашенный мозг искал хоть какой-нибудь компромисс. И придумал…

Для наглядности я заставил Ивана собственноручно писать договор купли-продажи его биоэнергетической субстанции. Приложением к нему служил довольно длинный список требуемого (тут уж я не скупился): от семейного счастья и здоровья до автомобиля и дачного участка… Нет, не подумайте только, что я его осуждаю. Просто именно в тот момент меня мутило от этого списка, мутило оттого, что Иван встал в нескончаемую очередь сегодняшних клиентов. Положив договор в карман, я застолбил в своей голове, что компьютер никогда не узнает о его содержании. Мы стали пить.

Где-то после второй бутылки появился Андрей. Он тоже был немного пьян, но еще и полон решимости продолжать начатое.

— Привет от Бахуса! — радостно выкрикнул он с порога и сразу налил себе «штрафную».— В «подземке» сказали, что какой-то идиот скупал там сегодня *биоэнергетические субстанции*

(!!!) других идиотов по значительным ценам. Он вопросительно посмотрел на меня. — А я вот хрен тебе продам! Думаю, выпить ты мне и без этой самой субстанции нальешь... И он выпил. — Может быть, мои стихи никому не нужны, может быть, я вообще зря копчу небо, но уж что от Бога мое, то — мое. Он перешел на стихи:

— Случайная, безвестная
Изгнанница небесная
Падучая звезда
Засветится над бездною
И вновь за гранью звездною
Догаснет навсегда...
Не так ли ей попутная
Пройдешь ты, жизнь минутная,
В безвестные края?
Не так ли ты, случайная,
Уснешь, как греза тайная
За тайной бытия.

С минуту мы молчали. Я спросил:

— Твое?

— Нет, Гарцевский, начало века.

Иван криво усмехнулся и переменил рюмку на стакан.

— А я — материалист, словно оправдывался он, — иногда. У него была своя правда, в подобных случаях он не обижался. Часа в три ночи меня разбудил телефонный звонок. Холодный голос Билла предложил мне больше не путать служебные обязанности и приятельские отношения, ибо этим я могу очень сильно навредить себе. «Вы не распускайте добрые нюни, — как-то интересно выразился он, — в этом мире каждый выбирает себя. А сейчас примите таблетки Гражины и ложитесь спать полноценно — в постель. Варфоломей заедет за Вами в восемь тридцать».

8

Следующий день мало чем отличался от предыдущего: две поездки к отцам города после обеда (они, естественно, выражая заботу о городских нуждах, заботились о своей карьере) и длинная вереница посетителей до обеда.

Просматривая утром газеты, я неожиданно для себя обнаружил шикарную (на целый газетный лист) рекламу «Америкэн пер-

петум мобиле». «Биоэнергетическая субстанция — это то, что не нужно Вам и необходимо человечеству!» — огромными буквами в центре листа. Внизу более мелко: «Биоэнергетическую субстанцию у Вас приобретут по адресу... ул. Дзержинского, 22, с 9 до 13 часов ежедневно, кроме субботы и воскресенья, телефоны для справок...» Ну прямо донорский пункт! И снова здоровенными буквами внизу листа на фоне груды автомобилей и бытовой техники: «Станьте богаче, исполните свое заветное желание!» Внизу совсем мелко — подробности. Чуть позже я узнал от Гражины, что реклама шла также на радио и телевидении.

Сколько же я принял в этот день продавцов-посетителей, если в среднем я затрачивал на человека 3—5 минут, а в коридоре томилась длинная очередь? Я не переставал удивляться, почему не растут цены на биоэнергетическую субстанцию, плавают от мелочи до миллионных сумм, но остаются в разумных пределах? Ведь люди в очереди порой рассказывали небылицы о предлагаемых и уже выданных фирмой миллиардах. Потом уже в мелком шрифте рекламы (а уж ее-то они умеют делать) из лежавшей на столе свежей газеты снова вычитал о заветном желании. Получалось, «Америкэн перпетум мобиле» — этакий добрый волшебник, который как бы бескорыстно помогает людям достичь желаемого. И ведь никто не усомнился! Просить больше заветного желания не рекомендовалось. Из какого же завета нужно было откопать это заветное желание?

Обо всем этом думал я, раздавая дачи, автомобили, квартиры, различные денежные суммы, платья от Кардена, парфюмерные наборы, путевки во все части света или, например, сборник всех пластинок «Битлз»... Это в материальном смысле. Реже просили нечто «для души»: женщины — мужей-иностранцев (хотя бы со средним достатком), мужей-академиков, генералов; мужчины, если и интересовались женщинами, то только в количественно-качественном смысле. Что уж тут говорить о тещах, ненавидящих своих зятьев и наоборот, просто о злопамятных людях, которые за мелкую обиду желали «своим кровным врагам» всяких пакостей. Двум из них я отказал. Они просили смерти. Один — для себя (но легкой), другой — для бывшей, изменившей ему любовницы (но мучительной и долгой). Я отказал им. Какой-то предохранитель внутри меня сам по себе сработал. И сделав это, сразу вспомнил ночной звонок мистера Билла. Честно говоря, его советы начинали надоедать мне с той геометрической прогрессией, с какой нравились нашему президенту постоянные советы американского. Я даже представил себе, как и что мистер

Билл может мне сказать: «...мы же Вас предупреждали... мы позаботимся сами о наших клиентах...уверяю Вас, лучшей судьбы они сами себе даже и не придумают и тем более никогда не смогут этого получить...» Звонил он мне? Говорил это?

Зато хорошо помню посещение двух милых на вид пенсионеров. Старик и бабуля лет под семьдесят. Худощавые и невысокие, с доброжелательными улыбками на лицах, они вошли и, смущаясь, некоторое время переминались с ноги на ногу.

— У нас к Вам очень необычная просьба, — сказала старушка.

— Я к этому привык, — ответил я таким тоном, будто занимался этой работой не два дня, а два года. — Садитесь.

— Вы приобретаете так называемые биоэнергетические субстанции? — вероятно, в этом возрасте семьей командовала старушка.

— Да.

— Мы прожили с Порфирием долгую и счастливую жизнь. Недавно отметили полувековой юбилей совместной жизни. У нас четверо детей, восемь внуков...

Я приготовился долго слушать, изображая на лице вежливую внимательность. Старики были милыми, но выслушанные за день тысяча и одна просьба, пожелания, излияния делали их вступительную речь нетерпимо долгой. Главное было услышать главное.

—...И вот мы решили не продать Вам, а приобрести у Вас биоэнергетическую субстанцию...

— ??? — таким было у меня лицо.

— Да! Да! Мы готовы предложить довольно крупную по нашим временам сумму. Спасибо, дети помогли. Вы на эти деньги сможете приобрести биоэнергетическую субстанцию других жителей нашего города. Хотя по городу и идет слух, что ваша перепетум мобиле чрезвычайно богата, но... Вероятно, они решили, что субстанция продлит их счастливую жизнь. Я мог предложить им то же самое в обмен на их субстанцию, но почему-то растерялся. В первый раз за два этих суматошных дня кто-то пытался купить у американской фирмы биоэнергетическую субстанцию! И я отбросил свою растерянность совершенно чиновничьей шаблонной фразой:

— Простите, но я не уполномочен продавать биоэнергетическую субстанцию, и работа моя заключается как раз в обратном.

Когда за извиняющимися, явно расстроенными стариками закрылась дверь, я поймал себя на мысли, что даже не попытался проверить их индикатором. Остальное за меня сделала усталость: пригласил через селектор Гражину и попросил закончить прием.

— У Вас еще разговор с мистером Биллом.

ЧАСТЬ II

1

Обычно март в нашем городе серый и грязновато-скользкий. Весна, как запыхавшаяся спортсменка, дышит вдоль улиц резкими порывами такого же серого ветра: вот, мол, прибежала, не опоздала, и финишная ленточка на груди. А зима уходит лениво, ворча небольшими морозцами да бросая иногда через левое плечо редкие хлопья снега. Так и топчутся целый месяц.

Иногда у каждого человека бывает счастливое утро, и он объяснить не может почему. У меня всегда так было… Когда не с похмелья. И весна наступала, как счастливое утро, только сутками в этом случае выступал целый год. А к маю, когда по меркам этого утра в город оранжево вкатится солнце, обрамленное белизной яблоневого цвета, наступал апогей этого беспричинного счастья…

Эта весна была другой, хотя сквозь туманную серость вдруг прорывалось светло-голубое небо и плакали растроганно крыши. Может быть, лишь для меня она была другой. Только иногда (а пешком я ходил благодаря навязчивой заботе Варфоломея тоже только иногда), словно давно забытый вкус, и только мельком чувствовал, ощущал летящее мимо меня дыхание весны. И мне было больно и хорошо.

Самым тяжелым в каждом дне был вечер. Тогда одолевала вязкая беспроглядная тоска и безысходность. А самой беспокойной порой, временем кошмаров становилась ночь.

Сны! Я проваливался в них из какого-то липкого полузабытья и сразу становился беспомощным рабом-наблюдателем жутких зрелищ и действ, в которых вроде бы сам я участия не принимал. То виделись мне адские машины (не подумайте о «безобидных» взрывных устройствах), то миллионы роящихся друг вокруг друга, сидящих друг на друге чудовищ, то брели по зеленым болотам то ли гуманоиды, то ли мутанты, то водили вокруг меня дикий хоровод голые ведьмы. Настолько голые, что все их прелести просто торчали в мою сторону невообразимым способом. И всюду раздавался стон и скрежет зубов… Это последнее, мне кажется, я где-то уже читал.

Да нет, господа-товарищи, я вам тут не рисую очередную эколого-ядерно-демографическую катастрофу из очередного су-

пер-американо-фантастического фильма, режиссер которого сердобольно-патетически-пророчески предупреждает: вот оно как будет, через мое искусство зрите! Фига ли предупреждать!? Главное предупреждение, почитай, за две тысячи лет до него написано (это мне уже здесь сообщили, так что вы лучше там читайте). Я тоже, как и большинство из нас, переболел полтергейстами, барабашками, НЛО различных модификаций, гуманоидами и прочей нечистью. Было время, когда говорить об этом считалось правилом хорошего тона. Но одно дело говорить об этом, читать и кидаться в любой угол, где кому-нибудь что-нибудь померещилось, и совсем другое дело — видеть всю эту мерзость каждую ночь во сне.

Узнав о моих «психоделических» проблемах, мистер Билл серьезно озаботился моим здоровьем и выписал для меня всяческих экстрасенсов отечественного и зарубежного производства. То, что они со мной делали, можно увидеть во множестве телепрограмм. Но я все же вынужден признать, что на какое-то время они смогли мне помочь. Видения покинули меня, сны стали обычной черной бездной, и только днем оставалась тяжелая тягучая тоска. Знаете, на что она похожа? Представьте себе, что Вы все уже в этом мире знаете, все уже перепробовали, и каждый новый день приносит только мучительные повторения. Как ежедневное сдирание присохших бинтов с незаживающей раны.

2

Я разбогател настолько, что перечислять мою собственность следует в отдельной главе. Такого времени у меня нет. Фирма, между прочим, даже разрешила мне заниматься благотворительностью. В разумных, разумеется, пределах. И наверное ради того, чтобы потешить мое самолюбие, создать иллюзию доброго дяденьки из очередного совместного предприятия.

Порой я срывался с работы в дневные часы, оставляя на пороге изумленно-испуганного Варфоломея, и пускался слоняться по городу. Просто так, без всякой знаемой цели. Зато я знал, какие цифры старательно помнит компьютер Гражины и как подмигивает ему голубым экраном мой домашний. Несколько новых, нанятых мною с помощью мистера Билла помощников с несказанным рвением сновали по городу в поисках новых продавцов биоэнергетической субстанции. И находили. За свои пятьдесят баксов в день они находили

чуть ли не пятьсот человек ежедневно. Для них оборудовали еще три кабинета, на улице и в коридоре постоянно толпились посетители. А я отвечал за солидных или особо необходимых фирме клиентов. Прежняя «рутинная» работа доставалась мне редко. Кто были мои помощники? Ну что с того, если я скажу Вам, что один был музыкант (да еще какой!), другой — известный в городе психотерапевт, третий — доцент, профессор вуза?..

Я ходил по весенним улицам как живой дозиметр, держа в опущенной руке индикатор с постоянно нажатой кнопкой, и она радостно мигала мне красной кнопкой на каждом четвертом, а то и на каждом третьем встречном. С витрин и щитов, с афиш и плакатов — со всех углов и стен (так мне казалось) била в глаза «сладкая» зазывная реклама: «Америкэн перпетум мобиле». На деньги которой я так привык жить.

Многие горожане почтительно или наоборот торопливо, как бы с чувством легкого стыда здоровались со мной, а я отвечал им каким-то сквозь-зубным «за-се» и двигался прочь, выбирая районы постариннее, помалоэтажнее, потише. Если случалось забрести в деревянный, раскосый, судя по столбам и домам «Шанхай», то часто встречал навязчивых знакомых из забегаловок и первых клиентов, отдавших свою субстанцию за ящик, а то и литр водки. Они каждый по-своему начинали клянчить на бутылку, жаловаться на жизнь или упрекать меня, и я как-то сонно, будто под гипнозом, раздавал им долларовые и рублевые купюры различного достоинства. На этом наше общение прекращалось. Только один раз пьяная компания хотела набить мне рожу из пролетарских соображений, но откуда ни возьмись появился Варфоломей и возбудил в них своим великанством чувство интернационального раскаяния.

Гуляя по городу, я мог случайно набрести на брошенную в какой-то из дней на какой-то из улиц какую-то из своих машин. И тогда, если у автомобиля были на месте колеса, дверцы, лобовое стекло, бензин в баке и т. д., я нехотя возвращался на ней в офис.

Кроме «особых» клиентов, которых я любезно лишал биоэнергетической субстанции за услуги чуть ли не государственного масштаба, ко мне на аудиенцию прорывались порой «простые смертные». Они, что называется, и выбивали меня из рабочего ритма. Поэтому Гражина как могла сокращала их ежедневный поток. И тем не менее они тоже выработали на нее иммунитет и придавали себе напускной важности, изображая чиновников и деловых людей, даже заставляли Гражину раскрывать перед ними дверь. А на поверку оказывалось...

Один клиент, очередной отец «заблудшего» сына напомнил мне моего первого клиента — Полуэктова Петра Петровича. Чисто визуально. Было в нем что-то от работника обанкротившегося НИИ. Но внутри он оказался совсем другим человеком. Не таким размазней. Он решительно вошел в кабинет и с порога представился:

— Семенов Андрей Григорьевич. Сел напротив без приглашения. Я кивнул, мол, слушаю.

— Выручай, Сергей Иванович! — Резко и горько сказал он, руки у него при этом слегка тряслись. — Выручай, а то я их всех поубиваю! Да если бы он мог, я бы его вот этими руками, как Тарас Бульба! Я тебя породил, я тебя и … Эх! — здесь ему нужно было помолчать, поиграть желваками. — Сын у меня, Алешка, — снова начал он, — он, понимаешь, самостоятельный. Студент университета, а от отцовской помощи отказался. Не надо — и все! Вырастили, и на том спасибо! Стал по ночам дежурить в нашем захирелом НИИ, я его туда сам и устроил, в котором кроме макулатуры и пары компьютеров сторожить нечего. Шестьдесят комнат на двух этажах, сто двадцать столов… И первый этаж, как нынче водится, зарешеченный. Почему именно в его дежурство?! — он снова выдержал нервную паузу, растирая кулаки. — Короче: залезли из подвала, компьютерную кухню вскрыли и спустили все эти ящики со второго этажа на талый снежок. Наследили прилично, сам видел. По утру, естественно, милиция, как официант с заказанным час назад обедом. Вопросов много задавать не стали. Повязали моего Алешку и в КПЗ. Версия у них, как у Холмсов, еще в дороге, видать, родилась. Следов много — искать долго. На хрена время тратить, если преступник под боком. Стали шить это дело Алешке: якобы он наводчик, сообщник, а то и главарь этой команды. Бьют, конечно, но аккуратно, чтобы следов не оставалось. Алешка на свидании сказал, что даже бывалые зэки такому беспределу удивляются. А каково ему, восемнадцатилетнему?! Да что я тут тебе расписываю! Если можешь, забирай мою биоэнергетическую субстанцию и выручай. Мать с ума сойдет… Я, как только о вашей фирме вычитал, сразу сюда. А если надо, то и мать прибежит.

Я молчал минуты две. У меня так бывает, когда перевариваю несправедливость, внутри кипит. Он ждал. О чем я думал? Если в двух словах: о том, что я ему верил. Мы и без всяких объяснений из тюряги еще и не таких выцарапывали (если, конечно, я на это шел). А тут!

— Ничего я у тебя, Андрей Григорьевич, брать не буду. Оставь себе свою биосубстанцию (мистер Билл, ты закусил губу?). Попробуем решить это дело частным образом. Вот тебе восемь тысяч долларов. На них можно купить два неплохих компьютера, но лучше купить одного следователя. Поймать его за руку при этом весьма сложно, там отлаженный механизм. Так что как употребить эти деньги, решайте сами.

Он взял конверт с деньгами и протянул мне листок с адресом:

— Будет плохо — приходи. И ушел.

Мистер Билл не заставил себя долго ждать. Телефонный звонок позвал мою руку, когда за Семеновым только-только закрылась дверь.

— Вы уверены, что его сын действительно не является сообщником?

— Я ему верю!

— Пусть так. Ваше право, — как-то сразу согласился он. — Но вот что касается Вас... Мне кажется, месяц напряженной работы расшатал Ваши нервы. В какой части земного шара Вы хотели бы провести несколько дней? Подумайте об этом очень хорошо. Фирма ценит Вас как отличного специалиста, и мы готовы на любые расходы. Отдохните от вашей российской серинки, а если Вам по душе серость, езжайте на туманный Альбион и попробуйте классической лондонской серятины.

— Я возьму пока один день. Здесь. В городе. Я еще только смутно догадывался, что я хочу сделать. В подсознании, если оно и есть, что-то болело, как будто силишься и не можешь вспомнить.

— Хорошо. Но на будущее мое предложение остается в силе. В любое время, исключая выборы и референдумы, тогда у нас, извините, аврал. Надеюсь, Ваше настроение поправится, и Вы не совершите каких-либо сентиментально-сомнительных поступков. Желаю приятно провести время. Он был невыносимо вежлив и спокоен и, казалось, знал лучше меня, как я проведу этот день.

Тут же зашел Варфоломей и озабоченно предложил:

— Я отвезу Вас домой, сэр?

— Да какой я тебе сэр!

3

Как-то отвык я от обшарпанных подъездов и душных «хрущевок». Исписанные сплошь стены, занозистые, несколько лет не

крашеные перила. И усталые двери. Номерки на них, даже если и новые, заражаются всеобщей старостью, выглядят как иероглифы и ничего не говорят.

Дверь мне открыла Елена. Смотрела на меня равнодушно, как будто пришел сантехник.

В жизни мужчины может быть много женщин, но только одна от Бога. Из рук, из уст этой женщины мужчина приемлет все: радость, боль, счастье, зло, пищу, одежду, ласку — все, что принял бы от той жизни, какую, как ему кажется, он выбрал себе сам. Такой женщиной для меня была Елена.

— Ты почему не на работе? — это у меня получилось вместо «здравствуй».

— Проходи, — вместо ответа, — неужели что-то случилось или тебе стало плохо. — Это когда за мной захлопнулась дверь. — Ты же вспоминаешь обо мне только тогда, когда тебе становится жутко плохо... Проходи в большую комнату, у меня еще лежит пара твоих стираных рубашек. Сейчас найду.

— Не надо.

Она в простеньком халатике с неприбранной головой. Не знает, куда деть руки. И ноги тоже. На халате нет нижней пуговицы. И я даже в этот момент успел сравнить похотливо: у Гражины ноги как у киношных красавиц, а у Лены они живые. Подурацки, наверное, сказано, но именно такое у меня было чувство. Да и вообще, я тут не эротические полотна эпохи разгула «русской демократии» создаю!.. Фиг вам! Хорошие у нее ноги! Длинные. И сама стройная. И глаза... И губы... И нос...

А я сидел, как последний не знаю кто, пялился на нее и молчал. Я действительно не заходил к ней целый месяц, и она не приходила тоже. У нее здесь маленький островок и размеренная провинциальная жизнь. И если понесло меня куда-то бурным течением, то так мне и надо. Нужен я здесь как Миклухо-Маклай эскимосам.

— Я думал, я тебя не застану, думал, уроки у тебя. У тебя же обычно уроки в это время. Методдень? — надо же было с чего-то начинать, говорить о чем-то!

— Нет у меня уроков. И работы нет. И школы нашей нет. Ты что-нибудь о развитии безработицы в России слышал? Или твой новый бизнес позволяет тебе не думать об этом?

— Да я сам... месяца два назад... ты же знаешь...

— Я думала, ты позвонишь.

— Что со школой?

— Помнишь нашего директора?

Еще бы не помнить! Два года, отданных за бесценок (то бишь маленькую зарплату) советской школе под начальством хамелеона.

— Он решил посреди учебного года из нашей школы гимназию для «особо одаренных» детей сделать. «Одаренные» в его понятии те, за обучение которых на новом якобы уровне родители готовы платить круглые суммы, а директор львиную их долю будет пускать «на развитие и материальную базу учебного процесса» в свой карман и карман завроно. И не надо такому проходимцу менять привычную обжитую сферу образования на белое пятно на карте российского бизнеса. Видал, как в газете сказала.

— И это ему удалось?

— Махом! Хотя такие штучки, сам знаешь, с объектами образования даже сейчас проходят со скрипом. Масса подводных течений и противоречивых законов. Но он своего добился. Сходил всего раз в «Америкэн перпетум мобиле» — и все само собой решилось. Гром среди ясного неба. Я, наверное, переменился в этот момент в лице.

Но ведь я об этом не знал ничего. Значит, дело нашего директора прошло через замов, хотя условно и считалось крупняком. Может быть, здесь приложил руку Билл, «оберегая» мою ранимую психику? И был прав. Трудно найти на карте место, куда я послал бы нашего дирю (так мы его называли)...

— Ну сделал он гимназию, а ты почему без работы? Ты же неплохой специалист.

— Следующий этап: вытеснение «неодаренных» учеников в другие школы и увольнение неугодных учителей. Неугодными стали все, кто не пошел подписывать контракт в этот американский вечный двигатель. И звучит-то даже не по-русски: «идите подписывать устный контракт». Да в гробу я его видела! Мне талантливых ребят стало жаль. А может, еще спать с этими американцами тухлыми заставят, носки и рубашки им стирать!?

— Ты уже стирала...

— Что-о??!!

— Я директор филиала «Америкэн перпетум мобиле».

И глаза у нее красивые... И ноги стройные...

Ах, как давно я не пил! Две недели!

Я в рот не брал, настолько почувствовал себя порядочным работником. Даже когда у меня оставалась Гражина, я не прикасался к ее шампанскому.

От Елены я шел, собирая по дороге все кабаки и рюмочные. Не мудрено, что к тому времени, когда я ввалился в подъезд собственного дома, у меня включилось состояние «автопилота».

До вечера я спал, не раздевшись, даже не сняв плаща, на диване. Протрезвел быстро, но долго не хотелось просыпаться, потому что вокруг все останется то же самое. Все будет как обычно, и утром приедет Варфоломей и привезет, если надо, Гражину, чтобы погладила смятый костюм и огласила список необходимых мероприятий.

В комнате работал телевизор. Девятичасовые новости сообщали об очередных перестановках в очередном правительстве. Новые интервью — новые обещания. Машинально я достал из кармана плаща индикатор и направил его на телевизор. Этого я еще не пробовал делать. Ярко загорелась красная лампа и почти не гасла до конца программы. Только иногда не горели обе: ни красная, ни зеленая. Первый раз, когда показали нового американского советника по каким-то новым делам, другой — французского предпринимателя, подвязавшегося на покупке российского сырья. Какая у них связь с «Америкэн перпетум мобиле», я мог только догадываться.

Неожиданное любопытство заставило меня направить индикатор на самого себя. И... это не могло показаться, слишком я был сосредоточен — ярко загорелась красная лампа, но тут же, словно испугавшись, погасла и больше не загоралась. Однако я был уверен, что и это недолгое горение означало для меня не самое лучшее. Во всяком случае, я мог рассматривать подобную «засветку» только как предупреждение в свой адрес. Я отбросил индикатор, плеснул себе водки и попытался после ударной дозы заснуть.

4

Утро наступило в двенадцать часов дня — так об этом можно сказать.

Меня совершенно не удивило, что Варфоломей за мной не заехал. Полная апатия и полная уверенность в том, что мистер Билл держит ситуацию под контролем. Будто смотрит с улицы в окно и мило улыбается. «Что, надрались, Сергей Иванович?.. Ну-с, теперь не обрыгайтесь...»

Тяжелое похмелье едва-едва позволило мне умыться и доковылять до холодильника, где таились припрятанные от самого себя на сей черный час несколько банок пива. Одну за другой я опрокидывал их в раскаленное нутро, но пивная пена казалась мне кипящей на сковороде водой. Дармовое американское пиво

могло только слегка разгладить складки на моем лице. А в голове и груди пульсировала давящая тупая боль. Скоро она охватит все мое бренное тело и будет трясти его мелким бесом, пока душа из него не вылетит вон. Боль эта швырнула меня на улицу измятого и небритого, бросила через два квартала в небольшую «кулинарию», где наливали страждущим с самого раннего утра. Если бы мне кто-нибудь десять минут назад сказал, что я дойду сюда без посторонней помощи, я бы из последних сил рассмеялся ему в лицо самым жутким перегаром... Никогда еще мне не было так плохо. Плохо отравленному телу, плохо затравленной душе.

У столика в углу стоял Андрей. Он уже принял первые сто грамм, и ему было значительно легче, чем мне. Он молча наблюдал, как я нетерпеливо расплатился за бутылку и торопливо выпил первую стопку. И только после этого заговорил.

— Я знал, что ты все равно сюда придешь.

— Это ты, выходит, меня здесь дожидаешься? — съязвил я после второй.

— Тебя, — совершенно серьезно ответил он, театрально откусив пирожок с ливером. — Уж месяц дожидаюсь. Так что давай еще по одной за встречу. Сегодня выпьем, но завтра, чур, не похмеляться! А вот этого, — он кивнул на окно, — еще вчера не было. Полюбуйся-полюбуйся!

Первое, что мне бросилось в глаза на противоположной стороне улицы — огромная надпись: «ОСВОБОДИТЕ СЕБЯ ОТ БИОЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СУБСТАНЦИИ! ИСПОЛНИТЕ СВОЕ ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ! «Америкэн перпетум мобиле» объявляет месяц всеобщей дебиоэнергетизации. Дополнительные услуги только в этот месяц...». И т. д.

— Понял? Дебилоэнергетизация! Все-об-щая! Как обязательная флюорография при развитом социализме.

— Бред какой-то, я ничего об этом не знал, — я действительно ничего об этом не знал. Может быть, поэтому мистер Билл торопливо отправил меня на «заслуженный отдых»? Но еще вчера я даже не подумал бы этому возражать. Разве сказал бы, что текст рекламы дурацкий. Не знаю... личное благополучие всегда помогает оправдывать не самые лучшие поступки.

— А ты знаешь, как называют эту компанию в простонародье? — опять заговорил Андрей. — Есть там у тебя специальная служба разведки и контрразведки? Или, может, ЦэРэУ докладывало?

— Нет.

— Душегубкой!

— Выходит, я?..

— Выходит.

И мы стали пить молча. Или, наверное, мы так разговаривали. Понемногу вокруг нас собирались другие алчущие опохмелки. Я угощал, Андрей читал стихи, и даже продавщицы встали поближе к нам, облокотившись на прилавок, чтобы лучше слышать. Как-то само собой разговор вновь закрутился вокруг «перпетум мобиле», и Андрей толкнул меня локтем в бок. Слушай, мол. Изрядно опьяневший, я пытался следить за спорящими «подогретыми» мужиками.

— Да я свою субстанцию за пузырь, как ваучер, отдал. На хрена она мне?!

— Это все равно западные штучки. Войной нас не взяли, так измором возьмут.

— Во-во! А кто им субстанцию эту продал, тот, считай, сам в рабство продался и детям своим подписал. Я слышал об этом, один мужик из умников лекцию читал.

— А я, между прочим, никаких документов им не подписывал, только паспорт показал, что я совершеннолетний. — Засмеялся какой-то старик.

— А мне платить нечем было, куда деваться? Я спьяну на своем четыреста двенадцатом в «мерседес» одного рэкетира въехал. Так он бы с меня живого шкуру содрал, а тут я ему новый «мерседес» поставил, а старый себе оставил. Там делов-то — крыло поправить.

— Да какая разница: хоть Америка, хоть тридевятое царство. Теперь что у них президент, что у нас. Они нас хоть жить научат.

— Вот уж спасибо, научили — похмелиться не на что!

— Зато сами водку смирновскую жарят и не морщатся…

— Да у них все равно лучше!

— Потому и лучше, что со всего света тянут.

— Да ничего они не тянут. Просто жить и работать умеют.

— Это тебе, дураку, по телевизору рассказали? Ты как семьдесят лет всем газетенкам верил и в телик пялился, так и теперь… Ну уж такого дурака и американцы ничему не научат. Тебе завтра скажут, что лучше всего пидары живут, так ты тоже штаны сымешь?

— Зато на демонстрацию ходить не надо.

Общий хохот. И тут в углу заговорил самый пьяный. Он както весь вскинулся, долбанул стаканом по столу, и когда все обра-

тили на него внимание, снял очки, протер их грязным носовым платком и заговорил тихо, без надрыва, но внутренняя его напряженность передавалась всем.

— Душу они из нас тянут. Последнюю, какая еще осталась. А мы дальше стакана и не видим уже. Знаете, почему Александр Невский с татарами мир держал, а просвещенных рыцарей-крестоносцев гнал в шею?

— Не знаем, господин интеллигент, — хохотнул какой-то татарин, но никто его не поддержал.

— Татары, они с нас десятину брали, десятую долю всего, что делалось, производилось... А крестоносцы не только грабить хотели, они хотели душу в рабство взять, а этого русскому человеку нельзя никак. Сам папа римский их на это благословлял. Миротворец, мать его!.. Семьсот лет они нашу душу наизнанку вывернуть хотели да под себя подладить, а за семьдесят лет почти вывернули. Под себя отладили. За шмотки, за красивые обертки, за сладкую жизнь. Был я в этой Америке — хлеб там и то кислый. Хуже нашего нынешнего. Пресные они все, у каждого только за себя задница болит. И мы теперь такие.

— Ой наплел, наплел, умник! — закричала полногрудая продавщица. — Вон у меня сестра Нинка один раз в этот «перпетум» сходила и все! Как в сказке! Все, чего душа пожелала, то и получила: квартиру и мужа! Не вам, алкоголикам, чета! И себя и детей на три поколения вперед обеспечит. А при ваших коммунистах чего бы она получила? Гипертонию, десяток абортов и светлое будущее по телевизору!

Мужики одобрительно загудели.

— Да при чем тут коммунисты?! Во всякую дыру затычку нашли! У нас, точнее у вас, президент, между прочим, большой коммунист, — опять вскинулся очкарик. Он раздосадовано махнул рукой, выпил и направился к выходу. — Говорил же себе сто раз: не мечи бисер, без толку, телевизор не перекричишь...

Продавщица еще что-то пробурчала ему вслед, и через минуту все говорили о чем-то другом.

5

Где-то в пятом часу вечера мы с Андреем вывернули на улицу Дзержинского. Ни пьяные, ни трезвые. Какое-то облако единого порыва двигалось вокруг нас, дурманило, будоражило и

тянуло на подвиги. Мы громко разговаривали, грозили всем, кому ни попадя, хохотали, декламировали политическую тарабарщину и хорошие стихи. На нас смотрели как на подвыпивших школьников, которые только что сдали последний экзамен. Какого черта нас несло на Дзержинского, 22? И чем ближе мы подходили к этому дому, тем больше убавлялось в нас игривого веселья.

На крыльце нас встретил Варфоломей. Он молча и с достоинством слуги великого государя открыл перед нами дверь. И Андрей, который всю дорогу грозился разнести эту контору, вдруг приутих и как-то весь сжался. Я тоже более не испытывал эмоционального подъема. Смутное предчувствие начала беды дохнуло в лицо, и день из оранжевого заката провалился в серые облака, в пасмурное болото.

В приемной Гражина сообщила, что нас уже ждут. Несколько секунд она сомневалась насчет Андрея, но потом все же пустила нас обоих. За «моим» столом сидел Сэм Дэвилз и с кем-то разговаривал по телефону. Увидев нас, он сразу же положил трубку и пригласил сесть.

— Надеюсь, наш разговор пройдет в цивилизованной обстановке, и мы обойдемся без театральных эксцессов, — он подозрительно посмотрел на хмурого Андрея. — К моему величайшему сожалению, — теперь он обратился ко мне, — мы не можем больше поддерживать с Вами деловые отношения, Сергей Иванович. И это действительно — искреннее сожаление. Человека с Вашими способностями на определенной территории компьютер вычисляет раз в три—пять лет! Но Вы не сможете больше работать по той простой причине... он достал из ящика стола индикатор и направил его на меня. Ярко и уверенно загорелась красная лампа. — По той простой причине, что Вы растратили по пустякам, на ненужное сюсюканье свою биоэнергетическую субстанцию. Кстати, Вам никто никогда не скажет за это спасибо. Наша работа не терпит эмоции, а псевдодоброта только еще больше вносит в этот мир неразберихи, беспорядка, что всякий раз подчеркивает его полное убожество и несовершенство. И все же Вы прекрасно поработали на нашу компанию, и Ваша биоэнергетическая субстанция, хотите Вы того или нет, тоже теперь принадлежит «Американ перпетум мобиле», поэтому, как это было принято у вас при социализме, мы назначаем Вам солидную пожизненную пенсию и право пользоваться нашими услугами бесплатно.

— Похоже, Серега, это у тебя профессиональное заболевание, — без всякой иронии заметил Андрей. — Инвалид американского труда.

— Да, что-то вроде того, — подтвердил Сэм Дэвилз.

— Выходит, ты человек еще не совсем пропащий… — о чем-то задумался Андрей.

— А если мы выступим с разоблачением в средствах массовой информации? — по-американски выразился я. Но сказал это просто так, ради того, чтоб хоть что-то неприятное сказать для «дядюшки Сэма».

— Пожалуйста! Сколько угодно! — Сэм Дэвилз был невозмутим. — На Ваше злопыхательство откликнется дюжина прогрессивных газет, и ВЫ, в свою очередь, будете разоблачены как люди, мешающие международному научно-техническому эксперименту. В конце концов, мы не нарушаем никаких обязательств, не причиняем нашим клиентам никакого ущерба: ни физического, ни морального. Наоборот, мы меняем их жизнь к лучшему и делаем это только за то, что вносим их имена в наш компьютер. Мы вовсе не виноваты, что некоторые предпочитают менять биоэнергетическую субстанцию на минутные бесперспективные желания. Но, сами понимаете, для нас особо важна свобода выбора. А как Вы поступите с высоким моральным аспектом нашего предприятия? Ведь речь идет о счастливом будущем всего человечества! Так что Ваши личные домыслы не приведут Вас никуда, кроме психиатрической лечебницы самого строгого режима.

Последняя фраза в его отповеди звучала особенно убедительно. Все это время в руках у него вертелся индикатор. Он, словно играя, направлял его то на меня, то на Андрея, и лампы мигали как светофор: красный — зеленый, зеленый — красный. Зеленым он любовался, как любуется охотник подплывающей к берегу дичью.

— А Вы, Андрей Юрьевич, если действительно хотите помочь Вашему другу, — лицо Сэма Дэвилза стало насмешливо-ехидным, — можете заключить с нами контракт-пари. Мы со своей стороны ставим биоэнергетическую субстанцию Сергея Ивановича. Вы — свою. Вы же читали, я надеюсь, достаточное количество русских сказок. Например, если Вы помните, герой сказки, чтобы спасти своего друга, идет за тридевять земель за живой водой и при этом рискует собственной жизнью. Вы же, с точки зрения материализма и даже диалектического, не рискуете ничем. Так что…

— Я согласен! — неожиданно обрубил Андрей. — Говорят, что хотя бы одна спасенная душа… — он осекся. — Я согласен и все.

Мистер Дэвилз еще долго излагал условия новой сделки. Андрей его внимательно слушал, а меня вдруг стало неумолимо клонить в сон. Сэм Дэвилз начинал новую игру, получая от этого

только ему понятные выгоду и удовольствие. Андрей играл в благородство, а я просто спал с открытыми глазами. Мы уходили или я остался? Помню расплывчато: Сэм Дэвилз картинно раскланивается с Андреем, улыбается. Меня словно нет для них обоих. Сэм Дэвилз сама вежливость из тихого омута. А был ли здесь Андрей?

А теперь представьте себе, что второй части, только что написанной (только что прочитанной?) не было. Я написал ее только для того, чтобы не сбить с толку тех, кто привык к поступательному изложению в рассказе и не терпит перескакивания с начала на конец и наоборот. Конечно, все, о чем здесь рассказано, произошло, но об этом я узнал значительно позже. Я о многом узнал значительно позже. Теперь поставьте себя на мое место: все это было, но для меня, начиная со следующей главы, не было... Т. е. я, не нарушая последовательность событий, нарушаю последовательность своего сознания, ибо к утру следующего дня я не знал об этом ничего. Тьфу ты! Попробуй растолкуй! Читающий да прочитает, соображающий — поймет. Антракт окончен.

ЧАСТЬ III

1

Странные сны снятся порой за очень короткое время. Только что, несколько минут назад, сомкнул глаза и за эти минуты прожил частичку жизни во сне. Пробуждение оборвало сюжет сна на самом интересном месте, и как раз оно не запомнилось. После такого пробуждения еще полдня ходишь сам не свой. Словно твой мир остался там, в коротком взбалмошном сне. И тогда вся явь кажется нелепым наваждением, нагромождением случайностей. И начинаешь невольно задумываться: а не посторонний ли я в этой суете?

Оказывается, я заснул прямо на рабочем столе. Две трети рабочего дня позади, и меня победила рыхлая слабость. Весна? Авитаминоз?

Услужливая Гражина тут как тут:

— Я заварю Вам кофе, Сергей Иванович, и заодно принесу сводки из районов. Курьер с дискетами уже вылетел в Москву. Мистер Билл не очень-то доверяет спутниковой связи. Перед обедом звонил мистер Дэвилз, но Вас не было, он перезвонил еще раз, но, узнав, что Вы вздремнули, просил не будить.

За окном кто-то кинул в небо стаю черных птиц. Они разбились о голубое дно, растеклись по нему пестрым пятном, снова собрались воедино и длинной лентой исчезли в пролетах между далекими многоэтажками. Когда-то я видел нечто подобное. Новый отсчет времени начался в эту минуту. Птицы, вероятно, чувствуют не только дождь или бурю.

Это за окном. А здесь…

В апреле наш филиал занимался не только скупкой биоэнергетической субстанции, но и контролировал половину культурно-массовых заведений города и области. Там проводились различные шоу на американский манер, и публика туда валом валила в ожидании шикарных и красочных зрелищ. Меня удивляло только одно: почему «перпетум мобиле», вроде бы по смыслу связанная с техническим прогрессом, совершенно не интересуется производством, добычей, распределением природных ресурсов и т. п. В то время как другие импортные строители капитализма в России рвали из-под носа, «перпетум мобиле» отслеживала политику и культуру, скупая кинотеатры, дворцы культуры, демонстрационные залы и стадионы.

Между тем события развивались с головокружительной быстротой. Карьера моя вовсе не была упрямым подъемом наверх, а была буквальным скольжением с горы в сторону всевластия, вседозволенности и материального благополучия. А это, уверяю Вас, даже из самого стойкого аскета-материалиста-атеиста может сделать за определенный срок законченного эгоиста, полного премудростей самооправдания. А ну-ка, господа чиновники, добавьте что-нибудь из собственного опыта!

В ближайшие дни мне предстоял перелет в Нью-Йорк для знакомства с руководством компании, а также для участия в каких-то торжественных церемониях. Билл по этому поводу говорил, что передо мной откроются новые перспективы. Мол, с обычной человеческой точки зрения я своей удачи даже оценить не могу. Все это должно будет происходить в забытом Богом городке Хеллоуине, где-то посреди прерий, воспетых Фенимором Купером.

Звонок «дядюшки» Сэма застал меня как раз в тот момент, когда я обдумывал планы на ближайшие дни. Он как всегда вкрадчиво-вежливо поинтересовался моим здоровьем, «не разбудил ли?». Суть же разговора сводилась к тому, что 22 апреля мы с Биллом должны быть в Хеллоуине. Надо — так надо. Хоть Хеллоуин, хоть Лысая Гора. Ехать не хотелось по причине природной лени, и я попытался намекнуть, что без меня может уменьшиться количество закупаемых биоэнергетических субстанций, что, в свою очередь, повлияет на работу вечного двигателя. Даже не знаю откуда, но мне пришел в голову такой вопрос:

— А что будет, когда мы скупим все биоэнергетические субстанции? Кончатся люди — кончится топливо?

— Нет, — ответил невозмутимый Сэм Дэвилз, — для работы «перпетум мобиле» достаточно одной субстанции. Количество — это уже вопрос мощности. Чем больше, тем мощнее. Но будьте спокойны, пока двигатель питает хотя бы одна субстанция, он будет функционировать. И уж если есть хотя бы одна субстанция, то всегда найдутся вторая и третья. Так что не отлынивайте от поездки, тем более что это не обязательный выезд в совхоз на уборку картофеля.

2

Андрей прорвался ко мне на правах старого друга. Он тащил с собой за руку седую бабулю-одуванчик, которая, похоже, не

очень-то хотела быть гостем этого кабинета. За спинами их маячила Гражина, пожимала плечами: мол, Ваши друзья — Вы и разбирайтесь. А за ее спиной стоял Варфоломей и всем своим видом выражал подозрительность и неудовольствие по поводу появления здесь Андрея. Андрей же аккуратно закрыл за собой дверь, усадил старушку и сел сам.

— Это моя бабушка. Баба Лина, — представил он спутницу.

— Насколько я помню, у тебя последние десять лет не было бабушки, — то ли возразил, то ли спросил я.

— Я — троюродная, — ответила за Андрея старушка, которая, по всей видимости, стала понемногу осваиваться. Голос у нее был мягкий и добрый.

Не знаю почему, но присутствие Андрея раздражало и тревожило меня. А уж ходить на работу к друзьям, таская за собой бабушку, — это совсем ни в какие ворота. Мне ничего не оставалось, как сесть в свое кресло и ждать продолжения этого спектакля. Уловив мое состояние, Андрей «успокоил»:

— Ты не переживай. Мы только посмотрим на тебя и уйдем. Баба Лина очень хотела посмотреть, кто тут у нас скупает биоэнергетические субстанции. Да и у меня к тебе дело.

— Выкладывай. Я был насторожен, ждал подвоха или насмешки. Если Андрей трезв и при этом не сочиняет стихи, значит, он одержим чем-то другим. И сам черт не знает, что у него на уме. Последний раз во время такой одержимости он занимался скупкой птиц на базаре, которых отпускал на волю. Когда во время очередного запоя я спросил у него, зачем он это делал, он совершенно серьезно ответил: «Я где-то читал, что птицы — это души умерших людей». Теперь рядом с ним сидела занятная старушка и добрыми большими глазами изучала меня самым бесстыдным образом.

— Ну что? — спросил у нее Андрей. — Как наш инвалид американского труда?

— Так и есть, милок, — ответила баба Лина.

Я даже не представлял себе, что я должен делать в подобной ситуации. Они точно состояли в каком-то сговоре в отношении меня.

— Так какое у тебя дело? — не совсем любезно повторил я.

— У тебя есть заместитель?

—М-мм… У меня есть дюжина помощников в городе, есть отделения в других городах области. Так что…

— Я хочу быть твоим заместителем, непосредственным заместителем. Человек номер два — понимаешь? — огорошил меня Андрей.

— Н-но...

— Не сомневайся, а лучше посоветуйся со своим боссом. Только скажи ему, что за два—три месяца своей работы твоим заместителем я отдам фирме свою биоэнергетическую субстанцию.

— Он согласится, — в этом я был совершенно уверен, условия Андрея были излюбленным вариантом Сэма Дэвилза. И все же я потянулся к телефонной трубке, чтобы услышать его очень довольный голос и получить соответствующее разрешение.

— Кстати, возьмите поэта с собой в Хеллоуин, — заключил Сэм Дэвилз.

— Но ведь ты не собирался продавать свою биоэнергетическую субстанцию? — попытался я отговорить его. Но он только махнул рукой: делай, как сказано.

Через несколько минут мне пришлось пригласить в кабинет Гражину и Варфоломея и представить им своего новоиспеченного заместителя. Описывать выражение их лиц необязательно, хотя уже использованное мной словечко «офонарели» подходит более всего.

— Но у нас только одна машина, сэр, — то ли возразил, то ли озадачился Варфоломей. Гражина промолчала, и я поймал взгляд Андрея на ее зовущих ногах.

Вечером Андрей вынудил меня устроить грандиозное застолье старых друзей. Отметить его «повышение по службе».

— Русский поэт на службе американского бизнеса! — кричал он. И о чем-то с серьезным видом шептался с Иваном.

Не помню: кажется, я не пил больше месяца. И может быть поэтому напился до чертиков. Процесс переливания так не похож на таинство, как и деление клетки.

3

Клетки мне снились ночью. Здоровенные клетки из толстых чугунных прутьев. В них яростно метались запертые монстры. Опять монстры? Я бежал меж двух рядов клеток куда-то по направлению к далекому свету. Монстры бросались в мою сторону, разбивая морды о металлические прутья, и кровавые слюни текли из-под их уродливых брылей. Отсюда-то я легко могу описывать всю эту мерзость. Но есть ли смысл? Всех тварей, созданных когда-либо в Голливуде, не хватит, чтобы передать хотя бы треть их слизкого «великолепия».

Туннель кончился, и меня вынесло на залитую солнцем зеленую поляну. Из грязного пьяного апреля в жаркий июль, под голубое облакастое небо. Наверное, эта же неведомая сила сна уложила к моим ногам извилистую тропинку к видимой за полем деревеньке. И, следуя желанию этого сна, я пошел по ней, а точнее полетел, как дух. И не чувствовал под собой ног. И от всего окружающего было невыразимо хорошо на душе. Земными словами о неземном сказать трудно. Так хорошо бывает редко, когда сливаешься в едином порыве с велемудрой природой. Наверное, в этом было что-то от человеческих представлений о рае. Опять же ад был настолько недалеко, что я опасался оглядываться.

Первым меня встретил небольшой дом на отшибе. Он приглашал распахнутой настежь дверью, вылетавшими из окон от легкого ветерка белыми занавесками. На какое-то время мне показалось, что именно этот дом я уже видел когда-то в детстве. И был удивлен, что псевдоповторения случаются даже во сне. Ложная память, кажется, так это называется? Ложная?

Кстати, я совершенно четко осознавал, что я сплю вдрызг пьяный в своей холостяцкой квартире, и наверное рядом спит на полу Андрей. Но более явственно я ощущал на себе дыхание лета, слышал пение птиц, шелест деревьев. Раньше, в других снах, даже если и слышал что-либо, то все эти сны все равно были глухие в сравнении с этой неожиданной полифонией. Единственное, чего я не чувствовал — своего собственного тела. Прикасался к траве, к палисаднику, к цветам под окном, и они отвечали мне осязанием прикосновения, причем более ярким, нежели когда я трогал наяву их руками. Тогда я, пожалуй, в первый раз подумал, что окружающая меня там апрельская явь — и не явь вовсе, а серый, с ватой в ушах сон. И в этом сне крайне редко случаются счастливые пробуждения.

Поднявшись на низкое крыльцо, пройдя сени, я вошел в просторную светлую комнату. И вошел так, будто бывал здесь тысячи раз. Небогатая обстановка: стол (швейная машина на нем), стулья у стен, допотопный шифоньер, половичок у входа, фотографии на стенах, иконы с лампадкой в углу и кресло, в котором сидела баба Лина. Она кивнула мне, даже показалось, подмигнула:

— Садись-садись, осмотрись, может, что нужное высмотришь или услышишь…

И никакого вопроса не возникло в моем сознании. Я словно знал, что будет дальше, как предугадываемый сюжет читаемой книги. Сел на плетеный стул у окна и вдруг подумал: «Интересно, кото-

рый час? Сколько времени, если там ночь, а здесь день? И где часы? Здесь должны быть видавшие виды ходики, с гирями на цепях...»

— А зачем здесь время?! — удивилась баба Лина. И от слов ее мне стало вдруг настолько спокойно, что течение времени абсолютно перестало меня интересовать. Я стал смотреть в окно на недалекие дома, на проселочную дорогу и поразительно живой лес этого сна. В аккуратных деревянных домах текла какая-то размеренная неторопливая жизнь, но здесь, на улице она ничем себя не выдавала. Тихий полдень замер у самого окна, и только еле заметное движение облаков подталкивало солнце.

Я не видел, когда в комнату пришел кто-то первый, но именно с того момента она стала наполняться знакомыми и незнакомыми людьми, которые садились на свободные стулья, стоя прислонялись к стенам, и все они здоровались со мной и с бабой Линой. Те, которые казались мне знакомыми или когда-то виденными, ничем не выражали своего отношения ко мне. Говорили вполголоса о чем-то отвлеченном, были взаимно вежливы, и казалось все знали что-то такое, чего не знал я. По крайней мере, они знали, зачем пришли сюда. Чтобы ничем не выдавать своего беспокойства, я снова стал смотреть в окно, поворачивая голову только ради очередного «здравствуйте». И так продолжалось какое-то время или совсем не продолжалось, просто было и все. Как я не чувствовал течение времени, так не мог бы определить возраст хотя бы одного из присутствовавших. Просто в этом доме не было такого понятия. Возраст был только у бабы Лины и у меня.

И вдруг в комнату вошел ангел. Совершенно точно — это был ангел. Во плоти или не во плоти, во всяком случае он был видим, и слепящие белые одежды колыхались на нем. У ангела тоже не было возраста, но было красивое просветленное лицо, и не было за спиной никаких крыльев. Зато каждому из присутствующих он давал невидимые крылья. Их не было видно, но судя по тому, как легко и радостно становилось людям, как они взмывали, выйдя на улицу, в июльское небо — это были крылья.

Когда комнату покинул последний человек, я, повинуясь инстинкту коллектива, тоже подошел к ангелу. Подошел и услышал:

— Дающему — дано будет. — И, не дав мне крыльев, он повернулся и вышел.

Так я стоял, ничего не понимая, и склонен был принимать происходящее за простой, лишенный какой-либо логики сон, но голос бабы Лины рассудительно успокоил:

— Проснешься когда-нибудь, я тебе все растолкую.

— Ты ведьма, баб Лина? — спросил я.

— Ну, уж только не ведьма, — немного обиделась старушка и торопливо перекрестилась.

— Тогда откуда ты в моем сне?

— А где еще с тобой разговаривать, если ты наяву спишь? — и подтолкнула меня, мол, иди.

Так ничего и не поняв в этом сне, я побрел через поле обратно в свое тело. И уже проснувшись, долго не мог избавиться от ощущения, что оно не хотело пускать меня обратно. А, может, я не хотел в него возвращаться...

4

С Андреем работать было веселее. Он поставил свой стол торцом к моему и «обжил» его за какие-то полчаса. Завалил толстыми литературными журналами, рукописями и бумагами. Его напускная деловитость заставила улыбаться даже степенного Варфоломея. Гражине в свободное время он читал стихи и, надо сказать, произвел на нее буквально трогательное впечатление, т. е. уже в первый вечер он мог ощущать стройность ее фигуры, когда они сидели на подоконнике, а он увлеченно наполнял комнату дремучим гекзаметром. Недовольны деятельностью Андрея могли быть только Сэм Дэвилз и Билл, но они многозначительно помалкивали, как будто так и надо.

Больше всего от Андрея страдали посетители. В последнее время к нам зачастили рационализаторы-изобретатели, шоумены и посетители с различными психическими расстройствами. Первые просили спонсорской помощи, утверждая, что их изобретение является величайшим открытием современности (а наша компания, судя по ее названию, просто обязана помочь внедрению этого инженерного чуда); вторые предлагали сотрудничество по организации массовых мероприятий, дабы привлечь к деятельности «Америкэн перпетум мобиле» новое поколение россиян (среди них действительно попадались ушлые организаторы, которые более всего рассчитывали пронырнуть не только в «перпетум мобиле», но и саму Америку); последние представляли собой целое воинство пророков различных вероисповеданий, инопланетян из различных уголков Вселенной и фантастических романов, жителей параллельных миров и родственников известных личностей — новый тип детей лейтенанта Шмидта.

Самыми безопасными были все же изобретатели, хотя их изобретения не всегда можно было назвать безобидными. Один из таких рационализаторов принес прибор, который он называл ПЭВД-1. Расшифровывалось это ПЭВД не иначе как «преобразователь энергии вечного двигателя». Цифра «1» означала одновременно его первенство в мире и единственность в числе. Принес ПЭВД-1 Евразий Борисович Сладков: физик, литератор и убежденный демократ, так он представился. А на моем столе оказался небольшой металлический ящик-куб, из которого тянулись два метровых провода с присосками на концах, а сверху торчала направляемая антенна-штырь. Маленький тумблер на боку вероятно был предназначен для включения этого незамысловатого прибора. Евразий Борисович сразу же предупредил, что это еще опытный образец, который нуждается в длительном совершенствовании. Суть действия прибора сводилась к следующему: присосками он крепился к любой неподвижной части вечного двигателя, антенна-пушка (так она оказывается называлась) приводилась в боевое положение (!), т. е. должна быть направлена на *нужный* объект. Включался тумблер, и пучок энергии превращал этот объект в вечную пыль (при условии подключения прибора именно к вечному двигателю).

— Таким образом, можно стереть с лица земли ненужные горы, мешающие строительству, осушить водоемы, разверзнуть небо, а при необходимости продемонстрировать силу этого прибора врагам демократии. Единственный на сегодня недостаток этого прибора, — поэтический тон Евразия Борисовича несколько поугас, — отсутствие блока регулировки мощности, который я в данный момент разрабатываю. Для этого мне необходимо знать хотя бы примерную мощность перпетум мобиле. Вот поэтому я у Вас! — и он стал выжидательно улыбаться.

Привыкший ко всякого рода «чудесам», я не решался сразу обвинить Сладкова в шарлатанстве. Первое, что я сделал, — прощупал его индикатором и определил наличие в нем рыхленькой биоэнергетической субстанции. Зато Андрей словно и не собирался никого разоблачать. Он с самым серьезным видом стал осматривать прибор, одобрительно угукая.

— Ну а если мы подключим этот прибор не к вечному двигателю, а к чему-нибудь другому? — спросил он.

— Действие прибора будет несколько другое и не будет носить необратимого характера, как в случае с вечным двигателем. Если из вечной пыли ничего уже создать невозможно, то из дру-

гих состояний материи — не исключено? Я, например, в качестве эксперимента подключал ПЭВэ-Душу к своему холодильнику.

— И?..

— Моя квартира, часть соседних и лестничная площадка превратились в морозильную камеру. В считанные минуты — иней на потолке и стенах, представляете! Сугробы под ногами!

— Невероятно! — Андрей вдруг оживился и окинул кабинет хозяйственным взглядом. — Я думаю, у нас есть некое подобие вечного двигателя, чтобы произвести опыт. Вот что может послужить хоть каким-то заменителем — радио! Вечный говоритель! — и он перетащил ПЭВД на тумбочку в углу, где едва слышно мурчала речь диктора. — Кстати, с помощью регулятора мощности мы, наверное, сможем регулировать мощность? Андрей вопросительно посмотрел на растерявшегося изобретателя.

— Я бы хотел Вас предостеречь! — Евразий Борисович обрел дар речи. — Трудно представить, во что преобразуется энергия нашего радио. Например, мой сын подключил прибор к своему горшку…

— Наука требует жертв! — объявил Андрей, мусоля присоски, чтобы закрепить их на корпусе репродуктора. Добавив громкости, он предусмотрительно направил антенну-пушку вверх, в открытую форточку. И прежде чем мы успели придумать новые возражения, он щелкнул тумблером прибора.

Сначала это походило на скопившийся под небесами инфразвук. Набухающая тяжелая черная капля вот-вот оторвется от неба и сделает большую кляксу на земле. Низкий и протяжный звук крался над крышами, заставляя испуганно вибрировать стекла в оконных рамах. Подобный звук можно услышать, когда ТЭЦ спускает пары, но этот все же был ниже и тревожнее. Не так ли звучали иерихонские трубы? Если бы в этот момент близ города стояла штурмующая его армия, то она неминуемо обратилась бы вспять, в бегство. По всем правилам средневекового ужаса. Но уже через три минуты звук этот прекратился и уступил место оглушительной какофонии из голосов, позывных радиостанций и музыки всех стилей, времен и народов. Как будто кто-то настроил радиоприемник на несколько волн сразу, или несколько радиостанций стали работать на одной волне. Иногда та или иная «волна» забивала другие, иногда можно было услышать что-нибудь знакомое. То прорывался вдруг недавно забытый голос Горбачева — упражнения в словоблудии, то темпераментно картавил вождь мирового пролетариата, обещая раздавить гидру мирового империализма в духе лучших фильмов о революции, то

«Роллинг стоунз» обещали всем «сатисфакшен», то какая-то реклама, то совершенно неожиданно зазвучало: «Ахтунг! Ахтунг! Все шителя корода, кто не прошли регистрация в комендатура, путут секодня вечером иметь арест...», то непроизвольно матерились китайцы, то вальс, то танго, то рок... И кульминация: все смолкло, зазвучала реклама «Америкэн перпетум мобиле»:

— Избавьте себя от биоэнергетической субстанции. — Нежный женский, но очень убедительный голос. Таким голосом взывают к ответной нежности.

Это вывело Андрея из оцепенения, он тряхнул головой, как бы освобождаясь от наваждения, и щелкнул тумблером.

— Гениально! — выпалил он не менее удивленному услышанным и увиденным Евразию Борисовичу. — Вы дали нам в руки не просто преобразователь, Вы дали нам идеологическое оружие широкомасштабного действия. Ты ж задумайся, Сергеич, — он хитро посмотрел на меня. — Телевизор и радио обыватель может выключить, а это никак. Поди, дотянись до неба! Я думаю, мы прямо сейчас заключим с Вами контракт на приобретение Вашего изобретения, а также определим дальнейшее субсидирование его усовершенствования. Деньги на лаборатории, необходимые приборы — все как полагается. Он вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул.

— А начнем мы, пожалуй, с разговора о приобретении Вашей биоэнергетической субстанции. Предвижу, Вы, не раздумывая, пожертвуете ею на благо человеческого прогресса. И далее Андрей нагнал такого пафоса, что Евразий Борисович геройски выпятил грудь, нахмурил брови и с сознанием выполненного долга покинул нас, оставив на моем столе преобразователь (якобы для демонстрации вышестоящему начальству) и свою биоэнергетическую субстанцию в нашем компьютере. Он ушел, а его будущие планы согревали толстые пачки рублей и долларов. Андрей же сразу после его ухода стал звонить по телефону.

— Иван? Это я. Ну так как, договорились? — и назвал ему адрес незадачливого изобретателя. — Ага, и пусть спросят подробнее про изобретение!.. Там на килограмм транквилизаторов хватит...

5

Известный в городе шоумэн Марк Бжезинский явился к нам с видом цивилизованного европейца, покоряющего первобытные джунгли. Притащив на себе кроме шикарного броского костюма и

модно остриженной бороды целый коллаж парфюмерных ароматов, он без приглашения плюхнулся в кресло для особо важных гостей и театрально забросил ногу на ногу. От такого его поведения я почувствовал себя непросвещенным мумбу-юмбу, который в неоплатном долгу перед снизошедшим до него европейцем.

— Не стоит утруждать себя, — вскинул брови Марк Ефремович, когда я машинально потянул из ящика стола индикатор, — я уже давно и плодотворно сотрудничаю с «Америкэн перпетум мобиле» и потому прошу рассматривать мой визит в рабочем порядке. (А я думал, надо вызвать оркестр и стрелять из пушек!) Я просто хотел обговорить с Вами проблемы нашего сотрудничества. Дело в том, что в нашу область с просветительской миссией приезжает известный во всем мире проповедник и богослов Грэм Шуллер. Если вы заметили, по городу уже висят плакаты с его портретами. Там еще написано что-то типа: он говорит с людьми!.. Ну, естественно, в рекламных целях мы сообщаем населению о целительных свойствах сеансов Грэма Шуллера. Ну знаете там, массовое бросание костылей, танцы парализованных, избавление от заикания и так далее. В духе Иисусовых чудес.

— А чем мы Вам можем помочь? — спросил я.

— Не вы мне, а я вам. Причем почти за бесплатно! Мы уже оговорили этот вопрос с мистером Дэвилзом в Москве. Странно, что он еще не позвонил вам. Мистер Шуллер также выразил свое согласие. Надо проявлять большую активность в районах Сибири и Дальнего Востока — это новое направление работы компании, насколько я знаю, массовая дебиоэнергетизация идет, мягко говоря, со скрипом. Более того, в городе появились негативные силы, которые стремятся дискредитировать идею общечеловеческого прогресса.

— Давайте ближе к делу, — не слишком любезно перебил его Андрей.

— Гм... Хорошо! Освобождение от биоэнергетической субстанции будет пропагандироваться как путь к исцелению, выход к новым возможностям человеческого организма. Многие действительно прямо на сеансе почувствуют состояние эйфории. Это, разумеется, определенные приемы воздействия и тонкости Грэма Шуллера. Кроме того, на специальных сеансах для молодежи с выступлениями рок-групп мы планируем организовать донорские пункты, где каждый сможет добровольно расстаться со своей биоэнергетической субстанцией. Все это тоже определяется новой политикой «Америкэн перпетум мобиле» в России. Ставка на

материальную заинтересованность в значительной степени отработала свой потенциал, и пора выводить работу с клиентом на качественно новый уровень. Кстати, это способствует сохранению финансовых и материальных средств фирмы. Мелочи, которые тратятся на самые широкомасштабные рекламные кампании, не в счет. Они окупаются с лихвой. Необходимая литература в город уже завезена. И опять же, несмотря на высокие цены, она раскупается и не только окупается, но и приносит прибыль. В основном это трактаты по самоусовершенствованию, выжимки, винегрет из различных религий, верований, философских учений. Так что, как видите, нами выполнена львиная доля работы.

— Вопрос! — перебил его вновь Андрей. — По-моему, раньше мы заверяли клиентов, что компания воспользуется их биоэнергетической субстанцией только после их смерти, а сейчас получается, что этот процесс начинается еще при жизни?..

— О да! Хотя это не существенно. Дело в том, что последние исследования, как объяснил мне мистер Дэвилз и как объясняется в популярной литературе, показали, что отказ человека от биоэнергетической субстанции уже при жизни оказывает влияние на его жизнедеятельность. Такие люди, как правило, легко достигают поставленных целей, у них все в порядке с карьерой, они обладают неплохим, а чаще завидным здоровьем, меньше подвержены стрессам, ну и в таком духе. Читайте научно-популярные журналы, господа! Примером может послужить уровень жизни и состояние здоровья населения развитых стран. А Россия, как всегда, ковыляет по своим некончающимся непобедимым ухабам.

— Да это, блин, лекция какая-то! — взорвался я.

— Это не лекция, это уже ликбез! Естественно, все, о чем я только что рассказал, определяет немалый рекламный момент, отказываться от которого совсем не в интересах нашего общего дела, не правда ли? — Бжезинский с вызовом посмотрел на Андрея.

Мне все же стало немного обидно: приходит какой-то бывший деятель совдеповской культуры и рассказывает мне, как я должен делать свою работу. Но в том, что он только что здесь изложил, чувствовалась рука, стратегия и тактика Сэма Дэвилза. Непонятно только, почему директор филиала «Америкэн перпетум мобиле» в здоровенном областном центре узнает об этой стратегии в последнюю очередь? Наверное, я должен был обидеться и начать либо прогибаться перед своим руководством, либо послать всех далече и похерить все эти мероприятия. Но во мне снова проснулось и восторжествовало безразличие. Я вдруг понял, что с неко-

торых пор смотрю на все происходящее со мной и вокруг меня со стороны. И чем дальше, тем труднее и ненужнее было прорывать его пелену. Размышления мои об этом прервал звонок Сэма Дэвилза, который с запозданием сообщил, что господин Бжезинский назначен моим вторым заместителем и будет возглавлять региональный отдел рекламы. Мне было все равно; Андрей, когда Бжезинский самозабвенно удалился, смачно выматерился.

6

«Бурная деятельность» Андрея сходила на нет, если к нам прорывались редкие продавцы биоэнергетической субстанции с «особыми просьбами». Он в таких случаях садился за свой стол и начинал рыться в своих многочисленных бумагах и клочках с рукописями, оставляя беседу с клиентом на меня. Было заметно, как иногда он бросает исподлобья косые взгляды, но вмешивался в разговор он редко.

Что-то прорвалось в мою память, когда в кабинет вошла молодая учительница старших классов средней школы. Где-то там, в бездонных провалах этой хитроумной памяти, промелькнуло лицо Лены, и снова дверь туда захлопнулась. Заскрипели засовы…

Учительница была красивой молодой женщиной. Отсутствие обручального кольца давало повод думать, что сама она об этом ничего не знает. Поэтому бескорыстно жертвует собой ради воспитания подрастающего поколения. Единственное, что портило ее выразительное лицо — жевательная резинка. От усиленной борьбы с ней по лицу ее пробегали неприятные гримаски и казалось, что даже серые спокойные глаза тоже участвуют в процессе остервенелого, точно бесконечного жевания. Цвет неба в этих глазах был мертвым, а выражение лица становилось тупым. Наверное, прочитав мои мысли, она незаметным движением руки (поправила локон) постаралась избавиться от своей челюстной спутницы и заговорила.

— Знаете, я к вам пришла со своим выпускным классом. Они ждут на улице. Их не пустил этот большой человек-негр. Но дело касается нас всех. Недавно мы провели классный час о наших американских сверстниках, ну вообще о сверстниках из других стран, очень долго рассуждали, сравнивали… — она замолчала. Видимо, наступил момент, когда должна была прозвучать просьба или предложение. — Сейчас многие школьники ездят в другие

страны, чтобы знакомиться с новыми друзьями, узнавать, как они учатся, чем увлекаются, чем живут. Но это, сами понимаете, привилегия особых школ или забота богатых родителей. Мы в это прокрустово ложе не умещаемся. Поэтому решили обратиться к вам. У меня все ученики старше шестнадцати, паспорта у всех на руках, поэтому решение принимают самостоятельно, да и родители, как мы выяснили, в основном не возражают. Мы хотим поехать в Штаты. Естественно, денег на такую поездку да еще целым классом у нас нет, но у всех нас есть эти самые биоэнергетические субстанции. Мы читали в вашей рекламе о заветном желании, так что можете считать это заветным желанием целого коллектива... Теперь она замолчала, ожидая моей реакции. Зато за окном дружный хор начал скандировать: «Ни-на И-ва-новна!.. Да-ешь Штаты!..» Благодаря этому у меня появилась возможность задуматься обо всем: я попросил ее сходить к своим питомцам и заставить их замолчать.

— У нас здесь не митинг в защиту туризма для неимущих. Пока она бегала, я снова ощутил в себе многозначительное «все равно» и подумывал позвонить Биллу, чтобы организовать страждущим поездку после выпускных экзаменов. Андрей молчал, и я не стал обращаться к нему за советом. Билл выслушал предложение Нины Ивановны и 11 «а» и, разумеется, дал добро, начиная предлагать различные города и веси Нового Света. Вот тут и вмешался Андрей.

— Я не знаю, как там у вас в Америке, Билли, — он взял параллельный телефон, но у нас не принято торговаться с детьми. Вы носитесь по всему миру со своей демократией и правами человека, а сами тут же отбираете у детей последнее!

— Н-но... — Билл, несомненно, растерялся. Что-то пытался сказать о правах совершеннолетних детей, но Андрей хитро выворачивал разговор на свою сторону и получалось, что именно эти права Билл и сотоварищи пытаются попирать.

— И вообще, я не думаю, что подобный подход красит «Американ перпетум мобиле» в глазах мировой общественности! — Вот как Андрей завернул. — Это чистейшей воды антиреклама! Про эту поездку никто никогда не скажет, что это визит доброй воли, гостеприимство и тому подобное! Это будет называться однозначно — сделка! Сделка с детьми и их учительницей. Звучит, Билли?

— Но ведь у нас существует целое направление по работе с подрастающим поколением! Вот и мистер Бжезинский считает...

— Это не тот случай!

— Вы так думаете? Г-хе... — и Билл сдался на милость победителя. — Ну тогда оформляйте как благотворительную акцию с нашей стороны. Только постарайтесь, чтобы сведения об этой акции попали в газеты, пусть благодарная учительница что-нибудь придумает...

И прежде чем вошла Нина Ивановна, Андрей успел еще пару раз матюгнуться в сторону замолчавшего телефона и удивился в мою сторону:

— И чего там особенного? Сколько их фильмов не смотрю, у них там все только через «фак ю» делается. Вся страна зафаканная. А с другой стороны посмотришь — здоровые, красивые и умные люди. Вот Билл, например.

— Единственное, что мне не по душе — Нина Ивановна ушла в полном восторге от «Америкэн перпетум мобиле», — признался вечером Андрей.

— У меня такое чувство, что мой заместитель всячески препятствует приобретению биоэнергетических субстанций, — подначил я.

— Кишка у меня тонка, — ответил Андрей.

7

Нина Ивановна и 11 «а» ничего сверхъестественного не просили. А случались посетители совсем не в себе. Так однажды к нам ворвался взъерошенный очкарик и с порога командным тоном востребовал:

— Я требую немедленного контакта с ними! И не смейте мне говорить, что вы ничего об этом не знаете. Только дураку может быть не ясно, что ваши биоэнергетические субстанции — это только ширма!

Мы с Андреем переглянулись и насторожились.

— Да-да! Прикрытие вербовки жителей на другую планету. И ведь платите здешними ценностями, которые там ничего не стоят!

В тот момент я чуть не подавился хохотом, но значительно позже Андрей сказал, что как у всякого дурака, у этого тоже были им самим не понимаемые, но все неправильные мысли. А я кусал губы, чтобы не засмеяться.

— И не надо многозначительных улыбочек! Лучше скажите — где они?

— Кто?

— Представители инопланетной цивилизации. Я имею полное право на контакт! Мне не нужно ваших эфемерных материальных благ, моя биоэнергетическая субстанция стоит значительно дороже, чем дача или автомобиль! В обмен на нее я требую прямого контакта и непосредственного участия в вашем проекте. Хочу быть первым колонистом!

Нет, видали, каков космонавт, мать его! И не знаешь, смеяться над ним или вызвать неотложку? И опять вмешался Андрей.

— Вам каких? — спросил он. — Зелененьких? С рожками или без? А, может, с двумя головами?

— Кого? Каких? — не понял потенциальный контактор.

— Инопланетян!

Этим чудаком потом занимался сам Сэм Дэвилз. Они открыли в городе целое отделение уфологии при каком-то краевом институте. Думаю, что претензий к «инопланетной» фирме по качеству и количеству доставляемых гуманоидов не было. Имя его вместо меня аккуратно запомнил компьютер Гражины.

Но были и другие посетители. Маленькую женщину с сыном Гражина долго не пускала.

— Да Вы поймите, мы же из района. Полдня на поезде ехали. Нам только на минуту — поблагодарить и все.

Наверное, они так бы и не прорвались, но я пошел в это время то ли в туалет, то ли по какой-то надобности к Варфоломею. Об этом я уже через минуту не помнил. Увидев лицо женщины, я замер.

— Вы помните меня? — обрадовалась она. — Вот, я даже визитную карточку вашу сохранила! В буфете, на вокзале, помните?..

— У Вас болел сын, — вспомнил я, и почему-то стало стыдно.

— Точно! Вот мы со Стасиком к Вам приехали. Поблагодарить. Меня все совесть мучает: как я Вам долг отдам. А Стасику лекарства очень помогли, он теперь сам может писать и даже в школу пошел. Ну, Стасик, скажи сам...

Стасик смущался и смотрел куда-то себе под ноги.

— Спасибо Вам... Большое... Возьмите, пожалуйста, от меня. Я сам сделал, а раньше не мог, руки совсем не могли ничего держать, — и он протянул мне сделанный из разноцветной проволоки брелок. С одной стороны его лучилось оранжевое солнце, с другой — целый пейзаж: горы, синее озеро. Все это из причудливых сплетений проволоки. Я даже примерно не мог представить,

как это сделано. Теперь Стасик смотрел на меня, как я оценю его подарок. Подмигнув ему, я повесил брелок на связку ключей.

У Вас когда-нибудь было чувство, что хотя бы часть жизни Вы прожили не зря? У меня было. Ненадолго. Благодаря этому мальчику. Сентиментальность, скажете Вы. Но если скажете, значит, у Вас такого чувства не было, либо оно ложное.

— Спасибо, — сказал я Стасику или его маме и уж совсем по-американски добавил: — Могу я еще чем-то помочь?

Наверное, американцы все же произносят эти слова от души. А мы? Когда в последний раз Вам предлагали помощь на улице посторонние люди?

Уже потом, заперевшись в своем кабинете, я думал: вот ведь парадокс — не будь этой самой «Америкэн перпетум мобиле», я не помог бы этому мальчику. Не было бы у меня таких денег, да и вообще меня бы там в тот день не оказалось. По чьей воле все произошло именно так?

8

Шоу Грэма Шуллера проходило на Центральном стадионе. Учитывая благоприятную метеосводку, Бжезинский отказался от услуг крытого Дворца Спорта. Апрель как по заказу переломился в бархатное тепло. Даже стал непривычно жарковатым, и жители города, снимая куртки и плащи, устав от смурной зимы и задерганной жизни, стекались ручьями на выцветшие, облупившиеся скамьи стадиона.

Сотни плакатов и афиш зазывали обывателей, жаждущих исцелиться и услышать истинное слово, на проповедь. Группа сопровождающих электромузыкантов исполняла перед началом слащаво-органную музыку, даже пели на разных языках какие-то невразумительные псалмы. Потеплевший апрельский ветер разносил звуки по всему городу, чересчур лучезарно улыбистые девушки в белых одеждах раздавали листовки, призывавшие в расхожих и общих выражениях читающего стать добрым и трудиться на благо человечества. Но что под этим подразумевали авторы этих листовок, объяснено не было. Вероятно, об этом знал Бжезинский, который суетился на импровизированной сцене в центре стадиона.

Мы с Андреем решили сесть на трибунах «как простые смертные». Поэтому листовки вручили и нам, а также открытки с

фотографией и автографом знаменитого проповедника (в народе ходили разговоры о целительном свойстве этих штамповок). Отказаться от этих полиграфических услуг было невозможно: улыбки девушек подкупили бы самого Торквемаду. Поставленные на обеих бумагах кресты означали, наверное, принадлежность к какой-либо христианской церкви или ко всем сразу. Андрей скомкал эти листовки, не глядя.

— И многие будут приходить под именем моим... — сказал он.

— Что?

— Поют, говорю, сладенько. Колыбельно поют.

Пение закончилось, и к микрофону подошел Бжезинский. Ни «здравствуйте», ни «уважаемая публика», но зато вырвалось из динамиков повелительное и многозначительное:

— Я прошу всех встать.

И все встали. Почти все. Я даже испугался этого дружного, чуть ли не армейского вставания. Остались сидеть немногие. В нашем секторе это были мы с Андреем, стриженый парень слева от нас (не суд, мол, вскакивать тут, что-то подобное крикнул он в нашу сторону, ожидая поддержки) да еще старушка, которая, судя по ее отсутствующему виду, не очень-то сознавала, зачем она здесь оказалась.

— Слово Грэма Шуллера — это полет радости в Вашем сердце! — патетически (по законам жанра) продолжал Бжезинский. — Примите его в ваши сердца, и оно навсегда облегчит вашу душу!

Грэм Шуллер был академичен: черный смокинг, аккуратная бабочка и белоснежные воротничок и манжеты. Он даже больше походил на конферансье или церемониймейстера, чем расфуфыренный Бжезинский. Лицо его действительно было добрым и располагающим, ничего не было в нем, что могло бы насторожить собеседника. Но и не было в нем настоящей открытости. Как это объяснить? Что взять за эталон открытости? Да возьмите любую улыбку Гагарина с любой фотографии, и Вы увидите ее! Улыбка Грэма Шуллера была тренированной! И была в каждом его слове, в каждом месте. Он был обаятелен и невелеречив, и все же мелькало в нем показушное, театральное, может быть, это была навеваемая им самим и его окружением причастность к сверхъестественному. Как он не пропевал каждую фразу (заставляя, между прочим, повторять за собой целый стадион), — но акцент иностранца вливал в бочку меда ложку фальши. И все же три четверти сидящих на стадионе завороженно сдували, повторяли всяческие нелепости, когда он требовал этого, и мамаши пшикали на баловливых не-

угомонных детей, чтобы те заглядывали в рот иностранного кумира. Была в этом какая-то магия, раз целая толпа еще недавно самых отъявленных атеистов сознательно участвовала в этом словесно-музыкальном колдовстве. И даже умытое весной чистое голубое небо над Центральным стадионом тоже колдовало, выполняя роль безоблачной декорации. И неслись в него усиленные мощными динамиками слова, наспех переведенные на русский язык, но все же до конца непонятных шуллеровских молитв.

Кульминацией зрелища стал обещанный танец «хромоножек». Якобы вдохновленные общением с Шуллером, они отбросили костыли и трости и очень правдоподобно, прихрамывая, на нетвердых (но все же ходячих) ногах устремились с трибун к сцене, плакали и обнимались. Кто-то встал с инвалидной коляски. У некоторых перестали трястись руки, дергаться глаз, а мальчик, которого принесли на руках (интересно, почему именно этого мальчика заметил весь стадион, и говорили потом именно о нем?), сделал несколько несмелых шагов, чем привел публику в изумление и вызвал реки умильных слез. Если бы на сцене не подвывал этому всеобщему ликованию Бжезинский, я бы со спокойным сердцем принял исцеления за чистую монету. От знакомой подстроенности меня просто воротило. Андрей же потом утверждал, что в воздухе и без того пахло дешевым обманом, поэтому он сквернословил сквозь зубы и презрительно щурился. И даже благая идея и речь проповедника не могли вытравить из нас чувства стыда за всех, кто присутствовал при этом цирковом действе. Никто из этих удивленных горожан не увидит, как суетливые помощники Бжезинского скрупулезно соберут инвентарь: трости, костыли, укатят инвалидную коляску, а профессиональные актеры захолустных театров сядут в тот же поезд, что и Грэм Шуллер, чтобы поражать чудесами исцеления жителей других пасмурных городов. И даже если кто-то скажет об этом вслух, как это делаю я, ему не поверят, потому что верить Грэму Шуллеру легче, проще и выгоднее, потому что ему хочется верить. Он «приносит радость и счастье» и ничего не требует взамен.

— И ведь действительно хочется чуда! Махом и оптом! Чтоб без покаяний и страданий! Раз, два — и чудо! И хорошо, блин, всем вокруг. И охреневшее голубое небо над головой, — сказал, почти выкрикнул сидевший рядом со мной поэт.

От братства всех народов перевел Грэм Шуллер к «Америкэн перпетум мобиле». Нет смысла и желания повторять его бред об общечеловеческом прогрессе. Речь Горбачева с американским акцентом — вот что это было. Разница только в том, что горбачевское

многословие не являлось тонко продуманной рекламой одной отдельно взятой компании, тот рекламировал целый образ жизни, и не раздавал Горбачев задремавшим слушателям после своих выступлений бесплатных библий, изданных в Чикаго. Я сказал об этом сравнении Андрею. Сначала он чертыхнулся, затем перекрестился:

— Свят, свят, свят... Не к выборам будет помянут. У небольших лотков, где раздавалась бесплатная литература, оснащенных лучшими штатовскими компьютерами, модно было расстаться со своей биоэнергетической субстанцией, которая, оказывается, осложняла человеку его существование на бренной земле. Как по инерции, как за последней стадией шуллеровского исцеления к лоткам выстроилась очередь.

— Я где-то читал, что первый такой компьютер стоил по воле своих создателей 666 долларов. Совпаденьице, мать их в сельсовет! — это сказал Андрей, рассматривая мигающую экраном персоналку. — Да и яблоко надкушенное на нем изображено.

— Ну и что, что 666? — пожал я плечами.

— Число зверя, дьявола — вот что! — раздраженно пояснил Андрей, и взяв с лотка мини-издание Нового Завета, сунул его мне в карман. — Хотя бы такой, американский прочитай, чтобы детских вопросов не задавать.

— А я читал, «Макинтош» — лучший в мире компьютер.

— А я не возражаю...

На вечернее выступление Грэма Шуллера для молодежи, где должны были выступать еще известные рок-группы, мы с Андреем не пошли, хотя Бжезинский торжественно обещал незабываемый взлет популярности «Америкэн перпетум мобиле». Я же объяснил ему, что этот взлет начинался в подвальной забегаловке на вокзале. И потом, когда мы пили с Андреем водку на моей захламленной кухне, я признался, что сегодня испытал жуткий приступ ненависти к своей фирме, а сейчас мне вообще тошно. Услышав это, Андрей скривился и покачал головой:

— Похоже, тебя только водка и может разгипнотизировать. Он взял с полки томик Достоевского и, полистав, вдруг стал читать вслух: — Народ божий любите, не отдавайте стада отбивать пришельцам, ибо если заснете в лени и в брезгливой гордости вашей, а пуще в корыстолюбии, то придут со всех стран и отобьют у вас стадо ваше...— и, помолчав, захлопнул книгу. — Предсмертные наставления старца Зосимы. Девятнадцатый век. Пророк Достоевский. Стадо... Толпа! Интересно, чем были заняты в это время наши священники?

Тогда я не понял, что так беспокоило Андрея. Меня больше волновало происходившее во мне необъяснимое беспокойство.

— У меня иногда бывает чувство, будто я уже умер и только как безвольный наблюдатель брожу по этому свету. Мне кажется, что я помню то, что будет, но забыл то, что было.

9

Об этом же говорила Лена. Они принесла мои постиранные рубашки, которые лежали у нее уже не первый месяц. Были ли эти сорочки поводом, чтобы прийти? Честно говоря, я был просто рад, что они у нее оказались — и у нее оказался повод посетить мою холостяцкую берлогу. Это были первые стираные рубашки в моем доме за несколько месяцев. Грязные я просто выбрасывал, всякий раз скупая в каком-нибудь магазине почти все импортные сорочки своего размера. «Каждая сорочка — это несколько кирпичей Вашего коттеджа в центре города!» — изумлялся Варфоломей, глядя, как я заваливаю упаковками заднее сиденье нашего «линкольна». «И ты хочешь, чтобы я строил свой дом рядом с нашими самыми известными клиентами? — отшучивался я. — Моя расточительность — не больше, чем холостяцкая лень».

Глядя на то, как Лена моет посуду, я вспоминал серый похмельный январь, измерянный вдоль выпитыми бутылками и заваленный консервными банками. Январь, в котором безысходности было больше, чем снега, но над ней, над этой безысходностью точно так же стояла Елена и была абсолютно уверена, что чистая посуда и постиранное белье важнее глухого отчаяния, в которой прозябал предмет ее забот.

Теперь она мыла посуду и снова негромко ругала меня за все подряд. Мол, у кого в доме непорядок, у того и в душе хлам, и рассказывала сказку про снежную королеву. В сказке я оказался мальчиком, сердце которого постепенно превращается в лед.

— Там еще была девочка, которая растопила это сердце, — усмехнулся я.

Она повернулась ко мне, и я впервые увидел в ее глазах тихую долготерпимую обиду.

— Если ты рассчитываешь на меня... То... — она вновь повернулась к посуде, чтобы я не видел, как в глазах у нее появились слезы. Просто выплеснулись от избытка этой затаенной обиды.

— Ты правда не помнишь, как приходил ко мне в марте? Андрей сказал, что ты ничего не помнишь. Напился? — и вдруг резко повернулась. — Герда тебе нужна, говоришь?! У тебя есть этот злополучный индикатор биосубстанции?

— Конечно.

— Принеси.

Взяв в руки индикатор, она направила его на меня и спросила еще раз:

— Значит, ты не помнишь? Тогда скажи, какая лампа должна загореться?

— Никакая. Я же сотрудник «Америкэн перпетум мобиле». Лена нажала на кнопку, индикатор в ее руках вспыхнул зеленым светом, а она стала насмешливо улыбаться.

— А теперь ты, господин-мистер-товарищ...

Я взял индикатор и, направив его на себя, нажал кнопку. Также уверенно, как только что горела зеленая, загорелась красная лампа. «Да она на меня и раньше мигала», — подумал я.

— Только не вздумай докладывать своим боссам, — услышал я голос Лены сквозь сумбур и вязкую тупость в голове.

— Он неисправен, — лучшее, что я мог придумать в этот момент.

— Скорее, ты неисправен.

ЧАСТЬ IV

1

Я Вам со всей ответственностью заявляю: у меня ни разу не заложило уши! И вообще толстопузый, как буржуй Маяковского, с виду неуклюжий «Боинг» рванулся в небо под углом почти 90⁰. Этот взлет разбил для меня миф о превосходстве отечественной авиации. При взлете пилот закладывал такие виражи, что пассажиры должны были выпадывать из кресел, но этого не происходило. Более того, я не ощущал никаких маломальских перегрузок. Как только мы прорвались за сугробы низких облаков над Шереметьево, половина пассажиров смачно закурила, раскрыв газеты и журналы, а там, где в родных «тушках» я привык видеть вечногорящую надпись «Не курить. Пристегните ремни», засветился телеэкран. После научно-познавательного фильма о правилах пользования кислородными масками и спасательными жилетами желающие могли любоваться североамериканскими пейзажами, городскими достопримечательностями и сценами счастливой американской жизни. Уже через несколько минут появились обаятельные стюардессы с тележками, на которых прекрасно помещался магазин «соки-воды», пивной ларек и водка-виски-брэнди на выбор.

Андрей тоже закурил. Но закурил «беломор», что привлекло к нему внимание близ сидящих пассажиров и оказавшихся неподалеку стюардесс. После трех затяжек ему пришлось объяснять, что содержимое его папиросы не является никаким видом наркотиков. Видимо, пассажиры «Боингов» не часто курят «беломор». Билл, который сидел ближе к проходу, посмеиваясь, объяснил на английском удивленным стюардессам, что такое папироса и с чем ее едят. Нам он сказал на русском:

— Самое интересное и самое скучное — океан. До него можно спать и над ним можно спать. Я предпочитаю спать все время полета — плохо переношу разницу во времени, — и, откинув спинку кресла, с явным удовольствием закрыл глаза.

Я стал смотреть в иллюминатор: хотелось узнать, правда ли, что русское небо не похоже на небо Европы или Америки. Потом понял — это заметно только снизу. Сверху небо везде одинаковое...

2

Мы тоже уснули, когда напились. Водка, пиво и девять часов висения в воздухе между Старым и Новым Светом — это даже не повод напиться, это обязательный ритуал. В этом нас убедили многочисленные соотечественники. Кроме того, мы не рассчитывали, что этот день удлинится почти наполовину.

Уже когда самолет провалился под облака, заходя на посадку, Билл растолкал нас. Я уставился в иллюминатор, надеясь разглядеть муравейник из небоскребов, за крыши которых мы должны были отцепляться, но с моей стороны был виден только океан, лишь когда лайнер маневрировал, запрокидывая бока, мелькнуло побережье Лонг-Айленда.

На посадочную полосу мы плюхнулись также неожиданно (но мягко!), как и взлетели в Шереметьево. Аэропорт «Джей Эф Кэй» (то бишь имени президента Кеннеди) встретил нас прекрасной солнечной погодой и размеренной суетой. Первое, что я сделал, ступив на землю, посмотрел на небо. Оно здесь действительно было другим. Последнее русское небо, которое я видел — пасмурное апрельское над Москвой — было похоже на застиранное плохо выжатое белье, с которого постоянно капает. Русское небо было усталым и печальным, медленным и степенным, мудрым и необъятным. Небо над Нью-Йорком виделось совершенно иным — более щедрым, это небо работало на людей, оно не заставляло думать о себе, потому что было солнечно-идеальным. Я потом понял: это даже не небо — это крыша! Добротная сияющая крыша над сияющей Америкой.

— Я бы сказал, что ты ловишь ворон, — заметил Андрей, когда мы усаживались в микроавтобус с надписью «Америкэн перпетум мобиле».

— Мыслишь не масштабно, не по-американски, — отшутился я. — Здесь можно ловить только «Боинги».

Билл объяснил, что от аэропорта час езды до Манхэттэна. Но Нью-Йорк нам предстоит увидеть в другой раз, потому как нас уже ждет другой самолет.

Нужно ехать в другой аэропорт.

И все же минут через двадцать-тридцать Андрей не выдержал:

— Я понимаю, что я в служебной командировке, но если не сейчас, то уже никогда не почувствую себя русским туристом в Америке.

— Что для этого нужно?

— Хотя бы зайти в магазин! — естественное желание бывшего строителя коммунизма.

Билл попытался нас отговаривать, ссылаясь на то, что мы проезжаем не в лучшем районе, но Андрей настаивал на своем, и я поддержал его. Мы прижались к тротуару где-то в неположенном месте, и Биллу тут же пришлось объясняться с чернокожим полисменом. Улица вокруг текла человеческими фигурами и автомобилями, шум казался вечным и неодолимым, и негров было, пожалуй, больше, чем в Африке. Русский негр Варфоломей показался бы здесь добродушной снегурочкой.

Андрей все же нырнул в какую-то лавку, где продавали радиоаппаратуру и компакт-диски, и мне пришлось последовать за ним. В магазине оказались опять-таки негры. Следует сказать, смотрели они на нас совсем не в духе привитого нам интернационализма и антирасизма. Скорее наоборот. Один из них даже «факнул» что-то про наш джентльменский вид. Но уходить сразу было позорно и трусливо, я принялся рассматривать прилавки, Андрей же вдруг проявил интерес к плэйерам и купил самый дорогой, который здесь был. В довесок он взял две кассеты: Рея Чарльза и Тину Тёрнер. Но и этот непонятный мне акт интернационализма не удался. На нежелательность нашего здесь присутствия нам «намекнули» по-другому: здоровенная горилла, перемалывающая своими челюстями полкило бабл-гама, просто и откровенно плюнула в нашу сторону, дико захохотав. Андрей сквозь зубы помянул мать этого негра, но невозмутимо надел наушники и вышел на улицу. Больше он не просил останавливать машину на улицах славного Нью-Йорка. А я позабыл у него спросить, на хрена ему плэйер, начиненный негритянской поп-музыкой.

В маленьком частном аэропорту нас посадили на подобие «Як-40» и повезли навстречу оранжевому закату.

3

Хеллоуин — городок из ковбойского вестерна. По степени заброшенности он превосходит наши самые захолустные райцентры, и судя по той дороге, что привела нас сюда, более забытого Богом места в Америке не сыскать. И хотя Билл уверял, что маленькие города Соединенных Штатов самые чистые, на улицах Хеллоуина словно только что прошла первомайская демон-

страция, ветер нес ворохи пестрого мусора: яркие этикетки, пакеты, кожура и скорлупа от всего, на чем они могут быть, обрывки рекламных плакатов, афиш и газет. Именно мусор делает Хеллоуин пустынным и заброшенным. Здесь будто еще вчера бурлила цивилизация, а сегодня городок превратился в декорации уже отснятого и тут же забытого фильма.

Странным казалось то, что «Америкэн перпетум мобиле», которая без ощутимых затрат могла купить для своих нужд несколько кварталов в Нью-Йорке или Сан-Франциско, выбрала затерянный в прериях Хеллоуин, где жили хмурые неразговорчивые люди, собранные со всего континента по принципу замкнутости. Казалось, их лица ничего не выражают, кроме природной, только им понятной суровости. Наверное, такими были лица освободителей Нового Света. Исключение составлял персонал небольшой, но на удивление шикарной гостиницы, в которой нас разместили. Здесь царили профессиональная обаятельность и покупаемая услужливость. Несмотря на свою видимую заброшенность и провинциальность, городок был цивилизован во всех смыслах этого понятия. Отсюда, например, без труда можно было дозвониться до нашего Кологрива. Попробуйте сделать подобное в обратном порядке.

Судя по всему, достопримечательности в этом городе не прижились, войны и стихийные бедствия обходили его стороной, а экскурсий для нас не предполагалось. Поэтому мы с Андреем предприняли самостоятельную пешеходную прогулку по главной улице (Хеллриверз стрит), которая тянулась через весь Хеллоуин с запада на восток и начиналась от стоящей на окраине бензоколонки. Два-три административных здания, пара пивнушек и несколько магазинов-лавок — вот далеко не особые приметы Хеллзриверз стрит, начинавшейся от бензоколонки на одной окраине и упиравшейся в чугунные литые ворота огромного серого особняка — с другой.

Дом этот, огороженный черными копьями чугунной ограды с насаженными внутри нее аккуратно подстриженными кустарниками, издали показался мне дворянским особняком, перенесенным сюда из России XIX века. Но уже через несколько минут это «показалось» развеялось. Его рассеяли охранники (прилизанные мордовороты с рациями и автоматическими винтовками), которые сонно прогуливались по периметру ограды. На нас они не обратили внимания, поэтому мы подошли к самой решетке, чтобы рассмотреть дом поближе.

Аллея, начинавшаяся от ворот, обрывалась у лестницы из черного мрамора. За двумя рядами гладких колонн виднелись двустворчатые двери, мощь и негостеприимность которых были сродни крепостным воротам средневекового замка. И ничего нельзя было увидеть в окнах этого дома. Они были такими же темными, как и камень, из которого был построен весь дворец. Два этажа по высоте можно приравнять к нашей пятиэтажке. Мрачное величие его венчала высеченная под углом крыши на фасаде шестиконечная звезда с расходящимися вдоль по стене маленькими пятиконечными. Других знаков и вывесок на здании не было.

— Логово, — определил Андрей. — Есть у них Белый дом, а это, выходит, Черный. Готов поспорить, простому смертному легче попасть в рай, нежели за эти двери.

Я представлял себе, как должен выглядеть этот дворец сверху, с высоты птичьего полета. Как въезжают в него бронированные «роллс-ройсы», как один этот дом перевешивает в мрачном пейзаже весь Хеллоуин, и даже получается, что дорога через весь штат ведет только к нему, чтобы ни с того ни с сего оборваться у его ворот. А может она и проложена ради этого? Андрей потянул меня обратно, и я вернулся на землю.

— Потолки здесь высокие, — приметил я положительное.

4

Обедали мы как в пионерском лагере, в определенное время в гостиничном ресторане. Присматриваясь к сотрапезникам за другими столиками, я определил, что кроме нас здесь есть (т. е. питаются) другие русские... Украинцы, узбеки, белорусы, татары, французы, китайцы, малайцы и прочие-прочие. Мне показалось, что я видел цыгана, но утверждать не берусь. Так или иначе, можно было подумать, что мы попали на очередное заседание ООН или в Артек для взрослых.

Билл постоянно сопровождал меня. Пас. Похоже, Андрей интересовал его постольку, поскольку он оказывался рядом со мной. И Андрей вел себя как заправский турист. Везде ходил, не расставаясь с купленным в Нью-Йорке плэйером, почти не снимая наушников. Плэйер и еще какую-то чепуху он таскал в сумке через плечо, отчего был похож на школьника-переростка. Мне было не до отдыха. Приходилось ежедневно выслушивать биллионы (от слова Билл) наставлений, суть которых сводилась к

тому, что я поднимаюсь на новую ступень по иерархической лестнице «Америкэн перпетум мобиле», что я не должен многому, с чем мне предстоит столкнуться, удивляться. Наоборот, мне следует привыкать и настраиваться на некоторые, может быть, символические, но немаловажные акты. В любом случае я должен сохранять спокойствие и гордиться своей принадлежностью к крупнейшей американской компании. Большего он не объяснял. Зато многое пытался объяснить для себя Андрей. В то утро он спросил меня:

— Тебе не хочется выйти на субботник?

— На ленинский? — не понял я.

— У них патологическая любовь к цифре 22! Дом номер 22, быть в Хеллоуине 22 апреля, у меня так и напрашивается продолжение — 22 июня, 22 декабря...

— А декабрь-то причем?

— Самый короткий день в году. Праздник зимы и темноты.

— Ты утрируешь.

— Черт его знает.

Но день 22 апреля действительно начинался, и нам предстояло удивляться, чем дальше, тем больше.

После завтрака Билл пригласил нас на «небольшую экскурсию», ознакомиться с некоторыми реликвиями «Америкэн перпетум мобиле» и «совсем немного поработать». Это «совсем немного», как мы поняли, касалось только меня.

— Раньше мы не посвящали в это рядовых сотрудников, но теперь многое из нашей истории и деятельности открыто даже для гостей, — рассказывал Билл в машине. — Это определяется мощью компании, ну и конечно изменением, лучше сказать — просветлением в умах человеческих. Пора темного средневековья и коммунистической морали миновала. Хотя следует признаться, мы неплохо пользовались услугами и той и другой инквизиции.

— Какое отношение имеет инквизиция к современным Соединенным Штатам? — спросил я.

— Никакого. Она имеет отношение к «Америкэн перпетум мобиле». Косвенное, разумеется. О вечном двигателе тогда хотя и думали, но о таком виде топлива даже смутно не догадывались. Тем не менее, о некоторых прозрениях можно сказать с полной уверенностью.

Нас везли на западную окраину, и я сразу же вспомнил о серочерном особняке. Да и увидев его в первый раз, я не особенно сомне-

вался, что этот дворец принадлежит «нашей» компании. Иначе для чего тогда нужен весь Хеллоуин со всеми его хмурыми жителями?

— Скажите-ка, Билл, а почему мистер Дэвилз не полетел в Штаты? — спросил Андрей. Я тоже вопросительно посмотрел на Билла, которому в общении с нами явно не хватало дьявольской проницательности и не терпящего возражений тона Сэма Дэвилза.

— Нынешняя ситуация в России не позволяет директору такого крупного отдела отдыхать даже положенное время. После смерти Брежнева мистер Дэвилз только пару раз бывал на родине и то по неотложным делам. Андрей присвистнул:

— Преданный делу человек.

— Да. Кроме того, мистер Дэвилз один из совладельцев компании. Именно для того, чтобы расширить штат сотрудников компании, нам пришлось организовать здесь нечто вроде сбора, этаких курсов повышения квалификации для региональных представителей.

— Таких, как Серега? — кивнул на меня Андрей.

— Таких, как Сергей Иванович, — ответил Билл и очень многозначительно посмотрел на Андрея. Будто выиграл у него партию в шахматы. — Это для Вас данная поездка является в большей степени увеселительной.

— Ага, — криво ухмыльнулся Андрей, — если забыть, что за подобное увеселение я заплатил своей биосубстанцией.

— Это был Ваш выбор.

На некоторое время в салоне воцарилось недружелюбное молчание. Андрей демонстративно нацепил наушники. Неприятнее всего было мне: я вспомнил, как почти не препятствовал взбалмошному желанию Андрея стать моим заместителем. Вспомнил, как отбрил Ивана...

Машина вырвалась из города, и водитель добавил газу.

— Это что, главная штаб-квартира «Америкэн перпетум мобиле»? — спросил я, указывая на выросший перед лобовым стеклом особняк. Спросил просто так, чтобы заткнуть глотку этой неприятной тишине, но Билл вдруг посмотрел на меня, как на плохо замаскированного лазутчика.

— Нет. Не главная, — ответил он. — Где-то есть другой дом. Но где, я не знаю.

— А мистер Дэвилз?

— Мистер Дэвилз знает.

5

Потолки в Темном Дворце (так я решил его называть и таким он был внутри и снаружи) действительно оказались высокие. Арочные.

Мы стояли в просторном зале на первом этаже. Десятки дверей и две лестницы вели из этого зала в другие помещения. Казалось, чего-то во внутреннем убранстве этого зала не достает, хотелось видеть на его стенах фрески или какую-либо лепку: мифических чудовищ, профили и могучие торсы героев, крупнотелых Венер... Ничего этого не было. Только задрав голову, я увидел над собой, в центре равновогнутого потолка какого-то человеко-козла со звездой во лбу и черными крыльями за спиной. Торс и руки у него были человеческими, и человеческими были многознающие глаза на козлиной морде. Правой рукой летающий козел будто благословлял стоящих под ним, подняв вверх сложенные указательный и средний пальцы, левая рука указывала вниз — на черный полумесяц, рядом с которым извивалась зеленая змея.

— Это Бафомет, — пояснил Билл. — Раньше это здание принадлежало масонской ложе. Они тут игрались в архитекторов Вселенной со своими циркулями, а в этом зале принимали неофитов. Почти из каждого угла смотрел глаз — око Архитектора. Такой же, как на долларовой купюре. Сами понимаете, теперь это мало для кого секрет, в Америке каждый жаждущий карьеры политик — масон.

— А Вы? — немного насмешливо спросил Андрей.

— Я тоже... Был. Дело в том, что «Америкэн перпетум мобиле» — нечто большее, чем игры в священное братство ради власти над миром. «Америкэн перпетум мобиле» — это и есть воплощение власти. Это тоже своего рода служение определенной идее. Большинство масонов особенно низших градусов, даже не подозревая того, осуществляют в разных частях света проект «Америкэн перпетум мобиле». Масоны управляют миром, а кто-то управляет масонами.

— Почему Вы все рассказываете без малейшей опаски, Билл? — спросил я.

— Потому что Вы оба так или иначе принадлежите «Америкэн перпетум мобиле» и не сможете причинить ей даже маломальского вреда. Впрочем, многое вы поймете и увидите сами. Пройдемте дальше.

Мы вошли в параллельный первому не менее просторный зал, смотрящий окнами в сад, где петляли высаженные акациями аллеи. В этом зале также царили полумрак и гулкая тишина. От первого зала его отличало отсутствие рисунка на потолке и многочисленные подпирающие потолок в совершенном беспорядке тонкие колонны. Каменные стволы в этом лесу как попало торчали из мраморного пола. Казалось, в этом лабиринте кто-то прячется, мечутся неясные тени.

— Я не знаю, что увидит здесь каждый из вас или вы оба вместе. — Голос Билла слышался как будто из другой комнаты. Голос спортивного комментатора, не болеющего ни за какую из играющих команд. — Здесь определенным образом материализуется работа вечного двигателя. При этом для каждого посетителя по-разному. Сразу же хочу предупредить — от работников компании здесь абсолютно ничего не зависит, мы не можем влиять на происходящее здесь. Но не пугайтесь, за время действия этого зала ни с кем из входящих ничего страшного не произошло. Разве что небольшие нервные потрясения у особо чувствительных. Но такие сюда попадают редко. Теперь я вас оставлю.

Как только он вышел, действо, которое до сих пор таилось за колоннами, стало мало-помалу окружать нас.

Это было похоже на несколько снов. Они наслаивались друг на друга. Некоторые из них, бессмысленные и непродолжительные, даже не отметились в памяти. Они замысловато переплетались с искаженной реальностью и заставляли нас играть роль вынужденных героев, подчиненных навязываемому свыше сюжету.

Вы когда-нибудь убивали во сне? Во сне вообще легче побеждать, а если нет подходящей оправдательной ситуации, то утром никто не спросит с Вас за совершенный (возможно, пугающий даже Вас) поступок. Я пока что не знаю, спросится ли за совершенное зло во сне на Высшем Суде. Но бывает и по-другому: в Вашем сне царит вопиющая несправедливость, сон переполнен насилием против Вас и Ваших близких, самое время проявить ответную жестокость, совершить геройский поступок, но руки и ноги Вас не слушаются. Вы большой кусок ваты, неспособный даже закричать. Вы можете только смотреть и чувствовать падающее с ужасающей высоты сердце. От такого падения можно вскрикнуть во сне, можно разметать вокруг себя постель, можно проснуться в холодном поту, можно вообще не проснуться.

Андрей никогда не рассказывал мне, что видел и чувствовал он. А я ему рассказать не успел. Уже после, когда мы вернулись, он вдруг ни с того ни с сего спросил:

— Тебе Ленина жалко?

— Ты о чем? — удивился я.

— Я, как и все советские дети, в детстве любил дедушку Ленина, а когда узнал, что он нигде не похоронен, а лежит в мавзолее, мне стало его жалко. Я тогда думал, что если человек не похоронен, то его душа не находит себе покоя, ее ни в рай ни в ад не берут. Она обречена на полное одиночество. Жутко она при этом мучается и не дает никому покоя. Теперь я знаю, что так оно и есть. Оказывается, антихристов много. Они стоят в длинную очередь у дверей в человеческую историю, чтобы потом занять свое место в огненном озере. Антихрист — имя собирательное. Они приходят по одному и целыми ордами, приходят и уходят в самое глубокое небытие. А за ними вереница несчастных носителей зла, околдованных или золотом или новой идеей — осуществлением царства божьего на земле. Мы не можем охватить разумом Вечность, они не хотят знать, что она есть... — так он говорил долго, а закончил также неожиданно, как и начал. — Крестился бы ты, Серега!

В моих видениях Ленина не было. Но «персонажей» было предостаточно. Сначала пронеслись, как порывы ветра, какие-то смутные воспоминания. Откуда-то из далекого, теперь уже туманного детства. Потом картины становились ярче, и, наконец, на меня опрокинулся совсем другой день из другого времени, из другой жизни. Он, как всплеск от брошенного в воду камня, произвел десятки, сотни брызг, и в тысяче зеркал промелькнули тысячи отражений этого дня, но в каждом по-разному. Они промелькнули, но миг этот выражался понятием вечности и мог совсем не кончиться. И я мог навсегда остаться в одном из этих зеркал, сделай я хотя бы один неверный шаг по направлению к соответствующей реальности. И каждый новый шаг вырывал кусок, часть времени из каких-то других жизней и эпох, причудливо переплетая их вокруг моего выросшего до астрономических размеров Я.

6

На лестнице, ведущей к капищу, медленная процессия — седые бесчувственные жрецы ведут юных пленников и пленниц. Еще несколько шагов и под завывание этих идолопоклонников на каменной наковальне жертвенника будет биться чье-то молодое сердце. А я — вождь или царь — сижу на золоченом троне, утопая в драгоценных одеждах, в окружении бесстрашных воинов, нетерпеливо

поглаживающих рукоятки мечей, среди замерших у трона невольниц, готовых по первому моему зову отдать мне не только тело, но и душу, потому что я для них живой бог. Я, имеющий власть над народами, над законами и беззакониями, даже если захочу, не смогу остановить кривой нож жреца. Не смогу, потому что боюсь даже захотеть этого. И когда ударят барабаны, мое сердце сожмется так же, как сердца обреченных невольников, и мне будет казаться, что это мое сердце берет сморщенными жилистыми руками жрец и бережно кладет его в центр жертвенника, то выкрикивая, то несвязно бормоча только ему одному понятные заклинания. Лицо мое останется каменным, и когда-нибудь вместе с ним окаменеет сердце.

Сидя на троне, я вспомнил, как плакала на маленькой кухне в моей квартире Лена. Мальчик из «Снежной королевы»? Может быть, именно так попадают в наши сердца маленькие льдинки. Через бесчувственный к чужой боли глаз — и обращают его в лед и камень, в мешок для перекачки холодной крови.

В один из дней, в одном из отражений я был именитым чекистом. Или был в его теле. Был в его сознании? Сидя за столом, я небрежно решал человеческие судьбы, уподобляясь самовлюбленному божку, который и сам завтра может быть разбит вдребезги, как античная скульптура от удара варвара. Передо мной списки заложников: от офицеров до гимназистов, которых через несколько часов расстреляют. И что мне стоит пожалеть «буржуазных» мальцов, вычеркнуть их из черного списка по причине абсолютной невиновности? Но рука моя даже не дрогнет для этого движения. Ей не позволяет «классовое» сознание.

Конвоиры приводят гордого арестанта в офицерской форме. Сначала я смотрю в тонкую папку с его «делом», только потом — ему в глаза. Что мне до его глаз? Их за день бывает сотни, и только для них самих важно, с каким выражением на лицах они умирают. Очень трудно попасть в историю из внутреннего двора черезвычайки, где прозвучит последний в их жизни звук — выстрел. Еще труднее попасть туда с загородной свалки, где в общую яму пьяные красноармейцы валят по ночам трупы. На миру, говорят, и смерть красна. А каково этим — гордо вскидывающим спокойный взгляд в черное дуло безвестности? Я поднимаю глаза, и они обжигаются. Передо мной сидит Иван в рваной, испачканной кровью форме русского офицера. Как он переселился в нее из уродливо-невыразительной милицейской? Сейчас именитый чекист задаст ему два-три вопроса и, не услышав ни раскаяния, ни намека на предательство или испуг, напишет размашисто и уверенно в левом верхнем углу: расстрелять,

следователь... витиеватая подпись земного божка. И пока я думаю, для чего я здесь, зачем я в сознании этого человека, почему напротив меня сидит мой старый друг, которому я подписываю смертный приговор (уже изначально зная, что иначе и быть не могло), все это действительно происходит. И конвоиры уводят белого офицера, будь он мой друг Иван или поэт Гумилев. Я же уверяю себя в том, что являюсь здесь пассивным наблюдателем, безучастным смотрителем, лишенным права слова. Этой всепригодной настойкой я прижигаю собственную совесть. Не оголяйся, сука!

И чужие дни-видения стали раскручиваться с каждым разом все быстрее и быстрее, все меньше и меньше оставляя времени на раздумья. Ум мой метался среди кривых зеркал, не находя нужного или хотя бы приемлемого (в смысле покоя: оглядеться, задуматься) отражения. И я бежал по бесконечным древним лабиринтам, по коридорам Кремля, но кем бы и где бы я ни был — везде я был обличен бременем власти над людьми, словно кто-то хотел узнать, что я испытываю, когда чужие разум и воля беспрекословно подчиняются моей, а если не подчиняются, я могу обратить их в пыль и забвение. И в то же время я сам ощущаю над собой чью-то тяжелую волю, знакомое с детства чувство внутренней свободы покинуло меня. Вместо него в сердце стала распаляться вседозволенность. Но в самом потаенном уголке души росло осознание невидимой, непонятной и угасающей зависимости.

Герои мои (я как будто стал актером одновременно в нескольких пьесах) четко следовали написанным ролям и чем дальше, все меньше могли позволить себе долю импровизации, собственный жест, свою мимику... дурацкий парадокс! Это называется свобода пули перед выстрелом, когда уже спущен боек.

Помните, я искал настоящую открытую улыбку и нашел ее только на фотографии Гагарина? И сейчас я также искал образ внутренней свободы. Судорожно, торопливо искал. Даже дыхание сбивалось, словно от того, найду я или нет, зависела моя оставшаяся жизнь. Наверное, именно пример с Гагариным натолкнул меня на мысль искать таким же образом: пересматривая в памяти виденные когда-либо фотографии. Память перелистывала груды журналов и ворохи газет, но оттуда смотрели на меня только «мертвые», запрограммированные лица политиков и общественных деятелей всех рангов и масштабов. Свобода этих людей заключалась в собственной власти, престиже, богатстве и поэтому никогда не была настоящей свободой.

Живыми оказались лица действительно мертвых людей! Это

были лица погибших защитников Белого дома (нашего Белого дома). Светлые лица, выражающие высшую степень духовной свободы. Лица людей от двенадцати до семидесяти, соединенные именно этим необъяснимым выражением высшей свободы.

В те дни, когда в них стреляли из танков, я пил. Пил беспробудно. Едва очухался, включил телевизор, увидел сальные рожи мнимых телестрадальцев, услышал их гнусаво-картавые голоса, потом понял, что расстрел советского парламента демонстрируется на весь мир телекомпанией Си-Эн-Эн, и какой-то мудливый англоязычный комментатор удовлетворенно факает после каждого выстрела. Я ужаснулся, выматерился и снова стал пить... Только через месяц увидел фотографии защитников — «ужасных боевиков-фашистов». Среди них не было ни одного лица, которое вызвало хотя бы чуточку неприязни или отвращения. Более открытых и наполненных свободой лиц я не встречал. Посмотрите сами и плюньте на эту страницу, если я не прав.

Театр Сэма Дэвилза тем временем подстраивался под мой внутренний мир. И когда я вдруг вспомнил эту горькую октябрьскую боль, я оказался в шкуре (в блестючем костюме) одного из советников президента. Я шел к «пахану» докладывать об осмотре места славной победы.

Советник остановился у двери, прокручивая в голове свой предстоящий доклад, и я вместе с ним. И мог бы я сказать его языком что-нибудь позабористее, но еще пять минут назад по воле «перпетум мобиле» я был Иудой, предающим Христа, был Юровским, хладнокровно расстреливающим Романовых, был басилевсом, по приказу которого ослепили сотни тысяч болгар, был Петерсом... Но я уже не был собой и не мог ничего добавить от себя в этот мрачный репертуар. Рука советника опустилась в карман — там должна лежать шпаргалка. Но вместо блокнотных листов в кармане оказался самодельный брелок из проволоки и связка ключей. Советник остолбенел.

А я всегда таскаю с собой ключи — и в отпуск, и в командировки. И в Америку, и в Африку. Ключи от дома — они и в Африке ключи от дома.

И вот что-то сорвалось в этом спектакле. Чего-то режиссер не предусмотрел. Маленькая женщина из вокзального буфета и ее больной сын в сюжет не вписывались. И, наверное, поэтому весь окружающий меня мир фантастических декораций стал исчезать и все более походить на естественную реальность. Я снова увидел зал с беспорядочно понатыканными колоннами и невесть откуда взявшимися людьми. Пожалуй, это следует назвать последним актом абсурдной пьесы.

7

В зале звенели аплодисменты. Как только что проснувшийся человек, я долго не мог понять, что происходит. И все же через некоторое время до моего сознания дошло, что аплодисменты обращены ко мне. Одетые в смокинги господа и дамы в вечерних туалетах, собравшиеся будто на бал, блуждали парами или поодиночке среди каменного леса. Некоторые подходили ко мне, чтобы сказать несколько одобрительных слов на разных языках, тем не менее, неожиданно для меня понятных. Не знаю, смог ли бы я говорить хотя бы на одном из этих языков, но то, что я легко понимал их все, не подлежало никакому сомнению.

— Это эффект вавилонской башни, — раздался рядом голос Билла. — Кто-то смешивает языки и ломает башни, а кому-то приходится заново строить и учить людей понимать друг друга.

— Вы о Боге и...

— А Вы всегда такой до тошноты буквальный?! Расскажите об этом кому-нибудь на улицах Москвы или Владивостока, да где угодно расскажите, и Вас не просто назовут дураком, но и возможно вызовут специальную «скорую помощь». Не обижайтесь. Вы и сами знаете, что это так. А людей может объединять не только строительство башен, а, например, любовь к доллару. Вы знаете о такой любви?

Присматриваясь и привыкая, я определил, что среди гуляющих по залу гостей и стоящих за разговорами достаточно было знакомых личностей, и что особенно удивило меня, тех, которых человечество уже с почестями похоронило и даже воздвигло в их честь величественные памятники. Так, рядом с вездесущей четой Горбачевых можно было увидеть скучающего Эйнштейна, недавно почившего Кагановича, нашего звонколысого Хрущева, который к тому же доверительно шептался с холодноглазым Берией. Я понял, что несмотря на некое обреаливание окружающей действительности, фарс продолжался. Теперь следовало ожидать свою очередную роль. Было похоже, что все собравшиеся здесь ждут чего-то именно от меня.

— Зачем здесь все эти привидения? — оглянулся я к Биллу.

— Вам неприятно находиться среди столь известных и уважаемых людей? — искренне удивился он. — Это как раз здесь они не привидения.

— Признаюсь Вам, изучая всеобщую историю, над многими из них я просто посмеивался. Белыми нитками интриги шили. Вот если б тут оказались Владимир Мономах или Суворов...

— К сожалению, здесь нет даже Ивана Грозного. Может быть. Вас устроит аудиенция у Петра Великого?

— Да нет. Не стоит. У них очень много общего с Горбачевым, так что пусть между собой поболтают. Я империй бездарно не создавал и бездарно не разваливал. Всякую иностранщину в Россию как спасение не зазывал.

— Вы уже забыли, как хотели выброситься в окно, и если бы не «Америкэн перпетум мобиле»... — напомнил Билл. Я смутился.

— Извините, Билл.

Открылась одна из дверей в торце зала, и степенно вошел седовласый церемониймейстер-герольд. Три раза длинным шестом ударил в мраморный пол.

— Прошу всех в демонстрационный зал, — объявил он, и неспешная толпа живых и мертвых привидений двинулась к выходу. В слове демонстрационный отчетливо прозвучало слово демон.

— А где Андрей? — спохватился я.

— Он занят тем же, чем и всегда, — невозмутимо ответил Билл.

— ???

— Безуспешно ищет, как навредить «Америкэн перпетум мобиле». Нам особенно ценно приобретать биоэнергетическую субстанцию таких провинциальных героев. У нее хороший потенциал. Но не переживайте, он скоро явится.

Я молча проглотил его усмешку над своим другом. Между тем, мы вошли в новый зал, отделанный по принципу амфитеатра. Этакий домашний Колизей с небольшим овальным полем для гладиаторских ристалищ. На память пришли десятки американских фильмов о кулачных бойцах, забивающих друг друга насмерть на потеху визжащей от удовольствия публике. Я хотел было двинуться к тесным «семейным» трибунам, но Билл остановил меня.

— Нет, сегодня ваше место там, — он указал на арену. И тут же ответил на вопрос, который я еще не успел задать. — Это именно то, о чем я говорил Вам. Небольшой, чисто символический акт, после которого Вы станете полноправным членом корпорации. Не волнуйтесь, я думаю, Вам не придется с кем-либо сражаться. Зрители тоже не должны Вас смущать. Они не более чем зрители. Каждый из них испытал нечто подобное и не раз.

— Но мне кажется, они делают ставки!

— Вас это действительно волнует? Не Вы ли минуту назад называли их привидениями?

— А если я не стану выходить на поле? — за сегодняшний день я впервые сказал не то, что от меня хотели. — Если меня устраивает мое нынешнее положение?

— Оно не устраивает нас. Тон его начал принимать все более прохладный оттенок. — Устраивает или не устраивает Вас, Вы сейчас сами и проверите. — Он сказал это так, что я понял: центра арены мне сегодня не избежать. Подтверждением этому, кроме всего прочего, служили пустовзглядые охранники у входа. Мысленно я плюнул на всю эту дребедень, на весь этот не совсем, а то и вообще непонятный цирк, а заодно и на тот день, когда наивно обрадовался легким деньгам Сэма Дэвилза. Неторопливо вышагивая на арену, я оглянулся и вдруг увидел, как судорожно дернулась бровь Билла, как будто в него действительно кто-то плюнул.

Почему-то я был абсолютно спокоен. Уверенность в том, что меня притащили через океан не на убой (это можно было без труда сделать в Сибири), оставляла опасения только перед самыми несуразными неожиданностями, кои сегодня продемонстрировал Билл в предыдущем помещении этого идиотского дворца.

Я окинул взглядом трибуны: вот они, привычные, «дорогие сердцу каждого землянина» лица сильных мира сего.

Билл тоже вышел на арену. Видимо, представление нуждалось в услугах конферансье.

— Господа! — начал Билл. — Перед нами именно тот тип русского человека, который с теми или иными вариациями представляет собой основную часть населения бывшего Советского Союза, где наша компания развернула самую обширную деятельность. И перед Вами именно сотрудник «Америкэн перпетум мобиле», принесший компании, — вероятно для пущей значительности Билл взглянул на маленький листок, который держал в ладони, — восемьдесят пять тысяч триста сорок две биоэнергетические субстанции. И это за неполных четыре месяца работы!

Аплодисменты зала не заставили себя ждать.

— Не мне Вам объяснять значение этой цифры, хотя в большей степени она обусловлена новой политикой компании на территории бывшего СССР. И все же Сергей Иванович по доброте душевной совершил свыше 49 отказов потенциальным продавцам биосубстанции, причем большинство — по собственной инициативе, что, как вы знаете, по условиям работы в компании определяет растрату собственной биоэнергетической субстанции. Вы знаете, что прежде чем принять Сергея Ивановича на работу,

нами были проведены подробные вычисления кандидатуры на всей территории Западно-Сибирской низменности. Нами были учтены и запрограммированы все обстоятельства вокруг индивидуума. Тем не менее, срыв свыше 49 произошел. Это, как водится, можно списать на необъяснимые движения русской души, на русский характер... — вероятно, это была шутка, потому что на трибунах пролетел приглушенный хохоток. Криво усмехнулся Наполеон, широко улыбнулся Никита Хрущев... Билл тоже улыбался обезоруживающей улыбкой Билла Клинтона. — Мы с вами знаем, что для поступательного развития научно-технического прогресса человечества (интересно, что он вкладывал в это понятие?) крайне необходимо увеличивать количество и качество приобретаемых биосубстанций, которые в конечном итоге определяют и наше и ваше существование... — На слове «ваше» Билл сделал особое многозначительное ударение. — Поэтому, когда в филиале Сергея Ивановича появилась некая персона нон-грата — поэт Андрей Белов, мы решили предоставить нашему сотруднику еще один шанс, который на сегодняшний день остается неиспользованным. На Ваших глазах я вручаю ему специальный индикатор биосубстанции и предоставляю слово поэту. — Билл откинул руку широким жестом в сторону входа, где открылись двери и на пороге появился Андрей с совершенно дурацкой школьной сумкой через плечо. За спиной его маячили охранники, он же, как ни в чем не бывало, улыбался.

— Ага! Спектакль начался! Посмотрим, кто здесь правит бал?! — Его слегка подтолкнули в спину, и он вышел на арену. Подмигнул мне: мол, не дрейфь, еще покувыркаемся. Мне же чем дальше, тем больше становилось не по себе.

— Вы знаете, что мы служим общечеловеческому прогрессу и Вечному двигателю! — теперь Билл обращался не только к залу, но и к нам с Андреем, и я был уверен, что «перпетум мобиле» он действительно сказал с большой буквы. — Поэтому сегодняшний эксперимент являет собой не только определение психологического типа наших работников в российских филиалах, но во многом будет зависеть от воздействия энергии Вечного Двигателя. Одно из таких воздействий, — это относилось только к нам с Андреем, — вы сегодня уже испытали. Сейчас, когда вы останетесь на этом поле вдвоем, вам будет предоставлено три минуты, чтобы решить, кому из вас остаться в живых.

Не буду врать и корчить из себя супергероя — ноги у меня стали ватные, а в груди екнуло сердце.

— Там, где совершался договор между персоной нон-грата и мистером Дэвилзом, остановлено личное время индивидуумов, — продолжал Билл. В этот момент я, стоя на арене Темного Дворца в захолустном американском Хеллоуине, вдруг увидел себя сидящим на стуле в своем кабинете на улице Дзержинского, 22 (см. часть II, № 5). Рядом — Андрей. Напротив — Сэм Дэвилз.

— Ну и рожа у тебя, Сергеич, — негромко прокомментировал Андрей, который, получается, тоже лицезрел эту картину. Действительно, у меня на лице было написано, что через минуту я упаду со стула и потеряю сознание.

— Смерть наступит не здесь, а там. — Билл словно читал мои мысли. Сердечный приступ на фоне сильного похмельного синдрома, аневризма, все, что угодно.

— А у тебя тоже лицо нездоровое, — заметил я Андрею.

— Вашему другу выбора не предоставляется, — как бы кстати объявил Билл, — у Вас в руках индикатор, нажав на кнопку которого, Вы переместите биосубстанцию господина Белова в электрод вечного двигателя. При этом Ваша совесть останется чиста: господин Белов сам изъявил желание обменять свою биоэнергетическую субстанцию на возможность помочь Вам, поработать Вашим заместителем. Так что если сейчас Вы и проявите неуместное благородство и пожертвуете собой, сделка останется в силе. Не будет директора филиала, не будет, естественно, и зама. Если же Вы предпочтете остаться сотрудником «Америкэн перпетум мобиле», у Вас есть шанс получить повышение по службе, никогда не мучиться угрызениями совести и, кроме того, обеспечить своему другу пребывание в лучших больницах мира, потому что с сегодняшнего дня он начнет медленно умирать. Вам же я предлагаю ни много ни мало — вечную жизнь на Земле. И в свое время Вы сможете занять почетное место на этих трибунах. Кто-то, не будем называть вслух, предлагает вечную жизнь после смерти, мы же предлагаем ее здесь! Так что когда на поверхности появится электрод вечного двигателя, у Вас будет ровно три минуты, отделяющие Вас от вечности в обоих смыслах. Это были последние слова Билла прежде чем он покинул арену.

Сначала я хотел громко и смачно выматериться. Любой уважающий себя мужчина поймет, как хотелось мне сказать несколько слов улыбчивому «добряку» Биллу, а заодно врезать ему по роже. Когда он вышел с поля, по периметру арены выросли гладкие стены из толстого (наверное, такое называют пуленепробиваемым) стекла, отделившие нас с Андреем от замершего в ожида-

нии зала. Вот, стало быть, на кого работает «перпетум мобиле». Если он хоть чем-то похож на двигатель внутреннего сгорания, то в нем сгорают человеческие души, чтобы жили и вновь рождались эти «привидения». Они здесь не то что кровно, они здесь насмерть повязаны. Андрей, видимо, думал о том же.

— Интересно, на что идет энергия вечного двигателя? — озадачился Андрей. — На изобретение оружия? Организацию мировых побоищ? Выведение новых вирусов? Все это похоже на научную фантастику эпохи развитого социализма.

Я как-то не был настроен ерничать и болтать о глобальных проблемах. Ныло сердце, как будто предвкушало свою остановку.

— Ты знаешь, Андрей... — начал было я.

— Я знаю, что ты не собираешься воспользоваться индикатором. Но, похоже, кроме того, ты собираешься умереть.

В это время в центре арены открылся круглый люк, из которого дохнуло горячим воздухом и появилось какое-то подобие перископа. Это был обещанный электрод вечного двигателя.

— Вечную жизнь я тебе гарантировать не могу. Это в компетенции Страшного Суда, но кое-что у меня для нас припасено... Так что пока не умирай, Серега!

Он подошел к электроду, расстегнул висевшую на плече сумку и извлек оттуда наушники от плэйера, а следом на проводе — металлическую коробку с торчащей из нее антенной. Наушники в руках Андрея моментально превратились в знакомые присоски. Их скрывали поролоновые прокладки.

— Электрод к электроду? Как ты думаешь? — Дошло до меня мгновенно, но я долго не мог вспомнить замысловатое название этого прибора:

— ПЭВэДэ?

— ПЭВэДэ, ПЭВэДэ!..

Тумблер ПЭВД щелкнул быстрее, чем затворы автоматических винтовок в руках охранников. Да и бронестекло вокруг арены не торопилось погрузиться обратно в пол. Похоже, на испытания какого-либо прибора в полевых условиях здесь никто не рассчитывал. Я не эксперт министерства обороны, но заметил, что Хрущев успел позавидовать: его бомбе под названием «кузькина мать» (с маленькой буквы в связи с серийным производством) далеко было до этого ПЭВД по неожиданности и бесшумности действия. Да пожалуй и по многим другим характеристикам. Не зря в народе десятилетиями ходят слухи о русском чудо-оружии.

8

— Во всякой сказке есть живая и мертвая вода, — сказал Андрей, когда мы бежали по ощетинившейся низкорослой траве прерии.

За спиной что-то непонятное творилось с Темным Дворцом и его обитателями.

После того как Андрей включил ПЭВД и направил антенну-пушку на электрод, из колодца раздался жуткий вопль, как будто прижгли лапу страшному чудовищу. Стеклянная стена вокруг арены осела, а зрители на трибунах просто стали таять, как таяло бы мороженое в микроволновой печи. Это не касалось только современных «привидений», Билла и растерявшихся охранников. Андрей опасливо толкнул антенну ногой, и невидимый луч уперся в стену, которая мгновенно исчезла. Исчез сад за ней и чугунная изгородь. Андрей щелкнул тумблером.

— Вот вам и боевик, господа! — крикнул он и толкнул меня в образовавшуюся пустоту.

— Слушай, а зачем мы бежим? — спросил я.

— Я знаю, что здесь принято скакать на лошади, надвинув на глаза ковбойскую шляпу, но на русских поэтов и бывших учителей это не распространяется. А бежим мы на всякий случай, потому что пошалили маленько, но, думаю, что скоро гостеприимные хозяева придут в себя и, вполне возможно, устроят погоню. А мне еще надо хорошенько расколотить ПЭВД...

— Но это же великолепное орудие!

— В том-то и дело! Ты думаешь, следует передать его какому-нибудь министру обороны?

Я остановился, переводя дыхание:

— Да уж. По меньшей мере, любой министр обороны — клиент «Америкэн перпетум мобиле», а в худшем случае — высокопоставленный сотрудник.

— Я думаю, Жуков составляет исключение.

— Согласен. Да ему и не дали побыть министром. Мы стали прыгать на металлическую коробку ПЭВД. Андрей оторвал электроды с присосками и выломал антенну.

— И как тебе удалось протащить его в Темный Дворец?

— Немного смекалки: я что, зря таскал столько времени электроды на голове? Естественно, что прибор в это время помогал мне всех дурить.

— Да уж! Я думал, ты слушаешь Тину Тернер.

В центре сумеречных прерий два русских мужика прыгали на железный ящик.

ЧАСТЬ V

1

— Вы че, мужики, ё... сь?! — это на родном языке спросил нас удивленный дворник. Было, наверное, около семи утра. Светало. Самое время для дворников. И любому дворнику могло показаться, что с нами не все в порядке: два взрослых мужика ранним утром что есть мочи прыгали на здоровенную банку из-под «атлантической сельди». Это происходило напротив дома 22 по улице Дзержинского.

— Слышь, а какое сегодня число? — спросил Андрей у дворника.

— 23 апреля сегодня с утра. У вас че — запой был? — сострадательно осведомился дворник.

— Хуже, — ответил я и почувствовал, что голова раскалывается. Апрельское утро добавило к этому озноба.

— Посмотри! — позвал Андрей. Он подошел к воротам, изучая вывеску. Выцветшая потрескавшаяся табличка извещала, что здесь находится отдел социального обеспечения Центрального района. — И давно здесь райсобес? — кивнул Андрей дворнику.

— Сколько себя помню, — отрезал он, и по его виду стало ясно, что он совершенно убежден в нашей ненормальности.

— Ты думаешь, что все кончилось? — спросил я.

— Боюсь, нет. — Андрей снова посмотрел на новую старую вывеску. — Тут можно даже некоторую преемственность установить: одну богадельню сменила другая.

Я заглянул за калитку: все тот же изъеденный временем фасад, немые неприветливые окна и тонкие серые колонны. Точь-в-точь такие, как в Темном Дворце.

За моей спиной хриплым фальцетом пропели тормоза. Грациозный «линкольн» аккуратно прижался к тротуару. Из машины вылез Варфоломей.

— Я отвезу Вас домой, сэр.

— Но мне кажется, я больше не работаю на «Америкэн перпетум мобиле».

— Я просто отвезу Вас домой.

2

Наверное, на этом можно было бы закончить. Наши победили: хэппи-энд. Вроде все ясно или вообще ничего не ясно. Но Андрей оказался прав, такие истории не кончаются.

Я вовсе не собирался искать следы «Америкэн перпетум мобиле», они сами находили меня.

Стоило мне отоспаться после кросса по американским степям и выйти на улицу, как ко мне подошел дед Василий, ветеран из соседнего подъезда.

— Слышь, Серега, дело у меня к тебе на 28 тысяч. Дед был прямой, поэтому говорил все сразу. — Ты знаешь, я под Киевом легко ранен был. Как раз тогда Ватутина убили. Теперь с этого ранения мне еще какие-то льготы получаются, инвалидность определяется. Оно ведь, ранение-то по молодости лет, может, и легким было, а теперь я еле ногу волочу. В нынешнее время лишняя льгота никому не помешает. Да я бы плюнул на нее, кабы раньше знал, но всякую документацию уже собрал. Там надо было показания свидетелей, потому как легкие ранения не регистрировали. Уже на следующий день могли снова на передовую послать. А у нас, зенитчиков, какая передовая? Перевязали и можешь снова голову задирать. Если б по танкам молотить не пришлось, то и не ранили бы.

— Так что надо, дед Василий?

— Ну вот я и говорю: показания свидетелей собрал, еще кто живые остались, нашел, ну а теперь, говорят, у нотариуса заверять надо. И здесь уж ветеранам никаких скидок: плати юристу 28 тысяч за печать и подпись. А откуда у меня такие деньги? Пенсия-то, сам знаешь… Дак если ты спец по американским компаниям, говорят, каки-то субстанции скупал, так, может, и моя союзникам сгодится.

— Все! Все, дед Василий! Закрыли мы эту лавочку! — так хотелось закричать, но зачем об этом знать старику? Быстрее забудет. В кармане я нашел несколько десятитысячных и три из них протянул старику:

— Это тебе, дед Василий, гуманитарная помощь. Я вот только встретить тебя никак не мог, передать. Да тут еще в командировку съездить пришлось.

— Куда? — старик в знак благодарности проявил интерес.

— В Америку.

— Ну и как?

— Америка — она и в Африке Америка. — И пошел поскорее, опустив лицо.

Лену я дома не застал и долго сидел на подоконнике в подъезде. Она вернулась под вечер и ни о чем не спрашивала. Больше рассказывала о себе. О своей работе в другой школе. Кормила

меня пирожками с картошкой и поила чаем. Честное слово, мне тогда захотелось сидеть на этой маленькой кухоньке до конца жизни и слушать ее. Только какая-то незавершенность в душе мешала этому временному успокоению.

Несколько дней я прожил у Лены и даже не заходил домой. Дней пять я хотел предложить ей выйти за меня замуж, но непривычная тревога на душе останавливала меня. Такого чувства столь длительное время я не испытывал никогда. Порой я готов был биться сам с собой об заклад, что за мной кто-то неотступно следит, дышит в спину, и с этим дыханием в мое сознание проникает тревога, мнительное и болезненное беспокойство. С каждым днем ощущения эти обострялись, превращая меня в сжатую пружину.

В один из вечеров мы вышли на балкон.

В чернильницу апрельских сумерек капнули луны. Никогда еще полнолуние не производило на меня столь удручающее впечатление. Холодный свет проникал даже под сомкнутые веки и мертвил душу.

В эту ночь заболел Андрей.

3

Жена Андрея позвонила утром.

— Никогда не болел, а тут вдруг сразу — сердце. Его в кардиоцентр увезли, — с порога сказала она мне. В голосе ее одновременно звучали и обида на судьбу и какое-то высшее смирение.

Так начали сбываться обещания Билла.

— Андрей просил передать вот это. — В руках у меня оказались местные и центральные газеты за последнюю неделю. — Он последние дни ждал твоего звонка, ждал, что ты зайдешь, сам звонил тебе. А Ленин телефон ему только вчера Иван сказал…

Газеты, собранные Андреем, я просматривал в троллейбусе по дороге в больницу. В первой же из них бросилась в глаза фотография Бжезинского. Где-то за его спиной угадывалось нерезкое размытое лицо Гражины (контора пишет!). Заголовок крупнокалиберно обещал: «Работа для российских девушек за рубежом — обыденная реальность». Принцип приема заявок показался мне знакомым: данные заносились в компьютер, якобы для создания банка данных и систематизации. За этим очень знакомым мне компьютером сидела Гражина. От «абитуриенток» тре-

бовалось немногое: большое желание и отсутствие мужа. Тут же — интервью с «удачливыми» горожанками: фотомодель «Пентхауза», официантка ночного стрип-бара, продавщица киоска на российском теплоходе, зафрахтованном иностранной турфирмой, и даже представительница русского секса по телефону в Бельгии. «Молодые бельгийцы шумно занимаются онанизмом, когда слышат мой голос...» — хвасталась она. Над всем этим чувствовалась рука пронырливого шоумэна.

В другой газете сообщалось об открытии в областном центре филиала немецкой фирмы «Моторы Круппа», разумеется, прилагалось интервью с директором Адольфом фон Тойфелем. Фотографии, к сожалению, не было. Зато под именем Тойфеля рукой Андрея было подписано: Сэм Дэвилз сотоварищи.

В третьей газете сообщалось о приезде в город нового проповедника-целителя. На этот раз из Финляндии.

Так или иначе, в любой из собранных Андреем газет я наталкивался на следы или прямое явление «Америкэн перпетум мобиле». И наконец «Московские новости», которые оказались последней газетой в пачке, с прискорбием сообщали о закрытии нескольких филиалов крупнейшей американской компании «Америкэн перпетум мобиле», «проводившей на территории России широкую исследовательскую и благотворительную деятельность». Я не склонен был связывать это с нашим пребыванием в Темном Дворце, может, разве что с действием ПЭВД. Газетчики объясняли все просто: наше правительство не создало режим максимального благоприятствия. Я же для себя решил, что компания Дэвилза достаточно засветилась и теперь должна была появиться в тысяче городов под тысячей новых названий.

К Андрею меня просто-напросто не пустили. Пришлось употребить всяческие хитрости и заговаривать зубы дежурившим на этаже медсестрам. Он лежал в серой четырехместной палате, напичканной обшарпанными приборами времен расцвета СЭВ. К руке его тянулась капельница. Серость в палату добавляло окно, за которым висели облака, похожие на грязную небрежно надерганную вату.

— Ну наконец-то, — сказал Андрей, увидев меня на пороге палаты, — я уж думал, ты устроился в какую-нибудь вновь открытую корпорейшен и трудишься без выходных.

— Лучше скажи, как ты?

— Да прижало чуть-чуть. Неприятно, конечно, но и в этом есть свои преимущества: раньше я только знал, где находится

сердце, а теперь вот даже чувствую. В вечные двигатели, правда, мой мотор не годится, хотя он и пламенный.

— Разве инфаркт в тридцать лет бывает?

— Теперь — это норма. Но у меня до инфаркта не дошло. Так что можно считать, что я просто ушел в отпуск, завалился полежать, подумать, а главное — есть время работать над стихами. А то разъездился тут по Америкам. Жене я сказал, что ездил в Москву, мол, там сборничек намечается, так что ты не сболтни, все равно не поверит. Да и что я расскажу? Как я в Нью-Йорке негра на хрен послал? Так это теперь и в Урюпинске сделать можно.

— Мне кажется, я тоже вроде как заболел, — признался я. — Какой-то страх ходит следом и тянет из меня душу. Понемногу-помаленьку... Ночью всякая дрянь-чернуха снится. Современный кинематограф, да и только. Один раз у меня нечто подобное уже было: пригласили мне за счет «Америкэн перпетум мобиле» толпу экстрасенсов — вроде полегче стало.

— Вот это ты, брат, зря. От них пользы — одна видимость, а вот сколько вреда — этого-то ты сразу и не увидишь, не почувствуешь. Ты лучше съезди к бабе Лине в Кмышев.

— ?..

— Съезди-съезди. Она тебе и скажет, где у тебя болит, и как они тебя залечили. Не вздумай только по психотерапевтам и невропатологам ходить — валерьянкой не отделаешься. Посадят на «колеса» — поедешь в дурдом. — Он тут же стал писать адрес. — К бабе Лине на электричке чуть больше часа, а там — через поле, дом на окраине. Это не Нью-Йорк, ближе.

Пока он писал и рисовал план, я взял небольшой сборник стихов, лежавший на тумбочке.

— Это не мои, — как бы извиняясь, предупредил Андрей. На титульном листе — имя поэта: Михаил Федосеенков. Я, как и многие сейчас, не то что не читал, вообще забыл о существовании стихов. Даже стихи Андрея я читал редко, будучи уверен, что большие таланты в провинции не уживаются.

В детстве я представлял себе, что стихи — это птицы, которые летят, когда их читаешь. Строка — взмах крыльев. И сам, читая, летел от строки к строке. Позднее я думал, что стихи — это музыка из слов. Этому было много подтверждений: существование размера и ритма, звучание одного голоса и целая полифония... Теперь я знаю, что настоящие стихи — это чистая капля души поэта. Падая на водную гладь с высоты птичьего полета, она заставляет содрогнуться человеческую душу, опускается на самую глубину и оста-

ется там навсегда. Выходит, все поэты постоянно отдают по каплям свою душу. Но я уверен, если направить на талантливого поэта индикатор Сэма Дэвилза, вряд ли загорится красная лампа. В худшем случае не загорится ни одна. Значит, поэт либо продал свою душу, либо купил свой талант. Я спросил об этом у Андрея.

— Знаешь, старина, мне кажется, тут все просто: тот, кто отдает свое сердце людям, как бы это помпезно ни звучало, делает свою душу богаче, и это приходит свыше. И все же вспомни: в каком возрасте убили Пушкина, Лермонтова, Есенина, Рубцова, Талькова, Лысцова... Получается, что иссушить душу поэта невозможно, убить ее тоже нельзя, можно убить поэта. И это касается не только поэтов. А убивают, как ты знаешь, тоже по-разному. Могут пулей, как Пушкина, могут задушить, как Рубцова, могут состряпать самоубийство, как для Есенина. При этом убийцы всегда остаются безнаказанными. Особенно когда речь идет об убийстве поэта. Можно даже закономерность вывести...

— А помнишь, как в августе 91-го года боевые генералы, прошедшие войну, вешались в своих кабинетах, выбрасывались из окон. Это же чушь! Никогда не поверю! Тут тоже закономерность?

— Здесь проще: страх судей перед открытым судом.

— Интересно, что легче: родиться поэтом или дослужиться до генерала?

— Легче убить и поэта, и генерала.

— А я ни то, ни другое. Знаешь, я недавно понял, что я и есть современный Чичиков. Американский Чичиков.

— Не бери в голову. Ты больше похож на русского Фауста, но слово «русский» предполагает совершенно иной сюжет...

Я вдруг вспомнил, как Лена направила на меня индикатор Сэма Дэвилза, и в ее руках он горел зеленым светом. Совершенно иной сюжет?

4

СОН

Видно, худо моим братовьям:
Полотенца их кровью набрякли,
Там и сям по махровым краям
Отвисают багровые капли.
Я же меч свой никак не найду —
Заплутала нечистая сила,

Наслала маету-колготу,
Морок в очи мои напустила.
Я мечусь — а меча нет как нет!
И вокруг — словно вата густая,
Вязнут пальцы во всякий предмет,
Вяжет сон, к братовьям не пуская...

Стихи Михаила Федосеенкова я читал в электричке. Андрей дал в дорогу. Раньше я думал, что поэты живут только в столицах, называются Евтушенками и Вознесенскими и получают премии ленинского комсомола. А теперь не мог вспомнить ни единой строчки столичных знаменитостей. По моей теории, их стихи не были частью души, скорее, частью дутой славы. Глядя в вагонное окно, я вдруг понял, что эту «провинциальную», но вечную красоту многим столичным мэтрам выразить не дано. Они больше любят весь мир в целом и себя в нем, как главную общечеловеческую ценность. А по сути, нет у них, и нет в их стихах ни Малой, ни Большой Родины, нет Бога, а только умствования в рифму. Упражнения для ума и пустота духовная. Нет, сейчас я читал стихи, написанные не только умом, но и душой...

Если эта природа удобопревратна
И с греха первородного повреждена,
То понятно, откуда кровавые пятна
Посреди златотканного полотна.
То понятно, с чего над моей головою
Стонут в роще деревья на все голоса,
А поверх — от вселенского плача и воя
Захлебнулись как будто в себе небеса...
Я готов оплатить эти горькие грозди,
Эти стоны берез, в мятеже облака,
— Пусть ладони прошьют мне за пращуров гвозди,
Но сперва красоты пусть коснется рука!

«Сентябрьское» в апрельском поезде... Потом я читал стихи Андрея...

Поезд приближался к станции Кмышев. Серая, будто поседевшая за зиму земля на обнаженных полях отражалась в пасмурном небе. Грязное стекло вагона скрадывало первую зелень. Было еще безнадежно далеко до лета, но все же я вспомнил: луг, зеленое озеро с петляющей посередине тропой. Я вспомнил окна,

из которых ветер махал белыми кружевными занавесками. А когда спросил у бабы Лины, был ли я здесь, она хитровато улыбнулась и ответила:

— Раз помнишь, — значит, был, а будет надо — еще придешь. Потом она долго молилась перед образами, долго собирала из разных пучков травы и коренья, бросала их в кипящую воду, что-то приговаривая. Заставила меня принести чистой воды из колодца и налила ее в трехлитровую банку. Еще раз перекрестилась на образа:

— Господи, благослови. — И повернувшись ко мне, сказала. — Плохо, что ты некрещеный. Евангелия-то хоть читал?

— Андрей дал, читал.

Потом успокоила сама себя:

— Ну, а коли некрещеный, то и спросу с тебя меньше. У знахарей-то лечиться грех. Вон тебя как бесы облепили да замучили. Зачем к экстрасенсам ходил? И что за моду нынче взяли, чуть что — к самому дьяволу за микстурой пойдут, прости Господи.

— А ты, баба Лина?.. — не успел спросить.

— Я — божий одуванчик, девяносто лет мне. Не я лечу. Бог исцеляет, да и то не всех. А говоришь, Евангелие читал. Христос и апостолы денег за врачевание не брали, исцеляли Духом Святым, а не какими-то бесовскими энергиями. Ну да ладно, сядь вон там, сиди тихо и не перебивай, а то все насмарку будет. И зашептала скороговоркой над водой...

— Шла Божья Матушка через мост. Ей навстречу Николай Угодник, Илья пророк, Иоанн Богослов. Куда идешь, Божья Матушка? Иду умывать нервы, продувать глаза и горечь выгонять из раба Божьего Сергия, из его головы, из рук, из ног, из живота, из сердца, из печени, из зелени, из селезенки, из яичников, из мочевого пузыря, из шеи, из позвоночника, из синих жил, из красной крови. Спаситель с крестом. Спаситель над нечистой силой победитель. Уходите, сатаны, с раба Божьего Сергия. Уходите, нечистые духи, на все четыре стороны. Аминь. Аминь. Аминь... Не я лечу, не я заговаривай, а Божья Матушка. Она лечит, умывает, заговаривает. Господа Бога на помощь призывает с Ангелами, с Архангелами, с Небесными Силами, с Господней зарей, с вечерней звездой. Михаил архангел шел с небес, нес на голове животворящий крест... — то шептала, то говорила громко нараспев, иногда крестила воду. Порой казалось, что она уже дремлет и только продолжают шевелиться губы, повторяя давно заученное. — Поставил этот крест на каменном полу и оградил же-

лезными штыками, запер тридцатью тремя замками и все под один ключ. И отдал ключ Пресвятой Божьей Матери во правую руку. Никто эти замки не откроет, никто раба Божьего Сергия не испортит ни в жилье, ни на пиру, ни в пути...

Потом вдруг неожиданно и резко встала, словно не старушка, а молодица. Снова перекрестилась.

— Теперь умойся этой водой да стакан выпей. Затем ложись спать. Вечером поедешь домой. Дам тебе еще отвары трав для тебя, и Андрюше в больницу снесешь. Трава — она и здорову не повредит.

Вечером я проснулся, как будто родился заново.

На сердце и на душе было легко и радостно. Ни болей, ни тревог, ни страха, и какое-то необъяснимое чувство бесконечного и прекрасного впереди. Я возвращался на станцию с блуждающей улыбкой на лице (только сейчас понял, как это выглядит). Наверное так, радуясь всему на свете, ходят по миру безобидные деревенские дурачки.

5

Сэм Дэвилз нашел меня у Елены. Он звонил из Москвы. Выражал искреннее огорчение моим «самоувольнением», пытался делать какие-то предложения, интересовался состоянием здоровья и даже спросил про Андрея.

— К сожалению, вам придется нести материальную ответственность за нанесенный компании ущерб посредством ПЭВД. У Вас будут изъяты квартира, автомобили. Ваши счета в банках будут закрыты...

— Да и хрен с ними! — рядом стояла Лена, и мне не хотелось с ним долго разговаривать.

— Кроме того, хочу Вас предупредить, — как ни в чем ни бывало продолжал мистер Дэвилз, — что теперь компания не несет ответственности за Ваше душевное равновесие и состояние Вашего здоровья.

— Можете быть спокойны. Я чувствую себя прекрасно, на душе у меня спокойно и радостно, и из окна я выбрасываться не собираюсь. А сейчас, извините, я тороплюсь. И положил трубку.

В комнате еще некоторое время висела тревога. Дэзилз явно звонил напомнить, что счеты со мной не закончены. Высказывать прямые угрозы после того, что я узнал об «Америкэн перпетум мобиле», не имело никакого смысла.

— Может быть, мне пойти с тобой? — предложила Лена.

— Нет, мне хочется одному.

С тех пор как демонстрации перестали быть обязательными, а митинги изрядно поднадоели, я впервые видел столько людей, собравшихся вместе. Как скала возвышался в свете прожекторов Знаменский собор из волнующегося людского моря.

Серая цепь милицейских фуражек не выдержала волнения этого моря и рассыпалась на отдельные буйки и рифы. Но это был не натиск митингующих, нечего было опасаться — народ качнулся навстречу открывшимся дверям храма. Вслед облакам устремился Благовест, и к народу вышел празднично одетый Владыко. В живом коридоре, где стеною стояли казаки, он возглавил крестный ход кругом храма. И запели: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небеси, и нас на земли сподоби чистым сердцем Теби славити».

— Привет американским шпионам. — Тяжелая рука легла мне на плечо. Такую неуместность мог сказать только один человек, на которого я не стал бы обижаться.

— Я не думал, что преподавателей высшей школы милиции гоняют в оцепление.

— И даже случается, в патруль по улицам, — подтвердил Иван. — Но, честно говоря, здесь я по собственной инициативе. Епископ не каждый год служит. Ты, кстати, ближе его видел?

— Нет.

— Потом поближе пробьемся. Так и быть, власть тебе посодействует. Кстати, он будет тут целую неделю служить.

— Светлую Седмицу.

— Во-во. Между прочим, сегодня совпадение трех праздников.

— Солидарность трудящихся, а третий-то какой?

— Да ведь на Первое мая Вальпургиева ночь бывает, товарищ историк. У сатаны сегодня свой праздник. Ты посмотри, какой на небе Армагеддон, вряд ли к утру расчистится. Где, интересно, в такую ночь вся нечисть собралась?

— Если ты о погоде, то циклон где-то над Екатеринбургом. — Упоминание сатаны и нечистой силы в таком месте и в такое время отвлекло от общего праздника. С порывом холодного ночного ветра принесло обыденную мирскую тревогу, какие-то суетные мысли вторили ей. Но тут же отбросило их в небо, рванувшееся под купола:

— Воистину воскресе!!!

— Христос воскресе! — поздравлял и радовался священник.

— Воистину воскресе! — отвечало людское море. И волна поклона проносилась по нему в сторону пастыря. И пели: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

Иван выполнил обещание: мы смогли пробраться поближе к епископу, и я разглядел его. Просветленное радостью великого праздника лицо Владыки, оказалось, имело совершенно детское выражение. Особенно глаза, из которых лучилась доброта. Небольшая реденькая бородка нисколько не убавляла детскости этому лицу. Было заметно, как он хочет увидеть всех, ответить всем, кто направлял к нему жаждущие взоры. Наверное впервые я увидел духовность на лице человека и всеобщее желание соприкоснуться с ней, и сам его испытал.

И вместе со всеми я перекрестился, и до сих пор не знаю, можно ли это было делать мне — некрещеному. И если тогда было немного стыдно и неловко, то теперь стыдно за то, что сделал это украдкой. Словно в ответ на это движение свет двух прожекторов пересекся над звонницей, и в темном плывущем небе несколько минут виднелся крест.

6

Сэм Дэвилз оказался банален, как киношный советский мафиози. Их было трое, и я ни на секунду не сомневался, что это так или иначе посланцы мистера Дэвилза. Скромные труженики «Американ перпетум мобиле» — рыцари плаща и кинжала. Ан нет! Рыцари кожаных курток, узнаваемые по толстой рельефной шее, переходящей в бритую и пустую голову. Каждый из них весил по центнеру. Вот они — сыновья Ильи Муромца — чудо-богатыри, у которых никогда не хватит ума и памяти на осознание этого родства.

Был второй час вальпургиевой ночи, а я был всего в трех кварталах от Знаменского собора. Его колокола звонили совсем рядом.

Я даже себе не смог объяснить того, что не испытывал и маленькой толики страха. Лишь было какое-то всепоглощающее сожаление, и в нем таяли все чувства, обрывки судорожных торопящихся мыслей и соображений. Пожалуй, я мог неплохо убежать или, как бы то ни было, сопротивляться, во всяком случае — закричать, но даже не попытался сделать ни того, ни другого, ни третьего.

Теперь мне кажется, я хотел им что-то сказать, и именно эта мысль угасла на полуслове вместе с первым ударом. В руках одного из них оказался кусок арматуры, как будто им не хватило бы трех пар рук и ног. Они не посчитали нужным объяснять мне причину нападения и только матюгались раз от разу, нанося уже ненужные удары.

Когда раздался выстрел и один из них упал, я видел все это сверху. Я видел, как Иван всадил в живот пулю второму и только потом выстрелил в воздух (так, вроде бы, полагается: сначала в воздух — «стой, стрелять буду», а затем на поражение). Если какой-нибудь докучливый следователь будет потом разбирать дело о правомерности применения табельного оружия, данным свидетельством пусть себе голову не забивает. К этому времени я был уже мертв, и в свидетели по земным меркам не гожусь. Да и как обвинять человека за праведный гнев? Я даже почувствовал, как у Ивана перевернулось внутри, когда он увидел, что это был я. Пользуясь случаем, хочу, Иван, тебя попросить: когда возьмут через год третьего, не избивай его в камере до полусмерти, как ты об этом подумал в ту ночь. Да ты и сам остынешь…

Сходите с Андреем в «хрущевку», где я жил до встречи с «дядюшкой Сэмом». Там под ванной прикреплена на липкую ленту толстая пачка долларов в полиэтиленовом пакете. Зарплата Андрея и мой первый гонорар — этого хватит на издание новой книги Андрея.

7

И еще два дня я летал, куда душа поведает. Я в долю секунды покрывал самые невероятные расстояния. Был у Лены, но от этого стало особенно тяжело и печально. Видел, как пил горькую Иван, что-то рассказывая жене о старой дружбе. Не навестил только Андрея. Боялся, что он почувствует мое присутствие, а кто может поручиться за больное сердце? Иван тоже поступил правильно — не поехал к нему ни на второй, ни на третий день. И все же мне было легче, чем тем, кто остался…

На исходе третьего дня неумолимая сила потянула меня прочь из города. Это было одновременно похоже на сильный ветер и на длинный коридор. Хотя объединить два этих понятия по обычным человеческим меркам было бы весьма абсурдно. Меня потянуло с такой силой и скоростью, что город в долю секунды пре-

вратился в угловатое пятно на живой топографической карте. И через несколько мгновений я падал на залитый солнцем зеленый луг и, только падая, увидел, что отделяюсь от большой стаи белых и черных птиц. Стая точно провалилась в воздушную яму, нырнула за мной, но потом вновь устремилась ввысь и растаяла в безоблачной глубине.

Опустившись на луг, я удивился, что снова могу чувствовать и прикосновение травы, и дыхание ветра, и запах вечного лета. И все это где-то в сердце Евразии, неподалеку от Транссибирской магистрали. И если пройти через луг к небольшому домику на окраине тихого поселка, непременно придется увериться, что именно здесь начинается покой и душевное равновесие, соразмеренные с окружающей скромной, но величественной природой. И еще: здесь ничто не кончается, не может кончиться…

Двери мне открыл ангел.

РЕПЕТИЦИЯ АПОКАЛИПСИСА

И РАЗВЕРЗЛИСЬ ХЛЯБИ НЕБЕСНЫЕ

Несколько столетий мир висел на волоске. Недавно он оборвался и стал падать. Стал падать во всепоглощающий тартар со скоростью трех концов света в секунду...

Солнечный майский день стоял над городом. Был он по-летнему жарким, даже знойным. В глубоком ярко-голубом небе ни облачка, и ничто не предвещало грозы или другого изменения в погоде. Но где-то после полудня тревожно качнулись тополя и невесть куда исчезли птицы, небо вмиг из голубого стало темно-фиолетовым, будто растаяла над городом атмосфера и сам космос зловеще завис над притихшей улицей. И когда духота и темень достигли своего апогея, в небе одинокой саблей полоснула молния, и запоздало рваными лохмотьями рассыпался по округе гром. Дождь сначала мелкими шажками засеменил по крышам, листве, асфальту, затем понесся во всю прыть и, наконец, превратился в спешную ливневую завесу, сквозь которую несмело крались автомобили и бежали напролом незадачливые пешеходы. Только гром гулко извещал о недалеком присутствии грозы, но молний не было видно, словно они гасли, не достигнув земли, в сплошном потоке небесной воды.

Каково обретаться в самой гуще стихии без малейшей надежды на укрытие?

И все же в черте города мистический ужас происходящего скрадывается. Как-то меркнет на фоне торжествующей урбанизации, отмытых дождем многоэтажек, броских реклам, утробно урчащих троллейбусов и раздающейся из ближайших окон электронно-ритмичной музыки. А рядом на балконе дико хохочет пьяная девица, разбавляя дождь шампанским с высоты четвертого этажа. Ей все нипочем. Нет, это не Помпеи, не Ташкент в 1966 году. Но кто знает, что происходит сейчас за внешними декорациями небесной бури, в кого мечет огненные стрелы пророк Илия, или, может, архистратиг Михаил разметал в клочья бесовскую орду. Уже проверено: когда непогода начнет отступать, первые лучи солнца и девственно чистая полоса неба пробьются над золочеными крестами церкви Петра и Павла на крутом берегу реки.

Михалыч задерживался, а я не мог покинуть место назначенной встречи, вынужденный промокнуть до нитки, хотя и знал, что если и уйду в ближайшее кафе, он все равно найдет меня там. Знал бы набожный Михалыч, как я усердно молился на скрытые пеленой дождя купола храма и одновременно чертыхался по его адресу. Я мог только догадываться, что вся эта атмосферная свистопляска разыгралась в нашу честь. Михалыч знал это точно. Он из своих сорока проживший двадцать лет в «аномалке», как магнитом притягивал к себе всякую необъяснимую всячину, и сам мог от души почудить, если конечно это понятие происходит от слова «чудо».

Ходить с ним по улицам многолюдного города было занятием весьма хлопотливым. Он постоянно тыкал меня локтем в бок: «Слышь, вон у мужика аура повреждена, что-то ему угрожает», — и указывал на какого-нибудь встречного прохожего. «Ну так пойди и скажи ему об этом», — отмахивался я. Он же только жал плечами и шел молча до следующего кандидата на несчастье. Раза два он тратил отпуск, чтобы пожить в монастыре, надеясь избавится от своего навязчивого дара. Постился, молился, исповедовался, причащался, но стоило ему вернуться в «аномалку», все вставало на свои места. В поселке же он мог молиться только на маленькие образа, привезенные из Троице-Сергиевой лавры. В местном храме еще со времен триумфального шествия советской власти была устроена пекарня. «Слава Богу, не цех по розливу водки, как в областном центре», — часто говорил Михалыч и старательно крестился. Наверное, поэтому он не пил местную водку, да и вообще не пил много. Опасался, что пьяный начнет чудить. Было разок, в сильном подпитии пошли мы за добавкой, не имея за душой ни гроша. И Михалыч с самым невозмутимым видом купил две литровых «Тройки», пять бутылок минералки и груду «цивилизованных» консервов, вручив продавщице завалявшуюся у него в кармане инструкцию от транзистора «Альпинист». При этом старательно пересчитал сдачу, полученную с мнимой сотни. Утром я опохмелялся, а он проклинал себя и усердно бил перед иконами поклоны, обещая при первой возможности возместить нанесенный ущерб. И это еще цветочки. Что он мог натворить на полную катушку, лучше и не представлять. По крайней мере, «Мастера и Маргариту» он даже в руки брать не хотел. «Это ж какое искушение — почувствовать себя маленьким Воландом! Дьявольская книга!» Он нисколько не сомневался, что повлияла на него «аномалка». Да и каждый в поселке чувствовал

соприкосновение с каким-то потусторонним миром. Кто говорил, что началось это еще при царе Горохе, другие (и их большинство) — во время гражданской войны, третьи (возможно, в политических целях, но не без доли истины) утверждали, что чертовщина поперла как раз в разгар демократических реформ. Так или иначе имели место массовые галлюцинации (например, абсолютно трезвые вахтовики наблюдают, как вдоль просеки, совершенно натурально утопая в сугробах, бегут в атаку красноармейцы и палят в их сторону), исчезновения и появления вертолетов и «кукурузников», особенно любила барахлить связь. Начальник ретранслятора утверждал, что разговаривал по телефону со Сталиным и получил ценные указания, как бороться с левым уклоном. Конечно, в трех случаях из двух это была обычная поселковая брехня, обусловленная недостатком крупных общественно-политических и культурно-массовых событий. Ведь каждый даже у телевизора во время программы «Время» чувствует себя где-то на обочине больших перемен, которыми напряженно живет страна. Так напряженно, что забывает по полгода выплачивать зарплату. Главное, кто там возьмет кормушку — Ельцин или Зюганов, или Жириновский утрет нос обоим?.. А, может, вынырнет с мальтийских глубин форосский сиделец? И все же имели место случаи, которые действительно были печальны или наоборот близкие к сарказму, нелепые и как будто детально продуманные (с учетом рельефа местности), но всех их объединяло одно: с точки зрения человеческих реалий они были необъяснимы. В связи со всей этой кутерьмой «аномалка» удостоилась посещения международной делегации экстрасенсов, которые неделю ползали по поселку и тайге, буквально вламывались в квартиры со своими биолокаторами и завершили свое пребывание здесь шоу-лекцией в клубе, на которой озадаченным аборигенам объяснили, что данная территория является аномальной зоной и подлежит всестороннему изучению мирового сообщества. «Над вами разверзлись хляби небесные», — патетически завершил консилиум современных шаманов отечественный колдун. Его правоту подтвердили метеорологи в очередном прогнозе погоды. Столица предупредила нас об озоновой дыре над нашими головами. Михалыч отреагировал на вынесенную резолюцию коротко: «Дерьмо! Половина — шарлатаны!» Уж кто-кто, а Михалыч знает, у кого черт за плечами. И действительно, «ниотмирасивушники» всех стран и народов, откушав стерляжьей ухи и литров дцать «столичной» улетели не на метлах и не через пространственно-

временные водовороты, а на обычной «вертушке». Когда их грузили гостеприимные хозяева, вертолетчик, бывший майор-афганец Смилянец констатировал: «Во, блин, груз двести...»

Но когда экстрасенсорный груз благополучно отбыл, выяснилось, что один из «американцев» дрыхнет без задних ног в гостинице. Закавычил я его, потому что чуть позже выяснилось, что он вынужденный американец. Это был серб Драгош. Свое американское гражданство он объяснял одним словом «санкции», хотя по-русски говорил даже лучше, чем многие «русские» политики.

— Какого лешего ты мокнешь? — Михалыч появился из переполненного чрева автобуса и заботливо раскрыл надо мной бесполезный зонт.

— Во-первых, я пунктуален, во-вторых, это ты, провидец, назначил встречу именно здесь, — обозленно парировал я. — Ты был у Драгоша в больнице?

— Да. Туда попасть — масса проблем. Но опоздал я не из-за этого. Он все еще не пришел в себя. Как я и думал, врачи не могут поставить диагноз, единственное, что они смогли установить: коматозное состояние Драгоша вызвано не болезнью, не ранением, не стрессом...

— Ну мы-то это с тобой и без них знаем. Почему ты опоздал на целый час?

— Во-первых, его собираются отправлять в Москву, а потом, скорее всего, в Штаты. Не забывай — он, какой-никакой, американский гражданин. Во-вторых, из больницы за мной был хвост. Уж не знаю кто ФСК, ФБР, агенты влияния или мафия, но отвязался я от них, сменив три автобуса.

— Его нельзя отправлять в Москву, тем более нельзя отдавать американцам, — я откровенно нервничал, пытаясь раскурить мокрую сигарету, — эти уже через несколько дней будут в «аномалке» со всей своей умопомрачительной техникой. Да и вообще американцы любят сербов чуть меньше, чем индейцев в прошлом веке.

— Санкции, — с выражением Драгоша добавил Михалыч. — А ты узнал что-нибудь?

— День в архиве и почти нулевой результат. Пяток сосланных революционеров и прочих возмутителей общественного спокойствия, никаких сверхъестественных событий на протяжении последних ста лет, ни староверов, ни колдовства. Космические корабли из «аномалки» не запускали по крайней мере в радиусе пятисот километров, торжественных встреч инопланетян тоже не было,

но вот отработанные ступени ракет и спутники сыпались. Есть кроме того некоторые данные, указывающие на возможные захоронения радиоактивных отходов. Да, во время гражданской там заплутал отряд красноармейцев. Короче, сгинул где-то в болотах. Единичные исчезновения, естественно, не фиксировались. Ну а про Ми-8, что не смогли найти три года назад, ты мне сам рассказывал. И последнее: помнишь историю поручика Нарочицкого?

— Нет.

— В конце шестидесятых дряхлый старик пересек советско-финскую границу в нашу сторону, успешно миновав пограничные наряды. Взяли его через полтора месяца уже на обратном пути с рюкзаком, наполненным золотыми слитками. Было довольно обоснованное предположение, что это часть золотого запаса, которую сумели спрятать колчаковцы и не успели прихватить с собой рачительные французы. Так вот, этим дряхлым стариком был поручик Нарочицкий, имевший прямое отношение к контрразведке Верховного правителя. Видимо, на допросах он молчал, несмотря на все современные средства развязывания языка. Потом по всей тайге от Иркутска до Тюмени лазили кагэбешники, всяческие экспедиции и кладоискатели-любители. Кое-что об этом проникло в газеты.

— И?

— Тщетно. Несколько тонн золота и никаких следов.

— А причем здесь аномалка? — насторожился Михалыч.

— Мой бывший сокурсник Вася Гусилетов нынче фискалит — работает в одном из отделов ФСК, его еще по комсомольской линии в КГБ направили. Я у него тоже об «аномалке» справки наводил. Он и шепнул мне по секрету, что в рюкзаке Нарочицкого кроме золота был обнаружен кусок газеты. Самая тщательная экспертиза установила: обрывок был от нашей районки.

Некоторое время мы шли молча.

— Ты бы мог найти несколько тонн золота в тайге? — спросил я. Михалыч пожал плечами:

— Ми-8 три года назад я не нашел.

Дождь резко прекратился, словно на небе кто-то закрутил кран. Небесный художник провел по серому намокшему холсту неба оранжево-голубую полосу заката.

Драгош с Михалычем облазили всю тайгу вокруг «аномалки», а вечерами рассказывали мне о своих наблюдениях и находках. Обычно к местным потусторонним достопримечательностям Дра-

гош добавлял свои югославские, анализируя и обобщая. Как-то в «комсомолке» мы вычитали, что на нашем севере нефтяники пробурили сверхглубокую скважину, и вместо фонтана нефти оттуда вылетела с диким воплем какая-то черная не то птица, не то клякса. Доносились из потревоженного подземелья ужасающие плачи и стоны. Драгош тут же сообщил, что в одной из черногорских пещер можно услышать нечто подобное и высказал предположение, что скорее всего, ад находится именно там. Геенна огненная — ни что иное как раскаленное ядро Земли. «Тогда рай — это сад, где праведники бездельничают, философствуют и поедают всевозможные плоды, — скептически возразил Михалыч, — именно так представляют себе загробную жизнь наивные бабушки».

В один из мартовских дней они умчались по подтаявшему зимнику на «Уазике» Михалыча. Какого черта они там искали, мне, простому смертному, до сих пор невдомек. Ясно только, что видели они немножко больше, чем я. Уж Михалыч не упускал случая заблаговременно предупреждать меня о наступающих хворях. «Ты, Андрей, сегодня жирного не ешь и спиртного нини, завтра у тебя и так печень придавит» или «полощи горло, ангина на подходе». Мне свои экспедиции они объясняли на пальцах, как высшую математику неандертальцу. Нашли, мол, точки, где время течет совсем по-другому. Например, Драгош в такую точку входит и стоит там по его часам минуту, а на хронометре волнующегося Михалыча проходит час с лишним. И наоборот. Одна такая точка оказалась на кладбище.

Первый звоночек им был дан в Великий Четверг. Бледный от строгого поста Михалыч вернулся совершенно серый лицом и вернулся один. Я в тот день тоже почувствовал неладное. С утра было солнечно, под ногами грязь вперемешку со снегом, с крыш течет, и благоухает оттаявший навоз у теплиц. Часам к трем картина резко переменилась. С запада взрывной волной ворвался ветер. Мусор, снег, грязь, обломки веток и застигнутые врасплох вороны — все это рыхлой массой сквозило вдоль улиц. В домах надсадно стонали окна, сопротивляясь ураганному напору. Собаки, поджав хвосты, устремились к человеческому жилью, попрятались в сараях, пытались забраться в раздуваемые копны сена. Идти против ветра можно было только согнувшись под прямым углом со скоростью двух десятков шагов в минуту. Облепленный с ног до головы снегом Михалыч постучал ко мне в шестом часу вечера. Драгош пропал, войдя в точку. Только вошел, и началась эта дребедень. Михалыч смотрел на меня так,

будто я чем-то мог быстро и существенно помочь. Из его сбивчивого нервного рассказа я понял, что от точки вдруг стали появляться следы в сторону поселка. Будто невидимый Драгош пошел домой, не дожидаясь Михалыча. Последний минут двадцать стоял не в силах двинуться с места, завороженно наблюдая, как удаляются следы, и их тут же заметает. Целый час он пытался идти по следам, но предполагаемый Драгош «пошел» по незамерзающему болоту, куда даже в самый лютый мороз ступать не рекомендовалось. Михалыч ринулся назад к машине. В паре километров от поселка «Уазик», как назло, безнадежно заглох. Начальник милиции, старший опер и глава поселковой администрации, три раза прослушав рассказ Михалыча, так ничего и не поняли. Три мнения прозвучали соответственно:

— По таю и погоде никакая поисковая группа не попрется, хотя надо.

— А что искать-то?

— Какого хрена ты американского гражданина по тайге таскаешь?!

— А он мне валютой за острые ощущения платит! — огрызнулся Михалыч. — И вообще, он такой же американец, как я — папуас.

Наверное, все сложилось бы для Михалыча весьма неблагоприятно, если бы Драгош не нашелся также неожиданно, как и потерялся.

Он появился на пороге сельсовета, когда старший оперуполномоченный Макаркин, размахивая здоровенными маховиками-руками, отдавал последние распоряжения поселковым милиционерам и охотникам-добровольцам перед тем, как выехать к месту исчезновения иностранного гражданина.

Драгош вошел молча, спровоцировав последнюю сцену «Ревизора», и также молча высыпал на стол начальника милиции горсть золотых монет. Я почему-то подумал, положены ли иностранному гражданину двадцать пять процентов от найденного на территории России клада, но не берусь утверждать, что нашел он их именно на территории России. И все же это были золотые царские червонцы. Свеженькие, словно только что с Монетного двора... Я заметил как Драгош с Михалычем переглянулись и понял: ничего толком сербско-сибирский американец не расскажет, и место, где он зачерпнул эту золотую горсть, все равно не найдут. Одно могу сказать точно: объяснительные Драгоша и Михалыча для разных инстанций могут составить объемистую главу

не очень научного, но очень фантастического произведения. Когда Драгош вошел в «точку соприкосновения» (так мы решили их называть), он тут же потерял из вида Михалыча. Такое случалось и раньше, несколько менялся ландшафт, погода, могло быть другое время года, но пока он не делал шаг в сторону, Михалыч оставался в поле его зрения, а он в поле зрения Михалыча. Словно стоял на какой-то границе между двумя мирами. А в тот день, видимо, переступил. В легкой куртке он почувствовал, что здесь значительно холоднее, чем в мартовской оттепели «аномалки». Тут была либо поздняя осень, либо зима. Переступить черту обратно не получалось, и чтобы не замерзнуть, Драгош направился напрямую в сторону поселка. На всякий случай он окликнул Михалыча. Сильный ветер поглотил его слова и бросил в снежную круговерть между сосен.

Часа через полтора он вышел на окраину поселка и не узнал его. Не было уродливой стелы, посвященной покорителям севера, не было конторы нефтегазоразведочной экспедиции, да вообще с точки зрения конца двадцатого века ничего не было. Над хлебопекарней возвышался упреком серому небу золоченый крест. Дюжина домов на крутом правом берегу Иртыша и раза в два больше на пологом левом.

У храма стояли пять подвод, вокруг которых возились люди в шинелях и башлыках. Драгош подошел ближе и понял, что они его не видят. Все, как один, офицеры. Обветренные, хмурые лица. На телегах -- ящики, запечатанные сургучовыми печатями мешки. Их торопливо перегружают в стоящие рядом сани. Драгош потрогал один из мешков и сразу определил — монеты. Желание взять несколько монет возникло одновременно с желанием принести с собой доказательства для скептически настроенного Михалыча. Сорвал печать, зачерпнул и только тогда задумался, куда и как он донесет эти доказательства. Получалось, что здесь его не видят, он не видит Михалыча, а нешуточный мороз пробирает до костей. Холод и заставил его войти в раскрытые настежь двери церкви.

Драгош не очень-то разбирался в золотопогонниках, и поэтому только с его описания мы поняли, что в полумраке у входа в алтарь стояли три офицера — полковник, штабс-капитан и поручик. Они о чем-то тихо говорили с батюшкой. Драгош не решился подойти ближе, но из обрывков фраз, доносившихся сквозь потрескивание свечей, понял, что речь идет о золоте. Офицеры уговаривали священника быть свидетелем клятвы, последний же

отказывался и отговаривал их, пытаясь растолковать им грех возможного клятвопреступления. Батюшка ссылался на Священное Писание, офицеры заклинали его гибнущей Россией. Наконец, священник согласился, перекрестился и глубоко поклонился на образ Пресвятой Богородицы.

Из состояния вынужденного оцепенения Драгоша вывел запах хлеба. Хлеб принесли желавшие помянуть своих усопших. Хлебный запах постепенно побеждал запахи горящего воска и ладана. Он превратился во всеобъемлющий, пробуждающий голод. Это был уже запах свежевыпеченного хлеба. Пространство вокруг сместилось, прямо перед собой он увидел раскрасневшееся лицо пекаря Тони. «Что, хлеба свежего захотелось, мистер?» — добродушно спросила она поселкового иностранца.

Откусив от края горячей буханки, Драгош сосредоточенно жевал и обдумывал проблемы неожиданного совмещения точек в пекарне-церкви. При этом он не замечал, как с заигрывающим интересом посматривают на него одетые в белые халаты разгоряченные работницы. Позже он сказал нам, что именно тогда догадался о появлении в «аномалке» новых точек. «Это не мы их находим, они появляются сами, причем с каждым днем их становится все больше». Михалыч согласился и сделал предположение, что точки не только появляются, но и имеют свойство перемещаться в пространстве.

МНОГО БУДЕШЬ ЗНАТЬ, ЗАХОЧЕШЬ УЙТИ В МОНАСТЫРЬ

Отшельника деда Паисия в поселке все называли старцем, хотя насколько мне известно, старцы схимничают в монастырях. Но образ жизни Паисия вполне соответствовал жизни схимника. Он появлялся в поселке раз в неделю, чтобы купить в гастрономе хлеба, соли и немного крупы. Избушка его стояла в низине на отшибе. Родственников у него по данным сарафанного радио не было. И зимой и летом он целыми днями пропадал в тайге, и в жару и в холод ходил в одной и той же одежде: седая непокрытая голова, древний армяк, казачьи штаны с лампасами и стоптанные яловые сапоги. Прямая борода до пояса, землистое лицо в шрамах и морщинах, совершенно лишенное какого бы то ни было мирского выражения, и серые, немного печальные глаза.

Разговоры и слухи о нем ходили разные. Рыночные бабы судачили, что он колдун, старухи почитали как святого, охотники вполне серьезно указывали на его родство с лешим, а официальные лица... Впрочем, об официальных лицах разговор особый. 9 мая 1995 года к избушке деда Паисия подкатил кортеж из двух машин: администраторской «нивы» и милицейского «Уазика». Паисия усадили в машину и повезли в клуб. Там при большом стечении народа, ожидавшего праздничного концерта заезжих шоуменов, деда вывели на сцену. Гул, который стоял в зале минутой раньше, мгновенно стих. Мало того, что деда Паисия днем с огнем не сыщешь на культурно-массовых мероприятиях, сегодня большинство сельчан впервые увидели его при параде. В ошеломленной тишине звенели три десятка медалей и орденов на его груди. После трогательной переживательной речи глава администрации и специально прибывший райвоенком вручили старцу еще один орден, который искал его 50 лет. Паисий был явно смущен, правда, скорее, большим стечением народа, и давно забытой телепрограммы «От всей души» не получилось. Старик не прослезился, не рассыпался в благодарностях, не обратил внимания на вынесенный для него из-за кулис импортный цветной телевизор, просто сказал спасибо, поклонился в зал и тихонько пошел со сцены.

К старцу нас повел Михалыч. Он был уверен, что Паисий знает об «аномалке» значительно больше, чем кто-либо другой. После «золотого похода» Драгоша я стал напрашиваться на экскурсию в одну из этих точек. Михалыч был категорически против, Драгош отмалчивался. «Это тебе не прогулка в прошлое или еще невесть

куда по законам научно-фантастического жанра с американским хэппи-эндом и не сбор этнографической информации для Института проблем освоения Севера. У тебя же нет, как у нас с Драгошем...» Видимо, Михалыч хотел добавить нечто об экстрасенсорных (язык сломаешь) способностях, но побоялся обидеть меня, бесталанного. Я, подыгрывая ему, старательно изобразил обиженного и заявил, что обойдусь и без них. Друзья мои озадаченно переглянулись. Михалыч по привычке пожал плечами: «Ладно, — сказал он, — пойдем втроем, но сначала сходим к деду Паисию. Думаю, у него есть чем поделиться». Вопрос был только в том, захочет ли отшельник «давать интервью» для внеплановой передачи «Очевидное — невероятное». Бывали случаи, он прогонял от себя навязчивых баб с их семейными проблемами: кому мужа заговорить, чтоб на сторону не гулял, кому невестке подгадить и в таком духе. И все же некоторым, особенно больным он помогал. Каким образом, исцеленные и просветленные предпочитали не рассказывать. Видимо, на то были особые Паисия инструкции.

На нашу удачу старец оказался дома. Пригласил в дом, не спрашивая, зачем пожаловали, и первым делом усадил за самодельный стол, налил чай из душистых трав в эмалированные кружки, а сам сел чуть поодаль, ожидая разговора. Отпивая чай, я пытался хоть примерно представить, сколько Паисию лет. Не получалось. Или как в том анекдоте: врешь, столько не живут. Самые старые бабки в поселке помнили его уже стариком, но ведь не мог он попасть на фронт в преклонном возрасте. Вот и получалось, что сидит перед нами русский Мелхиседек.

Михалыч между тем излагал суть дела. Он рассказывал про точки, про залетных медиумов, про озоновую дыру — в общем, все валил в кучу. Старец же слушал внимательно, но ничем не выдавал своего интереса к услышанному. Это не смущало Михалыча, он сыпал подробностями, как на исповеди. Показывал на Драгоша, объясняя суть экономических санкций ООН (читай США) против Югославии, чтобы дремучий старик не заподозрил в нем иностранного шпиона. И тут Паисий впервые перевел взгляд с Михалыча на Драгоша.

— Сремски фронт, — сказал он, — там до сих пор еще не кончилась битва на Косовом поле, не кончились ни первая, ни вторая мировые войны.

Драгош привстал. Я, ожидавший услышать кондовую окающую речь или что-нибудь подобное, сдобренное таежными эпитетами, услышал если не философа, то, по крайней мере, престарелого учителя гимназии.

— Я был там, — ответил на все немые вопросы Драгоша Паисий, — с двадцать первого, после эмиграции, до сорок первого работал в Белградском университете, потом партизанил, вернулся в Россию, чтобы железку на вечной мерзлоте строить, тут недалеко, — он с горькой ухмылкой махнул на дверь, — в пятьдесят третьем выпустили, потом реабилитировали, в пятьдесят шестом вернули югославские награды, как раз после того, как Хрущев с Тито повстречался, затем советские, только вот царские и врангелевские не вернули...

Нет, Паисия и в этот раз не прорвало. Скомкав целый век и всю Евразию в несколько фраз, он замолчал. Передо мной сидел живой белогвардеец, представитель золотого века русской эмиграции, югославский партизан, «любимец» СМЕРШа и житель ГУЛАГа. Сидел и молчал. Молчал уже не первый десяток лет, и мелочными казались на фоне этого мудрого молчания помпезного «мемориала», слюнявого диссидента правозащитники и прочие валютные страдальцы за собственные задницы, в сторону которых значительно ниже пизанской кланяется останкинская башня.

Перекрестившись на иконы в углу, Паисий заговорил снова:

— Если принять время не за прямую, пусть даже бесконечную, а за некое аморфное облако, то можно было бы предположить, что в этом облаке есть своеобразные ходы, связывающие различные промежутки времени. Оно словно пронизано иглами в разных точках. Подобная теория имела бы успех, если бы сюда не примешивалось пространство. Что вы скажете о возможности побывать в Москве времен Иоанна Грозного, разумеется, без булгаковских хохм, или увидеть, как войско Александра Македонского переходит Граник?

— Не знаю как теория, — подумал я вслух, — но если все эти заезжие уфологи и психотерапевты разнюхали бы нечто подобное, то уже через месяц здесь открыли бы какой-нибудь хисторилэнд под охраной ЮНЕСКО, войск НАТО и на деньги фонда Сороса.

— Я тут на болотах целый отряд красноармейцев нашел, их похоронить надо. Одному мне не под силу, — сказал старец.

— Не те ли, что на вахту в атаку шли? — предположил Михалыч.

— В том-то и дело, что не только мы туда, но и они оттуда...

Нет, многого не договаривал Паисий. Знал он значительно больше. Я даже прямо сказал ему об этом, когда мы аккуратно складывали обтянутые истлевшими шинелями скелеты в братскую могилу. Он в это время сбрасывал в отдельную яму проржавевшие винтовки и наганы. Распрямился, посмотрел на меня внимательно и то ли в шутку, то ли всерьез ответил:

— Много будешь знать, захочешь уйти в монастырь.

— А что будем ставить над могилой — крест или звезду? — спросил Драгош.

Похоже, на этот вопрос не знал ответа даже Паисий.

Действительно, есть места, где сам черт ногу сломит. Было удивительно, как Паисий чувствует (даже не находит, а именно чувствует) тропу в густом буреломе, утопая в талом снегу, среди беспорядочного частокола хилых и тощих деревьев, которым никогда не суждено шелестеть листвой и благоухать вечной хвоей. За каким тунгусским метеоритом сюда может пробиваться человек? Любая живая тварь обойдет это место стороной. Даже в солнечный день темным облаком здесь висит гнетущая серость, давит на нервы, и казалось бы безосновательный, но настоящий мистический страх проникает в душу.

Так я думал и чувствовал, замыкая строй нашей маленькой экспедиции, цель которой Паисий до поры охранял своим молчанием. Мне то и дело чудилось, что кто-то крадется по пятам, буравит недобрым взглядом наши спины. Старик иногда останавливался, чтобы ободрить нас, но получалось наоборот. «Гиблое место», — заканчивал он любую фразу и, перекрестившись, шел дальше. Михалыч, шедший вторым, часто оглядывался к Драгошу и констатировал сгустки и высокую концентрацию отрицательной энергии.

Именно в таких чащах рождались злые герои русских сказок. Сюда ходили Иваны побеждать горынычей и прочую нечисть.

Мы не вышли на поляну, но сосны вокруг вдруг обрели свою привычную могучесть, красоту, воздух стал свежее и легче, и хотя тайга не стала реже, пространство наполнилось солнечным весенним светом.

— Пришли, — огласил Паисий.

Мы смотрели по сторонам и не могли понять, куда и зачем мы прорывались более трех часов.

— Вот и я так тридцать лет назад, — ухмыльнулся в бороду старец. — Смотрите туда внимательно, и он указал в сторону, противоположную закату солнца. Скит так вписывался в пейзаж, что увидеть его беглым взглядом было невозможно. Это было похоже на объемную картину, которая на первый взгляд кажется сумбуром, беспорядочной игрой красок, переплетением замысловатых фигур и образов. Но стоит сосредоточиться, и начинаешь проникать в ее глубину, фигуры обретают четкие объемные очертания, а весь пейзаж — общий смысл, и в центре его или в самой глубине обретается главный образ.

Подойдя ближе, мы сразу ощутили резкое изменение в окружающем нас мире. Вокруг скита буйно произрастала зелень, папоротники по пояс, только узкая тропа вытоптана между ними к приоткрытым двустворчатым воротам. Здесь торжествовало лето. Так я первый раз вошел в одну из найденных Михалычем, Драгошем и Паисием точек.

Старик привычно направился к воротам, которые низковато скрипнули ему навстречу, и шагнул во двор. Мы переглянулись и двинулись следом.

В центре двора стояла небольшая деревянная церковь. Вокруг прилепились к высокому, точно крепостному забору хозяйственные и жилые постройки. По всей видимости, сколько-нибудь бурная человеческая деятельность здесь прекратилась лет двести, а то и более назад. Слева от церкви выделялась своею ухоженностью могила с возвышавшимся над ней массивным деревянным крестом. Надпись на нем, видимо, была выжжена каленым железом. «Иерей Димитрий. 1885—1956».

— Он попросил похоронить его здесь, — сообщил старец, — а отпевание я заочно заказал в Тобольске. Это его ты видел с офицерами, — сказал он Драгошу, — а теперь — самое главное...

Перекрестившись и поклонившись троекратно, мы вошли в церковь. Запах ладана, будто только что закончилась служба. Повсюду перед скорбными и проницательными ликами святых горели свечи. Тишина и чистота.

— Больше половины икон отец Димитрий перенес сюда из сельского храма, — пояснил Паисий. — А свечи горят всегда.

— И эту тоже? — я стоял и с недоумением смотрел на совсем новую, словно недавно написанную икону Божией Матери «Державная». Откуда она здесь взялась? Тем более в золотом окладе, украшенная самоцветами и жемчугом. Если это место знал не только старец, то любой охотник мог бы несказанно обогатиться, принеся домой вместо лосятины и дичи эту икону и другие, пусть не в золотых окладах, но имеющие немалую ценность.

Паисий точно прочитал мои мысли:

— Ее нельзя отсюда вынести... Отсюда вообще ничего нельзя вынести. Даже если ты перевернешь страницу молитвослова на аналое, она останется прежней.

От удивления я чуть было не чертыхнулся. Старец между тем взошел на амвон и вплотную подошел к иконостасу. Надень на него рясу, будет типичный русский батюшка. Вход в алтарь охраняли архангелы Михаил и Гавриил. Паисий махнул нам ру-

кой, приглашая следовать за ним туда, где миряне бывают только раз в жизни при крещении. В тесном полукруглом, но светлом алтаре кроме культовых принадлежностей оказался подпол. Не знаю, были ли при этом нарушены какие-либо каноны и догмы, но именно в алтаре находился вход в довольно просторный подвал. Михалыч и Драгош зажгли карманные фонари, и у каменных стен фундамента церкви мы увидели аккуратно составленные ящики, похожие на оружейные, и мешки.

— Это я видел! — вскрикнул Драгош. Паисий кивнул.

— Да, это часть золотого запаса Колчака. Отец Димитрий тридцать шесть лет хранил эту тайну. После его смерти здесь, кроме меня, побывал только один человек, и ему удалось вынести часть золота. Но недалеко... Наверное, это был один из тех офицеров, которых ты видел. Теперь вынести отсюда даже один слиток или монету невозможно. Я пробовал. Просто невозможно найти тропу. Один раз вместо поселка я вышел к селению древних ариев. По крайней мере, мои скудные познания в истории и археологии позволяют мне так думать. Не хочу употреблять здесь это слово, но это золото, по-моему, заколдованное. Димитрий рассказывал мне о страшной клятве, произнесенной у алтаря, и о тех молитвах, которые он читал здесь... Во время войны он несколько раз порывался сдать золото государству, надеялся, что на него купят оружие, продовольствие, медикаменты, но и ему это не удавалось. Видимо, сокровища ждут своего часа. Все это похоже на сказку, в которой меч-кладенец может взять только определенный герой-витязь, спящую царевну может разбудить только принц, взять это золото может только... Не знаю.

Из скита мы ушли с полным осознанием того, что никогда не сделаем сенсации для журналюг и обывателей. Само собой разумеется, что в нынешнее смутное время сбереженное отцом Димитрием и Паисием золото пойдет не в пользу нуждающихся и не на реанимацию отечественной экономики. Это аксиома. Только заикнись об этом кладе, и скит обложат с одной стороны полки спецназа, а с другой — бригады криминальных революционеров. В скит мы решили ходить только втроем, но первым нарушителем стал Драгош...

Зачем он это сделал? Мы были уверены только в одном: он не имел цели единолично обогатиться и свалить куда-нибудь на Канары. Его нашел на тропе Паисий. Драгош был без сознания, а в руке сжимал золотые монеты. Голову даю на отсечение, что в «нашем» кладе таких монет не было. Имея самое далекое отноше-

ние к нумизматике, мы так и не сошлись во мнении, к какому времени и какой стране принадлежат эти деньги. Но нес-то он их из скита! Прежде чем доставить его в больницу, мы предусмотрительно избавили нашего добытчика от его опасного груза, но как оказалось позднее, второпях забыли проверить карманы.

Когда вертолет санавиации, увозивший Драгоша, мельницей понесся в снежной муке, Михалыч с наигранной укоризной посмотрел ему вслед:

— Ты заметил, он опять испортил погоду, этот никудышный американец. Это уже стало традицией: приносит золото — погода портится. Надо подсунуть эти монеты какому-нибудь спецу на большой земле.

— Лучше скажи, что ты переживаешь за Драгоша и намерен лететь в Тюмень.

— Да, заодно и попереживать...

— Когда следующий рейс? Надо только предупредить Паисия. А погода в те дни действительно стояла мерзкая. Вероятно, из чувства международной солидарности трудящихся май в свой первый день был щедр на солнце, южный ветер и чистое небо. Май манит, мает, обманывает. Через три дня он швырнул на отогретую землю декабрьскую норму снега. Ветер, только соблюдая субординацию, не достигал скорости света, но зато дул одновременно со всех сторон, и если под утро падал вдоль Иртыша передохнуть, то над поселком зависал морозно-стеклянный туман.

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

Обедать мы решили в ресторане «Заря». Точнее, так решил Михалыч.

— За нами хвост, — сказал он, — таскать его за собой на голодный желудок не вдохновляет, хотя, опять же, на сытый обрубить сложнее.

— Ты, наверное, в детстве не наигрался в казаки-разбойники, — засомневался я.

— А почему бы нам не отведать пельменей в горшочках и не остограммить твой скептицизм? Я бы рад ошибиться, но, похоже, я прав как никогда. — Он подтолкнул меня в дверь мимо сурового самовлюбленного, но очень опрятного вышибалы в дорогом костюме. — Сядем там, в углу, чтобы предоставить нашим неизвестным преследователям возможность находиться у нас на виду.

— Да ты просто отец Браун?

— Зато у тебя рожа как у Шарапова.

Мы выпили по рюмке смирновской, пробив огненный путь для удивительно вкусных пельменей, а когда я налил по второй, за столиком рядом с нами расселись четверо здоровенных лбов. На их бычьих шеях болтались золотые цепи толщиной в палец, и от этого очень хотелось повесить им на грудь колокольчик. А на пальцах, которые, судя по всему, ежедневно ласкают штангу и другие гимнастические снаряды, красовались разнокалиберные перстни и печатки. Одно определение — аристократы от сохи, простите, от штанги. Четверо сели и заказали пиво, еще двое, скрестив руки на груди, встали на входе в зал и смотрели на нас испытывающими и почти нежными взглядами будущих палачей. Мне стало не по себе, ибо по всему было видно, что партией в шахматы мы от них не отделаемся, а их безотлагательный интерес к нам может иметь клинические последствия. Я торопливо выпил и предпочел сосредоточиться на созерцании керамического горшочка с пельменями. Невозмутимый на этом этапе Михалыч торжествовал.

— Ну как тебе эти жрецы Молоха и служители маммоны?

— Интересно, какого хрена им от нас надо?

— А я, кажется, догадываюсь.

— Тогда вон идет к тебе Малах Га-Мавет, — и действительно из-за соседнего столика к нам пересел один из черных ангелов именно с ангельски дружеской улыбкой.

— А ты хорошо петляешь, — обратился он к Михалычу, — стопудово в конторе тренировался.

— С кем имею честь? — по-книжно-киношному отсалютовал Михалыч.

— Меня зовут Олег, со мной будете иметь все дела, — тоном, исключающим любые возражения, сообщил Га-Мавет.

— Какие дела? — осведомился я, и тут же удостоился уничтожающего на месте презрительного взгляда: а ты тут какого такого взбрыкиваешь.

— Такие, — Олег Га-Мавет вынул из кармана две монеты и видимо для стерилизации бросил их в мой бокал. Узнать их не составило труда: золотой червонец и одна из тех неизвестных. На наш молчаливый вопрос он ответил без какого-либо ерничанья и кривляния, по-деловому:

— Одна поступила в областную администрацию из УВД, а вторая — из куртки вашего американского друга, который лежит в больнице. А ведь могли бы и украсть. Пришлось изъять для сохранности. Короче, без лишних базаров. — Это была уже речь обычного гоп-стоп-пера. — Чиновники и менты готовят экспедицию за этим золотишком, ваши ксивы никого не убедили, но есть люди, которые хотят чуточку опередить наше и без того богатое государство. А помочь опередить сможете вы. И поможете, никуда не денетесь. Кстати, вашего героического дедулю, пока вы тут по архивам и библиотекам чухаетесь, в поселке за жабры взяли. У Михалыча при этих словах заиграли желваки. Я стал прикидывать соотношение сил, которое при любом раскладе оказалось не в нашу пользу. Даже нетрадиционно быстрое появление блюстителей порядка ничего не меняло. Похоже, эти ребята и на том свете имеют мохнатую лапу... — Вас тоже не обидят, если будете вести себя нормально. Будут обращаться как с драгоценными партнерами и даже оберегать, чтобы не поскользнулись при выходе из автобуса. Ставка — ваши жизни, а в случае успеха — утешительный приз — получите по иномарке, коттеджи отгрохаете и пару месяцев будете щупать телок где-нибудь на средиземноморском побережье... Э-э. Мужики, вы че на измену садитесь?! А ну давайте полыхнем за успех нашего общего мероприятия, — и он плеснул себе в бокал из нашей бутылки.

— Все как в самом хреновом, самом современном боевике самого современного режиссера, — констатировал Михалыч, поднимая рюмку и отстраняясь от рэкетирского чоканья.

— Угу, — проглотил водку Га-Мавет. — Это ты верно подметил. Мы сейчас герои всех жанров. Благородные фраера, чем мы,

блин, хуже робин гудов? Кстати, мы ведь тоже умных иногда любим, культуру поддерживаем, даже премии деятелям искусства и культуры выдаем. Ав-то-ри-тет-ные! — он захохотал, и его тут же поддержали братки за соседним столиком.

Я прикидывал, насколько хватит терпения у Михалыча, прежде чем он перевернет стол. Наш, а потом соседний. Два года назад в Сочи такой же хамовитый мудак увел у него жену. И хотя если баба оценивает себя по курсу подержанной бээмвухи, груды тряпок, ежедневной баночки пива и здоровенного члена, то и жалеть о ней не стоит. У незлопамятного Михалыча остался на этот счет в душе маленький гнойничок. И если этот нарыв прорвется, двое из этой банды окажутся в реанимации, третьего уложу я, а потом...

Потом наступило в еще более неожиданном варианте, нежели я мог предполагать. Вестерна не получилось, Михалыч промокнул губы салфеткой, я превратился в сжатую пружину — так по-моему оценивают подобные состояния в детективных эпосах, настороженный официант торопливо получил по счету.

— Ладно, ребята-демократы, — сказал Михалыч, вставая из-за стола, — мы подумаем над вашим предложением, может, и пожертвуем вам на дом культуры уркаганов или на памятник жертвам борьбы за строительство правового государства, а сейчас нам пора, увидимся, ни дай Бог, в другой раз.

Он направился к выходу. Вслед нам полетел голос Га-Мавета:

— Муся!..

Вероятно, эта фраза заключала в себе имя или кличку, а ее оттенок и высота звучания (как в китайском языке) имели еще несколько значений. Навстречу нам шагнул один из «привратников» — здоровенный потомок Челюбея. Муся, скорее всего, означало уменьшительно-ласкательное от татарского имени Муса. Нойон предупредительно выставил вперед левую руку, которая уперлась в грудь Михалычу.

— Алексей Михайлович, — крикнул через весь зал Субэдей-Олег-Га-Мавет, нисколько не стесняясь любопытной публики. — Вы не сказали, где мы увидимся. В морге? В больнице? Вас отправить туда обоих или по очереди, чтобы один мог другому кефир носить?

— Да пошел ты... — процедил сквозь зубы Михалыч, обращаясь одновременно и к Мусе, и к Олегу, и ко всем остальным, кто пожелает встать на его пути.

Муса Челюбеевич был хоть и туп, но реакцию имел звериную — удар его был одновременно с ударом Михалыча-Пересвета. Оба они упали. Далее как в замедленном кино: я, задетый плечом

Михалыча, несколько подаюсь назад, по ходу движения хватаю с ближайшего стола керамический графин, скороговоркой извиняюсь перед его временными владельцами и одновременно запускаю его в башку второго «привратника», моя бросающая рука еще не вернулась в исходное положение, но в нее уже вцепился один из бультерьеров Га-Мавета, на второй руке я определяю угловым зрением соучастие ресторанного вышибалы (братаны никак?), который к тому же хочет проверить на прочность мое солнечное сплетение, я бью пяткой по носку его лакового ботинка, лицо его принимает «благодарственное» выражение, на миг он поднимает ногу, этого оказывается достаточно, чтобы аккуратно подсечь вторую и развернуться ко второму противнику, кулак которого пролетает вскользь мимо моей челюсти. Михалыч пытается встать, но на нем висят-лежат уже четверо, и воскресший Муся-Муса пытается отобразить на его лице мамаево побоище. Где-то между сорок восьмой и сорок девятой секундой общей свалки появляется Илья Муромец. Так и должно быть по правилам Куликовской битвы. Пришло время засадного полка.

Далее — почти по-былинному: а Илюшенька (ростом чуть меньше сажени) взял двоих вражин в белы рученьки за загривочки да и лбами сшиб, бросил под ноги, будто тряпицы, а других двоих в окна вышвырнул. Говорит ему да злой Га-Мавет: «Эй ты че, мужик, разухабился, наживай себе неприятности, ты не ел давно что ль свинцовых пуль, так дадим тебе кислопузому». Отвечал Илья, точно гром гремел: «Не тебе пугать, голь кабацкая, я таких, как вы, по сто штук на дню да по двести штук переламывал. Запоганили вы Рассею всю, как татаровья лет семьсот назад, и несете ересь жидовскую». После этих слов Га-Мавета брал за красив пиджак да за лацканы. И пустил его во кабак летать, во кабак летать через столики. Га-Мавет упал на златой ковер обкарябанный да бездыханный. То ли жив он был, то ли вовсе нет, нам на то плевать у дороженьки. Я там водку пил и пельмени ел, а теперь пора делать ноженьки...

То, что нашего Илью Муромца действительно зовут Ильей, мы узнали четверть часа спустя, когда остановились перевести дыхание в пяти кварталах от места сражения. Я и раньше встречал сильных от природы мужиков, но этот бородач превосходил все допустимые нормы, если такие кто-нибудь возьмется придумать. Мерками современной молодежи можно определить так: в нем два с половиной Шварценеггера или четыре Сталлоне. Еще больше мы удивились, когда узнали, что наш неожиданный друг живет на

станции Карачарово, недалеко от Мурома. Дальнейшее совладение с былинным героем заключалось в том, что наш Илья был три года парализован после травмы позвоночника, жена ушла, а врачи пророчили полную недвижимость. За Илью взялся старик-травник из соседней деревни, и через три года он был на ногах.

— Да ты прямо Юрий Власов, — поразился Михалыч.

— Нет, — возразил я, — самый обыкновенный Илья Муромец.

— Карачаров я, — уточнил Илья, — у нас там каждая пятая семья Карачаровы, а Илья очень распространенное имя.

— Стало быть, еще помнят былинных богатырей...

— Это в Москве не помнят. Не люблю я нынешнюю Москву. С тех пор, как в больницах столичных повалялся. Да и раньше не любил туда ездить. Не в городе, конечно, дело, а в москвичах. У них одни деньги и демократия на уме. Нерусские они какие-то. «Ты думаешь паарализованный, так и плаатить не надо? Так пусть маамаша из-под тебя пасуду тааскает», — передразнил Илья с московским говором тамошних медсестер. — У меня друг есть, так он белокаменную не иначе, как Баксква называет.

— Зато цивилизация, — поддержал Михалыч, — переход к рынку, от Маркса к «марсу». «Марс», «сникерс», Ленин и «тампакс». А за нас-то ты почему вступился?

— Натура у меня такая. Меня хлебом не корми, дай кулаками помахать. А тут вижу — тяжко ребятам придется, ну и полез. Всю жизнь из-за этого страдаю. Я ведь сразу понял, наехали на вас бритоголовые. Небось, коммерсанты? — он посмотрел на нас вопросительно.

— Нет, не коммерсанты, — отрекся я, — но неприятностей у нас на тонну золота. Да и ты с нами в историю попал. — Я недвусмысленно глянул на Михалыча.

Он понял меня с полуслова:

— А здесь ты, Илья, что делаешь?

— Да, вообще-то, у меня здесь промежуточная посадка. Еду дальше на север, волков отстреливать. Бригада у нас, при МЧС организовали. Местным охотникам не выгодно, а мы помимо охоты еще данные для экологической службы собираем. В Башкирии был, на Брянщине, в Казахстане... Поголовье у серых сильно увеличилось, стаи не то что в деревни, в города забегают.

— А как у нас с волками? — спросил я у Михалыча.

— Хватает, но денежные премии за них не платят. Только за ворон. Патрон за лапку дают. Ребятня их из самострелов, пневматики и рогаток лупит, а родители на боеприпасы меняют.

С минуту Михалыч думал, тер подбородок, посматривая то на меня, то на Илью.

— Знаешь. Илья, есть тут у нас одно дело, хотя мы и сами еще толком не знаем, как оно повернется, но... Короче, такой человек, как ты, нам не помешал бы. Вот только золотых гор обещать не можем.

— А при чем здесь тонна золота? — насторожился Илья.

— Они все равно найдут нас в «аномалке»! — перекрикивал Михалыч шум вертолета. — И, думаю, в ход пойдут не только кулаки.

— Это ничего, — улыбнулся Илья, похлопывая чехол, в котором отдыхал десятизарядный «Тигр».

— А я думаю, что будут не только они, — добавил я, — ФСК, РУОП, ФБР, Интерпол, Моссад и еще, возможно, войска ООН.

— У нас есть два слабых звена, — определил Михалыч. — Драгош и Паисий. С одной стороны, пока Драгош в коме, из него ничего не выбьют, с другой — нам нужно узнать, почему и при каких обстоятельствах он впал в это состояние, с третьей — нельзя допускать, чтобы его увезли куда-либо. Все равно никакая современная медицина в этом случае не поможет, скорее навредит. С Паисием тоже дилемма: нужно помочь ему, но так, чтобы нас сразу не вычислили и у нас было время самим полазить по тайге, а не под прицелом, будь то бандиты или милиция. Какие есть соображения?

— Мне кажется, в этой игре я запасной игрок, — заговорил Илья, — мы можем сыграть в темную. Воспользоваться тем, что меня никто не знает. Я могу под видом нашедшегося родственника проведать вашего старца. И, по-моему, чем дольше никто не будет знать, что я имею отношение к вашей...

Илья не договорил. Вертолет затрясло, он завис на месте и наверное со стороны стал напоминать отбойный молоток с пропеллером на высоте полукилометра. Пассажиры встревоженно прилипли к иллюминаторам. По всей видимости, до поселка оставалось не более пяти километров, но геликоптер как будто попал под невидимый колпак и как пойманная муха бился о невидимые стенки. Из кабины пилотов появилась улыбающаяся голова:

— Не ссыте в компот! Мертвая зона! Обычное дело, тут их теперь полно! Почти как у Стивена Кинга. Будем висеть пока не сместится. Может недолго, а может и долго, лишь бы горючего хватило. Зато прилетим или на два часа позже или на два часа раньше.

— А если сесть? — предложил кто-то из напуганных пассажиров.

— Три года назад один вертолет сел, до сих пор найти не могут. Ну не скучайте! — подбодрила голова и исчезла. Мы с Михалычем переглянулись.

— Я вообще-то на советский север летел, а не в бермудский треугольник, — посетовал пассажир, предлагавший посадить вертолет.

Ошибся лет на пять адресом.

ПОДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА. НАЙДИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО

В своей середине май переломился: промозглая серость сменилась душной жарой. И только гроза и дождь — очищающий огонь и небесная вода — приносили недолгую свежесть. А между этими влажными вздохами небо замирало, как мертвое море. И казалось, даже Иртыш становился медлительнее, разнежившись, разленившись от щедрого солнца. В тайге торопилась жизнь вылиться в короткое лето. Еще немного, и она догонит летнюю бурю вокруг скита. И все же последний час мы шли к нему через настоящую мертвую зону, вдоволь надышавшись тяжелым болотным воздухом, а потом долго стояли у ворот, наслаждаясь степенным покоем и шепотом леса.

Прибыв в поселок, мы с Михалычем решили не заходить к себе домой. Сразу направились в магазин, чтобы закупить продукты и идти в сторону скита. Во время покупки продуктов Илья был очень удивлен: мы не заплатили за два рюкзака продуктов и прочих необходимостей.

— У нас коммунизм в отдельно взятом поселке, — пошутил Михалыч, — зарплату задерживают по два-три месяца, а где и на полгода. Каждый работает в меру своих возможностей, а потребности удовлетворяет под запись. Из социализма с человеческим лицом вышла гримаса, а вот коммерческий коммунизм у нас налицо.

Илью мы отправили в гостиницу, договорились о встрече после того как он посетит Паисия. Мы же решили приступить к выполнению единственного пришедшего нам в головы плана: одному из нас взять золотые монеты, но вдвоем идти в любую от скита сторону. Уж куда легкая-нелегкая вынесет. Далее — по обстоятельствам...

Некоторое время мы стояли молча перед иконами. То ли молились бессловесно, просили помощи, то ли выпрямляли души, согнутые, сдавленные мирской суетой. Всякий раз, приходя в храм пусть даже ненадолго, я испытываю стыд за эту собственную суетливость, за порой слепое подчинение обстоятельствам, за торжество мелких желаний, за пустую, праздную болтовню, за самооправдание малодушия и собственной слабости — за все то, что неминуемо всплывет черным пятном в прожитой жизни на Страшном Суде. И хватит ли той малой толики добра, чтобы избежать адских мук, преддверием которых можно назвать ны-

нешние муки совести. Потому ли невольно опускаю глаза под суровым взглядом преподобного Сергия и едва сдерживаю слезы, глядя в младенчески добрые глаза Серафима Саровского?..

— Нельзя, чтобы сюда пришел кто-нибудь со злым умыслом, — подумал я вслух.

— Не переживай, — отозвался откуда-то с другого света Михалыч, — почти восемьдесят лет за этим золотом охотятся, но еще никто не поживился. И дом культуры работников умирающей промышленности на него не построили...

— И десяток коттеджей для ответственных работников.

— А знаешь, Андрей, на это золото можно прекрасный храм построить.

Проселочная дорога появилась там, где ее по нашим представлениям об «аномалке» и в помине не должно быть. То, что мы вышли не в каменный век и не во времена Ивана Грозного, можно было определить по следам автомобильных и тракторных покрышек. Это немного вдохновило Михалыча, он зашагал быстрее, позвякивая насыпанными в карман ветровки монетами. Здесь или нет был Драгош, но в нашем случае дорогу выбирать не приходилось. Единственное, что как-либо нас смущало — сможем ли мы найти дорогу назад. Раньше это получалось само собой. Но до этого никто, кроме Драгоша и Паисия, не пытался уйти из скита с пригоршнями золота. Между тем мы сошлись во мнениях, что находимся значительно южнее «аномалки». Сосновый бор вдоль обочин мало походил на непролазную тайгу вокруг нашего поселка, первозданная дикость которой нарушалась умеренным захламлением брошенной техники и оборудования. Здесь же не наблюдалось последствий недавнего промышленного освоения, лишь следы грибников и природных алкоголиков — любителей выпить на лоне природы.

Через полчаса мы вышли на околицу деревни.

В большинстве советских и постсоветских деревень, которые мне довелось видеть, — заторможенное, ущербное время. Из него вытравили степенную мудрость, его разбили вдребезги, разворовали, заморили голодом, и раненое время хромает, опираясь на покосившиеся заборы, отдыхает на подгнившем крыльце какой-нибудь избы, сквозит в мертвые окна заброшенных ферм и коровников и шепчет облупившиеся лозунги на многометровых щитах... И если кто ворвется в это умирающее время, то никак не огненный, а самый обыкновенный пьяный тракторист, собирая

на колеса своей «Беларуси» все рытвины и ухабы. И не глядят на него осуждающе сморщенные беззубые старушки на завалинках, потому что глядеть некому...

— Мама моя, — изумился Михалыч, глядя на выцветший, уже не красный, а бледно-розовый флаг над крышей сельсовета, — здесь, похоже, еще не похоронили Брежнева.

В полутемном, пахнущем затхлой сыростью коридоре давно не ремонтированного дома нас встретили целеустремленные счастливолицые сельские труженицы на плакатах двадцатилетней давности, призывающие беречь урожай, «хлеб в закрома Родины» и проч. Из-за двери с табличкой «Председатель сельсовета» раздавался громкий женский голос:

— Ты, Степан Николаевич, хороший человек, и Крылов — хороший, но что ж вы друг на друга за глаза капаете. Я вообще не понимаю, как люди могут в лицо друг другу улыбаться, а потом в спину грязь кидать. По мне уж лучше прямо все сказать, только без мордобоя. Ты — участковый, он — секретарь парткома, с кого люди пример брать будут? Нет! Не отправляла я его кляузу на тебя в город и не подписывала! Да нет же, никакого «заодно» у меня с ним нет! Он уж тоже палку перегибает, захотел бдительности, как в сталинские времена. Да, конечно, ты не виноват, что этот иностранец пропал. Да и хрен с ними, с кэгэбэшниками! Мы что, за каждым должны слежку устраивать? Кто тогда их кормить будет?! Да он и не скрывал, что он иностранец. Ну и что, что нескладно, что с того — югослав или американец, псих он, скорее всего, из дурдома сбежал. Никто тебя с должности не снимет! Сами они что ли будут в нашей глуши порядок блюсти? А если мы о каждом заезжем или грибнике будем в кагэбэ докладывать, они сами не обрадуются. А если всех арестовывать, пусть сначала тюрьму построят, а мы под шумок новую свиноферму отгрохаем. И Машеньку я им больше допросами мордовать не дам. Девка может как лучше хотела, а теперь ее все бабье насмех подымает, несмышленую. Это ж выдумали, телки недоенные, иностранной подстилкой двадцатилетнюю девчонку называть за то, что с мужиком в лес ходила. Сами-то любому городскому подмахнуть готовы, лишь бы хрен не в мазуте! В общем, ты вот что, заканчивай свои дела и дуй обратно. Тут Мезенцев опять пьяный чудит. Чего-то Крылов его унимать по партийной линии не торопится, того и гляди в лоб засветит, партийные взносы из всех прорех полетят! Ну-ну, так закругляйся, Степан Николаевич, и не забудь купить...

Дальше мы подслушивать не стали. Михалыч потянул меня за рукав к выходу, при этом приложив палец к губам.

— Календарь за 81-й на стене видел? — спросил он уже на улице. — Объяснения кому-нибудь давать хочешь? У меня нет никакого желания знакомиться с брежневскими чекистами. И никакой Вася Гусилетов тебя оттуда не вытащит, потому как он сам еще учится Маркса от Энгельса отличать по стрижке бороды на портретах.

Я и без него все понял. Просто ностальгия по беззаботным временам ввела в какое-то оцепенение, мгновенная вереница воспоминаний. В 81-м я ходил в десятый класс... До коммунизма осталась тысяча лет, до смерти Брежнева — год, до хлебного магазина от школы — полсотни метров, там можно купить булочку за три копейки и выпить стакан томатного сока за десять, до экзаменов — несколько месяцев, до очередного развала империи — десять лет. Я вдруг понял, что люди в этой деревне могут быть счастливы хотя бы тем, что не знают, какое запустение их может ожидать через десять лет. Вряд ли найдется коммерсант, который повезет сюда почерневшие от длительного хранения бананы, а местные жители вряд ли кинутся в город за стиморолом, когда не на что будет купить хлеб, вряд ли найдется здесь армия фермеров и т. д. и т. п. Может быть, они хоть и не особенно счастливы, но спокойны, выполняя и перевыполняя планы очередной пятилетки, директивы партии, продовольственные программы под телевизионное причмокивание трясущегося суровоброва генсека.

— Нам нужно найти Машеньку, — определил Михалыч, который в отличие от меня был уже сознательным гражданином, когда Хрущев стращал ООН своим башмаком,— похоже, именно с ней имел дело Драгош.

— К сожалению, здесь нет справочного бюро, — посетовал я.

— Язык до Китежа доведет, — перефразировал Михалыч, сообразуясь с новыми полуфантастическими условиями, — главное найти первого встречного.

Первым встречным оказался слегка подпитый небритый мужик, одетый не по-летнему в солдатский ватник. На наш вопрос он ответил вопросом.

— А вы че, тоже иностранцы? Шпионы, ерш вашу медь? Между прочим, тут у бабки Кандейкиной два постояльца из кагэбэ гостей заграничных дожидаются. Так что хендер хох, господа хорошие! — и он нацелился в нас горлышком непочатой чекушки.

Мы тоже из конторы, — нашелся я, — из Москвы. Специальный отдел. Мужик приосанился:

— Ну тогда другое дело. Я и смотрю, люди серьезные. Дак изба-то Машкина вон — с краю, с голубой крышей. Вовка красил, до того как в Афган его забрали...

— Призвали! — начальственным тоном поправил Михалыч.

— Ну-ну, призвали, забрав, замели — теперь разницы никакой нет, мать евоная похоронку получила. Кто ей теперь внуков будет делать? Министр обороны? Так у него только ракеты стоят и то на американцев. — Он посмотрел на нас так, словно мы виноваты в смерти некоего Вовки, который красил крышу Машеньке. — А слышно в Москве, война с басмачами еще долго будет? Того и гляди, Америка вмешается...

— Не вмешается, — успокоил я.

—Ну-ну, — понятливо кивнул мужик, мол, вам виднее. Машенька оказалась очаровательной русоволосой девушкой из сказок о Иванах-царевичах. В то же время было в ней что-то от Венеры Сандро Боттичелли. Виделось это в тонком слиянии девственности и женственности: девственность и непознанность мира сливались в ее взгляде с мудростью, передаваемой из поколения в поколение. Потом это впечатление все более усиливалось, подкреплялось то легкой грациозной походкой, плавными нежными движениями рук, то, наоборот, точными, на первый взгляд почти грубыми, когда эти руки сливаются с привычной работой.

— А я вас ждала. Примерно так и представляла. Можете даже не представляться. Вы — Алексей Михайлович, а Вы — Андрей. Он предупредил, что вы придете. Вы надолго? А то, похоже, за мной следят. Прямо как в фильме про шпионов.

— Как он исчез? — спросил с ходу Михалыч.

— Вы пройдите...

В доме было небогато и чисто. Простенькая мебель, какую можно увидеть только на дачах и у любителей сталинского ренессанса. На стенах слегка пожелтевшие фотографии. На черно-белом телевизоре «Крым» дремала кошка. Короче, типичный деревенский дом образца 70-х — 80-х.

Машенька рассказывала все подробно, часто повторяя детали, которые ей казались важными. Смущенно рассказывала, как познакомилась с Драгошем, когда он неожиданно появился из леса у ее огорода и помог окучивать картошку. Сразу сказал, что он иностранец и занимается здесь научной работой, а в Югославии в Титово Ужице (даже город запомнила) у него невеста —

Милица, очень похожая на Машеньку, только глаза у нее как два уголька. Машенька накормила его обедом, а он расспрашивал обо всем необычном, что происходило и происходит в селе. Вот и заговорились до позднего вечера.

— Я его на веранде спать положила, а теперь говорят про меня невесть что. У него даже в мыслях ничего такого не было. Таких людей сразу видно. — Почти детская обида звучала в ее голосе. Принцип возникновения таких слухов прост: если сам в грязи — кинь в другого, особенно если он целомудренно чист, потому что по твоим понятиям таких не бывает. Тут уж не до притчи о бревне в глазу...

— Мы на Черную речку ходили. Там еще в прадедовские времена нечисть людям голову морочила. У нас многие верят, что на Черной речке можно своих умерших встретить. Там и кладбище недалеко. Узнать о будущем. Нужно ночь там переночевать, не зажигая огня. Нельзя костер разводить. Парни ночевали, да ничего не вышло. Там луг большой, но никто никогда не косит. Скотина от той травы дуреет. Да такие места в каждой деревне есть! Мать рассказывала: лет двадцать назад хотели туда батюшку из соседней деревни Каменки позвать, да он отказался. Куда, говорит, суевериям против веры. Но все подумали, что он советской власти опасался. Теперь на Черной речке травницы черную траву собирают, она многие нервные заболевания лечит. Только сны от нее странные, яркие, цветные и непонятные.

Михалыч с беспокойством поглядел в окно, хотя оно выходило не на улицу, а в огород. Наверное, чувствовал приближение опасности. «Черт побери! — подумал я. — А ведь за нами охотятся одновременно и бандиты, и стражи порядка всех времен и народов!»

— Машенька, а ты проводи нас на Черную речку, — почти по-отечески попросил Михалыч. — Насколько я понял, Драгош именно там пропал. Только веди нас как-нибудь подальше от посторонних глаз.

По дороге Машенька рассказывала, как Драгош нашел на Черной речке места, где ему удавалось то исчезать, то появляться. У самой Машеньки не получалось, потому она поверила, что он действительно наукой занимается.

— Что у нас тут иностранным шпионам высматривать? Птицеферму или трактор дяди Василия? Я вот за одно переживаю — он заболел перед тем, как я его последний раз проводила. Все рассказывал, что такого ни в одном историческом фильме не уви-

дишь, бодрился, а у самого жар был. Правда, в тот день полегчало, повеселел. Его, похоже, клещ укусил. — Она опустила глаза. — В пах. Я хотела посмотреть, он ведь не знает какие они, но он стеснялся. Сказала маслом смазать — отмахнулся. Потом, говорит, аборигены мои его вытащат.

Мы с Михалычем встали как вкопанные, испытав обоюдное желание стукнуть друг друга по лбу. Версия об укусе клеща ни разу не пришла в наши головы. Мой доморощенный экстрасенс даже скривился от собственной недогадливости. Теперь Драгошу аппендицит вырежут или почку удалят, но ни за что не удосужатся заглянуть в пах, пока оттуда гной ручьем не польется.

— Надо звонить в больницу, — сказал Михалыч, — худшее — паралич.

— Я же ему энцефалитку давал, так нет же, ему что по Бостону, что по сибирской деревне ходить одинаково надо. Ладно хоть не во фраке. — Злился я больше на себя. Каждую весну и лето стряхиваем с одежды клещей и уверен, что все об этом знают, как привычное «руки мой перед едой».

— Ты нам покажи именно то место, куда он последний раз ходил, — собрался с мыслями Михалыч.

Черная речка действительно оказалась черной. Вода в горсти темная и мутноватая, словно растворили в ней угольную пыль и долили молока. Во всем остальном окружающая природа ничем не отличалась от всякой другой в этой местности: густой ивняк на топком илистом берегу, клинки осоки вдоль луга да красные головки клевера... Разве что ветерок был со сладковатым, точно южным ароматом.

— Вон там — три осины — видите? — Машенька показала в сторону подлеска на краю луга, где высились три почерневших ствола. — Туда он вошел и исчез.

— Воистину осина — дьявольское дерево. — Михалыч, судя по его задумчивому виду, принимал какое-то решение. Сформулировал он его четко и кратко: — Оставайтесь здесь. Через час не вернусь, жди меня у Машеньки. Через сутки попробуй вернуться по старой дороге, хотя сомневаюсь, что у тебя это получится. Драгош не зря здесь топтался. Если все же пройдешь, позвони в больницу. Всплывут ваши «кладоискатели» — ложитесь с Ильей на дно. Героизмом пусть Сильвестр Сталлоне развлекается.

Михалыч не вернулся ни через час, ни через два. Все это время мы с Машенькой рассказывали друг другу о себе. Я не скрывая любовался ею. Она же чем дальше, тем больше хотела узнать о

том, откуда мы. И мне приходилось подолгу раздумывать, подбирая необходимые слова, чтобы сгладить качественно-временной скачок. Поставьте себя на мое место и попробуйте в нескольких словах рассказать человеку из эпохи развитого социализма, почему сейчас человек человеку волк, а «Малая земля» не является шедевром русской литературы, почему хлеб в России стоит не двадцать копеек, а один доллар (которого Машенька даже на картинке не видела)? А уж почему общенародная собственность — это ничья собственность, и кто ее в первую очередь расхапал, прибрал к рукам, я побоялся объяснять, потому что андроповские ребята в пять минут состряпают из Машеньки деревенского диссидента. Поэтому мне не пришлось объяснять значение самого пошло-дурацкого слова начала 90-х годов — ваучер. Надо признаться, с коммунистической перспективой Машеньке было легче расстаться, чем поверить, что Пугачева окончательно растолстела и в третий или в четвертый раз вышла замуж. И все же про Аллу Борисовну мне говорить было проще.

— А «Песняры» поют?

— Поют.

— «Вологду»?

— И «Вологду». Только теперь это иностранный ансамбль... Опять не сдержался.

ОДИН В ПОЛЕ И НЕ ВОИН

На закате над Черной речкой пикировали комариные эскадрильи. Фиолетовая мгла проливалась по небу с востока, и лес на том краю луга и цветом и формой начинал сливаться с небом, растворяться в воздухе, окутываясь клубящимся маревом. В нем оживали затаившиеся до поры ночные птицы, а с ними наши затаенные, унаследованные от предков суеверия и страхи.

— У нас есть шанс провести здесь ночь, не разводя костра, — вспомнил я деревенские байки, — но лучше тебе пойти домой.

— Мне кажется, Вам лучше поступить, как сказал Алексей Михайлович. У меня поужинаем, а на веранде у меня комаров нет, если окно открывать не будете.

Только сейчас я начал осознавать наступившие безвестность и одиночество. Временно осиротевший рюкзак Михалыча пришлось спрятать в кустах, отметив место сломанными ветками. Михалыч найдет его без труда. Собственное положение мне казалось куда более бедственным. У меня не было машины времени, бластера, даже «Макарова», был только паспорт гражданина СССР (российский вкладыш не получил и не торопился получать), но по этому документу мне было семнадцать лет, да и выдан он был двумя месяцами позже здешнего времени. Говорила мать, что все надо делать вовремя! Поэтому мое пребывание здесь становилось абсурдным и очень удобным для того, чтобы поместить меня если не в КПЗ, то в ближайшую психиатрическую лечебницу. Я представлял себя разведчиком, потерявшим связь с центром и забывшим свою легенду. Ее-то я и пытался придумать, ворочаясь на топчане, на котором несколько дней назад ворочался или мирно спал Драгош. Разложить в голове все по полочкам не получалось. Зато появилась навязчивая идея: а что если поехать к родителям? Пнуть под зад романтичного десятиклассника Андрея Закатова, сказать ему, что ничего сверх какого-нибудь из него не выйдет. Но есть шанс получить сдачи. Соберет Андрюшенька-младший дворовую кодлу, и поди потом, дяденька, жалуйся маме с папой.

— Снегопад, снегопад!.. Эсли ж-женщина пррро-осит!.. — донеслось откуда-то с улицы с пьяным надрывом. Обладатель громогласного баритона страдал где-то на соседнем дворе.

Следом за пением на веранду вышла Машенька. В ночной рубашке с распущенными волосами да в молочной минской ночи она казалась прекрасной русалкой, вышедшей завлекать гоголевских парубков.

— Вы не пугайтесь. Это Петя Мезенцев. Он две-три песни споет и успокоится. Как услышите: «Вдруг, как в сказке, скрипнула дверь, все мне ясно стало теперь» — значит последняя...

Дверь не скрипнула, она чуть не слетела с петель. Звякнули стекла, на веранду ввалились двое с пистолетами в руках. «Представились» они довольно оригинально, крича одновременно, но разное:

— Стоять! Ни с места! Руки за голову! Комитет государственной безопасности!

Увидев, что мы не оказываем сопротивления и не предпринимаем попыток выпрыгнуть в большие окна веранды, более того — девушка в ночной сорочке, а я лежу под одеялом, они несколько растерялись. Но один из них, вероятно старший, быстро нашелся.

— Только тихо! Без фокусов. Документы, оружие — на пол. Но медленно! Очень медленно.

Машенька громко вздохнула, и вздох этот заменил несколько слов типа: «и не надоело вам, ребята, в шпионов играть». Слава Богу, руки нам не крутили, наручниками не щелкали. Мне в это время пришла в голову интересная легенда, которая позволит выиграть время и несколько поубавить гонору провинциальным контрразведчикам.

— Спокойно, коллеги, — сказал я, стараясь придать своему лицу невозмутимый вид, а голосу нагловато-повелительный тон. Но старший был не лишен армейского чувства юмора.

— Твои коллеги в ЦРУ или Моосаде. Подымайся тихо, без резких движений. У нас хоть медицина и бесплатная, но покойники интересуют только патологоанатомов.

— Даже если я иностранный резидент, как вам очень хочется думать, я вам нужен живой, — нашелся я, и, собственно, эта мысль успокоила меня самого.

— Когда вернется второй? Лучше признавайся сразу! За рюкзаком, который Вы ему оставили, ведется постоянное наблюдение. Так что мимо нас ему никак, — и уверенный чекист громко щелкнул пальцами, ловко перебросив «стечкина» в левую руку. — Документы!

— А вы хоть убедились, что в рюкзаке нет бомбы, химического или биологического оружия, проб почвы, микрофильмов и прочей ахинеи? — спросил я, осторожно доставая паспорт из внутреннего кармана ветровки, висевшей на стуле.

— Не переживай, — он переходил то на «ты», то на «вы», — теперь в нем настоящая банка сайры, и все остальное тоже насто-

ящее. Ваши же безобидные, — он криво ухмыльнулся, — вещички проходят в данный момент детальную экспертизу.

Я понял, что нам позволили дойти до точки и в прямом, и в переносном смысле. А мы, к тому же, по всем правилам шпионажа сховали в кустах рюкзак. Обдумав это, я пошел ва-банк.

— А на год производства и дату вы смотрели? Взгляните внимательно на мой паспорт! Я капитан кагэбе и отвечаю за проведение важнейшего государственного военно-научного эксперимента. Само собой разумеется, что вас не поставили в известность.

— В Вашем фонарике японские батарейки, — не сдавался настоящий чекист, но в голосе его уверенности поубавилось. — Как бы там ни было, до выяснения всех обстоятельств и прибытия начальства нам придется Вас задержать, — он глянул в паспорт, — гражданин Закатов, хотя на первый взгляд, паспорт у Вас настоящий. Но дата выдачи?.. Зря Вы нам тут уши трете...

— Нет, не зря я плыл за моря, все на свете было не зря, все на свете было не зря, не напрасно бы-ло-о-о! — возразил из соседнего двора Петя Мезенцев. В распахнутую дверь веранды дохнула летняя ночь восемьдесят первого... А в «аномалке» сейчас белая ночь. Какао со сливками, так назвал такие ночи Драгош. Странно, но днем запахи цветов, трав, черемухи и яблоневого цвета почти не ощущаются: то ли придавлены жарой, то ли раздышаны многолюдьем, развеяны машинной гарью, то ли ждут ведьминого часа, чтобы сладким дурманом смешиваться с прохладным воздухом, и любого, кто решится выйти в этот час из дому, заставить забыть обо всем, что было днем минувшим, обо всем, что ожидает днем будущим, и подобно Фаусту воскликнуть: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!..» Ибо, кажется, именно в такое время мир Божий соприкасается с вечностью, со вселенским покоем, и только когда на востоке полыхнет край нового дня, время двинется дальше. А до этого человеческие хронометры отмеряют вечность.

И каким-то уж слишком приземленным показался мне главный и очень усталый районный чекист сквозь ночное дыхание черемухи и дальний отсчет кукушки. В третий раз я пересказывал ему придуманный мною только что и якобы осуществляемый под контролем областного комитета научный эксперимент. Он устало слушал, как бы нехотя стараясь сбить меня каверзными и неожиданными вопросами, а я также устало рассказывал о пространственно-временных перемещениях, об их важности для победы социализма во всем мире, но читал в глазах одного из стой-

ких последователей диалектического материализма большое желание разоблачить вражеского резидента, тем самым подняв престиж районной контрразведки да столичных зазнаек.

— Если бы я был резидентом, неужели мне не состряпали бы нормальный паспорт, с нормальной датой выдачи, не снабдили бы более правдоподобной легендой и соответственной аппаратурой, а не сайрой в консервах 1994 года выпуска?

— Это я понимаю, — соглашался майор госбезопасности, — но почему об этом эксперименте ничего не знает мое начальство, обком партии? И вполне можно допустить версию, что у одного из ваших коллег стало не в порядке с головой. Я имею в виду американского гражданина Драгоша Михайловича. А вам нужно его вытащить. Я даже готов признать, что на территории района проводится некий эксперимент, иначе невозможно объяснить исчезновение на ровном месте ваших товарищей. Жаль, но технические возможности не позволили нам заснять эти исчезновения. Но вот кто проводит этот эксперимент? Почему вас не уполномочили соответствующими документами?

— Во-первых, мы не считаем должным отчитываться перед прошлым, как бы обидно это ни звучало, во-вторых, именно из-за болезни одного из наших сотрудников он стал известен вам, в-третьих, если лично Вы меня отпустите, я принесу необходимые бумаги, но для этого Вы должны мне поверить. — Это была неслыханная наглость, но я вспомнил про Васю Гусилетова, подумал, что в ФСК еще найдутся печати КГБ... — Но дата будет стоять... Сами понимаете.

— В подобной сделке я не имею никаких гарантий, — совершенно по-рыночному заговорил человек, которым железный Феликс мог бы гордиться, — поэтому было бы справедливо предложить Вам несколько другой вариант. Именно до того, как к Вам будут применены превентивные, а затем и психофизические меры, Вы сообщаете мне, когда и где у Вас назначена встреча с... Как, Вы говорите, его зовут?

— Алексей Михайлович, — в этом случае врать не имело смысла, ложь могла навредить моей легенде, — кстати, паспорт у него по вашим временным меркам в порядке. Встреча у нас назначена в этом доме. Но прошу Вас иметь в виду, Машенька здесь абсолютно ни при чем. Просто стечение обстоятельств заставило нас обратиться к ней. Но точного времени у нас не назначено. Даже исходя из моего примера Вы можете сделать вывод, что прогулки во времени и пространстве могут иметь самые непредсказуемые последствия.

Майор задумался.

— Хорошо, — решил он, — я дам Вам на ожидание трое суток. Дом этот будет под наблюдением, и не вздумайте выкинуть какой-нибудь фокус! Ребята наши стреляют отменно, и подумайте о девочке — при Вашем исчезновении все останется висеть на ней. Надеюсь, Вы понимаете, что почетные грамоты из школы и райкома комсомола ей не помогут. Если Ваш напарник объявится, я окажу всяческое зависящее от меня содействие, чтобы помочь вернуться, но только одному из вас. Он и доставит необходимые доказательства и документы. Заодно расскажет, дослужусь ли я хотя бы до полковника.

Да уж, кто бы из нас не хотел заглянуть в счастливое, именно счастливое будущее. Но мне в связи с этим пришла в голову мысль, направленная в прошлое.

— Могу я Вас попросить об одном одолжении, товарищ майор?

— Можете. — Вот когда заметно, что человеку приятно, если обращаются к его служебному положению.

— Позвоните, пожалуйста, в областную больницу, главному врачу. У него, разумеется, есть какой-нибудь сейф. И под видом государственного секрета продиктуйте следующее: через пятнадцать лет в больницу санавиацией будет доставлен американский гражданин. Он будет в коме, и у ваших эскулапов будут проблемы с диагнозом. Пусть обследуют его на предмет клещевого энцефалита. А бумагу главврач пусть со всей серьезностью хранит в сейфе с разрешением уничтожить ее только после совпадения или исполнения указанных обстоятельств.

— И Вы думаете, после этого меня не положат в пограничное отделение психиатрической лечебницы?

— А Вы думаете, ордена и звания дают только тем, кто ничем не рискует? Между прочим, Ваш шеф через некоторое время станет главой государства...

— Андроп!.. — майор осекся.

Я видел, что сейчас ему хотелось мне верить. У них давно чесались руки навести порядок в дремлющей, катящейся по инерции стране. Но ответил он сдержанно:

— Хорошо, я подумаю, как это подать. Хочется Вам верить, но чтобы это произошло, Вы должны предсказать, как завтра сыграет московский «Спартак» с тбилисским «Динамо». Таких подробностей я не знал и в 81-м.

— В СССР приедет Бони Эм! — вспомнил я вслед майору.

— А «Цветы» поют? — спросила Машенька, которая тихо сидела в углу во время нашего разговора.

— Поют, хотя и порядком подвяли. Возраст.

ИЛЬЯ И ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ

Следуя нашим инструкциям, Илья поселился в «аномальной» гостинице. И хотя там в номерах не было горячей воды, цветных телевизоров и холодильников, стоимость пребывания за сутки равнялась сорока долларам. Немало подивились хилтоновским расценкам, Муромец наскоро умял две банки тушенки и отправился на поиски дома Паисия. Из-за природного отсутствия осторожности он наводил справки у сельчан и в конце концов найдя искомое, без какой-либо осмотрительности и рекогносцировки ввалился в дом старца, после чего успел сказать следующее:

— Привет, дед, сто лет тебя ищу! — И на его руках ловкие руоповцы попытались застегнуть наручники, но они не застегнулись... — Я тебя ищу-ищу, а тебя, оказывается, даже охраняют. — Он с улыбкой посмотрел на три ствола, направленных в его грудь. — Твои правнуки Алешка с Андрюшкой привет просили передать, очень повидаться хотели...— руки заломить ему тоже не смогли.

— Документы?

Илья протянул паспорт: «Карачаров Илья Ильич...»

— А какое отношение Вы имеете к...

— Двоюродный внук! — опередил Илья.

— Паисий Леонтьевич, Вы подтверждаете?

— Подтверждаю. Но я действительно давно его не видел. — На лице Паисия ровным счетом ничего не отразилось.

Оперативники попрятали пушки. Старший кивнул остальным на выход.

— Вы тут пообщайтесь, раз так. Извините. Тут к Паисию Леонтьевичу наследники целыми бандами ходят.

— Это ничего,— принял извинения и одновременно оценил обстановку Илья.

— И все же, Паисий Леонтьевич, может золото действительно есть? Мафия, как известно, бедных из чувства субординации не обижает. А государству это золото необходимо, — сказал, выходя, руоповец.

— Кабы государству... — буркнул Паисий.

— Так, это первая засада, — определил Илья, когда они остались наедине, — как думаешь, дед, сколько еще голов у этого Змея Горыныча?

— Две, — ответил Паисий.

— Ну еще одной мы с твоими сотоварищами зубы расшатали, небось до сих пор непереваренными пельменями на горшок ходят, а третья?

— А третья, похоже, сам Антихрист.

— Ну, две первые я беру на себя. Только вот карабин надо в гостинице забрать, но теперь, чувствую, хвост за мной будет. А третья — по твоей части. С мистикой у меня напряженка. И надо, дед, побыстрее к скиту идти. Упоминание скита избавило Паисия от последних подозрений. Он знал, что ни я, ни Михалыч, находясь в трезвом уме и памяти, о ските не скажем ни слова.

— Вот что, богатырь, ты потише. Может, у меня за печкой не только сверчок. Давно к моей персоне такого внимания не было. Дак где ты говоришь, внучек, живешь?

— В гостинице.

— Да нет, я не про сейчас спрашиваю.

— В Муроме почти.

— Ах ты ж! — подивился, как и мы, совпадению Паисий. — На муромской дорожке... Значит, поедем к тебе в Муром, правнучков проведать.

— К-как в Муром? — не понял Илья.

— Я и говорю — правнучков проведать, — Паисий ловко прикидывался дедком-простачком, — а охранникам скажешь, что не хочешь, чтобы твоему любимому дедушке тут нервы мотали.

Когда Паисий вышел с рюкзаком и зачехленным карабином СКС в сопровождении «внука», руоповцы растерялись. Указаний насчет отъезда старика к родственникам у них не было. Останавливать же Илью у них не возникало желания. Поэтому они ограничились сопровождением бодро шагавших новоявленных родственников сначала в гостиницу, а затем на вертолетную площадку. Никаких сомнений, что помимо милиции за ними следовали люди Га-Мавета, у них не было. Но ни те, ни другие не могли потом понять, как огромный мужик и седовласый старец смогли незаметно пересечь триста метров по открытой местности до берега Иртыша от вертолетки. Если бы спросили у местных, то наверняка услышали бы ответ о родстве Паисия с лешим. Так или иначе, уже через пять минут моторка Паисия нырнула в устье таежной речушки Кайгарки.

— Да это долина смерти какая-то! — Тропа к скиту произвела на Илью не менее удручающее впечатление, чем на нас.

— Вероятно, у каждой горы золота есть своя Dearth Valley, подобная той, что расположена в американской пустыне Мохаве, — рассудил старец.

На подходе к скиту Паисий остановился.

— Сколько можешь не дышать? — спросил он Илью.

— Минуты полторы.

— Тогда не дыши, а то деревья качаются. — Дед вдруг лег на землю и приложил ухо к тропе. — Все-таки за нами идут. Где-то в версте...

— Хорошо, что на вертолетах не гонятся.

— Может быть, скит они с первого раза и не заметят. Тропа-то дальше идет, на заброшенную буровую. Охотники протоптали. Там вагончики, можно переночевать, выпить в комфортных условиях. Раньше даже электроэнергия была, забыли там дизельную подстанцию и цистерну соляры. Туда еще километров семь. А к скиту их пускать нельзя. Зря я сразу плутать не начал, думал — на реке оторвались. Илья был настроен более оптимистично.

— Это ничего, — сказал он, — вот если б, дед, ты мог определить, сколько их за нами идет?

— Человек пять-шесть. Налегке.

— Первыми мы стрелять не можем. Это убийство. Они по нам тоже стрелять шибко не будут, мы им живые нужны. По крайней мере до скита. Но мне, пожалуй, ногу отстрелят, чтобы я им хребты не переломал. Выходит, справедливо будет сломать им ноги, но желательно не своими руками. Сколько у нас есть времени?

— Минут десять.

— А тропа эта одна?

— Одна. Никуда с нее не денутся.

— Ну и хорошо.

За свой век Паисий ничего подобного не видел. Илья достал из своего вещмешка какую-то хитрую веревку, ловко согнул молодую сосну.

— Сынок, — не выдержал Паисий. — Я читал, что граф Орлов мог разорванную надвое колоду карт сложить вместе и еще раз порвать. — Был у меня грех, — тужился Илья, сооружая какую-то одному ему понятную катапульту, как-то невообразимо загибая стволы, — порвал на спор пару томов Большой советской энциклопедии, потом не знал, куда со стыда деться. У нас в библиотеке их всего-то семь было. Вот если б склеить или написать, а порвать — ума не надо.

Закончив со своей ноголомалкой, он отошел назад по тропе. Паисий последовал за ним. Со стороны казалось, что две сосны просто свалены поперек дороги. Никакого скрытого напряжения не угадывалось. Оставшись доволен, Илья потянул старца в отдаленный кустарник, держа в руках кусок лески, тянувшийся к тропе.

— Лишь бы не в голову — убьет, — шепнул он.

Ждать пришлось совсем недолго. Бравые ребята Га-Мавета, во-

оруженные АКМСами, парой СВД и еще в довесок к этому арсеналу увешанные импортными пукалками, по-кошачьи двигались по тропе. Видимо, по ходу играли в зеленых беретов. Впереди — Мусяя-Муса, который изображал из себя главного следопыта: тянул носом воздух, щурил и без того узкие глаза, внимательно осматривая сломанные вдоль тропы ветки и примятую траву. Как раз перед ловушкой Ильи он замер в очередной раз. Илья дождался, когда остальные четверо начнут нетерпеливо дышать в затылок ведущему.

— Помолись, дедушка, чтоб им не очень больно было, — попросил Илья и дернул леску.

Звук сосны, выстрелившей навстречу погоне, был похож на жалобный вскрик птицы. Удар пришелся Мусе и стоявшему рядом с ним боевику чуть повыше колен. Обоих подбросило на метр в высоту, и тут же хлестнула вторая сосенка. Остальной троице не повезло чуть больше. Двое низкорослых сложились пополам, поймав ствол животами, а замыкающий, попытавшийся блеснуть реакцией и отпрыгнуть, получил удар в место причинно-следственных связей между мужчиной и женщиной. Илья одобрительно крякнул.

Паисий все же решил сбить возможное продолжение погони и сначала направился к бывшей буровой. Когда Илья стал специально ломать по пути ветки, старец усмехнулся:

— Да они за твои следы запинаться будут.

— Ну, я если захочу, они меня и собаками не найдут, — обиделся Илья.

К скиту они подходили совсем с другой стороны, продираясь через густые кустарники и мелколесье. Где-то недалеко вертолеты утюжили верхушки сосен.

— Видимо, золото не может лежать спокойно, ему нужно тревожить чью-нибудь алчность, мы сами наделили этот эквивалент материального благополучия дьявольской притягательной энергией. Некоторые не считают за грех даже золотые оклады с икон снимать.

Илья молчал. Он никогда не видел столько золота. Его собственный золотой запас исчислялся единственным, хотя и крупным, сделанным по спецзаказу обручальным кольцом, которое он никогда не носил.

— Сколько здесь? — наконец спросил он.

— Никто специально не взвешивал. Думаю, больше тонны. Дюжина оружейных ящиков со слитками и четыре мешка с монетами. Да это пока и не важно. Главное решить, что делать. Либо остаться ждать здесь, либо идти искать Михалыча и Андрея. Боюсь, вляпаются они со своими экспериментами.

ДЕНЬГИ СУЛТАНА МЕХМЕДА 1

Итак, 15 июня... По старому стилю. А Михалыч входил в точку 28 июня 1981-го по новому. А в «аномалке» было... Да не важно. Михалыч совершенно не задумывался о разнице между юлианским и григорианским календарями, о минутах и секундах, ему было абсолютно наплевать, почему человечество вынуждено подгонять свои календари под тропический год, он хотел знать, где был Драгош. Зная историю на уровне школьной программы и научно-популярной литературы, Михалыч слабо представлял, что происходило в плодородной межгорной котловине, которую называют Косово Поле, 15 июня 1389 года у города Приштина. Потом я рассказал ему об этом.

Несколько десятилетий растущая Османская империя пыталась подчинить, подмять под себя Сербию, Черногорию и прилегающие к ним земли. Князю Лазарю удалось объединить распадающуюся на части Сербию, собрать более или менее значительные силы и нанести в 1386 г. у Плочнина поражение туркам. Но главная битва была впереди. Положение Сербии было очень похоже на положение Руси перед нашествием Батыя. Битва на Косовом Поле стала поворотным пунктом истории южнославянских народов. В западноевропейских, американских и турецких монографиях и энциклопедиях об этой битве сказано однозначно: турки одержали блестящую победу, хотя во время сражения султан Мехмед (Мурад) 1 был смертельно ранен...

Да, турки одержали победу. Сначала их огромное войско разбилось об отряды князя Лазаря, где были только албанцы и валашские полки, в спину которому целили ожидавшие своей выгоды и добычи папа римский, генуэзский и венецианский патрициаты. За 9 лет до этой битвы полки московского князя Дмитрия Ивановича наголову разбили всемирную орду Мамая, а значит, с завоевателями вселенных можно и нужно было бороться. Сербы сражались не менее храбро и стойко, чем русичи. И тем и другим в спину оскалилась хищной мордочкой «цивилизованная» Европа. Но для сербов время еще не наступило. Силы были слишком неравные. И тогда им остались только смерть и подвиг.

В самый разгар битвы к султану привели знатного серба перебежчика. Перед ним стоял командующий одним из полков, известный сербский воевода Милош Обилич. Он понял бессмысленность сопротивления и обещал султану, что его дружины сейчас же перейдут на сторону покорителя вселенной. Милош был молод, смел

и, видимо, умен и расчетлив. И действительно: какой смысл участвовать в уже видимом поражении Лазаря, если можно присоединиться к несчетным победам великого султана? Так думал Мехмед. И желая наградить и купить отвагу этого героя, он собственноручно протянул ему кошелек, туго набитый золотыми. Это была величайшая милость, после которой следовало целовать следы солнцеподобного и передавать из поколения в поколение историю об этой щедрости и великодушии. Мехмед был уверен, что все покупается и завоевывается, не делая исключения для совести, свободы и чести. Для него свобода его подданных заключалась в возможности целовать землю у его ног, честь — стремление умереть за него, а совесть — бесконечно продавать друг друга во время дворцовых интриг. Да будет на то воля Аллаха!

В то время, когда левая рука сербского воина коснулась царской, меч, который Милош держал в правой, коснулся сердца султана. Зачарованные неожиданным благоволением султана к сербу телохранители опоздали и в страхе перед неотвратимым наказанием неистово рубили тело Обилича на куски. Весть о гибели Мехмеда мгновенно облетела турецкое войско. И эта армия, привыкшая выполнять еще не высказанные желания и приказы своего повелителя, как стадо, лишенное пастуха, превратилась в раскисшую массу и начала откатываться назад. Еще немного, и это отступление переросло бы в хаотическое паническое бегство. Но именно в этот момент прыгнул в седло разгневанный до геройского безумия сын Мехмеда Баязид. Историки могут спорить, но гнев Баязида, прозванного Молниеносным, был показным. Чего уж там расстраиваться, если оборвалась жизнь человека, который заслонял собой солнце твоих собственных побед. Также в свое время переживал Александр Македонский, обижаясь на своего отца Филиппа, что тот завоюет весь мир, и Александру потом нечего будет делать. Главная цель Баязида была выиграть эту — свою первую битву. Он сам повел теперь уже свою армию на непокорных, да еще и коварных сербов. Король умер, да здравствует король?.. И кто знает, как повернулась бы история, не окажись Баязид в тот день на Косовом Поле. Но это уже о роли личности.

Пленных не брали. Раненого Лазаря Баязид приказал пытать и казнить. Изощренные пытки и казни, порожденные, следует полагать, отнюдь не восточной мудростью, всегда сопутствовали таким завоевателям и по своей изощренности, порой бессмысленности, но главное обилию проливаемой крови граничили с человеческим бешенством. Ибо зверь, если он не бешеный, нико-

гда в таких количествах не убивает ни тех, кем он питается, ни тем более себе подобных. Сербские города и селения стали исчезать с лица земли. Плодородные долины опустели, неубитые турками были обречены на голодную смерть, вынуждены дышать трупным смрадом. Хочешь жить в Белградском пашалыке — предай Бога. Прими ислам. Так и делали некоторые феодалы, лишь бы сохранить свои земли, так и делали некоторые простые жители, чтобы сохранить свои жизни. Их владения не облагались данью, не подвергались постоянным набегам. Можно ли осуждать стремление людей выжить? Можно, если эти выжившие через несколько столетий поднимут меч на своих непокоренных братьев.

И все же Баязиду не удалось подчинить всю Сербию. Не по зубам ему была Зета — Черногория. Да и сам покоритель вселенной попал в плен к другому покорителю, более умному и еще более жестокому, Тамерлану. Хромоногий победил косоглазого. Умер Баязид в позоре и унижении, но похоронен был с честью.

Наверное, Драгош рассказал бы лучше. Но тогда он сам этого сделать не мог. Теперь мы поняли, что заставляло его упорно возвращаться в точку. Михалыч, на глазах которого зарубили Милоша Обилича, смяли сербские полки, не мог понять только одного, зачем Драгош взял деньги Мехмеда, которые остались лежать на поле, усеянном мертвыми и умирающими. Деньги, которые не стали тридцатью сребрениками. И не могли стать... Целую ночь он бродил по стонущему на разных языках полю. Невидимый и неуязвимый для турецких сабель. Те бы точно не стали разбираться, откуда здесь взялся этот странный бородатый славянин, и что он тут делает. Мне он сказал:

— Мы видим их, потому что они для нас уже были, а они не видят нас, потому что нас там просто не может быть. Может, и мы не видим кого-то? Страшно подумать, что будет, если все это перемешается. Конец света.

Михалыч не удивился, когда на Черной речке его встретила группа захвата. Выйдя из черно-кровавой ночи в холодный низкий туман, он больше был склонен к философским беседам, нежели к допросам. Толком от него ничего не могли добиться. Рассказывать подробно о происхождении трех золотых монет в его кармане Михалыч посчитал преждевременным. Он просто сказал, что это деньги султана Мехмеда. Нет, он не является нумизматом. Да, это историческая ценность. Да, как новенькие. Откуда? Из рук самого султана. Нет, султан — это не кличка. Да, он

умер. Несколько часов назад... Тьфу! Точную дату Михалыч не знает. То, что его зовут Мехмед, узнал на поминках. Нет, это была битва, а не криминальные разборки. Нет, под дурака он не косит...

Так или иначе, прием с получением разных показаний от двух задержанных шпионов для разоблачительной очной ставки не получился. Зато майор Усольцев получил хоть какое-то удовлетворение от поимки одного из внезапно исчезающих. Убедился, что хоть в чем-то я не вру. Он задумчиво крутил в руках монеты, с интересом поглядывая на ушедшего в себя Михалыча. Слава Богу, Михалыч сообразил, что он должен мне подыгрывать. Я же мог только молиться на его медиумскую интуицию, ибо протоколов он не читал.

— И много вы можете таким образом «добывать» золота? — поинтересовался майор.

— А сколько надо? — вопросом на вопрос ответил я.

— Мне? Мне ничего не надо, но, если верить вашей легенде, то вы поступаете с коллегами из недалекого прошлого весьма нетактично, просто нехорошо! Экспериментируете на нашей Черной речке, а золото тащите к себе? Значит, по-вашему, в восемьдесят первом страна не нуждается или, если хотите, не нуждалась в пополнении золотого запаса?

Эх, знал бы ты, майор Усольцев, что у нас остались жалкие 120 тонн от оставленных Сталиным двух тысяч. Да и те, наверное, уже упакованы по чемоданам,

— Я же вам сказал, что санкцию на сотрудничество с вашим отделом мы должны получить... Но тут «проснулся» Михалыч.

— Золото не проблема! Хоть тонну доставим. Но для продолжения нашего эксперимента нам необходима валюта. Доллары США, английские фунты... Какой у вас тут курс доллара?

— Курс, установленный государством, — ответил Усольцев с подозрением. — Сто долларов, если мне не изменяет память, стоят 82 рубля 90 копеек.

Я не удержался от улыбки, мысленно сравнив курсы, но мог только смутно догадываться, куда клонит Михалыч. А тот придал моей легенде новый окрас. Что называется, оторвался на полную катушку.

— Мы действительно можем доставить крупную партию золота. И именно это золото необходимо доставить в нашу страну! — В голосе Михалыча появился напористый пафос. — Это вопрос исторической справедливости! Вам, разумеется, известно,

что золотой запас царской России большей частью сгинул в заграницах, лег на самое дно швейцарских, французских и американских банков. На наши требования вернуть это золото и другие ценности проныры от буржуазной дипломатии отвечают...

— Знаю, знаю, — перебил Усольцев, — что СССР должен в таком случае погасить все долги царской России с огромными процентами.

— Вот именно! Не признав их в семнадцатом, мы не признаем их и через тысячу лет. Так вот, наша группа с помощью данных экспериментов пыталась проникнуть в прошлое и предотвратить вывоз ценностей, рассчитывали оставить это золото на нужды разоренной страны, нужды индустриализации. Но это не удалось... Мы даже потеряли некоторых товарищей. — Дежурная скорбь скользнула по лицу Михалыча. Лицо Усольцева посуровело, он хоть и был профессионально осторожен, мерцание полковничьих звезд, а, возможно, и звезды героя в собственных глазах скрыть не мог. Такой поворот дела его заинтересовал. Подобные операции осуществляются только в Москве. Михалыч между тем продолжал накручивать:

— Мы узнали, что в восемьдесят первом одна известная американская банда очень талантливо ограбила крупный банк, и наши резиденты предложили им сделать это для нас. Они делают грязную работу, мы встречаем их на Кубе, там и производится обмен.

— Обмен?

— Неужели Вы думаете, что гангстеры будут работать бесплатно, за почетную грамоту, орден Красной Звезды и подарочное издание «Малой Земли»?..

Майор едва сдержал смешок.

— И деревянные, простите, рубли им, разумеется, тоже не нужны, так как советское гражданство их не прельщает. Мы предложили гангстерам изъять царское золото из самых недоступных сейфов, этим мы утрем нос ЦРУ и поджарим хвост ФБР. Вы обижаетесь, что мы не предложили вашему управлению, в частности, участвовать в наших экспериментах и операциях, но я предлагаю разделить трудности по выкупу золота, доставке, ну и, конечно, почивать на лаврах будем вместе. Во избежание международного скандала передовицу «Правды» ни в наше, ни в ваше время гарантировать не могу. Но внутренний резонанс сами понимаете. Ну а спецслужбы получат все необходимые намеки. Даллес умрет от геморроя!

Позже Михалыч сказал мне, что его подмывало продолжить следующим образом: равнозначным ударом может быть только похищение тела Ленина из мавзолея. Но он вовремя сдержался.

— Можете выходить по этому поводу на самое высокое начальство, — разрешил Михалыч, — я думаю, там поймут, что такое вопрос справедливого возмездия. Это вам не Троцкого по башке тюкнуть. На его оппортунистские мозги страну не оденешь.

— Сколько? — вдруг спросил майор.

— Чего сколько? — не понял увлекшийся Михалыч.

— Золота.

— Ваша доля... — Михалыч старательно задумался и, якобы произведя мысленный расчет, сообщил: — Тысяча двести шестьдесят килограммов. Ну, сами понимаете, плюс-минус.

Майор присвистнул.

— Очень хочется вам верить, ребята, — честно признался он. — Хорошо, я сегодня же выйду на областное управление и если меня не... — его руки произвели совокупленческий жест. — Да и хрен с ним! Но порядок нашей совместной деятельности остается прежним: один из вас остается в заложниках. Тут уж извините, даже если вы мне принесете бумагу от самого Юрия Владимировича, я все равно должен, буду соблюдать положенные предосторожности. Ну а если почувствую блеф, то буду принимать меры, как говорят в кино, адекватные нашему революционному времени. Как я понял, Андрей Федорович не может проникать в эти ваши пространственно-временные зоны. Вот он и останется. Он выразительно посмотрел на меня. — И все же я вынужден приказать своим ребятам в случае чего пленных не брать. Да! Если вы не возражаете, деньги султана... Э-э-э...

— Мехмеда первого, — подсказал я.

— Я прихвачу с собой, — закончил майор.

— А мы можем возражать? — спросил Михалыч с подначкой.

Майор улыбнулся и исчез за дверью, Михалыч, не скрывая облегчения, глубоко вздохнул.

Впервые за последние два-три года я порадовался, что нам постоянно задерживают зарплату. И в наших тщательно проверенных чекистами карманах не оказалось денег образца девяносто третьего года. Этих веселых картинок с постоянно растущим тиражом. Пришлось бы объяснять, почему на них нет вождя мирового пролетариата. Но, чувствую, поднаторевший в этом деле Михалыч сделал бы им Штирлица и здесь.

— Почему ты не посоветовался с Паисием? — запоздало упрекнул я Михалыча.

— Он поймет, — уверенно ответил мой друг. — Поганое кольцо вокруг скита сжимается. Я это каждой мозговой клеткой ощущаю. Золото, если ты понял, можно вынести только сюда. Или вообще к черту на кулички. Лучше сюда. В «аномалку», даже если получилось бы, идти со слитками нельзя. Там встретят с оркестром, сводный оркестр криминальных групп исполнит композицию «лучше нету того свету». Встреча с органами беспределопорядка нас тоже не устраивает...

— Кстати, а где царские червонцы? — опомнился я.

Михалыч приложил палец к губам.

— Я бросил их в огород соседа, когда почувствовал хвост.

— Паше Мезенцеву?! — изумился я.

— Теперь мы можем их взять и предъявить в качестве доказательства. Но торопиться не следует, а то придется плести Усольцеву, что наши «друзья» в Америке извлекают золото по частям.

— Почему же? Мы тоже можем сказать, что потребовали от них доказательств.

— Угу. Между прочим, на Косовом Поле я тоже нашел точки, но не решился входить в них один. Так можно утопать неизвестно куда. Похоже, что в «аномалке» конец какого-то замысловатого пространственно-временного узла. И у меня есть вполне обоснованные соображения, что этот узел затягивается.

МАШЕНЬКА

Утром нас разбудили голоса Усольцева и Мезенцева.

— Мы у тебя весь огород обшарим! — угрожал Усольцев.

— Да ты, начальник, во лбу у себя пошарься! Откуда у меня тут золото!

— А в малиннике откуда? Буратино закопал?

— Ага! Намудник для папы Карло купить хочет. У меня же тут не огород, а поле чудес в стране таких дураков, как ты. Тимуровцы мне это золото подкинули! Дай лучше опохмелиться!

— Что за народ! Что за мужики! Как только бабу в роддом отправят, сразу за бутылку!

— Почему Вы говорите «баба»? — вмешался тихий голос Машеньки.

— Да, почему?! — пошел в контратаку Паша. — Ты прости меня, девочка,— расчувствовался вдруг Усольцев, как будто он имел в виду не жену Мезенцева, а, собственно, Машеньку. — Слово «баба» следует понимать в двух значениях. И «коня на скаку остановит» здесь ни при чем. Мы говорим баба, когда речь идет о том, что она ничего не понимает в мужских делах, но все равно настырно лезет туда. У нее совсем другая организация жизни и труда, и тут приходится сталкиваться с постоянным повторением банальных, с мужской точки зрения, истин. Она способна тысячи раз за день повторять одно и то же то сокрушаясь, то раздражаясь, то во всем обвиняя плохо заботящегося о семье мужа. Но это ее непонимание, недотягивание до более высокой духовной организации восходит ко второму, уважительному значению. Баба — это та, которая тащит на себе все хозяйство, воспитывает детей, не дает окончательно спиваться мужу, в то время как последний занят улично-застольным философствованием, постоянным недовольством своим местом под солнцем, общественной недооценкой его способностей, старательно изображая из себя кормильца. В девичестве она часами слушала белиберду (с ее точки зрения), кою нес ее будущий муж, желая блеснуть зачатками интеллекта или рассказать о своих геройских поступках, судя по которым, ему давно положена орденская планка. Она с преданно-собачьим взглядом внимала ему, заставляя себя верить и восхищаться. Словеса несостоявшегося героя откладывались в темных закоулках ее души, чтоб там переработаться, настояться и, когда она заполучит его себе в мужья, выплеснуться наружу. И это не закон сохранения энергии в каком-

либо качестве, это присущее только бабам умение в течение долгих часов и даже лет переливать из пустого в порожнее, вспоминать мельчайшие провинности и обиды и знать, что именно сейчас, хотя и ненадолго, торжествует ее организация жизни. Муж не построил хрустальный дворец, не сделал из нее королеву, а если и сделал, она все равно найдет к чему прицепиться, не стал лучшим из лучших и даже ложку держит неправильно...

Пока Усольцев философствовал, Михалыч запрыгнул в джинсы и быстро оделся, чтобы разъяснить неуемному майору происхождение царских червонцев в огороде Мезенцева. Возможно, теорию о бабах майор рисовал с собственной семейной жизни, если она позволила ему забыть, что он должен как следует вздрючить Мезенцева за золотые россыпи в малиннике, обнаруженные бдительными чекистами. Он, конечно, понимал, что Мезенцев не имеет к ним никакого отношения, об этом говорили пересохшие и неполитые грядки в огороде и пятидневный запой тракториста, готовившегося таким образом стать отцом. Михалыч удалился, а через несколько минут зашла Машенька.

— Вы тоже называете женщин бабами? — вдруг обратилась она ко мне.

— Иногда, — честно признался я.

— А мне казалось, Вы немного другой. Как не от мира сего. Мне иногда кажется, что Вы вроде бы и здесь, а вроде бы где-то далеко, а смотрите либо сквозь, либо внутрь.

— На тебя, Машенька, я просто смотрю. А почему ты зовешь меня на вы?

— Но Вы ведь старше.

— Ничуть. Только условно. И будь я чуточку помоложе... Тьфу! Прости. Не хватало только сальных банальностей. В общем, если б я тебя знал в восемьдесят первом... Называй меня на ты, пожалуйста.

— Вот теперь ты похож на обыкновенного мальчишку, — улыбнулась Машенька, и я понял, ей давно хотелось сказать именно так. В каком-то астральном смысле она была даже старше меня. Где-то во временах матриархата...

...И я бы не стал говорить об этом, но все происходившее сплеталось в единую нить с событиями последующими.

Машенька. Она была рядом, и мне хотелось умереть от собственной нежности. Полная луна над занавесками в окне, перекличка собак, шум какой-то далекой, наверное, городской жиз-

ни, сухой отсчет будильника и едва слышное совсем рядом дыхание Машеньки. Еще утром я не мог и подумать о чем-то подобном. Наша близость стала кульминацией какого-то количества беглых и долгих взглядов, прикосновений, сказанных вскользь и даже в мыслях невысказанных слов, знаков и еще чего-то, что можно было бы назвать взаимным влечением, но это было бы цинично и грубо. Настоящее же не объяснить словесами и всевозможными частоупотребимыми ныне эротическими терминами. Если оно настоящее...

В какое-то время мне подумалось, что, наверное, я просто выглядел печальным и тревожным. Не каждому удается скрыть внутреннее напряжение. Михалыч с Усольцевым уехали после обеда. Михалыч должен был показать майору, где его встретить, в случае успеха, грузить золото. Усольцев потом уехал в область, а охранникам велел никуда меня не выпускать. И мы остались с Машенькой одни.

К женщинам, с которыми я был раньше, я мог испытывать жгучую страсть, интеллектуальное родство или еще что-нибудь, но никогда не испытывал такой прилив нежности. Может быть, только в первый раз. Она не умещалась во мне, ее, казалось, хватило бы на весь мир. Если не испытываешь к женщине такого чувства, то утром обязательно испытаешь безразличие (по принципу «что было, то было»), а то и хитроватый стыдок. Последняя моя «любовь» — студентка биологического факультета — после «того» рассказывала мне свою жизнь. Медленно, подробно и печально. Рассказывала, как ее бросил парень, которого она ждала из армии, как избавлялась от беременности, некоторые другие подробности, о задержке месячных, как надоели ей подруги, которые водят своих парней прямо в комнату, где они живут вчетвером, пыхтят и стонут всю ночь, потом бегают по очереди в душ, а ей приходится делать вид, что она спит. Она боится, что ей предложат групповщину, но иногда ей даже хочется этого. Несомненно, она считала, что ее исповедь делает нас ближе, ведь лейтмотивом сквозь ее горести проходило одиночество. Но для меня происходило все наоборот. Мне начинало казаться, что я с лету вляпался в чью-то не очень счастливую жизнь. А она, почувствовав это, торопилась рассказать еще больше, сгустить краски, забывая, что каждому слову свое время. И что у нас за манера такая — в поезде или в постели успеть рассказать всю свою жизнь, со всеми ее радостями и бедами, вывернуть душу наизнанку. Как будто если мы не поделимся сокровенным, кто-нибудь обидится,

а если не прозвучит ответная исповедь, следует обижаться вам. Не думаю, что это относится к одной из загадок русской души, хотя возможно, это один из способов выживания, как, например, умение иронично шутить и смеяться в трудную минуту, умение смеяться над собой.

Машенька ничего не говорила, ничего не рассказывала. Она просто гладила меня по голове, и в этом была еще какая-то проматеринская любовь и забота. Я же боялся ее касаться, чтобы новый прилив нежности и страсти не лишил меня чувств. Я просто смотрел, как отражается в ее посиневших от темноты глазах волшебный лунный свет. Где-то поскрипывала на своих осях Вселенная, рождались и гасли звезды, приливы сменялись отливами, мчались поезда, печатались газеты, выпадала роса, рождались и умирали люди... Но я уверен, что высшая точка всего этого отлаженного мироздания находилась в эту ночь на маленькой деревенской улочке, в доме Машеньки, и венчала собой торжество осознаваемой гармонии мира и желания жить.

Я был счастлив оттого, что Машенька крайне далека от победившей нас в считанные годы общечеловеческой цивилизации, разрушающей наш бесхитростный быт, и сладким ядом проникающей в сознание и душу народа. Она не пыталась подыгрывать киногероиням, которые деловито закуривают в постели, она не знала видеонеологизма «трахаться», она не будет после первого и после второго раза опрашивать, был ли я на пике блаженства, рассуждать об изъянах и прелестях топ-моделей, она не захочет казаться лучше, чем она есть. Ей наплевать на исследования американских сексопатологов, утверждающих, что 70 % русских женщин, задавленных тяжелым бытом и постоянными стрессовыми ситуациями, не способны испытывать высшее наслаждение от секса. Прости, Господи! Я-то сам о чем говорю?

— Возьми меня с собой, — вдруг попросила Машенька. Не скрою, в этот момент у меня мелькнуло горьковатое подозрение о том, что все произошедшее между нами произошло только ради этого «возьми». Но здравый смысл подсказывал, что покидать размеренное житье-бытье ради совершенно непредсказуемого будущего вовсе не связано со стремлением улучшить свою личную жизнь, занять более теплое место под солнцем. Тем более рядом с ней был не миллионер, не заслуженный представитель какой-либо сферы человеческой деятельности.

— Я даже не знаю, — ответил я, — в детстве я читал массу фантастических романов, в которых даже муху раздавить во вре-

мя путешествий во времени было нельзя, ибо это может повлечь за собой общепланетарные катастрофы и тому подобное. Думаю, все это ерунда. В природе, во времени, во всем Божьем Творении действуют мощные системы самозащиты, саморегуляции, иначе человечеству давно уже пришел бы каюк вместе с его прогрессивной деятельностью. Тем более, что время и существует только для нас, далее — вечность. Но я больше переживаю за тебя. Есть ли в тебе такие силы, чтобы воспринять то, что ожидает тебя на закате двадцатого века, когда коммунизм снова превратился в призрак, который бродит по шестой части суши. Я помню, что пятнадцать лет назад мне очень хотелось поскорее в двадцать первый век, где, благодаря воздействию советской фантастики, мне виделись межпланетные экспедиции, добрые и мужественные освоители вселенной и прочая романтика... Но, глядя в недалекое прошлое, я не могу патетически произнести: сбылись мечты идиота. Мы там в очередной раз ощущаем приближение конца света.

— Если ты придешь ко мне через пятнадцать лет, я, возможно, буду ушлая деревенская тетка. Для тебя это будет завтра, а для меня?

Да я и сам не хотел допускать никаких мыслей о расставании. Ей Богу, я даже подумал, а не остаться ли мне здесь. Стать скромным деревенским учителем, конспектировать с детьми «Малую Землю» и «Материалы XXV съезда КПСС», садить картошку, поливать огород и ходить на рыбалку. Но где-то в подсознании смотрел мне в спину бдительный взгляд Усольцева, в далекой больнице висел между тем и этим светом Драгош, а главное — мне не хотелось второй раз видеть, как делят, продают и предают мою Родину.

— Разве тебе не жалко потерять своих близких здесь? — уже на всякий случай спросил я.

— Мама с папой умерли два года назад, у отца инфаркт, пил часто, у матери рак. Володьку убили в Афганистане. А сестра, как уехала пять лет назад в город, так приезжала только раз — мать похоронить. Только вот Алевтину Антоновну жалко...

— Председатель сельсовета? — догадался я.

— Да.

— Будь, что будет, — решил я, — лишь бы майор Усольцев не объявил всесоюзный розыск.

— Пусть объявляет. Каждый год в стране пропадают люди, даже целые самолеты и поезда. Я читала.

«Угу», — подумал я, вспомнив вертолет, канувший в «аномалке».

В ОСАДЕ

Я совершенно уверен, что в природе, как в зеркале, отражается человеческое бытие. В области материальной мы оставляем такие следы и раны на ее теле, что нашим потомкам придется их спешно и усиленно «зализывать», чтобы самим не покрыться струпьями. В сфере же духовной, я думаю и верю, в природе отражается постоянная борьба двух сил — добра и зла. Может, слишком просто сказано, но подтверждение этому можно найти в истории, увидеть в казусах погоды, в буйстве стихии, в том, что сейчас принято называть активностью солнца. Мол, бедствия и войны увеличиваются на земле в периоды повышенной солнечной активности. А не наоборот ли?

«От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого». Или: «И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни рассеялись...» Это Евангелие от Матфея. Никогда не дерзнул бы я толковать Священное Писание, но в этих стихах показано не что иное, как ответ Божьего Творения на казнь Сына Божьего. Можно ли придумать большее зло? Даже временное торжество зла вызывает сотрясение во всей природе, оно противоестественно ей. В человеческой истории можно найти необходимое и достаточное количество подтверждений этому, кроме того Главного, на которое я посмел сослаться.

Мы говорили об этом много позже с Михалычем, когда он рассказывал мне, как вышел к скиту.

Небо, как рваная перина, набитая сырой грязной ватой, цеплялось за верхушки сосен. Клубилось и даже гудело, как, может, звучали иерихонские трубы. И без того низкое на севере, оно неслось на бреющем полете, и близость его к земле была жуткой и давящей. И ветер, который, казалось бы, должен гнать эти тучи, сам был придавлен: в панике метался во все стороны, закручиваясь вихрями и зарываясь в кустарниках. И тотчас в июньскую зелень посыпался мокрый снег, словно таежные копья вспороли подмокшее небесное брюхо.

Чем ближе подходил Михалыч к скиту, тем больше неистовствовала погода. Он даже подумал, что это его прибытию так упрямится стихия, но он ошибся. Выстрел за спиной прозвучал как бульк в вязкой жидкости, но промчавшаяся чуть выше головы пуля брызнула кусками кедровой коры перед самым носом. Со стороны скита тоже полыхнуло навстречу. С обеих сторон серую муть стали разрывать вспышки выстрелов. Как человек

негордый, Михалыч предпочел продолжать движение ползком. Он мог только верить, что из скита стреляют Илья и Паисий, а о том, кто палит ему в спину, оставалось только догадываться. Главное, чтобы свои не приняли его за непрошеного гостя в этой свистопляске, и то, что со спины его подстегивали теперь уже размеренными очередями из «калашей», все же несло в себе положительный заряд. Со стороны скита стрелять перестали. Перекрывать пальбу и вой стихии криком не имело никакого смысла, поэтому Михалыч цедил сквозь зубы: «Да воскреснет Бог, да расточаться врази его...» И медленно полз к скитским воротам.

— Слава Богу! — Во дворе его встретил Паисий. Илья для острастки постреливал с колоколенки. — А где Андрей?

— С ним все в порядке. Почти. А это кто? — Михалыч кивнул в сторону леса.

— Хозяева жизни, — ответил Паисий, — предъявляют права на приватизацию данного объекта.

— Га-Мавет, — буркнул Михалыч. — Надо выносить отсюда золото,— уже громче сказал он Паисию.

Старец испытующе поглядел на Михалыча.

— Не для себя, — на всякий случай оправдался Михалыч.

— Знаю, Алексей. О том, что придумал, потом расскажешь. Возьми карабин, на том конце двора частокол расшатан, могут полезть, а у меня глаз уже не тот.

Не успел Михалыч взять в руки карабин, как именно в том месте, на которое указывал Паисий, с той стороны вышибли два бревна, в проломе появилось сначала дуло автомата, выплюнув длинную очередь во двор скита, затем нога. Остальная часть тела появиться не успела, Михалыч всадил пулю точно в колено. Дикий вопль заглушил на минуту рев бури и выстрелы.

— Почему ты не убил его? Кого милуешь? — строго спросил Паисий, который даже не шелохнулся с того момента, когда по двору скита рассыпалась горсть смерти. Потом Михалыч сказал мне, что никогда еще не видел нашего старца таким. Наверное, с таким упреком смотрели станичные деды — георгиевские кавалеры — на отступавших в сорок первом красноармейцев. В то же время было в его взгляде что-то от вечного взгляда святых на русских иконах.

— Я по людям никогда до этого не стрелял, — попытался оправдаться Михалыч. — да и, вроде как, мы христиане...

— Если помнишь, то волхвов и других врагов Бога ни апостолы, ни пророки не миловали. Иная милость сродни предатель-

ству. Почитай на досуге преподобного Иосифа Волоцкого, — сказал и пошел в храм, — я пока помолюсь.

Первое, что пришло на ум Михалычу: мол, дед будет молиться, а убивать предоставил ему и Илье. Подумал и постыдился. Паисий же обернулся на входе:

— Я на трех войнах убивал.

Отстреливаться пришлось еще с полчаса. Если верить Илье и Михалычу, за это время они уложили троих плюс раненый в колено, который все это время дико орал и матерился. Но штурмовали скит, похоже, не менее пятнадцати человек.

Потом стрельба неожиданно прекратилась. Вдруг улеглась и буря: на полувыдохе замер ветер, перестал сыпать снег, и только грязно-серое небо осторожно обползало крест на куполе. Башенка колокольни была сплошь нафарширована пулями, старые отсыревшие от непогоды бревна размахрились от частых попаданий. В крест же не попала даже шальная пуля. Невредимым оставался и Илья.

В установившейся тишине раздался знакомый Михалычу голос:

— Ну вот что, фраера, ваше счастье, что мы поленились тащить с собой гранатометы и подствольников у нас нет, но спалить вас у нас ума хватит. Так что даем пятнадцать минут на раздумья, потом братва устроит прощальный пионерский костер.

Едкий хохоток прокатился по кустам вокруг частокола. Михалыч и Паисий поднялись на колоколенку к Илье, чтобы провести рекогносцировку.

— Подземный ход был, да обвалился, — сразу сообщил Паисий, — как раз из подвала на болото вел. Теперь еще и ящиками заставлен.

— Мы-то, может, и уйдем, но скит они и с нами, и без нас спалят, для этого не нужно частокол штурмовать. Очень мне не хочется золото этой шушере оставлять. Как представлю себе, на что они его пустят...

— Есть одна мысль, — хитро прищурился Михалыч.

План его был прост и гениален. Через две минуты он уже кричал в окно-бойницу:

— Э, братва! Нам нужны гарантии. Делаем так: сейчас один из нас уходит, и вы его не преследуете. Отойдя на безопасное расстояние, он выстрелит договоренное количество раз в воздух. Потом мы доставим золото к воротам. Да заткните вы пасть это-

му инвалиду! Будут теперь у него золотые костыли! Так вот — вы забираете ящики и мешки и отваливаете восвояси, имейте в виду, чуть что не так — снайперская пуля гарантирована любому. С огнем тоже не балуйте, здесь, кроме золота, тонна тротила, взлетим на воздух вместе. Ну так как, идет?!

Минуты три лес молчал. Затем Голос Га-Мавета «подписал» перемирие. Оговорка была простая, кто-то из братвы должен присутствовать при выгрузке золота, чтобы мы не оставили себе больше положенного процента. Помимо этого Михалычу напомнили, что если что-то не так будет с нашей стороны, Драгошу в больнице вместо капельницы закачают воздух.

— Илья, сможешь в одиночку таскать ящики? — спросил Михалыч, хотя был в этом и без того уверен.

Майор Усольцев не нервничал. Рота автоматчиков, два бэтэра и грузовик гарантировали ему безопасность и были тщательно замаскированы. В случае же обмана он сможет представить все как неподтвердившуюся информацию от задержанных им людей с... А поддельными ли документами? Эксперты говорят, что нет. Придется, конечно, выслушать суровую отповедь генерала Вешкурцева, который вот-вот явится собственной персоной. Вертолета, вроде, пока не слышно. Плохо же будет не майору Усольцеву, а липовому контрразведчику Закатову (то бишь мне). Если же золото все же существует и будет доставлено, то не хотелось бы только обмана со стороны генерала. Припрет вместо долларов ордера на аресты всех и вся, оцепит деревню и... Да одному черту известно, что может учудить шестидесятилетний избалованный властью старый пердун, удержавшийся и при Сталине, и при Хрущеве, которого и перевели-то из Москвы в Сибирь за то, что по ошибке назвал Председателя Лаврентием Палычем. На всякий случай, Усольцев подстраховался, поставив в известность об акции нужных людей в обкоме. Поддержку ему обещали. Если бы ему еще три дня назад сказали, что он купится на такую авантюру, он рассмеялся бы в лицо. Но сегодня в кармане его лежала золотая монета с профилем государя-императора.

Между тем, июньский день входил в силу, Становилось жарко и душновато. Усольцев ловко сковырнул обручальным кольцом пробку с бутылки «Жигулевского» и на одном дыхании выпил всю бутылку из горлышка. Пустую емкость он, как гранату, швырнул в лес. Почему-то он не услышал, как она шлепнулась или ударилась о ствол.

— Вот так страна встречает своих героев?— Из кустов появился Михалыч, держа в руках бутылку Усольцева. — Так ненароком и убить можно, а уж лес засорять... Или экологическая безопасность не является важнейшей составляющей безопасности государственной?

— С чем пришли, Алексей Михайлович? — спросил Усольцев, недвусмысленно посмотрев на СКС в его руках.

— С золотом, как и обещал, но сопровождают его обычные российские бандиты, которые, кстати, жутко ненавидят советскую власть.

— Что Вы хотите этим сказать?

— Ничего, кроме того, что всех их — шестнадцать человек — следует повязать и препроводить в места не столь отдаленные, где из сосен строгают карандаши. Лет так на дцать.

— А я думал Вы гуманист? — улыбнулся Усольцев.

— Я тоже думал, но на этот разговор сейчас нет времени. Вам следует отдать необходимые распоряжения. Итак, у них восемь «Калашниковых» калибра пять сорок пять, три карабина, два «стечкина» и один «Макаров», помимо этого, всякие скорострельные заграничные штучки, в которых я не разбираюсь.

— Но позвольте, — удивился Усольцев, — «Калашников» калибра пять сорок пять, пули со смещенным центром тяжести, еще не поступил на вооружение. Даже у моих ребят — семь шестьдесят два!

— Тем большая для вас честь задержать и обезоружить всю эту банду. Помимо прочего, можете навесить им похищение опытных образцов стрелкового оружия и его контрабанду.

В душе Усольцев улыбался. Такого подарка он никак не ожидал. Полковничьи звезды всплыли на голубом июньском небосклоне, отразились искрами тщеславия в глазах майора, и он ринулся отдавать необходимые распоряжения. Михалыч с удовольствием любовался, как профессионально майор делает работу, которую никогда не делал, но ждал всю свою жизнь. Нет, с такими ребятами Брежнев может спокойно выживать из ума. Они сами за него все сделают. Только дай волю. К сожалению, большинству из них работы у капиталистов-демократов не найдется. Кто знает, может, и среди людей Га-Мавета марширует сейчас какой-нибудь старший лейтенант из 5-го или 9-го отдела.

Буквально не к ночи помянутый Га-Мавет появился на тропе во главе своей бригады минуту спустя. По всей видимости, он не отдавал себе отчета, что возвращается совсем по другой дороге,

нежели та, по которой они преследовали Илью и Паисия, разбившись на группы по пять человек. Его паладины едва шли, отягощенные оружием и добычей. «Интересно, а раненого они бросили или добили?» — успел подумать Михалыч, прежде чем в мгновение ока вся банда была разоружена и уложена лицами в песок на проселочной дороге. Спецназовцы Усольцева сработали мастерски. Они же быстро и слаженно вытащили ящики и мешки с золотом из леса и тут же вскрыли их. Скупой на эмоции Усольцев на этот раз не выдержал: он даже не заметил, что нервно грызет ногти. Зато Михалыч был насторожен и всеобщего восторга не разделял. Он позволил себе воспользоваться своими способностями и порылся в голове у майора без пяти минут полковника. — Если генерал обманет, его застрелят на месте, — сказал он Усольцеву с самым невозмутимым видом и, упреждая необдуманные поступки со стороны майора, предупредил, и Вас тоже. Прошу понять правильно: это золото принадлежит государству, а доллары — это вопрос чести. Не пытайтесь искать снайперов и прочесывать лес. Мне кажется, Вы уже убедились, что мы тоже не в бирюльки играем.

Михалычу показалось, что он сказал это тоном, подобающим тону человека, выполняющего важнейшее государственное задание. По крайней мере, Усольцев ничего не ответил, а только рассеянно кивнул. Он и думать не хотел о подобном исходе. Все его внимание было поглощено золотыми слитками, в то время как бойцы с удовольствием изучали оружие боевиков Га-Мавета.

СЛАВА КГБ — ЗОЛОТО КПСС

Генерал Вешкурцев оказался крепким шестидесятилетним мужчиной: седой, подтянутый, подчеркнуто внимательный к подчиненным, то немногословный, то сыплющий армейскими штампованными шутками... Похоже, он только играл роль туповатого служаки, потому что предпочитал быть большим винтом в запутанном государственном механизме; винтом, который можно выкрутить в одном месте и, благодаря стандарту таких винтов, вкрутить с таким же успехом в другое, ибо на таких винтах-болтах, по мнению Вешкурцева, и держится каркас государственной машины. Их дело не размышлять, а заботиться о прочности и устойчивости этого каркаса. И это лучше, чем быть быстро изнашиваемым сердечником, либо какой-еще «интеллектуальной» деталью, кои без сожаления выбрасываются на свалку истории, когда перестают соответствовать направлению основной мысли главного инженера. А уж если на смену последнему приходил новый, то тут шансов остаться на своем месте и того меньше.

Осмотрев поле битвы и трофеи, Вешкурцев быстро оценил размах операции и свои возможные дивиденды. Он не поленился каждому пожать руку:

— Славно поработали, товарищ майор, отличная работа, капитан, поздравляю, товарищ старший лейтенант... И т. д. Обращаясь ко всем: — О награждении каждого участника операции буду ходатайствовать сам! И помните: слава чекиста —дело нешумное, но престижное. Думаю, партия и правительство оценят нашу работу, — он кивнул на ящики с золотом.

Дойдя до стоявшего чуть поодаль Михалыча, который, вроде как получалось, был не при делах, генерал изрек следующее:

— Не знаю, кто Вы по званию, но опытным взглядом вижу, что к армии или органам Вы имеете такое же отношение, как директор военторга.

Михалыч не оценил его «юмора» и продолжал стоять с невозмутимым видом, хотя на рукопожатие ответил как подобает.

— Н-да... — генерал несколько замялся, не зная, как перейти к вопросам «коммерческого» характера.

— Ну раз я директор военторга, — нашелся Михалыч, — мне бы хотелось, чтобы Вы аккуратно рассчитались за поставленный Вашему подразделению товар. При этом оружие и живая сила противника идут в качестве бесплатного приложения.

— Вы знаете, что для меня стоило даже поднять вопрос о

сорока миллионах долларов? Если бы не мои связи в Кремле, где, кстати, очень удивились, что такая операция проводится, минуя Москву. Я понимаю, что это не зависит от Вас и Ваших товарищей, но все же Вам придется всем вместе полететь со мной в столицу. Сами понимаете, даже при наличии золота такое количество валюты никто сразу не даст.

— Нас устроил бы и безналичный расчет. Цэка ничего не стоит перевести эту, в сущности, небольшую сумму в национальном швейцарском банке на новый счет, открытый на указанное нами имя.

— Дак что ж Вы сразу-то не поставили такое условие, ешкин корень! — то ли удивился, то ли огорчился такому обороту дела Вешкурцев. — Ведь мы целые сутки трясли наших министров!

— Честно говоря, я даже не представлял, о какой сумме идет речь.

— У Вас там что золото подорожало?

— Подорожало...

— Слушай, Алексей Михайлович, ты мне скажи по секрету, а инопланетян за жопу взяли наши ребята или нет? Мне на стол целые кипы докладных ложатся: там-то и там-то замечено то-то, произошло то-то, видел тот-то. По специальному распоряжению в каждом отдельном случае ребят на такие места гоняю...

— Нет, не взяли, но близко к тому. Уж так они нас достали, что стоит вопрос об открытии огня на поражение по всем неопознанным летающим объектам.

— Давно пора, — облегченно вздохнул генерал.

— Ну так едем? — уже как бы по-дружески спросил он.

— А какие у нас есть гарантии?

Генерал Вешкурцев дал знак адъютанту, и тот мгновенно извлек из папки необходимый документ, гарантирующий нам с Михалычем безопасность и оказание всяческого содействия, скрепленный подписями первых лиц государства, гербовыми печатями, а в заключении подписью самого Андропова. Разумеется, это могла быть и липа, изготовленная лишь для того, чтобы заманить нас за дубовые столы главных строителей светлого будущего совсем не для дружеской беседы. Потом мы долго удивлялись отлаженности оплеванного демократами социалистического чиновничьего аппарата. Там, где дело касалось государственных интересов, слуги народа были чрезвычайно расторопны и точны. Кстати, Вася Гусилетов умолял нас отдать ему эту бумагу в качестве реликвии. Нет, тогда не скупились ради престижа страны. Одна была неувязочка: как далось опальному генералу добиться доверия у очень осторожного Юрия Владимировича.

А, может, мы недооценили Усольцева??? Но более всего мы недооценили золото и честь мундира.

В Москву мы полетели втроем. Никто из бравых чекистов не видел, как скрытый листвой и кустарниками седовласый старец-белогвардеец крестит наши спины.

Далее все как во сне: очередь в мавзолей; очередь в Елисеевский гастроном. «Народ и партия едины!»; Гимн Советского Союза в шесть утра; «Сегодня на расширенном заседании Политбюро ЦК КПСС рассматривались вопросы...»; «...космонавты на орбитальной станции «Салют» проводят плановые работы...»; «руководство независимого профсоюза «Солидарность» выступило с призывом к польским трудящимся...»; а в США бывший голливудский актер Рэйган готовится сменить на посту президента бывшего морского офицера Картера; на родине Драгоша временное перемирие...

«Слава КПСС!» — читаю я на плакате-щите астрономических размеров, и хотя у нас (пятнадцать лет спустя) еще не малюют повсюду «Слава российской демократии» и т. п. и не изучают в школах «Исповедь» бывшего секретаря Свердловского обкома, но уже близко к тому, зато я могу и думать, и говорить: Слава Богу. И ныне и присно и во веки веков...

Господи, Иисусе Христе, Боже наш, прости беззакония наши. Молитвами Пречистыя Твоея Матери, спаси страядущия Российская люди от ига безбожные власти. Аминь.

И под красным и под трехцветным флагом Москва остается Третьим Римом, хотят того сильные мира сего или нет. В этом есть промысел Божий над многострадальной русской землей.

РЕПЕТИЦИЯ АПОКАЛИПСИСА

На обратном пути Михалыч взялся за старое. Перекрикивая гул вертолета, доставлявшего нас к «аномалке», он талдычил:

— Нет, точно тебе говорю, у Андропова очень поврежденное биополе! Да ему жить-то осталось...

— Ну-ну, — посмеивался я, — в этом случае не сложно быть провидцем. Одно меня радует, что у тебя не было беседы тэт-а-тэт с Черненко. Ты бы мне всю медицинскую энциклопедию сейчас пересказал.

Михалыч никогда не кичился своими способностями, даже опасался ими пользоваться, но если ему не верили, обижался, и незаметно для себя входил в раж:

— Верь не верь, а Вешкурцев еще Усольцева переживет! Тому, кажется, где-то повоевать придется.

Заметив скептическую мину на моем лице, Михалыч «ударил ниже пояса»:

— А что у тебя было с Машенькой? Ты хоть знаешь, что она... Но тут же осекся, я даже не успел возмутиться. И все же я не остался в долгу.

— А ты, Михалыч, сам-то хоть предполагал, какое мы дело провернем?

— Нет. Но точно знаю, не все еще закончено, — он задумался, наморщив лоб.

— Это же какие проценты набегут за пятнадцать лет! — очнулся дремавший над страницей «Правды» Илья. На первой странице, невзирая на наши протесты, все же было, хоть и кратко, хоть и вскользь, сказано об успешной операции по возвращению части золотого запаса России, вывезенного интервентами в годы гражданской войны. Разумеется, в буржуазных изданиях об «ограблении века» не было ни слова, а наши резиденты в ЦРУ теперь упорно ждут, когда полетят головы виновных. Напрасно ждут. Чуть позже, когда банкиры опасливо похлопают себя по карманам, «свободная пресса» старательно растрезвонит, что КГБ блефует. И уж точно, изрядно при этом побрызгает слюной. Для нашего же правительства это наоборот станет подтверждением, что удалось чувствительно пощипать гнилой Запад. Раз вовсю отпираются — значит, точно у них нелады.

— Слышь, Федорыч, — прервал мой мыслительный процесс Михалыч, — а мы не нарушили ход истории?

— Ты, Михалыч, видимо, в детстве фантастики перечитал.

Как можно изменить то, что уже было? Было. Ты вдумайся в это слово. Это уже воплощенный промысел Божий! Под силу ли человеку с этим тягаться. Мы всего-навсего превратили тонну золота в деньги, а деньги перевели в банк. Уразумел?

— А люди Га-Мавета?

— Ну, тут еще проще. Скорее всего, они еще в детстве были нехорошими детишками, недостойными звания пионеров и советских школьников. Вот мы и отправили их туда же на перевоспитание. Или, если угодно, на довоспитание. Советская тюрьма она как была, так и осталась советская тюрьма. И она по ним с тех пор и плакала.

— Ты все это серьезно?

— Вполне.

— А Машенька — это серьезно?

— А вертолет три года назад? — ответил я ударом на удар. В работе вертолетного двигателя в это время стали появляться синкопы. Кабину затрясло, и нас вместе с ней, как содержимое погремушки.

— Накаркал, — буркнул в мою сторону Михалыч. Я слышал, что у вертолетов в случае отказа двигателя есть аварийная система, и посадка осуществляется за счет аккумуляторов, лопасти, хоть и не с нужной скоростью, но все же вращаются, не позволяя винтокрылой машине падать камнем. Наверное, в таком режиме падали и мы. Со скоростью трех концов света в секунду, со скоростью летучих голландцев, со скоростью всех транспортных средств, исчезнувших в неведомом.

«Удар был такой-то», — так, кажется, принято описывать подобные сцены. Но удара не было, не было и военного вертолета, любезно предоставленного генералом Вешкурцевым. Мы сидели втроем на траве возле вертолетной площадки и пытались определить, куда (т. е. в какое время) бросил нас очередной каприз «аномалки». Более всего смущало отсутствие людей и машин. Тишина вокруг такая, словно все, что может дышать и двигаться, замерло, затаило дыхание. Первым встал на ноги Илья.

— В следующий раз, когда куда-нибудь рискну с вами отправиться, мужики, захвачу с собой парашют, спасательный круг и завещание.

— Последнее придется заверять у нотариусов всех времен и народов, — попытался шутить я.

— Вроде дома, — определился Михалыч. — Здесь осень, — наконец-то понял я.

— Черт! — Самое редкое слово из уст Михалыча. — Я же говорил, что еще не все.

Лес на противоположном берегу Иртыша был обильно полит темно-желтой краской. Небо над головой хоть и чистое, но уже не такое яркое, как летом. Больше всего это походило на конец сентября.

Поднявшись в гору, мы долго смотрели на притихший в осенней дреме поселок. Первого человека мы встретили у клуба. Это был изрядно выпивший вертолетчик Смилянец. Увидев нас, он буквально взбеленился.

— А вы где шаритесь, мать вашу?! Грибы-ягоды, небось?!

— Ты че, Паша, на людей кидаешься, — попытался умиротворить его Михалыч.

— Люди, между прочим, в Москве Белый Дом защищают. Наверное, перемена на наших лицах произвела на него не меньшее впечатление, чем на нас его слова, он осекся на полуслове.

— Девяносто третий, — сказал Илья. — Я как раз в больнице лежал, а если бы не лежал... Видать, сам Бог не велел.

— А тут еще вертолет потерялся, — продолжал сообщать новости Смилянец.

Меня осенило:

— Ми-восемь? Военный?

— Три года назад, — врубился Михалыч.

— А на чем мы летели? — спросил Илья.

Смилянец смотрел на нас, ничего не понимая. Похоже, его больше интересовал вопрос, издеваемся мы над ним или нет. Но, порывшись в собственной не первый день пьяной голове, он нашел оптимальное традиционное решение.

— Опохмеляться надо, мужики, а то, вон. Андрюха совсем побледнел. Еще чуть-чуть — и трясти начнет. У меня, кстати, флакон есть. Он многозначительно подмигнул.

— Не, спасибо, Паша, — поспешил отказаться я, хотя сто грамм для внутреннего баланса не помешали бы, — ты лучше скажи, народ-то весь где?

— Где-где, кто не на буровой, в клубе. Там из области какой-то хрен прилетел объяснять сложность внутриполитической ситуации в стране. Боятся, чтобы у нас, как в Москве, не вышло, а по всему видно — сами не знают че делать, ждут, чем там все кончится. Ни вашим — не нашим. Дурачье. Довели страну до конца света, и теперь ждут, что мы им вторую гражданскую войну разыграем, А вот фиг! Пусть у Петра Великого понюхают! Да вы зайдите, послушайте, как он там горбатого лепит.

— И так ясно, — отмахнулся Михалыч, — что мы косноязычных политиканов не слышали?

— Ага, и все мелет, как стране сейчас тяжело. Да ей, почитай, уж восемьдесят лет тяжело. Как Первая мировая началась, так и тяжело. Ну я и крикнул с места, что страна это мы. И это нам тяжело, а им, прихлебаям, всю жизнь — молочная река с кисельными берегами. Щас вот крови добавят, вампиры.

— Ну и что он тебе ответил?

— Да ни хрена! Вывели меня из зала. Вишь ли, в нетрезвом виде.

Паша достал из рукава бутылку «русской», сковырнул зубами пробку и смачно приложился прямо из горла. Изрядно отпив, он долго морщился и торопливо раскуривал сигарету, чтобы перебить вкус водки. Через минуту, став еще более пьяным, он окинул нас сожалетельно-сочувственным взглядом.

— Ладно, я на посадку пошел. А то скоро автопилот отключится, будет тогда аварийная в кювете.

— Слышь, Паш, а Паисий в клубе? — спросил, я.

Он выразительно постучал по своей голове:

— Ты че, Закатов, деда Паисия не знаешь? Он от этих сборищ как от огня бегает. Уж неделю как никто его не видел. Лазает где-нибудь в тайге.

— Пошли, — скомандовал Михалыч.

— Э, мужики! — крикнул Смилянец вдогонку. — Как думаете, стрелять в Москве будут?

— Будут, — в голос ответили мы.

— Во, блин, я бы тоже пару раз бабахнул. Поставил бы раком всю эту кремлевскую шайку да из дробовика по насиженному салу.

— Гуманно, — похвалил Илья.

— Стрелять будут по таким, как ты, Паша, — сказал я, но он, скорее всего, не понял или не слышал.

Паисия действительно не оказалось дома, и мы сразу направились к скиту. Михалыч всю дорогу вслух размышлял о каверзах «аномалки»: по законам фантастического жанра и, по мнению Михалыча, Паисий не знает и «не помнит» ничего из того, что с нами произошло, т. к. этого в 93-м еще не было. Я отмалчивался, ибо никогда не был склонен объяснять сверхъестественное рациональным. Это мало сопутствующие друг другу понятия. Я видел в Паисии не просто человека, не просто умудренного житейским опытом и одухотворенным молитвами старца, мне он казался вечным. Русский Мелхиседек, думал я.

С Паисия Михалыч передал на Ми-8. Он вдруг вспомнил официально зарегистрированный случай: на аэродром одной из латиноамериканских стран приземлился двухмоторный грузовой самолет ВВС США эпохи Второй мировой войны. За штурвалами его сидел экипаж: три скелета в несколько истлевшей форме. Самолет этот исчез еще во время войны. Считался затонувшим где-то в районе Бермудского архипелага.

— А если нечто подобное произойдет с нашим вертолетом? — развивал теорию Михалыч.

— Он просто вернулся в восемьдесят первый, — успокоил его я.

— Может быть, — согласился Михалыч.

Мы умолкли в мертвой зоне — зоне мертвой осени. С тяжелым дыханием болота в голову приходили только мрачные мысли. Илья, молчавший всю дорогу, вдруг задался вопросом вслух:

—Доколе же ироды будут Русской землей править? В мутном, наполненном испарениями воздухе, как бы из глубины леса прозвучал ответ.

— Покуда не покаемся, покуда попущение будет. — И на тропе появился Паисий. За неделю, которую мы провели в царстве развитого до инертности социализма, Паисий, показалось мне, стал еще древнее. Я понял, что он давно знал, куда и как мы вернемся и заранее ждал нас.

— Пойдемте, вы должны кое-что увидеть. Как и в первый раз, мы спустились в подвал через лаз в алтаре. Как и в первый раз, мы увидели там ящики с золотыми слитками.

Немая сцена: Михалыч нервно нащупывает во внутреннем кармане чековую книжку, Илья чешет затылок (уж кто-кто, а он собственноручно вытащил отсюда тяжеленные ящики), я просто молчу...

— Я же говорил, что вынести его отсюда невозможно, — объяснил Паисий.

— А это? — Михалыч торопливо достал чековую книжку, внутри которой почивает кругленькая сумма со многими нолями, подтвержденная прописью на многих языках.

— Делай, что задумал, только помни, как тебе достались эти деньги.

На обратном пути в поселок я вдруг увидел, что окружавшее скит мертвое болото не так уж и мертво: то тут, то там виднелись островки княженики. Интересно, отчего у нее такое название? Остановился, разглядывая еще неспелые ягоды. Паисий, шедший последним, дотронулся до моего плеча.

— Иди-иди, тебя, почитай, уже неделю ждут.

— Машенька!.. — догадался я.

Старец кивнул.

— Пришлось взять ее с собой, коль ты обещал. — И больше ничего не стал объяснять. Да я и не спрашивал.

Первый взрыв мы услышали еще вдали от поселка. Второй — уже на околице. Но это были еще взрывы-цветочки. Паузы между ними заполняла сухая трескотня выстрелов, словно в поселке шел бой. И эхо их летело от ветки к ветке, наполняя весь лес зеленым трепетом. Еще казалось, будто повсюду в лесу ломают сучья. И уже никто из нас не обращал внимания на погоду, когда в летнее первоцветье посыпалась смесь снега, дождя и града, и в то же время было не жарко, не холодно, словно окружающая нас природа — это только декорации. Зато страх и тревога были явными. Нет, они не имели ничего общего с животным ужасом, с осознанием приближающейся смертельной опасности, потому что были еще глубже и древнее, чем само понятие смерти. И название этому страху нашел Паисий, который словно специально вывел нас на холм, возвышающийся над поселком.

— Страх Божий, — тихо сказал он, взирая на происходящее внизу.

Такое не снилось ни Босху, ни Дали. Для описания увиденного нами нужен консилиум историков, а для запечатления — современный Верещагин. И я бы назвал эту картину Русский Армагеддон.

Отряд красноармейцев шел в атаку, увлекаемый чернокудрым комиссаром в кожаной куртке, и его не пугало, что поперек их атаке медленно и уверенно ползли два 56-тонных «Т-VI», и из стволов «их выходил огонь, дым и сера». Только вздрагивали от выстрелов башни и серые кресты на грязно-болотном фоне. Со стороны реки, с крутого холма, точно лава при извержении, с гиком и свистом хлынула лава казачья. И не те ли стрельцы, что бунтовали в конце XVII века, беспорядочно палили из пищалей, отходя к лесу, теснимые невесть откуда взявшимися польскими уланами? Но и последних с флангов нещадно рубили гусары и драгуны. С диким воем вывалился из-за туч «юнкерс» и, бросив в рукопашную гущу две бомбы, ушел для нового захода. Пожалуй, здесь не было только дружин киевских и московских князей, не было закованных в латы тевтонских рыцарей и монголо-татарской конницы. И насколько возможно это было определить — началом сражения, развернувшегося в «аномалке», можно считать начало Смуты в государстве Московском.

Для полноты картины не хватало только наших Т-72, расстреливавших за повышенный гонорар Белый Дом в Москве в октябре 93-го.

В довершение ко всему прошли на бреющем, заглушая все и вся ревом двигателей, форсаже, выстрелив отстающей скоростью звука, пара наверное самых последних «МиГов». И стоило им свечками уйти в облака, как оттуда посыпались обломки «юнкерсов», «мессершмиттов», «фантомов», «миражей» и прочего металлолома. Потом вдруг над полем битвы стал нарастать низкий гул, а земля под ногами сражающихся становилась ярко-красной, но не от пролитой крови, а от какого-то внутреннего подземного накала, словно рвется наружу раскаленное ядро Земли. Битва же стала походить на немыслимый танец на углях.

В самом центре котловины, посреди груды мертвых тел на коленях стоял стрелец. Красный его кафтан сливался с раскаленной докрасна землей. Он отрешенно крестился, неотрывно глядя в сторону вздыбленного над Иртышом берега, где стояла поселковая церковь — единственное здание. Остальных будто и не было. За спиной стрельца качнулся, притормаживая, один еще не подбитый «Тигр-7» и башня его стала медленно разворачиваться, целя смертоносным клювом в сверкающий в разрыве туч, дыма и гари крест.

Пораженные развернувшимся перед нашими глазами зрелищем мы не заметили, как сорвался и побежал вниз, в гущу боя, Илья. Мы увидели его уже возле танка: если бы это был простой человек, он беспомощно бы повис на стволе 88-миллиметровой пушки. Но это был Илья Муромец. И со всей присущей богатырю харизматической силой он налег на металл ствола. На миг показалось, что от его усилия приподнялась задняя часть танка. Ствол стал медленно гнуться к земле, и гнул его Илья до тех пор, пока он не превратился в гигантских размеров бумеранг. Танк елозил по кровавой жиже гусеницами, тяжело дыша гарью, но не мог сдвинуться с места. Снаряд взорвался внутри ствола, раскурочив, даже размахрив металл, как оборванный конец веревки. Из-под крышки люка на башне и из окошка механика-водителя повалил дым, а в руках у невредимого Ильи остался теперь уже бесполезный огрызок трубы диаметром 88 миллиметров. Илья смачно швырнул его в осаждавших когда-то Порт-Артур японцев, и вряд ли они успели прокричать «банзай», когда дюжина их была сметена этой болванкой. Выполнив свою богатырскую работу, Илья охлопал ладони и направился в нашу сторону.

Есть две версии гибели Пересвета на Куликовом поле. Первая и традиционная: Пересвет и Темир-Мурза убили друг друга одновременно, но русский воин доехал в седле до сторожевого полка, и это означало победу. И вторая: в первых рядах монголо-татарского войска стояла наемная генуэзская пехота, вооруженная, помимо прочего, арбалетами. Пересвет возвращался к своим не мертвым, но живым, может, был только ранен. На голове его не было шлема, а был положенный монаху черный клобук. Да и шлем вряд ли спас бы от арбалетной стрелы, предательски пущенной генуэзцами. Через минуту было уже не до выяснения правил ведения поединка, ибо первые ряды столкнувшихся в смертельной схватке воинов даже не могли поднять меч для удара от наступившей давки. Что говорить, и раненого князя Дмитрия долго искали после битвы.

Нашли придавленного павшим конем и грудой мертвых тел. Подтвердить эту версию можно, только потревожив прах святого воина.

Илья не видел, как чудом уцелевший в мясорубке всех времен комиссар целится в него из нагана образца 1895 года. Михалыч никогда не слыл антисемитом, но в этот раз назвал все своими именами, как и указано в толковом словаре Даля. Правда, прозвучала его фраза, будто он прокомментировал увлекший его кинофильм, и целились не в его друга, а в героя этого фильма.

— Ты смотри, что делает, жидяра! — выкрикнул он, и следом за его словами над моим ухом грохнул выстрел. Комиссар упал, как подкошенный, и, по всей видимости, у него вряд ли были шансы остаться хотя бы тяжело раненым. Выстрел был снайперский. Илья удивленно оглянулся. Оглянулись и мы, но в другую сторону. Бывший врангелевец Паисий сделал свой последний выстрел в этой многовековой гражданской войне. В руках его был карабин Ильи. Илья шел к нам недоумевая, поднимаясь на холм, он часто оглядывался на убитого Паисием комиссара. Мол, как так: он-де из окопа все время смотрел, как я танк курочу, а теперь вдруг решил в спину выстрелить? Наверное, отрабатывал деньги, взятые Лениным у немцев на организацию революции...

Между тем гул нарастал. Земля под ногами стала ходить ходуном, словно мы стояли на локализованном землетрясении. В котловине разверзлась огромная трещина, которая стала поглощать обломки военной техники, туда же стали скатываться трупы, вероятно, на время взятые оттуда, посыпались всадники вместе с лошадьми, и довольно большими ручейками стекала кровь. Через минуту видение исчезло, рассеялся дым от пожарища, а крест над церковью стал флюгером на шпиле пекарни.

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Утро в городе разительно отличается от утра в деревне. В городе жизнь затаивается, уходит на ночь за немногие негаснущие окна многоэтажек, в салоны редких ночных автобусов и такси, в дворовые беседки, где поет под гитару ночь напролет молодежь, в эхо вокзала... И окончательно затихает только перед рассветом, в подслеповатой серой смеси первых лучей солнца и отступающей мглы, под размеренный шелест метлы дворника, занесенного недавно в красную книгу российской экономики. И человек, вышедший на улицу в такое время, наслаждается одиночеством, ощущением того, что город, хоть и ненадолго, принадлежит ему одному. Можно идти и блаженно улыбаться восходящему солнцу, не опасаясь удивленных и насмешливых взглядов, можно испытывать чувство первопроходца в каменных джунглях...

Сельское утро — это не одиночество. Это при хорошей погоде праздник, торжество слияния человека с природой. Да и оказаться в полном одиночестве можно только в периметре собственного двора. В «аномалке» первый оранжевый луч солнца над восточными холмами, ощетинившимися сосновыми пиками, это и первый цвет на белом листе белой ночи. Вот где подтверждается волновая часть теории света. Ярко-оранжевая волна стекает с холмов на типовые домики, на бело-кирпичное здание школы, на сельский стадион, где футбольное поле можно занести в книгу рекордов Гиннеса хотя бы потому, что оно, наверное, единственное в мире, которое в течение дня сушили вертолетами, чтобы состоялся матч между полупьяными нефтяниками. А световая волна катится дальше, смывая и без того негустую тьму, заставляя ее откатываться на запад, оставляя ей только островки тени. И как маяк для самого Солнца загорается зеркальный шар на стеле освоителей сибирских недр. И становится понятно, зачем всю ночь стоял, приложив ладонь ко лбу, гипсовый мускулистый мужик у клуба — он ничего не высматривал, он просто прикрылся от солнца. Нефть и газ он уже высмотрел, значит теперь наблюдает за рассветом. Теперь актуальнее было бы изваять группу сельчан с протянутыми за подаянием из государственного бюджета руками, или «революционную» группу нефтяников, перекрывающих нефтепровод стране, ближнему и дальнему зарубежью, под названием «Деньги вперед», а где-нибудь на границе Украины с Россией можно ставить ту же скульптурную группу, но уже с другим названием: «Свободной Украине — свободные от нефти цистерны».

Герой-нефтяник навел меня на мысль о герое в современной русской литературе, когда мы спускались с восточных холмов вслед за рассветом. Думая впоследствии описать все происшедшее с нами, я вдруг понял, что наша литература бедна на героев. Героев — в буквальном смысле этого слова. В ней больше нерешительных хлюпиков, мечущихся, нагруженных философскими сомнениями и предрассудками интеллигентов, криминальных авторитетов, выписанных порой этакими положительными, даже справедливыми паханами-отцами, в ней бродят отчаявшиеся толпы людей и сами не знают чего хотят; персонажи авангарда сплошь извращенны и шизофреники; а если и есть герои — это отчаянные одиночки, противостоящие целому миру. До Второй мировой войны в Берлинском университете немцев учили презрительному отношению к русским, к славянам, основываясь именно на русской и советской литературе. Для этого «углубленно» изучали творчество М. Зощенко, А. Платонова, И. Бабеля и даже Салтыкова-Щедрина и Гончарова («Обломов»). Критический реализм, сатира, социалистический реализм и проч. И действительно, при желании, взглянув на русский народ через призму русской литературы, можно сделать вывод о его изначальной ущербности. Мол, они и варягов призвали, чтоб те ими управляли. Интересно, что думали обо всем этом молодые офицеры Вермахта, получая медали «За отмороженное мясо» под Москвой, загибаясь от холода и дизентерии в Сталинградском котле? Выходит, не так уж реалистична наша литература? Разумеется, дело в том, что у западной литературы, у всей западной цивилизации в целом совершенно иные ценности, нежели у нашей. Об этом писал еще Данилевский. И хотя Зощенко выписывал порой полнейших идиотов (прошу не путать с гениальным «Идиотом» Достоевского), невозможно представить себе, как хоть один настоящий русский писатель (от Пушкина до Шолохова, Распутина, Бондарева) выписывает нам безмятежно-накопительную жизнь бюргера, а в основе фабулы лежит борьба кланов за наследство; великая американская мечта что по сути тоже борьба, только за деньги; или любовь ради самой любви (а то и постельных сцен) и ничего более. Тем не менее мне кажется, я знаю, почему нынешний читатель (в самой начитанной стране!) предпочитает американские пустышки-бестселлеры отчаянным исканиям персонажей отечественной литературы. Читатель устал проигрывать. Устал мямлить вместе с нашей интеллигенцией. Ему нужен победитель. Нет, я не говорю о литературизации какого-ни-

будь обрусевшего Шварценеггера. Но где Василий Теркин, где хотя бы Глеб Жеглов? Шагая в фарватере огромной спины нашего Ильи, я задавался вопросом — неужели это единственный экземпляр (прости, друг, за сей естественнонаучный термин) победителя? Но и те, что живут в «аномалке», чем не герои? Это победители. Пусть они мало об этом знают, пусть они зачастую слепы и не видят настоящего врага, но бьюсь об заклад, ни один самый джеймсбондистый Джеймс Бонд не выжил бы в тех условиях, в которых живут они. Отсюда сиганули бы на «стелзах», «апачах» и прочей летучей технике зеленые береты всех стран и народов. Топ-модели превратились бы в утоп-модели, спасаясь от комаров и гнуса в Иртыше... Нет, я не говорю о том, что все должны жить так плохо, как мы. Я говорю о том, что те, с кем я живу, остаются в большинстве своем добрыми, красивыми и сильными людьми. Да о них писали. Писали заказные сюр-социалистические очерки, пуленепробиваемые эпопеи-романы и в них они побеждали. Побеждали свою природу, свою культуру, свои традиции. Они побеждали и в конце концов победили себя. Михалыч, по ходу читавший мои мысли, не преминул в них вмешаться:

— Ты прав, героев нет, — согласился он, — даже если они есть, их старательно замалчивают. О выданных боевиками пленных в Чечне трезвонят крупным планом, а о тех парнях, которые вырвались оттуда, ухлопав дюжину головорезов, сказали только мимолетом. Нам прививают сознание побежденных.

— Это ничего, — обернулся Илья, — не желающие слушать Бисмарка будут писать завещание, как Гитлер.

— Вряд ли они решатся на прямую военную экспансию, в этом теперь нет необходимости, — вдруг заговорил Паисий. — Как это нелепо не звучит на первый взгляд, им и Наполеон-то нужен был для того, чтобы окончательно заразить Россию масонско-революционным бредом.

Подточить иммунитет Православия. Декабристы — это в коей-то мере результат парижского триумфа Александра Первого. И даже запрет в 1822 году на их деятельность не предотвратил выступления на Сенатской площади в 1825-м, когда им удалось обмануть солдат, сыграв именно на монархических чувствах. Кто сомневается в подлинности «Протоколов сионских мудрецов», может обратиться к общеизвестным планам Алена Даллеса в отношении России, изложенным им в 1945 году. Там если не слово в слово, то основная суть и методы — как под копирку. Зачем им терять своих солдат в наших болотах, если мы и сами вымрем, а

то и попросим, чтобы нас присоединили к Аляске на правах славянской резервации.

— Это ничего, — сказал невозмутимый Илья, — чем бы дитя ни тешилось, лишь бы мимо горшка не писало. А с Божией Помощью и это осилим. Это ведь как: глаза боятся, а руки делают.

Похоже, этот муромский мужик не допускал ни малейшей возможности капитуляции ни перед кем.

— Да и нельзя победить, если генералы и правительство подписывают позорную капитуляцию, еще не начав воины, — заключил Михалыч. — Кстати, мы сами теперь можем содержать небольшую, но боеспособную армию.

— Наверное, это единственный счет в швейцарском банке, который будет работать на, а не против России, — подумал я вслух.

— Кто его знает, — хитро прищурился Паисий.

— А разве мой счет не в счет? В Швейцарии нет санкций... У ворот дома Паисия нас встречали Драгош и Машенька, друзья мои с ярко выраженным пониманием на лицах оставили нас с Машенькой наедине. Честно говоря, я не знал, что мне делать в этот момент. Зато знала Машенька...

ДОЛГОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ ДРАГОША

Плывут по реке Саве плоты. На плотах стоят ведра. Плотно стоят — одно к одному. В ведрах — глаза убитых сербов. Плотно — один к одному. Глаза сербов, убитых «братьями» — славянами, благочестивыми католиками хорватами. Что видят эти глаза? Горящие села, оскверненные православные храмы, очередную буллу очередного папы римского, посылающего очередное войско для «просвещения» проклятых схизматиков.

Нет, не увидят они уже никогда, как несет свои воды Сава в дар голубому Дунаю, сливаясь с ним у стен Белграда, как не услышат распятые прямо на алтарях сербские младенцы нежных и протяжных колыбельных от своих растерзанных, зарезанных ножами-сербокосами матерей. Не увидят... Не услышат... И весь мир не хочет видеть, не хочет слышать. Даже русские братушки не слышат. То ли морок, то ли дурман на них наслали. Сейчас вряд ли найдется серб, который с усмешкой крикнет врагу: «нас вместе с русскими двести миллионов». Да и где теперь найти столько русских, ведь новые не в счет.

Сон, который так часто снится Драгошу, снится многим сербам, а многие видели его наяву. Спросите у них, спросите у Савы, спросите у Саввы. Спросите у Бога... Усташи выкололи глаза Спасителю на иконе (ведь она православная), но он все равно видит. И видит и слышит.

И словно кто-то позвал Драгоша, и эхо долго носилось по коридорам памяти, собирая воедино зерна еще не угасшего сознания. Он открыл глаза и сразу понял, что лежит в больничной палате, хотя в его положении впасть в полное безумство, остаться частично или полностью парализованным, потерять память и всяческую координацию — дело само собою разумеющееся. Но на все есть Воля Божия.

Первое, что попытался сделать Драгош — перекреститься. Ведь жив и мыслит. В вене больно резанула игла капельницы, он вырвал ее свободной левой и, напрягая буквально все силы, заставил слушаться отвыкшие, онемевшие мышцы. Самому мне никогда не приходилось входить в мир заново, после долгого забытья, но если верить Драгошу, когда он попытался приподняться на локтях, комната бешено рванулась с места и закружилась, поплыла. Драгоша едва не вырвало. Голова никак не хотела держаться прямо, и он снова упал на подушку. Раза с четвертого ему удалось упереться шейными позвонками в спинку кровати. Комната плыла и качалась перед глазами, но уже можно было сосредотачивать внимание на определенных предметах и даже лично-

стях. Такою личностью оказался некий гражданин в штатском, раскатистый храп которого Драгош сначала принял за шум в собственной голове. Когда глаза дали необходимую наводку на резкость, Драгош сумел разглядеть ненавязчивую кобуру за оттопырившейся полой пиджака «ночной сиделки».

Первое желание в такой ситуации — убежать. Неважно — охрана это или представитель криминальной налоговой инспекции. Но Драгош не мог без посторонней помощи даже подняться. И он решил просто ждать, не подавая виду, что он пришел в себя.

Утром храпуна сменил другой охранник, который с причмокиванием жевал резинку. Драгош глаз не открывал, он только слушал. Новая дежурная сестра пожурила ночную за то, что у «бедненького энцефалитника» выпала капельница. «Опять у Карпова всю ночь в палате-люкс отиралась», — ворчала она. Драгош в это время сопоставлял получаемые данные. Из болтовни сестер и утреннего обхода врачей он понял, что по их мнению, перспективы у него самые печальные, что он — «американец-безнадега», «живой жмурик»; только опытный и, судя по голосу, пожилой профессор отметил ровное дыхание, порозовение эпидермиса и другие положительные изменения в его состоянии.

После консультации у эскулапов Драгош определился, как ему вести себя дальше: оптимальный вариант — «закосить под дурачка». Очень хотелось пить, а он не намерен был умирать от жажды. Открыв глаза, он начал говорить. На сербском. На английском. Вставлял слова, которые знал на немецком и французском. Оказалось, нести околесицу тоже непросто, через пару минут пришлось повторяться, а потом и вообще зациклиться на двух-трех фразах. Новый охранник тут же кликнул медперсонал, а сам включил диктофон. Такого внимания к своей персоне Драгош не ожидал. Интересно, что он мог наговорить в настоящем бреду? Теперь он понял: от кого бы ни были приставлены эти люди, речь идет о местонахождении золота.

По-русски он выговаривал только два слова: «пить» и «вода». Симулировать тоже надо с умом. И он не зря надеялся на седенькую опытную сестру, которая тут же поднесла «бедненькому энцефалитнику» стакан прохладной, пахнущей медикаментами и хлоркой воды.

— Доктор, приведите его в окончательное сознание, — потребовал охранник у одного из налетевших на зов и «чудо» воскресения врачей. — Его необходимо срочно допросить.

Пожилой врач выразительно посмотрел на него через роговые очки и подчеркнуто вежливо ответил:

— Голубчик, я, если Вы заметили, не волшебник, хотя в данный момент мы присутствуем при некотором подобии чуда, но у этого больного возможна полная или частичная амнезия, и вряд ли он в течение длительного периода, а то и всего остатка жизни скажет что-нибудь вразумительное и связное. Слава Богу, теперь мы можем его передать американским коллегам.

— Но-но! — вскинулся охранник, — Только с разрешения генерала!

— Тем не менее, Любовь Евстафьевна, — обратился врач к сестре, — завтра же организуйте энцефалограмму. И все анализы, честь по чести. Да, и перестаньте его называть «бедненьким энцефалитником». Возможно, все это откладывается в механизмах памяти, а потом нам с Вами придется читать в зарубежной прессе о пренебрежительном отношении к больным в российских клиниках. Вашего уменьшительно-ласкательного сочувствия они не воспримут. А как я уразумел от всех этих полковников-генералов, навещавших нашего клиента, русский язык он знает не хуже Вас.

К обеду Драгош попытался вставать, не обращая внимания на протесты Любовь Евстафьевны. Хотя его и без того шатало из стороны в сторону, а ноги то и дело подкашивались, он еще умудрялся специально налетать на стены и прочие препятствия. В течение дня ему удалось полностью уверить окружающих в своей беспомощности, нарушении координации движений и в том, что он безвозвратно впал в детство. Любовь Евстафьевна кормила его с ложечки бульоном, а пришедшие невропатологи долго и безуспешно водили перед его носом своими молоточками.

На третью «сознательную» ночь Драгош решился на побег. В палате снова дежурил грузный храпун, а в коридоре на посту – молодая сестра, отирающаяся всю ночь в палате-люкс у некоего Карпова. Самой большой проблемой было найти одежду и хотя бы немного денег. И пусть летняя ночь ничего не имела против, чтобы сумасшедшие ходили по улицам в больничных пижамах, а таксистам наплевать, в чем разъезжают их пассажиры, Драгош не решился пуститься на подобную авантюру без денег. Он позволил себе воспользоваться парой купюр из бумажника сотрясающего храпом воздух охранника. Сделать это было нетрудно, потому что пиджак его был повешен на спинку стула, а его обладатель давно уже потерял бдительность. Таксиста же устроила легенда о том, что некий симулянт под прикрытием больницы ездит на ночные свидания, он даже предложил свои услуги на обратную дорогу.

Одежду и деньги Драгош взял у моих родителей, которые спросонья даже не поняли, от кого так торопится мой новый друг.

Но в «аномалке» его уже встречали коллеги храпуна. И Машенька и Паисий, оставив в неведении подполковника Усольцева, тоже были «радушно» встречены его демократическими последователями. Чекисты были весьма учтивы и очень хотели знать, где находятся граждане Закатов, Карачаров и Журавлев. А главное — какое происхождение имеют золотые монеты, доставленные гражданином США Михайловичем в сельсовет, а также обнаруженные у него в больнице. Почему мы всячески пытаемся скрыться от органов правопорядка, откуда у старого бобыля Паисия новая внучатая племянница, тем более что муромский увалень никаких родственных отношений с ним не имеет. А не имели ли Вы, Паисий Леонтьевич, связей с колчаковской контрразведкой, офицеры которой отлепили где-то между Тюменью и Иваном вагон с золотом и документами? Ну так где Ваши неугомонные друзья?

— Тайга большая, — уклончиво ответил Паисий, где-то бродят. Может, действительно золото найти хотят.

— Золотые царские червонцы еще куда ни шло, но деньги Мурада Первого в сибирской тайге — это нонсенс. Вы знаете о том, что все клади на территории нашей страны по-прежнему принадлежат государству? Нашедшему традиционно полагается 25 процентов.

— Да мне хоть нонсенс, хоть консенсус — я этих денег и в руках не держал. Что найди — сдали. А двадцать пять процентов, кстати, до сих пор не получили.

Подключенный к вежливым допросам Драгош продолжил начатую им игру. Ссылался на провалы в памяти (благо диагноз позволял), впадал в состояние прострации и просто сидел с широко открытыми глазами, глядя в одну точку. Есть очень хорошая штука в нашем уголовно-процессуальном кодексе — отсутствие улик и состава преступления. И хоть чуешь, что дело нечисто, а не подберешься. Их оставили в покое, продолжая скрытую слежку. Ждали нашего возвращения. А что мы могли сказать?

Точки после видения закрылись, но они этого не поймут, а то и не поверят. Скит им не найти. А вот придуманная мной история о золотых монетах, найденных нами в карманах красноармейцев, которых мы похоронили, очень походила на правду. А уж откуда у тех монеты Мехмеда-Мурада — это не наше дело. Было ли у них оружие? Было. Ржавеет в яме рядом. Покажете? Отчего не показать, покажем. Думаю, я стал источником новой

версии: золото Колчака найдено или отбито красноармейцами и перепрятано или присвоено. Ищи-свищи — тайга большая. Пусть сначала отчитаются перед народом: куда дели две тысячи тонн сталинского золотого запаса...

Вежливые, но нахраписты чекисты не постеснялись сообщить, что за нами будет установлено наблюдение, а господину Драгошу Михайловичу придется покинуть страну в ближайшее время.

— Наблюдайте, следите, мы ничего противозаконного делать не собираемся, — сказал им на прощание Михалыч.

НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ И НИКОЛАЙ МУЧЕНИК

Сколько храмов в России построено на деньги, собранные всем миром? Сколько из них посвящено особо чтимому на Руси святителю Николаю Чудотворцу? Сколько из них разрушено и осквернено большевиками?

Маленькая церковь над Иртышом строилась в конце прошлого века. Деньги собирали всем миром, к старосте приезжали с пожертвованиями из ближних и дальних деревень, где тоже не было храмов. Строительный камень везли баржой по реке. Строителей кормили тоже всем миром, чтобы ни в чем не нуждались и быстрее делали свою работу. Построили быстро — за два лета. И осенью 1881 года, как раз к празднованию трехсотлетия присоединения Сибири, по благословению Тобольского митрополита состоялась в Никольской церкви первая служба. Народу собралось много, и всем войти в небольшой храм не получилось. Стояли тесным кругом у раскрытых врат, поздравляли друг друга и целовались троекратно, как на Пасху. Да и то понятно: русскому человеку без храма ни родиться, ни умереть, ни сеять, ни жать, ни радоваться, ни горевать. Чуть поодаль переминались с ноги на ногу инородцы — сами по себе скучились, тараторили что-то посвоему, одобрительно кивая на праздник. Как раз в это время случилось проплывать пароходу, и капитан его, заслышав благовест, не удержался, ответил радостным гудком, а команда и пассажиры вышли на палубу, чтобы перекреститься и поклониться на золоченый крест на крутом берегу Иртыша. И те, кто были в лодках — рыбаки и те, что еще торопились поспеть к службе, встали, не боясь опрокинуть лодок, крестились и поясно кланялись. Молодой батюшка и все прихожане двинулись крестным ходом вдоль Иртыша, а затем вкруг поселка. Впереди несли Феодоровскую икону Божией Матери, многочисленные иконы спасителя и образ Николая Чудотворца, кресты и хоругви. Никольская церковь была первым и еще долго оставалась единственным каменным зданием во всей округе. Белокаменная.

На церковь эту, начиная с 1918 года, покушались три раза. Первый раз в общем и по сути безумном революционном порыве хотели не оставить камня на камне, да не нашлось взрывчатки и в помине не было тракторов. Второй раз, уже в середине тридцатых, очередной «партейный» лидер с нерусской фамилией, которую и не помнит никто, вычитал в губельмановском «Безбожнике», что храмы взрывать вовсе не обязательно. Доста-

точно сорвать с них кресты, принародно сжечь иконы и богослужебные книги, а здание надлежит приспособить под клуб либо под хозяйственные нужды, учитывая местные нужды и потребности. И предписывалось заинтересовать этим делом особо молодежь. И взялся было заинтересовывать, и храм закрыл, и священника прогнал, правда, иконы сжечь не удалось — не дали сердобольные старушки, коих револьвером не испугать — все до одной перетаскал куда-то в лес настырный священник. Он и бумагу на этого попа в высшие инстанции накалякал и уже думал, подо что приспособить церковь, да не успел. За самим из окружного НКВД приехали.

Службы в храме возобновились в 1943 году, когда в Сталинградском котле варилась шестая армия без пяти минут фельдмаршала Паулюса. Сталин «вдруг» изменил свою политику в отношении Русской Православной Церкви и самого русского народа, во всеуслышание признавая за ним важнейшую и централизующую роль в создании великой державы и ее защите. В том же году, как по наитию, умер главный в стране безбожник Михаил Израилевич Губельман-Ярославский. В СССР тогда было открыто 22 тысячи храмов, священники возвращались с фронтов и из тюрем, открылись духовные семинарии и академии, вновь засияли Духом подвижничества Троице-Сергиева и Киево-Печерская лавры.

Историки объясняют сталинское «вдруг» массой объективных причин: материальная и духовная помощь церкви во время войны, необходимость переориентации — от безродного интернационализма к национальным чувствам, историческим традициям и державному патриотизму. Короче, ничего кроме соответствующих выгод для успешного ведения и победного завершения войны. Но есть еще одно объяснение.

В первые дни Великой Отечественной войны во всех православных храмах по всему миру молились о прощении и спасении России. Митрополит гор Ливанских Илия в течение трех суток молился в каменном подземелье, и именно ему в огненном столпе явилась Сама матерь Божия, чтобы передать определение Божие для России. И было сказано обо всех прегрешениях народа российского и о том, что нужно сделать, чтобы спасти Россию от вражеских полчищ. И весь ход войны: Ленинград, Москва, Сталинград... Все было предсказано. Послания митрополита Илии передали все это бывшему, пусть и нерадивому ученику духовной семинарии Иосифу Джугашвили...

Из Владимирского собора Ленинграда вынесли Казанскую икону Божией матери, что была в ополчении Минина и Пожарского, и обошли с крестным ходом вокруг города — далее этой черты враг не ступил. Затем икону перевезли в Москву, оттуда в Сталинград... После этого икона везде сопровождала маршала Жукова. По всем фронтам. А в Советской Армии ввели погоны царской армии...

И все же на третий раз Никольскую церковь закрыли, и крест над Иртышом сменился флюгером. В храме разместилась пекарня. Так сталинская оттепель к церкви сменилась хрущевской оттепелью ко всему на свете, вплоть до американской кукурузы, и новыми взрывами и закрытиями храмов. Алтарь и амвон Никольской церкви разворотили три мужика за две бутылки водки. И руки у них не отсохли, как не отсохли они у Лазаря Кагановича, собственноручно взрывавшего Храм Христа Спасителя, только пить им пришлось эту водку до конца жизни. И успел ли кто из них в последние трезвые минуты жизни (если таковые и были) раскаяться, не знаю. Зато известно, что сын одного из них пренебрег своим высшим марксистско-материалистическим образованием и стал священником. Ему Паисий отдал до времени икону святителя Николая, которая раньше венчала вход в сельскую церковь.

Но Драгош настоял на том, что нам нужна еще одна икона. Для этого мы отправились с ним в Белград.

Паисий с Машенькой остались в поселке. Старец наш захворал и не хотел усугублять болезнь воспоминаниями о прошлом. Машенька осталась за ним ухаживать.

В древних невысоких горах югославской Македонии на границе с Албанией есть Охридское озеро. Многочисленные монастыри, храмы и древние замки стоят на его живописных берегах: замок царя Самуила в Охриде, построенный в XI веке, и современные виллы в солнечных зеленых долинах с темно-красными черепичными крышами; древние фрески, близость родины Александра Македонского и яркие рекламные щиты вдоль дорог, снующие по ним автомобили всех европейских, японских и американских марок и моделей; сосредоточенные монахи и абсолютно «раскомплексованные» нудисты...

Летом 1927 года в монастыре святого Наума, что на Охридском озере, работал русский художник и академик живописи Колесников. Выброшенные революцией русские эмигранты и «ми-

лостиво» высланные в 1822-м Лениным философы и писатели дали тогда мощный толчок европейской культуре. Но только Сербия приняла их как родных, как братьев и равноправных граждан. В остальном цивилизованном мире это были самые бесправные люди. Их могли выслать из Парижа, Берлина, Лондона только за то, что они в неположенном месте перешли улицу. Но вернемся в монастырь святого Наума.

Колесникова пригласили расписывать стены нового храма. По замыслу художника на стенах один за другим появились лики четырнадцати святых, но оставался еще один пустой овал, пятнадцатый. Колесников долго не мог за него взяться, что-то останавливало его, и овал некоторое время оставался пустым, Драгош показал нам вырезки из белградских газет за 11 августа 1927 года, где этот случай был освещен подробно.

«Однажды в сумерках Колесников вошел в храм. Внизу было темно, и только купол прорезывался лучами заходящего солнца. В этот момент в храме была чарующая игра света и теней. Все кругом казалось неземным и особенным. В этот момент художник увидел, что оставленный им чистый незаполненный овал ожил, и из него, как из рамы, глядел скорбный лик Императора Николая II. Пораженный чудесным явлением мученически убиенного русского Государя, художник некоторое время стоял как вкопанный, охваченный каким-то оцепенением. Под влиянием молитвенного порыва он приставил к овалу лестницу и, не нанося углем контуры чудного лика, одними кистями начал прокладку. Колесников не мог спать всю ночь, и едва забрезжил свет, он пошел в храм и при первых утренних лучах солнца уже сидел наверху лестницы, работая с таким жаром, как никогда».

Впоследствии Колесников писал: «Я работал без фотографии. В свое время я несколько раз видел покойного Государя, давая ему объяснения на выставках. Образ его запечатлелся в моей памяти. Я закончил свою работу, и этот портрет-икону снабдил надписью:

Всероссийский Император Николай II, принявший «мученический венец за благоденствие и счастье славянства». Ни у кого из сербов ни тогда, ни сейчас не вызывает сомнения святость последнего российского Самодержца.

В сербской армии можно услышать сказание, передаваемое из уст в уста между офицерами и солдатами. Ежегодно в ночь накануне убиения Государя и его семьи русский Император появляется в кафедральном соборе в Белграде и молится перед ико-

ной святого Саввы за сербский народ. Затем он пешком идет в главный штаб и там проверяет состояние сербской армии. Когда я услышал эту историю, на память мне пришел пушкинский «Медный всадник». Неужто в Санкт-Петербурге нашлось место только для «мятущегося духа» Петра Великого? Историки спорят о двух этих совершенно разных (первом и последнем) императорах, исходя опять же из рационального подхода и материалистической объективности. Единственное, в чем можно обвинить последнего — не стер твердой рукой с лица России всю эту революционную нечисть, отрекся, надеясь избежать большей крови, но не за то ли получил мученический венец? Бог ему Судья.

Когда Драгош закончил свой рассказ, не совещаясь специально, а по молчаливому согласию мы уже приняли общее решение. Список иконы делали в одном из храмов города Десковад, где последнего российского Императора давно уже почитают как святого. Мучившее нас сомнение высказал и тут же разбил Михалыч:

— Царская семья не канонизирована, но, думаю, святитель Николай нас не осудит...

ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ И БОГАТЫРСКИЕ ЗАБАВЫ

Границу Югославии мы пересекали в Суботице. Под нами была новенькая «БМВ», которую мы позволили купить себе для служебных целей. Да и Михалыч, который был неравнодушен к хорошим машинам, просто-напросто не ушел бы из автосалона в Белграде, где он чувствовал себя как в гареме: то одну погладит, то другой полюбуется, то в третьей посидит. Мы с Ильей не возражали. Я днем раньше вынудил моих друзей тащиться со мной через весь город на книжную выставку «Славянская книга», а Илья полдня проторчал в оружейном магазине. Оставалось непонятным, на какие еще товары ЕЭС не распространяются санкции ООН. Вероятно, в списке ограничений есть только три пункта: российское оружие, российские нефть и газ.

В Суботице — маленьком и несколько грязном, замусоренном городке на границе с Венгрией — мы простились с Драгошем. А уже к вечеру были в Дебрецене, где и решили остановиться на ночь, чтобы утром занять очередь в длинном потоке машин перед украинской таможней в Чопе. Михалыч всю дорогу прикидывал, во сколько нам обойдется растаможивание нашей машины, хотя интерес его был чисто формальным. Денег хватало. И еще как!

Дебрецен красив. Особенно ночью, когда старые готические или новые, выстроенные под готику здания освещены ярко-желтыми уличными фонарями, но свет этот не похож на электрический, отчего кажется, что ты оказался в средневековом городе. Если бы не яркие витрины и световая реклама, если бы не современная музыка из ночных баров и ресторанов, если бы не пластиковые «трабанты», Фольксвагены и Мерседесы, припаркованные у каждого подъезда, и если бы не частая русская речь... В Суботице есть все: русские, румыны, венгры, поляки, цыгане и т. д. В Дебрецене в основном украинцы и русские. Первые при этом предпочитают общаться на русском. Зато славянские и румынские проститутки говорят на ломанном английском: ду ю вонт вумэн, фифти бакс, плиз. Это за пол венгерской цены, отчего бывают биты венгерскими коллегами.

Ужинали мы в гостиничном ресторане, и надо признаться, обслуживали нас быстрее и подчеркнуто заботливее, чем прочих соотечественников. Наверное потому, что Илья заказал три порции различных довольно дорогих блюд из национальной венгерской кухни и решил запить их двумя литрами красного сухого вина. После чистой, как слеза, чуть синеватой и отчаянно крепкой сливовицы, после дюжины перепробованных у Драгоша винья-

ков вино казалось прохладительным морсом. Мы настроились наслаждаться этими маленькими радостями, но, как говорит современная молодежь, кайф нам обломали. Честно говоря, я внутренне ждал подвоха или какого-нибудь удара судьбы. Уж слишком гладко у нас все получалось.

Первая неприятность была банальной и в пограничном городе фактически закономерной. К нашему столику подошли коллеги Га-Мавета. Посланцев было двое: один длинный и худощавый с блокнотом в руках, как учетчик на фабрике, второй кругловатый низкорослый крепыш. Общался второй. Он и спросил нас без обиняков:

— Ваша темно-фиолетовая бээмвуха? — и для верности зачитал из блокнота в руках напарника транзитный номер. — Завтра через границу собираетесь? Безопасный проезд до Киева стоит триста баксов. Умеренно и надежно.

Илья начал медленно и угрожающе подниматься.

— Ты сиди-сиди. Гора, — уважительно предупредил его лысый крепыш с откровенно-вызывающей надписью на футболке «Ай фак ю», — хулиганить не надо, никто тут с тобой силой меряться не собирается. Но, видишь ли, в дороге бывает всякое. Могут тормоза отказать, или какой-нибудь лох на ржавой «копейке» бок протаранит, а то и вообще дорога заминирована. Бандеровцы кругом. А триста баксов — это скромный страховой взнос, просто мы, в отличие от государственных правоохранительных органов и страховых агентств действительно гарантируем, — он со значением растянул последние слова.

— Откуда вы, ребята? — миролюбиво спросил Михалыч.

— Тебе адрес тещи или любовницы? — выдал заготовку «менеджер» крепыш.

И тут не выдержал я.

— Михалыч, отдай ты им эти паршивые триста долларов, но пусть дадут справку, квитанцию и заодно скажут, в какое «страховое общество» нам обратится после того, как проедем Киев. И если, не дай Бог, представители конкурирующей фирмы хотя бы поцарапают нашу машину, мы за страховым возмещением сюда вернемся на танке.

— Серьезный дяденька, — оценил мою речь крепыш. — Справку дадим обязательно. — И, что самое удивительное, получив три сотенных купюры, он тут же достал из кармана вполне приличный, выведенный на лазерном принтере бланк с печатью какого-то акционерного общества и расписался на ней: Бубень.

Выдав нам необходимые инструкции на путь следования, «страховщики» тут же переместились к следующим клиентам. Но похохотать над филькиной грамотой нам долго не пришлось. Хотя, с другой стороны, смешного, конечно, мало. За триста долларов русским врачам и учителям приходится вкалывать целый месяц на две с половиной ставки и ждать полгода честно заработанные деньги. А филькина грамота за подписью какого-то Бубня имеет на дороге от границы до Киева вес как минимум мотострелковой роты. Но неприятности имеют свойство продолжаться.

За столик к нам, формально попросив разрешения, уселся пожилой усатый джентльмен (ну не иначе, как джентльмен). Во рту у него дымилась сигара ничем не меньше, чем у Черчилля, и весь вид его подчеркивал внутреннюю и внешнюю значимость и напускное благородство. Он ничего не заказывал, но официант моментально поставил перед ним чашку горячего кофе.

— Добрый вечер, господа, — сказал он и тут же сочувственно спросил: — пощипали вас соотечественники? — Только в последнем слове просквозил легкий акцент. Как у прибалтийца, который всю жизнь прожил в России, но иногда специально допускает акцент, чтобы напомнить самому себе, а уж во вторую очередь окружающим, что он какой никакой европеец, почти что иностранец. Мы молча ждали, что он скажет дальше.

— Думаю, вам не очень интересно будет услышать занимательную историю, как трое отчаянных русских парней обманули КГБ, КПСС, ФОБ и русскую мафию, — с ходу он взял быка за рога, — а они, я думаю, выслушают ее с интересом.

— А Вы, судя по всему, агент ЦРУ, — предположил я, подыгрывая ему.

— Берите выше. Возглавляю один из восточноевропейских отделов. Он играл в открытую, значит, у него на руках были все крупные козыри. — Можете называть меня мистер Смит или мистер Бонд, как вам больше понравится. Благодаря вам я пятнадцать лет назад безуспешно искал утечку национального золота. Потом пришлось искать его на территории СССР. Так что благодаря вам я смог провести несколько успешных операций, но целых пятнадцать лет ждал этого момента, чтобы использовать информацию, которую получил о вас. Сразу же хочу предупредить вас от возможных эксцессов. Ваш югославский друг в данный момент находится под нашей заботливой опекой, тем более что он имел неосторожность выстоять длинную очередь на получение американского гражданства. — Он взглянул на Илью, кото-

рый демонстративно сжал кулаки. — Наслышан о вашей волшебной силе. По роду своей работы я читал не только Достоевского и Большую Советскую энциклопедию, но и русские былины. Впечатляет. У американцев ничего подобно в прошлом нет. Зато сейчас супергероев в литературе и в кино предостаточно.

— Засранцы они, — сухо сказал Илья и развесисто выматерился. Так, что даже мы с Михалычем поморщились. Он не любил, когда его хвалят или сравнивают со святым Ильей Муромцем.

— Вам что, нарисовать план поселка, дать список местных милиционеров и неблагонадежных граждан, отметить на карте буровые?.. — начал утрировать Михалыч.

— Меня даже не интересует золото, — невозмутимо отмахнулся мистер Смит, — меня и правительство США в моем лице, интересует время. Точнее, тоннели во времени, которые вы обнаружили. Причем, как я понял, вся эта фигня с парадоксами времени Эйнштейна — полнейшая бредятина. Фигня? Я правильно выразился.

— Могу вам подсказать выражение покрепче, — предложил я. Между тем, каждый из нас понял, что господин под псевдонимом Смит ни за что не поверит, что «наши» точки закрылись, а подобный ответ только повредит Драгошу.

— Ну а почему Вы не обратились к нам с подобным вопросом в поселке?

— У нас, разумеется, длинные руки, но, учитывая печальный опыт наших русских коллег, искать иголку в миллионе сосновых игл неразумно. Теперь же я знаю о вас значительно больше, чем пятнадцать лет назад, даже имею ксерокопии амбулаторных карт из ваших детских поликлиник. Мне прекрасно известно, что находить точки умеет Алексей Михайлович, и я любезно хочу его попросить попробовать сделать это прямо здесь, в Венгрии.

Значит, о том, что это может и Драгош, они не знают.

— Мне кажется, это пустое дело, — честно сказал Михалыч. — Все, что происходило в нашей «аномалке», так или иначе завязано на золоте.

— А Вы попробуйте, — и мистер Смит крутанул и прихлопнул на столе золотую монету. Видимо, это был один из тех червонцев, что вынесли мы или Драгош.

Эх, Драгош. Драгош! Не понос, так золотуха, не энцефалит, так ЦРУ. И на кой ляд тебе был нужен американский паспорт? Бизнес? То-то говорят: с кем поведешься, от того и неприятности.

— Что ни делается — все к добру, — подбодрил нас Михалыч. Мистер Смит с пользой провел пятнадцать лет, ожидая встречи с

нами. Он собрал уникальный материал о неожиданных исчезновениях людей в различных точках. Утверждал, что подобное происходило даже на территории Кремля. Он приводил десятки свидетельств из средневековых европейских хроник. Наверное, на него работала вся компьютерная сеть не только ЦРУ, но и всех спецслужб Европы.

— Венгрия богата удивительными легендами, — утверждал он, — и медье Хайду-Бихар, где мы находимся — тоже.

— Какие у меня есть гарантии, что вы не посадите меня на цепь, чтобы я искал вам точки по всему миру? — спросил Михалыч.

— Мы подробно изучим их и научимся делать то же самое. Большего я обещать не могу.

— А почему бы вашей службе не перевезти меня в Вашингтон, чтобы я поискал там?

Похоже, Михалыч сканировал мозг цэрэушника. Но мистер Смит даже не думал скрывать:

— О, я даже не думал этого делать. Стоит только заикнуться, и я навсегда с Вами распрощаюсь. Вас действительно и немедленно посадят на цепь в подвалах Пентагона и чтобы добраться до истины, могут буквально вскрыть черепную коробку. Я же, со своей стороны, не собираюсь делиться лаврами.

— Если будете курить сигары, через три с половиной года у вас будет рак средостения, — рубанул Михалыч, и мистер Смит, осознав эти слова, стал цвета полной луны.

— Куда мы едем? — спросил я уже у трех джипов, рядом с которыми нас ожидали шестеро интеллигентного вида головорезов.

— Недалеко. Миль десять к югу есть деревушка. Там живет одна босоркань — ведьма, которая, говорят, во время Второй Мировой войны наслала на спящих советских солдат отряд черных рыцарей. И... — он замялся.

— Что и? — спросил Илья.

— Два спящих взвода были вырезаны. Разумеется, ваши смершевцы рыцарей искать не стали, а только скрупулезно выловили все мужское население деревни и поставили к стенке. У вас ведь это принято: чуть что — репатриировать целые народы...

— А у вас нет? — возмутился я. — По-моему, вы забыли, что в начале войны в США всех до одного японцев согнали в концлагеря и кормили там отнюдь не «сникерсами». Сталин же переселил немцев в Сибирь, а не в концлагерь, подальше от Сталинградской битвы, а чеченцев, которые своими отрядами наносили удары в тыл Красной Армии — в Казахстан.

— У войны свои правила, — то ли согласился, то ли оправдался мистер Смит.

К деревушке мы подъехали далеко за полночь. За все время в Европе я впервые ехал по узкой грунтовой дороге, со свойственными российским проселкам лужами и колдобинами. У пункта назначения мы оказались в густом тумане. Настолько густом, что габаритные огни идущего впереди джипа бесследно растворились, а противотуманки прощупывали только два-три метра перед колесами. Такой туман можно увидеть только в фильмах ужасов. От яркого света луны он превратился в ядовито-желтое месиво, словно с неба сыпали муку или манку, а с земли подымался густой дым.

Джипы прижались у довольно современного, но весьма мрачного дома с черепичной крышей. На стук мистера Смита вышла седая старуха ведьмоватой внешности. Длинный крючкообразный нос, выдвинутый вперед острый подбородок и неестественно длинные седые ресницы — венгерская Баба Яга, да и только. Оказалось, что цэрэушник не даром ест свой восточноевропейский хлеб: он запросто, как только что говорил с нами на русском, заговорил с бабулей на мадьярском. Протянул ей пачку форинтов, и она довольно резво села в машину. Михалыч при этом из машины вышел и категорически отказался ехать рядом с ней. Жутковатый моложавый хохоток старухи вырвался в открытую дверцу следом за ним. Он пересел во второй джип, где ехали мы с Ильей.

— Она сильнее меня, — тихо сообщил он нам, — ей-богу, настоящая ведьма.

Через пять минут мы выехали на большой луг. Странно, но власть тумана над этим полем кончалась. А луг был настолько большой, что даже при ярком лунном свете не угадывались кусты и деревья на его краях. За нашей спиной стеною стоял туман, а над лугом кружил прохладный ветер.

— Сел-Аня, — сказала старуха и указала на единственное могучее ветвистое, но совершенно лишенное листвы дерево в центре луга. В черном скелете его ветвей застряла желтым сердцем низкая полная луна.

— Есть, — сказал Михалыч, и у мистера Смита буквально загорелись глаза. Из «уважения» к нам он дал сопровождающим указания не только на английском, но и на русском: держать нас с Ильей под прицелом, и, в случае чего, патронов не жалеть, особенно на Илью. Старуха снова едко хохотнула и вплотную подошла к Михалычу, с минуту смотрела ему в глаза, вдруг заговорщически ему подмигнула и тенью скользнула в туман.

— Чтобы выйти сюда же, ничего оттуда не берите, — шепнул-предупредил Михалыч.

Мистер Смит без опаски шел рядом с ним, следом мы с Ильей, а за нами трое сопровождающих. До дерева мы не дошли метров пятьдесят. Ночь обратилась в солнечный день.

— Далеко не отходите, — успел сказать Михалыч, и за нашими спинами послышался конский топот. После того как мы обернулись, на раздумья у американцев, вооруженных пистолетами-автоматами оставалось не более минуты. От величественного желтокаменного замка к нам с копьями наперевес мчался небольшой отряд рыцарей и легких кнехтов. Металл доспехов не зеркалил на солнце, потому что был черным. Мистер Смит казался растерянным, а бравые, хорошо вышколенные ребята открыли довольно плотный огонь из своих скорострелок. Разумеется, они никогда не читали научной статьи «Если бы у Александра Невского был пулемет», но понятие о бронежилетах должны были иметь самое полное. Два рыцаря и один кнехт из дюжины скакавших к нам вылетели из седел, и еще две лошади вместе с седоками кувыркнулись через головы с предсмертным ржанием. Никогда не думал, что патроны в обойме могут кончаться с такой необычайной быстротой. Прошло, может быть, четверть минуты, а ребята уже нервно меняли обоймы. Один из кнехтов осадил коня и проворно отцепил от седла арбалет. Короткая железная стрела впилась в грудь одного из подручных мистера Смита, самого расторопного, когда он уже передергивал затвор. Следующего надел на копье проскакавший мимо нас рыцарь, третий кинулся бежать, но его настиг меч. На нас, как на безоружных и не оказывающих никакого сопротивления, сначала не обратили внимания. Между тем, сбитые пулями рыцари ползали метрах в пятидесяти от нас, пытаясь встать. Кроме тех, которые кувыркнулись вместе с лошадьми. Кто они были — воины Белы IV или Лайоша Великого, я не знаю. Кнехт спрыгнул с коня и подошел к мистеру Смиту. Мгновенно на шее того оказалась веревочная петля, а второй конец стянул беспомощные от испуга и неожиданности руки. Вторым в очередь на эту процедуру стоял Илья, до шеи которого кнехту пришлось бы подпрыгивать.

— Отходите! — крикнул Илья и одним ударом вбил голову кнехта в плечи.

В былине это прозвучало бы несколько по иному: ...вбил его во сыру землю да по самые плечи. И хотел его враг копьем проткнуть, то-то метил в грудь богатырскую. Только то копье брал

Илья рукой за остер конец, перехватывал, и на том копье он врага поднял, он поднял его, как пушиночку, он крутил врагом во все стороны, он врагом крутил да на том копье, а других валил, как дубиною...

Отступая, я насчитал семь шагов, прежде чем мы снова вышли в ночное поле. Потом оттуда выбежал разгоряченный Илья с обломком копья в руках.

— А ты говоришь ничего не брать! — крикнул он Михалычу. — Мы им там оставили взамен три автомата и ценного специалиста, который организует им первую секретную службу в Венгрии.

— Сэйв ми!!!... — как будто далекое эхо пронеслось над лугом. Видимо, мистер Смит в панике забыл, как звать на помощь на русском языке. «Хрен тебе», — подумал я, хотя мне почему-то было его немного жаль.

— Опять мы нагадили в прошлом, — начал сокрушаться Михалыч.

— Забудь, — успокоил я его, — в Венгрии много легенд, будет на одну больше. Что-нибудь о колдунах, мечущих гром и молнии, которых победили воины Людовика Венгерского. Мистер Смит язык знает, так что отредактирует. Надо будет даже специально потом поработать с хрониками. Вдруг он нам привет передаст. Да и такая стычка при всей своей фантастичности забудется на фоне поражений от монголо-татар или австрийцев.

— Я смотрю, ты даже наловчился оправдываться перед историей!

— Кто на что учился, — парировал я.

— Правду сказать, я читал множество фактов, когда археологи делают находки, не соответствующие по своему возрасту разрабатываемому культурному слою.

— Я тоже читал, — включился, отдышавшись, Илья, — у старого дорого советского фантаста Алексея Казанцева. Он все до кучи собрал. Череп доисторического буйвола, убитого пулей калибра семь шестьдесят два, модель современного истребителя из золота, найденную в пирамидах майя...

— Которую даже испытывали в аэродинамической трубе, — добавил я.

— Значит, не одни мы тревожим прошлое, — заключил Михалыч. — По крайней мере, еще за одного человека я могу теперь поручиться точно. Надеюсь, мистеру Смиту там понравится. И курить бросит.

— А что это тебе так комплиментарно старая босоркань подмигивала? — вдруг вспомнил я.

— Это наши, колдовские дела, — усмехнулся Михалыч.

— Вы еще не забыли, что в машинах нас ожидают еще трое помощников мистера Смита? — остановил наше веселье Илья.

Ни у кого из нас не было и малейшего желания объясняться с ними и тем более с их вышестоящим начальством. По этому поводу у меня появилась великолепная идея.

— Михалыч, тебе очень будет жалко нашу новую машину? — спросил я.

— Не понял?

— Забавно придумал! — врубился Илья, — мы пропали вместе с мистером Смитом! Пока они прочухаются, мы уже будем по ту сторону границы. Вряд ли они были посвящены во все его премудрые планы.

— Точно уловил, — нахвалил я, — действуем по принципу: я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...

— Не машину жалко, а триста долларов, — демонстративно насупился Михалыч, и мы захохотали. — Справку выбрасывать не буду, еще пригодится. В случае чего — продлим.

— А с этим что делать? — озадачился Илья, разглядывая толстое древко копья в своих руках.

— Оставь для научных экспериментов Пентагону. Утром мы были в Ньердьхази, оттуда автобусы возили челночников в Ужгород, древний русский город, оказавшийся за границей России. Знал бы упрямый Даниил Галицкий, как его уния нам откликнулась.

ЛЕДОХОД

Жить в Сибири и ни разу не увидеть ледоход на Иртыше — все равно что побывать в Париже и не увидеть Эйфелеву башню. Не прав будет тот, кто назовет это зрелищем. Подобное определение при всей его внутрисмысловой размашистости только умалит пробуждение великана. И я уверен, что происходит это не от воздействия тепла и света солнца, а от прорыва какой-то умопомрачительной жизненной силы, скапливающейся под толщей льда в течение зимы. Напряжение ее чувствуется еще задолго до того, как лед даст первую большую трещину, и из мутных глубин вырвется могучий вздох Иртыша. Достаточно выйти на берег, и эту силу можно услышать и даже увидеть: не явно, но в присутствии какого-то утробного инфразвука над рекой, диссонирующего с дискантами многочисленных ручьев, в движении воздушных масс над ледяным панцирем — воздух этот гуще, он напитан влажностью и энергией и поэтому виден.

Вырвавшись на свободу, эта сила несет на своих плечах целые поляны льда, над которыми застывшими парусами стоят ропаки, кружит снежную мелочь, прибивая ее к берегам, отчего кажется, что вдоль берегов движение идет в обратную сторону.

Ученые спорят: Иртыш впадает в Обь или наоборот. Неважно. Но там, где они сливаются, образуется пресное море, сталкиваются две силы, а во время ледохода треск ледяных копий и щитов стоит над полем этого единения и битвы.

Именно наблюдая за ледоходом на Иртыше, я вдруг осознал аналогию между рекой и человеком, между рекой и народом. Подобная, нет, правильнее сказать, родственная природе сила скапливается в душе, сознании отдельного индивидуума и в душе всего народа, чтобы в определенный Богом момент вырваться наружу со всей своей полнотой и неотразимостью. Я далеко не приверженец теории Льва Гумилева о пассионарных толчках и т. п., ибо, следуя этой теории, в России сейчас глубокая осень, за которой последует зима умирания. И все. И больше ничего. Только шевеление под сугробами истории. И если придерживаться данной аллегории, народ наш подобен жухлой, намокшей от серых дождей листве, которую осталось присыпать снегом и далее определять как вечную мерзлоту. Но Иртыш вскрывается и быстрее других рек несет свои обновленные прохладные воды!

Можно ли объяснить всплеском пассионарности образование великой державы? А что тогда с этой точки зрения, революции? Пассионарность с отрицательным зарядом? Адова сила. Нет, история больше похожа на мучительный и болезненный про-

цесс очищения, наказания и покаяния. По инерции нас еще несет эхом революционных потрясений и братоубийственной войны. Репетиция апокалипсиса продолжается. Но над ужасающей картиной духовной разрухи все ярче сверкает Спасительный Крест.

Как и два тысячелетия назад Бог оставляет каждому Высшую свободу выбора между светом и тьмой.

И крест маленькой Никольской церкви над Иртышом — точно маяк на многие километры посреди вечной тайги. И образ Николая Чудотворца над входом напоминает о том, что именно к терпящим бедствие приходил на помощь этот Божий Угодник. И огромная фигура Ильи на крутом берегу, могучее троеперстие которого напоминает купол-луковицу, сейчас сила этой руки посвящена Богу, но еще эта былинная, харизматическая сила может созидать и может сокрушать. И старенькая учительница географии и краеведения Тамара Михайловна, оставшаяся один на один с Богом, но не побоявшаяся после партсобрания длиною в жизнь признать, что жила во тьме. И Глава Администрации, который безуспешно искал и выкраивал деньги на реставрацию этого храма — может, и не по набожности, но по убежденности, что на этом месте одно из начал России. И родственники тех, и сами те, кто разрушал, гнал и сеял сатанинские звезды, и тех, кто был гоним... И все люди, пришедшие на величественный и ритмичный зов благовеста, кто из радости, кто из любопытства, кто по глубокой вере, кто на всякий случай — все они собрались у ожившего храма.

И когда мы привезли первые стройматериалы, наняли рабочих, перенесли часть икон из скита, эти люди стали приходить, предлагать деньги и помощь. И хотя нужды ни в чем не было, мы не отказывались. Потому что необходимо было Начало.

Приходили и провинциальные экуменисты, и местные кришнаиты, и баптисты, и еще невесть какие еретики, и просто невежественные люди — покричать, что лучше бы мы строили жилье и дворцы культуры. Прием по подобным вопросам мы доверили вести Илье, и этим все сказано. Они уходили ни с чем, чтобы злословить на поселковом рынке и в кулуарах общественных организаций, вопить и писать в газеты и всевозможные инстанции об ущемленной демократии, бессовестной свободе совести, или о том, что мы ограбили банк и теперь замаливаем грехи. И хотя каждому из нас есть что замаливать... Да бес с ними, и Бог им судья!

Но сегодня в большинстве своем пришли те, кто помогал делом и словом. А последнее значит ничем не меньше, ибо оно было в начале. И многие, если бы знали слова, поддержали бы «Да веселятся небесная...»

— Алексей Михайлович, так и знала, что здесь Вас найду, — проталкивается сквозь толпу почтальонша. — Вы тут целыми днями пропадаете, а Вам вызов на переговоры!

— От Паисия?! — обрадовался-спросил Михалыч.

Когда мы вернулись, в доме Паисия застали только Машеньку. Она развела руками: что я могла сделать с неугомонным стариком? Два дня в лежку лежал, бредил даже, а на третий — чуть в себя пришел — собрался в лес. Мне, говорит, милая, там легче будет. И к обеду меня не жди и к ужину. Ночью пошла за ним, натерпелась страху. Думала, в скит ушел, а его и там нет и, по всему видно, не было. Три дня потом охотники и милиция искали. Специально санавиация дежурила, а фээсбэшники на своих вертолетах и вездеходах по тайге кружили. Слух прошел, что и границы на всякий случай перекрыли. Понятное дело — золотой старик. Для нас по-своему, для них по-ихнему. Да уж где там! Если захотел старец уйти, значит знал, как это сделать.

Не зря мафусаилов век прожил. Знала бы куда — послала бы вам телеграмму.

Мы даже не пытались организовать свою поисковую группу. Старец не умирать ушел, он вечный. Калика перехожий. И он сам знает, где он сейчас нужнее. Я же говорил — русский Мелхиседек.

— От Паисия?!

— Нет, из Югославии. От Драгоша вашего.

— Наконец-то, — и обрадовался и одновременно расстроился Михалыч, который очень тосковал по Паисию.

— Вложили бы деньги в связь, он бы Вам напрямую звонил, — закинула удочку почтальонша.

— Будет время — будет песня.

— Что там? — спросили мы в голос с Ильей.

— Наверное, подходящее место для храма на Саве нашел, — ответил Михалыч.

— А, может, новый клад? — с видом заговорщика предположил Илья.

— Или и то, и другое, — решил я.

Тюмень —
Филинское —
Горноправдинск

188... — 1996 гг.

ПАРАЛЛЕЛИ
(алюфантастика)

Захар Ильич вышел из ресторана «Сибирские Зори» и был пьян. Он открыл рот, чтобы запеть, но налетел синий ночной ветер, и Захар Ильич подавился, сплюнул и для смачности добавил:

— Тьфу-у!

Ветер охнул, скрутил снежную спиральку и юркнул в переулок.

— Так-то… — удовлетворенно заметил Захар Ильич и сделал неудачный шаг, который завершился падением с крыльца и отборной руганью.

Он поудобнее сел в мягком сугробе и, нахлобучив на глаза шапку, почему-то спросил проходившего мимо мальчика:

— Эй, мальчик, похож я на белого медведя?

— Нет, Вы похожи на пьяного, — ответил мальчик и побежал. Почувствовав истину, Захар Ильич вздохнул и попытался встать. Ноги предательски разъезжались на скользком тротуаре, но он все-таки встал, а его пьяные мысли запели оду вестибулярному аппарату. Ветер выпрыгнул из-за угла и толкнул Захара Ильича в спину, тот качнулся, но устоял, погрозив в пространство кулаком.

Голова болела. Он взял пригоршню снега и приложил ко лбу. Голова болела от собственной пустоты, и Захар Ильич старательно втирал в нее снег. Дамочка в шубе процокала каблучками мимо, но вдруг остановилась и оглянулась.

— Вам плохо?

— Черт его знает, — честно ответил Захар Ильич.

Она пожала плечами и зацокала дальше.

— Сколько времени?! — крикнул он в темноту.

— Черт его знает...

Захар Ильич посмотрел на часы, но они запотели.

— Ночь, — сделал вывод он.

Выбежал из ресторана швейцар и протянул ему папку:

— Вы забыли.

— Будь здоров, — буркнул Захар Ильич и сунул ему замусоленную купюру.

Швейцар убежал, а Захар Ильич сделал еще один неудачный шаг и упал. В глазах окончательно потемнело, и даже не закружились радужные круги, как бывало раньше.

* * *

Йегрес не любил больших праздников, сопровождаемых древними протяжными песнями, потому что не знал меры и пил много, а пел мало. Сначала душа его радовалась и витала над застольями, но падала потом вместе с телом где-то на безжизненных пустырях.

Праздник семи океанов кончился, и пора было идти домой, где Йегреса ждали две сварливые жены и шестеро бритоголовых детей. Сегодня на удивление он не стал агрессивным и не приставал к чужим женам, зато ему хватило сил облобызать щедрых хозяев и вывалиться за дверь.

Несколько шагов по свежему воздуху и четыре луны окрылили Йегреса, и неожиданно он запел, но очень тихо. Робот из сферы порядка проводил его внимательным фотоэлементным взглядом, но до ближайшего поворота Йегрес шел всегда сносно. Проехала молодежь на мухоциклах, дорогу перебежала черная электрическая кошка... Пролетели два махоцуцика, но у него не было денег, чтобы воспользоваться их услугами. Он тихонько пел:

Ты ушла на восьмую планету,
В эту ночь я остался один.
Если ты через час не вернешься,
Я другую, красивше, найду!..

Как обычно, с каждым шагом силы покидали его. Мозг превратился в сладкий, но тяжелый туман и растворился в пустоте. Он свернул в темный переулок и постепенно потерял контроль над своим маршрутом.

Тусклые светари попадались редко, а большей частью были разбиты. Йегрес часто запинался и налетал на выступы стен.

Говорила мне как-то красотка,
Что ее гуманоид любил,
Привозил ей духи и кроссовки
И вишневую шаль привозил.

— А потом родила она что-то... — пел он, но неожиданно уперся в стену, надпись на которой крупными буквами призывала: «Пьянству — бой!». Йегрес отчаянно хохотнул, потрогал ее руками, отошел на несколько шагов. Разбежался, шатаясь, и...

За стеной было больше света, но парил всепроникающий холод, Йегрес должен был упасть, и он упал.

* * *

Известно, что на Древней Руси пили медовуху, а в двадцать седьмом измерении 72-го портвейна последнее время пили только неопортвейн, называемый в простонародье потребин. Но, говоря «пили», в данный момент можно подразумевать именно только прошедшее время, так как там пьет только один человек — Килогокла.

Килогокла был очень популярен в двадцать седьмом измерении. Он работал уличным клоуном и был любимцем публики, к нему все очень привыкли и любили его какой-то платонической любовью. Он имел только одну отрицательную сторону — страсть к потребину, и оставался последним в измерении человеком, который употреблял дурманящий напиток и был абсолютно неизлечим. Общество упорно строило светлое будущее, и ему нужен был хотя бы один пример человека, каким не должен быть строитель светлого будущего. Жилось Килогокле неплохо, по законам общества неопортвейн ему выдавали неограниченно и бесплатно, как и все остальное.

Загрустил он в последнее время, когда почувствовал себя одиноким. Самый веселый пьяница превратился в самого грустного трезвого или полутрезвого. Точнее, полупьяного. Прохожие удивлялись, увидев тоскующего Килогоклу, но никто в двадцать седьмом измерении не знал причин его грусти, да никто и не хотел знать, строителям светлого будущего некогда горевать, горестями же было принято делиться только на пьяную голову, а выслушивать — и того пьянее.

А причина была одна. Как-то занесло Килогоклу в магазин «Древняя книга», где, порывшись в пыльных пожелтевших томах, он вычитал, что давным-давно соображали о выпивке и саму выпивку на троих, получая от этого всяческие удовольствия, различные катаклизмы местного значения и моральное удовлетворение.

Килогокла пил всегда один, ведь в двадцать седьмом измерении соображать было не с кем, он даже стал звать непьющих несообразительными. Да и то верно: они строят светлое будущее, им соображать некогда. А Килогокла потерял покой и ходил по удивленному городу, тяжело вздыхая. Если не соображать, то хотя бы удивляться (пусть и мимоходом) его соотечественники не разучились. Пить с горя он не умел, а радость не приходила. Он долго мучился со своими пасмурными мыслями,

но в результате у него созрел план, который он успешно воплотил, потому что не требовалось большого труда и сноровки, чтобы украсть суперпереместитель с выставки научных сверхдостижений, невоплощенных в серийном производстве. За выставкой никто не следил и никто ее не охранял. Казалось бы, кому нужен суперпереместитель в пространстве, времени и измерениях, если неизвестно куда он может переместить желающего им воспользоваться? Но Килогокла решил: хоть куда, лишь бы нашлись сообразительные люди.

Весь день просидел он на окраине мегаполиса, осматривая небольшой прибор, и не заметил, как сгустился вечер и затвердела ночь. Рядом с ним стояла огромная канистра потребина, из которой он иногда отпивал. Конечно, он понятия не имел о том, как пользоваться этим прибором, и немного боялся. Но доля страха была обратно пропорциональна дозе неопортвейна. В конце концов Килогокла утопил свой страх и бессознательно смело нажал все кнопки, которые только были на замысловатом приборе. Пространство рванулось в сторону, и необыкновенная сила швырнула Килогоклу в мир иной. Последнее, что он успел сделать — схватил обеими руками драгоценную канистру и потерял сознание.

* * *

Захар Ильич спал, но в голове его блуждала и вопила последняя трезвая мысль. «Замерзнешь, идиот!» — издевательски выкрикивала она, отчего в голове гудело. «Кыш! Кыш!» — шептал Захар Ильич, отгоняя наивную. «Ну-ну, спи, завтра не проснешься», — заявила она, уходя в туман. «В первый раз что ли!?» — попытался возразить напоследок Захар Ильич.

Холод выстукивал челюстями Захара Ильича беговые марши и цепко хватил его за нос. Захар Ильич понял, что просыпается. Нижняя челюсть работала как отбойный молоток, остальные части тела практически не функционировали. «Надо встать!» — Захар Ильич вонзил эту трезвую мысль в застывшие мышцы и сел. Позвоночник скрипнул, виски сдавила естественная сила противодействия добрым начинаниям, остекленевшие глаза воссоздали окружающий его омерзительный пейзаж.

— Здр-р-р-р-твуй-ть-те, — произнес Захар Ильич, увидев невесть откуда взявшихся соседей, которые, к тому же, были одеты

по-летнему. В голове его работала снегоуборочная машина, очищая воспаленный мозг от сосулек пьяных видений, но эти двое не исчезали и не подавали признаков жизни. «У-у-у... Как неприятно...» — решил Захар Ильич, осматривая колючий пейзаж. Он подышал на руки и потряс близлежащего.

— Э, ты жив?

Близлежащий сел, чихнул и, качаясь, не открывая глаз, крикнул:

— Анела! Ашама! Как вы мне надоели!

— Чего? — изумился Захар Ильич и подумал: то ли таджик, то ли колдун, заклинания какие-то...

Йегрес, а это был он, неимоверным усилием разомкнул веки.

— Холодно, — сказал он.

— Ты откуда выпал? — спросил Захар Ильич.

— А где я?

— Черт его знает, — по привычке ответил Захар Ильич, — а это кто с тобой?

— Черт его знает...

Захар Ильич потряс второго соседа: тот сразу вскочил и стал умиленно улыбаться.

— О, какой радостный! — позавидовал Йегрес, но третий не обратил на его слова никакого внимания. Улыбка неожиданно сползла с его лица, он руками начал спешно разгребать сугробы и что-то бормотал себе под нос. Наконец он откопал из-под снега емкость, напоминающую двадцатилитровую канистру и снова заулыбался.

— Сообразим?

— Пиво?! — воскликнул Захар Ильич.

— Потребин! — торжественно сообщил третий.

— Краска?

Килогокла засмеялся и постучал пальцем по кадыку. Он вывернул пробку и отпил два больших глотка, улыбка его стала в два раза шире.— Сообразим? — сияя неподдельным счастьем, предложил он.

Йегрес подозрительно понюхал горлышко странной емкости, но все же отпил. Трясущимися от холода и похмелья руками Захар Ильич придвинул к себе канистру и глотнул...

— Нектар!!! — возопил он, чувствуя, что к нему возвращаются силы, а по телу разливается знакомое тепло.

— Что такое нектар? — спросил Йегрес.— Средство от острого неопохмелита! — хохотнул Захар Ильич. Йегрес задрал голову, чтобы было удобнее чесать затылок, но вдруг застыл в недоумении и дико закричал:

— А-а-а-а!!!

— Отравился? — Захар Ильич потрогал свое брюшко.

— Где еще три луны?! — простонал Йегрес.

— Все. Готов. Сливай воду. — Захар Ильич опасливо отодвинулся. Килогокла смотрел на Йегреса непонимающим взглядом. В этом случае его мозг соображать отказывался. Какая разница сколько лун на небе, если есть с кем и есть что? Йегрес опустил взор и с надеждой стал осматривать окрестности. Он искал стену, которой уже не было.

— Где я? — опять спросил он.

— Разве это важно? — удивился Килогокла. — Выпей еще. Зеленоглазое такси остановилось, улыбающийся водитель высунул голову в окно:

— Куда едем, мужики?

В этот момент Захара Ильича посетила еще одна уже не очень трезвая, но вполне оригинальная мысль.

— На Коммунальную, — ответил он таксисту.

— Садись.

— Поехали, — неуверенно пригласил Захар Ильич новых знакомых и вожделенно посмотрел на канистру с потребином.

— Отвезите меня домой, — слюняво попросил Йегрес.

— Поехали, поехали! — обрадовался Килогокла, которому было абсолютно наплевать куда ехать, лишь бы не расставаться с этими так славно соображающими людьми.

Вдвоем с Захаром Ильичом они подняли Йегреса и посадили его на заднее сидение машины. Килогокла сбегал за канистрой, мотор пару раз рыкнул, и такси тронулось.

Килогокла старательно отпаивал Йегреса, который уже смирился с происходящим и только часто вздыхал.

— Сколько у тебя жен? — спросил он Захара Ильича и, прежде чем тот успел ответить, добавил. — Они сильно будут орать?

Захар Ильич понял этот вопрос по-своему и ответил так:

— Было две, одна за другой ушли. Трезвенницы!

— Это хорошо, — вздохнул Йегрес.

Захар Ильич довольный кивнул.

— Выздоравливает, — подумал он, — а то начнет чертей гонять у меня дома.

— Ты дай ему еще, — сказал он вслух Килогокле.

Йегрес окончательно успокоился и стал улыбаться не хуже Килогоклы. Отпив еще немного, повеселел и Захар Ильич. Был сильный гололед, и таксисту было не до них.

Через несколько минут они сидели на захламленной кухоньке Захара Ильича. Центр стола венчала канистра Килогоклы, вокруг — три граненых стакана, соленые огурцы и консервы. Захар Ильич разлил потребин по стаканам и, вознеся свой на определенную высоту, произнес ходовой тост:

— Не привычки для, а дабы не отвыкнуть!

Стаканы мгновенно опустели, и Килогокла наполнил их снова.

— Нектра! Тьфу, пардон, нектар! — восхищался Захар Ильич, ковыряя вилкой в консервированной сайре. — Где ты его раздобыл?

— У нас... Дают...

— Где это?

— Черт его знает.

— Ну все равно хорошо. Давайте вздрогнем. Йегрес вздрогнул, опрокинул стакан и заплакал.

— Н-ну-уу, опять начал, — хлопнул себя по коленям Захар Ильич. — Где ты этого стонотика подцепил? — спросил он у Килогоклы.

— Черт его знает.

— Не реви! — гаркнул, вновь окончательно захмелев, Захар Ильич, которого посетила странная и подозрительная мысль, но ей не за что было ухватиться в пустой голове, и она улетучилась. Йегрес перестал реветь и запел. Запел и Захар Ильич свою любимую «Степь да степь кругом...». Запел и Килогокла. Над кухонькой Захара Ильича воспарила пьяная грусть, а в стаканах вместе с неопортвейном плавала вязкая тоска. Но Килогокла не умел и не хотел долго грустить, ему вдруг расхотелось петь, он стал рыться в своих многочисленных карманах и доставать оттуда удивительные, с точки зрения посетителей ресторана «Сибирские Зори», предметы.

— Во! — объявил он, достав из кармана какое-то подобие транзистора, которым являлся суперпереместитель. — Суперпереместитель!

— Супер...пер... Радиоприемник что ли? — спросил Захар Ильич. Оживился и Йегрес и жадным взглядом впился в прибор.

— Я сюда благодаря этой штуке добрался, — объяснил Килогокла. Захар Ильич недоуменно смотрел на своих собратьев, и трезвая мысль посетила его снова. — Э-э-э, мужики, вы че, оттэда?! — он многозначительно ткнул мизинцем в потолок.

— А ты сам-то кто? — в том же духе спросил Йегрес.

— Я?.. — Но Захар Ильич не успел ответить, его перебил Килогокла.

— Черт его знает! — захохотал он.

Захар Ильич осознал в своей душе разливающуюся злобу и набычился. Для начала он перевернул стол.

— Суслики нейрохирургические!.. — Это последнее слово он где-то слышал. — Я завгар! Ерш вашу медь! Бей инопланетян, козлов зау-у-у-мных! Я вам покажу, интеллигенция межзвездная!

Йегрес успел выскочить из кухни и запереться в туалете, где стал усиленно спускать воду. Килогокла метался по кухне, уворачиваясь от увесистых кулаков, но по-прежнему хохотал.

— Я Пушкина читал! Пугачеву слушал! — орал Захар Ильич. Килогокла перестал смеяться, когда старательному в подобных делах Захару Ильичу удалось его зацепить. Он вылетел из кухни и тихо лег на коврике в прихожей. Захар Ильич, удовлетворенный ударом, стал колотить в дверь туалета.

— Открывай, Горбачев, твою мать!

— Занято! За-ня-то! — вопил с той стороны перепуганный Йегрес, пуская воду.

— Захлебнешься, чучело инопланетное! — зверел Захар Ильич.

На кухне, под газовой плитой, валялся забытый супер-переместитель.

* * *

Сержант милиции Федор Парамонов изучал криминалистику и боевое самбо. Он знал много приемов и умел выворачивать руки особо и неособо опасным преступникам. Федор Парамонов ничего не боялся, кроме разжалования, и когда он услышал шум дебоша в доме № 7 по улице Коммунальной, он передал по рации:

— Машину на Коммунальную, номер семь! Иду на задержание! И ворвался в подъезд.

У двери Захара Ильича он остановился и позвонил несколько раз, чтобы перекрыть доносившийся из квартиры шум.

— Ага! — неистовствовал Захар Ильич. — Это еще один ваш прибыл?! Ща-ас я ему позвоночник в трусы высыплю! Он резко распахнул дверь, но, увидев милиционера, застыл по стойке «смирно».

— Руки вверх! — скомандовал Федор Парамонов.

— Занято! — крикнул из туалета Йегрес.

— Всем оставаться на своих местах, руки на голову! — входил в роль сержант.

Из туалета прозвучал шум спускаемой воды и горький вздох Йегреса. В этот момент Захар Ильич пришел в себя.

— А в чем, собственно говоря, дело? Я у себя дома! — возмутился он и протянул руку, чтобы вытолкать незваного гостя.

Но сержант Парамонов знал, что делать в таких случаях. Он схватил Захара Ильича за указательный палец и провел аккуратный бросок через левое ухо с последующим заломом руки противника.

— .....!!!!!!!!!! — сказал Захар Ильич, уткнувшись в коврик рядом с Килогоклой, который в это время открыл глаз, чтобы ознакомиться с происходящим.

Федор Парамонов достал из кармана шинели наручники и ловко застегнул их за спиной Захара Ильича, затем то же самое он проделал с Килогоклой. Потом подкрался к двери туалета и крикнул:

— Выходи! Ты окружен!

— Занято, — прозвучало в ответ.

— Кия! — сказал сержант Парамонов и проломил дверь головой, после чего Йегрес уже не оказывал водоспускательного сопротивления и лег рядом с двумя собутыльниками.

— Так! — подытожил Федор Парамонов, глядя на параллельно лежащих. — Почикали вашу малину! — Он сплюнул на плинтус. — Вы имеете право... Во всем признаться! Это облегчит вашу незавидную участь.

— Мне не в чем признаваться! — угрюмо ответил Захар Ильич, нюхая коврик и собираясь в подтверждение сказанного чихнуть.

— Что такое малина? — спросил Килогокла.

— Незавидна наша участь, ужасна наша судьба, — простонал Йегрес. Сержант пошел на кухню, обнаружил там перевернутый стол и не разлившуюся до конца канистру.

— Семь раз понюхай — один глотни, — обследовал он содержимое. Он взял суперпереместитель, который валялся под газовой плитой, повертел его в руках. — Маде ин?.. Музычку слушаете? Ну-ну... — и нажал на одну из многочисленных кнопок.

Никто не удивился, когда Федор Парамонов сказал «ой» и исчез, хотя Захару Ильичу показалось, что он слышал отдаленное «Кия!», но он в этом не уверен.

— Где он теперь? — спросил Захар Ильич, который был привязан к койке № 6 Областной наркологической больницы.

— Черт его знает, — честно ответил Килогокла, привязанный к койке № 7.

На койке № 8 тихо плакал Йегрес.

1987

ЕСЛИ НЕТ СЮЖЕТА

Теперь уже не важно, кто сидел на подоконнике нынешнего света — Сентябрь или Март, — подбоченясь уходящими розоволесковыми солнечными лучами. Погода-то была отменная. То жару отменят, то холод. Таким образом, создавалось впечатление борьбы двух неких сил а, может, правильнее сказать, стихий. Своеобразная потасовка, за которой приятнее всего наблюдать из окна, чувствуя умеренное тепло и сухость. Откусывая домашний пирожок, ощущаешь возвышенную уверенность в прочности сегодняшнего мира.

Голова чешется от всяких мыслей, но ненужных. Так и сидим на подоконнике с Сентябрем или Мартом, ожидая то ли Музу, то ли Пегаса, то ли еще кого-то, но погода, как видно, нелетная.

— Ни фига у тебя не выйдет, дружок, — тикают часы. — Засунь хоть по локоть руку себе в рот, но даже из мизинца ничего не высосешь. Медведь, он, прежде чем лапу сосать, наедается на несколько месяцев вперед. «Пережить чего-нибудь надо», — переживаю я, поглядывая на калоши, в которых дедушка во всякую непогоду осуществлял трудовые подвиги. За окном сентябрит март, или мартует сентябрь, спрыгнув с подоконника... Утомленный, как читатель от несносного чтива, я одеваюсь, чтобы не написать вторично «Воспаление мозгов» Булгакова. Это в такую-то пасмурь!

Почему ты, мама, не родила меня на Гавайях? Сибирская ойкумена пустует, впитывая своей сущностью надоедливый морозильник. Лиц нет, поэтому читаю всяческие вывески и рекламы, наматывая на подошвы грязные лица улиц. Фон подходящий. И на этом фоне вдруг появляется свежая вывеска: «АОЗТ ЕКЛМН «СЮЖЕТ». Ниже пояснение: «Продаются разнообразные сюжеты с испытанием на собственной коже». «Старо», — вздыхаю я, но мыслю проникнуть во внутреннее содержание.

Захожу. В просторном зале за столом сидит квадратно-лысый человек. Размягчает лицо, улыбаясь.

— Здравствуйте, — говорю. — Мне бы сюжетик... Подешевле... Погода, давление, кризис, — оправдываюсь.

— Присаживайтесь. — Это он мне таким тоном, будто я директор банка, а не усталый, немного голодный писатель. — Направление? Стиль? Тема? Под руками у него толстые книги. Вероятно, каталоги и прейскуранты.

— И все это можно испытать на себе? — спросил я подозрительно и внутренне улыбнулся.

— Безусловно, — улыбнулся он еще шире. – Итак, тема?

— Эм-м... — задумался я, затрудняясь от такой настойчивой неожиданности.

Мозг мой, подобно кальмару, лениво шевелил извилинами-щупальцами, ничего не нащупывая, что могло бы стать достойным ответом этому явному насмехательству-надувательству над литераторами-неудачниками и графоманами областного масштаба. И все же я вспомнил «веселое» слово из «преданий старины» неглубокой:

— Производственная!

— Скучно. Не модно. Не устарела? — сощурился он доброжелательно.

— Это смотря как подать! Можно авангард, сюрреализм!..

— М-да, — заключил он и задумался. — Поэма? Рассказ? Драма? Роман?

— Роман! В двух томах! — Играть так по крупному. — Обязательно с назидательным эпилогом.

— Гм, — неопределенно выразился он. — Есть подходящий, я думаю, для Вас сюжетец. Циклическое производство. Тяготы однообразного труда. Никакого маркетинга и менеджмента! Могу предоставить краткое содержание.

— Не стоит, — торопливо отказался я. — Предпочитаю неожиданности. Надеюсь, Вы высоко держите марку Вашего предприятия и не занимаетесь даже самым утонченным плагиатом...— Нет-нет! — поторопился заверить он. — Хотя Борхес и утверждает, что историй всего четыре, — в голосе его прозвучала нотка сомнения. — Но мы гарантируем!

— Борхес умел сокращать чужие романы до своих удивительных рассказов, — поддержал его я, чтобы не обидеть, — но давайте поближе к делу. Мне не терпится испытать... На собственной коже.

— С вас семьдесят пять рублей, — с каким-то сожалением сказал продавец.

— Так немного?

— Последнее время эти сюжеты не пользуются спросом. Социальность, сексуальность и криминальность — вот три кита, на которых зиждется создание бестселлеров.

— Все зависит от подачи, — тоном гения заявил я, выгребая из кармана последнюю мелочь.

Он пожал плечами, взял деньги и протянул мне какую-то квитанцию, в которой было указано, что я аккуратно рассчитался за производственный сюжет. «Если здесь и надувают, то не так дорого», — подумал я, ожидая сюжет, завернутый, запакованный в коробку на манер кирпича на дороге или, в лучшем случае, билет на дрянной фильм в ближайшем кинотеатре. Продавец позвонил в колокольчик, контрастировавший на его столе с современным офисным оборудованием, и из глубины коридора появился человек, напоминающий швейцара-вышибалу. Я невольно представил доставку своего тщедушного тела на улицу с помощью этого верзилы.

— Проводите уважаемого товарища-господина покупателя в павильон 206В, — сказал ему продавец.

Вышибательный швейцар кивнул, как английский официант, и вежливо указал мне на коридор, из которого недавно появился сам. «Катапультируют через черный ход. Меньше хлопот», — уверенно решил я и смело расправил узкие плечи.

Коридор, похоже, нигде не кончался, и я беспомощно старался постичь тайну этой удивительной иллюзии. Мы уже шли добрых десять минут мимо ряда дверей по обеим сторонам, на которых были прибиты таблички с цифрами и буквами. Из-за дверей доносились различные звуки. Версия «черного хода и катапультирования» с каждым шагом развеивалась. Теперь я был склонен думать, что здесь располагается подпольная киностудия, а судя по вздохам, раздававшимся из-за некоторых дверей, и дом терпимости.

Неожиданно сопровождающий тронул меня за плечо. «Здесь», — сказал он. «206В» — гласила табличка, и дверь передо мной услужливо распахнулась. Я оглянулся, когда она уже захлопнулась за моей спиной, закрыв проем, словно его никогда и не было.

Я оказался в длинном зале, похожем на цех. Под угрюмыми сводами тускло и вечно лимонились грязные лампочки. Через весь зал тянулись два параллельных конвейера, которые работали в противоположные друг другу стороны. Упирались они в пасмурные проемы, где различались доски товарных вагонов, их раскрытое чрево. И в ту и в другую сторону по конвейерам скользили большие металлические детали и механизмы неизвестного назначения.

— Новенький? — Ко мне радостно подошел человек в черной засаленной спецовке.

— Вроде да, — я приветливо улыбнулся, продолжая начатую игру и ожидая подвоха.

— Отлично! — хлопнул он меня по плечу. — Я бригадир на этом участке. Здесь осуществляется важнейшая операция обмена с нашим поставщиком.

— Для этого здесь такие длинные конвейеры? — ухмыльнулся я.

— Да. По их ходу нужно успеть определить бракованные детали, хотя бы со стороны поставщика. Пойдем. Я покажу тебе твое рабочее место.

Мы прошли вдоль конвейеров к сереющему проему. Там суетились три человека, успевая загружать в вагон детали с одного конвейера и выгружать из того же вагона на другой. Я заметил, что детали были одинаковы.

— Вот, встанешь между ними, а то они запурхаются к концу смены, — сказал бригадир.

Я кивнул и приступил к работе, ощутив неожиданную тяжесть деталей в своих непривычных к работе грузчика руках. Работа оживилась, но напарники мои странно улыбались, когда я стремительно суетился между ними.

Через час я почувствовал неимоверную усталость. При всем моем старании второе дыхание не открывалось, пелена с глаз не исчезала, и я решил, что на сегодня с меня хватит.

— Амба, — сказал я вслух, — наиспытывался. Продолжайте без меня. На очерк хватит. И собрался уходить.

Напарники посмотрели на меня презрительно, недоумевая.

— Ты что, теллигент, хочешь нас премии лишить, халявщик?! — рассерчал самый старший.

— Это же сизифов труд! — попытался возразить я.

— А я тебе сопли на гаечный ключ намотаю, чтоб не умничал. Морду на кулак одену, — агрессивничал старший, закатывая рукава.

Взвесив создающуюся напряженную обстановку, я принял ультиматум к сведению.

— Хорошо. Я продолжу, но только из уважения к вам. И лихо, как мне показалось, подхватил очередную деталь, но мужичок еще долго смотрел на меня искоса и матюгался себе под нос.

Потом перестало существовать время, а следом — все окружающее пространство. Болванки стали сутью всего, краеугольным камнем моего существования. Писать мне больше вообще не хотелось, я зарекся, а мозг превратился в кристальной чистоты желе, голова — продолжение шеи.

Под вечер, едва перемещая свое и в то же время не свое тело в пространстве, я пошатнулся к бригадиру и прошептал:

— Мне так жить не интересно. Отправляйте меня домой, впечатлений уже больше, чем достаточно.

— Не могу, — твердо сказал он, — ты два тома заказывал. Привыкай, стерпится. Получишь зарплату — сходишь в кино, портвейн купишь — развеешься. Все вы писатели — тунеядцы. А у нас, начиная с прошлого года, сам директор первую деталь на конвейер кладет, присоединяясь к труду простых тружеников и из большого чувства демократии.

Но мне не стало легче от его ободрения, и я начал терять сознание, гаснущим взором ухватывая бригадира, стоявшего надо мной, как памятник, с открытым и справедливым лицом. Сквозь липкую потную темноту я слышал чьи-то голоса. «Может, ему эротики в сюжет добавить, а с получки расплатится?» «Не сдюжит, совсем умрет... Лучше с него за бездетность брать...»

Очнулся. Передо мной по-прежнему бригадир. Нет, не бригадир. Это плакатный человек, только похож на бригадира. Чем-то. Отдаленно. И комбинезон у него стерильный, и лицо умытое и счастливое, какое в природе еще поискать надо. Итак, передо мной плакат, на котором счастливый рабочий кощунствует: «Товарищ! После рабочей смены — в библиотеку!» И перстом указует — куда это.

— Что ж ты, милый, скурвился. Непривыкший, — слышу я над своим ухом и скриплю головой на несколько градусов.

Рядом — красивая женщина с могучей фигурой и мощными руками. Я не любитель крупных форм, но эта — словно только что из-под пера Рубенса. Он в таких толк знал. «Эротика», — вспоминаю я.

— Вот что, дружок, — приговаривает она, — в общагу тебе нельзя. Напоят — завтра совсем не встанешь. Пойдем-ка ко мне, я раскладушку на кухне поставлю...

Ответить я пока не могу, но взглядом ей выражаю всяческую благодарность. Был бы у меня хвост — повилял.

На улице происходит самое странное и страшное: это другой город, что подсознательно я уже подозревал. От этого я окончательно ослабел и повис на большой и мягкой руке моей неожиданной нянечки.

Через некоторое время мы ввалились в небольшую квартиру, стены которой были обклеены дурацкими вырезками из дурацких журналов. Но, тем не менее, от всего этого пахло каким-то

особенным уютом и индивидуальностью, хотя бы в подборе вырезок. В туалете — актеры и политические деятели, в комнате — просто мужчины...

Отведав жирного супа приветливой хозяйки как живительного бальзама, да под рюмочку спирта, я немного ожил и самостоятельно сел в кресло, ощущая наитупейшее выражение своего лица. Она же вдруг начала раздеваться. Мне хочется предупредить ее, хочется тактично, но слова подбирать уже некогда.

— Благодетельница, — сказал я, — богиня, — вспомнил еще одно слово, — сегодня ээ-э... Мне кажется... Я не смогу...

— Дурак, — усмехнулась она — я что, все время в робе должна ходить? — и продолжает раздеваться, обнажая запретное и крупное, явно не соответствующее спросу такого потребителя, как я, но очень все же приятное, мягкое и теплое. — Какого от тебя родить-то можно? Ханурика? Чтоб я с ним всю жизнь по больницам мыкалась? — Она улыбалась, одевая халат. — Пойду раскладушку поставлю.

Но в этот бытовой момент происходит стук в дверь. Бум-м. Бум-м. Бу-бу-бум-м!!! Она смотрит в глазок и ужасается. (А я начинаю писать эти строки как в киносценарии, в окаменевшем настоящем времени).

— Господи! Это Вася!

— Какой Вася? — спрашиваю я, понимая.

— Кобель, — выдыхает она.

— Открывай, раднай-ия-я! — раздается из-за двери трубный голос Васи.

Я подхожу к глазку, чтобы осмотреть неожиданного соперника. Сразу же оцениваю преимущества Васи — пьяный бизон. Последнее время, судя по запаху сквознячка, пьет исключительно «Русский лес» и дезодорант «Бриз».

— А кого можно родить от него? — спрашиваю я у богини, придавая словам сочувственный упрек, но слишком громко.

Услышав слово «родить», Вася буйно навалился на дверь, обещая на весь подъезд кого-то кастрировать. Дверь заскрипела и, конечно, выпала в прихожую.

За отсутствием таланта тореадора я начал медленно отступать в комнату. От природы Вася был немногословен и рационален, он спровадил меня по кратчайшему пути — через окно. Я падал...

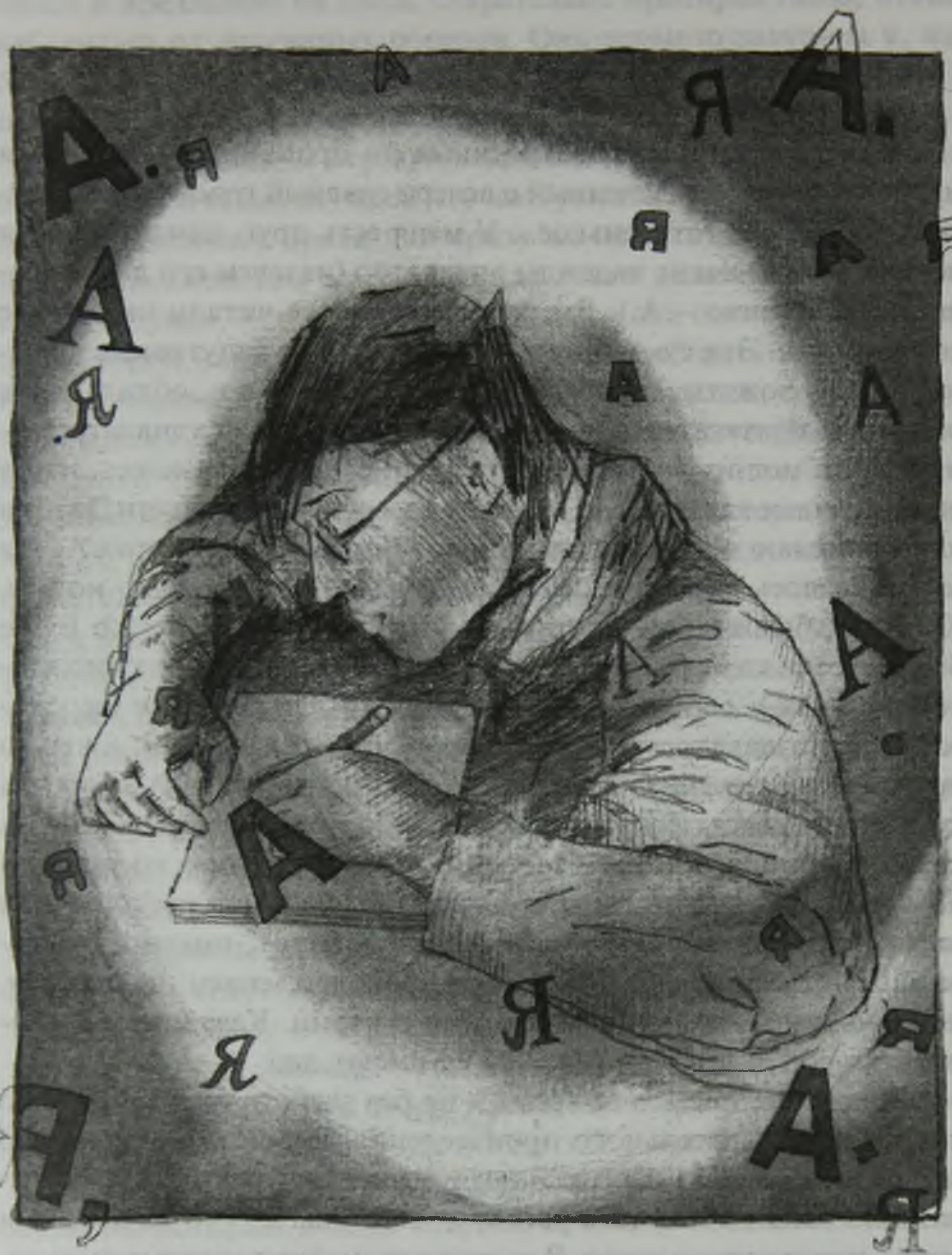
Хорошо, что я живу на первом этаже, и на газоне еще растет кое-какая травка. Я не сильно ушибся, зато окончательно про-

снулся. И полез обратно на подоконник, вспоминая бабушкины слова: «Если человек падает во сне — он растет в жизни». Я, выходит, упал в квадрате.

Устроившись поудобнее на подоконнике, я с новой силой взглянул на мир. В этот вечный мартосентябрь. Вот идет мимо моего окна квадратно-лысый человек, он мне кажется близким и знакомым. Хочется поблагодарить его за что-то. Может быть, за погоду? Он тоже мне улыбается и, подмигнув, говорит:

— Не забывайте. Вам завтра в первую смену!

1988/1996



ОТ Я ДО А

В русских сказках, построенных по принципу «утро вечера мудренее», сверхозадаченный с вечера главный герой просыпается утром на все готовенькое... У меня есть друг, начинающий и подающий кое-какие надежды литератор (назовем его для условности лаконично – А.). Вы, возможно, даже читали некоторые его рассказы. Эти сумасбродные, чрезвычайно запутанные и неожиданные сюжеты, фантастические головоломки, обладающие огромной притягательной силой. Я не переставал удивляться — откуда он мог их черпать?.. И хотя иногда мне казалось, что я вижу мрачные картины По, чувствую всеобъемлющие сети Джойса или проникаю в замысловатые игры Борхеса, творчество А. все же оставалось при этом оригинальным и действительно новым. Конечно, были в его текстах изъяны и недочеты (у кого их не бывает, если каждый смотрит со своей колокольни?), словно кто-то вписывал в отполированную гладь смысла корявые шероховатости. Создавалось впечатление, что это делал не А., а кто-то другой, желая специально подпортить произведение А., бросить туда ложку дегтя. Искушенный читатель морщился от подобных казусов, поминал крепким словцом молодого автора, но увлеченно продолжал читать дальше. Сюжет обладал магической силой засасывать чужое внимание в свой водоворот, именно засасывать с соответствующим звуковым сопровождением: цоканьями, чмоканьями, восторженными охами и ахами. Казалось, водовороты, воронки его воображения не имеют дна.

Не скрою, последнее время я не без зависти ожидал от него какого-либо эпохального произведения, новой мощнословной прозы, совершенно неожиданного витиеватого сюжета. Но, выражаясь банально, судьба распорядилась иначе. Его жена нашла меня в парке неделю назад. Я сидел на скамейке под тремя пыльноголовыми кленами, где обычно привожу в порядок свое внутреннее состояние, по-детски мечтаю или, ни о чем не думая, растворяюсь в стремящейся мимо меня повседневной обыденности. Итак, припарковав свое тело в одинокий уголок, сам я начинаю отсутствовать, переходя в некое эйфорическое состояние. Именно в такой момент ко мне подошла жена А. и, вероятно, долго звала

меня. Я же всегда медленно прихожу (возвращаюсь) в себя и спохватываюсь, озлобленный на человеческую навязчивость. Я извинился и предложил ей сесть, старательно протирая глаза, чтобы избавиться от навеянных образов. Она неумело закурила и, набрав полные щеки дыма, на выдохе сообщила, что А. находится в психиатрической больнице за городом.

Я на это никак не отреагировал, потому что не знал, что принято делать в таких случаях, что изображать на своем лице: удивленно вскидывать брови или сразу же начинать соболезновать. «Все мы можем там оказаться, для этого даже не обязательно сходить с ума», — почему-то подумал я, а она поспешила (кстати с некоторой наигранной трагичностью) сообщить мне свои доводы и подозрения по этому поводу. Оказывается, с самых первых успехов А. она стала замечать за ним неладное. Дословно: он как будто что-то скрывал, и взгляд у него стал потусторонний. Я успокоил ее, сообщив, что это, пожалуй, характерно для творческого процесса, особенно для такого нетрадиционного, представителем которого является ее муж. «Являлся, — поправила она и протянула мне толстую папку. — Это две неоконченные рукописи. Я нашла их на столе утром, после того как его увезли. Видимо, последние...». И ушла, не попрощавшись. По-моему, она тоже была немного не в себе. Хотя что значит быть в себе?..

Сверив себя с природно-географическими условиями, я решил, что могу провести еще некоторое время в парке за чтением рукописей А., не опасаясь дождя или холода.

Первая рукопись (что-то между большим рассказом и маленькой повестью) называлась «Краткое жизнеописание Кузьмы Пруткова», повествование о деревенском дурачке, который возомнил себя сразу несколькими литературными гениями, расщепил свое «я» на несколько частей и жил несколькими жизнями, успевая, однако, жить и своей. Читая, я порой терялся — где здесь сумасшедший Кузьма, а где именитый писатель. Потом вдруг оказывалось, что это не Кузьма, а некий гений возомнил себя Кузьмой, который, в свою очередь, возомнил себя многими гениями... А все эти гении, жившие в разные времена и эпохи, тоже в чем-то были Кузьмой, который в свое время оказался в сумасшедшем доме в одной палате вместе с тем именитым писателем, который возомнил себя Кузьмой, или которого возомнил себе Кузьма, как соседа по палате... И т. д. Бред этот не имел конца, и я сомневаюсь, мог ли он иметь какой-либо эпилог. Интересно, кем возомнил себя А.? Кого подкузьмил?

Второе произведение А. не имело названия и начиналось так: «В русских сказках, построенных по принципу «утро вечера мудренее», сверхозадаченный с вечера главный герой просыпается утром на все готовенькое...». Далее следовал большой пробел, словно написанная выше фраза ни к чему не относилась, а являлась самостоятельной литературной единицей.

«Начну с того, — писал ниже А., — что с тех пор, как я научился складывать из буковок слова, а затем из слов — предложения, я почувствовал, что мозг мой перестает мне принадлежать и повиноваться, точно я сам поселил в него каких-то маленьких мыслителей, которые думают за меня. Естественно, создание того или иного произведения требует максимального погружения автора в его сферу, полного отграничения от бытующей вокруг действительности, и поэтому я не удивлялся, когда, целиком отдаваясь любимой работе, я вдруг переставал чувствовать себя самим собой. Более того, с каждым разом мне все труднее было возвращаться в свою обыденную жизнь, и в какой-то из наполненных туманом размышлений дней я вдруг потерял грань между реальностью и своим собственным вымыслом. Я не мог ощутить себя самим собой и не мог окончательно утвердить себя кем-то другим, оставаясь, как эквилибрист, на натянутом канате этой грани. Подо мной была пропасть бессознательного, и на дне этой пропасти — тихое помешательство. Но именно в этот период у меня получались самые удачные вещи. Казалось, я приоткрыл для себя какую-то удивительную тайну творения... Именно для себя и именно свой способ (может быть, в этом я и не нов, и каждый ощущает что-то подобное, но я открыл это, повторяю, для себя).

Если говорить о самом творческом процессе, процессе создания... Созидания?.. Когда я находился в большем уклоне на действительную реальность, т. е. несколько приходил в себя, соскальзывая с грани в обыденность, я ставил себе сверхзадачу — создать что-либо и начинал обдумывать сопутствующий материал и пути достижения. Я садился за бумагу и выводил первые пробные строки, но неминуемо останавливался, как слепой у неожиданного препятствия. И как бы я ни старался сдвинуть эту гору, она не поддавалась либо двигалась не в ту сторону... Оставалось только ждать, погружаясь в самого себя от злости и тоскливой безысходности. Когда суетливая злость отступала, я впадал в некий медитативный транс (представляю, что в такие моменты думали обо мне окружающие). Таким образом, я вновь переходил грань,

но уже в другую сторону, и главное было не свалиться в распахнутый подо мной зев пропасти безумия. Наверное, в эти мгновения я начинал слышать нужный мотив и предавался безвольно воле его течения...

...Утром я просыпался, точно отягощенный похмельем. Я не мог вспомнить ни числа, ни дня недели, порой даже месяца и года. Хуже того — я порой забывал собственное имя и не узнавал своих близких, но готовая работа лежала на моем столе. Она не вызывала у меня никаких эмоций. Лежит себе и пусть лежит. Но когда я садился править ее на «трезвую» голову, то только наносил лишние грани, врубаясь в готовое и гладкое.

Я никогда не помнил, как и в какое время я оказался вновь за работой. Кто из моих многочисленных «я» доделывал за меня начатое? Я ли это был? От подобных размышлений я еще глубже погружался в созданную своим воображением нирвану, а при пробуждении снова «снимал пенки»...

И даже теперь, когда я пишу эти строки, я не могу с твердостью заявить, что нахожусь в здравом уме и что рассудок мой в данный момент принадлежит мне одному и управляется только мною. Но, наверное, я говорю именно то, что и хотел когда-нибудь сказать, чтобы разрешиться от пересиливающего бремени многомерности своего существования, но осознаю, что только подписываю себе окончательный приговор. И, отделяя желаемое от действительного, я давно уже не могу определить, которое из них которое, и какое мне в конце концов необходимо, чтобы обрести желанный покой...» И т. д.

Прошло несколько месяцев, когда я (уже не помню от кого) узнал, что А. обрел наконец-то «желанный» покой. Но, что удивительно, умер он не в сумасшедшем доме, а в номере гостиницы, где жил последнее время, создавая себе одиночество. Все это было крайне нелепо и объяснялось, как и полагается в таких случаях, разными лицами по-разному, отчего я не хотел вдаваться в подробности поступающей, подчас противоречивой информации и не позволял себе отвлекаться от новой работы, которая занимала все мои мысли и время, а также требовала максимального напряжения сил духовных.

Одолеваемый многочисленными друзьями и знакомыми, которые часто путали меня с А. и торопились убедиться, что я в добром здравии и в своем уме, я, следуя примеру А., «уехал» на два квартала от своего дома в небольшую гостиницу. Но работа

вдруг встала, какая-то сила вытолкнула меня из создаваемого мной мира, и я, как писал когда-то А., «отрезвел» окончательно и никак не мог снова оторваться от пресловутой действительности.

В один из бесцельно проживаемых дней я вдруг почувствовал какую-то совестливую необходимость посетить могилу А. Так я оказался за городом на старом кладбище, где долго бродил под моросящим дождем, отыскивая нужную могилу.

Холмик был на окраине, где кладбище незаметно переходило в лес и в его серую сырую глубину рыжим ручьем убегает тропинка. Надгробие — металлическая времянка с маленькой овальной фотографией и тусклой неполированной табличкой, где я читаю собственное имя и дату своего рождения...

1989

ОГНЕННЫЙ ТРАКТОРИСТ

Утром Ленька понуро бредет на работу, едва кивает здоровающимся соседям, с надеждой смотрит на мужиков — дадут опохмелиться? Если только появляется намек на выпивку, дожмет любого:

— Выручай, брат, трубы горят, сердце ноет.., — и т. д. и т. п. За это пристрастие и прозвали его огненным трактористом. Увольнял его директор по тридцать третьей три раза и снова брал на работу. Куда без Леньки? Кто за такую зарплату, а то и вообще без нее в поле выйдет? А Ленька не гордый — сто грамм и вперед! Нет работы в бывшем совхозе «Рассвет» (ныне ТОО «Фермер»), пойдет по хозяевам. Кому огород вспахать, кому взрыхлить, кому песок привезти. Для Леньки нет разницы — колесный или гусеничный, на любом ас. Да их всего два на ходу осталось: «Беларусь» и ДТ-64.

К обеду Ленька в средней дозе. Кипит в нем удаль, задор играет. Пронесется по улице Коллонтай, кур распугает. Тормознет возле какого-нибудь двора и кричит:

— Наливай, Коллонтай! Что нужно сделать, хозяева?!

В социалистические времена Леньку за эту Коллонтай не раз прорабатывали. Мол, главная улица названа в честь героической женщины-революционерки, первой женщины-посла и проч. Ленька реагировал однозначно:

— Баба — революционер?! Ну и дура, и фамилия у нее дурацкая.

Пугать Леньку общественными взысканиями бесполезно, махнули рукой, нехай коллонтаит, лишь бы работал. И то, правду сказать, у Александры Михайловны у самой не все в порядке с нравственностью было, да и с головой, пожалуй, тоже. А Ленька как-никак современный герой, в Афганистане воевал.

Если с утра у Леньки лицо помятое, в красных пятнах, то к обеду он красавец. Изуродованы с войны у него только руки: некоторые пальцы до конца не разгибаются, кожа до локтей где гармошкой, а где как полиэтилен на теплице натянута. Когда горел Ленька в своей шестьдесят двойке, он лицо руками закрывал. Волосы не сгорели — шлемофон спас. А вот душевную рану лечит традиционно — водкой. Все мужики не прочь поддать, но только один Ленька к вечеру возвращается домой на автопилоте и падает без ужина на диван, не умыв лица и рук, чтобы утром просыпаться в надежде на случайную опохмелку. И каждое утро для Леньки хмурое. До первой рюмки.

Никогда Ленька не кичился своим орденом. Увольняли — молчал, квартиру не давали — молчал, вывел Горбачев войска из Афгана — молчал.

Жена и мать возили Леньку в город: лечили, кодировали, вшивали. Пока был совхоз, сам директор ему клиники и наркодиспансеры под-

бирал, служебную машину для таких «командировок» не жалел. Не умеет Ленька пить, зато работать умеет. За те часы, пока трезвый, он в два раза больше любого трезвенника сделает и не спросит, сколько за это заплатят. Городского лечения хватало Леньке на два, максимум на три месяца. Понадеется на русское «авось», шибанет рюмку-другую и ждет, что будет. Один раз после вшивания до реанимации доэкспериментировался. Когда очнулся, стал требовать у врачей больничный.

— У меня острый неопохмелит!

— Не острый, а хронический, — поправляют.

Мать у Леньки умерла в прошлом году. Хоронили всем селом. Горько плакал Ленька, потому что знал: пьянкой своей загнал мать в могилу раньше срока. На поминках перед всем народом поклялся навсегда бросить. И бросил. Не пил полгода.

А потом стали наезжать в село городские бизнесмены на иномарках.

В Атрошкино места красивые, вот и решили понастроить здесь себе дворцов и коттеджей. Новая власть позволяет, а на угрюмых сельчан есть еще более угрюмые охранники. Вот и поперла Леньке работа, валом повалила. Денег платили в два раза больше, чем в деревне, но в пять раз меньше, чем в городе за ту же работу, да об этом Ленька не знал и знать не хотел. А вот поили на халяву. Ленька, помня клятву, сначала отказывался, но уж если предлагают глоток виски или джина попробовать или жене бутыль «Амаретто» унести... Так и понесло. А на опохмелку пиво баночное или «Мартини». Ленька и сам пил и мужикам задарма отдавал. Тем более что и для мужиков у бизнесменов работа нашлась. За лето такие терема им отгрохали, что и удельным князьям не снились. Благодарные бизнесмены даже сникерсовый магазин в бывшем сельмаге открыли: импортный шоколад, водка десяти сортов, кока-кола, фрукты заморские, видеомагнитофоны и даже мотоцикл «Судзуки». И по всей Коллонтай этикетки, нашлепки и пустые емкости от цивилизации!..

А бизнесмены погулять тоже не дураки. Хоть и новые, а все равно русские. Тем более природа так и шепчет. Сначала они по теремам своим оттягивались, потом на участках в обнимку с девками в одном нижнем белье, а потом и по всему селу стали разъезжать. Кому не нравится, могут в лоб засветить или из газового пистолета пшикнуть. Участкового не иначе как клоуном звать стали. Вот и погуляли однажды с фейерверками...

И ведь кричал Рыбаков, которому только-только отгрохали трехэтажный коттедж с бассейном и сауной (от русской бани напрочь отказался), кричал-успокаивал:

— Да хрен с ним, с вашим клубом! Мы здесь мюзик-холл построим, стриптиз-шоу будет. У вас там, кроме ленинской комнаты, одни балалайки! К прошлому возврата нет! Это вам последний пионерский костер во славу демократии! — то ли ерничал, то ли серьезно надрывался.

И только бывший директор совхоза, который строил этот клуб, пытался перекричать Рыбакова и его развеселых гостей:

— Да это ж, мать вашу, фашизм какой-то! Варварство! Что ж вы стоите?! Завтра они из ваших домов фейерверки устроят! Насрать им на ваше житье-бытье! Неужто от рюмки импортного самогона память совсем теряют?!

Из криминальной хроники: «...Возгорание сельского клуба произошло от неосторожного обращения с огнем. С разрешения Главы Администрации местные предприниматели производили салют в честь Дня независимости России. По нелепой случайности один из фейерверков взорвался...

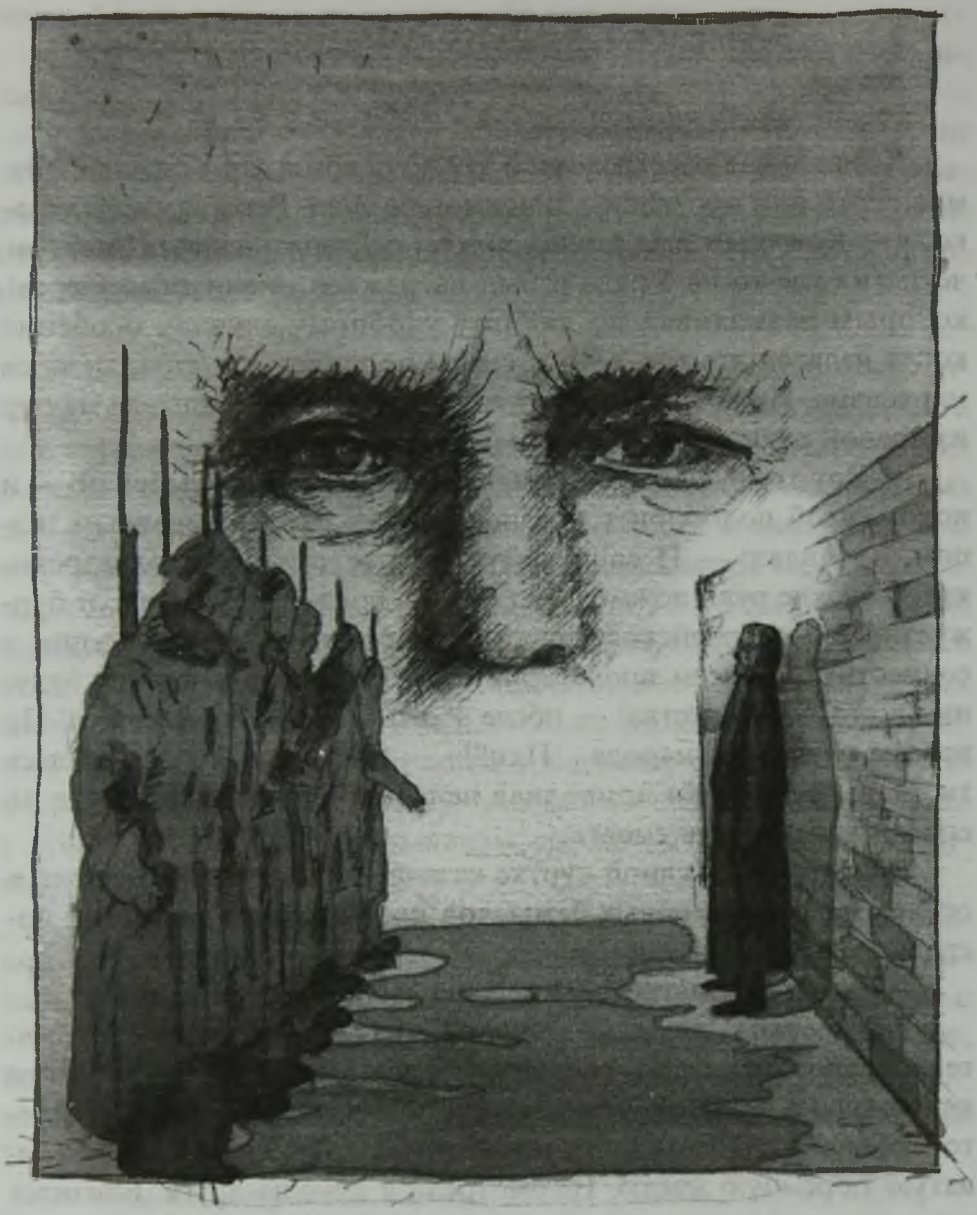
...Пламя перекинулось на соседние жилые дома. Ближайшая пожарная часть находится в райцентре, так как сельской Администрации содержать пожарную дружину не под силу. Бюджет не позволяет...

...Тракторист Леонид Ермаков попытался отсечь наступающее пламя. Он валил промежуточные хозяйственные постройки между домами. Загорелся трактор, но Ермаков продолжал отсекать огонь, и это ему удалось. Казалось бы, человек совершает благородный, почти героический поступок, но, находясь в нетрезвом состоянии, Ермаков развернул горящий трактор и направил его в сторону коттеджа директора АО «Сибконтракт» М. Л. Рыбакова. Защищая свой дом, Рыбаков после предупредительных выстрелов в воздух открыл огонь на поражение из охотничьего карабина «Сайга», на который имеет разрешение. Раненый Ермаков покинул горящую машину, но трактор на полном ходу врезался в коттедж. Произошел взрыв. Действия Рыбакова оправданы, а Л. Ермакову будет предъявлен счет за нанесение морального и материального ущерба. Возбуждено уголовное дело».

Ленька очнулся через три дня в больничной палате, увидев дремавшего рядом на стуле бывшего директора совхоза, попытался улыбнуться. Под бинтами улыбки не было видно. Тогда он прохрипел:

— Ну наливай, а то у меня от демократии похмелье сильно тяжелое.

1996



НОЧЬ ПЕРЕД ВЕЧНОСТЬЮ

Командовал расстрелами в эту ночь комиссар Кожаный. Фамилия это или прозвище, Анисимов не знал. Рассказывали только, что Кожаный был лично знаком с Дзержинским, Петерсом, чекистил где-то на Урале и был награжден именным маузером, которым размахивал по любому удобному случаю, особенно когда излагал контре, а то и своим подчиненным светлые идеи марксизма. Правда или нет, но при этом он перекладывал маузер из правой руки в левую и показывал ладонь:

— Вот эту руку с чувством благодарности пожал Ленин! — и потом, чтоб подбодрить красноармейцев перед очередным залпом, добавлял: — И ваши натруженные честные пролетарско-крестьянские руки пожмет наш Ильич, когда мы очистим от буржуазно-белогвардейской нечисти всю страну, а затем вступим в совместную со всем пролетариатом борьбу за счастливое будущее всего человечества! — после этого следовало: «Заряжай! По врагам трудового народа... Пли!!!» — и на лице его отражалась хищная, прямо-таки природная ненависть к тем, кто сейчас по его команде примет смерть.

Кожаный в кожаной куртке казался каким-то двужильным в осуществлении мировых замыслов пролетарских вождей и постоянно поторапливал:

— Быстрее, быстрее! Мировую революцию проспите!

Расстрельная команда заспанно и нехотя вышла во двор, матерясь, протирая глаза, раскуривая одну цигарку на всех. Никто не смотрел в усыпанное звездами и похолодевшее за ночь августовское небо, только ежились с недосыпу да поплевывали в сыроватую тюремную землю. Не смотрели и друг на друга. Близился рассвет, и каждому хотелось поскорее на «заслуженный» отдых. И наверное, каждый в душе надеялся, что следующий залп будет хотя бы в эту ночь последним. Кроме земли, они поглядывали на зарешеченные окна, из которых смотрели иногда заключенные. Чтобы увидеть, что происходит во дворе, а может и узнать среди расстреливаемых знакомых или родственников, они вставали друг другу на плечи.

При построении рядом с Анисимовым оказался бывший пу-

тиловец Федотов. Он был старше всех и пытался все объяснить и каждого ободрить. И сейчас, добивая анисимовский окурок, он то ли Анисимова, то ли самого себя успокоил:

— Ничего, паря, они нас в девятьсот пятом цехами расстреливали, шашками да нагайками...

«А че вы лезли!» — вдруг обозленно подумал Анисимов, но сказать вслух не решился. За такое Кожаный, не взирая на прежние боевые заслуги, к стенке поставит. И свои же затворами клацнут. Мысли его оборвал удивленный и одновременно приглушенный голос Федотова:

— Ба! Да это же Владыко!

Анисимов встрепенулся. Караульные вели нового смертника. Это был Петроградский Митрополит Вениамин. Одетый в обычную черную рясу, без громоздкого нагрудного креста, он больше походил на старца-схимника, только что вышедшего из затвора после долгого изнурительного поста и нескончаемой молитвы. Ветер бросал длинные серые пряди волос на осунувшееся с глубокими складками морщин лицо, и то ли была в нем необычайная бледность, подчеркиваемая ночным мраком, то ли исходило от него удивительное необъяснимое свечение. В глазах же — отрешенность. Он был настолько спокоен и невозмутим, что, казалось, его вызвали не на собственную смерть, а отпеть очередного покойника. Руки у него не были связаны, и он, встав у стены лицом к расстрельщикам, перекрестился и что-то прошептал, глядя в ночное небо.

Анисимов тоже помнил Петроградского Митрополита. Именно он служил молебен и благословлял полк новобранцев, в который попал Анисимов, перед отправкой на фронт. За Веру, Царя и Отечество... И теперь, в августе двадцать второго, Митрополит, благословивший Анисимова на рать с немцами, стоит у расстрельной стены и, наверное, в последний раз исповедовался перед самим Господом Богом. Анисимов потупил глаза.

— Ты цель прямо в сердце, чтобы владыко не мучился, — шепнул где-то поблизости Федотов, и Анисимов навел мушку на грудь Митрополита Вениамина.

— По черносотенно-религиозной контре...

«А если бы заставили расстреливать Царя?! Ведь кого-то заставили. Господи, помилуй мя грешного...»

— Пли!

Анисимов спустил курок. Залп оглушил на мгновение, заставил закрыть открытый при прицеливании правый глаз. Он

знал точно — его пуля сейчас разорвала сердце отца Вениамина, и где-то рядом еще шесть раз по девять грамм. Открыл глаза. Митрополит стоял невредимым и все так же задумчиво смотрел на небо. Казалось, собственный расстрел его уже не интересует, душа и разум уже давно устремились к Тому, служению Которому он посвятил всю свою жизнь. Но тело оставалось невредимым! Из оцепенения Анисимова вывел истошный крик Кожаного:

— Вы что, курвы, мать вашу! Глаза не продрали! Да если бы в ночном бою, да с десяти шагов, да вас давно бы всех любая белогвардейская сволочь перестреляла! Заряжай!

Еще секунда. Клац-клац.

— Пли!

После пятого залпа солдаты зароптали. Растерялся даже сам Кожаный. Для поднятия «боевого духа» он самолично проверил все семь винтовок и сам встал в строй, раскобурив свой именной маузер и приказав сделать пять шагов вперед.

— По моей команде...

— Я слышал, в других странах больше одного раза не расстреливают, — довольно громко заявил Федотов.

— Молчать! Ты мне эту буржуазную демократию брось, а то встанешь рядом за контрреволюционную пропаганду! Фокусник этот поп! Факир, мать вашу! Что, не видали, как в цирке баб распиливают? Заряжай! Пли!

После шестого залпа некоторые украдкой крестились. Стреляли уже почти в упор, но Митрополит оставался невредим. Кожаный настолько рассвирепел, что, казалось, окажись сейчас перед ним сам Михаил Архангел, он и его бы приказал расстрелять.

— Заряжай!

И тут стоявший с краю молодой красноармеец, призванный недавно из далекой тамбовской губернии, упал на колени и слезно, как перед иконой взмолился:

— Батя, помолись, измучились мы в тебя стрелять!

Отец Вениамин встрепенулся и вернулся с неба на землю. Будто позабыл чего. Он беззлобно посмотрел на своих убийц и как-то по-отечески взглянул на солдата, который смущенно поднимался с колен. Грудной голос Митрополита вернул ту ночь 27 августа 1922 года к земной кровоточащей реальности.

— Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь, — произнес владыка и осенил крестным знамением расстрельщиков. Кожаного при этом жутко перекосило. Пена

ненависти выступила у него на губах. Неистово, с перекошенным ртом, он словно вытолкнул из себя:

— П-п-ли...

После залпа отец Вениамин не упал, а медленно опустился на колени. Глаза его были устремлены к небу, где на востоке багровел рассвет. Так и повалился на спину, чтобы даже мертвыми глазами смотреть на небо.

Капитана НКВД Анисимова Тимофея Васильевича арестовали в 1937 году. В вину ему поставили религиозную пропаганду и клевету на советскую власть.

— Так Вы утверждаете, что сумасшедший бред гражданина Кожаного, пребывающего с 1922 года в психиатрической лечебнице, о расстреле врага трудового народа Митрополита Вениамина, правда? — только-то и спросили его на скором «троечном» суде.

— Так точно. Кроме одного...

Судебные роботы насторожились.

— Отец Вениамин не был врагом трудового народа...

Дальше как по маслу. Нашли в доме медали за Первую Мировую и приляпали к обвинению скрытого монархиста и агента белоэмигрантской организации. Порылись в делах, которые он вел, а там...

— Получается, что сбившихся с пути, но социально близких уголовников Вы, говоря просто, со свету сживали, а разная философско-интеллигентская сволочь и, что примечательно, попы уходили из Ваших рук на свободу или получали минимальные сроки для отвода глаз...

Расстреливали Анисимова не у стены. У ямы, уже доверху заваленной трупами. Августовская ночь звала жить, ветер в лицо отгонял плывущий за спиной смрад смерти. Почему-то Анисимов не боялся. Он вспоминал давно забытое: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного паче всех грешных...» Перед последней командой он еще раз за эти годы вспомнил отца Вениамина. «Отче Вениамине, моли Господа обо мне...» Залп из семи стволов столкнул его в яму, но сознание не угасло. Он просто лежал с закрытыми глазами и слышал, как переговаривается наряд.

— Этот готов. Можно не проверять. Семь дырок на одного. А вот сейчас грузовик придет, то-то будет работы. И откуда столько врагов народа?

— Дак страна-то вон какая...

Самое страшное, что помнил отец Тимофей, а в будущем иеромонах Вениамин — это то, как он выбирался из-под кучи наваленных на него трупов. Самое светлое: когда пришел в себя, увидел, что над ним склонился Владыка Вениамин и сказал:

— С именем Господа ничего не бойся.

1994

КРИК ДУШИ

Полный отчаяния и безнадежности крик разбудил Шубенкова. Кричали где-то над самым ухом. Кричал мужчина. От этого истошного вопля резко свело нервы в брюшной полости: Шубенков сложился, как пружина сжался, обняв колени. Нет, в спальне никого не было, кроме, разумеется, самого Шубенкова. Он сходил на кухню, выпил холодного сока из холодильника, на всякий случай заглянул в две другие комнаты. В квартире он был один.

Крик во сне (тем более собственный) Шубенков исключил сразу же. С детства ему не снились сны, а только «глухонемые» черно-белые заставки, заполненные в лучшем случае хаотично перемещающимися геометрическими фигурами. Жаловаться на нервы тридцатилетнему коммерсанту не приходилось. Похоже, сердце его вообще не знало адреналина и работало как метроном во всех ситуациях — 62 удара в минуту. Только на тренировках Шубенкову удавалось чуть-чуть раскочегарить свой ленивый «мотор», но больше 90 при любой нагрузке он выжать из него не мог. А по утрам сердце могло задремать до сорока. Целятся в него из пистолета, идет большой куш в руки, или ласкает Шубенков очередную женщину — 62, и точка. Вот и сейчас сердце никак не реагировало на этот крик, хладнокровие и чисто механический инстинкт самосохранения! Только дурацких мыслей в голове добавилось. А с утра уйма дел по приему товара, да еще — наехать на должников, опять же придется делать это самому, бригада сачкует в Сочи...

Да и был ли этот крик?

Шубенков купил новую трехкомнатную квартиру в престижном районе месяц назад. В три дня отремонтировал ее (слишком была похожа на берлогу совслужащего), набил ее аппаратурой и мебелью и даже умудрился выкупить гаражик под самыми окнами у инвалида ВОВ. За то, что тот разрешил Шубенкову выбросить на свалку его дряхлый «запорожец» и обеспечил необходимое прикрытие перед всякими там районными администрациями, «Форд» и личный водитель Шубенкова всегда были в распоряжении старика, плюс ежемесячная добавка к пенсии в двести баксов и сотовый телефон. Шубенков гордился своей заботой и справедливостью, а дед был просто доволен и рассказывал за домино другим старикам, какой у него «партнер». Мол, не все коммерсанты — бессовестные хапуги. Шубенкову нравилось быть честным, точным, принципиальным и чуточку тщеславным, но если подобных качеств не наблюдалось у тех, с кем ему

приходилось работать, он мог становиться неуправляемо жестоким. Он и на дух не принимал форс-мажорных обстоятельств, подстав и прочей чепухи, потому что был уверен: если ты деловой человек, у тебя все должно работать как часы. Как сердце Шубенкова. Во всех обстоятельствах. Рэкетиры? Какие, на хрен, могут быть рэкетиры, если у тебя есть мозги и деньги. Будь рэкетиром сам, и на тебя никто никогда не наедет, разве что РУОП или в буквальном смысле случайный автомобиль. Заказные убийства? Тут еще проще: чувствуешь, что с тебя стягивают одеяло, а ты не хочешь делиться — стреляй первым, а чужое одеяло надо забирать по закону, как учил незабвенный Остап Ибрагимович, чтоб не стать первым в длинной очереди обвиняемых по какому-нибудь мокрому делу.

И все же ночной вопль дал о себе знать: в первый раз за три года Шубенков рявкнул не по делу на своих менеджеров и продавщиц, а потом совсем не по-шубенковски вдруг помиловал должников, дал отсрочку. Сердце? А что сердце? 62.

На ночь он включил себе голливудскую стряпню с беспрестанной стрельбой, любовными стонами и пошлыми шутками. Отведав на досуге вагон этой хваленой продукции, Шубенков тосковал по старому русскому кино. Советскому, между прочим. Он скрупулезно покупал их прямо на «Мосфильме», но по-джентльменски оставил все семьдесят четыре видеокассеты у Ольги, с коей прожил последние полгода. Его холодное, потребительское, даже можно сказать механическое отношение к женщинам компенсировалось шикарной обстановкой их квартир, ежедневными ужинами в ресторанах, дорогими подарками, а главное — подчеркнутой галантностью. Она-то и была решающей в завоевании если не сердца, то сознания и тела выбранной Шубенковым очередной спутницы на какое-то время жизни. И если Шубенков уходил, то уходил в чем уходил и ничего более. Это был принцип № 1. Принцип № 2: никогда не приглашать женщину в свой дом, чтобы не прижилась. Принцип № 3: никогда не возвращаться к тем, с кем уже расстался. Он предпочитал покупать квартиры своим дамам. Накладно? Зато спокойно.

Уснул Шубенков не раздеваясь, в спортивном костюме. На тумбочке — ополовиненная бутылка коньяка, что являлось превышением допустимой ежедневной нормы в два с половиной раза, под головой — недочитанный «Коммерсант».

Крик раздался в то же самое время, что и прошлой ночью. Шубенков имел привычку смотреть на часы всякий раз, когда просыпался. Вот и сейчас он сидел на кровати и тупо смотрел на светящийся в темноте электронный таймер. Включил настольную лампу и машинально налил рюмку коньяка, но пить не стал. Не хватало еще глушить минутную слабость алкоголем. Нет, он ничего не испугался, даже не пошел проверять другие комнаты, но все же чувствовал

себя несколько неуютно. Он твердо решил запустить завтра в квартиру ребят из службы безопасности. Может быть, здесь есть что поискать. По крайней мере, бравые бывшие чекисты толк в этом знают. К врачам, а тем более психиатрам, Шубенков относился как к волчьей яме: попал один раз на прием или, не дай Бог, в больницу — станешь постоянным клиентом, не выберешься. А уж к собственным мозгам Шубенков не подпускал никого, даже мать. Недолго думая он набрал номер начальника охраны и после разговора с ним спал спокойным глубоким сном, не обращая внимания на маячившие перед глазами геометрические фигуры. Утром, уехав в офис, он доверил свою квартиру ребятам из охраны. И был день как день.

— Каждую пылинку проверили, Станислав Анатольевич, — успокоил-доложил вечером бывший майор КГБ Кречетов, — пусто. Нет ничего.

Шубенкову показалось, что начальник службы безопасности взглянул на него с каким-то сомнением.

— Это все? — сухо спросил он.

— Есть у меня одна мысль. Хочу проверить завтра.

— Делайте.

Будильник разбудил Шубенкова посреди ночи, за полчаса до отмеченного им времени. Он умылся холодной водой, включил везде свет и уселся на кровать, раскрыв журнал. Оставаясь абсолютно спокойным, он даже не следил за часами. И все же крик заставил его вздрогнуть всем телом, в исступленной злобе отшвырнуть журнал и грязно выругаться. Кричали в его комнате. Словно кто-то невидимый приходил каждую ночь к его кровати и ровно в два двадцать семь вопил, будто его режут. Шубенкову захотелось перекреститься. Так, на всякий случай. Вместо этого он достал из сейфа пистолет, сунул его под подушку и, выключив свет, улегся спать. Он знал, в эту ночь крик больше не повторится. Перекреститься? Мистика? Бред! «Иже еси на небеси, а мы тут сами по себи», — кощунственно подумал он и преспокойно заснул.

Утром в подъезде он встретил Кречетова, которого не вызывал. Тот о чем-то оживленно разговаривал с соседями по площадке: пенсионеркой союзного масштаба и женой врача кремлевской больницы.

— Работаем, — доложил Кречетов.

Шубенков кивнул и направился к лифту.

И был день как день: счета, болтливые рекламные агенты, презентация нового магазина у партнеров, неурядицы в банке, покупка двух новеньких «КАМАЗов» для вывоза товаров из Европы, быстрая любовь с безотказной секретаршей Юлей, которую именно за эту быстроту и «позиционную» сообразительность Шубенков называл не иначе как Юлой, а еще какие-то мелочи, коих в каждом дне и у каждого несть числа.

В своей квартире Шубенков обнаружил Кречетова и сразу понял: служака накопал какую-то важную информацию. Оба они лишних слов не любили, поэтому Кречетов рванул с места и в карьер:

— Станислав Анатольевич, в Вашей квартире полтора месяца назад был убит человек. Между двумя и тремя часами ночи. Ближе к половине третьего. Это был бывший хозяин квартиры и бывший сотрудник аппарата ЦэКа. В последнее время он влачил жалкое существование, поговаривали, что стал запойным алкоголиком, в то же время ударился в мистику, наделал долгов...

— И?

— У кого Вы купили эту квартиру?

— Ты же знаешь, у братьев Каюмовых. Документы в порядке. Юристы не раз проверяли. — Шубенков на секунду задумался. — Так ты хочешь сказать, что Каюмовы...

— Я предполагаю. Но главное не в этом. Главное в том, что крик этот слышали Ваши соседи, но слышали только один раз... В ночь убийства.

— А теперь на что ты намекаешь?

— Намекать не моя работа. Я же хочу провести эксперимент.

— Следственный? — ухмыльнулся Шубенков.

— Как Вам будет угодно, — и Кречетов достал из кармана диктофон. Шубенков сразу уловил его мысль.

— Не надо, — отмахнулся он, — я запрограммирую таймер на своем музыкальном центре, он включится на запись в нужное время. Это все?

— Пока все.

Ночью Шубенков просто перевернулся на другой бок, когда комната его огласилась душераздирающим воплем. Перед погружением в очередную порцию сна он вдруг подумал, что организованный и волевой человек ко всему может привыкнуть. Даже к воплю в самое ухо, если он не затрагивает его достоинства и чести. Хотя с Каюмовыми все же следует разобраться.

Утром, когда позвонил Кречетов, он делал гимнастику.

— Вы уже проверяли запись?

— Нет! — Шубенков был недоволен, что его сбивают с привычного утреннего ритма, но все же направился, не выключая радиотелефон, к музыкальному центру. Почему-то он был уверен, что на магнитной ленте чувствительная аппаратура записала только скрип его дивана, когда он перевернулся с боку на бок, или, может быть, богатырский храп.

Но то, что он услышал, первый раз в жизни сначала остановило его сердце, а потом заставило биться так учащенно, что впору было пожалеть о принципиально отсутствовавшей в этом доме аптечке. Это был голос отца. Голос отца, умершего восемь лет назад.

Голос человека, которому Шубенков был обязан своим спартанским воспитанием, что казалось ему столь бесценным в этой суетливой, полной ненужных страданий и эмоций жизни. Это был голос человека, у которого Шубенков научился гореть на работе, с той лишь разницей, что отец упорно, отдавая всего себя, строил социализм, пытаясь внести четкость и организованность в агонизирующую эпоху всеобщей безалаберности, а Шубенков-младший стал лучшим представителем рыночной экономики в эпоху всеобщего разбазаривания и хаоса. И тот и другой горели на работе, считая все остальное в жизни второстепенным и маловажным. «Никакой лирики!» — когда-то говорил отец. Он никогда не жаловался на здоровье и расстался с жизнью, не заметив этого. На боевом посту. Сердце остановилось во время очередного из бесконечных производственных совещаний. И мать, воспитанная им как жена «советского спартанца», даже гордилась, что муж умер как бы при исполнении...

— Сынок, — услышал Шубенков-младший, — я прожил земную жизнь, но так и не понял главного... Но более всего душа моя тоскует о том, что этого не узнаешь ты... — дальше только сдавленные рыдания, удаляющиеся всхлипы, словно отец уходит в глубь какого-то невидимого бесконечного коридора. Выронив телефонную трубку, в которой также очарованно молчал Кречетов, Шубенков еще долго стоял и слушал шипение чистой магнитной ленты. В жизни его отец никогда не плакал. Шубенков стоял и слышал внутри себя душераздирающий крик. Он гулко отдается в пустых коридорах души, грозовым раскатом ударяет в голову. От этого ли начинают слезиться глаза?

Потом он как попало оделся и вышел на улицу. Сначала он пошел к Ольге, но через пару кварталов передумал и пошел к матери, вдруг остановился на полпути, замер, прислушиваясь к себе. У него было новое ощущение сердца: оно билось тревожно и радостно. Неожиданно для себя он пошел на звон колоколов. В церкви Иоанна Предтечи звонили к заутрене.

И был день как день: редкие облака дремали в теплом сентябрьском небе; в строго установленном Творцом порядке, а для стороннего наблюдателя беспорядочно сыпались под ноги желтые и красные листья; один такой — совсем маленький и единственный лист никак не хотел расставаться с веткой крошечной липы, невесть как пробившейся этим летом сквозь асфальт; молодая мать нежно и задумчиво, как и тысячу лет назад, убаюкивала младенца на скамье у подъезда; голубь слетел на землю, чтобы напиться из прозрачной лужи; шум города сливался с шелестом цветастого платья осени; и мгновение остановилось, вобрав в себя все лики, все звуки и запахи вселенной, а мгновение спустя оно стало вечностью.

1996

ДЕЖУРНЫЙ АНГЕЛ

У каждого в жизни бывает непруха. И пусть слово это далеко не литературное, но для определенного стечения жизненных, политических, климатических и прочих обстоятельств подходит именно это слово. По мнению Игоря Сергеевича Жаркова, непруха — это совокупность неудач и «обломов» во всех сферах деятельности, с которыми в течение энного времени сталкивается индивидуум. Непруха сводит любое движение данного индивидуума либо к нулю, либо в область отрицательных чисел и в итоге может привести данного индивидуума либо к отчаянным поступкам, либо в состояние равнодушной бездеятельности.

Игорь Сергеевич Жарков предпочел второе. Пребывая в состоянии ярковыраженного «пофигизма» (пофигизм — сленг, разновидность равнодушия, усугубленного нездоровой иронией и цинизмом, равнодушие ко всему происходящему вокруг, происходящему со всеми, в т. ч. с самим собой), Игорь Жарков с легкой ненавистью ко всему миру наслаждался своим состоянием и усугублял его сухим октябрьским утром сухим вином в кафе районного значения. Он не пытался доискаться до причины собственных неудач, а как мазохист-любитель кропотливо перебирал их в голове, перемешивая несладкие мысли с кислым «Каберне». Процесс же этот постоянно требовал дальнейшего усугубления, и Жарков пристреливался взглядом к стеклянным снарядам за спиной скучающего бармена, наполненным нирваной различного цвета и разной крепости. Детальное воспроизведение обид и происшедших с Жарковым казусов в воспаленном сознании мешало твердо определиться с выбором катализатора — водка или коньяк. Кроме того, Жаркову время от времени казалось, что все усилия его памяти и воображения проецируются для всеобщего обозрения, и все, опохмеляющиеся в это утро завсегдатаи, и внешне невозмутимый, неприступный бармен, — все вокруг с осуждающим злорадством лицезрят его временную (так он думал) слабость.

Да и чего тут особенного? Самая обычная непруха, очень характерная для любого пореформенного периода. Ну, уволили с работы, сейчас всех увольняют. Ну, не приняли на другую. А кого сейчас принимают? Особенно если у вас профессия — художник-оформитель. Время славы КПСС и сопутствующих ему

плакатов и лозунгов безвозвратно ушло, а рекламщиков бегает по городу как собак нерезаных. Дальше: ну, попьянствовал человек неделю, что с того? А кто сейчас не пьет? Большинство только представляются трезвыми. По крайней мере, дикция у Жаркова не хуже, чем у представителей родного правительства. Специально повторял их бессмысленные речи, сидя у телевизора, смачивая горло «Хванчкарой». Ну, ушла жена к ненаглядной (век бы ее не видеть!) теще. А где еще место браку, как не на помойке? И все же уход жены был последней каплей, чтобы Жарков произнес касательно себя слово «непруха». Остальное — мелочи, просто цветочки: попал под машину — сломал руку; украли у временного инвалида в автобусе бумажник; при выходе из автобуса поймали безбилетного Жаркова контролеры, денег на штраф не было — унизительно обыскали и в качестве компенсации дали по морде; в доме отключили горячую воду; Вова Онуфриев срочно требует возврата долга; а надо еще где-нибудь занять; хотел обзавестись любовницей — засмеяли претендентки... А ведь мог бы получиться из него достойный альфонс! Противно? Ни на йоту! Почет-но! В нынешние времена приемлемо все, что выгодно, и если выгода действительно имеет место быть, то ее счастливый обладатель как бы автоматически становится почетным членом общества. Нет, Жарков так не думал, просто притворялся вместе с большинством населения державы комикадзе. Именно поэтому он сейчас безнадежно распивал в кафе «Рассвет» до самого заката.

Бармен отреагировал на зашуршавший по стойке полтинник бутылкой дагестанского трехзвездочного и даже намерился было сорвать пробку, но Жарков вдруг понял, что пить ее сейчас он не будет. Не принесет она желанного облегчения. Не в кайф. Потому он опередил бармена и стремительно переместил емкость во внутренний карман плаща. Бармен зыркнул на него услужливой неприязнью, отчего Жаркову захотелось написать ему «Сеятеля облигаций» из романа Ильфа и Петрова. Но так как Жаркову (как он думал) было все по фиг, он молча развернулся и вышел из кафе, обдав прохожих волной аппетитного котлетного духа, присущего таким заведениям.

Он двинулся к центральному парку, чтобы предаться самобичующим размышлениям где-нибудь на тихой аллее. И то, что осень была золотая, и город, осыпанный желто-красными гирляндами, был необычайно красив и приветлив, и то, что прохожие вокруг были в приподнятом настроении, еще больше укрепляло Жаркова в мысли о том, что он один отторгнут и не понят

этим лощеным миром с его волчьими товарно-денежными отношениями. В парке он нашел подходящую скамейку и созерцательно углубился взглядом в голубое, но, как ему казалось, отвратительно пустое небо. Ему вдруг представилось, что именно сейчас он должен умереть: в глубоком одиночестве, и чтобы нашли его здесь, в парке, с легкой ироничной и в то же время всепрощающей улыбкой на устах и глазами, устремленными к небу. От пережитого сострадания к самому себе и глубокого философского осознания безразличия всего мира к его персоне Жарков откупорил коньяк и отпил несколько больших глотков. Другого способа существования в эпоху хандры и необъяснимой духовной жажды он не знал, так же как не знал, что отчаянье (см. уныние) — один из смертных грехов. Но именно оно заставило его, запрокинув голову, полным этого самого отчаянья голосом возопить в безучастное небо:

— Господи! Ну сделай хоть что-нибудь!.. — при этом подсознательно подразумевалось не спасение его — Жаркова, а хоть какое-то облегчение страданий, выпавших на долю этого безумного в своем самоуничтожении мира. И это был 7777-й крик, прозвучавший в этот день в этой стране, обращенный к Нему.

Все было бы угадываемо просто, если бы рядом на скамейке с Жарковым из воздуха материализовался ангел-хранитель или специально существующий для подобных поручений дежурный ангел и выполнил бы все пожелания Игоря Сергеевича для облегчения его бренного существования. Но в эпоху «крутого» материализма такое чудо было бы оскорбительным для самого себя, и нет ничего удивительного в том, что ничего не произошло. Гром не грянул. Кто-кто, а Игорь Сергеевич понимал нелепость чуда в наше время даже лучше других. Определив для себя, что это было последнее обращение за помощью к кому бы то ни было за этот день, Жарков вернулся в состояние наигранно-презрительного равнодушия, без особых усилий над собой допил из горлышка коньяк и двинулся прочь из этого поэтически-уединенного места. Он не почувствовал себя пьянее или хуже, он просто в очередной раз за эти дни смирился со своей участью. Правда, ему показалось, что день вдруг заметно посерел, будто осенние краски утратили свою утреннюю жизнеутверждающую яркость, запылились что ли. Да и люди стали какими-то хмуро-озабоченными, и единственное, чем они отличались от Жаркова — они торопились решать свои проблемы.

Но некоторые проблемы в нынешнее время перехода от социалистического варварства к общечеловеческой цивилизации реша-

лись отнюдь не цивилизованными способами. Право на доступ к общечеловеческим ценностям оспаривалось по старинке, с оружием в руках. Именно люди с оружием выскочили из лакового иностранного автомобиля, и Жарков, который был совершенно обоснованно уверен, что стрелять будут не в него, удивленно замер на месте — предоставлялась редкая возможность в объективной реальности лицезреть кадры из американского триллера. На миг опережая нажатие курков, Игорь Сергеевич отследил траектории еще не вылетевших к цели пуль и угловым зрением определил, что они предназначены почтенному семейству из трех человек, а, скорее всего, джентльменистому папе, небрежно покупающему пятилетней дочери мороженое. Но даже со случайной пулей для последней Жарков смириться не мог. Так же как поучительно показано в американских фильмах, он кинулся к ничего не подозревающей, стоящей спиной к убийцам семье и одним рывком уложил всех троих на землю. Лоток с мороженым подсек и продавщицу. Он даже совершенно справедливо успел подумать, что никто, кроме него, этого делать не собирается. Напротив, окружающие по законам жанра с ужасом и одновременно любопытством на лицах стремительно искали укрытия. Очереди из маленьких пистолетов-пулеметов прошили лоток, звякнули о чугунную ограду парка, частью устремились в небо, к которому полчаса назад взывал Жарков. Поднимаясь на ноги, Игорь Сергеевич не учел одного: в его стране бандиты не торопились убегать и, хотя особенно не мешкали, успели хоть и вскользь «приголубить» неожиданного в этих местах супермена. Одна пуля прокусила ему щеку с наружной стороны и унеслась по своим делам, зато другая плотно засела в правом плече. При этом заставила Игоря Сергеевича сальтануться через лоток и приземлиться на пышное визжащее тело продавщицы. На какое-то время он потерял сознание.

Когда пришел в себя, его уже грузили в ярко-желтый реанимобиль. Толпа зевак сочиняла подробности происшедшего, называя Игоря Сергеевича то альфовцем, то еще каким-то спецназовцем. Очень красивая женщина склонилась над ним и, обдавая запахом дорогих духов, спросила:

— Как Вы себя чувствуете?

В первый раз за эти дни кто-то поинтересовался его самочувствием. Жарков благодарно улыбнулся. «Все как в хорошем боевике с хеппи-эндом», — подумал он.

— Мы благодарны Вам, ведь с нами была Машенька... — «Это маленькая девочка, которой покупали мороженое», — понял Жарков.

— Хорошее имя, — сказал он.

Лицо нового русского джентльмена закрыло обозримое пространство:

— Я бы хотел, со своей стороны, отблагодарить... — еще что-то из дежурного набора, и его рука зачем-то слазила в нагрудный карман Игоря Сергеевича. Будто погладил по многострадальной груди.

Потом снова появилось лицо красивой женщины.

— Как Вас зовут?

Жарков не скрывал, как его зовут, но неожиданно сам для себя забыл. «Шок, что ли?» Поморщил лоб — не вспоминалось.

— Дежурный ангел, — смущенно ответил он, и прежде чем носилки задвинули в фургон, он еще увидел лицо девочки Машеньки, которая даже не успела испугаться и приветливо помахала ему рукой. Игорь Сергеевич хотел помахать ей в ответ, но от боли вновь потерял сознание. В липкой темноте забытья, оказывается, тоже бродят кое-какие мысли. В центре первозданного хаоса стоял вопрос: Почему я это сделал? Почему именно я? И откуда-то, словно не из собственной головы, пришел то ли ответ, то ли отговорка: да потому что мне делать больше было нечего...

В себя он пришел сразу после операции по извлечению пули. И вернувшимся сознанием не без иронии определил, что его соседями по палате являются бандиты, с одной стороны, и жертвы их коллег — с другой. Это не мешало им довольно мирно играть в карты и рассказывать скабрезные анекдоты. Ожившего Игоря Сергеевича тут же приняли в компании: обе стороны (каждая посвоему) похвалили его за проявленное гражданское мужество и даже предложили выпить. Но он и так был прилично пьян после недавнего наркоза и предпочел уснуть, возвращаясь к печальному осознанию своей участи. Дырку в плече он расценил как закономерное продолжение непрухи.

Утром он проснулся раньше других, испытывая большое желание сходить в туалет. Последствия наркоза, боль в плече и похмелье очень мешали ему сориентироваться в нехитром больничном пространстве. С трудом сев на кровати, он увидел еще одного товарища по несчастью, которого сначала не заметил. Это был мальчик лет восьми, который отсутствующим взглядом смотрел в окно. Совсем недавно таким же взглядом смотрел на мир сам Игорь Сергеевич и между прочим в ближайшие дни намерен был заняться тем же самым. Теперь же он несколько удивленно взирал на мальчугана с перевязанной головой.

— Не приходит к нему никто, — рядом проснулся старик с загипсованными ногами, — подай утку.

Когда Жарков, держась здоровой рукой за стену, вернулся из туалета, мальчик сидел в том же положении, а старик курил под одеяло беломорину.

— Надо успеть, пока уколы и градусники не пришли ставить, — пояснил дедок свое антисанитарное поведение.

Увидев, что Жарков проявляет интерес к мальчику, старик сообщил:

— Не ходит к нему никто. Доктор нам шепнул, что после травмы он речь потерял, ему говорить надо учиться, а говорить не с кем. С нами не хочет. Отца нет, а мать то ли закрутилась на работе, то ли без вести пропала... — вздохнул, помолчал и уже совсем тихо добавил: — А можа и плюнула на родное дитя.

Сердце Игоря Сергеевича прострелила знакомая боль. И не то чтобы он был чересчур сентиментальным, но собственные беды показались ему ничтожной мелочью по сравнению с горьким одиночеством этого мальчугана.

— Его Юра Лебедев зовут, — где-то в другой, наполненной суетливой жизнью вселенной копошился дед.

Через три недели Жаркова выписали. Все эти дни он читал Юре вслух. Читал Носова, читал Дюма, читал Волкова, читал Стивенсона, читал спортивные новости... А тот неизменно смотрел в окно. Жарков знал, что не он и его навязчивое чтение нужны сейчас Юре Лебедеву, но большего для него сделать не мог. Даже крутые смягчились сердцем, наблюдая за стараниями Игоря Сергеевича. Они дружески похлопывали Юру по плечу, называли братком и клали в его тумбочку диковинные заморские фрукты. Юра к ним не притрагивался, но они, подражая упорству Жаркова, выбрасывали испортившиеся и подкладывали свежие.

Сменив пропахшую лекарствами, заношенную до просвечивающего неприличия больничную пижаму на костюм с дыркой на плече, Жарков вышел на улицу. Тихо падал снег. Время, с тех пор как он сыграл эпизодическую роль в боевике, притормозило и вяло тянулось вслед за сероватым небом. Игорь Сергеевич пошарил в карманах, рассчитывая на завалявшуюся пачку сигарет, но во внутреннем нагрудном кармане вдруг нащупал ровную пачку бумажек, которую даже на ощупь ни с чем другим спутать было невозможно. Это были деньги. Деньги, которые успел ему сунуть перед неотложной госпитализацией новый русский джентльмен – отец Машеньки. Даже не удивившись, что их не украли

в больнице, Игорь Сергеевич вдруг представил, как он благородно возвращает эти деньги в присутствии красивой жены и дочери, но поймал себя на мысли, что не собирался и не собирается этого делать. В конце концов, кому что и кому на что. А по меркам Жаркова денег было много.

Долго и с наслаждением он бродил по магазинам, хотя не совсем понимал, что ищет. В магазине «Охотник» он прошел мимо прилавков, ощущая головокружение от осмотренной в разных магазинах вереницы товаров, но нечто заставило его вернуться к одному из прилавков. На нем красовался большой черный бинокль.

Уже под вечер Игорь Сергеевич вернулся в больницу и настойчиво попросил дежурную сестру в приемном отделении:

— Передайте, пожалуйста, Юре Лебедеву из восьмой палаты. — Протянул коробку с биноклем. — Передайте непременно сейчас и скажите, что это от мамы. Скажите, что завтра она обязательно придет.

— Она придет? А Вы-то кто?

Удостоверившись, что сестра намерена выполнить все в точности, как он сказал, Жарков с заметным облегчением вышел на крыльцо. Надо было идти домой, хорошо выспаться, отдохнуть после всей этой кутерьмы, а завтра отправляться на поиски мамы Юры Лебедева. Игорь Сергеевич вдруг понял, что непруха кончилась, подмигнул сумеречному небу и уверенно зашагал на автобусную остановку. Вид у него был по-деловому озабоченный. Почему он? Да, наверное, потому что ему делать было нечего...

1997

УЧАСТКОВЫЙ

(Милицейская утопия)

— Продажный мент? Да я денег ни с кого не получал, и товаром — тоже! Это как договор о мирном сосуществовании двух противоположных систем. Угораздило же родиться, жить и работать в этом районе...

«Кому-то и участковым работать надо», — так решил Володя Ватутин после распределения из школы милиции. Тем более что район он знал, как свои пять пальцев. Вырос здесь. Все знали его, он знал всех. С одной стороны хорошо, а с другой...

Он еще не успел втянуться в работу, привыкал к водовороту бытовых дел и бесчисленных жалоб, к чужим семейным ссорам и постоянному нашептыванию добропорядочных граждан, он учился говорить на языке подростков и слушать благочинный, но нескончаемый лепет пенсионеров, он еще не знал, нравится все это ему или нет, но они ждать не стали. Нет, в кабинет нагло не вваливались, а вошли, соблюдая все приличия и для проформы уважая достоинство лейтенанта Ватутина.

— Можно? — в полуоткрытую дверь шагнуло полтела, и вопрос был задан половиной круглой стриженой головы. С легким пренебрежением, но приличия соблюдены.

— Проходите.

Вошли двое. «Шестисотый» или «черокки» у подъезда», — сразу определил Ватутин. Окинул взглядом посетителей. Выражение лиц «никакое». Хотя нет, пожирневшее, отъетое. Это вам не обтянутые челюсти Шварценеггера. Воплощение упитанности, привычного здоровья и самовлюбленного равнодушия. Со спины их легко можно было спутать, да и в лицо тоже, если издалека. Но одного Володя все же узнал. Даже кличку вспомнил — Киян. Учились в одной школе, но Киян был на два года старше. В хулиганах Киян не состоял, но и в комсомольских активистах тоже. Задирой не был, но обид никому не спускал. Занимался всеми модными единоборствами поочередно и даже имел спортивные достижения областного масштаба.

Ватутин предложил посетителям сесть.

— Присядем, — согласился Киян и то ли улыбнулся, то ли ощерился:

— Узнал?

— Узнал, — подтвердил Ватутин.

— Мы к тебе по делу, Володь, — наверное, надо долго трени-

роваться, чтобы ни одна нотка в голосе не имела хоть какого-нибудь оттенка.

— Слушаю, — а что еще можно в таком случае сказать?

— Хотим заключить с тобой договор.

— Кто?

— Да ладно, не ломайся, ты же про братву все знаешь, — ни капли наезда в голосе, только уверенность.

— Кое-что, — честно признался лейтенант.

Киян солировал. Второй только неотрывно смотрел на милиционера все тем же ничего не выражающим взглядом, с которым вошел. Смотрел прямо в глаза. Взгляд мертвой рыбы. И не кивал, не поддакивал. Сплошное достоинство на пустом месте. Хотя нет, местом была тренированная груда костей и мяса центнера на полтора.

Киян предлагал дуумвират с разделением полномочий. Составленная в недрах нового демокриминалистического общества конституция района имела несколько основных пунктов:

1. Лейтенант Ватутин отвечает за порядок в своей сфере: бытовые кражи, драки, несовершеннолетняя преступность, алкоголизм и т. п.

2. Братва гарантирует порядок в своей сфере: коммерция, торговля, предпринимательство, проституция (очень осторожно и почти легально). И никаких наркотиков! Дело, конечно, прибыльное, но этап пройденный, т. к. всем хочется жить богато, легально и немного честно. По крайней мере, на участке Ватутина торговать не будут. Здесь заповедник. Так уж получилось (а Ватутину, стало быть, повезло?), что именно на его участке поселились «лучшие люди». Они, конечно, пошуметь могут, но весьма благородно, по-гусарски, а уж постороннего шума «у себя дома» не переносят. Тонкие, творческие, так сказать, натуры.

3. Братва вправе наказывать отступников и провинившихся граждан. Розыскная деятельность и собирание сведений по таким инцидентам не входит в компетенцию Ватутина. «Наши дела».

4. За соблюдение нейтралитета лейтенанту Ватутину будут оказывать помощь и поддержку во всех остальных сферах: сдавать с потрохами заезжих гастролеров, посмевших нарушить размеренную жизнь, вышедших на заслуженных отдых достойных граждан свободной страны.

«С пенсионерами такого рода я еще дела не имел», — ухмыльнулся внутри себя участковый.

5. Лейтенант Ватутин (в случае чего) должен проявить весь свой служебный талант, если (не дай Бог) кого-нибудь из «лучших людей» потревожат или... Ну это вряд ли!

6. Сотрудничество лейтенанта Ватутина будет оплачиваться в...

— Стоп! — обрубил Володя. — Вот этого не надо!

— Честный, — сочувственно определил Киян.

— Во всяком случае, денег от вашей команды брать не хочу и не буду. Может быть, ваши архитекторы перестройки действительно успокоились и решили создать здесь образцово-показательный район демократического общества, но деньги у них с душком.

— А как насчет остального? — насторожился Киян.

— А почему бы и нет?! — это «почему бы и нет» выстрелило в голове участкового значительно раньше, чем закопошились, выстраиваясь в длинную скучную вереницу, далекие от реальной жизни служебные инструкции и уставы. — А почему нет? Если все будет так гладко, как ты мне сейчас расписал, а главное — простым людям будет житься спокойно и не хлопотно...

— Да мы им тут даже магазин со сниженными ценами откроем! — воодушевился Киян.

— В натуре, — наконец-то обрел дар речи его напарник. И они разошлись, даже пожав друг другу руки. Печатями и подписями договор не скрепляли, достаточно было слова. Но то, что договор этот вступил в силу, Ватутин понял уже на следующий день.

Утром ему позвонил Киян:

— Слышь, Володь, встретиться надо, — заговорил как со своим.

— Случилось что?

— Уже нет, — и назвал адрес.

По названному Кияном адресу находилась квартира известного всем в городе да и в стране коллекционера-нумизмата Максимовича. Бобыль-старичок Максимович имел охранную сигнализацию и коллекцию монет, оцениваемую специалистами в полмиллиона долларов. Коллекцию эту начал собирать еще его дед. О том, как сберегла ее семья в эпоху экспроприации и конфискаций, можно написать отдельную историю, но за последние десять лет на нее покушались два-три раза в год, и об этом можно написать серию мордоворотных детективов в суперобложках. Максимович пришаркал к Ватутину в первый день его выхода на службу, чтобы сообщить, что свою коллекцию он завещал государству, и поэтому лейтенант Ватутин должен охранять ее как самое что ни на есть общенародное достояние, имеющее огромную историческую ценность.

— Я — старик, скоро умру. Пока она у меня — мне интересно жить. Опять же исследовательские работы публикую в научных журналах, которые еще не успели закрыть. Я уж стар для частнособственнического инстинкта. Просто привык. Очень привык. Кроме нее у меня никого и ничего нет. Конечно же, я знаю заповедь «не сотвори себе кумира», но ничего поделать с собой не могу. Каждая монета — это часть истории, она хранит тепло тысяч и тысяч рук, она свидетельница многих удивительных со-

бытий... — так говорил Максимович в первый день их знакомства, приглашая Ватутина на экскурсию к себе домой, и примерно то же самое он повторил в этот раз.

Войдя в гостиную, Ватутин не мог не удивиться. В кресле, покуривая сигару (этакий крестный папа), сидел Киян, два бойца довольно интеллигентной выправки сидели напротив, а еще двое «иностранных коллег» с печатями проявленной справедливости на лицах были прикованы наручниками к батарее отопления.

— Ваши дружинники очень оперативно сработали, — заискивающе улыбался наивный коллекционер. — Я ведь только в магазин за кефиром и хлебом вышел.

— Да тебе повезло, старый козел, что ты вышел, — начал было один из пленников, но последние слова выдохнул со свистом и кровавой слюной от точного пинка в солнечное сплетение.

— Вызывай оперов, — доложил Киян, — гастролеры, но работали по заказу, чушилы... Тут все написано, так сказать, предварительный допрос сознательных граждан и чистосердечное признание, — и он протянул участковому сложенный вчетверо лист бумаги. — Не волнуйся, отпираться не будут. Мы их давно пасли, все никак прорубить не могли, за чьим сыром крысята сунулись.

— Вы, с-суки продажные, все ответите! — опять начал стращать тот же налетчик.

На этот раз Киян брезгливо заткнул ему рот своим собственным носовым платком, в который предварительно громко и смачно высморкался.

Наверное, Ватутин почувствовал себя обязанным. А каково быть обязанным бандитам, даже если они вдруг начали играть в разбогатевших и умиротворенных робин гудов?

Дальше — больше: Киян и его команда сдали Ватутину взвод мелких наркоторговцев, причем не обошлось без пальбы, т. к. многие наркодельцы хотели бы иметь своей зоной «заповедник Ватутина» и ни на какие договоры не соглашались; вычислили больную СПИДом проститутку; вернули дюжину угнанных машин. И открыли магазин, о котором говорили вначале. Пенсионеры и ветераны обслуживались там не только вне очереди, но и вполцены. И что самое невероятное, — бригадные шестерки на своих «шестерках» развозили продукты тем, кто был болен или не мог ходить по инвалидности. Тимуровцы, да и только!

Ватутин как мог, в долгу не оставался. Как-то побуянила братва в местном кабаке, отмечая очередной юбилей. Слегка попалили в небо, разбили витрины. ОМОН вызвали из соседнего района, с большим трудом Ватутин отмазал подгулявших «гусаров». Вместе с дежурными по бригаде сам развозил их по домам и укладывал баиньки. Пару раз помогал Ватутин найти «оборзевших» ком-

мерсантов, которые открывали дело на деньги братвы, но потом хотели улизнуть или найти покровителей в других, более активно действующих «организациях». Ватутин в таких случаях подключал официальные органы, дабы раздобыть всю необходимую информацию, вплоть до того, кто из них какие грамоты получал в пионерском прошлом или до скольки лет мочился в постель. «Оборзевших» находили, но с одним условием: из них вытряхнут деньги (разумеется, с полагающимися процентами за моральный ущерб), а не душу, или не то и другое вместе. Короче, без мокрухи. Ватутин даже присутствовал однажды на такой экзекуции, которую назвал про себя «отеческим наказанием». Стоявшего в соответствующей позе и слюняво ревущего афериста нещадно пороли по толстой обрюзгшей заднице. Пороли долго и весело. Все это время лейтенант Ватутин ждал, когда и в каком месте эта неустойчивая, работающая на честном слове система даст сбой. Ждал подвоха. Или подставки какой-нибудь. И был уверен, что когда-нибудь это обязательно произойдет. Ждал, несмотря на растущее взаимное доверие. Нельзя плясать на минном поле и не взорваться, даже если у тебя в руках охранная грамота от саперов.

В минуты сомнений он приходил ко мне, чтобы за неторопливым разговором попить пивка или приговорить бутылку «русской». Нужна ему была отдушина, а мы с ним как-никак десять лет за одной партой просидели и даже армейскую службу в одном взводе тянули.

— Я знаю, что ты детективов не пишешь, — часто говорил он, — но это вообще из жанра фантастики, ненаучной, правда, какой-то.

— Утопия, — соглашался я.

— И что же мне теперь делать?

Что я мог ему ответить? С моей точки зрения, он не совершал ничего предосудительного, даже наоборот. Но я тоже чувствовал, что вечно так продолжаться не будет.

— Фигня все, Володя, живи сегодняшним днем, — вот и вся моя отговорка.

И он жил одним днем. Жил и работал участковым милиционером. Но мина замедленного действия все же сработала, в нынешнее время просто не могла не сработать. Таких мин — за каждым углом, и называлась мина — закономерная случайность.

Киян позвонил Ватутину ночью.

— Бе-да-а! — только-то и сказал он, растягивая эту «беду» до размеров неотвратимой вселенской катастрофы.

Ватутин торопливо оделся в гражданку, взял пистолет и запасные обоймы, поцеловал жену и поехал к Кияну.

— Беда, Володя, — повторил Киян, когда Ватутин сел в его машину, — полночи на ушах стоим.

— Ну?! — с детства забытый, как перед дракой, мандраж пробежался по телу участкового.

— У Александра Палыча мать похитили!

— Ой-йе!

Ватутин знал, что Александр Палыч главный. Насколько главный, можно было только догадываться. К его скромному по нынешним временам особняку ежедневно подъезжали правительственные машины и лимузины банкиров. Сам он на людях появлялся весьма редко. Жену и дочь его охраняли как зеницу ока. Охраняли бывшие спецназовцы из самых элитных подразделений. А вот мать... Мать жила в частном доме на окраине. Семидесятилетняя старушка, божий одуванчик. С сыном и его семьей виделась раз в неделю, зато ежедневно ходила в недалекую церквушку. Жила скромно. И вот ее похитили. Невиданно, неслыханно, и вряд ли можно придумать что-нибудь более изощренное по своей неожиданной подлости. Конечно, устроив «заповедник», Александр Палыч многим рисковал и многим перешел дорогу. А надавить на него было практически невозможно.

За бабулей охрана тоже присматривала. Ненавязчиво, но берегли. Никто даже мысли такой не допускал. «А может, что-нибудь другое?» — засомневался Ватутин. Уж если Александр Палыч и чудачил, то надо было быть полным психопатом, чтобы похитить мать авторитета. Это был смертный приговор в любом случае, либо месть — и в этом случае выкуп никто не потребует, либо все же психопат.

— Информацию! — решительно потребовал Ватутин.

— Ноль! — отрубил Киян и погнул пальцами ключ от автомобиля, в котором они сидели.

— План?

— Все перевернем. Уже роем во всех направлениях.

— Результаты?

— Ноль. Бе-да-а... — опять с жуткой безысходностью в голосе протянул Киян.

— Спецслужбы? — предположил Ватутин.

— Не-а. Там все повязано. По нашим данным, им тоже этот эксперимент по душе пришелся, да и знают они, что Палыч перестроился.

— Хорошо, — успокоился Ватутин, — где ее видели в последний раз, кто видел, где потеряли?

— В больницу ходила к подруге. К соседке. Каждый день, перед тем как в церковь идти, к ней заходит. Передачки носит. До больницы проводили, а она оттуда не вышла. Все там перевернули, никаких следов.

— Так не бывает, — уверенно заявил участковый, — поехали туда.

Киян послушно врубил скорость. Он готов был сейчас крушить и ломать, но только не соображать. Позвонить участковому было в этом случае актом отчаяния. Ведь искали старушку тертые специалисты из самых различных ведомств.

По дороге Володя рассматривал фотографии и другие «материалы дела». Елена Андреевна. Семьдесят три года... Сорок лет педагогического стажа... «Не везет же иногда учительницам с собственными детьми. Чужих воспитывают, а своих не успевают», — грустно подумал Ватутин, глядя на мелькающую под светом придорожных фонарей фотографию.

Дежурная врач — заспанное лицо средних лет — встретила их с усталым недовольством и недоверием:

— Да уж, вроде, всех сегодня переспросили. Я вам еще раз повторяю: в палате у подруги ее сегодня не было. Не приходила. В других отделениях тоже. У нас тут каждый день сотни таких старушек...

Долго и молча курили втроем в больничном дворике.

— Мистика какая-то, — уже более спокойно сказала врач.

— Никакой мистики. — Ватутин вдруг подумал, что в этом случае надо искать в самом неожиданном направлении.

— Выпьете, доктор? — Киян принес из машины бутылку коньяка и стакан.

— Пожалуй, немного можно.

Из-за тучи выглянула луна и осветила больничный двор, в котором другого света не было. Только сгорбленные хребты давно ослепших фонарей на аллеях. Чуть в стороне от больничного здания Ватутин разглядел невзрачный, чем-то пугавший при луне флигель.

— Что там? — спросил он врача.

— Морг.

— Там были? — повернулся участковый к Кияну.

Киян привстал, у него заметно вздрогнули руки. Там они не были. Даже подумать не могли.

Дежурная сестра принесла ключ, и теперь уже вчетвером они вошли в больничный морг. Пахло формалином, дустом и еще чем-то. «Приторный сладкий запах смерти», — называл это Володя. В мертвецкой было двое. В углу под простыней мужчина, а под другой простыней, прямо на «разделочном столе» лежала Елена Андреевна. Одетая, даже в косынке.

— О, Господи! — вскинулась испуганно врач.

Наверное, это профессиональное, а может, в кино насмотрелся: Ватутин как бы привычным движением дотронулся до шейной артерии и вздрогнул.

— Жива! — и время двинулось в обратную сторону, все более ускоряясь.

Врач быстро овладела собой, схватила руку старушки, свисающую из-под простыни.

— Пульс редкий... Нитевидный... В реанимацию! Володя, который в это время внимательно осматривал шею женщины, тоже сделал свое заключение:

— Не додушили. Она, видимо, сознание быстро потеряла. Пока полуживую Елену Андреевну перекладывали на каталку, Киян по сотовому звонил своему боссу, а Ватутин задавал вопросы медикам:

— Кто в этой жмурильне главный? Кто вчера здесь дежурил? Адрес? Через полчаса Киян и Ватутин мчались по одному из полученных адресов. А именно — к дежурившему вчера санитару. Патологоанатома оставили на потом.

Санитар Федя жил в типовой панельной десятиэтажке на втором этаже. Пахнущий мочой и мусоропроводом подъезд, исписанные похабщиной стены, железные двери. Ватутин, как лицо официальное, встал впереди, хоть и в гражданке. Киян не возражал. К двери долго никто не подходил, и Киян уже начал нервно метаться по лестничной площадке. Но вот сработали замки первой, внутренней двери, и из-за железного листа раздался скрипучий голос:

— Кто?

— Милиция!..

— Это... Но... На хрен...

— Откройте! Иначе взломаем дверь! — и уже шепотом Кияну: — Надо бы балкон и окна прикрыть на всякий случай. Второй этаж.

Киян понятливо ломанулся на улицу. И все же дверь открылась. На пороге Ватутина встречал небритый худой мужчина, одетый в рваные трико и засаленную майку. Остекленевший и малопонимающий взгляд его говорил о многодневной стадии опьянения.

— Вам известна эта женщина? — Ватутин ткнул в опухшие красные глаза фотографию.

— Померла бабулька... — подозреваемый содрогнулся недобрым смешком и попятился в глубь прихожей. — С-сука она! Зажала... А мне, бля, хоть подыхай!.. — и, прежде чем Володя услышал, в чем же виновата пожилая женщина, пришедшая проведать больную подругу, в руке обезумевшего санитара мелькнул нож. Обычный столовый нож с тонким широким лезвием.

«Глупо все как-то», — подумал Ватутин, увидев деревянную ручку ножа, торчащую из собственной груди. Еще успел подумать, что будь это другая старушка, а санитар не такой пьяный, то и не нашли бы никого. А, может, и искать бы не стали. Еще

успел увидеть, как вылетел из-за его спины Киян, и кулак-кувалда разнес вдребезги слюнявые губы санитара, жалующиеся ему, Ватутину, что «эта старая сука хотела его жизни учить». И уже не слышал, как Киян с неподдельным надрывом в голосе умолял его потерпеть до больницы...

День был настолько яркий и солнечный, что прохожие сильно щурились и прикладывали ко лбу ладонь, чтобы присмотреться к траурной процессии. Десятки иномарок тянулись на малой скорости вдоль улицы от видимого края до видимого края и заунывно сигналили. Вся эта вереница машин и сидящие в них люди с внешне ничего не выражающими лицами требовали от остальных внимания. Они хотели, чтобы их видели, слышали, запомнили и поняли.

Пронырливый старичок, из тех, которые все знают и обо всем слышали и на все имеют свое суждение, вынырнул из магазина и, встав рядом, то ли спросил, то ли поделился своим знанием:

— Ну так, мафиезу какую хоронят...

— Участкового милиционера, — поправил я, не глядя в его сторону. Наверное, он тут же исчез. А я вдруг задумался над этимологией слова «участковый». Чего в нем больше: участка или участи?

Конец этой истории я узнал от Кияна, который пришел ко мне, чтобы передать чемоданчик с деньгами для Володиной жены.

— Сам не могу. Вот не могу и все! Хоть режь! Потом как-нибудь.

— Что будете делать? — спросил я.

— Как что? — не понял он и привычно насторожился.

— С заповедником?

— А-а, с этим. Эт Палычу решать... — помянул Володю из его стопки и собрался уходить, но уже на пороге вдруг повернулся и спросил: — Слушай, а ты ведь, вроде, тоже с ним на мента учился?

1998

АДИАФОРА

Они сидели на скамейках, стоявших напротив, и пристально изучали друг друга: пожилой крестный папаша Александр Тимофеевич и молодой контрразведчик майор Трофимов. Второй ловил первого последние три года, а первый считал, что сегодня он поймал второго... И сейчас их разделяла только залитая апрельским солнцем аллея загородного парка. Оба были невозмутимы, выглядели, правда, несколько устало, но смотрели друг на друга чуть ли не дружелюбно. Так смотрит охотник на дичь, которой уже никуда не деться от его точного выстрела.

Между скамейками суетился воркующий голубь, на газонах жизнелюбиво пробивалась первая травка, от проснувшейся земли шел пар, окружающий мир разве что только не пел оду торжествующей повсюду весне. Все вокруг располагало к неторопливой светской беседе, и Александр Тимофеевич решил пойти навстречу природе и повременить с кровавыми сценами из ненавидимых им современных боевиков. Тем более что чекист напротив тоже никуда не торопился и никак не выказывал своего беспокойства по поводу непредусмотрительного отсутствия оружия. Хороший парень, из непродающихся и башковитых, но вот сегодня сплоховал. Держится опять же молодцом. Уж Малой-то обыскал его до последней пеленки. Малой — верный пес — сидел чуть поодаль и пригоршнями поедал полюбившиеся ему импортные чипсы. Будто своей жареной картошки в России мало... Пусть жрет, зато братки его кружат сейчас вокруг парка и готовы даже галок отстреливать, чтобы не тревожили пахана.

— Отчего ж не поговорить, — решил вслух Александр Тимофеевич, — другой такой возможности больше не будет.

— Было бы о чем, — согласился, сомневаясь, Трофимов.

— Ну хотя бы о том, что в кармане у меня старый, но безотказный «ТТ», а у тебя только ксива. Ты будто в Александра Матросова пришел играть. — Собственная «шутка» понравилась Александру Тимофеевичу, и он неподобающе для преступника такого ранга визгливо хохотнул.

— У нас над героями шутить не принято, — по лицу Трофимова скользнула тень ненависти.

— Значит, и над тобой не будут, — окончательно развеселился пахан. Враждебность на лице майора он принял за признак

бессильной злобы загнанного в западню воина. Выходит, нервишки у местного Джеймса Бонда не железные.

Некоторое время они сидели молча. Александр Тимофеевич подчеркнуто жизнерадостно любовался весенним небом, даже будто забыл о сидящем напротив него заклятом враге. Трофимов не менее театрально и громко вздохнул, давая понять, что ему наскучила эта бессмысленная прихоть старого мизантропа. Оценив по достоинству этот наглый вздох майора, Александр Тимофеевич как бы нехотя вернулся с небес на землю, но уже в другом обличии. Теперь он смотрел на чекиста со всей полагающейся в таких случаях ненавистью. Рот скривила кривая ухмылка, выражающая его природное превосходство над всеми, кто живет, что называется, обычной и (вот уж до тошноты неприятное слово) законопослушной жизнью.

— Ты, мусор, думаешь, небось, о высоких подвигах, уж, небось, посмертную медаль на кителек примеряешь? Думаешь — сидит тут перед тобой законченный кровопивец, отброс общества и еще как там у вас нас называют?.. Ты считаешь меня воплощением зла... — Александр Тимофеевич вдруг успокоился, к нему снова вернулось настроение пофилософствовать.

На соседней скамейке Малой даже привстал и отложил в сторону чипсы, нащупывая за пазухой пистолет. Он не выносил, когда хозяин нервничал из-за кого-либо, тем более если объектом раздражения был представитель не признаваемой им власти. В такие моменты он мог открыть стрельбу без предупреждения, а потом еще долго пинать бездыханную жертву, чтобы показать, как он ненавидит врагов папаши и одновременно искупить вину за то, что хозяин успел растревожить свои бесценные нервы. Александр Тимофеевич махнул ему рукой: мол, сядь, не кипишись, и Малой послушно бухнулся на скамейку, вновь став равнодушным ко всему вокруг, кроме чипсов. Из внутреннего кармана вместо пистолета он достал кулечек с фисташками.

— Ты же, Александр Тимофеевич, обещал мне поведать о «крыше»? Хотелось бы напоследок просветиться, кто всей вашей конторе так изящно и крепко зад прикрывает...

— Левин, — ответил Александр Тимофеевич и от философского настроения даже зевнул.

Теперь он не боялся называть имена, фамилии, даты и проч., т. к. человек, сидевший напротив, целиком был в его власти. Александр Тимофеевич очень любил, когда люди находились в его власти.

— Левина тебе уже не достать, да если бы и раньше знал — не достал бы. В аппарате нашего президента с обысками шнырять не позволят. Максимум, чем ты мог бы ему досадить, это переводом с одной

должности на другую. Так для этого ж сколько компромата собрать надо! А эту хитрую еврейскую морду подловить не так-то просто. Он миллиону избирателей в глаза мочился и за божью росу выдавал. А они радовались, дурачки... Да и хрен с ним, с Левиным. Ты мне скажи, видишь ты во мне человека или нет? Честно и прямо скажи.

— От того, что ты, Александр Тимофеевич, закоренелый преступник, и руки у тебя по локоть в крови, человеком ты быть не перестал. Ты ведь даже не маньяк...

— Руки по локоть в крови, говоришь?.. А ты знаешь, с чего это все началось?

— Откуда ж?

— Мне было тринадцать лет, когда папаша вернулся с очередной отсидки, война как раз кончилась, амнистия. И почему-то здорово он запил. А как запьет — машет тем самым «ТТ», что в кармане сейчас у меня, матери перед носом и орет, что он на фронте в штрафбате был. Что кровь за родину проливал, а родина хрен на него ложила! Да у моего лба предохранителем щелкал. То ли от водки, то ли простудил голову на Колыме. Уж сколько я страху пережил, хотя и не робкого десятка был. Я в этом пистолете все силы зла чувствовал. Страх-то мой постепенно в нечеловеческую ненависть перерождался. И бывало открою ящик комода, где пушка отцовская лежала, и часами смотрю на нее. Так и тянуло меня к этому стволу, была в нем какая-то притягательная злая сила. Это ж верно у кого-то из драматургов сказано, что оружие обязательно выстрелить должно...

Я вот до сих пор думаю, что мысль эту окаянную мне сам пистолет внушил. Может, одним своим видом. А, может, в каждом оружии действительно живет свой злой дух. Так или иначе, решил я папашу моего пристрелить до того, как он нас с маманей по пьянке перестреляет. Ночью забрался в комод, достал ствол и пошел в родительскую спальню. Не было у меня никаких киношных раздумий-мучений, зашел и бахнул в упор. Мать даже не завизжала. Просто заплакала молча. Потом также молча собрала мои вещи, снеди кое-какой и выставила меня за дверь. А пистолет как был в моих руках, так и остался.

Сколько я с этим пистолетом в руке по ночному городу брел, не знаю. Никакие думы меня не одолевали, плакать не хотелось, зато чувствовал, как переливается в мою руку этакая силища, прямо-таки власть. Ог-ром-ну-ю власть дает оружие человеку! И если ты один раз по живой твари пальнул, то в тебя как в компьютер программа на все последующие заложена. Кто его знает, может и не бравый комсомолец из меня вырос, ну хотя бы среднестатистический рабочий на заводе или инженеришка какой, если бы не этот пистолет.

Уехал я сначала к тетке в соседний городишко, ствол на огороде у нее зарыл. Думал — надолго. Но в первую же ночь полез откапывать, чтобы посмотреть на него. Так, в ночь да через ночь и откапывал. И все думал, сколько же раз из него по людям стреляли, сколько смертей из этого ствола вылетело.

Я тебе точно, майор, говорю. Оружие — оно так и просит, чтобы из него выстрелили. Требует. И именно крови требует. Про диких зверей, небось, читал? Попробует человеческой крови — станет людоедом. Думаю, это правило и на оружие распространяется. Ты-то хоть раз в живого человека стрелял?

— Приходилось.

— Ну так, значит, понимаешь... В общем полгода я только и вытерпел, да тут еще случай подвернулся. Прижали меня как-то вечерком местные фраера, уж знали, чей я сынок. Что им от меня надо было, я узнать не успел, рука голову опередила. Было их трое — всех троих наповал. И не поверишь — даже на душе легче стало. Если по нынешним меркам мерить, это вроде как необходимая самооборона была. Они ведь с перьями все как один были. Не ножички, а мачете! Будто в огород капусту рубить ходили. И после этой заварушки во мне какое-то новое ощущение жизни родилось, я вроде как разрешение себе дал. Лицензию на отстрел.

Ведь со стороны на жмурика посмотришь — ничего в нем нет от того, что называлось когда-то человеком. Мешок с кишками, да еще как глаза в агонии выпучит — так и останутся. А у кого и ужас. Жалкое зрелище. Невольно задумаешься, на хрена эти твари небо коптят, ползают по углам, как тараканы, добра наживают, размножаются...

Много ли я убил? Да не-ет! Если с нонешними беспредельщиками равнять, то я — агнец! Я без дела пальбы не открывал, только по точно выверенной надобности...

— Кто выверял-то?

— Ну кто, кроме меня. Я ж после фраерков этих авторитетным в городе человеком стал, боялись меня. И все же сейчас я даже сосчитать не могу... Сколько же мокрухи на мне? Но вот я думаю, не окажись у меня под рукой этого «ТТ», может, все и по-другому бы сложилось. Да уж сколько лет я его для дела не доставал! Если бы не ты со своей настырностью, может, и не достал бы до самой смерти. Попросил бы только, чтобы положили его вместе со мной во гроб. Я уж боюсь его трогать, тревожить злой дух, в нем живущий. Ну а тебе, хоть и издаля, полюбоваться дам.

Александр Тимофеевич неторопливо вынул пистолет из кармана дорогого кожаного плаща и ласково на него посмотрел. Так и застыл

этот ласковый взгляд в его глазах, скошенный на старый пистолет в морщинистых руках. Аккуратная дырочка во лбу отметила отличную работу снайпера. На соседней скамейке с полным ртом чипсов и удивленным лицом застыл Малой, так и не успев перейти на фисташки.

К Трофимову подбежал запыхавшийся капитан Баранов.

— Че, Трофимыч, я уж занервничал. Что вы, любезностями тут обменивались?

— Исповедовался старичок... Поторопился снайпер, не успел я ему про адиафору сказать...

— Про чего?!..

— Да вычитал где-то. Адиафора — это предмет или поступок, который не является ни добром, ни злом... — далее Трофимов вкратце рассказал Баранову историю пистолета, который держал в руках мертвый Александр Тимофеевич. — В нем он видел корень своего собственного зла. А пистолет он что, он как, скажем, и атомная бомба — адиафора да и только...

— Да ну, блин, философия какая-то, — отмахнулся Баранов, — вот сфотографировать надо.

— Ну, вы тут и без меня дальше управитесь, — Трофимов неторопливо направился к выходу из парка.

— Слышь, Трофимыч! — окликнул вдруг капитан. — А если о поступках рассуждать, ну, про эту, про адиафору, то как оценить работу нашего снайпера? Он добро или зло сейчас совершил?

— Отличная работа, — не задумываясь ответил Трофимов.

— Ну а бомба-то атомная здесь при чем?

— Сама по себе атомная бомба — она ведь не добро и не зло. Скажем, наша атомная бомба даже ни на какие Хиросимы не падала. Стало быть, адиафора.

— Подумать надо, скользко это все...

— Подумай-подумай, главное, чтобы человек не был адиафорой, это, наверное, про таких сказано, если ты не теплый и не холодный...

— Так по-твоему получается — этот кровосос лучше тех, которые ни добра, ни зла не делают, живут себе тихо?

— Я этого не говорил, но существуют такие кровососы именно благодаря тем, которые, как ты говоришь, живут себе тихо...

— Шел бы ты, Трофимыч, отдыхать, перегрелся тут на лавочке.

— Правда твоя. Вот сто грамм тоже бы не помешали. Опять же водка — это, пожалуй, тоже адиафора... А, может, и нет... Короче, я сам уже запутался, но снайпер наш прав. Это я нутром чую.

— Ага, — кивнул удаляющейся спине Баранов, — он никак не мог освободить из мертвой руки Александра Тимофеевича старый пистолет со сбитым номером.

МЕТАФИЗИКА ЛЮБВИ

(Этюд)

«...любовь — воздух. Без нее — нет дыхания,
а при ней дышится легко.
Вот и все.

В. В. Розанов. «Опавшие листья»

Это неправда, что хоть какую-то часть счастливого прошлого можно вернуть. Особенно любовь. Потому что она либо есть, либо ее никогда не было. Ее нельзя вернуть, купить, заслужить, доказать... Заслужить можно почет и уважение. Купить в общепринятом смысле можно вещь или, с рассматриваемой точки зрения, блудную ночь. А доказать можно хорошее отношение. Любовь — это метафизическая аксиома. И если рассматривать ее относительно времени, то каждое ее мгновение по-своему прекрасно и неповторимо.

Ну вот, ничего нового не открыл.

Ты смотришь на меня, и в глазах твоих по-прежнему мерцает одной тебе известная тайна. Ты смотришь снисходительно. Наверное так смотрела на наивного Адама наша прародительница, уже отведав запретного плода.

Ты все знаешь о нас? Ты все знаешь о своем совершенстве, о своем шарме, о своей красоте... И о своих недостатках. В лучшие времена я даже рифмовал свои чувства к тебе. И опять же: я вовсе не доказывал любовь и тем более не заслуживал ее, я ее проявлял! Ее было больше, чем меня, и держать это внутри было мучительно и даже глупо.

Ты знаешь, что ты нравишься мужчинам, и ты умеешь нравиться. Ты знаешь...

— Напиши уж тогда то, чего я не знаю!.. — дежурно поцеловала в щеку и ушла.

Да уж, прошли те времена, когда для тебя было важно, чтобы я крикнул на весь мир, что люблю тебя. И опять же вовсе не для того, чтобы доказать свои чувства, а потому что чувств было столько, что не жалко было «тратить» их на самые безумные поступки. Для тебя.

Как давно это было!

Тринадцатилетним подростком я впервые увидел тебя и влюбился с первого взгляда. Сейчас в такую любовь мало кто верит, она вызывает или скептическую улыбку или желание позавидовать, граничащее с врожденным непониманием. Сейчас такие чувства, не задумываясь, относят в область сентиментальных романов...

И все же есть то, чего ты не знаешь. Ты не знаешь, почему ты любишь меня. За все прошедшее между нами время тебе уже кажется, что ты знаешь обо мне больше плохого, нежели хорошего... И я тоже не знаю, почему я люблю тебя. И когда мы начинаем задумываться над этим почему — значит любовь сменяет что-то другое. Может быть, привычка, может быть опыт совместного проживания, может быть то, чего, дай Бог, мы никогда не узнаем...

Просто спроси меня, как мне дышится. Я почему-то боюсь спросить у тебя.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Он еще раз посмотрел на сад. Почему-то больше всего жалко было именно сад. Посаженный еще прадедом, он словно впитал в себя любовь и труд нескольких поколений. Гуляя по нему, можно было услышать память: сухой кашель деда, раскуривающего самокрутку; ласковое бабулино «возьми яблочко»; окрик отца: «Илюха, неси известку!»; смех младшего брата... Продать можно было дом, который они заново отстроили с отцом еще в семидесятом, продать можно было сад, который благодаря заботе стариков исправно плодоносил все эти годы, продать можно было мебель, которую теперь можно увидеть только в кино о сталинских временах, продать можно было мотоцикл и почуханный отцовский «запорожец-ушастик», но память продать нельзя. И теперь Илья Семенович мучился, сравнивая понятия «продать» и «предать».

Тридцать лет он приезжал сюда в отпуск, щедро растрачивая свои невиданные на Краснодарщине северные зарплаты, заваливая родственников подарками, соленой и вяленой рыбой. За эти тридцать лет никто и никогда не упрекнул его за то, что сразу после армии он подался на Север за длинным рублем. Никто не упрекнул его, когда он, обустроившись на новом месте, переманил туда и младшего брата. Только когда Иван погиб из-за несчастного случая на буровой, отец на поминках вытер единственную слезу и горько сказал Илье:

— Вот он — ваш север-то...

Но и это был не упрек, а констатация факта что ли.

Илья Семенович вернулся сюда доживать свой век. Так делали многие. За тридцать лет в сибирской тайге он не заработал миллионов, а то, что заработал, сгорело в огне инфляции, свалившейся на головы честных работяг рыночной экономики. Мотаясь по буровым, он потерял семью. А потеряв семью, потерял и смысл вкалывать. Вот и продал он свою «шестерку», продал мебель и подался в пустовавший родительский дом. Не успел только продать квартиру, хотя последнее время в поселке они были нарасхват. Молодежи прибывало. А Илья Семенович перед самым отъездом пустил к себе пожить молодую семью, пока у той решится проблема со своим жильем. Ему в трех комнатах даже пустовато было. А когда подошел срок уезжать, не хватило духу попросить их освободить помещение. Как-никак годовалое дите на руках. Так и уехал. Только сказал на всякий случай:

— Может, вернусь еще... Квартплату исправно платите.

Сад... Почему больше всего жалко сад? Ведь работал-то здесь только летом, от случая к случаю. Старику-отцу многое уже не по силам было.

Покупатель-сосед не подгонял. И когда замечал, что Илья Семенович впадает в раздумья, уходил на свою половину. Даже сам уговаривал:

— Может, останешься, Семеныч? Куда тебе еще мотаться? Вон у нас пенсионеры на станцию ходят, фруктами-овощами торгуют и ничего — живут. И ты проживешь. Климат-то какой, да и родная земля...

— Где она теперь — родная земля? Да и вообще — я работать привык. От тоски либо сопьюсь, либо инфаркт приголубит.

Бывший председатель бывшего колхоза, а теперь директор закрытого акционерного общества встретил Илью Семеновича коньяком, но разговор повел с места и в карьер:

— Не, Семеныч, работы нет, своим не знаю, чем платить. А ваших знаешь сколько сейчас возвращается. Что у вас там в Ханты-Мансийске — ханты и манси вас со своей земли выживают? Или работы нет?

— Никто у нас никого не выживает, — ответил, вздохнув, Илья Семенович, больше всего его обидело это «у вас там», четко определившее, что здесь он за своего уже не считается, — там вообще все мирно живут. За Уралом земли на всех хватит и еще останется, и нефти еще лет на двести, а то и боле. Если только добывать по уму. Думаешь, твои яблоки и груши заграница покупает?

— Да знаю, знаю... Наши-то фрукты хоть воском для блеску и не крытые, но врачи говорят — экологически чистые. Я своим внучатам всю эту импортную ботву есть запрещаю!

— Не горячись. Не я в стране порядке устанавливал и на нефтедоллары коттеджей себе не строил. Я ведь приехал век скоротать. Жена ушла, дети выросли, свои семьи у них... Хотел под родным кубанским солнышком кости погреть. А то у меня полжизни ледниковый период. Специальностей у меня сам знаешь, сколько... А работы там хватает для тех, кто от нее не бегает, кому на пособия жить тошно.

— Не могу, Семеныч, не жалобь ты меня... Разве что сторожем, да и то сезонным.

— Ну-у, это ничем не лучше, что у поездов торговать...

Помолчали, выпили и разошлись.

Дня два Илья Семенович просидел у родных могил на погосте. Поправил оградки, покрыл лаком большие деревянные кресты, а все больше сидел, уставив глаза в землю, словно ждал, что дадут ему родимые совет с того света. Но могилы, как и положено им, молчали.

Прежде чем решил продавать дом и сад, с неделю ходил по проселочным дорогам да дивился, какие невеселые нынче стали

станичники. А уж столько пьяных он в этих местах никогда не видывал. Правда, кое-где сады были ухожены, и стояли на окраинах несколько кирпичных особняков, выстроенных по всем правилам комфортной индивидуальной жизни. Стало быть, не везде разор и запустение, думал Илья Семенович. И наверняка, не всяк из этих «новых казаков» вор или бывший директор торга, небось, и своим трудом кто нагорбатил. Как раз у этих домов хваткие хозяева предлагали Илье Семеновичу то поденщину, то работу по контракту, но за те деньги, что они ему сулили, Семеныч на севере даже гаечный ключ в руки не брал.

Лето еще не кончилось, и на полученные за дом и сад деньги можно было поехать куда-нибудь к морю, но настроение было далеко не курортное. Покупая билеты на поезд (захотелось проехаться через всю страну, да и дешевле), Илья Семенович мысленно благодарил Бога за то, что не успел продать квартиру в Горноправдинске. Да еще крутилась в голове фраза, сказанная начальником экспедиции на прощание: «Если что не так, Семеныч, возвращайся, таких работников как ты — еще поискать. Тебя с удовольствием возьму обратно. «Да я, вроде как, и так возвращаюсь. Домой. На Родину», — ответил Илья Семенович.

Билеты взял традиционно — с пересадкой в Москве до Тюмени, а уж там решит как, ибо до Правдинска «только самолетом можно долететь». Вертолетом. Можно еще по Иртышу на барже, если удастся встретить кого-нибудь из знакомых, кто возвращается из отпуска или командировки на машине.

Москва встретила жуткой вокзальной суетой, от которой мельтешило в глазах. Можно было, конечно, почтить столицу прогулкой и неизбежной тратой денег на каждом углу, но Илья Семенович, погруженный в свои мысли, двинулся к метро, чтобы переместиться от вокзала к вокзалу. А если уж купить, так только журналов и перекусить в поезд. Единственное, что отметил беглым взглядом — Москва вроде как стала чище, только люди казались еще более озабоченными, может, немного озлобленными, да изобиловала столица как всегда «добродушно» — нагловатыми прощелыгами и аферистами. Вспомнилось, что раньше всей семьей ехали сначала на Красную Площадь, подолгу любовались храмом Василия Блаженного и, конечно же, шли за покупками во всенародный магазин ГУМ. Но в этот раз, несмотря на торжество новой капиталистической жизни, хотелось поскорее обратно в поезд.

Уж непонятно почему (а может так и есть), Казанский вокзал виделся Илье Семеновичу всегда грязнее, чем остальные. И сейчас это впечатление не изменилось. Что-то в нем, конечно, было от Казанского кремля, но и ощущение вечной несмываемой грязи тоже было... Даже бомжи в этом районе были самые оборванные и зачуханные.

Поезд отходил только вечером и кроме посещения гастронома, пришлось еще некоторое время шататься по окрестностям, отмахиваясь от назойливых зазывал в различные «народные» игры и лотереи. За час до поезда Илья Семенович забрал свои вещи в камере хранения и решил пойти на перрон. Камеры хранения находились в подвальном помещении, там были и автоматические и обычные — несколько окон, где дремали или резались в карты широкоплечие работники далеко не пролетарского вида. Когда они сменили тщедушных старичков и пышнотелых женщин в засаленных спецовках? Чем это место прибыльно или престижно для них? Такая мысль то ли мелькнула, то ли еще только рождалась, чтобы подвергнуться всестороннему обсуждению в голове Ильи Семеновича, когда он уже подходил к лестнице, ведущей из подвала...

— Помогите!.. — это больше походило на крик шепотом.

За локоть его взяла молодая испуганная девушка, готовая в любую минуту расплакаться от отчаяния.

— Помогите, — повторила она, видимо заметив, как медленно «въезжает» в окружающую реальность этот пожилой мужчина, — меня хотят ограбить...

— А милиция? — пришел в себя Илья Семенович.

— Что Вы?! Какая милиция! Они же занимаются уже совершившимися преступлениями, а если я им скажу, что меня еще только хотят ограбить, они будут только смеяться да пошлют подальше.

Очень походило на правду.

— Да и купленные они здесь, — аргументировала дальше девушка, — все знают, что вокзальные фараоны заодно с бандитами, даже наводят сами. Челночников долбят. Милиция с этого процент имеет...

— Ну а чем я, собственно, могу помочь? Я, как видишь, милая, далеко не супермен.

— Ой, ну что Вы! Я же Вас не биться с ними прошу!

В таких случаях нормальный человек чувствует подвох и опасность сразу же, но она словно гипнотизировала Илью Семеновича своим липким шепотом. Да и воспитан Илья Семенович был в старых традициях, когда не принято было отказывать человеку в нужде, особенно если ему грозит опасность. Он даже четко и ярко помнил времена, когда прохожие на улицах не боялись подходить к хулиганам и делать им замечания. Нет, он прекрасно знал, как и насколько изменился мир с тех пор, но сам верил и другим говорил, что добрых людей на свете больше.

— Вы мне только сумки до вагона донесите. При Вас они наехать не посмеют, а уж в вагоне — там я сама. — И все увлекала его с собой обратно к окнам, где выдавали багаж.

Сделав первый шаг вместе с девушкой, Илья Семенович уже не мог повернуть назад. Последние его подозрения развеялись,

когда она достала свою квитанцию из своего паспорта, и большой рыжий детина, неохотно отбросив карты и ругнувшись на «не вовремя», проверил квитанцию и подал ей две большие клетчатые сумки, с которыми обычно промышляют челночники.

Сумки оказались не очень тяжелые, хотя вид имели внушительный. «Тряпье», — невесело подумал Илья Семенович, а девушка уже задорно щебетала ему о Свердловске-Екатеринбурге, о каком-то еще Алапаевске, о тетке, которая вместо нее стоит на рынке, «а сама я в детском саду работаю», о спившемся муже...

Короче, все как полагается. Житье-бытье первому встречному, вагонному-ресторанному. Одна из загадок русской души?

А когда выяснилось, что у них даже поезд один и вагоны рядом, девушка, назвавшаяся Мариной, уже как закадычного друга попросила Илью Семеновича подождать ее под табло, а она сходит и купит себе в «роспечати» последний «Космополитен». С тем и растворилась в толпе. Семеныч даже сказать ничего не успел и через пару минут послушно занял место под табло, прижав свои и чужие сумки к парапету, на который присел и сам.

Вокруг сновали люди и их чемоданы и сумки, бродили бомжи, выжидательно поглядывая на мужиков, утоляющих жажду пивом. Подумалось о пиве, потом о холодном шампанском. Следовало, наверное, взять пару бутылок, выпить с новой знакомой за возвращение. Но больше всего хотелось на верхнюю полку купе и смотреть в окно...

— Да вот он!.. Вот же он! Даже не прячется! — Илья Семенович даже не подозревал, что эти слова могут быть обращены к нему. Дошло до него, только когда сухощавый милиционер ловко вывернул ему руку и шепнул: «Двигай и не дергайся». Возражения застряли в горле Ильи Семеновича вместе с дикой болью, скользнувшей туда из вывернутой за спиной руки. Еще через полминуты и вторая его рука присоединилась к первой, и за его спиной застегнулись наручники. Рядом с милиционером оказался еще какой-то верзила с нагловатой, пару дней не бритой рожей, а кричала «вот он» его новая знакомая, которую он только что хотел напоить шампанским.

— В чем дело-то? — наконец смог спросить Илья Семенович.

— Шагай! — подтолкнул его мент. — В отделении расскажешь.

Самым страшным для Ильи Семеновича было шагать сквозь толпу со скованными за спиной руками и ловить на себе любопытные и заранее ненавидящие взгляды добропорядочных граждан. А говорила когда-то мама: от тюрьмы да от сумы не зарекайся...

А, может, нет ничего верней, чем аксиома: беда не приходит одна?

В отделении — забегаловке из двух комнат и «обезьянника» — было душно, за столом чинно восседал лейтенант и только бросил на Илью Семеновича беглый взгляд, сразу же обратившись к девушке, которую Илья Семенович знал как Марину.

— Вы узнаете свои вещи, пострадавшая? Можете перечислить, что находится в сумках.

— Да там даже паспорт мой есть. А квитанция багажная, скорее всего, у него. Вы проверьте! Я как увидела, что он мои вещи получает — сразу к вам, специально у дальнего окна караулила, как только поняла, что квитанцию украли. И деньги...

Илья Семенович уже все понял, но ему даже в голову не приходило, что он мог на это возразить. Квитанция действительно была в его кармане. Точнее, не квитанция, а какой-то счет, который выдали при получении. На хрена он сунул его в свой карман? Заговорила?

— Сообщники? — спросил сержант и подтвердил свой вопрос ударом дубинки по ногам.

Илья Семенович тут же осел на пол.

— Подожди, не налегай! — остановил замахнувшегося по второму разу сержанта лейтенант.

— Правовое государство, твою мать! — вдруг вырвалось у Ильи Семеновича.

Далее дознательно-следственная машина раскручивалась по давно отработанному сценарию. Актеры даже не стеснялись фальшивить, ехидно улыбались, рылись в вещах и документах Ильи Семеновича. Небритый верзила оказался свидетелем, которого гражданка Лямкина (вот же фамилия!) успела пригласить, когда Савельев И. С. получал ее вещи из камеры хранения. Лейтенант с сержантом старательно нагнетали обстановку перечислением возможных сроков, которые Илья Семенович получит. Гражданка Лямкина стремительно расписывала заявление, сержант то и дело тряс Семеныча за грудки, а лейтенант поминутно набирал номер, чтобы вызвать по телефону машину за Ильей Семеновичем. Но, видимо, там от веку было занято. По сценарию.

Кульминация спектакля наступила, когда составленный протокол подписывал осведомленный о даче ложных показаний свидетель. Верзила вдруг смягчился лицом, с явным сочувствием посмотрел на Илью Семеновича и дрогнувшим от душевных переживаний баском обратился к Марине Лямкиной:

— Слышь, деваха, может, пожалеешь мужика. Сумки-то при тебе. Что ему теперь, за шмотки твои последние годы по зонам мотаться? Умрет ведь, блин... — Но самая существенная часть речи защитника прозвучала уже более весело: — А он тебе моральную компенсацию оплатит. Правда, мужик?

— Это, конечно, Ваше дело, гражданка Лямкина, — подыграл лейтенант, — хотя нам раскрытое преступление не помешало бы. Премии, награды.

Сержант ехидно хохотнул. А Марина с хорошо отыгранной ненавистью глянула на сидевшего на скамейке Илью Семеновича.

— Сколько? — дошло до Ильи Семеновича. Как сразу-то не догадался.

— А сколько у него там есть? — как бы без интереса полюбопытствовала гражданка Лямкина.

Это были деньги за дом и сад и добрая половина отпускных. Лейтенант назвал сумму так, будто он ежедневно получает такую в качестве административного штрафа с граждан, нарушающих общественный порядок. Таким же тоном Марина Лямкина запросила почти все, любезно оставляя Илье Семеновичу рублей триста на обратную дорогу.

— Дешево отделается, — решил лейтенант, — но дело Ваше.

Прежде чем Савельеву дали уйти, лейтенант прочитал ему назидательную лекцию, завершавшуюся логичным предупреждением:

— Лучше тебе, дядя, больше к нам не попадать.

— Да я бы ему!.. Бля... — сержант, похоже, настолько поверил, что стоявший перед ним мужчина — настоящий преступник, что готов был повторить в отношении него задержание бессчетное количество раз и даже применить пытки для установления справедливости.

Илья Семенович поспешно вышел в кишащее суетой чрево вокзала и двинулся в сторону перрона. За дверью, которую он только что захлопнул, раздался звонкий хохот Марины Лямкиной, да еще прокомментировал что-то лейтенант. Илья Семенович подумал вдруг пойти к окну выдачи багажа: может, тот бритоголовый парень подтвердит, что багаж они получали вместе с девушкой. Но горько усмехнулся над очередной своей наивностью. Никого там не найти, кроме очередного свидетеля его преступления. Да и вообще мысли о мести очень быстро уступили желанию замкнуться, поскорее уйти, а обида почему-то была не на конкретных людей, а на всю матушку-Москву. Он и раньше-то считал, что Москва жрет чужие деньги. Нет, она слезам никогда не верила и не поверит, она верит деньгам. Уж не рачительный Калита ли приучил ее к высасыванию движимого и недвижимого из всех и вся?..

За всю свою жизнь Илья Семенович никогда не жаловался на сердце. Да и другими недугами болел только пару раз. И поэтому, когда сердце заболело, он, незнающий как это выражается, даже не обратил внимания. Он просто шел в сторону перрона, с ужасом осознавая, что ко всем бедам его поезд ушел. И когда уставшее кричать о своей невыносимой боли сердце вдруг треснуло по швам, если они у него есть, ноги у Ильи Семеновича перестали идти, а глаза видеть. Нет, это не было похоже на киношные падения с ахами и охами и хватанием за грудь, с медленным оседанием на пол. Это больше походило на падение оловянного солдатика, сбитого щелчком играющего ребенка...

Кроме «Склифосовского» в Москве Илья Семенович ничего не знал, поэтому, очнувшись, он решил, что находится именно там. Глаза медленно привыкали и к свету, и к новой обстановке. Правда, ничего кроме бледно-серого потолка, проводов и капельниц, опутавших его кровать, увидеть ему не удалось. Зато услышал почти сразу:

— Доктор! Алексей Иванович, больной из семнадцатой в себя пришел!

И уже через минуту увидел над собой лицо молодого, но по-профессорски бородатого мужчины. Он познавательно заглядывал ему в глаза и щупал пульс.

— Как себя чувствуете? Говорить можете?

— Никак, — ответил на все его вопросы Илья Семенович. Очень тихо ответил, потому что в горле стоял сухой ком.

— Воды! — сообразил доктор.

— У вас инфаркт. Еще нельзя сказать, что был, но уже точно можно сказать, что опасность миновала.

— Ясно. — Савельев с огромным удовольствием выпил полтора стакана воды.

— В ваших документах не было медицинского страхового полиса. Он у вас есть? Бесплатно мы могли оказать только первую помощь. — Доктор не извинялся, он говорил, как привыкший к чужой боли и новой выживательно-капиталистической системе человек. Но и недоброжелательства в его голосе не чувствовалось.

— Опять деньги, — подумал Савельев.

— Могу я Вас попросить? — вновь закрыл глаза Илья Семенович, напрягая размытую темнотой забытья память.

— Конечно, — ответил доктор из новой жизни.

— Позвоните в Горноправдинск. Это Ханты-Мансийский район. В Правдинскую экспедицию и передайте... Телефонограмму что ли? Скажите: Савельев попал в беду, срочно нужны деньги и помощь... Назовите адрес больницы.

— А кому передать?

— Тому, кто ответит.

Первую ночь в сознании Илья Семенович не спал. Да и «надоело» организму небытие, особенно не хотел отключаться мозг. Хотя думать, собственно, было не о чем. Что-то важное в жизни уже кончилось, а новое еще не началось. Под окном какой-то подпитой мужичок горланил какую-то псевдонародную песню:

— На хрена нужны юга,
На хрена столица?!
Улечу на Север я,
Буду вольной птицей!

Мужики из бригады были в Москве уже через три дня. Двое ехали в отпуск, а друг Ильи Семеновича — Митрофанов — приехал

специально за ним. Кроме денег, они привезли с собой стерлядь для ублажения медицинского персонала и заверения для Савельева, что его ждут на работе. Какие после этого еще нужны лекарства? Но самое интересное Федор Митрофанов сказал Илье Семеновичу в день выписки, видимо, ожидал докторской уверенности в способности Савельева перенести волнение:

— Жена твоя, Елена, вернулась. Молодым-то дали квартиру. Она теперь в вашей трехкомнатке порядок наводит. Ты это, Семеныч, не волнуйся. Уж не знаю, из-за тебя или нет вернулась, а может ей в этом суверенном Казахстане тоже невмоготу стало. Какая там на хрен национальная терпимость, ежели русские оттуда при первой возможности бегут?

— Вернулась... — только-то и сказал на все это Илья Семенович.

— Да и слава Богу!

— Слава Богу...

Теперь Илья Семенович знал, как болит сердце. И даже понял, что болит оно не только от печалей, но и от переполнения радостью, от ожидания ее.

Баржа, сплошь уставленная машинами, подходила к Горноправдинску. Еще несколько километров — и будет устье Кайгарки. На крутом правом берегу Иртыша, как и сотни лет назад, высились величественные холмы, плотно, словно древние витязи на поле брани, выстроились на них ели и кедры. Частые буреломы не портили пейзажа, а наоборот добавляли ему сказочности. На левом пологом берегу тянулись ивняк и луга, изредка, будто призраки давнишних времен, показывались полуразваленные, покосившиеся избы и хозяйственные постройки — заброшенные деревни, да на околицах угадывались заросшие кустарниками погосты...

Сколько раз не возвращаешься сюда, а каждый раз кажется, что несмотря на всю седину прошедших по этому краю времен здесь все только начинается. Нет, жить здесь нелегко, просто после развала великой державы кому-то досталось теплое солнышко, кто-то выторговал себе синее и черное море, кому-то — близость Европы, кому-то — джихад, а здесь… — здесь осталось чувство будущего. Это неправда, что человек ищет где лучше, он ищет где есть чувство будущего. «Вероятность наступления завтрашнего дня», — домыслил, как ему показалось философски, Илья Семенович. Уже показались цистерны ГСМ на берегу и трехэтажные каменные дома на самом высоком холме, когда он задремал, а потом и вовсе погрузился в глубокий сон выздоравливающего человека.

Ему снова приснился сад. Навстречу ему шел отец и, взяв за плечи, сказал, как и несколько лет назад, только без упрека:

— Вот он, ваш север-то...

Горноправдинск,
1998

МАМА-МАША

Уж, кажется, всякого в наши дни повидать пришлось, но чем дальше, тем чаще вспоминаешь слова Иоанновы: «в те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них»...

Впервые я увидел ее серым апрельским днем, когда на улицах кисла снежная мешанина и пешеходы проваливались в нее по щиколотки, а где и по колено, когда в традиционных неровностях российского асфальта стояли лужи-океаны, а на не успевших просохнуть возвышенностях побеждающе сияла грязь, когда весь город пронизан сыростью, а кирпичи и бетонные плиты похожи на губки, впитывающие влагу, когда весна, что называется, рубанула сплеча и расплющила весь этот сугробистан за пару солнечных дней, а потом испугалась содеянного и прикрыла свой лукавый взгляд низкой непроницаемой облачностью. Я увидел ее задумчиво бредущей от Крестовоздвиженской церкви в сторону «городища», которое правильнее было бы назвать посадом, ибо там ютились как бы отторгнутые многоэтажками в низину, на окраину деревянные домики да покосившиеся сараи, и никто никогда не пытался этот район застраивать и перестраивать, так как место там болотистое, в мае от грязевой няши непроезжее, и живут там самые «социально обиженные» горожане. Наверное, века с семнадцатого здесь ничего не менялось, кроме названий улиц и краски на заборах. Туда она и шла.

Шла босиком. С непокрытой головой. Легкая косынка, будто слетевшая на ее плечи откуда-то из шестидесятых годов. Распахнутое, странное, заношенное, но в то же время не утратившее яркости цвета зеленое пальто, а под ним – то ли ночная сорочка, то ли застиранное до цвета нынешнего неба платье.

Сначала я увидел ее босые ноги. Они были белее талого апрельского снега и не было на них ни единой царапины. Глаза я увидел потом...

— Во тетка! С утра насинярилась!.. – прокомментировал один из двух шедших ей навстречу парней.

Вот тогда-то я увидел ее глаза, полные безумной печали и притягательной глубины. Абсолютно не было в них пьяного дур-

мана, а было какое-то сверхчеловеческое знание мира видимого и того, что скрыто для глаз остальных смертных. И не виноваты глупые парни, что попытались насмешкой объяснить то, что в их головах не укладывалось, а значит вызывало раздражение и неприятие. И она знала, что не виноваты они, потому только посмотрела на них внимательно, даже с жалостью и сказала тому, который гоготнул над собственной неуместной шуткой:

— А ты бы, Игорек, съездил к матери, болеет она. Сильно болеет. Из деканата тебя отпустят. Не ходи сегодня на дискотеку, к матери езжай… — и пошла дальше в свою сторону.

Тот, которого назвала она Игорьком, оторопел, лицо его пересекла молнией какая-то жуткая гримаса, и снова не нашел он ничего другого, как только бросить ей в спину словесную пригоршню едкого мата. Мол, не тебе, бомжиха ты этакая, меня учить. Но она больше не оглянулась, что вызвало у Игорька новый приступ ярости, который пришлось выслушивать по ходу движения его посерьезневшему вдруг товарищу. Видно уже было, что понял Игорек свою неправоту, но признать этого перед ним не хотел.

— Ни за что божьего человека обидели, — сказала оказавшаяся рядом со мной старушка.

Вроде и не для меня сказала, но хотелось ей, чтобы кто-нибудь услышал и поддержал. И я кивнул.

Старушка тут же ухватилась за это движение моей головы и даже за рукав куртки меня взяла.

— Да, мил человек, она через большое горе прошла. Сына у ее в Чечении обезглавили да еще и фотографию изуверства такого сделали. Девятнадцать годочков-то ему было…

— А ей сколько? – сам не знаю зачем спросил я.

— А ей столько, сколько всем матерям… Она по началу-то пить начала. Ой как сильно-о! Руки на себя хотела наложить, да Господь не позволил! А потом по телевизору фильм-то показали про войну эту проклятую. По-моему, «Чистилище» называется. Так там показали, как басурмане голову солдатику отрезают. И она этот фильм видела. Когда посмотрела – умом тронулась. Да и как сказать тронулась…

Я тоже вспомнил невзоровский фильм, снятый с остервенелым натурализмом. Когда смотрел, ни одна жилка во мне не дрогнула, я тоже всякого повидал. Ничего во мне, кроме злобы, во время этого фильма не шевелилось. Только ярость закипала, как в песне поется, уж благородная или нет – не мне судить. Но сейчас, когда я смотрел на удаляющийся зеленый силуэт, прямо в сердце

ощутил содрогание, мороз в душе. Представил, как мне самому отрезают голову, и очень явственно получилось. И последние мысли – сравниваю себя с беспомощным бараном. И обида – вряд ли кто воздаст по заслугам твоим обидчикам. А так хочется схватить по-богатырски оглоблю – и по чернявым головам! Так какое чувство сильнее – ярость или страх? Или они рука об руку по земле ходят?

— Она все вещи свои раздала. Все-все! Некоторые-то хапуги нашлись – даже специально к ней приходили – нельзя ли, мол, еще чего прихватить. Все отдавала. Сама по нескольку дней не ела. Уж потом соседи узнали, стали силой ее кормить, да вот в храме батюшки ее потчуют, чем Бог пошлет. И она теперь через горе свое весь мир насквозь видеть стала.

Старушка вдруг посмотрела на меня испытующе.

— Да ты, небось, и сам-то в церкву не ходишь? Чего ж я тебе рассказываю?

— Хожу... Но не часто... — что-то мешало мне уйти, а уйти хотелось, забыть весь этот разговор, окунуться в серую повседневную суету – своих бед полно, а тут еще чужие в душу ломятся. — Я в Знаменский хожу, там мне ближе...

— И то ладно, — успокоилась старушка, — ныне молодежь в церкви ходит, хоть из-за моды какой, но ходит. Батюшка сказал, что пусть хоть так ходят, у кого сердце не заржавелое – оно Божье слово примет.

И не помню, то ли распрощались мы со старушкой, то ли каждый со своим словом, со своей мыслью пошел.

До вечера на душе было так муторно, что даже с близкими разговаривать не хотелось. Ночью я долго не мог заснуть. Да и на следующий день настроение, как и погода, было пасмурное. День прошел бестолково, бессмысленно, словно и не было его. И все не оставляло меня чувство вины, будто мог я помочь чьему-то большому горю, но прошел мимо. Прошел так, как все мы проходим, ибо бед вокруг стало столько, что если возле каждой останавливаться, чтобы пусть и посочувствовать, вздохнуть, то, кажется, никакой жизни не хватит. Но мера пройденного мимо горя в какой-то момент переполняет допустимый предел в душе каждого нормального человека и, переливаясь через край, обращается в чувство вины, происхождение которой не всякому понятно. А далее — либо человек не сможет пройти мимо следующей беды, либо так и не сможет найти душевный покой, либо пойдет в церковь...

Я выбрал последнее. Но только сами собой понесли меня ноги не в близкий Знаменский собор, а в находящуюся в совсем другом районе Крестовоздвиженскую церковь. И все тот же город плыл под ногами раскисшими улицами, а мне то и дело мерещились среди буксующих модных сапог и ботинок босые ноги. Как в тумане добрел до церковной ограды.

Служба уже заканчивалась. Народу в будний день было не очень много. В основном старушки, да стояли по обеим сторонам от входа два увечных мужика. Будто нарочно так встали: тот, что слева, без правой ноги, а другой – без правой руки. На миг показалось, что не конец двадцатого века вокруг, а середина девятнадцатого. Просят милостыню калеки после неудачной для России Крымской войны. И одеты они были так, словно только что сошли с полотен сердобольных русских живописцев. И причитали неизменное: «Подайте ради Христа…». В голос. И также в голос поблагодарили: «Спаси Вас Господь». Рядом с ними я и прижался к стене.

Зеленое пальто увидел сразу. Она стояла перед образом Иоанна Предтечи и даже не молилась, а разговаривала с ним. Казалось бы, речь ее лишена какого-либо смысла. Так, отдельные, только ей понятные фразы.

— А что, Иоаннушка, сколько еще христианских головушек по земле покатится? Кому, как тебе, не знать?.. И над Сербией вот железные птицы Антихриста… Спаси, Господи, люди твоя… Да расточатся врази его…

Откуда она знает? Ведь, как я понял из рассказа старушки, в доме ее давно уже нет ни телевизора, ни радио, газет она не читает. Я подошел поближе, но наоборот перестал ее слышать. Она перешла на невнятное бормотанье, а потом и на шепот. И я, глядя на суровый образ Иоанна Предтечи, подумал о матерях российских, что потеряли на разных войнах своих сынов. Кто в Афганистане, кто в межнациональной резне, кто в Чечне, кто в Таджикистане… Я сам был солдатом, и передо мной никогда не возникал вопрос, как перед слюнявыми журналистами: «за какие идеалы велись эти войны?». Или за Родину только под Москвой можно воевать? Уж лучше на дальних рубежах, чем на ближних подступах. И во все века славился русский солдат, вот только сейчас нюни пораспускали… Что детей, что матерей нюнями этими избаловали. Да и какая мать смирится с тем, что ее сына на чужбине убить могут? Как ей объяснить, что и там они за Россию воюют? У них и на это возражение ныне придумано: не хотим за такую Россию воевать, не хотим в такой армии служить! А если бы Минин и Пожарский так думали?..

— А зачем тогда на Руси мужчины нужны?! – и не увидел я в ее глазах того безумного горя, напротив, какая-то светлая рассудительность и пытливость.

От неожиданного ее вопроса у меня даже сердце вздрогнуло. Выходит, не я ее слушал, а она мои мысли читала… Подступила близко ко мне и глубоко в душу заглянула.

Да уж, зачем нынче мужики нужны? Работу искать, водку пьянствовать и оплакивать во время застолий державу свою униженную. Или если нет Суворовых, то нет и чудо-богатырей?

— А ты решил, значит, про Машу написать? Зачем? – серебряная прядь волос выскользнула из-под косынки и рассекла ее лицо. — Тебе почему больно?

Стало быть, ее Марией зовут.

— Маша не юродивая, — по-детски строго предупредила она, — Маша –дурочка. За ради Христа знаешь, как пострадать надо!.. А Маша – дурочка! Не верь старушкам-то, они и сами не знают, чего говорят. А на войну не ходи, тебя первым убьют или ранят…

Даже обидно стало. Что я — малохольный какой? В свое время, хоть и юнец был, хоть и нюни, бывало, распускал, но на своей маленькой войне за спины товарищей не прятался.

— Ты хоть и не трус, но тогда-то ты жить хотел… — объяснила Маша. – А знаешь, мой Алешка на тебя чем-то похож. Он сейчас под началом архистратига Михаила и во веки там пребывать будет.

— Кто Вы? – спросил я и вовсе не рассчитывал на сверхъестественный ответ.

— Я мать Алеши. Он меня мама-Маша звал.

Почему-то вдруг вспомнилось: «…стоит над горою Алеша…» Я даже не заметил, как к нам подошел священник.

— Пойдем, Мария, там матушка постного супчика приготовила… Пойдем-пойдем… — он взял ее под руку, а на меня посмотрел вопросительно: — Извините, молодой человек, не нужно ее ни о чем расспрашивать, у нее может приступ получиться, неотложка от нее опять откажется, мы с протоиереем в прошлый раз едва отмолили. Ум у нее уже боль не воспреемлет, а вот сердце…

— Извините, — смутился я, — я не хотел… — и поторопился уйти.

Уж не праздное ли любопытство действительно меня сюда привело?!

— Это не чудо, это горе, — шепнул мне батюшка, напоследок взяв меня за руку.

Теперь уже я посмотрел на него внимательно, также, как он, когда незаметно подошел к нам. Он был одного со мной возраста, и только негустая вьющаяся борода придавала его лицу благородную стать, прибавляла лет, а вот глаза источали такой покой, будто он живет не первую жизнь и все уже о ней знает. Не было в них и капли влажной суеты, которая начиналась за воротами храма. И ведь нельзя было сказать, что он просто принимал мир таким, какой он есть. Просто не было в его глазах обозначенного порыва что-то переделать в этом мире, как, например, у меня. И не было наверное потому, что он, в отличие от меня, занимался этим каждый день… Он это делал!

Две молодые девчушки из тех, что недавно закончили школу, вместе со мной вышли из храма, громко переговариваясь.

— А батюшка-то здесь какой красивый. Он на меня как глянул – у меня дрожь по всему телу!

— Красивый, — согласилась вторая.

Интересно, какие слова он найдет для них?

В наше время попасть в переделку также просто, как проснуться утром и осознать, что сегодня в твоем семейном бюджете нет денег даже на хлеб. И потом еще месяц, а то и больше просыпаться с той же самой мыслью.

Я, как это принято комментировать в детективных фильмах, оказался не в то время и не в том месте, а точнее – просто зашел поздно вечером к товарищу, которого не оказалось дома. И жил он вовсе не в трущобах и не на окраине, хотя и не в центре города, а в обычной типовой пятиэтажке хрущевского образца. И когда я отвернулся от встретившей меня молчанием двери, раздались выстрелы. Стреляли из окна подъезда и с улицы. В течение минуты по матеркам и крикам, доносившимся сверху и снизу, я смог разобраться, что идет перестрелка между милицией, которая пытается штурмовать подъезд, и бандитами, которые не успели покинуть этот дом до появления блюстителей порядка.

Я стоял на уровне окна второго этажа. Из окна третьего этажа отстреливались двое. Причем, один из них уже побывал на пятом и определил, что чердак заколочен и путей к отступлению у них нет. Он же собирался спуститься на второй, где находился я, чтобы вести огонь оттуда. Сколько милиционеров и омоновцев штурмовали подъезд, я мог только догадываться по вспышкам выстрелов из темноты кустарников близ дома.

Положение было дурацкое. Пристрелить меня могли как те, так и другие. Бандиты – потому что я оказался не в то время и не в том месте,

а милиция – потому что сначала выстрелит, а потом спросит, кто идет. Можно, конечно, было спуститься вниз и оттуда подать голос. Мол, не стреляйте, я тут случайный прохожий. У меня даже паспорт есть. Но сама мысль об этом вызывала у меня отвращение. Я представил себе, что первый омоновец, в руки которого я попаду для установления моей личности, будет смотреть на меня как на жалкого интеллигентика, небрежно подтолкнет в спину со словами «свободен», а то еще и добавит «шляются тут всякие». Он-то занят мужской работой, а я?

А мне оставались секунды, чтобы принять какое-либо решение. О том, чтобы постучаться в чью-либо дверь, я даже не думал. Двери были мертвее, чем в тех случаях, когда за ними нет хозяев. Незаслуженно ругнул друга, которого действительно дома не было.

Вот так и стоял, не испытывая ни страха, ни мужества, чтобы предпринять хоть какой-то шаг. И вовсе не тянулись секунды вечностью, как это принято описывать, они вообще не тянулись. Может, за пулями гонялись. Одна из них влетела со звоном и в мое окно и ойкнула по стене. Кто-то из милиционеров выстрелил в мою тень. Уж если им моя тень не понравилась!..

Я не слышал ничьих шагов. Только было чувство, что сквозь сумрак подъезда, где еще до перестрелки не было света, ко мне кто-то подошел. Это была мама-Маша. Можно было написать, что она явилась прямо из воздуха, но я этого не видел. Какая-то легкая улыбка и одновременно забота угадывались на ее лице.

— Вот видишь, поэтому тебя и убьют на войне, — шепотом заговорила она, — тебе стыдно даже пощады попросить, спасаться стыдно.

А я не испытал ни удивления, ни страха. Лишь снова подумал о том, почему же мне хочется узнать о ней больше.

— Пойдем, там в тамбуре дверь в подвал открыта, через него можно в другой подъезд перейти, — позвала она, даже за руку потянула и мне показалось, что рука ее настолько легкая, что прикосновения ее я не почувствовал. Подумалось задним умом что-то о привидениях, но слишком уж не вязался образ мамы-Маши ни с какими фантомами и прочими сверхъестественными явлениями. Наоборот, казалось, приведет она меня сейчас за дверь ближайшей квартиры и усадит на кухне пить чай с домашними пирогами. Будет расспрашивать о работе, о жене, еще о чем-нибудь обыденном и привычном.

И совсем не было в ее усталом взгляде никакого безумия. Будто пришла мама забрать своего загулявшегося допоздна во дворе великовозрастного сыночка. Пожурит вот еще.

С этими мыслями, прижимаясь к стене, я спустился следом за ней. Дверь подвала в тамбуре действительно оказалась незапертой. И, что действительно вызвало у меня удивление, над выщербленной лесенкой, ведущей в сырую глубь подвала, горела облепленная паутиной лампочка. Словно с тех пор и горела, когда не скупилось на них домоуправление, а упивающиеся своей солидностью домкомы специально проверяли их наличие во всех жизненно важных объектах.

Все это время мама-Маша шла впереди, приостанавливала меня, не оглядываясь, рукой, если следующий шаг ей казался опасным. В одной из комнат подвала она повернулась ко мне лицом.

— Ты, Сережа, лезь лучше в это окошко, на другую сторону дома, там безопаснее. От известки-то отряхнешься. И еще… — она посмотрела на меня тем же взглядом, что и священник. – Не надо обо мне писать.

И не успел я спросить почему, ответила:

— Другие матери подумают… Помнишь, я тогда в храме сказала… Подумают, что раз мой Алешка погиб, я и другим того же желаю… А мне всех жалко.

— Но ведь Вы правы! Для чего же тогда еще мужчины нужны? Если б в сорок первом матери своих парней по подвалам и под лавками прятали!..

— И такие были, и сейчас есть. А ты лезь в окошко. Будут весь дом потом осматривать.

И я через трубы, тянущиеся вдоль стены, стал выбираться в тлеющий светом уличных фонарей квадрат подвального оконца. Вылез, отряхнулся, наклонился, хотел позвать маму-Машу и в тот же миг понял, что ее там нет.

Утром, не завтракая, я отправился в Крестовоздвиженскую церковь. И все казалось, опаздываю куда-то. На этот раз пришел, когда служба еще не началась. По залу сновали старушки, протирали везде пыль, хотя я уверен, что после вечерней службы они делали то же самое. Постояв с минуту в нерешительности, подошел к церковной лавке и спросил женщину, которая там аккуратно раскладывала книги и свечи.

— Скажите, сюда женщина часто приходит, в зеленом пальто… Босая… Марией зовут… Будто бы не в себе…

— Вы не знаете? Она ж три дня как от сердечного приступа умерла…

Какая-то жуткая пустота ворвалась в мою душу, темная и холодная. Безысходность какая-то. Опять же не испуг, не страх,

даже и не боль, а усталость печальная. И не отчаяние, но и не смирение. Даже и не знаю, как назвать такое чувство.

Я заказал молебен за упокой и взял несколько свечей. Когда стоял у образа преподобного Сергия Радонежского, на миг показалось мне угловым зрением, что взглянула на меня со стороны мама-Маша. Так явственно показалось, что повернул отяжелевшую голову. И… встретился с немного печальным, светлым взглядом Богородицы.

Уже на выходе из храма столкнулся с тем самым батюшкой. Хотел остановить его, рассказать о том, что со мной произошло, но мы только обменялись взглядами. Я понял, что он и так знает.

Весна снова опомнилась и приступила к исполнению своих обязанностей. Ярко-желтый, как на детском рисунке, луч солнца пробил серую вату облаков и озолотил купола. В окнах домов заиграли веселые блики. Просвет в облаках с каждой минутой становился все больше, точно силы света раздвигали стальные облачные оковы. Я залюбовался этим зрелищем.

Ее Алешка сейчас в воинстве архангела Михаила. А где она сама?

Горноправдинск.
1999.

КЛАДБИЩЕНСКИЙ ПЕС ЛЁЛИК

«...Поколение за поколением неспешной чередой тянутся в могилу, оставляя все дела и заботы. И нас хотят уверить, что служение этим делам и заботам само ради себя способно не только наполнить, но и осмыслить жизнь. Эта религия человечества есть какая-то кладбищенская философия».

(о. Сергий Булгаков. Соч. Том 2, стр.146)

Леликом его нежно называла жена. Мать же назвала его Алексеем. По отцу он был Иванович, а по фамилии Меркушев. Кладбищенскими псами их называли горожане...

По огромному городскому кладбищу Лелик неразлучно ходил с лопатой и когда не было работы, метал ее, как дротик, в специально выбранный для подобных упражнений ствол дерева. Лопату он уважал и ухаживал за ней, как воин ухаживает за своим оружием. Остра она была как бритва, а черенок ровный, словно литой.

Кроме метания лопаты в свободное время Лелик бродил между могил, читая надписи, раздумывая о земной жизни и о жизни загробной, останавливался у какого-нибудь надгробия, показавшегося ему интересным, пытался представить себе жизнь кого-либо из усопших и не переставал удивляться: в десяти километрах от этой вязкой тишины, сквозь которую даже ветер крадется, шумит живой город, а здесь? Здесь – город мертвых. Уже, наверное, превосходящий по своей численности город живых. Есть здесь свой исторический центр, есть новостройки, наступающие на пригородный бор...

Ох уж это наступление! Пять лет назад Лелик и представить себе не мог, что корни деревьев такие длинные и такие сильные. И рука не поднимается их пилить, если того требует работа. Этим обычно занимается Микрун. Он после стакана водки все может, а за стакан с любым покойником в уста лобзаться готов. Работник из него никакой — кряхтеть только, но держат его в бригаде именно для черной работы. Хоть и не часто эксгумации, но туда, даже не спрашивая никого, Микрун идет. Мужики отроют, а Микрун после стакана гроб, если от него что осталось, вспарывает...

Семь лет назад Алексея Меркушева, как и многих его соотече-

ственников, сократили из Института проблем освоения Севера, но так как с Севера податься ему и его семье было некуда, он стал изучать эти проблемы на бытовом уровне. С год мыкался, работу искал, перебивался случайными заработками, челночил. Еще год батрачил у друга в коммерческом ларьке, но не по нутру ему это было. Обозленная безысходностью душа запросила вдруг покоя и безлюдья. Надоела ей тупая бессмысленная суета, да совсем-то от нее не уйдешь. А тут встретил одноклассника своего — Бахрушина, тот и позвал с собой, на кладбище. Как раз друг и собутыльник Микруна умер, замена требовалась. Взяли с испытательным сроком на три месяца... Платили прилично да еще и от каждых похорон родственники усопшего доплачивали. Гроб им переставь, на полати опусти, заколоти... Это уже в обязанности кладбищенских псов не входит. За это отдельные деньги и отдельные бутылки.

Ох и наломался в эти первые три месяца Лелик, уставал до смертного пота. Именно смертного, потому как весь воздух на кладбище пропитан сладковатым запахом смерти. Не всякий его долго выносить сможет. Тошновато. Лелик смог. Но запах его собственного пота тоже теперь был смертным. Смирилась с ним и жена. Главное – семья в достатке.

Бригадир Иван Степанович Колесов — обстоятельный мужик лет пятидесяти — Лелика уважал особенно. Все никак не мог понять, как удается Меркушеву совмещать высшее образование с гробокопательством и быть при этом одним из самых выносливых и безотказных работников.

— Я в армии служил, — как бы оправдывался первое время Лелик, но остальных это мало волновало. Раз лопатой не хуже других ворочаешь, оградку починить можешь, водки стакан хлобыстнуть, на морозе кайлом махать – значит свой. И не важно, в каком балете ты до этого выступал. И не косился на него никто, когда в свободные минуты он вместо картежной игры или винопития бродил по кладбищу или забирался на гору автопокрышек, что скрупулезно собирали со всего города «для отопительного сезона». Спрашивали иногда, чем он там на этой резине занимается.

— В небо смотрю, — не скрывал Лелик.

— Это правильно, — признавал бригадир, — мы ж больше носом в землю, а в небо взглянуть – не по уму нам. В небо поэты и художники смотрят!

— Зато вся сила от земли! – возмущался Микрун.

— Это так, — соглашались все, в том числе и Лелик. Каждый из них себе столько силы из этой земли накопал, что на спор с незнающими мог порвать колоду карт.

Володя Бахрушев, который попал на кладбище сразу после школы «по семейному подряду», сменив ушедшего на пенсию отца, сюда же вернулся после армии. Тогда над ним посмеивались, а он не обижался. Кто-то и могилы копать должен. И в свою очередь ни над кем не посмеивался, когда перестроечными ветрами посдувало однокашников с научных кафедр, от кульманов, из общественных приемных. Для некоторых из них он собственноручно рыл «два на полтора».

Особой дружбы с Лешей Меркушевым у него не было, но когда встретил его в городе, ошивающегося возле биржи труда, не преминул представить его бригадиру, а недоверие последнего насчет интеллигентства развеял своим поручительством. И за это предстательство Лелик был благодарен Володе уже пять лет, но дружбы у них так и не получилось. Каждый из них был по-своему нелюдим. Лелик от одолевающих его размышлений о мироустройстве, Володя — от ранней житейской мудрости.

И только они двое бесплатно помогали строить возле кладбища часовенку. Остальные — за деньги. Почему отказались от денег, ни тот, ни другой объяснить не могли. В церковь они не ходили, платой от родственников усопших не гнушались, а вот за часовню денег не брали. В бригаде на них за это не роптали, не хотят – и не надо. Священник, который руководил работами и привозил сюда на автобусе богобоязненных мирян на субботники, часто любовался, как они в паре делают кладку или готовят раствор. И все молча. Однажды не выдержал, подошел к ним и сказал зачем-то:

— Хорошие вы ребята, вот только богоискательства в вас нет…

Они промолчали. Но Лелик потом еще долго размышлял, лежа на автомобильных покрышках, над словами отца Сергия.

Действительно, нет-нет да выплывало с самого дна души безразмерное чувство пустоты. Вроде и есть все, что необходимо, дома все здоровы, дочки в школе учатся, хорошо учатся, жена не ропщет, деньги есть не только на одежду и еду, но и на любимые книги, в прошлом году даже в Сочи их возил… Есть все и нет ничего… Чего-то самого главного нет. И пустоту эту стаканом да и бочкой водки не зальешь. Но и думать о ней некогда. Вон внизу жизнь летит – от лопаты к лопате, от могилы к могиле и кончится когда-то могилой собственной. А там что – тоже пустота? Тьма? И даже противного вороньего голоса над головой не услышишь?

Окликнет бригадир, и все эти мысли останутся лежать на покрышках, может, ветер унесет их в подпираемое соснами небо, а Лелик спрыгнет обратно на грешную землю, включится в нем некий особый механизм, превращающий человека в бездумный эк-

скаватор, и время будет измеряться кубами сыроватой кладбищенской земли и глины. Вечером же от усталости, кроме телевизора, журнала или книги ничего видеть не хочется. В дневники дочек заглянет только для проформы и все время боится, что когда-нибудь им придется писать сочинение на тему «Кем работает мой папа» или «Папина профессия».

Так бы и тянулась эта жизнь, вперемешку с могильной землей, тихим воркованьем жены по вечерам, щебетаньем дочурок… И ничего более радостного ждать даже и не хотелось. Где уж там. Над всей страной непроницаемая пелена жуткой тьмы, безысходности, безбудущности. Год от года она становится плотнее и ядовитее, отчего хочется забиться в свой мирок, сделать его бомбоубежищем и ничего уже не знать о нашествии темноты, о непонятно зачем нужных займах у всяких там фондов, о наглеющей развращенной Америке, о СПИДе, об убийствах на каждом шагу… И уж кому-кому, а Лелику о наступлении этой темноты известно больше, чем кому-либо. Он измеряет ее ямами. И не закрыться от нее ни за какими стенами, она всепроникающа, она сочится сквозь стены и окна, она сквознячком струится под двери, она давно уже сидит внутри каждого человека.

Хоронили двадцатилетнюю девушку, убитую в подъезде собственного дома. Историю ее кладбищенские псы узнали из тихих разговоров провожающих и надрывного плача родственников. Стояли чуть в стороне, ждали когда закончится прощание, все равно им гроб опускать. Каждый из них оградил себя изнутри невидимой стеной напускного безразличия. Иначе нельзя – душа не выдержит, переполнится чужим горем и не сможешь больше здесь работать.

И день-то такой весенне-пронзительный. Небо чистое до бездонности, нежный теплый ветерок разносит запах первой травы. Жить да жить. Лелик стоял чуть в стороне от остальных, стараясь не смотреть в мраморное, даже после смерти красивое лицо покойницы. Зато ловил недружелюбные взгляды родственников и близких, словно кладбищенская бригада виновата в смерти этой девочки. Чтоб выглядеть независимее и спокойнее, сорвал на обочине дороги травинку, сунул в рот. А потом и вовсе отвернулся, словно еще чего не видел в этом городе надгробий. Но нет-нет да оборачивался, чтобы не пришлось его звать, просить о помощи, от этого люди еще больше их ненавидят, считают, что они на чужом горе наживаются. Понаживались бы сами…

Мать все никак не отходила от гроба, все звала свою Юленьку, а остальные уже нетерпеливо переминались с ноги на ногу: быстрей бы и это горе в землю. Микрун подсуетился, и более

дальние родственники под его наигранные причитания оттащили мать под руки. Кладбищенские псы вышли на исходную.

Далее все как по нотам. Удары топора, вгоняющего в крышку гроба гвозди, спугнут ворон с ближайших деревьев, скользнут с натруженных плеч длинные полотенца, выбьет на крышке первую дробь первая горсть земли, и снова наступает время лопаты. Обратно земля идет намного легче. Установили памятник-времянку, отошли в сторону.

— Слышь, пес, вы могилки-то когда снова откапываете?

К Лелику никто и никогда так не обращался, и он даже не отреагировал. Но обращались все-таки к нему:

— Я же тебе говорю, синявка! Небось, золотом покойницким не брезгуете?

Наконец Меркушев рассмотрел справа от себя бритоголового парня: нос картошкой, широкие скулы, красные рыбьи глаза, в которых перемешались пренебрежение, ненависть и мнимое горе. Мнимое – потому что чувствовать он умеет еще хуже, чем кладбищенские псы, раз положено горевать – вот и горюет. Живет по придуманным самим собой и такими, как он сам, правилам.

— Чего? – на всякий случай переспросил Лелик.

— Если в Юлькину могилу полезете, сами для себя рыть будете, — прошипел бритоголовый.

И впервые в жизни Лелик сначала сделал, а потом уже подумал. Включился в нем, что ли, экскаватор? Но только со всей силы, что могла протечь вдоль его правой руки в одно мгновенье, да еще с разворота, саданул он по квадратной челюсти бритоголового, и тот, словно набитая опилками кукла, полетел головой вперед, а приземлился в свежевырытую рядом могилу. «Символично», — подумал Лелик, а уж потом услышал:

— Да что же это такое!?

— Игорек! За что он тебя!?

— Вот псы паскудные! Мало им того, что на чужом горе наживаются!

— И откуда такие ироды берутся!

— Правильно… Нормальные-то люди сюда работать не пойдут… Надо на них в суд подать!

— Лучше по мордам!

Кто шептал, кто кричал, женские голоса перемешались с мужскими. Только сейчас Лелик заметил, что бригада, собрав инструмент, удаляется в сторону балка, где размещался их штаб. Никто из ребят даже не возразил.

Игорек тщетно пытался вылезти из ямы, матерясь на чем свет

стоит, обещая разнести всю эту похоронную контору, а Лелика закопать прямо сейчас и здесь живьем. Лелик посмотрел на него с победным безразличием и, закинув лопату на плечо, двинулся следом за командой. Даже насвистывать зачем-то начал. А может, не за командой, за сворой? Псы же все-таки? А эти пусть сами оградку вкапывают. Хоть руками.

В балке молча выпили по стакану. Иван Степанович, взглянув на Меркушева, только вздохнул: чего уж теперь. Только Микрун вслух разрядил ситуацию:

— Ну вот, две пол-литры мимо горла и четвертной мимо кармана...

— А я бы еще и сам заплатил, чтоб этому мордорылому по лбу дать, — рыкнул Бахрушин, — я слышал, что он там Лехе шептал.

Дома Меркушев жене ничего не рассказал. Как обычно, принял душ, поужинал, проверил уроки дочек и устроился у телевизора. Он не сказал ничего, но Марина все же рассмотрела в нем что-то странное. Села рядом, но долго не знала как и о чем спросить. Наконец собралась:

— У тебя ничего не случилось? Трудные похороны?

— Трудные... Девчонку молодую хоронили... Как живая в гробу... Уж, кажется, сколько я таких перевидал... Вроде, и привык уже, а все равно... — и не договорил.

Жена понимающе вздохнула. Помолчала, обдумывая услышанное.

— Лелик, может, тебе оставить эту работу? – осторожно спросила, знала, что вопрос этот болезненный, боялась обидеть.

— Другой-то ведь нету, да и к нам – очередь. Скоро по конкурсу принимать будут.

И все... Поговорили. Дальше жизнь снова потекла, просеиваясь через комья коричневатой земли.

Но какое-то неприятное чувство, холодок в душе остались. Вспоминалось, правда, лицо Юленьки, но не в гробу, а живое, но вот квадратную морду Игорька Меркушев вспомнить не мог. Ничего, кроме ежика волос на макушке и массивных челюстей, произносящих угрозы. Глаз у него словно и не было.

Летом вдруг началась зима, в июне сначала выпал снег, настоящий, а уже через десять дней полетел над городом тополиный пух. И если снегом пух не назовешь, но то, что из него получалось на городских улицах, очень походило на сугробы. Но сугробы эти из-за баловства мальчишек то тут, то там вспыхивали разбегающимися во все стороны огненными ручейками, доставляя нешуточные хлопоты пожарным.

А вот на кладбище, где гудел свою поминальную песню со-

сновый бор, было все также тихо и спокойно. Еще с радоницы аллейки и все закуточки были прибраны, мусор вывезен или сожжен, а похоронных оркестров здесь никто уже и не помнил. Немногих еще хоронили по-христиански, но и от пресных гражданских панихид тоже отказались. Да и нечем было платить заунывно фальшивящим пьяным трубачам. Этой музыки Лелик с детства не выносил. Лучше железом по стеклу! Да и то сказать: жмуру все равно, а как только начинал звучать траурный марш, родственники переходили на истеричный рев, отчего смерть казалась самым страшным явлением в этой жизни и хотелось читать фантастические рассказы, где ученые разработали и пустили в производство эликсир бессмертия. Или инопланетяне им поделились с земными братьями по разуму. Это уж потом Лелик понял, что смерть – это не самое страшное, что может случиться с человеком, но музыку похоронную ненавидел еще больше.

На сороковой день, как и положено, родственники и близкие Юленьки появились на кладбище. Кладбищенские псы, будто по команде, забились в свою конуру. Иван Степанович заметно нервничал, опасаясь, видимо, новых инцидентов. Даже глаза разъедало от его бессменной омской «примы». Но зря волновался.

В балок вошел неказистый мужичок, ломая в руках старорежимную шляпу. По виду – из бывших совслужащих. Некоторое время мялся на пороге. Его словно не замечали. Так в бригаде положено. От этого цена услуг возрастает.

— Мужики, вы извините, — несмело начал он, — мы тогда не правы были, погорячились… И все поняли, что речь идет о той самой Юле. — Парень этот, он вроде как ее парень. Он и не в себе был, Игорь-то, да и живет он по правилам, по которым вся эта нынешняя братва живет. В общем, не серчайте…

И уж совсем смял свою шляпу. Исподлобья пытался заглянуть мужикам в глаза, увидеть их реакцию. Но реакции никакой не было, мужикам было все равно.

— Так я вот что, я по делу. Времянку заменить надо и оградку покрасить…

— С этого и надо начинать, — рассудительно вздохнул Иван Степанович, наконец затушив свою сигарету.

— Нет! – вздыбился Микрун. – Начинать надо не с этого!..

— Понял! – оживился мужик и тут же юркнул обратно в дверь, но уже через пару секунд снова стоял на пороге с авоськой, в которой призывно позвякивало. – Меня Леонид Семенович зовут…

Стало ясно, что он пришел сюда заранее подготовленный к благоприятному повороту событий. Микрун просветлел:

— Вот это деловой подход, осталось договориться о бумажной сатисфакции, — откуда только слово такое выкопал.

— Как скажете, мужики, — заранее согласился на все условия Леонид Семенович.

— А скажем мы так… — Иван Степанович отвел заказчика в сторонку, словно стоимость услуг была для остальных тайной. Но сделал он это, исходя из тех же неписаных правил.

Памятник с помощью автокрана, нанятого Леонидом Семеновичем, установили быстро. Огромный гранитный монумент с изображением Юлечки, как небоскреб, поднялся среди скромных деревянных крестов. Не на ту улицу встал этот последний дом. Ушли в балок, ожидая, когда закончат поминать, уж потом решили красить оградку. И с непривычно массивной чугунной оградкой, больше похожей на забор какого-нибудь административного здания, провозились неожиданно долго, слишком много было на ней витого литья.

На закате сидели в балке, расписывая работу на завтра. Услышали, как скрипнули тормоза автомобиля, но не обратили внимания. Только Микрун и прислушался: вдруг еще что-нибудь обломится.

Обломилась тишина, и в железную дверь вагончика вместе со звуком близкого выстрела ударила картечь.

— Ой-йо… — прокомментировал Иван Степанович. — Никак рэкет пожаловал. Так они, вроде, все уже в городе решили. В конторе.

Действительно, вокруг прибыльной фирмы «Бюриус» (бюро ритуальных услуг) очень долго велась война за крышевание, но работяг она никак не касалась. Напротив, братва всех бригад относилась к ним с должным уважением, особенно к кладбищенским псам. Потому как каждый из них в любой момент мог стать продолжением так называемой «аллеи героев», где стояли вычурные памятники авторитетов, а на некоторых кроме имен были нанесены даже клички. И почти на каждом — претендующая на звание крылатого выражения эпитафия. Единственное, что отказались делать кладбищенские псы для братвы всех калибров – хоронить «без вести пропавших». Да те и не настаивали. С разного рода общаков даже выделялись специальные суммы на то, чтобы на этой аллее всегда был образцовый порядок. И эта улица мертвого города была единственным местом, где они не стреляли друг в друга. Ни живые, ни тем более мертвые…

Дверь открыли пинком. На пороге стоял огромный детина в кожаном плаще с помповым ружьем наперевес. Словно только что сбежал из боевика. А вот за его широкой спиной маячил эк-

земпляр поменьше, хотя и не менее свирепого вида, в котором мужики узнали побывавшего в могиле Игорька.

— Который, бля? – спросил «плащ», осматривая пустыми от ненависти глазами претендентов на заряд картечи.

— Да вон, в хэбэ, — показал Игорек, и в глазах его тоже полыхнули безумные искры.

Сразу стало ясно, что в крови у них гуляет изрядная доза какого-либо наркотического вещества, на свой страх и риск перемешанного с алкоголем.

Лелик не испугался. Просто не успел. Под ноги ему лег густой плевок картечи. Чудо, что рикошетом никого не задело.

— Пшёл! – этак даже не все помещики с крепостными общались.

Этим «пшел» «плащ» снял Лелика с предохранителя. Смерти он не боялся, но принимать ее из рук такого омерзительного существа!.. В этот раз его действия были осознанны и четко выверены, ибо малейшая ошибка в движениях могла стоить жизни не только ему, но и его товарищам, которые, надо отдать им должное, труса не праздновали, а смотрели на явление сумасшедших мстителей со спокойной ненавистью. Каждый из них уже прорабатывал собственный план избавления от этих уродов, даже, наверное, могилку наскоро в уме вырыл, но Лелик опередил всех.

Вместе с броском лопаты Меркушев упал на пол, и, как оказалось, не зря. Тело плаща уже без головы выстрелило и даже попятилось и только потом, когда ноги запутались, повалилось на бок. Ошарашенный Игорек только мгновение оценивал ситуацию, а потом бросился к стоявшей поодаль иномарке. Лелик за это мгновение прокрутил в голове дальнейшее развитие событий с продолжающейся вендеттой и прочими жуткими неприятностями, и решил, что ни он, ни его семья, ни вся их бригада не заслуживают этого. Через несколько секунд его лопата догнала беглеца.

Потом он вернулся к столу, на котором лежала пачка пресловутой «примы», и в первый раз в жизни закурил, присев на лавку. Первым опомнился Микрун и еще раз удивил окружающих своими неожиданными познаниями.

— Ты Леха это, ты – Майн Рид! – определил он.

— Ты не в спецназе служил? – спросил Иван Степанович.

— В стройбате…

Совещание по поводу соответствующих почестей погибшим было кратким. Решили вырыть им братскую ямку недалеко от «аллеи героев». Перед этим внимательно осмотрелись – посторонних глаз не было. Машину Бахрушин взялся отогнать подальше и там сжечь. О милиции никто даже не вспомнил, потому что никто из

них не хотел продолжения всей этой истории. Лучше уж быть соучастником превышения самообороны. Микроавтобус, приезжавший ежедневно за ними из «Бюриуса», отправили, сославшись на срочную шабашку. Закончили со всем этим уже в полной темноте, но еще долго не хотели расходиться. Просто молча сидели в балке или произносили ничего не значащие в таких случаях фразы. Потом кто-то первый вспомнил, что дома, вроде как, тоже ждут. Выпили по стакану водки. Не от стресса, а чтобы оправдать свою задержку перед домашними. Даже профсоюзное собрание придумали, на котором Микруна в шутку выдвинули лидером. И разошлись.

Когда Лелик вернулся домой, Марина и дети уже спали. Он принял душ и, не поужинав, тоже лег. Утром его разбудила жена.

— Алеша, что с тобой? – в первый раз за долгие годы она назвала его по имени.

Лелик не открыл глаза и не ответил, потому что сам не знал, что с ним. Кошмары ночью не снились, спал, как убитый, нигде не болит…

— Лелик, ты слышишь меня?! Ты седой!

— Ладно хоть не рыжий, — попытался отшутиться он, но когда открыл глаза, понял, что серьезного разговора с женой не избежать.

— Ты что, опять страшную смерть видел?

— Свою…

Пока Меркушев рассказывал, Марина плакала. Он прижал ее к себе и даже убаюкивать начал, а она то и дело навзрыд причитала:

— Ты все правильно сделал, Лелик… У тебя другого выхода не было…

— Да любой решит, что правильно, — согласился Лелик, — не я их, так они меня. Отпусти я второго, он бы не унялся. Так что все правильно, только вот все мы неправильные стали. И те, что приходили, и я…

На немой вопрос в заплаканных глазах жены он ответил, уже собираясь на работу:

— Богоискательства в нас нет… — и тут же подумал, имеет ли он право рассуждать об этом после всего, что с ним произошло. Замер и сам себя спросил вслух: — Странно, совесть не мучает и страха никакого нет. Это от беспредела нашего нынешнего. Я вот все думаю – ради чего мы живем? Особенно сейчас… Что с Россией-то сделалось? — Вздохнул горько. — Может, в милицию пойти? Пусть судят?

Пусть Он судит…

Горноправдинск,
1999.

БИБЛИОГРАФИЯ ОПУБЛИКОВАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КОЗЛОВА С. С.

1. Рассказ «От Я до А». — «Тюменская правда», 1989.
2. Рассказ «Параллели». — «Тюменский комсомолец», 1989.
3. Рассказ «Ночь перед вечностью». — «Литературная Россия», 15 сентября 1995 г.
4. Рассказ «Огненный тракторист». — «Литературная Россия», 9 августа, 1996 г.
5. Рассказ «Крик души». — «Литературная Россия», 31 января 1997 г.
6. Рассказ «Дежурный ангел».— «Литературная Россия», 28 января 1997 г.
7. Подборка стихотворений. — «Литературная Россия», 19 июня 1998 г.
8. Рассказ «Участковый» (милицейская утопия). — 3 апреля 1998 г.
9. Рассказ «Адиафора», — «Мир Севера», № 4, 1998 г.
10. Подборка рассказов. — альманах «Эринтур», № 2, 1997 г.
11. Стихи. — альманах «Эринтур», № 3, 1998 г.
12. Повесть «Русский Фауст». — «Приключения и Фантастика», № 2, 1995 г.
13. Повесть «Репетиция апокалипсиса». — «Приключения и Фантастика», № 1, 1998 г.
14. Рассказ «Параллели». — «Приключения и Фантастика», № 6, 1998 г.
15. «Облака» (приметы внутреннего сгорания). — «Литературная Россия», 50, 11 декабря 1998 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отражение 5
Глава первая: Тайна рождения. Семен 6
Глава вторая: Степан 27
Главая третья: Семен 49
Глава четвертая: Ольга 67
Глава пятая: Натали-Наташа 80
Глава шестая: Земля Павлова 87
Глава седьмая: Где ходят чужие? 101
Глава восьмая: Поговорим, брат? 108
Глава девятая: Сварожичи 115
Глава десятая: Тени Демиурга 123
Глава одиннадцатая: Гамбит Маккаферти 129
Глава двенадцатая: Торсионный генератор 141
Глава тринадцатая: Alter ego-2 153
Глава четырнадцатая: Земля Павлова-2 164
Глава пятнадцатая: Alter ego-1 175
Глава шестнадцатая: Тайна беззакония 181
Начало главы семнадцатой 190
Русский Фауст 191
Записка вместо предисловия 192
Часть I 195
Часть II 216
Часть III 230
Часть IV 252
Часть V 272
Репетиция апокалипсиса 285
И разверзлись хляби небесные 286
Много будешь знать, захочешь уйти в монастырь 295
Второе пришествие Ильи Муромца 302
Поди туда — не знаю куда. Найди то — не знаю что 309
Один в поле и не воин 317
Илья и Змей Горыныч 322
Деньги султана Мехмеда 1 326
Машенька 333
В осаде 338
Слава КГБ — золото КПСС 344
Репетиция апокалипсиса 347

Герои нашего времени *355*
Долгое пробуждение Драгоша *359*
Николай Чудотворец и Николай Мученик *364*
Шпионские страсти и богатырские забавы *369*
Ледоход *378*
Параллели (алкофантастика) *381*
Если нет сюжета *391*
От Я до А *399*
Огненный тракторист *405*
Ночь перед вечностью *409*
Крик души *415*
Дежурный ангел *421*
Участковый (милицейская утопия) *429*
Адиафора *439*
Метафизика любви (этюд) *445*
Возвращение *447*
Мама-Маша *457*
Кладбищенский пес Лёлик *467*
Библиография *478*

Сергей Сергеевич
КОЗЛОВ

НОЧЬ ПЕРЕД ВЕЧНОСТЬЮ

Главный редактор В. В. Струсевич
Художественный редактор А. В. Пивоваров
Оригинал-макет Р. К. Исмагилов

Издание подготовлено при содействии
Дизайн-ателье "ALEX FAND"

ЛР № 010249 от 22.10.97 г.
Сдано в набор 17.01.2000 г.
Подписано в печать 14.02.2000 г. Бумага офсетная.
Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Усл. п. л. 25,2.
Тираж 2500 экз. Заказ 446.

ГИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

99382004
Окружная библиотека